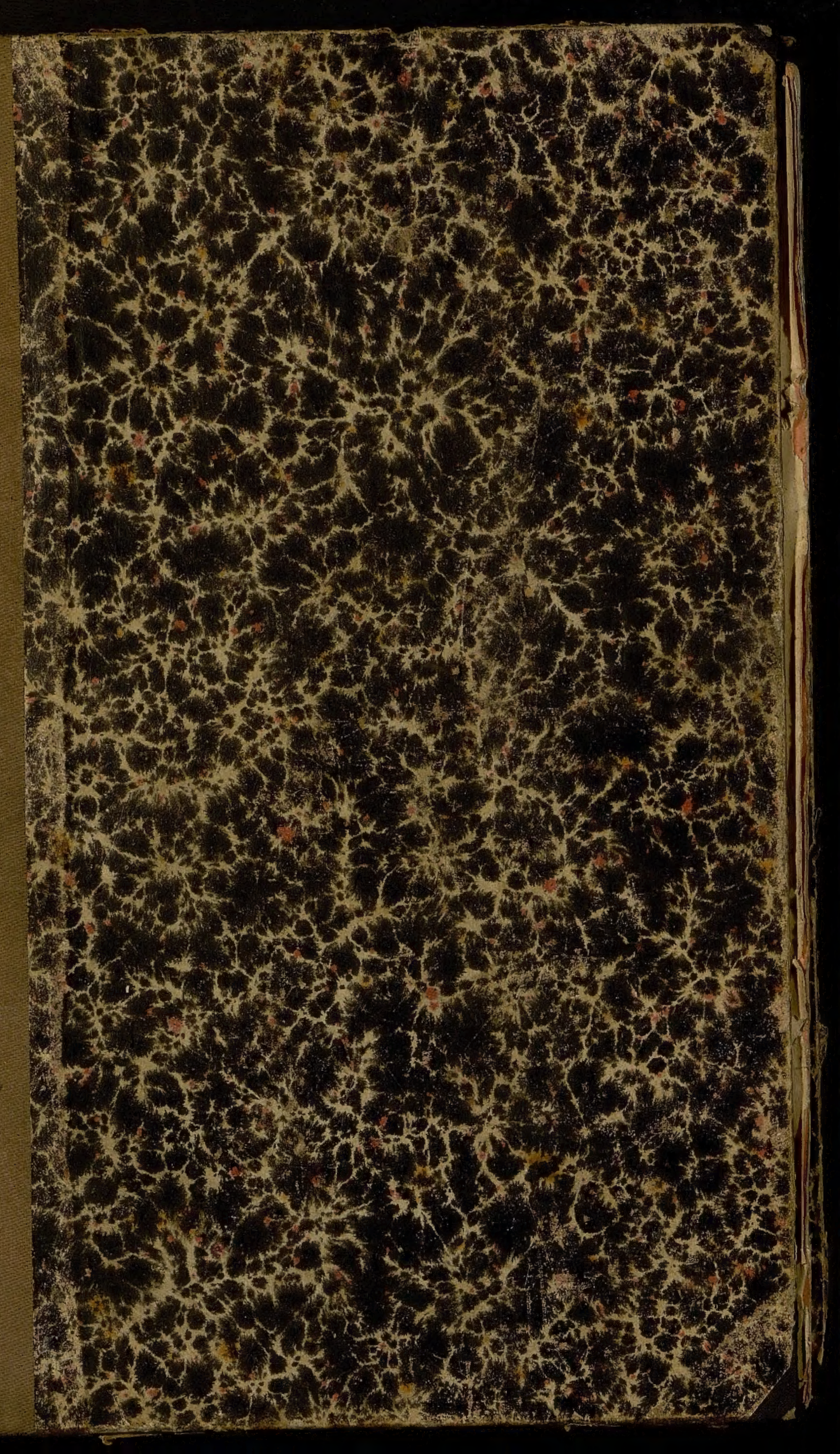
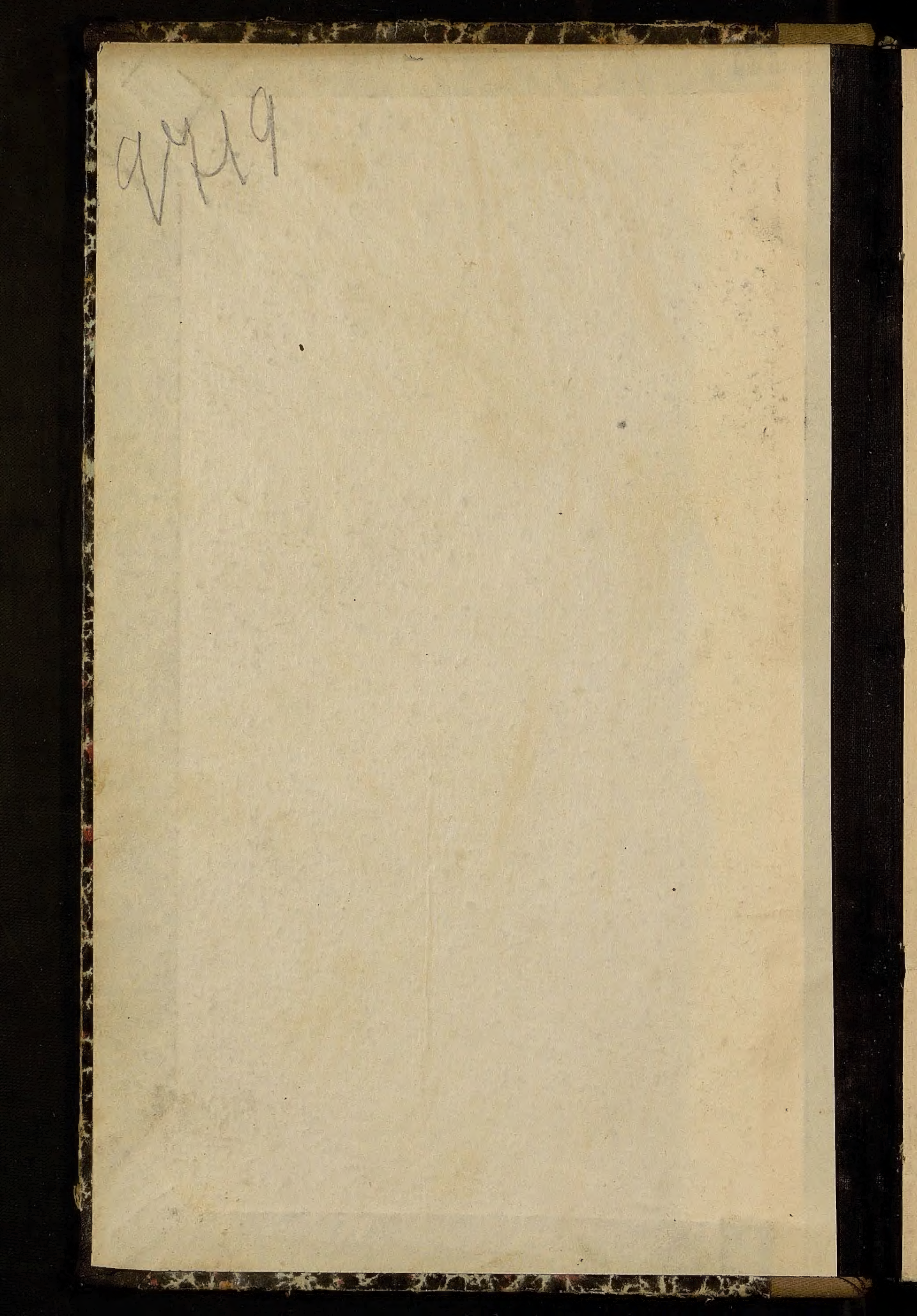

К.О.Б. Имени И.И. Лажечникова

20/VI
28/IX
221 22/XII
694 24/IX

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

25223
49 г

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. МАЙ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Владиміра Константиновича Луцкаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1904 года.
Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.
Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, № 39.
1904.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1904 года.

Библіографическій листокъ.

С. Н. Кологривовъ. Государева большая Шкатула. С.-Петербургъ. 1903 г.

Хранящіеся въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива министерства Императорскаго двора шкатульныя книги интересны въ томъ отношеніи, что даютъ намъ понятіе о всѣхъ драгоцѣнностяхъ, бывшихъ у царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича, а также и у членовъ ихъ семейства.

„Государева большая Шкатула" была особымъ учрежденіемъ, находившимся въ вѣдѣніи дьяка Мастерской палаты. Въ казнѣ этой Шкатулы хранились: перстни, запоны, каменье, жемчугъ и всякое узорочье, чарки, ковши и разная посуда, ширинки, панагіи, кресты и т. п. предметы, которые отличались какъ изяществомъ работы, такъ и цѣнностью матеріала. О многихъ вещахъ Шкатулы описи даютъ подробныя свѣдѣнія, заключающія въ себѣ, кромѣ описанія, и указанія, откуда онѣ поступили къ государю, или по какому случаю сдѣланы. Напримѣръ: „Перстень золотъ, съ финифты, а въ немъ алмазъ большой четвероуголенъ, граненъ, гнѣздо въ ногтяхъ; влагалище поволочено кожею черною съ золотомъ. Перстень золотъ, толстъ, наведенъ финифтомъ чернымъ, въ немъ яхонтъ лазоревъ, кругловатъ; на печати вырѣзанъ левъ; кругъ печати на золотѣ рѣзано письмо. А тѣмъ перстнемъ государю челомъ ударила царевича Ивана Ивановича царица Прасковья"; или: „запона золота болшая с ѳиниѳтомъ с чорнымъ к верху островатa, а въ ней в гнѣздехъ і в привѣскахъ восемьдесятъ четыре алмаза граненыхъ. Цѣна шесть сотъ рублевъ; влагалище поволочено бархатомъ червчатымъ. Запона золота с ѳиниѳты з бѣлымъ с чорнымъ з зеленымъ верхъ остръ косъ, а в ней в гнѣздехъ пятьдесятъ семь алмазовъ. Цена триста пятьдесятъ рублевъ, влагалище поволочено бархатомъ червчатымъ. 135 года апрѣля в 13 день государь отдалъ в приказъ золотаго дѣла Еѳиму Телепневу к золотой шапке. Взята назадъ в шкатулу".

О ширинкѣ, поступившей въ шкатулу 16-го января 1656 г., въ описи значится: „Ширинка низана жемчугомъ по круживу золотному плетеному таѳта бѣла накищена золотомъ же; принесъ ту ширинку отъ государя изъ хоромъ постелничій Михайло Олексѣевичъ Ртищевъ въ нынѣшнемъ 156 году генваря въ 16 день, а сказалъ: ся де ширинка государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи его государскіе радости".

Въ числѣ вещей, переданныхъ въ шкатульную казну въ 7157 году, между прочимъ, находимъ обручальное кольцо царя Алексѣя Михайловича. Вотъ самая запись: „Да въ нынѣшнемъ же во 157 году маия въ 21 де снесъ отъ Государя изъ хоромъ постельничей Михаило Алексѣевичъ Ртищевъ государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всея Руси обручальное кольцо золото съ ѳиниоты съ бѣлымъ съ червчатымъ съ зеленымъ съ лазоревымъ да чепь золота колобчата въ трубкахъ двѣнадцать изумрудцовъ да восмь искорокъ яхонтовыхъ червчатыхъ въ четь семнадцать золотниковъ скудно и то кольцо и чепь положены въ шкатулку съ перснями".

Въ шкатульныхъ книгахъ есть указанія и на то, куда изъ казны большой Государевой Шкатулы тѣ или иные предметы были переданы. Такъ, большинство мощей и другихъ священныхъ предметовъ изъ Шкатулы поступили въ Образную казну, т. е. палату: „Крестъ золотъ с мощами, а в немъ среди креста в гнездѣ камен яхонтъ лазоревъ, а на немъ вырезано образ Пречистые Бдцы, да на том же крестѣ рѣз с черною образ Спасов Еммануилов, образы Цря Двда, царя Соломона, мчника Димитрея Мчника Еоргия... крестъ и панагѣи взял крестовый дьякъ Іванъ Семионов в ѳбразную казну".

Шкатульныя книги, текстъ которыхъ напечатанъ въ разсматриваемой нами книгѣ, обнимаютъ періодъ времени съ 1627 по 1654 годъ.

Н. К-ш-ъ.

П. Шиловскій. Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. Спб. 1903 г.

Разсматриваемая книга есть сборникъ актовъ, относящихся къ вопросу о политическихъ правахъ Финляндіи. Въ ней приведены документы, которые приверженцами политической самостоятельности Финляндіи считаются за основы ея законодательства, а также и тѣ акты, на которые ссылаются противники этой доктрины.

Трудъ г. Шиловскаго состоитъ изъ введенія и пяти отдѣловъ.

Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены манифесты императоровъ: Александра I, Николая I, Александра II, Александра III и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича—о сохраненіи особыхъ правъ Финляндіи. Первымъ напечатанъ главнѣйшій изъ манифестовъ,—отъ 15-го марта 1809 г., данный императоромъ Александромъ I: „Божіею Милостію... Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимости и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего и сію Грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили. Въ городѣ Борго, марта 15-го 1809 г."

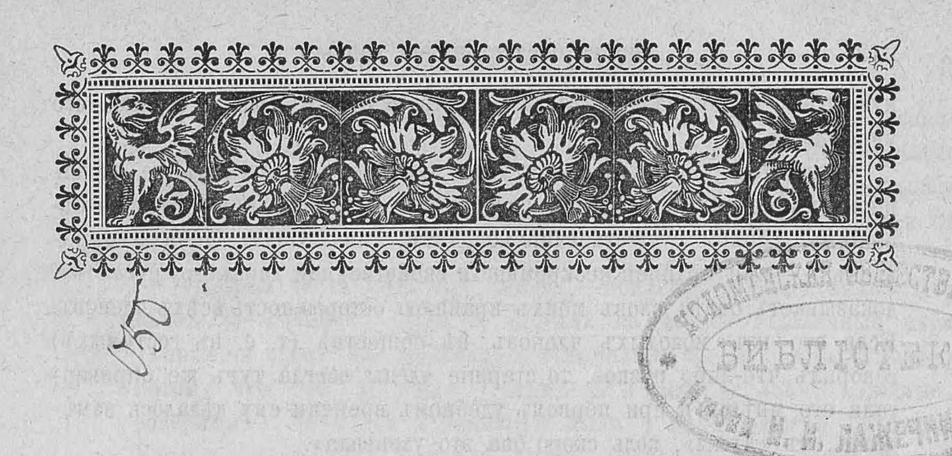
Ж рнальный фонд
Моск вской обл. библиотеки

Дозв. ценз. Спб., 20 марта 1904 г. Тип. Тов. „Общ. Польза“, Б. Подъяч., 39.

ВЛАДИМІРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ

ЛУЦКІЙ.

Послѣ отечественной войны.

(Изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка).

VII [1]).

Образованіе „Союза Благоденствія“.—Благотворительныя и возвышенныя цѣли, положенныя въ основу его устава.—Организація союза и обязанности его членовъ.—Возобновленіе вопроса объ освобожденіи крестьянъ.—Мнѣнія о томъ О. А. Поздѣева и В. Н. Каразина.—Рѣчь малороссійскаго генералъ-губернатора Репнина.—Отвѣтъ на нее князя Н. Г. Вяземскаго.—Неудовольствіе императора Александра.—Отъѣздъ его въ Варшаву.

Уставъ общества Союза спасенія оказался неполнымъ и не опредѣленнымъ; надо было составить такой, который бы соотвѣтствовалъ цѣли утвержденія отечественнаго благоденствія. «Духъ кротости и любви къ отечеству и благонамѣренія, которыя одушевляли членовъ общества, должны были ясно выражаться во всѣхъ словахъ устава». Самое злостное разысканіе (со стороны правительства) не должно было найти въ немъ ничего такого, что бы могло подать поводъ къ обвиненію членовъ въ себялюбіи или въ дѣйствіи опасномъ для спокойствія отечества». Такъ желало большинство, но мы должны припомнить ту двойственность въ цѣли, которая существовала среди членовъ общества съ самаго его начала. Поэтому уставъ писался для лицъ, не посвященныхъ въ истин-

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1904 г.

ную цѣль общества, тщательно скрываемую съ самаго начала его учрежденія.

Основатели положили никогда не заводить при членахъ не посвященныхъ никакихъ важныхъ разсужденій о своихъ истинныхъ намѣреніяхъ. «Долгое существованіе общества,—показывалъ Никита Муравьевъ [1]),—при крайней нескромности свойственной характеру русскому, доказываетъ болѣе словъ моихъ крайнюю осторожность всѣхъ членовъ. Если кто изъ молодыхъ членовъ въ обществѣ (т. е. въ гостиныхъ) говорилъ что-либо рѣзкое, то старшіе члены всегда тутъ же опровергали его мнѣніе и при первомъ удобномъ времени ему дѣлалось замѣчаніе отъ «Думы», коль скоро она это узнавала».

Истинная цѣль общества было приготовленіе Россіи къ конституціи, а показная—распространеніе просвѣщенія и добродѣтели [2]). Согласно съ послѣднею цѣлью Александру и Михаилу Муравьевымъ, князю Трубецкому, Никитѣ Муравьеву и Бурцеву было поручено заняться передѣлываніемъ Тугендбунда, примѣнить его къ русскимъ нравамъ и написать уставъ для общества. Работа эта продолжалась около четырехъ мѣсяцевъ, и такъ какъ глава, написанная Никитою Муравьевымъ, не соотвѣтствовала прочимъ, то поручено было Петру Колошину ее передѣлать [3]).

Такъ составилось общество «Союзъ Благоденствія», уставъ котораго былъ изложенъ въ «Зеленой книгѣ», названной этимъ именемъ по цвѣту переплета [4]). Въ ней заключалась только первая часть устава—показная, т. е. та, которая должна была привлекать въ обще-

---

[1]) Показаніе Никиты Муравьева 5-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, дѣло № 4.

[2]) Показаніе А. Муравьева 3-го февраля 1826 г. Тамъ же дѣло № 19.

[3]) Показаніе Никиты Муравьева. Тамъ же дѣло, № 4. Показаніе Матвѣя Муравьева-Апостола. Тамъ же, Южное общество, д. № 4.

[4]) Уставъ или „Законоположеніе" Союза Благоденствія напечатаны полностію А. Н. Пыпинымъ въ его книгѣ: „Общественное движеніе при Александрѣ I" изд. 1900 г. Приложеніе, стр. 547—576. Печатая его, А. Н. Пыпинъ приводитъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ сравненіе текста законоположенія Союза Благоденствія съ уставомъ Тугендбунда. Въ Государственномъ архивѣ (д. № 10) хранится рукопись подъ заглавіемъ: „Сравненіе мѣстъ, выбранныхъ изъ сочиненій, касающихся до иллюминатскаго общества, съ уставомъ «Союза Благоденствія». Здѣсь авторъ къ каждому параграфу устава приводитъ соотвѣтствующія мѣста изъ законоположенія иллюминатовъ и старается доказать, что въ уставѣ Союза Благоденствія многое заимствовано изъ уставовъ масонскихъ ложъ. Въ Военно-ученомъ архивѣ найдена въ бумагахъ И. И. Дибича копія съ этого «Сравненія», на которой рукою А. И. Чернышева, впослѣдствіи князя, написано: „L'original a été remis à Sa Majesté le 23 de mars 1822 г.".

ство членовъ благовидностью цѣли. Вторая часть не отыскана и едва-ли была когда-нибудь написана, такъ какъ сокровенная цѣль общества должна была быть извѣстною только меньшинству избранныхъ лицъ, дѣйствія которыхъ видоизмѣнялись, смотря по обстоятельствамъ и ходу событій.

«Вторая часть «Зеленой книги»,—показывалъ Александръ Муравьевъ [1],—сочинена была въ Москвѣ на весьма отдаленный случай умноженія общества. Подлиннаго экземпляра не было и быть не могло, потому что она не была утверждена и даже не всѣмъ извѣстно ея содержаніе. Черновой экземпляръ былъ у князя Сергѣя Трубецкаго. Къ тому же не было надежды, чтобы ближе 50 или болѣе лѣтъ общество могло бы принять вторую часть устава.

«Какъ я читалъ оную,—говорилъ Александръ Муравьевъ [2],—едва только одинъ разъ и то уже восемь лѣтъ тому назадъ и не обращалъ на нее вниманія, то и не могу вспомнить всѣхъ оной подробностей. Помню, что управы каждаго города, пришедъ въ опредѣленное свое многолюдство, кажется въ 150 человѣкъ, должны были основать Палаты; что долженъ былъ одинъ быть правитель общества, что между нимъ и палатами, въ городахъ, находящимися, долженъ былъ находиться Совѣтъ. Но какія ихъ всѣ права, взаимныя отношенія и должности того не помню».

Первой части «Законоположенія Союза Благоденствія» предшествовалъ эпиграфъ изъ Евангелія отъ Луки: «Всякому же, ему же дано будетъ много, много взыщется отъ него: и ему же предаша множайшее, истяжутъ отъ него». Затѣмъ слѣдовало вступленіе, въ которомъ высказывалась необходимость соблюденія общаго блага и пользы, непремѣнной справедливости и законности. «Если подробно разсмотрѣть, сказано въ законоположеніи, всѣ отрасли правленія, то легко убѣдиться можно, что добродѣтель должна входить въ составъ каждой; что даже самая справедливость, которая есть исполненіе законовъ, по невозможности правительству всегда за оными блюсти, обязана единой токмо добродѣтели своимъ существованіемъ. Добродѣтель, т. е. добрые нравы народовъ, всегда были и будутъ опорою государствъ: не станетъ добродѣтели, и никакое правительство, никакіе благіе законы не удержатъ его отъ паденія, развратъ всюду водворится, поселитъ вражду между всѣми состояніями, заставитъ забыть и даже гнушаться пользою общею; предпочтеніе личныхъ выгодъ всѣмъ другимъ, невѣжество, лихоимство, подлость, суевѣріе и безбожіе, презрѣніе къ отечеству и равнодушіе къ несчастію ближняго займутъ мѣсто любви къ пользѣ общей, просвѣще-

[1] Въ показаніи 31-го марта 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 19.

[2] Въ показаніи 31-го марта Госуд. Арх. I, д. № 19.

*

нія, праводушія, чести, истинной вѣры и искренной къ ближнему привязанности. Тщетно малое число благомыслящихъ людей будутъ терзаться симъ зрѣлищемъ и возлагать вину всего на правительство: ропотъ и укоризны ихъ будутъ совершенно несправедливы. Правительство есть многосложное цѣлое, коего различныя черты устремлены къ одной цѣли: пользѣ общей; могутъ-ли онѣ стремиться и достигнуть предположенной цѣли, когда мы сами, составляющіе оныя, предпочитаемъ наши личныя выгоды всѣмъ прочимъ, не тщимся исполнять ни гражданскихъ, ни семейныхъ обязанностей и служимъ отечеству для полученія только званій въ обществѣ, а часто для постыднаго на счетъ ближняго обогащенія! Но горестно излагать пороки, насъ обуявшіе, когда зло очевидно и усиленіе онаго ощутительно; тогда жалобныя восклицанія безплодны и удѣлъ слабыхъ, тогда дѣятельное злу противоборствіе есть необходимая для каждаго гражданина обязанность.

«Сія-то превыше всего священная обязанность и убѣжденіе», что господствующему злу противоборствовать можно не иначе, какъ отстраненіемъ личныхъ выгодъ и совокупленіемъ общихъ силъ добродѣтели противъ порока, влечетъ насъ къ составленію «Союза Благоденствія», къ коему, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ приступятъ всѣ благомыслящіе сограждане.

«Убѣдясь, что добрая нравственность есть твердый оплотъ благоденствія и доблести народной и что при всѣхъ объ ономъ заботахъ правительства, едва-ли достигнетъ оное своей цѣли, ежели управляемые съ своей стороны ему въ сихъ благотворныхъ намѣреніяхъ содѣйствовать не станутъ, «Союзъ Благоденствія» въ святую себѣ вмѣняетъ обязанность, распространеніемъ между соотечественниками истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія, споспѣшествовать правительству къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцемъ предназначена.

«Имѣя цѣлію благо отечества, Союзъ не скрываетъ оной отъ благомыслящихъ согражданъ, но для избѣжанія нареканій злобы и зависти, дѣйствія онаго должны производиться втайнѣ».

Эта тайна дозволяла составителямъ устава и руководителямъ общества раздѣлить его членовъ на два упомянутые нами разряда и включить для большинства членовъ, не пріобрѣвшихъ полнаго довѣрія, слѣдующія слова: «Союзъ, стараясь во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ соблюдать въ полной строгости правила справедливости и добродѣтели, отнюдь не обнаруживаетъ тѣхъ ранъ, къ исцѣленію коихъ немедленно приступить не можетъ, ибо не тщеславіе или иное какое побужденіе, но стремленіе къ общему благоденствію имъ руководствуетъ».

Сообразно установленной цѣли Союзъ раздѣлялся на четыре главныя отрасли: 1) человѣколюбіе, 2) образованіе, 3) правосудіе и 4) общественное хозяйство.

Подъ надзоромъ Союза должны были находиться всѣ человѣколюбивыя заведенія въ государствѣ и мѣста заключеній преступниковъ. Онъ обязанъ былъ стараться объ ихъ улучшеніи и учрежденіи новыхъ, доводить до свѣдѣнія правительства всѣ недостатки и злоупотребленія въ нихъ; заботиться объ обезпеченіи участи инвалидовъ.

На обязанности «Союза Благоденствія» лежало заниматься распространеніемъ просвѣщенія и во всѣхъ видахъ добродѣтели, неразлучной съ благоденствіемъ, и искоренять пороки: предпочтенія личныхъ выгодъ общественнымъ, подлости, удовлетворенія гнусныхъ страстей, лицемѣрія, лихоимства и жестокости съ подвластными. «Словомъ просвѣщая всѣхъ насчетъ ихъ обязанностей, стараться примирить и согласить всѣ сословія, чины и племена въ государствѣ и побуждать ихъ стремиться единодушно къ цѣли правительства—благу общему, дабы изъ общаго народнаго мнѣнія создать истинное нравственное судилище, которое благодѣтельнымъ своимъ вліяніемъ довершило бы образованіе добрыхъ нравовъ и тѣмъ положило прочную и непоколебимую основу благоденствія и доблести россійскаго народа.

«Союзъ достигаетъ до сего изданіемъ повременныхъ сочиненій сообразныхъ степени просвѣщенія каждаго сословія, сочиненіемъ и переводомъ книгъ, касающихся особенно до обязанностей человѣка. Личный примѣръ и слова должны тому содѣйствовать. Преимущественно духовныя особы, въ Союзѣ находящіяся, обязаны просвѣщать прихожанъ своихъ насчетъ ихъ обязанностей, не исключая изъ сего никакого сословія. Должно стараться побуждать къ сему и тѣхъ духовныхъ особъ, кои даже и не находятся въ Союзѣ.

Надзоръ за воспитаніемъ юношества въ правилахъ нравственности, добродѣтели, любви ко всему полезному и изящному и презрѣніе ко всему порочному и низкому также лежалъ на обязанности членовъ Союза, и уставъ прямо говорилъ, что «подъ его надзоромъ должны находиться всѣ безъ исключенія народныя учебныя заведенія; что онъ обязанъ ихъ обозрѣвать, улучшать и учреждать новыя.—Уставъ Союза входилъ даже въ семью и предоставлялъ себѣ право нечувствительнымъ образомъ побуждать родителей ко внушенію дѣтямъ правилъ добродѣтели и, поддерживая всѣхъ достойныхъ воспитателей, недостойныхъ, вселяющихъ развратъ и семейный раздоръ, изгонять и лишать ихъ всякой возможности «находить въ семъ ремеслѣ дневное свое пропитаніе». Въ семъ наблюдаетъ онъ (Союзъ) особенно за иностранцами, кои, сверхъ поселенія въ домахъ раздоровъ и разврата, внушаютъ дѣтямъ презрѣніе къ отечественному и привязанность къ чужеземному. Союзъ старается

также отвращать родителей отъ воспитанія дѣтей въ чужихъ краяхъ. Образованіе женскаго пола, какъ источникъ нравственности въ частномъ воспитаніи, входитъ также въ предметъ занятія Союза.

«Средства, для сего Союзомъ употребляемыя, суть собственный примѣръ, слово и повременныя изданія, въ коихъ излагаемы должны быть, между прочимъ, способы воспитанія, имена доказанныхъ хорошихъ воспитателей и полезныхъ для сего книгъ». Вообще распространеніе просвѣщенія составляло одну изъ главныхъ задачъ Союза, обязаннаго стараться объ обученіи грамотѣ простаго народа.

«Правосудіе,—сказано въ уставѣ,—слѣдствіе доброй нравственности, есть безъ сомнѣнія одна изъ главныхъ отраслей народнаго благоденствія и посему входитъ въ цѣль Союза. Онъ наблюдаетъ за исполненіемъ государственныхъ постановленій, побуждаетъ чиновниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, къ исполненію обязанностей; освѣдомляется о всѣхъ рѣшаемыхъ дѣлахъ и старается клонить все на сторону справедливости; чиновниковъ честныхъ и исполняющихъ свой долгъ, но бѣдныхъ состояніемъ, поддерживаетъ; вознаграждаетъ убытки, за правду понесенные; людей истинно достойныхъ возводитъ; безчестныхъ же и порочныхъ старается обратить на путь должнаго; въ случаѣ неудачи лишаетъ, по крайней мѣрѣ, возможности дѣлать зло. Союзъ старается также укрощать и искоренять властолюбіе и презрѣніе правъ человѣческихъ, вмѣстѣ съ воспитаніемъ въ насъ вкрадывающіяся, и убѣдить всякаго въ истинѣ, что: общее благо народа требуетъ непремѣнно частнаго, и что каждый человѣкъ, какого бы онъ сословія ни былъ, въ правѣ онымъ пользоваться».

Наконецъ, относительно четвертаго отдѣла — общественнаго хозяйства—Союзъ обращаетъ особенное вниманіе на хлѣбопашество и разведеніе полезныхъ произрастеній; покровительствуетъ всякой полезной промышленности, имѣетъ надзоръ за внутреннею и внѣшнею торговлею, стараясь оную распространить и оживить ею совершенно мертвыя части отечества. «Отличившихся купцовъ въ трудахъ для пользы общей, также и всякаго рода полезныхъ заводчиковъ поддерживаетъ и представляетъ на видъ правительству для награжденія,—честныхъ купцовъ отличаетъ, безчестныхъ же старается обратить къ обязанностямъ и вообще печется о введеніи бо́льшей честности въ торговлѣ».

Такимъ образомъ, по словамъ князя Е. П. Оболенскаго, уставъ «Союза Благоденствія» «удовлетворялъ всѣмъ благороднымъ стремленіямъ тѣхъ, которые искали въ жизни не однихъ удовольствій, но истинной, нравственной пользы собственной и всѣхъ ближнихъ. Трудно было устоять противъ обаянія Союза, котораго цѣль была: нравствен-

ное усовершенствованіе каждаго изъ членовъ; обоюдная помощь для достиженія цѣли; умственное образованіе, какъ орудіе для разумнаго пониманія всего, что являетъ общество въ гражданскомъ устройствѣ и нравственномъ направленіи; наконецъ, направленіе современнаго общества, посредствомъ личнаго дѣйствія каждаго члена въ своемъ особенномъ кругу, къ разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, какъ политическихъ общихъ, такъ и современныхъ, тѣмъ вліяніемъ, которое могъ имѣть каждый членъ, и личнымъ своимъ образованіемъ и тѣмъ нравственнымъ характеромъ, которые въ немъ предполагались» [1]).

Имѣя цѣлью общее благо, Союзъ приглашалъ къ себѣ только тѣхъ лицъ, безъ различія сословій и состояній, которыя исповѣдуютъ христіанскую религію, имѣютъ не менѣе 18 лѣтъ отъ роду и «честною своею жизнью удостоились въ обществѣ добраго имени и кои, чувствуя все величіе Союза, готовы перенести всѣ трудности, съ стремленіемъ къ оной сопряженныя». Иностранцы допускались въ Союзъ только тѣ, «кои оказали важныя услуги нашему отечеству и пламенно ему привержены». Женщины не допускались въ число членовъ Союза, но считалось полезнымъ склонять ихъ, незамѣтнымъ образомъ, «къ составленію» человѣколюбивыхъ и вообще частныхъ обществъ, соотвѣтствующихъ цѣли Союза. Вообще всѣ люди, развращенные, порочные и низкими чувствами управляемые, отъ участія въ Союзѣ отстранялись.

Каждый членъ обязанъ былъ по своимъ способностямъ приписаться къ одной изъ четырехъ отраслей занятій Союза (человѣколюбіе, распространеніе правилъ нравственности, правосудіе и общественное хозяйство) и сколь возможно содѣйствовать трудамъ ея. Онъ обязанъ былъ повиноваться безпрекословно всѣмъ законнымъ (?) повелѣніямъ властей Союза; «ревностно исполнять всѣ даваемыя ими порученія и безъ досады подчиняться всѣмъ замѣчаніямъ, кои помянутыми властями, за неисполненіе обязанностей, сдѣланы могутъ быть».

Какъ истинные сыны очечества, члены Союза не должны были уклоняться отъ принятія на себя общественныхъ обязанностей по гражданскому вѣдомству, «съ раченіемъ исполнять и какъ непорочнымъ поведеніемъ, такъ правосудіемъ и благородствомъ возвышать во мнѣніи другихъ занимаемое ими мѣсто». Они должны «помогать ближнимъ, оказывать уваженіе людямъ добродѣтельнымъ и достойнымъ, вступать съ ними въ связь; злымъ же и порочнымъ противиться всѣми средствами, общаго спокойствія не нарушающими. Въ общественной жизни члены должны были вспомоществовать другъ другу: дворяне поддерживать членовъ купеческаго, мѣщанскаго и земледѣльческаго со-

[1]) Воспоминанія князя Е. П. Оболенскаго, „Русскій заграничный Сборникъ", ч. IV, тетрадь V, стр. 4.

стоянія и обратно». «Члены гражданской службы въ разговорахъ вступаются за военныхъ, а военные за гражданскихъ; все сіе однакожъ не вопреки правды и не въ пользу порока или преступленія. Вообще долженъ всякій распространять истину: что каждое сословіе и служба, государству полезныя, должны быть равно уважаемы истинными сынами отечества; и что презрѣнія достойны тѣ люди, кои отступаютъ отъ своихъ обязанностей и порокъ предпочитаютъ добродѣтели».

Каждый членъ «подъ опасеніемъ взысканія» обязанъ властямъ Союза доносить о всѣхъ противузаконныхъ и постыдныхъ дѣяніяхъ своихъ сочленовъ. Споспѣшествуя достиженію цѣли общества и поощряя личнымъ примѣромъ всякаго къ добродѣтели, членъ общества «долженъ стараться воздвигнуть ту нравственную стѣну, которая, какъ нынѣшнія, такъ и будущія поколѣнія оградила бы отъ всѣхъ бѣдствій порока, и чрезъ то на вѣчныхъ и незыблемыхъ основаніяхъ утвердила величіе и благоденствіе россійскаго народа».

Всякій членъ обязанъ былъ, вступивъ въ Союзъ, вносить ежегодно въ общественную казну двадцать-пятую часть своего дохода [1]).

Относительно правъ членовъ въ общемъ составѣ Союза было постановлено, что различіе гражданскихъ состояній и званій уничтожается и замѣняется подчиненностью властямъ Союза. «Сіе однакожъ не должно препятствовать обыкновенному чинопочитанію». Всякій членъ имѣлъ право участвовать въ управленіи и законодательствѣ Союза. «Никто не можетъ быть обвиняемъ по одному подозрѣнію и подвергается взысканію только по предъявленіи достаточныхъ противъ него доказательствъ. Никто изъ членовъ безъ особаго порученія не можетъ говорить съ постороннимъ о занятіяхъ и дѣлахъ Союза; не имѣетъ права письменно излагать свои мысли ни противъ Союза, ни въ пользу его».

Каждый будущій членъ до принятія его давалъ слѣдующую подписку: «Я нижеподписавшійся, полагаясь на увѣреніе, что ни въ цѣли, ни въ законахъ Союза Благоденствія нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ, отечеству и общественнымъ обязанностямъ—честнымъ моимъ словомъ обязуюсь, если мнѣ оные по прочтеніи не понравятся и я въ Союзъ не вступлю, отнюдь не разглашать, наипаче же не порицать его».

Послѣ согласія поступить въ члены онъ долженъ былъ дать вторую подписку: «Я нижеподписавшійся, находя цѣль и законы Союза Благоденствія совершенно сходными съ моими правилами, обязуюсь дѣятельно участвовать въ управленіи и занятіяхъ его,—покоряться законамъ и

[1]) Сборъ этотъ производился очень туго, и до 1825 года было собрано не болѣе 5.000, которые были переданы кн. Трубецкому и издержаны имъ на расходы по тайному обществу.

установленнымъ отъ него властямъ; и, сверхъ того, даю честное слово, что даже по добровольномъ или принужденномъ оставленіи Союза, не буду порицать его, а тѣмъ менѣе противодѣйствовать оному. Въ противномъ случаѣ добровольно подвергаюсь презрѣнію всѣхъ благомыслящихъ людей». «Отъ обязанности дать честное слово и подписку никто освобожденъ быть не можетъ».

Имена членовъ, оказавшихъ важныя услуги Союзу и отличающихся примѣрнымъ исполненіемъ обязанностей, вносятся въ почетную книгу; напротивъ, имена нерадивыхъ и дѣйствующихъ вопреки цѣли Союза вносятся въ постыдную книгу и объявляются по всему Союзу. Членамъ послѣдней категоріи дѣлается сперва короткое напоминаніе сначала наединѣ, потомъ при свидѣтеляхъ, а затѣмъ уже они исключаются изъ Союза.

Въ дѣйствительности никакихъ книгъ не было, и даваемыя подписки тотчасъ же сожигались, но для принятаго или отказавшагося это было скрыто.

Управленіе общества сосредоточивалось въ рукахъ Кореннаго Союза, составленнаго изъ учредителей общества, число которыхъ и имена не были извѣстны большинству членовъ. Отъ Кореннаго Союза зависѣло направленіе дѣятельности общества и распространеніе его по всѣмъ частямъ государства. Изъ Кореннаго Союза выбиралось шесть членовъ, которымъ и ввѣрялось главное управленіе: пять изъ нихъ назывались засѣдателями, а шестой—блюстителемъ, слѣдившимъ за сохраненіемъ постановленій. Всѣ они составляли такъ называемый Совѣтъ Кореннаго Союза, и одинъ изъ засѣдателей избирался въ предсѣдатели Совѣта на два мѣсяца. По окончаніи этого срока, избирался по жребію новый предсѣдатель и т. д. Предсѣдатель именуется главою. «Но дабы и остальные члены Кореннаго Союза участвовали въ главномъ управленіи, то каждые четыре мѣсяца выходятъ по жребію двое засѣдателей изъ Кореннаго Совѣта и поступаютъ въ число остальныхъ членовъ Кореннаго Союза. Блюститель выходитъ съ послѣднимъ засѣдателемъ». Всѣ члены Кореннаго Союза вмѣстѣ съ совѣтомъ составляли Коренную Управу, въ которой предсѣдательствовалъ глава Совѣта.

Коренной Совѣтъ распредѣляетъ работы между членами Союза и составляетъ средоточіе всѣхъ дѣйствій. Онъ собирается по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ и въ немъ находится исполнительная власть; въ Коренной же Управѣ—законодательная власть, верховное судилище и выборъ чиновниковъ. Коренной Союзъ назначаетъ особую временную законодательную палату, для разсмотрѣнія, поясненія и исполненія законовъ Союза. Законодательная палата не можетъ измѣнить цѣли Союза и если Корен-

ная Управа одобритъ труды ея, то установленные ею законы будутъ имѣть временную силу до окончательнаго утвержденія ихъ верховнымъ правленіемъ, имѣющимъ установиться, лишь только Союзъ совершенно составленъ будетъ.

«Каждый членъ Коренной Управы обязанъ составлять союзы или собранія, дѣйствующія въ смыслѣ общества и входящія въ составъ онаго [1]). Сіи члены суть съ начала единственные распространители Союза.

Общества, ими учреждаемыя, называются у п р а в а м и. Кто изъ членовъ Коренной Управы, безъ основательной причины, откажется учредить управу, немедленно исключается изъ Кореннаго Союза. Лица отсутствующія, но пользующіяся довѣренностію Кореннаго Союза, могли быть сдѣланы у п о л н о м о ч е н н ы м и для составленія управъ въ томъ краю, гдѣ они находятся.

Число членовъ Управы должно быть не менѣе десяти и не болѣе двадцати. Управа, имѣющая десять членовъ, называется д ѣ л о в о ю у п р а в о ю и получаетъ списокъ первой части Законоположенія Союза. Половина законнаго числа членовъ управы (т. е. пять человѣкъ) должны быть непремѣнно жителями того мѣста, гдѣ основывается управа. Каждая управа имѣетъ право основать другую, которая называется п о б о ч н о й у п р а в о й и находится въ подчиненіи дѣловой управы. Она, кромѣ непредвидимыхъ случаевъ, никогда не сообщается съ Коренною Управою, а только съ основавшею ее управою. Если побочная управа учредитъ сама другую таковую же, то становится независимою отъ основавшей ее прежде. Кромѣ членовъ Кореннаго Союза никто не можетъ основать управы, не получа на то позволенія отъ Коренной Управы или Совѣта своей управы. Управа, основавшая три побочныя управы, получаетъ названіе главной и ей доставляется списокъ окончательнаго образованія Союза, т. е. второй части Законоположенія.

Каждая изъ основанныхъ членами Кореннаго Союза управа должна въ теченіе шести мѣсяцевъ возрасти до десяти членовъ. Въ противномъ случаѣ она уничтожается, и Совѣтъ Кореннаго Союза причисляетъ ее къ другой или размѣщаетъ членовъ по другимъ управамъ.

Основатель дѣловой управы есть первые три мѣсяца п р е д с ѣ д а т е л ь и б л ю с т и т е л ь о н о й; по истеченіи трехъ мѣсяцевъ десять членовъ избираютъ себѣ одного, а если въ управѣ двадцать членовъ,

---

[1]) Изыскавъ честною жизнію и хорошими правилами извѣстнаго гражданина, членъ Коренной Управы предлагаетъ ему вступленіе въ Союзъ и, взявъ отъ него предварительно росписку, прочитываетъ ему первыя двѣ книги Законоположенія Союза, и когда онъ по прочтеніи оныхъ согласится вступить въ Союзъ, беретъ отъ онаго вторую росписку.

то двухъ старшинъ и одного блюстителя, которые составляютъ Совѣтъ управы. Онъ занимается направленіемъ дѣлъ побочныхъ управъ, производитъ работы по порученіямъ Кореннаго Совѣта Союза, дѣлаетъ замѣчанія за безпорядки и даетъ разрѣшеніе основать новую управу. Въ Совѣтѣ хранятся: списки членовъ, книга подписей вступающихъ въ Союзъ и списокъ присланныхъ въ управу законовъ Союза. Въ самой же управѣ сосредоточивается законодательство, расправа надъ преступившими членами и старшинами; рѣшенія дѣлъ, поступающихъ изъ побочныхъ управъ. Сообщенія между управами и Кореннымъ Союзомъ производятся въ видѣ частной переписки, отъ имени старшины или блюстителя на имя главы или кого-либо изъ засѣдателей или блюстителя Кореннаго Совѣта.

Таковы были главныя основанія Союза Благоденствія. Далѣе слѣдовали правила объ обязанностяхъ должностныхъ лицъ и порядкѣ веденія дѣлъ, распредѣленіе занятій членовъ и подробное наставленіе имъ по части человѣколюбія, образованія, воспитанія юношества, распространенія познаній, направленія правосудія на истинный путь и искорененія злоупотребленій и наконецъ попеченія объ улучшеніи общественнаго хозяйства.

«Многіе члены думали,—говоритъ Никита Муравьевъ [1]),—что Союзъ не прежде двадцати лѣтъ въ состояніи будетъ достигнуть своей цѣли. Когда сочиняли уставъ «Союза Благоденствія», я предложилъ даже, чтобы поставить въ первомъ параграфѣ онаго, что Союзъ сей составляется на 25 лѣтъ, по прошествіи которыхъ теряетъ свою дѣйствительность, буде члены онаго не утвердятъ его вновь на опредѣленное время».

Высоко-нравственныя начала и идеи, изложенныя въ уставѣ «Союза Благоденствія», можно назвать только бумажными; въ нихъ много краснорѣчивыхъ, рѣшающихъ и авторитетныхъ фразъ; много гуманности и никакой вѣроятности и надежды на достиженіе цѣли. «Онъ заключалъ въ себѣ,—говорилъ М. Орловъ [2]),—много филантропическихъ мыслей, такихъ, какихъ можно найти во всякой книгѣ». Уставъ написанъ какъ бы для учрежденія узаконеннаго, существующаго, имѣющаго власть и право распоряжаться по всему обширному пространству Россіи, наблюдать за правительственными учрежденіями, наказывать и миловать служащихъ въ нихъ. Члены Кореннаго Союза не придавали уставу никакого значенія и не думали объ его исполненіи. «Я знаю,—говорилъ Бриггенъ,—по общимъ жалобамъ членовъ, что начертанный въ Зеленой

---

[1]) Въ показаніи 1-го февраля 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 4.
[2]) Въ показаніи 4-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 83.

книгѣ порядокъ никогда не соблюдался» [1]). Изложенныя въ ней правила были написаны для введенія въ заблужденіе и правительство и вновь поступающихъ членовъ. «Содержаніе Зеленой книги Союза Благоденствія,—показывалъ Пестель [2]),—было не что иное, какъ пустой отводъ отъ настоящей цѣли, на случай открытія общества и для первоначальнаго показанія вступающимъ членамъ».

Послѣднимъ говорили, что управители и распорядители въ Союзѣ намѣрены искать покровительства высочайшей власти и съ этою цѣлью въ уставъ Союза было введено нѣсколько параграфовъ, какъ бы служившихъ подтвержденіемъ справедливости этого намѣренія.

Такъ въ § 16 второй книги главы 1-й было сказано: «Всякій членъ имѣетъ право учреждать или быть членомъ всякаго рода правительствомъ одобренныхъ обществъ, но извѣщать долженъ при томъ Союзъ о всемъ въономъ происходящемъ и не чувствительнымъ образомъ склонять ихъ къ цѣли Союза. Вступленіе же въ такія общества, кои правительствомъ не одобрены, членамъ Союза воспрещается; ибо онъ, дѣйствуя ко благу Россіи и слѣдовательно къ цѣли правленія, не желаетъ подвергнуться его подозрѣнію. Все это, конечно, были одни слова безъ дѣла, но подъ вліяніемъ тяжелаго внутренняго положенія Россіи, увлекало многихъ. «Союзъ сей,—показывалъ Никита Муравьевъ [3]),—который обнималъ всѣ отрасли человѣческихъ занятій—увеличился весьма скоро, потому что правила, изложенныя въ его уставѣ, были основаны на правилахъ чистѣйшей нравственности и дѣятельной любви къ человѣчеству». Принимаемымъ въ члены общества давали иногда прочитать «Зеленую книгу», но большинству она не показывалась, а разсказывалось ея содержаніе и предоставлялось вѣрить на слово. Такимъ лицамъ говорили, что каждый членъ общества обязанъ пріобрѣтать познанія, могущія сдѣлать его полезнѣйшимъ гражданиномъ и содѣйствовать цѣли общества. Она, по словамъ принимающихъ въ общество, состояла:

1) Въ поддержаніи всѣхъ тѣхъ мѣръ правительства, отъ которыхъ возможно ожидать хорошихъ послѣдствій, для благосостоянія государства.

2) Въ осужденіи всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя будутъ несоотвѣтствующими этой цѣли.

3) Въ преслѣдованіи всѣхъ чиновниковъ, отъ самыхъ высшихъ до низшихъ за злоупотребленіе по должности и за несправедливости.

---

[1]) Въ показаніи 26-го марта 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 40.
[2]) Въ показаніи 23-го февраля 1826 г. Тамъ же, д. № 87.
[3]) Показаніе 5-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 4.

4) Въ исправленіи, по силѣ каждаго члена, всѣхъ несправедливостей и защитѣ потерпѣвшихъ.

5) Въ разглашеніи всѣхъ благородныхъ и полезныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ и гражданъ.

6) Въ распространеніи убѣжденія о необходимости освобожденія крестьянъ, при чемъ каждый членъ общества принималъ на себя обязанность освободить крестьянъ, когда они поступятъ къ нему во владѣніе.

7) Въ пріобрѣтеніи и распространеніи свѣдѣній по части государственнаго устройства, законодательства, судопроизводства и проч.

8) Въ распространеніи чувства любви къ отечеству и ненависти къ несправедливости и угнетенію.

9) Занятіе должностей въ гражданскомъ вѣдомствѣ, съ цѣлью исполненія не только принятыхъ на себя обязанностей, но уничтоженія лихоимства и другихъ злоупотребленій постепеннымъ улучшеніемъ нравственности среди товарищей и подчиненныхъ и распространеніемъ просвѣщенія [1]).

«Члены сего общества,—говорилъ М. Орловъ [2]),—были всѣ свободомыслящіе молодые люди, старающіеся распространять свои теоріи, но едва-ли имѣющіе какую-либо мысль о переворотѣ. Они были болѣе нѣмецкіе идеалоги, чѣмъ французскіе якобинцы.

«Молодость,—показывалъ князь Илья Долгоруковъ [3])—и качества многихъ достойныхъ людей, состоящихъ уже членами, побудили меня присоединиться къ нимъ безъ опасенія». Нѣкоторыя, не видя въ уставѣ никакой преступной цѣли, поступали въ общество для того, чтобы имѣть «связи съ хорошимъ кругомъ людей» [4]).

«Причинъ рѣшительныхъ для вступленія въ общество я не имѣлъ,—говорилъ штабсъ-капитанъ Мухановъ [5]),—но вступилъ по убѣжденію и зная, что въ ономъ находились многіе молодые люди хорошихъ семействъ».

Титулярный совѣтникъ Горсткинъ поступилъ въ Союзъ Благоденствія потому, что предложившій ему Александръ Муравьевъ «владѣлъ всеобщею довѣренностію, былъ превлекателенъ и во всей гвардіи имѣлъ репутацію отличнѣйшую, уважаемъ былъ не только равными и младшими, но и начальники нѣкоторымъ образомъ всегда въ немъ видѣли образцоваго

[1]) Показаніе князя Евгенія Оболенскаго 27-го декабря 1825 г., Госуд. арх. I, д. № 3.

[2]) Въ показаніи 4-го января 1826 г. Тамъ же, д. № 83.

[3]) Показаніе князя И. Долгорукова 2-го марта 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 230.

[4]) Показаніе подполковника Хотяинцова. Тамъ же, д. № 87.

[5]) Въ показаніи 27-го января 1826 г. Тамъ-же, д. № 24.

офицера. Одно знакомство такого человѣка уже восхищало. Желаніе имѣть связи, какъ тогда увѣряли, что безъ связей ничего не добьешься по службѣ, а что большею частью либо масонствомъ, либо другимъ какимъ мистическимъ обществомъ, люди помогая другъ другу на пути каждаго, пособіями, рекомендаціями взаимно поддерживали себя и тѣмъ достигали извѣстныхъ степеней въ государствѣ преимущественно передъ прочими. Общество, мнѣ предложенное,—говорилъ Горсткинъ,—составляли люди во всѣхъ отношеніяхъ хорошіе, образованные, одаренные умомъ и всѣми качествами, неминуемо долженствующими привлечь молодаго человѣка [1]).

«О своихъ мысляхъ утвердительнаго отвѣта я дать не умѣю. Богъ знаетъ, отчего какія рождаются, въ какой книгѣ почерпаются, или кѣмъ и когда сообщаются. Осмѣлюсь замѣтить, что образа мыслей не токмо свободнаго, но и никакого положительно я по сіе время не успѣлъ еще себѣ составить. Ежели же когда и появлялись на время оттѣнки такъ называемаго свободомыслія во мнѣ, то полагаю, что источникъ ихъ крылся въ самомъ обществѣ, которое нѣкогда было въ модѣ. Впрочемъ, сія монета, ежели и попадалась невзначай въ мои руки, то безъ всякаго употребленія заржавѣла и хода не имѣла [2]).

Лицъ подобныхъ Горсткину, коренные члены старались направить на путь истины, истолковать имъ «что такое конституціонное правленіе, и изъяснить необходимость освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія».

«Чтобы быть членомъ, не требовалось однако же убѣжденіе въ сей мысли, если только онъ могъ быть полезенъ по другимъ частямъ и имѣлъ хорошую нравственность» [3]).

«Каждый членъ, начиная отъ самаго главнаго, имѣлъ право принять только двухъ членовъ». Изъ сего слѣдуетъ,—говорилъ М. Орловъ [4]),—что на первомъ твердомъ человѣкѣ, который вознамѣрится взять на себя всю отвѣтственность и сказаться начальникомъ, вся цѣль розысковъ (правительства) прерывается. Это правило давало обществу возможность возрожденія послѣ всѣхъ гоненій (т. е. въ случаѣ открытія его правительствомъ), но правило это только принято было на бумагѣ, а въ дѣйствіе никогда не приводилось.

При наборѣ членовъ не руководствовались никакими правилами «и по новости устава,—говорилъ Александръ Муравьевъ [5]), не было того порядка въ собраніяхъ, который по уставу долженъ былъ быть. Соби-

---

[1]) Показаніе Горсткина 28-го января 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 68.

[2]) Показанія Горсткина 2-го іюня 1826 г. Тамъ же, д. № 68.

[3]) Показаніе князя Трубецкаго. Тамъ же, д. № 1.

[4]) Въ показаніи 4-го января 1826 г. Тамъ же, д. № 68.

[5]) Показанія А. Муравьева 31-го марта 1826 г. Госуд. Арх. I, д. № 19.

рались члены безъ раздѣленія на управы, болѣе по знакомству; да и самыя скопища сіи не были отдѣлены ясною чертою и регулярныхъ собраній не имѣли. Члены Кореннаго Союза, въ числѣ которыхъ былъ и я, были установители оныхъ; но кто именно какое скопище учредилъ того, по истинѣ не знаю... Все было перемѣшено»:

— Я,—говорилъ губернскій секретарь Сергѣй Николаевичъ Кашкинъ,—къ несчастію моему, былъ включенъ въ общество, цѣль котораго всякій могъ опредѣлять по произволу, ибо никто ни къ чему не обязывался [1]).

Организованныхъ управъ не было, ни предсѣдателя, ни блюстителя въ Коренномъ Союзѣ никто не выбиралъ. «Раздѣленіе управъ,—говорилъ П. Пестель [2]),—на дѣловыя, побочныя и главныя въ дѣйствіе никогда приведено не было. Всѣ управы были одинаковаго значенія, исключая Коренной Управы, находившейся въ Петербургѣ и состоявшей всегда изъ наличныхъ членовъ Кореннаго Союза».

Въ то время общество было слишкомъ малочисленно, чтобы думать объ устройствѣ какихъ-либо своихъ административныхъ органовъ. Все ограничивалось одними разговорами и предположеніями. Среди этихъ разговоровъ стало извѣстно, что императоръ Александръ поручилъ графу Аракчееву составить проектъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, но съ тѣмъ, чтобы проектъ этотъ не вызывалъ никакихъ стѣснительныхъ мѣръ для помѣщиковъ и не имѣлъ ничего насильственнаго въ исполненіи со стороны правительства. Напротивъ, государь желалъ, чтобы освобожденіе совершилось съ выгодою для помѣщиковъ, возбудило въ нихъ самихъ желаніе содѣйствовать видамъ правительства и сознаніе, что сообразно духу времени и успѣхамъ образованности такое освобожденіе необходимо какъ для самихъ владѣльцевъ, такъ и для крѣпостныхъ людей [3]). Въ этомъ направленіи,

---

[1]) Показаніе Кашкина 14-го января 1826 г. Тамъ же, д. № 64.

[2]) Показаніе П. Пестеля 29-го марта 1826 г. Госуд. Арх. Южное общество, д. № 1.

[3]) Графъ Аракчеевъ не находилъ другаго способа, какъ пріобрѣсти покупкою въ казну всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, съ надѣломъ ихъ 2-мя десятинами земли на каждую ревизскую душу. Онъ указывалъ подробно на средства къ приведенію въ исполненіе этой мѣры, которой впрочемъ не суждено было осуществиться вслѣдствіе сопротивленія дворянства и за измѣненіемъ политическихъ взглядовъ самого императора Александра. Тѣмъ не менѣе порученіе, данное императоромъ графу Аракчееву стало скоро извѣстнымъ въ обществѣ и въ томъ же 1818 году появилось нѣсколько проектовъ объ освобожденіи крестьянъ.

А. Ѳ. Малиновскій предлагалъ объявить свободными всѣхъ обоего пола дѣтей, рожденныхъ послѣ 1812 года, въ ознаменованіе заслугъ, оказанныхъ крестьянами въ Отечественную войну. „Новые граждане,—говорилъ онъ,—возрастутъ въ понятіяхъ о своей свободѣ, пріучатся ею пользоваться безъ на-

императоръ Александръ, во время своего путешествія на югъ Россіи и пріема дворянства, намекалъ ему, но не встрѣтилъ сочувствія. Тогда, въ январѣ 1818 г., пользуясь предстоящими дворянскими выборами въ Полтавѣ и Черниговѣ, малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. Н. Г. Репнинъ, конечно, съ согласія государя, обратился къ собравшимся съ рѣчью [1], въ которой между прочимъ говорилъ:

«Какихъ великихъ событій были мы, почтенные дворяне, свидѣтелями и соучастниками!.. Сими знаменитыми годами будутъ гордиться и дальніе потомки наши. Но да увидятъ они въ насъ примѣръ добродѣтелей, не только воинственныхъ, но и гражданскихъ; пожертвованія наши да не прекратятся со днями опасности; но и во дни покоя почтемъ собственныя выгоды ничтожными въ сравненіи съ благомъ общимъ. Тогда можемъ только быть достойными подданными великаго и кроткаго Александра и сопутствовать ему въ памяти потомства.

«Тѣмъ изъ васъ, почтенные дворяне, кои останутся свободными отъ служенія общественнаго, предстоитъ въ помѣстьяхъ вашихъ служеніе отечеству и подражаніе милосердному царю нашему чрезъ попеченіе о благѣ подвластныхъ вамъ крестьянъ.

«Вспомните паки слова его: «мы несомнѣнно увѣрены», вѣщаетъ всемилостивѣйшій государь, что дворянство увеличитъ заботы и попеченіе его о благосостояніи ввѣренныхъ ему Богомъ и законами достойныхъ любви его домочадцевъ. Мы увѣрены, что забота наша о благосостояніи помѣщичьихъ крестьянъ предупредится попеченіемъ о нихъ господъ ихъ. Существующая издавна между ими, русскимъ нравамъ и

рушенія общежительныхъ отношеній, и такимъ образомъ свобода нечувствительно укоренится въ Россіи. А помѣщики, удержавъ за собою написанныхъ по 7-й ревизіи крестьянъ и оставшись при прежнихъ правахъ своихъ, будутъ примѣняться къ принятымъ для сего государственнымъ мѣрамъ и придумаютъ заранѣе способы для удержанія свободнаго потомства крестьянъ на земляхъ своихъ".

Адмиралъ Мордвиновъ признавалъ возможнымъ только постепенное освобожденіе крестьянъ, «когда свободными дѣлаются не всѣ вмѣстѣ и единовременно, но когда благо сіе представляется въ видѣ награды трудолюбію и пріобрѣтаемому умомъ достатку. Онъ предлагалъ установить закономъ мѣры выкупа для освобожденія отъ крѣпостной зависимости. („Записка о разныхъ предположеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ".«Девятнадцатый вѣкъ» изд. П. Бартенева, т. II, стр. 151).

[1]) Рѣчь, произнесенная малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ княземъ Николаемъ Григорьевичемъ Репнинымъ, при открытіи дворянскихъ собраній, по случаю выборовъ: въ Полтавѣ 3, а въ Черниговѣ 20-го января 1818 г. „Духъ журналовъ" 1818 г., часть 27, стр. 125—136. Рѣчь эта была напечатана отдѣльно, а затѣмъ перепечатана въ „Кіевской Старинѣ" 1890 г. т. XXX, стр. 117—121.

добродѣтелямъ свойственная связь, прежде и нынѣ, многими опытами взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей къ отечеству любви ознаменованная, не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что съ одной стороны помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадѣхъ своихъ, заботою, а съ другой они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства.

«Благородное дворянство! Сіе возваніе отца отечества уже навѣрно глубоко напечатлѣлось въ сердцахъ вашихъ. Вамъ не трудно будетъ оное исполнить, да и собственное благосостояніе ваше того требуетъ.

«Связь, существующая между помѣщиками и крестьянами, есть тоже отличительная черта русскаго народа. У иноземцевъ часто владѣлецъ помышляетъ только о доходѣ, а нисколько о тѣхъ, которые ему оный доставили. Онъ изгоняетъ наемниковъ своихъ, коль скоро найдетъ предлагающихъ ему болѣе, неумолимъ онъ бываетъ ни воплями семей, ни отчаяніемъ земледѣльцевъ, лишаемыхъ того крова, подъ коимъ родились, отдѣляемыхъ отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ покоится драгоцѣнный прахъ ихъ предковъ. Но сколь и пагубны отъ сего послѣдствія! Пришли враги: и за родину никто не принесъ себя въ жертву! Мѣняли царей, опровергали древніе законы и обычаи, ко всему были равнодушны; и память бы ихъ исчезла въ смертномъ снѣ, ежели бы народъ, вѣрный Богу, вѣрный царю, не возбудилъ ихъ. Сіе справедливое изображеніе бывшаго въ глазахъ нашихъ побудитъ васъ не подражать имъ; корыстолюбіе изгнано будетъ изъ сердецъ вашихъ; вы не будете изыскивать все, что можетъ дать вамъ крестьянинъ доходу, а то, что вы можете отъ него требовать, не уменьшая благоденствія его; напротивъ, вы изыщите способы увеличить оное; вы пожертвуете для сего изъ доходовъ вашихъ; вы устроите училища для малолѣтнихъ, больницы для недугующихъ; вы улучшите хижины крестьянъ вашихъ; вы снабдите неимущихъ скотомъ и плугами для воздѣлыванія земли; вы займетесь нравственностью подвластныхъ вамъ и отвлечете ихъ отъ порока, столь между простолюдинами здѣсь обыкновеннаго, и не будете на немъ основывать дохода своего. Тогда-то, по словамъ царскимъ, «помѣстья ваши будутъ уподобляться добронравнымъ и благополучнымъ семействамъ!»

25223

«Но сіи отеческія попеченія наши да не будутъ подвержены кратковременности жизни человѣческой; оснуйте и на будущія времена благоденствіе чадъ и внучатъ вашихъ. По мѣстнымъ познаніямъ вашимъ, изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно было бы обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ. Чрезъ сію единственно мѣру, предохраните вы ихъ навсегда отъ тѣхъ при-

тѣсненій, которыя, по несчастію, еще доселѣ случаются; избавите правительство отъ горестной обязанности преслѣдовать оныя, и благородное сословіе ваше отъ нареканія, происходящаго чрезъ поступки людей, недостойныхъ быть сочленами онаго.

«Не новое предлагаю я вамъ, почтенные дворяне. Иные изъ васъ совершенно уже сіе исполнили; другіе, своими попеченіями о подвластныхъ имъ крестьянахъ, весьма къ нему сблизились. Но да будетъ сіе подвигомъ общимъ, и да удостоится малороссійское дворянство быть по истинѣ умомъ и душою народа».

Рѣчь эта произвела большой переполохъ среди дворянъ-помѣщиковъ, въ большинствѣ не сочувствовавшихъ крестьянской реформѣ, видѣвшихъ въ ней гибель Россіи и потому оказывавшихъ сопротивленіе при всякомъ представлявшемся къ тому случаѣ.

«Россія все еще татарщина,—писалъ извѣстный масонъ О. А. Поздѣевъ графу А. К. Разумовскому [1]),—въ которой долженъ быть государь самодержавный, подкрѣпляемый множествомъ дворянъ, а, въ отсутствіи ихъ, ихъ приказчиковъ, кои малѣйшія искры неповиновенія, неплатежа податей и поставки рекрутъ, воровства, грабежа, разбоевъ и всякаго насильства, тушатъ въ началѣ эти искры, не давая имъ возгорѣться до того, что никакія войска въ этой обширной имперіи съ крестьянами не сладятъ.

«Въ Россіи Пугачевъ, вѣдая это, вездѣ разсѣевалъ, что если бы въ Россіи подпоры подрубить, то заборъ самъ упадетъ, а потому и возставалъ на дворянъ, зачавъ крестьянъ дѣлать вольными. Кто же тогда вступился за тронъ? за государя? Дворяне, изъ коихъ никто къ нему не присталъ. Покойная государыня (Екатерина II), увидя опытомъ сама, въ комъ состоитъ сила государства, уже послѣ пугачевскаго бунта перестала думать о вольности крестьянъ, а зачала разными привилегіями утверждать право и собственность дворянъ и усиливать ихъ.... А шалуны изъ дворянъ, путешествующіе, проматывая чужія деньги въ иностранныхъ земляхъ, хвалятъ, что тамъ хорошо, тамъ законы хороши, и давай новые сочинять!.... Россія такова, что эту татарщину исправниками, да полками не усмиришь.

«Не можно себѣ представить,—писалъ тотъ же Поздѣевъ С. С. Ланскому [2]),—какая каша будетъ изъ воли нижняго состоянія; такъ какъ ежели бы дать волю солдатамъ въ полкахъ, то что изъ этого ожидать? Кѣмъ ихъ принуждать? А безъ принужденія кто станетъ дѣло дѣлать и кто станетъ служить? Тѣхъ, кто предлагалъ и хлопоталъ объ осво-

---

[1]) Отъ 27-го сентября 1816 г. «Изъ писемъ О. А. Поздѣева къ его друзьямъ». „Русскій Арх." 1872 г., т. II, № 10, стр. 1878.

[2]) Отъ 28-го марта 1817 г. Тамъ же, стр. 1882—1886.

божденіи крестьянъ, Поздѣевъ называлъ «завистниками цѣлости Россіи, которые хотятъ ее совсѣмъ въ корень разорить», и приписывалъ это дѣло иллюминатамъ.

— Они и во Франціи,—говорилъ онъ,—эту же кашу произвели, а здѣсь тотъ же духъ дѣйствуетъ. Народъ въ Россіи крайне развратился пьянствомъ и обманами. Если дастся воля, это значитъ воля дѣлать всякіе безпорядки, грабежи и убійства. Если они (крестьяне) отъ зависимости дворянъ освобождены будутъ, то останутся подъ зависимостію не привыкшей власти, т. е. подъ одними исправниками. Земская полиція весьма слаба для этого и это же пастыри, имъ же не суть овцы своя. А дворяне—они чиновники же государевы, кои объ нихъ пекутся, какъ отцы во время ихъ болѣзненнаго состоянія; а какъ скоро они изъ подъ этой зависимости будутъ выведены, то это будутъ самые несчастные люди. Это я не для себя говорю, ибо я уже одной ногой въ гробу стою и по лѣтамъ моимъ, и по болѣзненному состоянію; мнѣ все равно, отъ той-ли руки умереть или отъ другой. И на постелѣ умереть вѣдь не легче. Дворяне въ государствѣ такъ, какъ пальцы у рукъ. Высвободи возжи, то лошади куда занесутъ и самого сѣдока. А кто сѣдокъ, уже сами разумѣйте» [1]).

Въ томъ же направленіи писалъ и В. Н. Каразинъ. Всегда отечески относившійся къ своимъ крестьянамъ, онъ, теперь, съ полнымъ увлеченіемъ и со всею силою своего краснорѣчія, возставалъ противъ свободы крестьянъ въ Россіи и сравнивалъ ихъ положеніе съ положеніемъ только-что освобожденныхъ эстляндскихъ. По его словамъ, народъ нашъ обожалъ своихъ владыкъ, а въ боярахъ (помѣщикахъ) видѣлъ своихъ отцовъ, и только новые мудрецы натолковали ему, что наслѣдственное подчиненіе есть рабство.

«Вездѣ и у самыхъ дикарей,—говорилъ Каразинъ [2]),—отдѣленныхъ пространными морями, не имѣвшихъ никакого сообщенія, ниже понятія о существованіи другихъ людей, было находимо дворянство и при томъ наслѣдственное, какъ и цари или князья народа наслѣдственные же.

«Тѣ самые, которые не хотятъ видѣть въ служителяхъ религіи наставниковъ народа, утѣшителей его въ скорбяхъ, увѣряли цѣлый свѣтъ, что они просто ремесленники, разрядъ людей, питающихся отъ

---

[1]) Письмо О. А. Поздѣева 25-го сентября 1817 г. Тамъ же.

[2]) Мнѣніе одного украинскаго помѣщика, вызванное послѣ бесѣды со своими собратьями объ эстляндскихъ постановленіяхъ. Сборникъ матеріаловъ изъ архива Собственной Его Величества канцеляріи, выпускъ VII, стр. 143—152. Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1860 г., кн. II, стр. 218.

пустословія и ханжества, — тѣ самые не хотятъ знать въ наслѣдственныхъ россійскихъ помѣщикахъ ничего болѣе, какъ хозяевъ недвижимыхъ имѣній, оптовыхъ промышленниковъ предметами земледѣлія. Развѣ не существуетъ въ законахъ нашихъ узаконеній, что они значатъ нѣчто несравненно важнѣе для пользъ государства? Развѣ послѣднія событія не доказали намъ и цѣлой Европѣ, что народъ нашъ (вообще говоря), удаленъ бывши отъ того, чтобы почитать себя въ рабствѣ, привязанъ душою къ образу своего существованія и находитъ въ немъ свое счастіе? Развѣ мы при нынѣшнемъ, даже недостаточномъ законоположеніи по сей важной части не примѣчаемъ, что поселяне добрыхъ помѣщиковъ не завидуютъ вольности казенныхъ поселянъ?

«На что же изобрѣтать новое, на что подражать чужому, когда свое стоитъ только обработать, чтобы надежнѣе и ближе достигнуть желаемаго конца?

«Народу невозможно пребывать безъ начальниковъ, безъ руководителей. И кому приличнѣе быть сими орудіями высшей власти, какъ не помѣщикамъ?»

«Неужели,—спрашивалъ Каразинъ,—избранный міромъ староста будетъ желать болѣе добра, чѣмъ просвѣщенный помѣщикъ?» и отвѣчалъ, что помѣщикъ по отличному (?) воспитанію, и по незыблемости его власти, и по неимѣнію никакихъ видовъ соперничества съ подчиненными представляетъ «въ маломъ своемъ кругѣ лицо своего монарха. Какъ всѣ государственныя части имѣютъ своихъ начальниковъ, да будутъ начальниками земледѣлателей помѣщики. Да будутъ они особенными государственными чиновниками, какъ прочіе. Да подчинятся они отвѣтственности передъ престоломъ, да учинится надъ ними надзоръ».

Увлекаясь своею идеею, Каразинъ предлагалъ раздѣлить всю Россію на помѣстья (нѣчто въ родѣ маіоратовъ) и предоставить помѣщикамъ земскую полицію.

Вскорѣ послѣ рѣчи князя Н. Г. Репнина появился въ Москвѣ отвѣтъ на нее, никѣмъ не подписанный.

«Въ политическомъ составѣ государства нашего,—было сказано въ отвѣтѣ [1]),—первенствующее занимаетъ мѣсто сословіе дворянства съ правами, присвоенными и утвержденными ему на званіе дворянина и на преимущества помѣщика. Во всѣхъ европейскихъ земляхъ суще-

---

[1]) „Посланіе россійскаго дворянина къ князю Репнину (Николаю Григорьевичу, малороссійскому военному губернатору". 4-го апрѣля 1818 г. г. Москва. Сборникъ матеріаловъ изъ архива Собственной Его Величества канцеляріи, выпускъ VII, стр. 155.

ствуетъ отличное сіе состояніе, вездѣ посвящаетъ себя на службу отечеству, вездѣ оно болѣе или менѣе уважаемо и полезно, но нигдѣ такъ, какъ въ Россіи, не имѣетъ оно столь значительнаго и существеннаго вліянія на политическое ея бытіе, на пользу и цѣлость царства и, наконецъ, на всѣ успѣхи ея по занятію исключительно всѣхъ воинскихъ и гражданскихъ должностей.

«Дворяне въ Россіи суть главные сподвижники и исполнители благодѣтельныхъ и общеполезныхъ монаршихъ велѣній къ славѣ, величію, преуспѣянію и совершенствованію любезнаго отечества нашего».

Говоря, что предки помѣщиковъ получили крестьянъ за военные подвиги и за пролитую кровь во славу отечества, князь Вяземскій прибавлялъ, что «всѣ потомки доблестныхъ предковъ могутъ гордиться мыслію, что теперешнее ихъ достояніе дошло къ нимъ не даромъ, но за храбрые подвиги, за службу отечеству и царямъ, за кровь и самую смерть на полѣ чести праотцевъ ихъ... Вотъ первое начало и истинныя права дворянъ-помѣщиковъ... Дворяне, наградою помѣстьями пріобрѣвъ законное право пользоваться землями и трудами своихъ крестьянъ, получили черезъ то самое способъ не токмо существовать, но и посвящать и пріуготовлять сыновей своихъ на службу царя и отечества. Съ тѣхъ поръ боярскія дѣти не что иное суть, какъ разсадникъ, изъ коего наполняется войско и суды—запасъ вѣрныхъ сыновъ отечества, обреченныхъ охранять честь и славу его».

Изъ этого князь Вяземскій выводилъ заключеніе, «что опора и надежда дворянства—престолъ, а ограда и твердость престола—дворянство. Какая существенно политическая связь; какія крѣпкія узы! Опытъ же и событія научаютъ паче всякаго умствованія: во Франціи не стало дворянства,—она пала; въ Россіи оно было,—и Россія возстала (противъ Наполеона), восторжествовала и блаженствуетъ!»

Князь говорилъ, что правительство издревле признало необходимымъ поручить дворянству благоустройство и благоденствіе подвластныхъ ему крестьянъ и тѣмъ воскресить древнее мудрое патріархальное правленіе; что оно поставило помѣщика въ видѣ отца обширнаго семейства домочадцевъ своихъ; что тѣсная и неразрывная связь соединяетъ помѣщика-отца съ крестьянами-дѣтьми своими. Князь Вяземскій даже не брался перечислять всѣ выгоды крѣпостнаго состоянія—такъ, по его мнѣнію, было ихъ много.

— Никакія общія государственныя правила и постановленія,—говорилъ онъ,—не могутъ быть достаточны для удовлетворенія непредвидѣнныхъ крестьянскихъ нуждъ. Только помѣщикъ можетъ имѣть непрерывное наблюденіе за хозяйствомъ крестьянъ, отклонять всѣ ихъ недостатки, направить поведеніе, упражненіе и промышленность ихъ

къ добру и пользѣ; онъ можетъ увѣщаніями и приличною строгостію удержать ихъ отъ пороковъ распутства и всякихъ вредныхъ привычекъ. Помѣщикъ, какъ старѣйшина посреди семейства, словеснымъ, скорымъ и безпрекословнымъ судомъ примиряетъ злобствующихъ, прекращаетъ шумъ, ссоры и драки, и какъ справедливый отецъ наказуетъ виновныхъ дѣтей своихъ.

Говоря, что существуетъ множество примѣровъ цвѣтущаго состоянія крестьянъ, не желающихъ быть отпущенными на волю, князь Вяземскій доказывалъ, что для устройства внутренняго благоденствія Россіи нѣтъ надобности слѣдовать никакому иноземному образцу, «но единственно исправивъ нѣкоторые извѣстные недостатки и устранивъ злоупотребленія, надлежитъ рѣшительно бодрствовать въ поддержаніи нынѣ существующаго порядка вещей...»

«Неужели,—спрашивалъ онъ,—всѣ несчастія, всѣ ужасы, всѣ беззаконія, постигшія большую часть Европы отъ вреднаго и излишняго умствованія, не научаютъ насъ быть осторожными противъ прелестей лжемудрованія; неужели еще не вразумились, что вольность, сей идолъ чужеземныхъ слѣпцовъ, влечетъ неминуемо къ пагубному своевольству, буйству, разврату и ниспроверженію всѣхъ властей? Неужели еще не утвердилась въ умахъ спасительная истина, что благоденствіе царства нашего необходимо требуетъ совершенной покорности и повиновенія народа властямъ, надъ нимъ поставленнымъ мудрою волею монархическаго самодержавія. На сихъ-то незыблемыхъ основаніяхъ сооружена величественная Россія,—она пребудетъ на вѣки счастлива и могущественна, пока существовать въ ней будетъ сила неопровергаемой сей истины!»

Приходя на защиту помѣщика-дворянина, авторъ посланія говорилъ, что царство русское обильно доблестнымъ дворянствомъ, столпами престола, героями на полѣ брани, мудрыми въ совѣтѣ и любящими свое отечество. «Но сколько еще такихъ дворянъ, которые, уклонивъ себя отъ поприща почестей, полагаютъ всю честь и славу свою въ упражненіяхъ, истинно почтенныхъ и приличныхъ званію дворянина. Внимательно занимаясь удѣломъ своимъ, трудятся съ умомъ и ревностію въ улучшеніи разныхъ хозяйственныхъ частей; устрояютъ и соучаствуютъ въ изобиліи царства; пекутся о благосостояніи подвластныхъ имъ крестьянъ, споспѣшествуя точному исполненію всякихъ государственныхъ повинностей; исправляютъ нравственность ихъ и находятъ собственное утѣшеніе въ благоденствіи ихъ. Таковые почтенные помѣщики не суть-ли самые полезные члены общества? Не надежнѣйшіе-ли они сыны отечества?..

«Все сіе заставляетъ несомнительно предпочесть таковое издревле существующее въ Россіи устройство всякимъ нововводимымъ, не испы-

таннымъ и умственнымъ предположеніямъ. Изъ чего явствуетъ, что для благоденствія крестьянъ нашихъ не нужно мыслить о химерическомъ новомъ положеніи, но токмо стараться поддержать во всей силѣ истинно доброе старое, приложивъ попеченіе о повсемѣстномъ его наблюденіи и утвержденіи въ пользу крестьянъ».

Въ заключеніи посланія княземъ Вяземскимъ было сказано, что если правительство желаетъ принять мѣры къ устройству благосостоянія Россіи, то необходимо собрать въ одну изъ столицъ губернскихъ предводителей и депутатовъ отъ каждой губерніи. «Тамъ въ общемъ совѣтѣ всего царства нашего знаменитые и ученые сіи представители дворянства, усердные сподвижники благу Россійскаго государства, какъ покорные сыны предъ сердобольнымъ и великодушнымъ отцомъ отечества, повергнутъ не токмо собственныя нужды свои, но даже не умолчатъ, если повелѣно будетъ, и о всемъ томъ, что̀ требуетъ истинная польза и внутреннее благоустройство царства нашего».

Такое собраніе было противно видамъ императора Александра I, желавшаго, чтобы все исходило отъ него одного, и къ тому же онъ не ожидалъ отъ собранія благихъ послѣдствій. Идиллическая картина отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, нарисованная въ посланіи, была далека отъ истины, но она выражала мнѣніе большинства дворянства. Трудно было допустить, чтобы оно отступило отъ своихъ традицій и созналось въ угнетеніи крестьянъ. Частые бунты и жалобы послѣднихъ дворянство объясняло ошибочными распоряженіями правительства. По мнѣнію писавшаго отвѣтъ князю Репнину, бунты крестьянъ происходили отъ униженія дворянства гласными слѣдствіями надъ жестокими помѣщиками. «Всякое слѣдствіе,—писалъ онъ,—правительствомъ явнымъ образомъ произведенное о поведеніи дворянина, неминуемо дѣйствуетъ на внутреннее потрясеніе, возрождаетъ духъ неповиновенія, даетъ поводъ къ вымышленнымъ и неосновательнымъ неудовольствіямъ, поощряетъ къ доносамъ, распространяетъ нелѣпыя и вредныя разглашенія, грозитъ неисчислимыми и вящими пагубными послѣдствіями. Сіе обстоятельство достойно великаго уваженія и требуетъ новаго, надежнаго постановленія.

«Не долженъ также умолчать и о томъ, что вслѣдствіе сего сомнительнаго положенія примѣтнымъ образомъ менѣе становится уже въ дворянствѣ прежняя увѣренность въ вѣковѣчномъ достояніи своемъ; нѣтъ уже въ немъ большой рѣшимости на новое какое-либо пріобрѣтеніе, предпріятіе и заведеніе—недовѣрчивость по несчастію содѣлалась всеобщею».

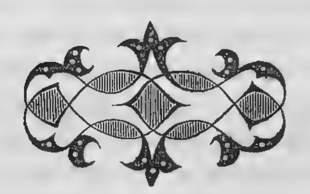
Это посланіе произвело весьма дурное впечатлѣніе на императора Александра I и такъ какъ оно не было никѣмъ подписано, то государь приказалъ московскому военному губернатору Тормасову узнать имя

автора. Оказалось, что посланіе написано калужскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства княземъ Н. Г. Вяземскимъ. Выраженныя имъ мысли были отголоскомъ большинства дворянства, и Александръ I не могъ не обратить на нихъ вниманія. Онъ видѣлъ, что осуществленіе его мысли—освободить крестьянъ—встрѣтитъ упорное сопротивленіе, и положилъ вопросъ этотъ отложить до болѣе удобнаго времени.

Между тѣмъ, А. Н. Муравьевъ написалъ возраженія на записки Каразина и кн. Вяземскаго, распустилъ ихъ по Москвѣ и одну изъ копій представилъ, черезъ князя Волконскаго, государю. Прочтя возраженіе, Александръ I сказалъ: «Дуракъ, не въ свое дѣло вмѣшался». Это замѣчаніе огорчило членовъ тайнаго общества, и они объяснили его тѣмъ мрачнымъ состояніемъ духа, въ которомъ находился Александръ I въ пятимѣсячное пребываніе свое въ Москвѣ. Императора видѣли постоянно задумчивымъ и уединяющимся. Въ такомъ настроеніи онъ 28-го февраля 1818 года выѣхалъ изъ Москвы въ Варшаву, на открытіе сейма.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I
и
ЕВРОПЕЙСКІЯ РЕВОЛЮЦІИ.

IV [1]).

Берлинское національное собраніе.—Присылка генерала Пфуля.—Познанскія дѣла.—Датскій вопросъ.—Переписка императора съ прусскимъ королемъ.—Новое министерство Бранденбурга.—Тостъ короля въ день орденскаго праздника.—Революція въ Вѣнѣ.—Паденіе Меттерниха.—Отложеніе Ломбардіи и Венеціи.—Битва при Новарѣ.—Возстаніе въ Венгріи.—Усмиреніе русскими войсками.—Раздоръ Австріи съ Пруссіею.—Примиреніе въ Ольмюцѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ представительное правленіе въ Пруссіи было въ полномъ ходу. Въ національномъ собраніи засѣдало 350 депутатовъ, большинство которыхъ, какъ это обыкновенно бываетъ при насильственныхъ переворотахъ, состояло изъ самыхъ крайнихъ демократовъ. Правительство въ это время было вполнѣ безсильно и совершенно потеряло голову, въ виду крайнихъ мѣръ, требуемыхъ депутатами и притязаніями радикальной партіи. Когда же, 7-го іюля, въ Берлинъ возвратились войска изъ Даніи, то дѣйствія національнаго собранія дошли до послѣдней крайности. Такъ, при обсужденіи конституціи, національное собраніе рѣшило выбросить изъ королевскаго титула слова «Божіею милостію». Однако, такое оскорбленіе было безцѣльно и возбудило противъ себя чувства народа, преданнаго династіи Гогенцол-

---

[1]) См. «Русскую Старину» апрѣль 1904 г.

лерновъ. Этимъ оскорбленіемъ короля была возбуждена въ народѣ реакція, поддерживаемая умѣренною печатью.

Въ виду такого униженія королевской власти и безсилія правительства, Паскевичъ, по полученіи о томъ извѣстія, писалъ императору: «Какъ всѣмъ честнымъ людямъ, наконецъ, не потерять терпѣніе; какъ арміи остаться вѣрной при такомъ униженіи; право, это сверхъ силъ человѣческихъ».

Обращая вниманіе Паскевича на Познань, государь 16-го марта писалъ:

«Теперь, при совершенномъ безначаліи въ Пруссіи, мы отъ Познани должны ожидать всего, но не арміи, а бунтующихъ массъ. Отъ Галиціи то же, ибо, по положительному объявленію графа Фикельмона, они хотятъ удерживать тамъ свое владычество и препятствовать безначалію военной рукой, какъ дѣлаютъ въ Ломбардіи; войны же намъ не объявятъ, ибо хотятъ съ нами оставаться въ добромъ согласіи. Потому, повторяю, покуда съ австрійской границы жду однѣхъ шаекъ.

«Прусская держава тоже меня въ военномъ отношеніи покуда не страшитъ: король своей прокламаціей навязалъ себѣ на шею такую обузу при теперешнихъ обстоятельствахъ, что не знаю, какъ поладитъ съ прочею Германіей. Но Австрія его главой не признаетъ, какъ многіе другіе изъ южной Германіи; что жъ онъ будетъ дѣлать? При этомъ положеніи, чтобы онъ для одной Польши соединилъ свои силы противъ насъ, нѣтъ ни вѣроятія, ни даже возможности. Итакъ мы должны оставаться въ оборонительномъ положеніи, «sur le qui vive», обращая самое бдительное вниманіе на собственный край, дабы всѣ попытки дома укрощать въ самомъ началѣ. Повторяю, продовольствіе и укрощеніе всѣхъ попытокъ къ мятежу важнѣе всего; войны же не съ Пруссіей безначальной, но съ Австріею теперь я не предвижу. Если будутъ прорывы заграничныхъ шаекъ, ихъ надо отражать, взятыхъ съ оружіемъ начальниковъ судить по полевому уголовному уложенію и тутъ же казнить, но за границу не преслѣдовать отнюдь. Вотъ, что я хочу, и, ежели Богъ поможетъ, это должно удасться. Здѣсь все тихо. Прямо отъ короля ничего не имѣю, онъ въ плѣну у радикаловъ. Вѣнскія депеши даютъ надежды къ лучшему, ибо всѣ люди, во главѣ дѣлъ, достойны, и войско осталось опорой правительства, тогда какъ въ Пруссіи войско отстранено и унижено до крайности. Про принца Вильгельма прусскаго ничего не знаемъ; въ газетахъ сказано, что онъ уѣхалъ не къ намъ, а въ Лондонъ.

«Буде старые вѣрные прусскіе офицеры и даже люди вѣрныхъ войскъ спасаться будутъ къ намъ, вели ихъ принимать и отводить внутрь; потомъ скажу, что имъ дѣлать, но оказывать всякое заслуженное уваженіе братскимъ пріемомъ и оружіе не отбирать».

Чрезъ шесть дней императоръ опять писалъ Паскевичу, указывая ему на необходимость быть въ готовности на всякій случай, при чемъ не упускалъ ни малѣйшей подробности, даже въ самыхъ мелкихъ деталяхъ расположенія войскъ въ различныхъ пунктахъ, и повторялъ, что войны не ожидаетъ. «Повторяю, — говорилъ онъ, — будутъ набѣги, попытки къ бунтамъ и, что̀ гораздо хуже, тайная война на умы войскъ и края. Противъ сего нельзя быть намъ довольно осторожными. На ругательства и прочее, чѣмъ насъ за границей подчуютъ,—на это мы должны смотрѣть съ презрѣніемъ и ждать. Въ Пруссіи анархія полная, и отгадать нельзя, что будетъ, особенно въ Познани.

«Дѣла австрійскія съ отложеніемъ Ломбардіи стали еще хуже. Покуда еще въ Вѣнѣ члены правленія люди порядочные, но устоять-ли при отсутствіи главы, ибо ея нѣтъ,—вотъ чему сомнѣваюсь. Про Францію и говорить нечего, это—хаосъ, вертепъ изверговъ, готовый на все; теперь изверглось на Германію двѣнадцать тысячъ самыхъ отчаянныхъ изверговъ всѣхъ націй, дабы всюду разнесть убійства и грабежъ, и, сладивъ тамъ, они хотятъ и къ намъ; пусть сунутся, примемъ съ должной почестью. Пиши мнѣ про духъ войскъ, офицеровъ, начальниковъ; что толкуютъ поляки? Все это мнѣ важно знать.

«Суворовъ пишетъ мнѣ, что мужики въ Самогиціи въ тайномъ волненіи. Я послалъ туда Анрепа съ тѣмъ, чтобы сначала унять. Изъ Лондона ничего не имѣю и не знаю еще, какое вліяніе имѣло тамъ берлинское дѣло.

«Сегодня, 23-го марта (4-го апрѣля), баронъ Мейендорфъ сообщаетъ намъ, что Адамъ Чарторыйскій и все демократическое общество прибыли въ Берлинъ; что вслѣдъ за нимъ ожидаютъ польскій легіонъ и что Адамъ предлагаетъ Хржановскаго въ начальники войска, которое въ Познани формироваться должно; съ другой стороны, что туда шлютъ прусскія войска, чтобъ удержать порядокъ; что къ Мейендорфу приходятъ отъ войска сильныя положительныя увѣренія, что они противъ насъ драться за поляковъ не хотятъ и что отъ публики и даже народа тѣ же увѣренія. Однако, все это доказываетъ, что мы должны быть на все готовы, что̀ и дѣлаемъ.

«Сегодня, 29-го (10-го апрѣля), Мейендорфъ и Бенкендорфъ пишутъ согласно, что расположеніе къ войнѣ противъ насъ въ Пруссіи постепенно утихаетъ и что сами поляки тому причиной своими неистовствами, которыя возбудили вновь всю ненависть къ нимъ нѣмцевъ. Чарторыйскій всячески старается унять поляковъ въ ихъ порывахъ, разсчитывая вдаль и надѣясь на смуты у насъ отъ мужиковъ».

«30-го числа получилъ еще перваго курьера изъ Берлина и извѣщеніе о посылкѣ сюда чрезъ Познань и Варшаву генерала Пфуля съ личными порученіями короля и самыя положительныя увѣренія въ томъ,

что они отнюдь не хотятъ войны съ нами. Радуюсь сему, желаю вѣрить, но буду вооружаться по-прежнему, ибо не полагаюсь на эти увѣренія, какъ увѣренія такихъ людей, которые сами въ своихъ словахъ, въ томъ, что могутъ или не могутъ—сами не увѣрены.

«Съ измѣною сардинскаго короля не знаю, что будетъ съ Радецкимъ; онъ въ плохомъ положеніи. Вообще, ничего нельзя предвидѣть, одинъ только Богъ спасти насъ можетъ отъ общей гибели. На Него вся надежда и твердое мое упованіе».

Въ началѣ апрѣля Паскевичъ сообщалъ императору о полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ относительно революціонныхъ дѣйствій въ Познани и Галиціи. На это государь отвѣчалъ, что видитъ, «что поляколюбіе въ Берлинѣ пропадаетъ, благодаря обыкновенной польской безсмыслицѣ; теперь желаю только, чтобъ они хорошенько подрались, и славно бы было, еслибъ они попались между прусскихъ и нашихъ войскъ; это былъ бы праздникъ и сблизило бы опять войска, которыя никогда бы не должны иначе дѣйствовать, какъ заодно. Въ Берлинѣ потише, но настоящаго правительства все еще нѣтъ и долго быть еще не можетъ».

Когда, наконецъ, въ Познани приняты были крутыя мѣры для обузданія революціи, то, увѣдомляя о томъ Паскевича, государь писалъ ему:

«Какъ я радъ, что дураки-поляки своими поступками разгнѣвали пруссаковъ. Пусть же теперь хлебаютъ сами кашу, которую заварили. Кажется, Виллизенъ и въ Берлинѣ надоѣлъ; его, говорятъ, отозвали. Коломбъ молодецъ; я его знаю; онъ съ ними сладитъ, и чѣмъ больше подерутся, тѣмъ лучше; вѣроятно, и къ намъ бѣгутъ шайки; надѣюсь, что Реадъ задастъ славный урокъ. Какъ я радъ, что прусскіе гусары поохотились на нашихъ бѣглецовъ; ничто имъ. Вели имѣнія этихъ каналій конфисковать. Въ Берлинѣ все по-прежнему, и лучшаго имъ предвидѣть нельзя».

Между тѣмъ, изъ Берлина государь не получалъ ни одного письма и только 2-го мая, по новому стилю, получено было императрицею письмо, по поводу котораго императоръ писалъ Паскевичу:

«Что происходитъ въ Познани выше всего, что вообразить можно наглости, свинства и глупости. Сегодня еще въ первый разъ по революціи жена моя получила письмо отъ короля и ни слова про все бывшее, какъ будто ничего не было. Однако, говоритъ, что поляки мошенники и что онъ желаетъ, чтобъ они попались тебѣ въ руки, чтобъ ты ихъ могъ повѣсить! Вотъ тебѣ образчикъ его головы. Стыдно и жалко читать. Датское дѣло приняло самый серьезный оборотъ, и первое его послѣдствіе будетъ разореніе прусской торговли. Право, не знаю, чѣмъ все это кончится.

«Кажется, расположеніе къ полякамъ въ Германіи быстро измѣняется

на ненависть, но ругательства на насъ не прекращаются. Я этимъ презираю и все не вижу повода къ войнѣ».

Въ одномъ изъ своихъ писемъ государь спрашивалъ Паскевича, что сдѣлано съ варшавскимъ заговоромъ, и прибавлялъ: «пойманныхъ въ Литвѣ заграничныхъ каналій надо судить по всей строгости законовъ, чтобы отбить охоту къ подобнымъ посѣщеніямъ; поймался покуда одинъ, но пробралось извѣстныхъ пять; надо ихъ отыскать».

«Считаю весьма нужнымъ, чтобы весь 4-й корпусъ былъ свободенъ отъ постороннихъ обязанностей, но могъ тобою быть сосредоточенъ по обстоятельствамъ съ тѣмъ, чтобъ въ нуждѣ могъ выступить весь въ Галицію, и для того предлагаю тебѣ придвинуть къ Подоліи и остальные три полка 14-й дивизіи. Дошли до меня свѣдѣнія, что духъ офицеровъ во 2-й легкой дивизіи, поляковъ, которыхъ тамъ больше половины, въ особенности въ гусарскомъ Ольги Николаевны, не хорошъ. Хотя я сему не очень вѣрю, но послалъ, подъ предлогомъ осмотра дивизіи, ген.-адъют. Анрепа всѣ дивизіи пропустить и удостовѣриться при осмотрѣ, чему вѣрить должно. Онъ тебѣ объ этомъ донесетъ. Что говорить про происходящее въ Познани? Не судъ-ли это и кара небесная постыдному королю! Тотъ, котораго повѣсить слѣдовало, но которому онъ кланялся съ балкона, тотъ теперь, съ оружіемъ въ рукахъ, бьетъ его войска! Гадость и жалость! Свиданія нашихъ офицеровъ съ прусскими на границѣ хорошее дѣло, ежели чистосердечно, но частыхъ повтореній не нужно, доколь все утихнетъ...

«...Извѣстія о добромъ къ намъ расположеніи прусскихъ офицеровъ, съ одной стороны, очень утѣшительны, но плачевно, хоть и справедливо, ихъ негодованіе на короля и ихъ желаніе быть подъ принцемъ прусскимъ. Но я вполнѣ раздѣляю твое и ихъ мнѣніе, что онъ одинъ, если у него достанетъ духа и рѣшимости, еще можетъ спасти Пруссію отъ полнаго разрушенія. Какъ сіе сдѣлать, не рискуя свергнуть короля, т. е. самимъ дѣйствовать революціонно,—такая трудность, такая задача, что и не придумаю. Одно теперь почти рѣшено, что Пруссія не хочетъ и не можетъ насъ атаковать; что въ Познани сами поляки уничтожили то, что̀ было въ ихъ пользу затѣяно, и потому, что и сей опасности намъ не предстоитъ. Весь вопросъ съ этой стороны нынѣ: будетъ-ли республика или установится монархія, безсильная, мнимая, и все—тутъ. Зная характеръ принца прусскаго, не думаю, чтобъ онъ умѣлъ найтиться, развѣ король теперь же откажется отъ престола, что̀ повлечетъ сейчасъ признаніе республики въ Берлинѣ, но въ такомъ случаѣ и армія, и большая часть провинцій, навѣрно, обратятся къ принцу прусскому, какъ къ законному наслѣднику. Покуда намъ должно выжидать, елико возможно поддерживать добрыя сношенія съ прусской арміей, не показывая, однако, чтобы мы въ нихъ искали, но отвѣчать

только на ихъ добрыя чувства къ намъ. Богъ укажетъ, что далѣе намъ возможно!

«На-дняхъ отправилъ сына Константина въ Штокгольмъ; король ведетъ себя очень хорошо; я предложилъ ему нынѣ флотъ для перевозки его войскъ въ Данію; не знаю, захочетъ-ли предложеніемъ моимъ воспользоваться. Мейендорфъ пишетъ, что, кажется, датское дѣло не поведетъ къ разрыву съ нами и что, какъ кажется, дѣло идетъ на мировую.

«Пишутъ также, что разнесся слухъ, будто французы скоро выступятъ въ Италію и перейдутъ Рейнъ такъ, чтобы возстановить Польшу. Милости просимъ».

Въ іюнѣ 1848 года прусскій король прислалъ въ Петербургъ генерала Пфуля съ собственноручнымъ письмомъ короля, въ которомъ онъ оправдываетъ дѣйствія прусскихъ властей въ Познани и увѣряетъ, что прусское правительство нисколько не потворствуетъ національнымъ стремленіямъ поляковъ и только желаетъ преобразовать управленіе Познанскою областью съ единственною цѣлью связать ее еще болѣе съ прусскимъ королевствомъ. Но императора Николая мудрено было убѣдить однѣми фразами, и онъ требовалъ дѣла. Поэтому онъ вовсе не былъ удовлетворенъ этимъ письмомъ. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что прусское правительство не разрѣшило образованія особенной польской арміи, но въ то же время убѣдился, что поляки не перестаютъ пользоваться поддержкою и покровительствомъ въ своей, такъ называемой, національности и что безнаказанность, кажется, признана за ними на вѣчныя времена. Поэтому государь объявилъ, что онъ только тогда повѣритъ наказанію Мѣрославскаго, когда узнаетъ, что его дѣйствительно повѣсили.

Замѣчательно, что уже въ 1848 году государь, получивъ письмо Бенкендорфа по поводу вооруженія пѣхоты, сознавалъ невыгоды кремневыхъ ружей, а между тѣмъ не вводилъ хорошаго оружія въ своей арміи, которая черезъ шесть лѣтъ должна была встрѣтиться съ ударными ружьями французовъ и англичанъ. Такъ, 11-го (23-го) іюля онъ писалъ Паскевичу:

«Прилагаю при семъ выписку изъ письма Бенкендорфа, весьма по-моему замѣчательнаго и справедливаго; нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ войны Германія не представитъ намъ прежняго театра войны, но что вся мѣстность будетъ столько же пересѣчена разработкой, сколько и желѣзными дорогами, коихъ насыпи или углубленія всѣ перемокли и крайне затрудняютъ движеніе. Въ семъ отношеніи очень быть можетъ, что огонь штуцеровъ, искусно приспособленный къ новой войнѣ, будетъ весьма губительнымъ противникомъ, ежели съ нашей стороны мы не будемъ въ равныхъ тактичныхъ условіяхъ. Потому твердое, основательное изученіе разсыпнаго строя и цѣльная стрѣльба совершенно необходимы намъ, равно какъ и привычка къ хорошему примѣненію къ

мѣстности. Симъ настоятельно прошу велѣть строго и прилежно заниматься на прямой отвѣтственности корпусныхъ командировъ. Нельзя тоже терять изъ виду, что мы одни остались съ кремневыми ружьями и драться будемъ съ войсками, кои всѣ имѣютъ ружья ударныя, и потому вся выгода въ семъ отношеніи будетъ на сторонѣ противниковъ...»

Отвѣчая Паскевичу на его письмо о положеніи дѣлъ въ Пруссіи и Австріи, государь 21-го іюня (3-го іюля) пишетъ:

«Мнѣніе твое о томъ, что происходитъ въ Австріи и Пруссіи, я вполнѣ раздѣляю. Въ Пруссіи мы близки къ плачевной развязкѣ, если король не рѣшится дѣйствовать заодно съ арміей и съ массой народной, вопреки своимъ глупымъ мечтамъ, которыя его погубили и весь край; уже явно говорятъ, что съ нимъ нечего дѣлать, даже армія, ежели не такъ говоритъ изъ долга чести, то такъ мыслитъ; но всѣ хотятъ покончить съ Берлиномъ, ибо никто въ мысли народной не хочетъ предаться новымъ идеямъ».

«Изъ Берлина,—пишетъ государь 29-го іюня (11-го іюля),—все тѣ же вѣсти безначалія. Король нуль, принцъ прусскій нулемъ сдѣланъ, войско горитъ нетерпѣніемъ, страхъ о нашемъ появленіи—и все тутъ.

«Если послѣдуетъ разрывъ съ Пруссіей, мы не должны искать завоеваній, но ограничиться дѣйствіями, которыя бы только усилили наше оборонительное положеніе»; а 2-го(14-го) августа онъ писалъ: «Въ Пруссіи, кажется, отъ слабости короля все идетъ очень плохо; теперь онъ ѣдетъ цѣловать руку эрцгерцогу на Рейнъ; генералъ Врангель прислалъ королю повинную». 12-го (24-го) августа въ новомъ письмѣ онъ говоритъ: «Слухи о новомъ заговорѣ на бунтъ не первые и не послѣдніе; осторожность съ подобными канальями всегда необходима будетъ, но бояться ихъ не должно, пусть пробуютъ, буде хотятъ, тѣмъ хуже для нихъ».

«Вызвалъ сюда флигель-адъютанта Бенкендорфа,—писалъ въ тотъ же день государь,—все, что онъ намъ разсказалъ про Берлинъ, доказываетъ мнѣ, что старая Пруссія безвозвратно пропала, несмотря на превосходный духъ арміи и всего дворянства и большей части народа въ старыхъ областяхъ и оттого, что нѣтъ главы, нѣтъ человѣка, который съумѣлъ бы взять все въ руки и воспользоваться прирожденнымъ духомъ, который еще хранится; больно и грустно».

Между тѣмъ датскій вопросъ не былъ еще оконченъ; заключено было только перемиріе въ Мальмэ. Дѣло остановилось на томъ, что эрцгерцогъ Іоаннъ запретилъ генералу Врангелю не только не входить въ Ютландію, но даже возобновлять военныя дѣйствія. Однако это все-таки не удовлетворяло императора Николая, и онъ 17-го (29-го) августа писалъ по этому случаю:

«Про германскія свинства и не говорю, надоѣло! Ежели съ Даніей

не кончатъ, войдемъ въ Пруссію, хотя, признаюсь, очень не-хотя, да долѣе терпѣть нельзя.

«Новыя попытки въ Берлинѣ гадки донельзя, а равнодушіе къ тому правительства явно доказываетъ его ничтожество, или скорѣе самого короля! Какъ всѣмъ честнымъ людямъ наконецъ не потерять терпѣніе, какъ арміи остаться вѣрной при такомъ униженіи, право, это сверхъ силъ человѣческихъ».

По полученіи извѣстія, что король прусскій утвердилъ перемиріе въ Даніи, государь 23-го августа (4-го сентября) писалъ Паскевичу.

«Сегодня, наконецъ, мы получили извѣстіе, что король прусскій подписалъ перемиріе съ Даніей и возвратилъ свои войска. Слава Богу! Оно тѣмъ счастливѣе, что, вѣроятно, будетъ ссора между Франкфуртомъ и Пруссіей, что̀ почитать слѣдуетъ за счастливое событіе.

«Теперь король свободенъ дѣйствовать всѣми силами противъ Берлина и, какъ говорятъ, намѣренъ при первомъ случаѣ его бомбардировать— крайне, крайне пора.

«Берлинскія извѣстія Мейендорфа предвѣщаютъ близкій разрывъ съ Франкфуртомъ и свалку въ самомъ Берлинѣ. Это было бъ хорошо, ежели бы во главѣ всего стоялъ человѣкъ съ духомъ и умомъ, а не тотъ король, который своимъ безразсудствомъ поставилъ свое государство на край пропасти и лишился всякаго довѣрія всѣхъ честныхъ людей; съ нимъ нѣтъ спасенія.

«Жду, что въ Краковѣ будетъ каша; пристанутъ многіе изъ нашихъ, но важнаго у насъ быть не можетъ, а будетъ нѣсколькими канальями меньше и православныхъ имѣній свободныхъ побольше. Ежели дѣла примутъ оборотъ къ войнѣ, намъ нельзя будетъ и думать объ отпускахъ и продажѣ лошадей, и это очень тяжело...»

Въ сентябрѣ 1848 года король прусскій писалъ императору Николаю: «Славная нѣмецкая революція вступила въ тотъ фазисъ, когда рѣчь идетъ о существованіи прусской короны или скорѣе существованіи самой Пруссіи и Германіи; приверженцы красной республики, составляющіе во всей Германіи (и еще дальше) одно цѣлое, хорошо дисциплинированное для своей цѣли, заставили 7-го числа собраніе въ Singacademie, въ Берлинѣ, при крикахъ толпы, постановить, что «оно имѣетъ право давать приказанія моимъ министрамъ». И такъ это республика или, если хотите, еще болѣе—анархія.

Далѣе въ письмѣ онъ говоритъ, что не допуститъ такого безпорядка; если же собраніе не подчинится королевской волѣ, то въ такомъ случаѣ онъ рѣшится силою оружія заставить исполнять свои приказанія. Только онъ сознаетъ, что въ послѣднемъ случаѣ можетъ возгорѣться общее возстаніе и борьба между «доброю, лойяльною и старою Пруссіею» съ одной стороны и «германскою революціею» съ другой. «Но если я, вопреки

всякому ожиданію, буду принужденъ оставить Берлинъ въ виду общаго возстанія,—пишетъ король,—то придете-ли вы ко мнѣ на помощь, если я васъ о томъ попрошу. Если партія толпы во Франкфуртскомъ парламентѣ также объявитъ Пруссіи войну съ помощью Франціи, то пойдетъ-ли Россія на помощь Пруссіи?»

На это письмо императоръ выразилъ сначала серьезное неудовольствіе какъ за сдѣланныя королемъ уступки народному движенію, такъ и за явное безсиліе и нерѣшительность прусскаго правительства. Затѣмъ онъ продолжалъ: «Знать, что старая прусская монархія, наша ближайшая союзница и ея король приведены въ такую крайность, что только посредствомъ кровавой и внутренней борьбы можно будетъ, можетъ быть, ее спасти,—это одна изъ тѣхъ страшныхъ истинъ, которыя возмущаютъ душу».

Укоряя короля за то, что Пруссія по его волѣ отреклась отъ своихъ традицій, которыя въ продолженіе вѣковъ составляли ея силу и славу, онъ заявилъ, что не знаетъ старой Пруссіи, если она не воскреснетъ. По его мнѣнію, старая Пруссія исчезла въ Германіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезъ древній союзъ, ибо Россія не можетъ придти на помощь державѣ, которая отреклась отъ своихъ традицій и которая отнынѣ должна биться во всей путаницѣ конституціонныхъ формъ, — наконецъ, державѣ, находящейся подъ господствомъ революціонныхъ учрежденій. «Но,—прибавляетъ государь,—Россія всегда будетъ вѣрной союзницей своего стараго друга—доброй, старой и лойяльной Пруссіи. Если когда-нибудь подъ старое прусское знамя станутъ старые пруссаки, но не нѣмцы подъ знаменемъ баррикадъ, русскій орелъ будетъ возлѣ него. Наконецъ, если въ Пруссіи королевская власть будетъ замѣнена республикою, то императорское правительство сочтетъ долгомъ принять мѣры для обезпеченія неприкосновенности границъ Имперіи. Если бы русская армія принуждена была перейти границу,—говорилъ императоръ,—то, само собою разумѣется, она не возстановила бы конституціонной Пруссіи, но только возстановила бы Пруссію, какой она была въ славныя царствованія вашихъ предковъ и какою она была передана вамъ вашимъ покойнымъ обожаемымъ отцомъ».

Это письмо произвело на прусскаго короля, который питалъ самое искреннее почтеніе къ императору, большое впечатлѣніе. Вскорѣ обнаружилось и дѣйствіе внушеній Николая Павловича. Начиная съ октября 1848 года, Фридрихъ-Вильгельмъ IV мало-по-малу началъ поддаваться вліянію болѣе консервативныхъ началъ, и въ ноябрѣ 1848 было образовано реакціонное министерство графа Бранденбурга.

Въ то же время по этому поводу государь 8-го (20-го) сентября писалъ Паскевичу:

«Вчера утромъ получили мы извѣстія отъ Мейендорфа, которыя пред-

варяютъ о близко послѣдовать имѣющемъ рѣшительномъ переворотѣ въ Берлинѣ! Будетъ-ли успѣхъ, одинъ Богъ знаетъ. Грѣшно терять всю надежду, но, признаюсь, не могу имѣть вѣры ни къ чему доброму, доколь дѣломъ правитъ этотъ король, у котораго нѣтъ здраваго ума. Мейендорфъ извѣщаетъ тоже, что король послалъ чрезъ Варшаву съ письмомъ ко мнѣ г. Бронье, въ которомъ будто описываетъ свои намѣренія и проситъ нашего содѣйствія, что Мейендорфъ ему отсовѣтовалъ. О помощи революціонной Пруссіи и рѣчи быть не можетъ; хотѣлъ бы король воротиться къ прежнему порядку вещей—другое дѣло; тогда бы помощь наша могла быть въ пору; теперь же нѣтъ. И того для короля довольно, что онъ можетъ быть спокоенъ за тылъ свой и лѣвый флангъ и смѣло взять оттоль свои войска, чтобъ ими усмирять Берлинъ и Бреславль, но не болѣе. Но ежели ему подъ Берлиномъ будетъ неудача, республика провозгласится въ Пруссіи, тогда дѣло будетъ объ нашей защитѣ, и мы двинемся въ восточную Пруссію по Вислѣ.

«Пріѣхалъ отъ Кавеньяка Ле-Фло, говорятъ, человѣкъ очень хорошій. Тамъ, покуда дѣла въ строгихъ рукахъ, и, повидимому, все въ порядкѣ тогда какъ въ Германіи хаосъ!!! и долго еще продлится, доколь Богу не угодно будетъ наслать на нихъ бичъ въ духѣ Наполеона, чтобъ мерзавцевъ унять страхомъ, иначе не предвижу конца».

15-го (27-го) сентября Паскевичъ получилъ отъ императора слѣдующее письмо:

«Король прусскій въ своемъ письмѣ дѣлаетъ ужасную картину своего положенія (кто виноватъ?) и весьма правильно излагаетъ, что ему предстоитъ, но, увѣряя (а я не вѣрю), что рѣшится дѣйствовать со всей силой и натискомъ. Въ случаѣ неудачи проситъ меня о помощи въ трехъ случаяхъ: 1) ежели не сладитъ въ Берлинѣ, 2) ежели сладитъ въ Берлинѣ, но возстаніе будетъ общее и Германія на него обратится, 3) ежели и Франція на него обратится.

«На все это я ему отвѣчалъ, что Россія давно была готова идти ему на помощь, доколь была старая Пруссія, но что онъ самъ старую Пруссію низвергъ и съ этимъ вмѣстѣ нашъ тѣсный союзъ; что Россія не можетъ быть союзницей тѣхъ, кои, поправъ свое старое преданіе, слѣдуютъ знамени бунта, признавъ его своимъ. Воротись Пруссія къ старому, подъ свое старое знамя, тогда Россія выполнитъ свято то, что старый союзъ опредѣлилъ, но до того ни шагу не сдѣлаю; довольно и того, что отвѣчаю ему за безопасность его границъ отъ Мемеля до Австріи, почему можетъ взять оттуда всѣ свои войска. Что ежели будетъ ему неудача, власть королевская рушится и замѣнится республикой,—тогда долгъ мой будетъ, обязанность Россіи и что, можетъ быть, кинусь возстановлять Пруссію, не ту, которую король сотворилъ на свою гибель, но прежнюю, подъ законами, подъ которыми процвѣ-

тала подъ предками короля и ему сдана нашимъ любимымъ покойнымъ королемъ, и подъ сими условіями радъ буду, ежели Богъ насъ сподобитъ, ввести его обратно въ его столицу».

«Всѣ извѣстія изъ Берлина,—писалъ государь 22-го сентября (4-го октября),—самыя плачевныя. Пфуль короля нагло обманулъ и осмѣлился дать приказъ по арміямъ безъ вѣдома короля. Всякій бы, на мѣстѣ короля, Пфуля отдалъ бы подъ судъ, какъ измѣнника, но королю и это хорошо. Спрашивается, чего ожидать послѣ этого?

«Предвижу королю бѣду и, страшно выговорить, боюсь ему конца Людовика XVI!!! Покуда намъ надо быть готовыми на все.

«Я вынужденъ былъ сдѣлать строгій выговоръ Батурину и бригадному и двумъ полковымъ командирамъ за то, что осмѣлились сбыть въ резервъ двухъ офицеровъ дурнаго поведенія, которые полиціей арестованы; я взглянулъ на подобное, какъ на явное непослушаніе моей волѣ, и никогда подобнаго не спущу».

На другой же день послѣ приведеннаго письма государь опять писалъ: «Въ Пруссіи жалкое и плачевное положеніе дѣлъ. Тамъ, не говоря уже о королѣ, не видать ни одного вѣрнаго, рѣшительнаго человѣка, который бы умѣлъ жертвовать собой, чтобы спасти короля и свое отечество. Между тѣмъ войско еще хорошо, въ краѣ самомъ мужики тоже; однимъ словомъ, элементовъ спасенія подъ рукой еще много, но главы нѣтъ!

«Не думаю, даже при вѣроятномъ успѣхѣ въ Вѣнѣ, чтобъ въ Берлинѣ дѣло пошло лучше, ибо всякое довѣріе къ королю исчезло. Словомъ, не вижу способовъ тамъ ко спасенію.

«Добро развѣ выйдетъ тамъ изъ излишествъ зла, т. е. послѣ анархіи, республики и рѣзни.

«Но и тогда нуженъ человѣкъ рѣшительный, а гдѣ онъ? Не видать».

Негодуя на происходящее въ Берлинѣ, государь писалъ Паскевичу 2-го (14-го) октября:

«Нѣтъ сомнѣнія, что происшествія въ Вѣнѣ имѣть будутъ свой отголосокъ и въ Берлинѣ, и почти сего желать надо, дабы конецъ положить ужасному состоянію, которое безмолвно разрушаетъ и послѣднія надежды къ возстановленію порядка. Нельзя безъ омерзѣнія слѣдить за происходящимъ тамъ! Подлость, трусость и глупость имѣютъ своего постояннаго представителя въ лицѣ короля, къ которому презрѣніе, и заслуженное, не знаетъ уже мѣры. И въ цѣлой Пруссіи не найдется ни одного человѣка, который бы, по примѣру Іорка и Елачича, взялъ бы на себя спасти отечество. Срамъ!

«Сегодня получилъ курьера изъ Парижа. Киселевъ пишетъ, что съ нами очень желаютъ сблизиться, но что ни за какую стойкость прави-

тельства отвѣчать нельзя, какъ и вообще за всякій порядокъ. Что рѣзня будетъ, но что всего вѣроятнѣе, что послѣ рѣзни возстановится чисто монархическое правленіе, ибо всякое другое, не соединяющее все и полную власть въ однѣхъ рукахъ и одного лица—совершенно невозможно!!! Это послѣ семидесяти лѣтъ революціи!»

«Замѣчательно,—писалъ императоръ 12-го (24-го) октября,—что вездѣ теперь все поляки въ головѣ революцій, даже въ Сардиніи польскій легіонъ и, говорятъ, что Хржановскій назначенъ начальникомъ штаба короля.

«Въ Пруссіи весь вопросъ затрудненій въ одной личности короля котораго никто не понимаетъ и понять не можетъ, но который все останавливаетъ, все портитъ своей двуличностью, своимъ безразсудствомъ и глупыми мечтаніями. Послѣднее еще болѣе вредитъ, ибо канальи, зная его, весьма искусно ласкаютъ его любимыя мысли и завлекаютъ въ такое направленіе, которое согласно съ ихъ видами: уничтожить Пруссію подъ предлогомъ возможнаго слитія съ Германіей, признавъ будто императоромъ короля!!! Хорошо, что войска и даже ландверъ покуда въ хорошемъ духѣ, но будетъ-ли еще такъ, когда дастся конституція, а по обѣщанію армія ей должна будетъ присягать! Покуда наша роль не можетъ измѣниться, мы должны, какъ оно ни тягостно, оставаться вооруженными зрителями плачевной сей трагедіи—долго-ли? одинъ Богъ знаетъ. Намъ въ ихъ дѣла вмѣшиваться не время, вступимъ тогда, когда воля Россіи сдѣлается закономъ Германіи къ ихъ счастью. Будемъ держать нашу славную армію въ строгомъ порядкѣ, приложимъ старанія поддерживать ея славный духъ, усовершенствовать то, что еще, можетъ быть, того требуетъ, и когда настанетъ время, тогда, перекрестясь, скажу тебѣ съ Богомъ, и грянемъ ангелами мира и устройства. Вотъ наша цѣль».

Бушевавшее въ Берлинѣ народное собраніе было осенью перенесено изъ Берлина въ Бранденбургъ, утратило свое прежнее значеніе и въ концѣ ноября покончило свое существованіе, а прусскій король въ декабрѣ обнародовалъ новую конституцію.

«Конституція въ Пруссіи,—писалъ по этому поводу государь 6-го (18-го) декабря,—положила вѣнецъ всѣмъ глупостямъ, которыя ознаменовали послѣднее время. Надежда, будто будущія камеры отвергнутъ ее и возвратятъ власть королю, мнѣ кажется одной химерой. Жаль этой доброй арміи, оказавшей столько опытовъ чистой преданности и все даромъ; право, жалости стоитъ».

Послѣднее письмо въ 1848 г., писанное государемъ Паскевичу, также относилось къ Пруссіи.

«Я ничего не понимаю въ Пруссіи, что быть можетъ данная кон-

ституція одна игранная фарса, дабы выиграть время и потомъ сбросить личину! достойно-ли это государственной власти.

«Кажется, Луи-Наполеонъ будетъ президентомъ, ежели будетъ держаться въ политикѣ правилъ Кавеньяка, признать его можемъ, но если будетъ искать короны или завоеваній, мы его не признаемъ и можетъ быть война. Надо, чтобъ все это объяснилось».

6-го декабря, въ день тезоименитства русскаго государя на обѣдѣ въ Потсдамѣ король, подойдя къ барону Мейендорфу, высказалъ, что онъ очень радуется успокоенію умовъ въ Германіи и надѣется на полное соглашеніе съ Австріею. Въ январѣ 1849 года на орденскомъ праздникѣ во время обѣда король поднялъ бокалъ и, обращаясь къ русскому посланнику, сказалъ по-русски: «Боже, царя храни». Затѣмъ послѣ обѣда онъ подошелъ къ Мейендорфу и заявилъ ему, что надѣется, что въ двѣ недѣли вся Германія будетъ совершенно спокойна.

Между тѣмъ революція повсемѣстно развивалась все болѣе и болѣе. Вслѣдъ за Пруссіею она началась въ Австріи. Управлявшій Европою съ Вѣнскаго конгресса, Меттернихъ бѣжалъ; правительство потеряло голову, роздало бюргерамъ и студентамъ оружіе, образовало національную гвардію и созвало выборныхъ для совѣщанія по административнымъ и законодательнымъ вопросамъ. Въ то же время въ различныхъ областяхъ Австріи начались раздоры; нѣмцы спорили съ чехами, въ Трансильваніи бродили мятежныя шайки венгерцевъ подъ предводительствомъ польскаго генерала Бема, а въ Италіи на помощь возставшимъ италіанцамъ явился въ мартѣ король сардинскій Карлъ-Альбертъ, занявшій 26-го числа своими войсками Миланъ. Папа вмѣстѣ съ Англіею предлагали австрійцамъ, подъ предлогомъ, что они не съумѣлъ заслужить любовь италіанцевъ, уступить и отдѣлить отъ имперіи италіанскія владѣнія. Самъ императоръ въ началѣ мая бѣжалъ въ Инспрукъ.

Въ письмѣ государю Паскевичъ выразилъ удивленіе, что Англія такъ отплачиваетъ Австріи за 80-ти-лѣтнюю дружбу.

Первою жертвою австрійской революціи, какъ сказано, былъ князь Меттернихъ, который, въ случаѣ новыхъ невзгодъ, возлагалъ большія надежды на русскаго государя, зная его испытанную дружбу къ Австріи. Австрійское правительство просило помощи Россіи для защиты его интересовъ, и Николай Павловичъ объявилъ, что если на Австрію нападетъ Сардинія въ союзѣ съ Франціею, «всѣ русскія силы будутъ готовы поддерживать васъ». Поддержка, которую находилъ Меттернихъ въ Россіи, и была главною причиною его паденія. Русскій императоръ искренно сожалѣлъ объ отставкѣ Меттерниха потому, что князь зналъ и умѣлъ цѣнить его расположеніе къ Австріи и къ ея династіи. По убѣжденію

императора, съ Меттернихомъ погибла цѣлая система отношеній, идей, интересовъ и общихъ дѣйствій при новомъ пути, на который теперь вступитъ австрійская монархія, и, не смотря на добрую волю ея правителей, будетъ трудно возстановить въ прежней степени.

Дѣйствительно, паденіе Меттерниха отозвалось на отношеніяхъ между Россіею и Австріею. Смуты, открытыя возстанія и постоянныя перемѣны министерствъ заставили Россію осторожно относиться къ Австріи. Движеніе поляковъ въ Галиціи и на русскихъ границахъ сильно безпокоило наше правительство. Новый австрійскій министръ, Шварценбергъ, секретнымъ образомъ предложилъ занять Галицію русскими войсками. Но предложеніе это не было принято. Пока въ Австріи не утвердится порядокъ, пока не будетъ извѣстно, какая форма правленія установлена, русское правительство не находило возможнымъ придти съ своими войсками на помощь Австріи.

Одновременно съ австрійскою революціею начались повсемѣстно революціи и въ Италіи. Первый примѣръ введенія болѣе или менѣе свободныхъ учрежденій былъ поданъ лицомъ, на которое можно было разсчитывать менѣе всего—это былъ вновь избранный папа Пій IX. Вслѣдъ за тѣмъ народный энтузіазмъ быстро охватилъ всю Италію, и тотчасъ же начались революціи по всему полуострову, начиная отъ Ломбардіи и Венеціи до острова Сициліи.

13-го февраля вспыхнула революція въ Вѣнѣ, 16-го въ Венеціи, 17-го въ Миланѣ, 20-го въ Пармѣ и Піаченцѣ, 27-го въ Неаполѣ.

Въ первое время австрійскія войска повсюду терпѣли пораженія, и 22-го марта Венеція капитулировала съ императорскими войсками, была освобождена изъ-подъ австрійской власти, и въ тотъ же день австрійскія войска подъ начальствомъ Радецкаго удалились въ знаменитый четыреугольникъ крѣпостей.

Разумѣется, ни Миланъ, ни Венеція не могли разсчитывать только на свои силы; они надѣялись, что на помощь къ нимъ придетъ король сардинскій Карлъ-Альбертъ. Онъ упрямо сопротивлялся всякому прогрессивному стремленію, но событія, совершавшіяся вокругъ него, могущественно дѣйствовали на его душу. Онъ въ началѣ издали, молча, смотрѣлъ на событія, боясь высказаться. Ему трудно было остановиться; вокругъ него все волновалось; крики всей Италіи раздавались въ ушахъ его. Напрасно старался онъ уклониться; сила обстоятельствъ заставляетъ его, противъ воли, выйти на новый путь.

Карлъ-Альбертъ, попытка котораго кончилась такъ неудачно, не пользовался доброю репутаціею въ Италіи; патріоты упрекали его за то, что онъ оставилъ ихъ и измѣнилъ имъ въ 1821 году, преслѣдовалъ и гналъ ихъ, что онъ сражался въ Испаніи въ 1823 году за абсолютизмъ, посылалъ субсидіи донъ Карлосу и дону Мигуэлю и еще недавно

посылалъ помощь Зондербунду въ Швейцарію, наконецъ, все время управлялъ государствомъ съ іезуитами и чрезъ іезуитовъ. Поэтому для италіанскаго народа былъ вопросъ, искренно-ли Карлъ-Альбертъ предался новымъ идеямъ, или только понялъ необходимость уступки времени, или онъ уже видѣлъ вдали блескъ желѣзной короны.

Всѣ эти сомнѣнія долго волновали освободившихся италіанцевъ и въ началѣ порождали споры. Въ концѣ концовъ они рѣшились призвать его на помощь, и 23-го марта онъ издалъ прокламацію, а 26-го марта вступилъ въ Миланъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что италіанцы съ Карломъ-Альбертомъ много разсчитывали на тѣ страшныя неурядицы, которыя происходили въ самой Австрійской имперіи.

Узнавъ о занятіи сардинскимъ королемъ Милана, императоръ Николай, говоря о прусскихъ дѣлахъ, писалъ между прочимъ и о дѣлахъ австрійскихъ. Такъ 6-го (12-го) апрѣля онъ писалъ Паскевичу:

«Въ Вѣнѣ дѣлается гораздо хуже; тамъ, въ отсутствіе правительства, производится столько началъ разрушенія, что я не вижу спасенія. Считаю, что Ломбардія потеряна; Венгрія своей дерзкой глупостью, наживъ имперіи всѣ бѣды, теперь хочетъ довершить, какъ кажется, совершеннымъ отдѣленіемъ и мечтаетъ взбунтовать княжества, дабы завладѣть устьями Дуная. Галиція еще въ недоумочномъ положеніи. Кажется, у нихъ нѣтъ единства въ намѣреніяхъ, и простой народъ ничего не хочетъ кромѣ покоя. Теперь прибытіе всѣхъ шаекъ изъ Парижа, можетъ быть, прибавитъ еще затрудненій; что же будетъ рѣшено про это въ Вѣнѣ, и предвидѣть трудно. Однако, изъ предосторожности я велѣлъ въ Леовѣ поставить въ лагерь 15-ю дивизію съ ея артиллеріею, саперный батальонъ, стрѣлковый батальонъ, гусарскій полкъ, казачій полкъ и конную батарею, дабы, въ случаѣ нужды, сейчасъ занять Молдавію по Серетъ».

Не прошло болѣе трехъ дней, какъ Паскевичемъ было получено новое письмо, въ которомъ государь писалъ:

«Въ Вѣнѣ хаосъ; предвидѣть нельзя хорошаго конца, ибо связь монархіи въ конецъ разрушена; силы никакой, а революціонный духъ все сильнѣе. Про Галицію слухи разные; говорятъ, что народъ не хочетъ перемѣнъ и весь за императора.

«Правительство намѣрено всѣми силами удерживать порядокъ въ Галиціи; а Краковъ удержать».

Въ Галиціи и Краковѣ польская революціонная партія захватила управленіе, не прибѣгая къ вооруженному возстанію и безъ явнаго разрыва съ вѣнскимъ правительствомъ. Между тѣмъ южные славяне Кроаціи и Далмаціи потребовали независимости отъ венгерскаго подчиненія и подчиненія непосредственно вѣнскому правительству. Импера-

торъ Фердинандъ, опасаясь неудовольствія мадьяръ, отказалъ славянамъ отдѣлить ихъ отъ венгерской короны, вслѣдствіе чего банъ венгерскихъ земель, Елачичъ, двинулъ славянскія войска въ Венгрію требуя отъ венгерскаго правительства того права, въ которомъ ему отказала Вѣна.

Всѣ эти обстоятельства совокупно съ происходившими безчинствами настолько безпокоили австрійскаго императора, что онъ, для своей безопасности, удалился въ Тироль, въ городъ Инспрукъ.

Узнавъ объ этомъ, императоръ Николай писалъ 10-го (22-го) мая:

«Вчера вечеромъ по телеграфу узналъ я о бѣгствѣ изъ Вѣны императора и семейства въ Инспрукъ. Это опять неожиданно; понимаю, что они ищутъ быть среди вѣрнаго народа и избѣгнуть плѣна или диктаторства каналій. Покуда армія вѣрна, и если успѣхи Радецкаго продолжатся, то можетъ быть это къ лучшему. Прагское воззваніе къ славянамъ надо было ожидать по довольно мнѣ тамъ извѣстному духу, но отвѣчать на оное не будемъ; не наше дѣло. Будемъ ждать и смотрѣть, чѣмъ все это кончится».

Тѣмъ временемъ австрійская революція постепенно развивалась и наконецъ приняла угрожающіе размѣры. Она породила всякаго рода безчинства въ Вѣнѣ, дошедшія до убійства чернью военнаго министра генерала Латура, и заставило самого императора ради безопасности бѣжать въ городъ Ольмюцъ. Положеніе императора было крайнее: хотя Виндишгрецъ потушилъ возстаніе въ Прагѣ, но за то въ самой Вѣнѣ созванный сеймъ былъ полонъ радикальными членами. Кошутъ потребовалъ тотчасъ же сформированія венгерской арміи въ 200 тысячъ и многомиліонный кредитъ; въ Венгріи уже дѣйствовали мятежные отряды противъ войскъ хорватскаго бана Елачича, котораго Австрія объявила мятежникомъ, хотя втайнѣ ему сочувствовала.

По поводу вѣнской катастрофы и бѣгства императора въ Ольмюцъ, императоръ Николай писалъ:

«Нетерпѣливо жду развязки въ Вѣнѣ; слухи оттуда и депеши столь не полны и противурѣчивы, что ничего понять нельзя. Одно положительно, какъ кажется, что князь Виндишгрецъ пошелъ на Вѣну съ богемскими и моравскими гарнизонами. Теперь армія венгерская, ежели есть армія, а не просто сбродъ, пошла-ли въ тылъ Елачичу и Ауэршперчу, нельзя еще понять; во всякомъ случаѣ подъ Вѣной, кажется мнѣ, рѣшится—быть-ли Австрійской имперіи или исчезнуть.

«Присутствіе императора въ Ольмюцѣ заставляетъ меня полагать, что, быть можетъ, въ случаѣ неудачи онъ не обратится-ли къ намъ; въ такомъ случаѣ дай мнѣ сейчасъ знать и вели его принимать со всѣми почестями и, если пожелаетъ ѣхать въ Варшаву, вели его помѣстить въ Бельведеръ. Назначь къ нему отъ моего имени г.-а. (генералъ-

адъютанта) Дьякова и сына твоего, а къ императрицѣ дежурить по очереди фрейлинъ. Ни за что ручаться нельзя, что быть можетъ».

Въ іюнѣ мѣсяцѣ государь получилъ отъ Паскевича письмо, въ которомъ тотъ описывалъ происшедшее въ Австріи. На это онъ 10-го (22-го) іюня отвѣчалъ:

«Подробности бывшаго въ Прагѣ, происшедшаго въ Венгріи и дѣлающагося въ Вѣнѣ столь же любопытны, какъ крайне горьки. Что изъ всего этого выйдетъ, можно предвидѣть, то есть паденіе Австріи; но послѣдствія паденія сего могутъ быть многоразличны. Каковы бы они ни были, одно намъ положительно важно, это то, чтобъ опять не возродилось, съ согласія-ли, или безъ согласія императора, отдѣльное самостоятельное новое царство въ Галиціи, подъ именемъ польскаго или славянскаго. Ежели будетъ такъ, то я непремѣнно вступлю въ Галицію и присоединю къ Россіи древнее ея достояніе. Ибо край сей можетъ быть или австрійскимъ или русскимъ; инаго не могу допустить, во что бы то ни стало.

«Ни Богеміи, ни Моравіи ничего другаго не приму подъ скипетръ Россіи, даже ежели бъ объ этомъ настоятельно просили, ибо оно было бъ прямо противно выгодамъ нашимъ. Готовъ бы даже отдать половину Польши, но Галиціи никому не уступлю, коль скоро она перестанетъ быть областью Австріи. Предваряю тебя объ этомъ, что впрочемъ ты отъ меня часто слышалъ, дабы твои соображенія имѣли сіе въ виду».

Армія Радецкаго, собранная въ знаменитомъ четыреугольникѣ австрійскихъ крѣпостей въ Италіи, ждала подкрѣпленій, чтобы начать военныя дѣйствія. Николай Павловичъ съ ненавистью смотрѣлъ на короля сардинскаго, считая его измѣнникомъ. Слѣдя за операціями австрійской арміи, онъ 21-го іюня (3-го іюля) писалъ Паскевичу:

«Въ Австріи нѣтъ единства, ибо національности всѣ злобно возбуждены одна противъ другой; силы нигдѣ, а воли еще менѣе: какая же будущность? Дѣла въ Италіи не много исправились, но Радецкій требуетъ усилить его 25 тысячами, что не скоро сдѣлаешь, а между тѣмъ венгерцы съ кроатами дерутся и страшно, ежели лучшіе полки Радецкаго кроаты, узнавъ, что у нихъ дома происходитъ, вдругъ бросятъ армію. Дай Богъ, чтобъ не было, но опасаюсь, что имперія распадется».

Королю сардинскому не посчастливилось въ его смѣломъ предпріятіи, и онъ въ іюлѣ мѣсяцѣ былъ разбитъ Радецкимъ при Кустоццѣ и долженъ былъ заключить перемиріе.

Узнавъ объ этомъ, Николай Павловичъ 20-го іюля (1-го августа) писалъ: «радуюсь побѣдѣ Радецкаго, желалъ бы только, чтобъ самого сардинскаго короля поколотилъ», а 24-го іюля: «Спасибо Радецкому, что колотитъ сардинскаго; по шеѣ ему, канальѣ,—золъ я на него».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Павловичъ послалъ Радецкому Георгія

1 класса «въ знакъ уваженія къ нему и его арміи». Объ этомъ онъ писалъ Паскевичу: «Побѣды Радецкаго приносятъ ему величайшую честь, какъ и арміи его, ибо въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ они умѣли вѣрностью и храбростью спасти честь имперіи; они одни сохранили въ тебѣ чистую старую монархію—честь и слава имъ».

По поводу происходившаго въ Вѣнѣ государь 17-го (29-го) августа писалъ: «гадости въ Вѣнѣ тоже идутъ своимъ порядкомъ и не знаю, чѣмъ кончится въ Италіи, и не заставятъ-ли императора отказаться вновь отъ Ломбардіи, столь славно ему возвращенной старикомъ Радецкимъ и вѣрной арміей».

Выше было сказано, что банъ Елачичъ получилъ въ Вѣнѣ отказъ на свое требованіе, чтобы южные славяне въ своемъ управленіи были подчинены не венгерскому правительству, а непосредственно вѣнскому. Получивъ отказъ, Елачичъ самъ съ своими войсками изъ южныхъ славянъ самовольно началъ военныя дѣйствія противъ венгерцевъ. И вотъ въ Австріи создалось положеніе дѣлъ немыслимое ни въ какомъ другомъ государствѣ кромѣ государства, созданнаго изъ множества разноплеменныхъ народовъ. Вѣнское правительство съ одной стороны опасалось преобладанія мадьяръ, но не имѣло силы ему противодѣйствовать; съ другой стороны оно не могло не видѣть, что въ дѣйствіяхъ Елачича заключается выгода монархіи какъ противовѣсъ вліянію мадьяръ. Поэтому оно признавало, что мадьяры вооружаются совершенно законно, а между тѣмъ сознавало, что, въ случаѣ удачи Елачича, имперія избѣгнетъ опасности отъ мадьяризма. Чрезъ это двусмысленное положеніе выходило, что признанный правительствомъ мятежникомъ Елачичъ былъ опорою Австріи, а венгерское правительство, признанное въ Вѣнѣ законнымъ, представляло опасность для Австріи.

Въ это время Паскевичъ писалъ императору: «Конечно, Елачичъ можетъ ниспровергнуть всѣ намѣренія венгерцевъ, ибо онъ можетъ идти на Пештъ и потомъ дать помощь Вѣнѣ и перемѣнить все, что до сихъ поръ въ Австріи было, но кто можетъ отвѣчать за обстоятельства войны».

На это государь писалъ 1-го (13-го) сентября: «Дѣла въ Вѣнѣ очень плохи; въ Венгріи все идетъ къ чорту и Елачичъ беретъ верхъ, и это было бы прекрасно, ежели бъ правительство умѣло имъ воспользоваться».

Слѣдя за ходомъ дѣлъ въ Австріи, императоръ писалъ 8-го (20-го) сентября:

«Со стороны Вѣны не знаю ничего новаго, кажется, Елачичъ идетъ на венгровъ; будетъ-ли что въ Галиціи, не знаю; я уже писалъ въ Вѣну про Краковъ и объявилъ, что ежели они не умѣютъ поддерживать тамъ порядокъ, какъ условіе имъ уступки Кракова, то я буду самъ вынужденъ за это приняться—все это вмѣстѣ заставило рѣшиться пріостановиться отпусками и продажей лошадей въ 1, 2, 3 и 4 корпусахъ, и мы

покуда ихъ оставимъ въ полномъ военномъ положеніи, сколь оно ни тяжело. Будемъ ожидать, какой оборотъ примутъ дѣла»; а 22-го сентября (4-го октября) по поводу успѣховъ хорватской арміи императоръ говорилъ: «Дѣла въ Венгріи, кажется, принимаютъ хорошій оборотъ. Не пойдетъ-ли послѣ того Елачичъ на Вѣну? Хорошо, что Штруве разстрѣляли, еще бы съ дюжину того же и все бы примирилось, но что дѣлать съ трусами или дураками!» На другой день онъ писалъ: «Слава Богу дѣло подъ Вѣной принимаетъ, сколько кажется, хорошій оборотъ; нельзя ему не радоваться и, кажется, можно полагать, что на сей разъ канальи, тамъ собранные, и въ головѣ ихъ Бемъ получатъ добрый урокъ.

«Для того бы мнѣ очень хотѣлось, чтобъ городъ не сдался, а взятъ былъ бомбардировкой, или штурмомъ, дабы и духъ войскъ поднять».

Желаніе Николая Павловича на счетъ Вѣны скоро исполнилось. Въ то время какъ Вѣна готовилась къ оборонѣ, имперскія войска подходили къ столицѣ. Виндишгрецъ съ одной стороны шелъ изъ Праги, гдѣ онъ подавилъ бунтъ, а Елачичъ съ славянскими войсками съ другой. Виндишгрецъ вмѣсто того, чтобы тотчасъ же взять мятежный городъ, вступилъ съ бунтовщиками въ переговоры. Тѣмъ временемъ венгерскія войска шли въ тылъ Елачичу. Венгерское правительство объявило, что оно не враждебно Австріи, но мятежникомъ считаетъ Елачича и дѣйствуетъ противъ него. Виндишгрецъ не призналъ такого толкованія и принудилъ венгерцевъ къ отступленію, а самъ 31-го октября ворвался въ Вѣну и послѣ кровавой уличной схватки подавилъ мятежъ, по окончаніи котораго было образовано консервативное министерство князя Феликса Шварценберга.

По поводу предшествовавшихъ событій и послѣ бѣгства императора въ Ольмюцъ Николай Павловичъ писалъ 2-го (14-го) октября:

«Третьяго дня въ ночь прибылъ твой фельдъегеръ съ несчастными извѣстіями изъ Вѣны. Сколь они ни плачевны, я надѣюсь на милость Божію, что Елачичъ съ тѣхъ поръ, что императоръ далъ ему совершенное полновластіе, скоро сладитъ съ Вѣной, и тѣмъ, можетъ быть, положитъ конецъ анархіи, сбросившей нынѣ всякую личину.

«Отсутствіе императора развяжетъ руки дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Кажется, что кромѣ одного гренадерскаго батальона, прочія войска остались вездѣ вѣрными долгу присяги. Жаль очень Латура, онъ былъ достойный, твердый и умный человѣкъ, и его потеря должна быть чувствительна для арміи, которой онъ былъ самымъ надежнымъ заступникомъ».

Получивъ извѣстіе о занятіи Вѣны, императоръ писалъ 4-го (16-го) ноября:

«Нельзя намъ, солдатамъ, не радоваться, видя, съ какимъ умомъ, твердостью и умѣніемъ кн. Виндишгрецъ исполнилъ трудное предпріятіе,

съ какимъ усердіемъ войско исполнило долгъ, и какъ каждый, начиная съ Елачича, исполнилъ долгъ подчиненнаго примѣрно, и надо уважать и начальниковъ, и армію.

«Главное и то, что духу достало наказывать каналій, и казнь Блума будетъ имѣть сильный отголосокъ вездѣ, какъ одного изъ корифеевъ безначалія. Какой примѣръ и стыдъ пруссакамъ, что не умѣли ничего подобнаго не только исполнить, но даже и предпринять».

4-го (16-го) ноября государь получилъ извѣстіе о занятіи прусскими войсками Берлина и по этому поводу говорилъ: «Это хорошее начало, но, признаюсь, душевно жалѣю, что исполнилось не по-вѣнски, то есть взятіемъ приступомъ».

Получивъ извѣстія о подавленіи революцій въ Берлинѣ и Вѣнѣ, государь высказывалъ Паскевичу свое мнѣніе, что должны бы были дѣлать оба государства. Такъ 4-го (16-го) ноября онъ говорилъ: «Теперь и въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ предстоитъ не менѣе трудное дѣло— уничтожать имя анархіи; будутъ-ли съумѣть? Если не рѣшатся уничтожить все, что революціей у нихъ исторгнуто было, и довольствоваться возстановленіемъ одного наружнаго порядка, то вскорѣ будетъ опять хуже прежняго. Здѣсь нужно радикальное лѣченіе или экстирпація зла, а не полумѣры. Надо откровенно сознаться въ своихъ ошибкахъ и возвратиться къ вѣковому порядку. Въ Берлинѣ король своимъ несчастнымъ нравомъ не вселяетъ во мнѣ и малѣйшаго довѣрія. Надѣюсь болѣе на Шварценберга и Виндишгреца».

Вслѣдъ за тѣмъ 6-го (18-го) декабря онъ писалъ: «Какъ кажется, дѣла въ Австріи нѣсколько поправились и начальные успѣхи въ Венгріи дозволяютъ надѣяться, что усмиреніе можетъ скоро послѣдовать, такъ какъ война не національная, но поддерживается одной революціонной шайкой, усиленной бѣглыми поляками. Но нѣтъ сомнѣнія, что военное торжество не кончитъ всѣхъ трудностей всего предстоящаго дѣла.

«Разстроенное государство въ самыхъ основаніяхъ своего существа требуетъ новаго образованія; при столь разнообразномъ составѣ нужно будетъ сохранять различныя народности, не разстраивая единства управленія. Оно существовать только можетъ, по моему мнѣнію, въ самодержавной власти, иначе не понимаю, вся надежда на вѣрную армію».

Послѣ испытанныхъ треволненій въ Австріи въ небольшомъ моравскомъ городкѣ, Кремзирѣ, собранъ былъ сеймъ для обсужденія проекта новой конституціи. На этомъ сеймѣ князь Шварценбергъ заявилъ депутатамъ, что императоръ Фердинандъ 2-го декабря отрекся отъ престола, братъ его Францъ-Карлъ отказался отъ наслѣдованія, а на престолъ вступилъ племянникъ его, 18-ти лѣтній, нынѣ царствующій Францъ-Іосифъ.

Кремзирскій рейхстагъ въ скоромъ времени увлекся демократиче-

скими тенденціями и проектировалъ конституцію, почти вовсе уничтожавшую центральную императорскую власть. Тогда въ февралѣ 1849 г. сеймъ разогнали вооруженною силою, и 4-го марта была обнародована новая конституція, по которой всѣ австрійскія земли съ Моравіей и Венгріей объявлялись нераздѣльною частью Австрійской имперіи.

По поводу роспуска кремзирскаго сейма фельдмаршалъ очень опасался за спокойствіе въ нашихъ предѣлахъ и полагалъ, что нельзя разсчитывать на спокойствіе ни въ Силезіи, ни въ княжествѣ Познанскомъ, ни въ Краковѣ, ни въ Галиціи, ни даже въ самомъ Берлинѣ. О западной же Германіи и говорить нечего, можно считать особымъ счастьемъ, что по сіе время анархія не взяла тамъ верхъ.

Дѣла австрійцевъ становились день ото дня все хуже; Бемъ гналъ передъ собою австрійцевъ, которые просили помощи у насъ. Высланные нами два отряда въ Трансильванію, благодаря безтолковости австрійцевъ, должны были отступить. Такимъ образомъ русскіе отряды, двинутые для спасенія Трансильваніи, отступили благодаря тому, что австрійскія войска Пухнера отказались дѣйствовать. По этому случаю фельдмаршалъ писалъ государю 19-го (31-го) марта:

«Фельдмаршалъ Виндишгрецъ оставляетъ всѣ свои дѣйствія. Они ничего не дѣлали и вотъ до чего дошли, что наши войска принуждены на границы отступить, выдержавъ сраженіе съ впятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ. Это весьма можетъ и въ другихъ мѣстахъ случиться. Наше войско можетъ быть компрометтировано, благодаря неспособности австрійскихъ генераловъ».

На это письмо императоръ отвѣчалъ 20-го марта (1-го апрѣля):

«Я совершенно раздѣляю мнѣніе твое на счетъ безтолковости австрійцевъ въ Венгріи, плачевные плоды тому вчера еще разительнѣе намъ оказались бѣгствомъ генерала Пухнера съ другими пятью генералами, бросившими свои войска. Послѣдствіемъ того было, что войска, брошенныя своими генералами безъ обуви, снарядовъ и голодные въ числѣ 8 тысячъ съ 36 орудіями, безъ боя ушли въ Валахію, и вся Трансильванія въ рукахъ мятежниковъ поляковъ... Теперь, нѣтъ сомнѣнія, что поляки устроятся въ Трансильваніи, какъ въ крѣпости, и ежели самыя скорыя и рѣшительныя побѣды не увѣнчаютъ Виндишгреца, то дѣло протянется и вдаль, и будетъ весьма трудно его задушить».

Между тѣмъ война въ Италіи кончилась полнѣйшею неудачею для короля сардинскаго—пораженіемъ его арміи при Новарѣ. Результатомъ этого было отреченіе Карла-Альберта отъ престола и вступленіе на него Виктора-Эммануила, съ которымъ Радецкій и заключилъ перемиріе. Николай Павловичъ Радецкаго назначилъ шефомъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка и велѣлъ считать его русскимъ фельдмаршаломъ.

Въ скоромъ времени австрійцы должны были убѣдиться, что они

одни не въ состояніи побороть венгерцевъ; что безъ помощи Россіи они никакъ не обойдутся, и волей неволей придется обратиться за содѣйствіемъ къ русскому императору. Въ предвидѣніи этого, началась дѣятельная переписка между фельдмаршаломъ и государемъ.

Такъ какъ вступленіе нашихъ войскъ въ Австрію требовало разныхъ назначеній, то возбужденъ былъ вопросъ, кого назначить командующимъ войсками 3-го и 4-го корпусовъ, долженствовавшихъ первыми выступить на театръ военныхъ дѣйствій. Государь спрашивалъ Паскевича: подчинить-ли эти корпуса Ридигеру, генералу Бергу или Роту.

Замѣчателенъ отвѣтъ Паскевича:

«Осмѣливаюсь представить о назначеніи на это мѣсто генерала Ридигера, котораго достоинства и опытность неоспоримы. На счетъ генерала Рота я прежде говорилъ, что онъ не показалъ способностей командовать отдѣльно. Генералъ же Бергъ никогда ничѣмъ не командовалъ. Въ австрійской арміи есть, что надобно во фронтѣ служить, чтобы быть офицеромъ-квартирмейстеромъ. Ваше величество изволили повелѣть у насъ тоже, чтобы было. Иначе они не знаютъ, какъ держать дисциплину; они не знаютъ ничего о продовольствіи; они не знаютъ фрунту, ничего, что принадлежитъ до внутренняго управленія. Генералъ же Бергъ не былъ во фрунтѣ. Говорятъ, ему дать хорошаго дежурнаго генерала; но того не всегда послушается, а особливо, когда столкнутся два предмета: движеніе и продовольствіе, ему надобно идти впередъ, а дежурный генералъ говоритъ нельзя по таковымъ обстоятельствамъ. Гдѣ такого дежурнаго генерала найти, ибо такой дежурный генералъ мѣтитъ командовать собственнымъ корпусомъ».

Къ маю мѣсяцу дѣла въ Австріи дошли до того, что ежеминутно ожидали занятія Вѣны венгерскими войсками подъ начальствомъ главнокомандующаго Гергея. Къ тому же въ Вѣнѣ ожидали бунта, а въ Ольмюцѣ, мѣстопребываніи императора, усиливали гарнизонъ. Тогда австрійскій императоръ формально потребовалъ русскихъ войскъ, одно появленіе отряда которыхъ, по словамъ князя Шварценберга, «произведя несомнѣнно сильное впечатлѣніе на непріятеля, можетъ задержать движеніе его на Вѣну».

По разсказамъ очевидцевъ, прибывшій съ письмомъ князя Шварценберга фельдмаршалъ-лейтенантъ Кабога, прося фельдмаршала согласиться на просьбу Шварценберга и повторяя содержаніе письма его, ставъ на колѣни, поцѣловалъ руку князя Варшавскаго, со слезами умоляя его «спасти Австрію»; «каждый день, каждый часъ», говорилъ онъ, «дорогъ».

Армія Гергея въ тотъ день была въ 250 верстахъ отъ Вѣны.

Исполняя просьбу Кабоги, фельдмаршалъ отправилъ небольшой отрядъ по желѣзной дорогѣ, чѣмъ впрочемъ государь былъ не совсѣмъ

доволенъ, ибо небольшой отрядъ не могъ произвести ничего важнаго, тогда какъ императору хотѣлось, чтобы русскія войска, вступивъ на театръ военныхъ дѣйствій, «грянули какъ громъ» и «чтобы все было кончено».

По поводу отсылки одной дивизіи въ Вѣну государь писалъ 27-го апрѣля (9-го мая): «повторяю, крайне сожалѣю о посылкѣ дивизіи въ Вѣну; она Вѣны не спасетъ, а можетъ пропасть даромъ;... мы потеряли Москву, но не погибли; неужели Австрія, столь часто терявшая Вѣну, на сей разъ безъ нея обойтись не можетъ?»

4-го (16-го) мая государь пріѣхалъ въ Варшаву, а 9-го (21-го) мая и императоръ австрійскій Францъ-Іосифъ. Здѣсь между ними условлено было объ общемъ планѣ дѣйствій, и 29-го мая заключена была конвенція.

Но вмѣстѣ съ принятіемъ окончательнаго плана государь, чрезъ генерала Берга, снова повторилъ требованіе объ очисткѣ Галиціи распоряженіемъ австрійскаго правительства отъ всѣхъ польскихъ эмигрантовъ и мятежниковъ. «Доколь не получено будетъ,—писалъ государь,—удовлетворительнаго отвѣта, русскія войска не двинутся».

На этотъ разъ австрійскія власти въ Галиціи дѣйствовали съ особенною энергіею такъ, что требованія русскаго государя были исполнены въ нѣсколько дней.

Описаніе военныхъ дѣйствій въ Венгріи не составляетъ предмета этой статьи тѣмъ болѣе, что всѣмъ хорошо извѣстно, какъ императоръ русскій своими войсками спасъ Австрію и какъ онъ на смертномъ одрѣ въ 1855 году имѣлъ грустную возможность убѣдиться въ черной неблагодарности Габсбургской династіи.

Чтобы познакомить читателей со взглядомъ императора на всѣ революціи 1848 и 1849 годовъ, намъ необходимо указать вкратцѣ на тѣ изъ нихъ, которыя происходили помимо Пруссіи и Австріи, въ Германіи, центромъ которыхъ былъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ собирался германскій сеймъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ одновременно съ революціями въ Берлинѣ и Вѣнѣ начались волненія и во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, гдѣ сеймъ рѣшилъ преобразовать Германскій союзъ, сдѣлавъ изъ него не союзъ государствъ, а одно союзное государство. Прокламація въ этомъ смыслѣ была подписана прусскимъ королемъ и наслѣднымъ принцемъ. Собравшіеся депутаты приступили въ пересмотру конституціи Германскаго союза. При этомъ тотчасъ же обнаружилось радикальное направленіе съ антимонархическими тенденціями.

Среди безпокойствъ въ Берлинѣ и Познани положеніе прусскаго короля было тѣмъ затруднительнѣе, что не только Австрія и союзный

сеймъ во Франкфуртѣ, но и южно-германскія государства отказались признать его главою Германіи. Намѣстникомъ главы германскаго союза во Франкфуртѣ былъ признанъ австрійскій эрцгерцогъ Іоаннъ. По донесенію Мейендорфа король дотого былъ разочарованъ на счетъ германскаго единства, что сбросилъ съ себя германскую кокарду и явно ее осмѣиваетъ. «Что послѣ этого думать о немъ»,—говоритъ Николай Павловичъ.

Лѣтомъ во Франкфуртѣ происходили большіе уличные безпорядки; народъ дрался на площадяхъ съ правительственными войсками. Главнѣйшимъ поводомъ служилъ договоръ въ Мальмэ, который радикалы не хотѣли утвердить. Вмѣстѣ съ тѣмъ они обнародовали воззваніе къ народу, призывая его къ оружію. Среди этихъ безпорядковъ два прусскіе депутата Лихновскій и Ауэрсвальдъ были умерщвлены чернью. Въ южныхъ государствахъ Германіи происходило то же самое; тамъ также дрались съ войсками и требовали немедленнаго введенія конституціи и республики.

Во Франкфуртѣ бѣснуются,—писалъ государь 1-го (13-го) сентября,— «все идетъ къ скорому разрыву сѣвера Германіи съ югомъ. Вотъ и Union Germanique».

Австрія, мечтавшая относительно созданія Германской имперіи подъ своимъ главенствомъ, постепенно теряла въ этомъ дѣлѣ вліяніе.

Революціонное движеніе и броженіе умовъ въ Германіи очень озабочивало Николая Павловича потому, что онъ видѣлъ въ этомъ опасность для Россіи. Въ началѣ 1849 года франкфуртское собраніе выработало конституцію, на основаніи которой во главѣ союзнаго нѣмецкаго государства долженъ былъ стоять наслѣдственный императоръ, одинъ изъ царствовавшихъ германскихъ государей. Со стороны Россіи было весьма важно сохранить равновѣсіе между Австріею и Пруссіею и независимость мелкихъ германскихъ государствъ. Государь разсчитывалъ поддержать противудѣйствіе въ этомъ Австріи. Созданіе сильной единой Германіи вовсе не входило въ планы Николая Павловича. Боясь по этому поводу осложненій, онъ рѣшилъ готовиться къ войнѣ.

Паскевичъ смотрѣлъ нѣсколько иначе, и онъ ожидалъ скорѣе междуусобія; онъ былъ убѣжденъ, «что при взятомъ направленіи франкфуртскимъ сеймомъ, скорѣе можно ожидать распространенія раздоровъ, чѣмъ ихъ уничтоженія».

Замѣчательны слова Николая Павловича на счетъ будущаго: «признаюсь тебѣ, что я въ Германіи ничего добраго не предвижу; жду междуусобія и рѣзни. Ежели Австрія не будетъ вести дѣло твердой рукой и дома, и за границею, она одна можетъ взять въ ней верхъ, Пруссія же никогда—помни мое предсказаніе».

Въ срединѣ марта германскій сеймъ избралъ короля прусскаго

Фридриха-Вильгельма IV германскимъ императоромъ. Во время венгерской кампаніи прусскій король не могъ или не хотѣлъ воспользоваться затрудненіями Австріи, хотя впрочемъ отчасти ему противодѣйствовали короли: ганноверскій, баварскій и виртембергскій. Покончивъ у себя дома, Австрія стала энергически противиться франкфуртскому проекту, разсчитывая въ этомъ дѣлѣ, какъ всегда, на русскаго императора. Она такъ громко заговорила противъ объединенія Германіи, что государь 7-го (19-го) декабря писалъ Паскевичу: «Германскія дѣла хуже, чѣмъ когда и, по словамъ Мейендорфа, нѣтъ сомнѣнія, что готовится новая демократическая попытка. Всего болѣе опасаюсь я явнаго разрыва Австріи съ Пруссіей, ибо одно оно можетъ насъ скорѣе всего завлечь въ войну. Припомни, что я тебѣ говорилъ; наша роль тогда будетъ сказать имъ: «эй, ребята, не дурачься, а не то я васъ!» Но чтобы такъ говорить, на что я рѣшился, мнѣ надобно, чтобы къ 1-му апрѣля армія была вся готова и комплектна».

Императоръ Николай твердо рѣшился не допускать удаленія Австріи изъ Германіи и энергически противиться объединенію Германіи подъ властью прусскаго короля. Государь постоянно повторялъ, что онъ не признаетъ «другаго законнаго базиса для европейскаго порядка, кромѣ утвержденнаго трактатами 1815 года».

До какой степени былъ твердъ въ своихъ принципахъ законности императоръ Николай, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что, не взирая на тѣсную дружбу съ Пруссіею, которая со времени императора Александра I оказывала большія услуги Россіи до самой смерти Николая Павловича и до Крымской кампаніи включительно, онъ тѣмъ не менѣе принципіально поддерживалъ Австрію, въ ущербъ Пруссіи. Предѣлы настоящей статьи не позволяютъ намъ изложить въ подробности тѣ переговоры, которые глубоко огорчали прусскаго короля, но которые тѣмъ не менѣе заставили его согласиться, потому что этого желалъ и твердо стоялъ на своемъ императоръ Николай. Ихъ переписка по этому поводу показываетъ всю горечь прусскаго короля за предпочтеніе Австріи, которая всегда дѣйствовала противъ Россіи и притомъ самымъ коварнымъ образомъ.

Послѣ долгихъ споровъ, по настоянію императора Николая, въ Ольмюцѣ состоялось соглашеніе между Австріею и Пруссіею и положенъ былъ конецъ враждѣ между ними, возродившейся въ 1866 году и кончившейся, вопреки предсказанію Николая Павловича, въ 1870 г. торжествомъ Пруссіи, создавшей единую Германію подъ властью императора, короля прусскаго.

С. З.

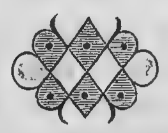
Письмо графа Л. П. Гейдена — П. К. Сухтелену съ просьбою призвать его къ дѣятельности во время военныхъ дѣйствій.

Кенигсбергъ, 31-го октября 1813 г.

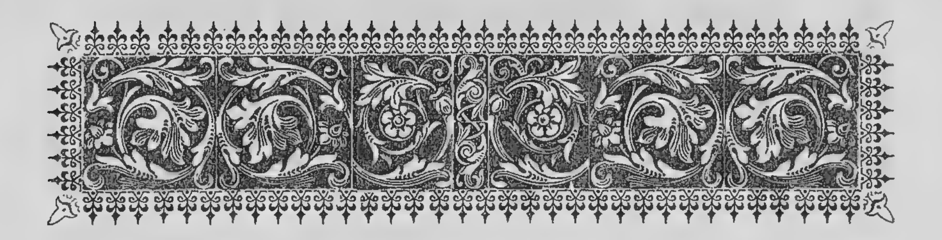
Генералъ! Поздравляя васъ отъ всего сердца со всѣми побѣдами, со всѣми прекрасными дѣйствіями, совершенными вами вмѣстѣ съ нашимъ дорогимъ наслѣднымъ принцемъ, — спѣшу сообщить вашему превосходительству, что я нахожусь въ Кенигсбергѣ на зимовкѣ съ моею флотиліею, проведя все лѣто и осень передъ Данцигомъ, гдѣ отъ насъ не могло быть большой пользы, хотя у насъ была весьма недурная флотилія.

Теперь, такъ какъ можетъ случиться, что ваше превосходительство приблизитесь къ Голландіи, прошу васъ не позабыть меня; не могу-ли къ чему быть употребленъ, находясь при васъ, генералъ? Думаю, что могъ бы немного пригодиться не только на границахъ, но и въ Ольденбургѣ, гдѣ меня всѣ знаютъ, и гдѣ могу взять на свою отвѣтственность скоро сформировать корпуса, наконецъ оказать всякаго рода небольшія услуги.

Не забудьте же меня, достоуважаемый генералъ, и вѣрьте, что я съ глубочайшимъ уваженіемъ остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ слугою графъ Гейденъ [1]).

[1]) Переводъ съ французскаго.

ПОСОЛЬСТВО КНЯЗЯ МЕНШИКОВА ВЪ ПЕРСІЮ въ 1826 году.

(Изъ дневника генералъ-лейтенанта Ѳ. Ѳ. Бартоломея) [1].

4-го іюня (вечеромъ), село Караклисса.

Вчера, утромъ, выѣхалъ я изъ Тифлиса верхомъ и слѣдовалъ по мѣстамъ, мнѣ уже знакомымъ. Переѣхавъ рѣку Алгетъ вплавь, нашелъ я у рѣки Храма приготовленныя для переправы высокія арбы съ буйволами. Эти сильныя животныя (которыя, однакоже, въ жаркое время безполезны, потому что ложатся въ воду) перевезли меня черезъ нѣсколько рукавовъ разлившейся рѣки.

Я ночевалъ въ Шулаверахъ.

6-го іюня, городъ Эривань.

Проночевавъ въ Караклиссѣ у князя Саварсемидзе, вчера утромъ поѣхалъ я съ нимъ на границу къ ручью Мираку. Здѣсь все приняло воинственный видъ. Съ нашей стороны, напротивъ высокаго Алагеза, начали строить укрѣпленіе. Тутъ расположены въ балаганахъ три роты и три орудія. Далѣе, за развалинами караванъ-сарая у Башъ-Абарана, бѣлѣетъ лагерь персіанъ. Надѣюсь, однакоже, что всѣ приготовленія эти тщетны, потому что князь Меншиковъ не упуститъ ни малѣйшаго случая къ отстраненію всего, что могло побудить къ разрыву.

Въ 9 часовъ вечера, когда уже смеркалось, оставилъ я неоконченное алагезское укрѣпленіе и отправился въ персидскій лагерь, гдѣ былъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль, 1904 г.

*

встрѣченъ при въѣздѣ толпою куртинцевъ, а потомъ самимъ начальникомъ Джаферъ-ханомъ и всѣмъ его отрядомъ, разставленнымъ съ обѣихъ сторонъ, при входѣ въ его палатку. Послѣ азіатскаго ужина написалъ я, сидя на полу, князю Меншикову донесеніе и, отправивъ ночью же курьера, легъ спать.

Сегодня, къ двумъ часамъ по полудни, пріѣхалъ въ Эривань. Переправясь черезъ Зангу, въѣхалъ я въ крѣпость, не встрѣтясь съ куртинскимъ отрядомъ, высланнымъ ко мнѣ для церемоніальной встрѣчи, по другой дорогѣ. Остановился въ богатомъ домѣ Зарабъ-Хана, надъ крутымъ берегомъ Занги, напротивъ бесѣдки сердаря.

Араратъ во всемъ величіи своемъ рисуется передо мною.

Въ 5 часовъ вечера поѣхалъ я къ сердарю, живущему всегда лѣтомъ въ бесѣдкѣ своей, построенной совершенно въ азіатскомъ вкусѣ. Вдоль аллеи, ведущей къ ней, разставлены были персіане, поливавшіе дорогу. Войдя въ бесѣдку, сѣлъ я на приготовленныя для меня кресла, противъ сердаря, помѣстившагося на полу, близъ окна, и окруженнаго толпою придворныхъ. Посреди залы былъ въ мраморномъ бассейнѣ небольшой фонтанъ; онъ приводилъ въ движеніе нѣсколько колокольчиковъ и погремушекъ, составлявшихъ странную музыку. Послѣ перваго привѣтствія двое молодыхъ, весьма красивыхъ кальянщиковъ поднесли намъ кальяны. Потомъ принесли густой кофе. Разговоръ нашъ имѣлъ предметомъ положеніе пограничныхъ дѣлъ и, слѣдовательно, состоялъ изъ взаимныхъ жалобъ. Но, говоря съ нимъ совершенно хладнокровно, заставлялъ я и его разсуждать съ величайшею вѣжливостью. Мы разстались друзьями, не взирая на то, что и тутъ, какъ вчера на границѣ, всѣ мои слова были безуспѣшны [1]).

[1]) Мѣсто около развалинъ Мирака отъ Башъ-Абарана до Алагеза, хотя и принадлежало намъ по Гюлистанскому трактату, но было оспариваемо персіанами. Въ то самое время, когда князь со всею миссіею приближался къ Персіи, получено при мнѣ въ Тавризѣ донесеніе отъ сердаря эриванскаго, что русскіе въ виду персидскихъ войскъ, занявшихъ спорное мѣсто, строютъ укрѣпленіе. Это извѣстіе произвело при дворѣ наслѣдника большое смущеніе, и Аббасъ-мирза съ гнѣвомъ объявилъ мнѣ, что если, приступая къ мирнымъ переговорамъ, начинаютъ строить крѣпости, то онъ не позволитъ пріѣхать посольству нашему. Вотъ почему объявилъ я ему желаніе ѣхать навстрѣчу князю Меншикову, чтобы лично донести и ему обо всемъ. Цѣль же дальнѣйшаго моего отправленія въ Тифлисъ и на границу эриванскую состояла въ томъ, чтобы, прекративъ на время работу укрѣпленія, понудить съ обѣихъ сторонъ войска къ отступленію и признанію мѣста сего нейтральнымъ на все время переговоровъ. Хотя войска и не отступили, но постройка укрѣпленія была съ нашей стороны тотчасъ прекращена, и миссія принята была со всѣми почестями. Аббасъ-мирза началъ даже для виду переговоры, но въ тайнѣ приготовлялся къ вѣроломному нападенію въ наши границы, безъ объявленія войны. Это намѣреніе, выполненное во время нашего еще пребыванія въ Султаніи, впослѣдствіи дорого обошлось Персіи

По возвращеніи моемъ домой, сердарь прислалъ ко мнѣ Али-хана, одного изъ любимцевъ своихъ. Въ 8 часовъ вечера постлали намъ на ковры пеструю скатерть и принесли ужинъ на большихъ подносахъ, которые поставили передъ каждымъ по одному со всѣми кушаніями. Между подносами стояли высокіе подсвѣчники съ огромными свѣчами изъ нечистаго воску [1]). Хотя насъ только было трое: Зорабъ-ханъ, Али-ханъ и я, но первый, какъ хозяинъ, просилъ, чтобы я позволилъ сѣсть также бывшему при мнѣ, вмѣсто переводчика, армянину и нѣкоторымъ изъ его приближенныхъ, которые будутъ забавлять насъ музыкою и пѣніемъ, потому что онъ желаетъ быть веселымъ, имѣя такого гостя. И точно: пирушка была самая веселая и шумная. Нѣсколько человѣкъ пѣли или, лучше сказать, ревѣли во все горло, играя на какой-то балалайкѣ. Другіе плясали и кувыркались. Всѣ говорили и разсуждали, попивая безпрестанно изъ круговой чаши [2]) худое вино, которымъ и меня подчивали. Я велѣлъ принести свой дорожный бурдюкъ (въ который входило три тунги, или слишкомъ 30 бутылокъ) съ прекраснымъ кахетинскимъ виномъ. Персіане такъ этому обрадовались и пили съ такимъ усердіемъ, что я самъ долженъ былъ имъ напомнить о раннемъ моемъ на другой день отъѣздѣ и о томъ, что уже скоро полночь. Видя, что бурдюкъ мой пустъ, они едва встали и пьяные разошлись. Несмотря на запрещеніе Магомета, многіе изъ персіанъ пьяницы; въ Эривани же всѣ безъ изъятія. Они въ томъ берутъ примѣромъ старика сердаря своего, который страдаетъ отъ того подагрою.

12-го іюня, Тавризъ.

Изъ Эривани ѣхалъ я по мѣстамъ, мнѣ уже извѣстнымъ. Дервиши опять останавливали меня; опять у подошвы горъ или близъ ручейковъ чернѣли шатры куртинцевъ. Иногда въ горахъ встрѣчалъ я охотниковъ, которые, увидя, тотчасъ приносили въ подарокъ убитую дикую козу или

---

[1]) Огромность свѣчей означаетъ въ Персіи нѣкоторымъ образомъ важность. Когда пріѣхалъ я въ Тавризъ въ первый разъ и до прибытія князя Меншикова отказался отъ предложеннаго мнѣ придворнаго содержанія, назначеннаго для всей нашей миссіи, то между прочими для пріема князя приготовленіями, съ которыми всегда относились ко мнѣ, прислали мнѣ также для образца нѣсколько огромныхъ восковыхъ свѣчей, съ вопросомъ, нахожу-ли я ихъ длину и толщину соотвѣтствующею званію князя, или прикажу сдѣлать еще длиннѣе и толще. Я отвѣчалъ, что скромность князя найдетъ ихъ величину достаточною. Эти свѣчи впослѣдствіи употреблялись слугами нашими, потому что мы сами снабдились въ Тифлисѣ довольнымъ количествомъ хорошихъ восковыхъ свѣчей.

[2]) Стаканы въ Персіи не употребляются; но пьютъ изъ небольшой чаши, иногда серебряной, иногда даже изъ особеннаго металла, составленнаго изъ олова и цинка.

жерана (родъ сайги), за что я долженъ былъ платить имъ [1]). Хозяева встрѣчали меня съ прежнимъ привѣтствіемъ, что домъ, ихъ деревня, дѣти и все имѣніе ихъ—моя собственность [2]), однимъ словомъ, все было, какъ прежде.

Встрѣча съ жителями, которые оставляли равнины и отъ ужасныхъ жаровъ кочевали въ горы, оживляла нѣсколько единообразіе пути. Иногда много семействъ вмѣстѣ кочевали большимъ караваномъ. Жары были несносны. Ручьи высохли; иногда по шести и семи часовъ мучались мы жаждою, не находя воды. Несмотря на мой зеленый вуаль, мухи и мошки ужасно безпокоили насъ. Онѣ, проникая даже сквозь платье, такъ искусали меня, что я весь былъ покрытъ красными пятнами, а лицо мое распухло. Около Шарура и Девалу мошекъ было такое множество, что хотя ихъ вблизи почти не было видно, но издали рябили онѣ прозрачными облаками, и лошади наши часто останавливались, ложились и валялись, чтобы освободиться отъ нихъ.

На девятый день своего отъѣзда изъ Тифлиса пріѣхалъ я въ Тавризъ.

15-го іюня.

Князь Меншиковъ поручилъ мнѣ купить въ Тифлисѣ золотые штабъ-офицерскіе эполеты для сыновей и племянника Аббасъ-мирзы, которые, служа въ гвардейскомъ баталіонѣ, носятъ (какъ и всѣ прочіе офицеры) толстые солдатскіе мундиры и отличаются отъ солдатъ красными кушаками. Въ отсутствіи моемъ князю показывали этотъ самый бата-

---

[1]) Персіане между многими способами, изобрѣтенными ими для выманиванія денегъ, употребляютъ и то, что безпрестанно предлагаютъ иностранцамъ въ подарокъ вещь, которую онъ взять съ собою не можетъ, заплативъ однакоже за нее деньги. Они простираютъ это до безстыдства, и обычай этотъ господствуетъ у нихъ и въ высшемъ сословіи. Самъ шахъ такой же корыстолюбецъ и взяточникъ, какъ министры и всѣ подданные его. Охотникъ, напримѣръ, всегда предлагаетъ путешественникамъ убитую дичь; пастухъ издали еще, замѣтя васъ, схватываетъ изсереди стада овцу или козленка и, подбѣжавъ, приноситъ вамъ ихъ въ подарокъ; жнецъ заграждаетъ вамъ путь снопомъ ячменя, прося, чтобы вы взяли все поле его; дервишъ мучитъ васъ благословеніями; селянинъ или садовникъ подноситъ цвѣтокъ, не приминувъ никакъ уподобить васъ ему или пожелать, чтобы путь вашъ былъ устланъ цвѣтами и т. д.; за все это должны вы заплатить весьма дорого, и разумѣется, что кромѣ цвѣтка и благословенія ничего съ собою унести не можете.

[2]) Это обыкновенное привѣтствіе въ Персіи. Хозяинъ дома, гдѣ вы остановились, увѣряетъ васъ, что все его имущество вамъ принадлежитъ, даже дѣти его,—о женахъ же никогда не упоминается. Я часто вознамѣревался при такомъ привѣтствіи предложить выгодную для него мѣну, и за одну только изъ женъ его уступить ему всѣхъ дѣтей его.

ліонъ, и имъ командовалъ старшій сынъ наслѣдника Мегметъ-мирза [1]).

Сегодня назначено было отнести мнѣ эполеты, отъ имени князя, къ принцамъ. Въ первомъ часу они прислали сказать, что ожидаютъ меня.

Въ большой открытой залѣ сидѣлъ Мегметъ-мирза (человѣкъ лѣтъ 24-хъ, безобразной толщины), два брата его, Фиридунъ-мирза и Хозревъ-мирза (бывшій впослѣдствіи въ Петербургѣ), и двоюродный братъ ихъ, сынъ Шахъ-Задэ Гассанъ-Али-мирзы. Кромѣ Мегметъ-мирзы, который не очень хорошъ собою, всѣ три принца очень молоды, красивы и обучаются французскому и англійскому языкамъ. Весьма было замѣтно, что все было приготовлено для моего пріема. Кругомъ ихъ лежали географическія карты [2]), математическіе инструменты, глобусы, словомъ, всѣ принадлежности ученыхъ кабинетовъ. Хотя Мегметъ-мирза и увѣрялъ, что, не ожидая меня такъ скоро, они не успѣли окончить ученыхъ занятій своихъ; но порядокъ, съ которымъ все было разложено, чистота математическихъ инструментовъ, доказывающая неприкосновенность оныхъ, и пыль на глобусахъ—изобличали несправедливость сказаннаго и удостовѣрили меня, что все это было приготовлено для того, чтобы удивить меня глубокими познаніями ихъ высочествъ. Вручивъ имъ отъ имени князя подарки, сѣлъ я, по приглашенію старшаго принца (прочіе безмолвствовали), на коверъ. Мегметъ-мирза, послѣ нѣкоторыхъ взаимныхъ учтивостей, видя, что я ничего не упоминаю объ ихъ учености, самъ началъ слѣдующимъ образомъ:

— Вы не думайте, чтобы я и братья мои занимались одною фронтовою службою. Нѣтъ, мы знаемъ математику, артиллерію, географію и прочія науки.

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣвался. Сколько прилично принцамъ служить примѣрами въ военномъ ремеслѣ, самомъ благороднѣйшемъ, столько же нужны для нихъ и познанія,—замѣтилъ я.

— Братья мои служатъ не для виду, но исполняютъ настоящую

---

[1]) Это тотъ самый, который въ томъ же году, 2-го сентября, былъ разбитъ княземъ Мадатовымъ у рѣки Шамхора.

[2]) Географическія карты съ персидскими надписями весьма невѣрныя. Я замѣтилъ, что Персія сдѣлана была въ большемъ размѣрѣ, нежели прочія земли. Я видѣлъ карты Персіи, которыя здѣсь, въ Тавризѣ, составляются англійскимъ инженеромъ Монтисомъ и помощникомъ его Селимо. Онѣ весьма подробны, сдѣланы съ большимъ тщаніемъ и, должно быть, вѣрны. Эти офицеры, объѣзжая Персію, уже нѣсколько лѣтъ дѣлаютъ съемки и доставляютъ чертежи для остъ-индской компаніи, которая издала уже нѣсколько прекраснѣйшихъ картъ тѣхъ странъ Азіи. Персія сама даетъ имъ всѣ способы къ составленію сихъ картъ, съ тѣмъ, чтобы и ей доставляли копіи съ оныхъ; что и исполняется. Но говорятъ, что копіи сіи совершенно не соотвѣтствуютъ оригиналамъ, доставляемымъ Англіи, и что онѣ не такъ подробны и наполнены ошибками.

службу и сами командуютъ ротами, хотя сіе и не соотвѣтствуетъ высокому ихъ сану. Вы видѣли, что въ строю они носятъ даже мундиры [1]).

— Не знаю, ваше высочество,—сказалъ я,—что можетъ быть почетнѣе обязанности защищать отечество и, въ случаѣ нужды, проливать за него кровь свою? Всякій солдатъ, принявшій на себя священный долгъ сей, достоинъ уже уваженія, тѣмъ болѣе принцъ, который готовъ жертвовать собою для блага своего народа! Великій государь мой, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, командовалъ одною только бригадою и никогда неноситъ другой одежды, кромѣ военнаго мундира. Его величество исполнялъ всегда службу во всей точности, подавалъ собою примѣръ подчиненнымъ, и я самъ, имѣвъ счастіе семь лѣтъ служить подъ личнымъ его начальствомъ, могу, гордясь, назвать его своимъ наставникомъ по службѣ.

— Принцы Персіи также подавали всегда примѣръ храбрости и неустрашимости,—отвѣчалъ Мегметъ-мирза.

Послѣ сего разговаривали мы о гвардейскомъ баталіонѣ. Принцы, имѣя каждый передъ собою пешкешъ (т. е. подарокъ), мною принесенный, изрѣдка шептались. Наконецъ, спросилъ я, чѣмъ именно ихъ высочества изволили заниматься теперь?

— Географіею,—отвѣчалъ Мегметъ-мирза. Мы обозрѣвали обширность великаго Персидскаго государства, занимающаго почти третью часть земнаго шара [2]).

— Итакъ,—сказалъ я,—ваше высочество, не могли не примѣтить также обширности сосѣдки, могущественной Россіи, которая, будучи вдвое болѣе Персіи, занимаетъ, слѣдовательно, двѣ трети земли.

— Да, сіи государства самыя сильныя и обширныя во всей вселенной!

— Конечно. И если Персія занимаетъ одну треть, Россія же двѣ трети земнаго шара, то извольте замѣтить, ваше высочество, какъ мало остается мѣста для прочихъ народовъ и, слѣдовательно, сколь ничтожны остальныя государства въ сравненіи съ сими двумя.

— Да, это правда! Они всѣ помѣщаются на остальной трети.

Сіи послѣднія слова произнесъ онъ съ самодовольствомъ, и восторгъ быть принцемъ столь могущественной державы рисовался на кругломъ лицѣ его.

Видя изъ сего отвѣта не только географическія, но даже и ариѳме-

---

[1]) Не только принцы, но и прочіе офицеры внѣ службы носятъ обыкновенныя свои платья.

[2]) Персія весьма подвержена хвастовству; и чѣмъ кто важнѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ порокъ сей. Они не только стараются выказывать мнимое могущество и богатство свое, но даже и познанія, коихъ вовсе не имѣютъ, что и дѣлаетъ ихъ часто смѣшными и обнаруживаетъ еще болѣе ихъ невѣжество.

тическія познанія его, я откланялся, сказавъ, что не желаю долѣе препятствовать ихъ величествамъ въ занятіяхъ, въ которыхъ они дѣлаютъ такіе успѣхи.

17-го іюня.

Князь Меншиковъ былъ принятъ съ почестями, которыя требуетъ званіе посла. Вся миссія была представлена Аббасъ-мирзѣ, и онъ ее угощалъ въ саду своемъ обѣдомъ. Сожалѣю, что все это происходило безъ меня.

Не можемъ жаловаться на скуку. Время проходитъ въ прогулкахъ верхомъ за городомъ, въ наблюденіи нравовъ и обычаевъ восточныхъ и во взаимныхъ посѣщеніяхъ. Изъ англичанъ, кромѣ доктора Корлинка, возвратился сюда опять инженеръ Монтисъ. Съ ними видимся мы почти ежедневно. Англичане приноравливаются во всемъ къ персидскимъ обычаямъ и являются ко двору въ красныхъ чулкахъ. Угождая во всемъ персіанамъ, они, какъ и вездѣ, при политическихъ сношеніяхъ не упускаютъ изъ виду торговыхъ интересовъ и, лаская персидское правительство, лишили уже оное жемчужной ловли, главнаго источника богатства сего края.

Мы сами должны соображаться съ здѣшними обычаями во всемъ, что касается до наружнаго блеска и роскоши, которые, по ихъ мнѣнію, необходимы для поддержанія важности сана. Вотъ почему не выходимъ мы иначе, какъ предшествуемые ферашами, толкающими и бьющими встрѣчныхъ и поперечныхъ, и преслѣдуемые кальянщиками съ кальянами. По вечерамъ же всякій изъ насъ долженъ имѣть особеннаго человѣка, идущаго впереди съ фонаремъ; такъ что если иногда насъ идетъ нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, то множество фонарей въ темныхъ улицахъ Тавриза даютъ видъ какого-то торжественнаго шествія.

Впрочемъ, сіе здѣсь необходимо, потому что улицы, шириною иногда въ одну сажень, пересѣкаются безпрестанно ямами и каналами, сдѣланными для провода воды въ дома. Онѣ не освѣщаются ни фонарями, ни даже свѣтомъ изъ домовъ, который не можетъ проникать по причинѣ высокихъ стѣнъ, окружающихъ всякое строеніе. Иныя жилища до половины врыты въ землю и возвышаются, какъ муравейники въ большомъ видѣ. На верху съ боковъ сихъ насыпей видно вмѣсто окна отверстіе, покрытое небольшою доскою прозрачнаго мрамора, который едва пропускаетъ свѣтъ въ подземельное жилище.

Мы иногда забавляемся, смотря, какъ толпа нашихъ чернобородыхъ фонарщиковъ, въ длинныхъ одеждахъ, сломя голову прыгаетъ впереди насъ черезъ рвы и груды камней и потомъ живо поворачивается, чтобы освѣтить намъ опасныя мѣста. Верхомъ по улицамъ Тавриза ѣхать весьма опасно.

Князь Меншиковъ нѣсколько разъ былъ уже у Аббасъ-мирзы для дипломатическихъ переговоровъ. Съ нимъ всегда бываетъ г. Амбургеръ, исправляющій должность повѣреннаго въ дѣлахъ Россіи, и Шамиръ-ханъ, переводчикъ миссіи, знающіе оба персидскій языкъ.

Ожидаемъ отъ шаха отвѣта насчетъ нашего прибытія въ Султанію, и тогда отправимся въ путь.

21-го іюня. Загородный дворецъ Уджанъ.

Вчера въ 6 часовъ послѣ обѣда вся миссія многочисленнымъ караваномъ выѣхала изъ Тавриза. Во время пребыванія нашего въ семъ городѣ были закупаемы лошади, лошаки, нанимаемы мехтера (конюхи) и фераши (слуги, разбивающіе палатки нашего лагеря); однимъ словомъ, употреблено все, чтобы шествіе наше къ Султаніи было блистательно и соотвѣтствовало значенію посольства. Азіатская роскошь столь древняго происхожденія, что рѣшительно можно сказать, что описаніе персидскаго двора въ книгахъ Ветхаго Завѣта можетъ (съ малыми только измѣненіями) быть приноровлено и къ нынѣшнему столѣтію.

Полтора агача отъ Тавриза проѣзжали мы мимо загороднаго дворца Аббаса-мирзы, называющагося Халатъ-Нушанъ (т. е. халатъ одѣвающій), гдѣ наслѣдникъ Персіи надѣваетъ всегда халатъ, присылаемый ему шахомъ въ каждый наврузъ (т. е. въ новый годъ). Хотя здѣсь и былъ приготовленъ для насъ обѣдъ отъ старшаго сына Аббасъ-мирзы Мегметъ-мирзы (генералъ-губернатора хамаданскаго); но какъ никто не выѣхалъ намъ навстрѣчу для приглашенія и пріема насъ, и вообще не сдѣлано было при выѣздѣ нашемъ изъ Тавриза приличной церемоніи, то князь Меншиковъ проѣхалъ мимо на ночлегъ, который имѣли въ лагерѣ, приготовленномъ для насъ посланными туда впередъ ферашами нашими. Въ 10 часу вечера прискакали къ намъ съ извиненіями Мирза-Мегметъ-Али, Мустафа и Мирза-Салеи, назначенные для угощенія насъ въ Халатъ-Нушанѣ. За ними привезенъ былъ на вьюкахъ весь азіатскій обѣдъ, поданный на большихъ серебряныхъ подносахъ въ палатку князя, куда приглашены были всѣ чиновники миссіи.

До сихъ поръ я велъ мой журналъ. Впослѣдствіи болѣзнь и другія обстоятельства не позволяли мнѣ продолжать его съ такою подробностію, какъ прежде; и я едва могъ успѣвать дѣлать краткія отдѣльныя замѣтки. Полагая, что означеніе даже и вкратцѣ всѣхъ событій того любопытнаго времени и бѣглый разсказъ приключеній нашей миссіи будетъ имѣть нѣкоторый интересъ для читателя, я рѣшился изложить то, что нашелъ въ ежедневныхъ отмѣткахъ своихъ.

Во время нашего ночлега, ночью проскакалъ въ Султанію со свитою Аббасъ-мирза, оставивъ намъ мегмендаремъ мирзу Джаффера, вмѣсто каймакама, котораго наслѣдникъ Персіи взялъ съ собою. Обстоятельство это при тогдашнемъ положеніи дѣлъ было столь важно, что на другой день, т. е. 22-го іюня, расположась лагеремъ въ живописномъ мѣстѣ между горъ у ручейка въ долинѣ Кара-Чеманъ (черный лугъ), князь Меншиковъ отправилъ переводчика Шамиръ-хана узнать о причинѣ неожиданнаго проѣзда Аббаса-мирзы.

Между тѣмъ, мы продолжали путь свой и ежедневно дѣлали верхомъ отъ 30-ти и до 40 верстъ, выѣзжая по случаю жаровъ въ 5 часовъ утра и пріѣзжая въ 12-мъ и во 2-мъ часу на мѣсто, гдѣ располагались лагеремъ. 24-го іюня лагерь нашъ былъ разбитъ близъ города Міана, извѣстнаго верблюжьими коврами и болѣе еще смертоносными клопами. Передъ нами тянулись горы. Жара была нестерпимая. Теплый вѣтеръ обдавалъ насъ паромъ. Жители Міана приносили намъ ковры и куски дерева, наполненные огромными клопами, отличающимися отъ нашихъ величиною и сѣроголубоватымъ цвѣтомъ, которымъ покрыты они, какъ пылью. Укушеніе ихъ, не вредное мѣстнымъ жителямъ, дѣлается опаснымъ и иногда смертельнымъ для людей другихъ климатовъ.

Вечеромъ возвратился Шамиръ-ханъ съ извѣстіемъ, что какъ въ Султанію ожидаютъ Сеидъ-Магомеда (главный мулла, или глава духовенства въ Персіи), то шахъ потребовалъ для переговоровъ съ нимъ и для общаго совѣщанія Аббаса-мирзу. Должно знать, что Сеидъ-Магомедъ уговариваетъ шаха къ войнѣ съ Россіею, дабы отторгнуть отъ оной завоеванныя провинціи мусульманскія[1]). Онъ провозглаше-

[1]) Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1826 года дѣло находилось въ слѣдующемъ положеніи. По всей Персіи общее настроеніе умовъ было въ пользу войны, одинъ шахъ боялся, повидимому, столкновенія съ Россіею, но не былъ уже въ силахъ бороться противъ теченія. Духовенство мусульманское стращало его народомъ. Повсюду ходили письма и прошенія русскихъ подданныхъ, шіитовъ, изъ Закавказскаго края, жалующихся на угнетенія со стороны русскаго правительства, преимущественно въ религіозномъ отношеніи, и призывающихъ персіанъ на помощь; изъ Дербента, изъ Шемахи, изъ Карабага, изъ Талыши приходили таковыя просьбы и предложенія уничтожить русскіе отряды въ случаѣ, если имъ обѣщаютъ матеріальную поддержку со стороны персидскихъ войскъ. Всѣ сіи прошенія подавались исключительно шіитами, сунниты же совершенно воздерживались отъ подобныхъ козней и демонстрацій. Переписка между персидскими муллами и ихъ единовѣрными соплеменниками на Кавказѣ велась преимущественно чрезъ богомольцевъ, отправляющихся въ Карбела̀ и въ Мешедъ, а оттуда возвращающихся на родину.

Шахъ противъ воли вовлекается въ войну Аббасъ-мирзою, котораго поддерживаетъ Алаяръ-ханъ.

Въ шахскомъ лагерѣ уже обдумывается планъ кампаніи. Аббасъ-мирзѣ

ніями и проповѣдями возбуждаетъ народъ противу насъ, какъ невѣрныхъ, стараясь усилить фанатизмъ и надѣясь на нѣкоторыхъ недовольныхъ и измѣнниковъ въ пограничныхъ нашихъ провинціяхъ, готовыхъ возмутиться, какъ скоро персидскія войска переступятъ границу.

25-го іюня переѣхали мы горы Кафланку и видѣли остатки довольно хорошо сохранившейся дороги, мощенной камнями, отъ временъ Аббаса Великаго. Эта дорога можетъ служить однимъ изъ многихъ доказательствъ, что торговля Персіи была нѣкогда цвѣтущая и товары возились не такъ, какъ теперь на вьюкахъ верблюдами или лошаками и ослами, но на повозкахъ.

26-го іюня ночевали въ деревнѣ Арманъ-Ханэ, 27-го числа — въ Зенганѣ и на другой день, 28-го іюня, въ 3 часа по полудни, выѣхали въ Султанію.

Не доѣзжая 2-хъ агачей до Султаніи, встрѣчены мы были зятемъ шаха, валіемъ курдистанскимъ и Фара-Джулла-ханомъ, высланными къ намъ для церемоніальнаго въѣзда съ 1.000 человѣками конницы. Лучшіе наѣздники дорогою джигитовали. По прибытіи въ Султанію, угощалъ насъ въ тотъ же день Алаяръ-ханъ, первый министръ шаха.

Султанія, лѣтнее пребываніе персидскихъ шаховъ, есть не что иное, какъ огромное сборище неправильно разбросанныхъ палатокъ въ обширной Султанійской долинѣ. Одинъ шахъ имѣетъ здѣсь небольшой дворецъ, съ малымъ гаремомъ и садомъ. Онъ беретъ тогда съ собою, какъ въ походы, только двѣ или три дюжины женъ, а прочія остаются въ Тегеранѣ или въ загородномъ дворцѣ. Кромѣ сада шахскаго, здѣсь въ равнинѣ не видно зелени. Глазъ теряется въ скучной, пыльной степи и отдыхаетъ только на цѣпи горъ, ее окружающей. Изъ ущелья всегда почти дуетъ вѣтеръ, и это причина, почему здѣсь жара не столь сильна, чтобы произвести болѣзни, обыкновенныя въ Персіи во время лѣтняго зноя. По сей самой причинѣ шахъ, весь дворъ, все правленіе и до двухсотъ и болѣе тысячъ народа здѣсь собирается. Но вмѣсто болѣзней здѣсь другое неудобство: пыль. Она вьется по долинамъ къ верху огромными столбами, коихъ иногда до двадцати вдругъ бѣгутъ по долинѣ, и какъ ураганъ или пыльные тифоны рвутъ и уносятъ все, что ни встрѣтятъ; потомъ, поднявшись къ небу, упадаютъ на долину густымъ облакомъ, скрывающимъ палящее солнце, и покрываютъ въ одно мгновеніе толстымъ слоемъ пыли всѣ предметы въ палаткахъ, проникая въ чемоданы и въ самые даже отдаленные и скрытые изгибы вещей,

---

предоставлено будетъ главное начальство надъ арміей; онъ, вѣроятно, двинется чрезъ Эриванское ханство. Фетхъ-Али-шахъ намѣревается двинуться къ Ардебилю. Главная надежда Персіи на возмущеніе кавказскихъ и закавказскихъ мусульманскихъ племенъ.

въ нихъ лежащихъ. Отъ этихъ пыльныхъ набѣговъ, нѣсколько разъ въ день повторяемыхъ, ничего не скроется: ни одежда, ни бѣлье, ни человѣкъ, ни самая птица, перемѣняющая отъ нихъ свой цвѣтъ и вкусъ.

Наша миссія расположена въ персидскихъ палаткахъ, огромныхъ и богатыхъ. Тутъ же вырыты колодцы, а вмѣсто льду на здѣшній базаръ привозятъ и продаютъ снѣгъ изъ ущелій и овраговъ ближнихъ горъ.

29-го іюня происходилъ торжественный въѣздъ въ Султанію муштехида (т. е. первосвященника) Сеидъ-Магомеда, о коемъ говорилъ я выше. Онъ ѣхалъ верхомъ на мулѣ при радостныхъ и дикихъ восклицаніяхъ народа и войска, сопровождавшаго его до дворца шаха и толпившагося около него до того, что шедшіе впереди и по сторонамъ его фераши отгоняли палками тѣхъ, которые благоговѣйно старались прикоснуться къ нему или его мулу и поцѣловать если не его одежду, то хвостъ его мула, что многимъ и удавалось.

Всѣ эти дни происходили между княземъ Меншиковымъ и персидскими министрами переговоры насчетъ церемоніала пріемной аудіенціи. Шахъ, имѣя уже намѣреніе вторгнуться въ наши предѣлы, не объявивъ войны и, слѣдовательно, не желая принять насъ съ тѣми почестями, каковыя обыкновенно требовали русскія посольства, вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ и нарушить слишкомъ приличій и открыть намъ явно враждебные замыслы свои, тѣмъ болѣе, что еще не совсѣмъ былъ приготовленъ къ войнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся упустить подарки, посланные ему государемъ императоромъ. Особенно хрустальная кровать, отправленная водою черезъ Каспійское море прямо въ Тегеранъ, о которой онъ уже слышалъ, сильно волновала его душу и тревожила врожденную въ немъ жадность къ деньгамъ и богатству.

Послѣ словесныхъ преній и обмѣна дипломатическихъ нотъ церемоніалъ былъ почти опредѣленъ, и оставались только пререканія относительно врученія письма императора шаху. Князь Меншиковъ требовалъ, чтобы шахъ принялъ оное собственноручно. Шахъ же хотѣлъ, чтобы оно было взято съ бархатной подушки первымъ министромъ и ему передано. Стороною мы узнали, что шахъ не соглашался взять письмо въ руки потому, что хотѣлъ, чтобы положили оное на коверъ у подножія его престола. Переговоры продолжались долго, и, наконецъ, шахъ приказалъ сказать, что приметъ письмо государя собственноручно. Должно знать хитрость и вѣроломство персіанъ, чтобы понять, почему князь Меншиковъ, не довольствуясь симъ словеснымъ обѣщаніемъ, требовалъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ письменное въ томъ увѣреніе, которое и было дано. Послѣдствіе показало, что даже и этого было недостаточно, ибо и оно было нарушено.

Когда такимъ образомъ насчетъ нашего пріема все было опредѣлено, то аудіенція была назначена 1-го іюля.

Въ этотъ день въ 12 часовъ вся миссія верхомъ отправилась на аудіенцію къ шаху, принимавшему насъ въ палаткѣ сына и наслѣдника Аббасъ-мирзы. Персидскія палатки огромнаго размѣра, подбитыя внутри богатыми шелковыми тканями, весьма высокія, и поднятыя съ одной или съ двухъ сторонъ и поддерживаемыя красивыми столбами, иногда украшенными позолотою и рѣзьбою, весьма роскошны и великолѣпны. Палатка Аббасъ-мирзы была разбита посреди пространнаго двора на каменномъ возвышеніи. Та сторона, которая обращена ко двору, гдѣ былъ разведенъ садикъ, была поднята и совсѣмъ открыта. Весь дворъ былъ обнесенъ каменною стѣною, и въѣздъ состоялъ изъ двухъ башенъ, гдѣ находились комнаты, убранныя коврами въ персидскомъ вкусѣ. Тутъ мы остановились, сошли съ коней и были приглашены въ одну изъ сихъ комнатъ, гдѣ находились персидскіе сановники и придворные. Въ ожиданіи приглашенія идти на аудіенцію, насъ подчивали кальянами и кофеемъ. Здѣсь обыкновенно англичане и прочіе европейцы дѣлаютъ свой туалетъ и, снимая сапоги, одѣваютъ красные чулки, безъ коихъ не могутъ предстать передъ шахское величество. Одни только русскіе не хотѣли подвергаться чулочной комедіи, и чтобы не оскорблять персидскіе обычаи и не марать ковровъ ихъ, надѣваютъ калоши, которыя у входа въ комнаты снимаютъ и оставляютъ у дверей рядомъ съ множествомъ персидскихъ туфель.

Посидя полчаса, церемоніймейстеръ пришелъ именемъ шаха пригласить насъ на аудіенцію. Онъ шелъ впереди, а за нимъ князь Меншиковъ, подлѣ котораго полковникъ Эристовъ несъ на малиновой бархатной подушкѣ съ золотой бахромой письмо императора; позади шли всѣ прочіе члены миссіи по старшинству. Войдя во дворъ, церемоніймейстеръ сдѣлалъ низкій поклонъ и громко прокричалъ, что князь Меншиковъ съ посольствомъ желаетъ быть осчастливленъ воззрѣніемъ великаго Фетхъ-Али-шаха. Мы всѣ поклонились, и это былъ первый поклонъ, изъ обычныхъ трехъ, которые должны были отдать его величеству. Шахъ издали прокричалъ хошъ-гельды (добро пожаловать). Мы пошли опять нѣсколько шаговъ, и на половинѣ дороги до палатки повторились тѣ же воззванія, тѣ же поклоны и тотъ же привѣтъ; и, наконецъ, подойдя къ палаткѣ, та же комедія разыгралась въ третій разъ. Тогда князь Меншиковъ, полковникъ Эристовъ и переводчикъ миссіи Шамиръ-ханъ пошли въ палатку, а мы остановились у террасы передъ открытымъ навѣсомъ ея, такъ что были почти какъ внутри и все видѣли.

Шахъ на высокомъ стулѣ, въ видѣ трона (подарокъ англійскаго короля) сидѣлъ въ концѣ палатки вправо отъ насъ. По правой его сто-

ронѣ стояли въ одинъ рядъ и почтительно сложа руки на ручкѣ кинжала (воткнутаго за поясъ изъ богатой шали) всѣ присутствующіе его сыновья съ Аббасъ-мирзою во главѣ ихъ, какъ наслѣдникомъ престола, хотя онъ былъ и не старшій сынъ шаха. По лѣвую сторону стояли зять шаха Алаяръ-ханъ (первый министръ) и мирза Абдулъ-Гассанъ-ханъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. Передъ входомъ въ палатку стояли три внука шаха и между ними Хозревъ-мирза. Недалеко отъ трона стоялъ съ сѣкирою въ рукахъ главный исполнитель казней. Внѣ палатки, на террасѣ, правѣе отъ насъ—церемоніймейстеръ, прокричавшій нашъ входъ, и далѣе сановники и придворные. Шахъ, весьма просто одѣтый въ бѣломъ платьѣ, съ черной бараньей шапкой на головѣ и съ богатымъ кинжаломъ, сидѣлъ на возвышеніи. Черная длинная и лоснящаяся борода его спускалась до пояса. Ноги въ бѣлыхъ чулкахъ (это отличіе, которое позволяютъ себѣ иногда важные персіане, которые обыкновенно носятъ пестрые узорчатые чулки) болтались, не достигая пола, по крайней мѣрѣ, на вершокъ. Это обстоятельство не только не придавало шаху величественнаго вида, но даже дѣлало его меньше, нежели какъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ.

Князь Меншиковъ произнесъ рѣчь, переведенную тутъ же переводчикомъ миссіи. Послѣ того взялъ онъ съ подушки письмо государя и понесъ его къ шаху, который, сложа руки на шали, коею онъ былъ опоясанъ, не бралъ письма, какъ было обѣщано. Князь, видя это, протянулъ руку съ письмомъ и, коснувшись почти шахской бороды, собирался положить на его колѣни, какъ одинъ изъ министровъ подошелъ и подхватилъ его почти съ шахскаго брюха.

Негодованіе кн. Меншикова отразилось на лицѣ его; онъ обернулся спиною къ шаху и отошелъ на свое прежнее мѣсто. Послѣ нѣкотораго молчанія шахъ началъ разспрашивать князя о государѣ императорѣ, о нравѣ его и сходенъ-ли онъ съ покойнымъ государемъ, который былъ его другомъ. Князь воспользовался симъ случаемъ, чтобы нѣкоторымъ образомъ дать ему почувствовать, чтобы онъ былъ осторожнѣе въ поступкахъ своихъ противу Россіи, и сказалъ шаху, что государь императоръ хотя и похожъ на покойнаго брата своего, и такъ же, какъ и онъ, умѣетъ цѣнить и сохранять дружбу сосѣдей; но что онъ нрава болѣе гордаго и не позволитъ никому забывать то уваженіе, которое имѣетъ право требовать, какъ повелитель могущественнѣйшей державы свѣта. Этотъ намекъ былъ понятъ и не совсѣмъ понравился шаху. Чтобы перемѣнить разговоръ, онъ просилъ князя представить всѣхъ насъ и каждому сказалъ нѣсколько словъ. Сдѣлавъ опять у палатки, посреди двора, и у воротъ обычные три прощальные поклона, вслѣдъ за церемоніймейстеромъ, мы сѣли на коней и поскакали въ нашъ лагерь, удостовѣренные, что аудіенція не совсѣмъ была дру-

жеская и что, вѣроятно, разрывъ между обоими государствами уже опредѣленъ въ совѣтѣ шаха.

На другой день послѣ нашей аудіенціи кн. Меншикова посѣтилъ зять шаха Алаяръ-ханъ съ двумя младшими сыновьями и каймакамомъ.

4-го іюля праздновался въ Султаніи курбанъ-байрамъ, т. е. праздникъ жертвоприношеній. При пушечной и ружейной пальбѣ принесено было въ жертву 7 верблюдовъ.

Во все время нашего пребыванія въ Султаніи жары были нестерпимыя и часто въ тѣни было отъ 28°—31° R. При томъ пыльные вихри огромными столпами, крутясь и поднимаясь къ небу, какъ будто поддерживая его голубой сводъ, гуляли по долинѣ Султанійской грозными великанами и срывали все, что ни попадалось на ихъ шествіи. Жары были здѣсь еще нестерпимѣе потому, что не имѣлось въ Султаніи льду, который въ городахъ Персіи повсюду продается на базарахъ въ большомъ количествѣ за самую малую цѣну. Здѣсь ледъ былъ замѣняемъ снѣгомъ, привозимымъ изъ ущелій горъ, окружающихъ сію долину. Въ этомъ снѣгѣ находились маленькіе едва примѣтные червячки, которые видны были однако же и простыми глазами. Они уподоблялись совершенно щетинистымъ обрѣзкамъ бороды, которые остаются въ мыльной пѣнѣ, когда послѣ нѣсколькихъ дней, отростивъ ее, брѣешься. Сіи червячки шевелились, пока снѣгъ не таялъ и не превращался въ воду,—тогда же они дѣлались неподвижными и, казалось, умирали, какъ будто бы причиною жизни въ нихъ не была теплота, какъ въ прочихъ животныхъ. Это обстоятельство достойно наблюденій и изслѣдованій натуралистовъ.

Ежедневно передъ самыми нашими палатками обучали почти цѣлый день персидскую регулярную пѣхоту. Всего было собрано въ Султаніи 3 полка, т. е. 6 тысячъ человѣкъ. Но ихъ учили по два раза въ день, чтобы испугать насъ множествомъ войска. По мундирамъ же краснымъ, синимъ и зеленымъ, мы узнавали, что это были все тѣ же три полка, и слышали, какъ несчастные сарбазы проклинали и насъ, для которыхъ мучали ихъ, и англичанъ-учителей, подъ палкою коихъ они должны были поднимать какъ можно выше ноги, обремененныя широкими бѣлыми шароварами, въ коихъ запрятанъ былъ темный простеганный хлопчатою бумагою архалукъ. При этомъ было довольно забавно, какъ, махая въ тактъ правыми руками и выкидывая ихъ то передъ, то позади себя, шагали они, присѣдая и дѣлая шаги слишкомъ въ полтора аршина.

Между тѣмъ назначенъ былъ уже симъ войскамъ походъ, на который шахъ былъ противъ воли преклоненъ сыномъ своимъ Аббасъ-мирзою и Сеидъ-Магомедомъ.

Вообще вся эта война, столь вѣроломно безъ объявленія со сто-

роны Персіи начатая, была не что иное, какъ коварная интрига придворныхъ и вельможъ двора Аббасъ-мирзы противу министровъ Фетхъ-Али-шаха. Въ интригѣ этой главное обстоятельство было то, что для войны можно было выманить у шаха денегъ, что̀ безъ того по скупости его было невозможно.

И такъ полкамъ, находящимся въ Султаніи, назначенъ былъ походъ. Но въ доказательство, какъ войска персидскія были дисциплинированы, можетъ послужить то, что тотъ полкъ, которому назначено было выступить первому, вмѣсто исполненія приказанія отправился ко дворцу шаха и съ шумомъ требовалъ, чтобы ему прежде заплатили жалованье и дали бы еще столько-то и столько-то абазовъ на человѣка, безъ чего они не пойдутъ. Пришлось удовлетворить ихъ требованія, и тогда полкъ выступилъ. Примѣръ этотъ, какъ всегда, имѣлъ свои послѣдствія, и всякій полкъ передъ выступленіемъ дѣлалъ то же и, получивъ требуемое, выступалъ въ безпорядкѣ въ походъ. Такимъ образомъ послѣдній полкъ вышелъ изъ Султаніи 10-го іюля и въ тотъ же день шахъ прислалъ всей русской миссіи халаты, т. е. высочайшіе подарки, состоящіе изъ шалей, а князю Меншикову сверхъ того саблю и, кажется, сѣдло, украшенныя драгоцѣнными камнями. Подаркамъ симъ, которые несли съ церемоніею на большихъ подносахъ на головахъ, въ сопровожденіи придворныхъ чиновниковъ, отдавали повсюду честь, какъ самому шаху.

Между тѣмъ дипломатическія сношенія насчетъ обозначенія границъ (еще тогда не размежеванныхъ) продолжались, и уголъ Шурагельскій (принадлежавшій намъ по Гюлистанскому трактату) былъ персіанами принятъ предлогомъ несогласія и повторялся по сто разъ въ день при всѣхъ переговорахъ. Но сколько для выясненія времени, столько изъ боязни, дабы не лишиться подарковъ, государемъ императоромъ присланныхъ, наружный видъ согласія въ обращеніи съ нами и въ нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ былъ наблюдаемъ. Какъ однакоже выступленіе въ походъ войскъ и самый отъѣздъ Аббасъ-мирзы для вторженія вооруженною рукою въ границы наши безъ объявленія войны, скрыть уже не было возможности и самъ шахъ 13-го іюля долженъ былъ отправиться въ Ардебиль, чтобы быть ближе къ театру войны то, слѣдуя коварной политикѣ Персіи, самъ даже шахъ имѣлъ безстыдство увѣрять, что миръ между имъ и великимъ нашимъ падишахомъ не нарушается, а что если военныя дѣйствія и откроются, то это ссора между Аббасъ-мирзою и генераломъ Ермоловымъ, въ которую вмѣшиваться ни нашему государю, ни Ѳетхъ-Али-шаху не прилично и которую пусть они между собою рѣшаютъ, какъ хотятъ.

Поэтому выѣздъ нашъ изъ Султаніи назначенъ былъ 12-го іюля, за день до отъѣзда шаха. Назначенному для нашей миссіи мегмендарю

Мирзѣ-Исмаилу, когда онъ откланивался шаху, его величество сказалъ:

— Смотри, я назначаю тебя мегмендаремъ къ русскому посольству, которое весьма желаетъ изъ Персіи убраться благополучно. Этимъ дѣлаю тебѣ большую милость, ибо кн. Меншиковъ не пожалѣетъ денегъ и подарковъ, чтобы освободиться [1]). Надѣюсь, что ты не забудешь своего падишаха и привезешь ему хорошій пешкешъ (т. е. подарокъ).

Подарки и взятки въ Персіи берутъ всѣ, начиная отъ шаха и до послѣдняго фераша; и часто, при опредѣленіи шахомъ сыновей своихъ и сановниковъ губернаторами въ провинціи, онъ назначаетъ того, кто ему за сіе заплатитъ болѣе.

Въ послѣдній день нашего пребыванія въ Султаніи разнеслись разные слухи, показавшіе намъ ясно всю опасность нашего положенія въ землѣ варварской, гдѣ, отдаленные отъ нашихъ границъ слишкомъ на 700 верстъ, въ то время когда открывается война вѣроломная, мы беззащитны были во власти народа и безъ того хищнаго, фанатическаго и не почитающаго, какъ и правительство его, ни святости договоровъ, ни правъ народныхъ и возбуждаемаго духовенствомъ своимъ къ войнѣ за вѣру и великаго пророка. Слухи, отчасти справедливые, отчасти ложные и съ умысломъ распространяемые, извѣстили насъ, что татаринъ Кочетуръ, посланный кн. Меншиковымъ съ важными бумагами (въ коихъ между прочимъ шифромъ и симпатическими чернилами увѣдомляли пограничныхъ нашихъ начальниковъ о намѣреніи персіанъ внезапно вторгнуться въ Карабагъ), остановленъ, бумаги у него отобраны, и онъ содержится въ г. Ахарѣ, гдѣ и самъ Аббасъ-мирза. Говорили о возмущеніи въ ханствѣ Талышинскомъ, откуда ханъ будто-бы бѣжалъ, о возмущеніи въ Карабагѣ и о скоромъ открытіи военныхъ дѣйствій.

Въ назначенный день въ 5 ч. утра выѣхали мы верхами изъ Султаніи. Это первое европейское посольство, которое выѣзжало послѣ представленія шаху, безъ персидскихъ орденовъ Льва и Солнца. Въ самый полдень прибыли мы въ городъ Зенганъ и расположились лагеремъ въ загородномъ саду. Проѣзжая черезъ городъ посреди собравшагося на базарѣ народа, мы могли замѣтить, что приготовленія къ войнѣ, а болѣе еще дѣятельность духовенства, проповѣдующаго въ мечетяхъ противу русскихъ и возбуждающаго религіозный фанатизмъ черни, произвело уже нѣкоторое волненіе. Боясь прикасаться къ намъ лично, потому что мы были окружены слугами въ азіатскихъ костю-

---

[1]) Персіане знали, что по случаю неуспѣшнаго окончанія переговоровъ значительное число подарковъ, привезенныхъ и присланныхъ впослѣдствіи изъ Петербурга черезъ фельдъегеря, были не розданы и оставались у насъ.

махъ, отчасти татарами, грузинами и даже персіанами, и имѣли съ собою мегмендаремъ шахскаго чиновника, — простой народъ только ругалъ насъ въ полголоса и угрожалъ обѣщаніемъ скораго истребленія. Европейскіе же слуги наши, ѣхавшіе нѣсколько сзади, были не только ругаемы громко, но подвергались иногда и насмѣшкамъ, оскорбленіямъ и толчкамъ, которыми ихъ подчивали мимоходомъ. Вблизи нашего лагеря расположенъ былъ паркъ персидской артиллеріи, состоящій изъ 12-ти восьми-фунтовыхъ орудій.

На другой день мы расположились лагеремъ въ Арманъ-Ханэ. Палатки наши съ прислугой на лошадяхъ и мулахъ опережали насъ всегда и приходили на мѣста ночлеговъ нѣсколько прежде насъ или почти съ нами. Прочіе же вьюки на верблюдахъ, ослахъ и лошадяхъ шли весьма медленно и приходили иногда ночью, потому что верблюды не идутъ въ жаръ, ложатся и не встаютъ съ мѣста до заката солнца.

14-го іюля имѣли ночлегъ въ Ахъ-Кентѣ (бѣлая деревня), гдѣ ночью встревожены были шумомъ ружейныхъ и пистолетныхъ выстрѣловъ, которые были сдѣланы по шайкѣ разбойниковъ, напавшихъ вблизи нашего лагеря на вьюки съ кухнею шаха, посланною впередъ по дорогѣ къ Ардебилю. Несмотря на помощь нашихъ ферашей, разбойникамъ удалось отбить четыре катера съ провизіей, которую въ горахъ вѣроятно съѣли во здравіе длинной бороды его шахскаго величества.

На другое утро передъ самымъ разсвѣтомъ разбойники и у насъ попытались сдѣлать то же и успѣли отогнать одного катера съ частью казеннаго серебрянаго сервиза, взятаго кн. Меншиковымъ изъ Тифлиса, гдѣ оный находился отъ временъ императрицы Екатерины II для употребленія при торжественныхъ пиршествахъ главнокомандующаго въ Грузіи. Но наши слуги схватились живо и, отыскавъ катера, поймали и воровъ. Мегмендарь въ наказаніе хотѣлъ, по праву, ему предоставленному, приказать тотчасъ при насъ же отрѣзать виновнымъ уши; но по нашей просьбѣ замѣнилъ наказаніе палочными ударами по пятамъ, что̀ и было выполнено уже по прибытіи на мѣсто, гдѣ отсчитано нѣсколько сотенъ ударовъ тѣмъ, которые во время экзекуціи не могли откупиться деньгами, какъ сіе обыкновенно дѣлается.

Дорогою обгоняли мы нѣкоторые баталіоны персидской пѣхоты, шедшіе на войну въ большомъ безпорядкѣ. Это не войско, а кочующая орда. Изъ числа 800 и даже менѣе того солдатъ около 300 человѣкъ находится при 500 вьючныхъ лошадяхъ, ослахъ и мулахъ, на которыхъ везутся солдатскія палатки.

Мы расположились лагеремъ близъ г. Міане; эти дни жары были чрезвычайные, но здѣсь сдѣлались нестерпимѣе по случаю несноснаго удушливаго вѣтра. Останавливаясь иногда вдали городовъ и мѣстечекъ, мы были лишены возможности доставать ледъ или снѣгъ, и тамъ, гдѣ не

находили ключевой воды, мы должны были довольствоваться отвратительною водой соляныхъ лужъ.

Отъ Міане до Тавриза наше путешествіе продолжалось пять дней во время неимовѣрныхъ жаровъ. Мы останавливались всегда лагеремъ, избирая мѣста, гдѣ была вода, и стараясь отыскивать тѣнь. На всемъ пути отъ Султаніи до Тавриза, проходя черезъ города и деревни, мы часто видѣли, какъ въ мечетяхъ муллы читали проповѣди, возбуждающія народъ противу русскихъ. Тогда мы обыкновенно проходили быстро и не останавливаясь черезъ городъ и селеніе, чтобы не причинять волненія въ народѣ, готовомъ растерзать насъ изъ фанатизма.

Проповѣди въ мечетяхъ говорились вслѣдствіе шахскаго указа, даннаго главнымъ особамъ духовнаго званія.

19-го іюля въѣхали мы въ Тавризъ, гдѣ были встрѣчены Мирзою-Таги, однимъ изъ министровъ Аббасъ-мирзы. Мы нашли домъ русской миссіи окруженнымъ со всѣхъ сторонъ часовыми, и два чиновника прежней миссіи, тамъ оставшіеся, содержались уже съ нѣкотораго времени подъ строгимъ карауломъ. Тутъ узнали мы, что дѣйствительно посланный кн. Меншиковымъ изъ Султаніи послѣдній курьеръ былъ задержанъ въ Ахарѣ; у другаго курьера, посланнаго къ намъ изъ Тифлиса, отобраны здѣсь бумаги, возвращенныя намъ впослѣдствіи частію распечатанными.

Въ Тавризѣ оставались мы девять дней, пока производилась переписка съ министрами шаха и съ Аббасъ-мирзою о свободномъ нашемъ возвращеніи въ Россію. Въ продолженіе сего времени мы въ посольскомъ нашемъ домѣ содержались полуплѣнными. У всѣхъ выходовъ поставлены были часовые, подъ предлогомъ будто-бы охранять насъ отъ обидъ черни, воспламененной проповѣдями въ мечетяхъ. Хотя выходъ изъ дому и не возбранялся, но всегда при этомъ случаѣ слѣдовалъ въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи персидскій сарбазъ, что заставило насъ прекратить наши прогулки и оставаться въ заключеніи. Военныя дѣйствія на границахъ не только что уже начались, но ежедневно раздавался въ Тавризѣ громъ пушекъ по случаю полученнаго будто-бы извѣстія мнимой побѣды и ложнаго взятія нашихъ крѣпостей.

Всѣ таковыя извѣстія о побѣдахъ, по полученіи коихъ народъ при пушечной пальбѣ собирался въ мечетяхъ, распространялись сколько для воспламененія народа, столько и для того, чтобы пугать насъ. Желая въ семъ послѣднемъ успѣть, дабы тѣмъ выманить у князя Меншикова подарки, большею частію не розданные, распространяли по городу и доводили до нашего свѣдѣнія разные слухи, до насъ касающіеся, какъ-то: что мы будемъ заключены въ крѣпость, что приказано насъ отравить или задушить, что народъ требуетъ, чтобы мы ему были выданы и что поэтому въ такую-то или такую-то ночь рѣшено пре-

дать насъ убіенію, дабы удовлетворить народному требованію, и тому подобное. Сколько слухи сіи и не были несправедливы, но, распространяемые людьми важнаго званія и посреди народа, не знающаго, какъ и правительство его, ни народныхъ правъ, ни святости союзовъ, ни правилъ человѣчества, они вовсе не могли казаться невѣроятными.

Между тѣмъ, послѣ многихъ переписокъ и совѣщаній, мы получили позволеніе оставить Тавризъ, гдѣ предполагали уже оставаться военно-плѣнными, тѣмъ болѣе, что правительство Персіи желало имѣть насъ въ родѣ аманатовъ, полагая, что для освобожденія насъ русское правительство согласится на уступки въ случаѣ неудачныхъ военныхъ дѣйствій со стороны персіанъ.

Когда уже назначенъ былъ день нашего выѣзда изъ Тавриза, то не можно себѣ представить всѣхъ хитростей, къ которымъ прибѣгали даже сановники, чтобы выманить сколько можно болѣе подарковъ и денегъ отъ князя Меншикова. Такъ, напримѣръ, министръ Мирза-Таги, имѣя собственныхъ верблюдовъ и лошаковъ, приказалъ объявить всѣмъ жителямъ и купцамъ тавризскимъ, чтобы отнюдь никто не смѣлъ подъ строгимъ наказаніемъ продавать русскимъ ни лошадей, ни ословъ, ни лошаковъ, ни верблюдовъ.

А какъ подъ наше покровительство, для возвращенія въ Тифлисъ, къ намъ присоединилось много русскихъ и грузинскихъ купцовъ, такъ что нужно было значительное число этихъ животныхъ для вьюковъ, то онъ самъ воспользовался симъ случаемъ, предложивъ всѣхъ своихъ верблюдовъ и лошаковъ до Эривани, разумѣется, за весьма дорогую цѣну, въ которой ему отказать не было возможности, потому что для перевозки вьюковъ другаго средства не оставалось.

Мы оставили Тавризъ 28-го іюля по полудни часа въ четыре, располагая ѣхать по вечерамъ по случаю нестерпимыхъ жаровъ. Это было время самаго рамазана (магометанскаго великаго поста), нѣсколько недѣль продолжавшагося. Дорогою встрѣтили мы отрядъ персидскихъ сарбазовъ, провожавшій нѣсколько плѣнныхъ русскихъ солдатъ, а также женщинъ и дѣтей, захваченныхъ персіанами на границѣ, въ селеніи Маломъ Караклиссѣ. Тутъ же на лошадяхъ везлось въ кожаныхъ мѣшкахъ нѣсколько русскихъ головъ, отрѣзанныхъ отъ убитыхъ.

Поздно вечеромъ расположились мы для ночлега около развалинъ караванъ-сарая на голой степи. Вьюки наши съ палатками и походными кроватями не прибыли, и потому всякій изъ насъ постлалъ на землю, что имѣлъ, бурку или плащъ, попону или коверъ, и легъ спокойно головой на одинъ изъ камней, которые во множествѣ были разбросаны по долинѣ.

30-го іюля подъ вечеръ мы расположились для ночлега въ двухъ или трехъ верстахъ за Марандомъ. Проѣзжая черезъ городъ, мы встрѣ-

тили неистовыя толпы черни, въ безпорядкѣ и въ ужасномъ видѣ бѣгущія. Одежды, едва накинутыя, изобличали какое-то буйство, которое выражалось еще болѣе свирѣпымъ видомъ, окровавленной грудью нѣкоторыхъ, поднятыми вверхъ обнаженными кинжалами, коими они иногда себѣ и другъ другу рѣзали тѣла такъ, что изъ ранъ струилась кровь, и дикими воплями и криками: «Гуссейнъ! Гассанъ!» Мы узнали, что это слѣдствіе религіознаго фанатизма, по случаю поста, который и учрежденъ въ память убійства Гуссейна и Гассана, коихъ почитаютъ святыми. Фанатизмъ сей, какъ говорили намъ, доходитъ до невѣроятности, ибо въ продолженіе слишкомъ недѣли, кромѣ ранъ, самимъ себѣ нанесенныхъ, народъ шатается день и ночь въ неистовствѣ, раздѣляется на двѣ партіи, изъ коихъ одна при воплѣ и крикахъ: «Гуссейнъ!» нападаетъ на другую, которая реветъ: «Гассанъ!» и при семъ случаѣ, нанося другъ другу удары, иногда доходитъ до смертоубійства. Если при семъ случаѣ можно оскорбить или убить даже христіанина, то сіе почитается дѣломъ угоднымъ Аллаху и его великому пророку Магомету. Мы старались разъѣхаться съ толпою и расположились за городомъ и не разводили даже огней, чтобы не привлечь вниманія черни и не подвергнуться ея неистовству. Глухой гулъ, ревъ и ужасные крики слышны были всю ночь, и мы на разсвѣтѣ, когда многіе изъ фанатиковъ, въ изнеможеніи упавъ на улицахъ, предались сну, отправились далѣе.

1-го августа въ Гергерѣ на Араксѣ имѣли ночлегъ, и здѣсь персіане объявили намъ о взятіи будто бы крѣпости Шуши. Впослѣдствіи узнали, что это ложное извѣстіе было распространено съ умысломъ. На другой день, т. е. 2-го августа, переправлялись мы черезъ Араксъ. Какъ на переправѣ находился только одинъ паромъ, то, уступивъ его женщинамъ, возвращавшимся съ нами изъ Тавриза, всѣ прочіе переправлялись въ бродъ и вплавь верхами. Картина переправы была самая живописная. Насъ было всего человѣкъ 80, въ разныхъ нарядахъ и разныхъ націй. Быстрыя волны Аракса въ двухъ мѣстахъ запестрѣли вдругъ всадниками, углубившимися по поясъ въ мутныхъ его струяхъ, которыя быстро уносили красивыхъ азіатскихъ коней нашихъ, храпѣвшихъ, фыркавшихъ и живо выскакивавшихъ на противуположный берегъ.

Черезъ два дня послѣ живописной переправы сей, прибыли мы въ Эривань и расположились лагеремъ въ прекрасномъ загородномъ саду сердаря, гдѣ онъ обыкновенно имѣетъ свое лѣтнее пребываніе въ бесѣдкѣ, выстроенной во вкусѣ совершенно восточномъ и гдѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, я былъ имъ принятъ.

Сердаря самого не было въ Эривани, потому что въ это время года, какъ онъ самъ, такъ и прочіе жители, исключая бѣдныхъ и простаго народа, оставляютъ городъ по случаю господствующихъ здѣсь желчныхъ

горячекъ. Кажется, насъ персіане обрекли смерти и для этого задерживаютъ здѣсь въ надеждѣ, что и мы подвергнемся дѣйствію климата, и имъ легко будетъ овладѣть тогда драгоцѣнными вещами и подарками, которые находятся при миссіи. Около лагеря нашего поставлена цѣпь часовыхъ, и хотя намъ не говорятъ, что мы въ плѣну, но мы сами о томъ догадываемся.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда нашего въ Эривань, получено было письмо отъ сердаря, съ объявленіемъ, что по случаю военныхъ дѣйствій не можно россійской миссіи дозволить ѣхать въ Тифлисъ прямымъ путемъ черезъ Кара-Килиссу, но намъ предлагаютъ ѣхать налегкѣ, оставя всѣ вьюки въ Эривани, черезъ Карсъ или черезъ Делижанское ущелье. Этимъ предложеніемъ персіане выказали все свое вѣроломство, потому что должно замѣтить, что тогдашній паша карскій почти явно не повиновался турецкому правительству и былъ извѣстенъ въ тайномъ участіи въ производимыхъ въ его пашалыкѣ частыхъ грабежахъ. Делижанское же ущелье, трудно проходимое и служившее тогда убѣжищемъ бунтовавшимъ казахцамъ, было предложено персіанами потому, что огромные вьюки наши въ этомъ случаѣ намъ нужно было оставить за собою. Какъ намъ не оставалось однакоже ничего дѣлать, то мы рѣшились ѣхать и потому и начали покупать вьючныхъ лошадей для уменьшеннаго числа вьюковъ и предполагаемъ бросить изъ вещей то, что почитаемъ не столько нужнымъ.

Между тѣмъ, для довершенія вѣроломства, намъ объявили, что насъ персіане будутъ сопровождать до нашихъ границъ, а отнюдь не далѣе, и что болѣе мы и требовать не можемъ. Въ это же время персіане перешедъ, безъ объявленія войны, границы наши, были расположены впереди оныхъ отъ 40 и до 100 верстъ, такъ что, проводя насъ до границъ, оставили бы насъ безъ прикрытія и защиты во власти своихъ войскъ, имѣвшихъ намѣреніе напасть на насъ и истребить, или взять въ плѣнъ и поступать тогда уже какъ съ военно-плѣнными.

Во время приготовленія нашего къ отъѣзду черезъ армянъ и монаховъ узнали мы тайнымъ образомъ, что въ Делижанскомъ ущельи, черезъ которое должны мы проѣзжать, въ трехъ мѣстахъ собраны до 200 и 300 вооруженныхъ татаръ для нападенія на насъ. Князь Меншиковъ, по этому обстоятельству отложивъ отъѣздъ нашъ, написалъ шаху и Аббасъ-мирзѣ, прося, чтобы приказано было проводить насъ не до границъ, но до нашихъ аванпостовъ. Въ ожиданіи шахскаго отвѣта, оставались мы во власти персіанъ. Отъ сердаря былъ къ намъ назначенъ мегмендарь, который вмѣстѣ съ мирзою Исмаиломъ, сопровождавшимъ насъ отъ Султаніи, безпрестанно подъ разными предлогами выпрашивалъ у князя Меншикова и у насъ всѣхъ подарки. Вечеромъ, когда лагерь нашей миссіи оживлялся бивачными огнями, которые жи-

вописно освѣщали группы людей въ полуевропейскихъ и полуазіатскихъ нарядахъ,—раздавались русскія пѣсни, хотя намъ было и не до нихъ.

Четыре дня прошло безъ отвѣта отъ шаха и Аббасъ-мирзы, находившихся въ недальнемъ отъ насъ разстояніи. Тогда, потерявъ терпѣніе, князь Меншиковъ рѣшился отправиться черезъ ущелье и въ случаѣ нападенія открыть себѣ путь вооруженною рукою, тѣмъ болѣе, что нашъ караванъ состоялъ изъ 80 и болѣе человѣкъ. 8-го числа августа принято было сіе рѣшеніе, и въ лагерѣ нашемъ всѣ начали готовиться къ отъѣзду, назначенному на другой же день. Но судьбою не былъ еще назначенъ конецъ нашимъ бѣдствіямъ, и на другое утро, когда часть нашего имущества была навьючена на лошадяхъ и мулахъ, кони наши ожидали сѣдоковъ и мы готовились проститься съ Араратомъ, долговременнымъ товарищемъ нашимъ, прискакалъ отъ шаха курьеръ-татаринъ съ повелѣніемъ остановить насъ впредь до приказанія потому, какъ сказано было въ указѣ, что на одну будто бы ноту князя Меншикова не успѣли написать отвѣта. Тогда мы уже совершенно могли себя почитать военно-плѣнными, которыхъ персидское правительство, вопреки всѣхъ правъ народныхъ, желало задержать въ видѣ аманатовъ. Вскорѣ послѣ того разнесся слухъ, что насъ приказано посадить въ крѣпость. Можно представить себѣ смущеніе, которое произвело сіе извѣстіе, впослѣдствіи оказавшееся ложнымъ. Князь Меншиковъ приказалъ сжечь секретныя и другія бумаги. Я при этомъ случаѣ также сжегъ нѣкоторыя бумаги, имѣвшія для меня особенную цѣну и заключавшія нѣкоторые любопытные факты, собранные мною въ Персіи.

Утромъ 10-го августа раздался звукъ пушечныхъ выстрѣловъ изъ Эриванской крѣпости. Эта пальба производилась по случаю взятія персіанами Кара-Килиссы. Впослѣдствіи мы узнали, что это селеніе, гдѣ былъ тогда полковой штабъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка, оставлено по приказанію начальства и сожжено. Черезъ часъ сдѣлано опять съ крѣпостныхъ стѣнъ 24 выстрѣла по случаю взятія Шуши. Извѣстіе это было ложное, вымышленное сколько для возбужденія духа персіанъ, столько и для устрашенія насъ. На другой день пальба съ крѣпости извѣстила о взятіи персіанами Ленкорана.

Между тѣмъ жары днемъ, а вечеромъ и ночью холодный вѣтеръ и дождь способствовали къ развитію еще болѣе вреднаго климатическаго вліянія и болѣзни, коей подвергаются здѣсь даже всегдашніе жители въ это время года. Желтая горячка быстро развилась въ лагерѣ нашемъ, я и молодой офицеръ, жившій въ одной палаткѣ со мною, заболѣли ею. Безпамятство наше по временамъ облегчало страданія, которыя казались намъ въ минуты облегченія ничтожными противу

скорби души умереть далеко отъ своихъ. Всѣ средства медицинскія были истощены надъ нами. Кровопусканіе и искусство бывшаго при насъ доктора, хотя разъ и облегчили наше состояніе, но сильная стужа и вѣтеръ, отъ которыхъ не могла насъ защитить наша палатка, въ одну ночь уничтожили надежду врача и попеченія, которыя намъ оказывали товарищи бѣдствій нашихъ, и мы снова были брошены на край могилы. Тогда уже всѣ старанія и искусство людей казались тщетными; должно было ожидать чуда, и оно надъ нами обоими совершилось.

Англійскими врачами въ Индіи, для излѣченія болѣзни сей, употребляется мышьякъ, и удается иногда спасать этимъ средствомъ. Но эти примѣры весьма, весьма рѣдки, и средство это самое отчаянное. Докторъ нашъ, испрося на то позволенія князя Меншикова и получивъ его, рѣшился испытать сіе средство надъ нами.

Кое-какъ удалось устроить намъ палатку потеплѣе, куда и перенесли насъ. Между тѣмъ, послѣ долгихъ переговоровъ, позволили насъ на 14-й день нашей болѣзни перенести по близости въ бесѣдку сердаря. Здѣсь, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ бесѣдовалъ я, здоровый и полный надеждъ, съ властелиномъ эриванскимъ, принимавшимъ меня со всею утонченностію восточной роскоши, здѣсь теперь лежалъ я на одрѣ смертномъ, въ плѣну и отторгнутый отъ всего, что̀ дорого моему сердцу. 25-го августа надежда на выздоровленіе блеснула въ душахъ нашихъ, и, благодаря искусству и попеченію нашего доктора, мы начали поправляться. Но слабость наша была такъ велика, что я нѣсколько разъ въ день падалъ въ обморокъ. Желаніе жизни во все время не покидало меня.

26-го августа было получено повелѣніе отъ Аббасъ-мирзы, чтобы насъ немедленно отпустить и препроводить до границъ нашихъ. Хотя князь Меншиковъ и полагалъ больныхъ всѣхъ оставить въ Эривани, поручивъ англійскому посольству, но по убѣдительной нашей просьбѣ и по уваженію доктора, что мы дорогою поправимся и что радость освобожденія подѣйствуетъ на насъ цѣлительнѣе самаго лѣкарства, князь согласился взять насъ съ собою, и 27-го августа все посольство, увеличенное множествомъ купцовъ и другихъ подданныхъ русскихъ, въ сопровожденіи многочисленной персидской свиты, отправилось изъ Эривани послѣ 23-хъдневнаго пребыванія въ ней или, лучше сказать, плѣна.

Не могу не описать здѣсь тахтаравана, въ коемъ повезли меня и больнаго товарища моего. Экипажъ этотъ, который въ Персіи употребляютъ только женщины, и то важныя, не что иное, какъ двѣ большія деревянныя, продолговатыя клѣтки, коихъ сплошное дно и крыша соединены деревянною рѣшеткою съ дверцами. Двѣ клѣтки эти прикрѣ-

плены съ обѣихъ сторонъ лошади или лошака къ вьючному сѣдлу, какъ перекидныя корзины, въ коихъ на ослахъ привозятъ на базары Азіи зелень и разные припасы изъ деревень.

Самыя клѣтки эти совершенно сходны съ тѣми, въ коихъ у насъ въ города привозятъ куръ, индѣекъ и другихъ домашнихъ птицъ, и отличаются только величиною своею. Въ тахтараванѣ постлали намъ тюфяки наши и подушки, и положили насъ туда, избравъ самую большую лошадь, которую могли только отыскать во всемъ караванѣ нашемъ. Какъ теперь помню еще этого бѣлаго, огромнаго, неуклюжаго коня, на которомъ мы, два новые Донъ-Кихота, настоящіе рыцари печальнаго вида, отправились въ путь. Не можно себѣ представить неудобства таковой ѣзды. Движеніе коня, шагомъ-ли или рысью, производило качку, которая заставляла насъ опасаться послѣдствій, подобныхъ качкѣ на море. Въ добавокъ персіане вели насъ не по обыкновенной дорогѣ, но ущельемъ, гдѣ лошадь между огромными камнями должна была перебираться по узкой тропинкѣ и безпрестанно падала подъ тяжестію двухъ тахтаравановъ, толкавшихъ ее въ бока.

Можно представить себѣ ощущенія наши, когда, полуживые, мы чувствовали удары о камни, или лошадь, упавшая, билась между обѣими клѣтками, которыя, наконецъ, не выдержавъ всѣхъ толчковъ, разсыпались на первомъ же переходѣ, не доходя верстъ шесть до ночлега. Отставши отъ всѣхъ съ нѣсколькими изъ провожавшихъ насъ, мы привезены были изнуренные отъ усталости, поздно вечеромъ, въ армянское селеніе Яговартъ, гдѣ миссія остановилась для ночлега. Дорогою, отъ жары и безпокойства, мы ослабѣли и впали въ бредъ. Выпивъ весь запасъ воды, бывшей съ нами, мы, наконецъ, послѣ 8 часовъ похода, мучались сильною жаждою. Кто не испыталъ тоски жажды, тотъ не пойметъ нашей радости, когда,—лежа на землѣ для отдыха и умирая отъ желанія освѣжиться питьемъ, и видя, какъ въ продолженіе почти двухъ часовъ по всѣмъ окрестностямъ тщетно посылали за водой,—мой человѣкъ прискакалъ во весь духъ, привезя баклагу чистой, холодной, ключевой воды, отысканной имъ верстъ за восемь, съ опасностію быть захваченнымъ кочующими курдами. Утоля жгучую жажду, мы ожили и отправились далѣе. Для ночлега насъ помѣстили въ развалинахъ древней армянской церкви, прекрасной архитектуры. Встревоженныя огнемъ летучія мыши и совы, оставляя вѣковое жилище свое подъ древними сводами, кричали и, падая около насъ, придавали картинѣ сей нѣчто фантастическое и страшное. Вѣтеръ то ревѣлъ глухо, то пронзительнымъ свистомъ оглашалъ своды, терявшіеся во мракѣ. Жаръ и бредъ усилился въ насъ отъ усталости и вслѣдствіе такого ночлега. Мнѣ казалось, что я лежу въ могилѣ и окруженъ мертвецами. Все передо мною было подернуто, какъ туманомъ. Вся ночь проведена была мною въ бреду.

Вдругъ услышалъ я голосъ, меня отпѣвающій, я поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою длинную фигуру въ черной одеждѣ съ кадиломъ въ рукѣ, которая безпрестанно надо мною нагибалась и шептала какіе-то мнѣ непонятные звуки. Подлѣ нея еще другая такая же фигура пѣла пискливымъ голосомъ. Кругомъ нѣсколько людей шептались таинственно. Я рѣшительно думалъ, что нахожусь въ царствѣ духовъ и привидѣній. Звуки понемногу утихали, меня окружалъ дымъ и запахъ ладану; казалось, я летѣлъ или падалъ и, наконецъ, исчезъ вовсе... Проснувшись съ разсвѣтомъ, я чувствовалъ себя легче. Мнѣ сказали, что окружавшіе меня армяне объявили армянскому священнику, въ селеніи томъ находящемуся, что въ развалинахъ древней опустѣлой церкви лежатъ двое больныхъ христіанъ, и священникъ вызвался съ дьячкомъ отслужить надъ нами молебствіе. Своды церкви послѣ нѣсколькихъ столѣтій огласились опять молитвой... Въ бреду и въ просонкахъ я слушалъ молитву и заснулъ. Мое видѣніе объяснилось. Меня положили во вьюкѣ на лошадь, и мы отправились въ путь. Въ татарскомъ селеніи Мулла-Кассимъ остановились мы и весь слѣдующій день ожидали отъ Гассанъ-хана, брата сердаря эриванскаго, увѣдомленія, что для препровожденія насъ онъ вышлетъ конницу.

30-го августа, утромъ, продолжали путешествіе. Силы мои возвращались быстро. Одинъ день отдыха много укрѣпилъ меня. Я сѣлъ на персидскаго коня своего и чувствовалъ, что могу управлять имъ. Радость моя была велика, я поскакалъ догнать кн. Меншикова, который, не ожидая меня видѣть верхомъ, весьма удивился и не хотѣлъ вѣрить скорому моему выздоровленію. Этотъ день былъ день его именинъ.

Близъ селенія Амамлы, на границѣ нашей, встрѣтили мы 150 человѣкъ персидской конницы, высланной для препровожденія насъ. Мы расположились на бивуакахъ для ночлега. На другое утро отправились далѣе. Вдали увидѣли сожженное селеніе Кара-Килиссу. Обгорѣлая церковь оправдывала теперь названіе свое, ибо Кара-Килисса, по-татарски, значитъ черная церковь. Персіане проводили насъ до горы Безобдала. Здѣсь сняли они вьюки наши съ коней и лошаковъ, которые были у нихъ наняты, положили все на землю и приготовлялись къ возвратному пути съ конвоемъ, оставляя насъ однихъ на произволъ судьбы и въ опасности быть или опять перехваченными или заплатить, по крайней мѣрѣ, всѣми вьюками нашими за знакомство съ ними. Въ особенности персіане весьма желали имѣть богатые подарки, изъ Петербурга присланные, и серебряный столовый сервизъ, изъ Тифлиса привезенный.

Прибывъ на Безобдалъ, кн. Меншиковъ долженъ былъ сдѣлать приличные подарки. Приказано было постлать ковры въ тѣни деревъ, на живописной покатости горы, заросшей частымъ лѣсомъ. Приготовляли завтракъ, и кн. Меншиковъ пригласилъ на оный всѣхъ персіанъ, желая

не столько угостить ихъ, сколько выиграть времени. Между тѣмъ я, какъ знавшій эту дорогу, по которой недавно проѣзжалъ три раза, долженъ былъ непримѣтно отдѣлиться отъ миссіи и отыскать ближайшій аванпостъ нашъ, чтобы послать сколько-нибудь войска для защиты миссіи. Я и адъютантъ кн. Меншикова слѣзли съ лошадей, какъ и всѣ прочіе, для привала и потомъ углубились въ чащу лѣса и, скрывшись отъ наблюдательныхъ глазъ персіанъ, поскакали по дорогѣ, ведущей къ нашимъ войскамъ. Можно легко себѣ вообразить, какъ боялся я ошибиться въ пути, чтобы не попасть въ руки персіанъ. Послѣ часу быстрой ѣзды, выѣзжая изъ лѣса, встрѣтили мы казачій разъѣздъ. Наша радость была чрезвычайна. Мы готовы были пасть на шею имъ и расцѣловать ихъ. Кто мѣсяца два провелъ въ плѣну, гдѣ ежедневно имѣлъ въ виду смерть, тотъ пойметъ восторгъ освобожденія. Казаки проводили насъ на аванпостъ у дер. Гергеръ, гдѣ нашли мы нѣсколько пѣхоты и казаковъ. Командиръ поста отправилъ тотчасъ 25 казаковъ для конвоя миссіи, и вслѣдъ за ними выступило нѣсколько пѣхоты, дабы составить караулъ у вьюковъ. Я же, отдохнувъ немного, поскакалъ далѣе въ Джелалъ-Оглу, гдѣ строилось укрѣпленіе и былъ расположенъ лагерь, кажется, 2.000 человѣкъ. Оттуда были отправлены тотчасъ повозки съ надлежащимъ прикрытіемъ для взятія вьюковъ.

Въ скорости прибыла вся миссія. Странно было слушать разсказы, какъ появленіе 25 казаковъ испугало персіанъ, всѣ они тотчасъ, не окончивъ завтрака, бросились на коней и ускакали, а мегмендарь и прочіе персіане боялись, чтобы не наказали ихъ за всѣ дѣланныя ими намъ притѣсненія. Но князь, успокоивъ ихъ и раздавъ щедро подарки, удалился, оставивъ пѣхоту и нѣсколько казаковъ для охраненія вьюковъ. Вечеромъ въ лагерѣ, около огней, раздавались родные звуки пѣсней, вечерняя заря и протяжные оклики часовыхъ напоминали намъ, что мы опять среди русскихъ. Кто изъ насъ тогда, ложась спать, не почувствовалъ слезъ умиленія и благодарности къ Провидѣнію, насъ спасшему. На другой день прибыли и вьюки наши.

2-го сентября мы хотѣли ѣхать далѣе; но утромъ вдругъ раздался шумъ тревоги; войска стали въ ружье, послышались выстрѣлы. Персіане, въ числѣ 2-хъ или 3-хъ тысячъ конницы, подъ предводительствомъ, какъ иные говорили, самого Гассана-хана (извѣстнаго персидскаго наѣздника и кавалерійскаго начальника, попавшагося впослѣдствіи въ плѣнъ), обошедъ скрытыми ущеліями, напали на лагерь, потому что намѣреніе напасть на насъ и взять насъ со всѣми вьюками было уничтожено дневкой нашей въ Джелалъ-Оглу. Персіане полагали, что мы выступимъ 1-го или 2-го числа рано, и потому, сдѣлавъ засаду, ожидали насъ, но, видя, что мы остаемся въ лагерѣ, вздумали напасть и произвести хотя тревогу. Кн. Меншиковъ, взявъ нѣсколько пѣхоты съ однимъ

орудіемъ и казаковъ, отразилъ персіанъ и, нанеся имъ значительный вредъ, преслѣдовалъ ихъ далеко. Это обстоятельство заставило насъ выѣхать только на другой день, подъ прикрытіемъ одной егерской роты и одного орудія. Я ѣхалъ въ крытыхъ дрожкахъ, потому что чувствовалъ себя, послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ ощущеній, опять столь слабымъ, что не могъ сидѣть верхомъ. Трехъ-дневный походъ нашъ въ Тифлисъ былъ безъ приключеній. Мы встрѣтили 3.000 грузинской конницы, набранной съ неимовѣрною скоростію и шедшей отражать персіанъ. Близъ Тифлиса встрѣтили генералъ-адъютанта Паскевича, ѣхавшаго въ Елисаветполь. Я вышелъ съ дрожекъ, чтобы привѣтствовать бывшаго своего начальника, у котораго служилъ, когда командовалъ онъ еще гвардейскою дивизіею. Онъ ласково подалъ мнѣ руку и обнялъ меня.

5-го сентября пріѣхали мы въ Тифлисъ, гдѣ оставались слишкомъ мѣсяцъ. Въ октябрѣ получено было повелѣніе миссіи возвратиться въ Россію. Мы наняли лошадей до Екатеринограда и отправились изъ Тифлиса, кто 11-го октября, кто двумя днями позже. 13-го, въ 6 часовъ вечера, пріѣхалъ я въ Душетъ, гдѣ вся наша миссія соединилась, чтобы караваномъ переѣхать черезъ грозный хребетъ Кавказа.

20-го октября мы пріѣхали въ Екатериноградъ и отсюда уже поѣхали на почтовыхъ въ экипажахъ. По дорогѣ къ Ставрополю увидѣли мы старыхъ своихъ знакомыхъ; это былъ огромный караванъ верблюдовъ, которыхъ гнали изъ Крыма въ Грузію, дабы служить для вьюковъ при движеніи войскъ въ Персіи. Немного далѣе встрѣтилъ я генерала Сакена, во главѣ Бугской уланской дивизіи. Никогда не видѣлъ я войска, идущаго походомъ въ такомъ блистательномъ порядкѣ. Впереди самъ генералъ ѣхалъ со своимъ штабомъ, позади его—всѣ четыре полка, въ колоннѣ, поэскадронно. Въ этой прекрасной равнинѣ, въ виду Эльбруса и Кавказскаго хребта, тянущихся на дальномъ горизонтѣ, какъ облака, это войско, казалось, парадировало церемоніальнымъ маршемъ. Генералъ подъѣхалъ ко мнѣ и спросилъ, откуда я ѣду. На отвѣтъ мой: изъ Персіи, онъ спросилъ, не кончена-ли уже война и не опоздали-ли они.

— Поспѣете еще,—отвѣчалъ я.

Я тогда и не воображалъ, что этотъ молодой генералъ скоро прославится и будетъ одинъ изъ ближайшихъ сподвижниковъ героя эриванскаго.

Вотъ какъ окончилось мое путешествіе въ Персію, не любопытное, можетъ быть, для читателей, но оставившее въ моей памяти много сладкихъ и горестныхъ впечатлѣній и составляющее эпоху въ моей жизни.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о дальнѣйшей службѣ Ѳ. Ѳ. Бартоломея.

По возвращеніи изъ Персіи, онъ былъ назначенъ состоять по инженерному корпусу, а 9-го декабря 1827 года—командиромъ 1-го конно-піонернаго эскадрона, съ которымъ и принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ въ турецкой кампаніи 1828 г. 15-го сентября, въ дѣлѣ при Карасаджи и при овладѣніи укрѣпленнымъ турецкимъ лагеремъ при Гаджи-Гассанъ-Ларѣ, Ѳ. Ѳ. Бартоломей командовалъ 1-мъ конно-піонернымъ эскадрономъ и 3-мъ дивизіономъ Бугскаго уланскаго полка. Съ 16-го по 18-е число онъ находился на передовомъ посту, близъ Куртепе для наблюденія за непріятелемъ.

«Послѣ сраженія при Гаджи-Гассанъ-Ларѣ (15-го сентября 1828 г.),—говоритъ онъ,—когда нашъ отрядъ занялъ сію разоренную деревню, поставленъ я былъ на позицію въ трехъ верстахъ отъ лагеря Омеръ-Вріоне, на высотѣ, отдѣленной отъ Гаджи-Гассанъ-Лара крутымъ оврагомъ и окруженной густымъ лѣсомъ. Площадка на высотѣ этой (усѣянная, въ полномъ смыслѣ слова, обезглавленными тѣлами гвардейскихъ егерей, претерпѣвшихъ здѣсь незадолго передъ тѣмъ пораженіе) господствовала надъ позиціею турокъ. Съ 120 человѣками 1-го Бугскаго уланскаго полка и 20 донскими казаками, находился я въ виду Омеръ-Вріоне, который, имѣя 30.000 въ укрѣпленномъ лагерѣ, легко могъ послать небольшой отрядъ, чтобы, обойдя, отрѣзать меня отъ Гаджи-Гассанъ-Лара и уничтожить прежде, нежели я могъ получить помощь. Бивуакъ мой былъ подъ вѣтвистымъ деревомъ, позади коего лежало около 20 убитыхъ егерей, собравшихся тщетно въ кучку для защиты своей. Обезглавленныя тѣла ихъ напоминали намъ долгъ нашъ и, казалось, требовали мщенія. Посредствомъ зрительной трубы былъ я, какъ будто, въ лагерѣ Омеръ-Вріоне, а безпрестанно посылаемые разъѣзды охраняли меня отъ внезапнаго нападенія. Я занималъ сію позицію до 18-го сентября, день, въ который было назначено напасть на турецкій лагерь. Утромъ того же дня дѣлалъ я съ двумя офицерами рекогносцировку дороги, ведущей къ вновь построенному турецкому редуту. Послѣ сего сѣлъ подъ деревомъ своимъ писать карандашомъ донесеніе. Отправивъ оное, написалъ на оставшемся лоскуткѣ бумаги стихи подъ заглавіемъ «Памятникъ воина»:

Быть можетъ, что и мнѣ судьба опредѣлила
Пасть у Балкана, здѣсь, среди его лѣсовъ;
Подъ этимъ деревомъ безмолвная могила
Сокроетъ пусть мой прахъ отъ ярости враговъ.
Сегодня, можетъ быть, какъ прекратится битва,
Кровавыхъ много жертвъ положатъ здѣсь со мной,
И въ сумракѣ ночномъ послѣдняя молитва
Прочтется межъ огней надъ сѣнью гробовой.
И тихо совершатъ обрядъ намъ погребальный,
Печально воины покроютъ насъ землей;

Одинъ изъ нихъ почтитъ друзей слезой прощальной;
Отершись, можетъ быть, кровавою рукой,
Оставитъ на щекѣ онъ слѣдъ окровавленный,
Безмолвствующій знакъ погибели враговъ.
И вотъ намъ памятникъ достойный и священный,
Краснорѣчивѣе всѣхъ погребальныхъ словъ!..

«Вскорѣ потомъ прибылъ на мою позицію принцъ Евгеній Виртембергскій съ кавалеріею и конною артиллеріею, чтобы поддержать атаку, начатую уже пѣхотою съ другой стороны. На рысяхъ прибыли мы на поле битвы. Передовой турецкій редутъ былъ тотчасъ взятъ пѣхотою. Омеръ-Вріоне, съ 30-тысячнымъ отрядомъ, въ укрѣпленномъ на выгоднѣйшей позиціи лагерѣ, защищался противъ 5.600 русскихъ, которые должны были пройти густой кустарникъ и два оврага. Никогда, быть можетъ, войско не показывало болѣе неустрашимости, какъ русскіе въ этотъ день. Но неприступность турецкой позиціи, совершенная невозможность дѣйствовать артиллеріи нашей и несоразмѣрность силъ дѣлали всѣ усилія тщетными. Не взирая на то, что успѣхъ не соотвѣтствовалъ храбрости войскъ и цѣль (состоящая въ томъ, чтобы сбить Омеръ-Вріоне съ сей позиціи) не достигнута, битва сія, отъ 2 часовъ по полудни до 10 часовъ вечера продолжавшаяся, можетъ быть поставлена въ лѣтописяхъ на-ряду съ знаменитыми подвигами и достойна лавровъ Бородина, Кульма и Лейпцига. Половина только всего отряда въ порядкѣ и защищаясь до послѣдней капли крови отступила на прежнюю позицію; другая часть сражавшихся возвратилась, состоя только изъ раненыхъ, всѣ прочіе пали жертвою неустрашимости въ самомъ уже турецкомъ лагерѣ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ находились генералъ Дурново со всѣми штабъ-офицерами и множествомъ офицеровъ своей бригады и генералъ Симанскій. На площадкѣ Гаджи-Гассанъ-Лара, близъ того мѣста, гдѣ утромъ писалъ я стихи, вечеромъ того же дня совершено погребеніе убитыхъ, какъ оно мною описано. Одинъ Симанскій не положенъ въ сію общую могилу героевъ. Онъ палъ въ турецкомъ укрѣпленіи, окруженный храбрыми, коихъ тѣла, какъ и его, нельзя было вынести. Если тогда же было бы болѣе войска для поддержанія сего отчаяннаго нападенія, то оно было бы увѣнчано успѣхомъ и неувядаемою славою. Скоро исчезнутъ и слѣды сей могилы храбрыхъ, но имена ихъ живутъ въ сердцахъ товарищей-сподвижниковъ, сохраненныхъ судьбою. Предчувствіе мое на сей разъ не сбылось; меня сберегла участь посреди груды погибшихъ. На долго-ли?—покажетъ будущность!»

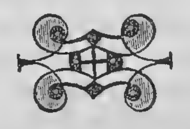
3-го октября въ авангардномъ дѣлѣ, при р. Камчикѣ, Θ. Θ. Бартоломей получилъ контузіи картечью въ лѣвую руку и лѣвый бокъ, но все время былъ въ строю. По окончаніи турецкой войны, онъ не долго оставался на мирномъ положеніи. Возстаніе въ Польшѣ, въ 1830 и 1831

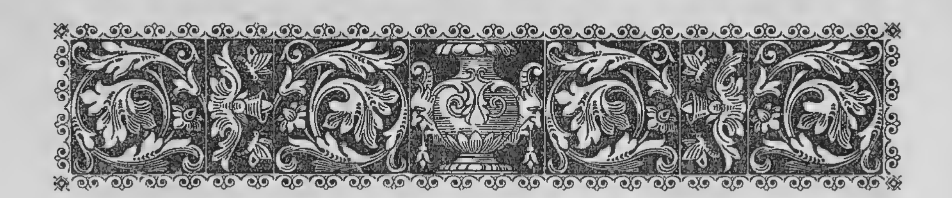
годахъ, вновь призывало къ боевой дѣятельности, и Бартоломей принялъ участіе болѣе чѣмъ въ восьми сраженіяхъ и стычкахъ. 1-го іюля онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и въ сентябрѣ назначенъ командиромъ 1-й бригады 1-й драгунской дивизіи; съ апрѣля 1835 года онъ командовалъ 2-ю бригадою 2-й драгунской дивизіи и 22-го мая 1838 г. назначенъ состоять по кавалеріи и причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Въ маѣ (6-го) 1838 года Ѳ. Бартоломей былъ командированъ вмѣстѣ съ чиновниками министерства юстиціи и штабъ-офицеромъ корпуса жандармовъ въ г. Кострому для раскрытія истины, по принесеннымъ наслѣднику костромскимъ мѣщаниномъ Пастуховымъ жалобамъ на причиненіе ему тамошнимъ полиціймейстеромъ Подгорнымъ побоевъ и на пристрастныя, яко бы, дѣйствія при первоначальномъ изслѣдованіи по сему дѣлу, а сверхъ того, и по дошедшимъ свѣдѣніямъ о другихъ, несогласныхъ съ законами, дѣйствіяхъ и безпорядкахъ мѣстнаго начальства; порученіе это исполнено имъ съ должнымъ успѣхомъ. Въ томъ же году онъ былъ командированъ, вслѣдствіе указа Правительствующаго Сената, отъ 21-го іюня, для производства разслѣдованія и объясненія по жалобамъ статскаго совѣтника барона Ренне, принесеннымъ на исправлявшаго должность новгородскаго гражданскаго губернатора, каковое слѣдствіе окончено имъ совершенно удовлетворительно.

9-го декабря 1849 года Бартоломей былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ города Пскова и псковскимъ гражданскимъ губернаторомъ (въ поганкиныхъ палатахъ города Пскова сохранился портретъ Ѳедора Ѳедоровича). Будучи уволенъ отъ этой должности 28-го февраля 1846 г. въ отставку, онъ снова принятъ службу 28-го января 1847 года, съ назначеніемъ аландскимъ комендантомъ и съ зачисленіемъ по кавалеріи; 6-го декабря 1848 года былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ въ 1849 году комендантомъ крѣпости Брестъ-Литовска. Въ этой должности онъ и скончался 1-го января 1862 года и погребенъ въ Старомъ Петергофѣ.

Сообщилъ **В. А. Бартоломей.**

Изъ записокъ В. К. Луцкаго.

V [1]).

Кончилось собраніе,—мы принялись за наши обычныя занятія. Всѣ дѣла крестьянскаго присутствія лежали по-прежнему на мнѣ, и все шло безъ малѣйшаго измѣненія порядка, какъ велось при Замятнинѣ и Мансуровѣ, такъ и при теперешнемъ губернаторѣ Обуховѣ, но въ губерніи и въ самомъ городѣ имъ были страшно недовольны. Разъ утромъ ко мнѣ пришелъ Зефировъ, товарищъ предсѣдателя гражданской палаты, онъ завѣдывалъ дѣлами Обухова.

— Владиміръ Константиновичъ,—спросилъ онъ меня,—что у васъ съ Обуховымъ?

— Ничего,—отвѣчалъ я,—какъ видите, мы пріятели.

— Помилуйте, какъ вы не знаете, онъ на васъ что-то писалъ министру.

— Да мнѣ какъ знать, вѣдь онъ не покажетъ, что пишетъ. А вамъ почему извѣстно?

— Да совершенно случайно, сегодня прихожу къ нему, по его дѣламъ, какъ онъ получаетъ шифрованную депешу. Сейчасъ послалъ за правителемъ канцеляріи и начали разбирать. А какъ я сидѣлъ въ его маленькомъ кабинетѣ, рядомъ съ большимъ, гдѣ онъ занимался, то и слышалъ, что министръ телеграфируетъ, чтобы онъ болѣе обстоятельнѣе донесъ о вашихъ противо-правительственныхъ дѣйствіяхъ въ земскомъ собраніи и предложилъ бы вамъ выдти изъ состава членовъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

Подобное извѣстіе меня огорошило. Простившись съ Зефировымъ,

[1]) См. „Русскую Старину“ 1904 г., апрѣль.

я пошелъ къ прокурору, разсказалъ ему объ этомъ, и мы сообща рѣшили телеграфировать Замятнину. Между тѣмъ Обуховъ молчалъ и всякій день заѣзжалъ ко мнѣ, разсыпаясь въ любезностяхъ. Дней черезъ пять я получилъ отъ Замятнина письмо, гдѣ онъ увѣдомлялъ, что министръ очень раздраженъ моими противодѣйствіями правительству, и что онъ черезъ Обухова предложилъ мнѣ подать въ отставку, такъ какъ онъ не допускаетъ розни въ дѣйствіяхъ лицъ, состоящихъ на службѣ правительства. Замятнинъ мнѣ совѣтовалъ подать въ отставку и пріѣхать въ Петербургъ.

Въ этотъ же день прислалъ за мной Обуховъ. Когда я пришелъ къ нему, онъ пригласилъ въ кабинетъ и сказалъ, что ему крайне непріятно то извѣстіе, которое онъ обязанъ мнѣ передать.

— Это вѣроятно предложеніе министра выйти въ оставку?—отвѣчалъ я;—вотъ и просьба моя объ отставкѣ.

— Вы какъ это знаете?—спросилъ Обуховъ.

— Мало-ли что я знаю, мнѣ извѣстны и тѣ подлые доносы, въ силу которыхъ министръ сдѣлалъ такое распоряженіе.

Обуховъ началъ божиться, что онъ тутъ ни при чемъ.

Вѣсть объ этомъ вскорѣ разнеслась въ Самарѣ, и ко мнѣ пріѣзжали всѣ сослуживцы разспрашивать, что случилось; само собой, что я не скрывалъ ничего и показывалъ письмо Замятнина. Рихтеръ, Чарыковъ и Шелашниковъ выходили изъ себя. Не меньше былъ возмущенъ и Л. Б. Тургеневъ, который прямо сказалъ Обухову, что такой поступокъ не дѣлаетъ ему чести, что послѣ этого ни одинъ гласный не гарантированъ, чтобы его, за выраженное имъ мнѣніе, если оно не согласно съ желаніемъ губернатора, не выслали изъ губерніи. Но, какъ бы то ни было, я подалъ въ отставку и только ожидалъ ея, чтобы сейчасъ же ѣхать въ Петербургъ.

Пріѣхавъ въ іюнѣ въ Петербургъ, я вскорѣ встрѣтился на улицѣ съ Мансуровымъ. Онъ мнѣ очень обрадовался.

— Какими судьбами вы здѣсь?

Я ему передалъ, что уже въ отставкѣ.

— Знаю, — отвѣчалъ онъ мнѣ, — Замятнинъ мнѣ говорилъ. Я самъ здѣсь всего съ недѣлю; я переведенъ изъ Москвы и назначенъ директоромъ департамента общихъ дѣлъ. Если бы я здѣсь былъ во время этой исторіи, ничего бы этого не случилось; я уже и такъ говорилъ про васъ министру. А вы сдѣлайте вотъ что: въ два часа пріѣзжайте въ министерство, прямо ко мнѣ, я позову Замятнина, и мы вмѣстѣ подумаемъ, что и какъ вамъ слѣдуетъ сдѣлать.

Рѣшили такъ, что завтра Мансуровъ доложитъ министру о моемъ пріѣздѣ и узнаетъ, когда онъ можетъ принять меня, а затѣмъ, уже судя по пріему министра, можно будетъ рѣшить, что дѣлать. Въ этотъ

же день Замятнинъ вечеромъ пригласилъ меня къ себѣ. Онъ жилъ на Моховой въ домѣ Мальцева. Здѣсь я опять увидалъ и Елизавету Андреевну, милыхъ сестеръ ея и бывшаго секретаря губернскаго присутствія П. Г. Рождественскаго, который въ это время былъ дѣлопроизводителемъ Земскаго отдѣла 1-го дѣлопроизводства. Опять мы собрались въ свой домашній кружокъ, какъ бывало въ Самарѣ. Наговорившись вдоволь о нашей милой Самарѣ, мы разошлись уже поздно. На другой день, въ 2 часа, я былъ въ министерствѣ у Мансурова; онъ сказалъ мнѣ, что министръ приметъ меня въ четвергъ въ 11 часовъ утра. Министръ въ это время жилъ на дачѣ на Аптекарскомъ островѣ. Мансуровъ убѣдительно меня просилъ, чтобы я ограничился только моимъ дѣломъ, а о другихъ глупостяхъ Обухова не говорилъ ничего. Я далъ ему слово. Вечеръ опять провелъ у Замятнина и когда передалъ ему мой разговоръ съ Мансуровымъ относительно Обухова, то Николай Александровичъ сказалъ:

— Очень жаль, что вы дали слово, а то не мѣшало бы этого молодца выставить передъ министромъ въ его настоящемъ видѣ. Николай Павловичъ по родству его поддерживаетъ, но онъ въ Самарѣ такъ глупитъ, что едва-ли Мансуровъ въ состояніи будетъ помочь сему.

На другой день, ровно въ 11 часовъ дня, я пріѣхалъ къ министру на дачу. Когда сказалъ швейцару мою фамилію, тотъ отвѣчалъ: «министръ васъ ожидаетъ, пожалуйте прямо въ кабинетъ». Въ залѣ передъ кабинетомъ я встрѣтилъ Мансурова, онъ выходилъ отъ министра и только успѣлъ мнѣ сказать: «отъ министра прямо ко мнѣ, я жду васъ дома». Онъ жилъ тогда на Пантелеймонской улицѣ.

Когда я вошелъ въ кабинетъ, то налѣво отъ двери былъ письменный столъ, и за серединой его въ креслахъ сидѣлъ П. А. Валуевъ. Его я увидалъ въ первый разъ. Это былъ очень красивый, видный мужчина, высокаго роста, съ продолговатымъ умнымъ лицомъ и бакенбардами съ легкой просѣдью. Онъ всталъ, подалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Очень радъ, Луцкій, васъ видѣть, мы давно вмѣстѣ служимъ, а ни разу не видались, но я знаю, что Положеніе 19-го февраля вы знаете лучше тѣхъ, кто его составлялъ.

— Я въ первый разъ въ Петербургѣ, да и теперь пріѣхалъ по необходимости, желая лично объяснить извѣстное вашему высокопревосходительству дѣло.

— Да,—сказалъ Валуевъ,—я ошибся; мнѣ было дѣло это доложено въ превратномъ видѣ. Зачѣмъ вы поторопились выйти въ отставку, скажите мнѣ, что я могу сдѣлать?

— Я не пріѣхалъ искать чего-нибудь,—отвѣчалъ я. Я служилъ честно; вы, ваше высокопревосходительство, предложеніемъ вашимъ выйти въ отставку отняли у меня доброе имя. Я человѣкъ съ крайне ограничен-

нымъ состоянiемъ, надѣялся, что дѣтямъ моимъ оставлю не запятнанное имя, а тутъ гнусныя интриги посягнули и на него; вотъ зачѣмъ я прiѣхалъ.

— Я виноватъ, Луцкiй,—сказалъ Валуевъ,—повѣрилъ сплетнямъ, теперь мнѣ все разъяснено; что я могу для васъ сдѣлать?

— Я ничего не прошу, ваше высокопревосходительство,—отвѣчалъ я.

— Вы не просите, но мой долгъ поправить мою ошибку. Поѣзжайте къ Мансурову, онъ васъ очень любитъ; подумайте съ нимъ вмѣстѣ, чего вы желаете; пусть онъ мнѣ доложитъ, а между тѣмъ, скажите ему, чтобы сегодня же внесъ о васъ въ приказъ о причисленiи къ министерству. Еще разъ прошу васъ простить меня за мой несправедливый поступокъ въ отношенiи васъ, меня обманули.

Валуевъ говорилъ много, онъ былъ мастеръ говорить связно, плавно, краснорѣчиво. При прощаньи онъ опять подалъ руку и, вставъ съ кресла, сдѣлалъ шага два, провожая меня до двери кабинета. Отъ министра я проѣхалъ къ Мансурову и передалъ ему весь мой разговоръ съ Валуевымъ.

— Заѣзжайте къ Замятнину,—сказалъ онъ, — и скажите ему, что мы сегодня въ 6 часовъ втроемъ обѣдаемъ у Донона, тамъ и столкуемся.

За обѣдомъ, я по совѣту ихъ, въ виду того, что у меня подростали дѣти, рѣшился остаться въ Петербургѣ при министерствѣ. Они взялись доложить объ этомъ министру, съ тѣмъ, что я немедленно получаю отпускъ въ Самару на два мѣсяца, а по возвращенiи оттуда буду назначенъ дѣлопроизводителемъ Земскаго отдѣла. Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, я поѣхалъ въ Самару.

Прiѣздъ мой въ Самару, какъ состоявшаго при министерствѣ, былъ страшнымъ неожиданнымъ ударомъ для партiи, интриговавшей противъ меня, тѣмъ болѣе, что наканунѣ моего прiѣзда Обуховымъ было получено письмо отъ Мансурова, гдѣ тотъ писалъ ему, что министръ меня чрезвычайно хорошо принялъ, выражалъ свое сожалѣнiе о поспѣшности по моему дѣлу и теперь только и думаетъ, какъ бы исправить свою ошибку.

Шелашниковъ, Чарыковъ и Рихтеръ наперерывъ другъ передъ другомъ приглашали меня на обѣды и, не стѣсняясь никѣмъ изъ присутствующихъ, выражали свое презрѣнiе къ гнусной интригѣ и къ лицамъ, ее возбудившимъ. Обуховъ тоже первый прiѣхалъ ко мнѣ и началъ увѣрять опять въ своей любви и дружбѣ, стараясь выпытать, не говорилъ-ли я что-нибудь о немъ министру.

На эту зиму до весны я рѣшился ѣхать въ Петербургъ одинъ, только со старшей дочерью, чтобы отдать ее въ пансiонъ, а жена съ другими дѣтьми оставалась въ Самарѣ до будущаго мая. Въ концѣ августа я выѣхалъ изъ Самары и прiѣхалъ въ Петербургъ. Помѣстилъ

дочь въ пансіонъ г-жи Мейеръ на углу Малой Морской и Адмиралтейской площади. Самъ нанялъ себѣ квартиру изъ 2-хъ комнатъ на Моховой въ домѣ Кноппа.

Въ то время составъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ слѣдующій: министръ Петръ Александровичъ Валуевъ, товарищемъ его А. Г. Тройницкій, вскорѣ назначенный членомъ Государственнаго Совѣта, а вмѣсто него товарищемъ — князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій, который былъ прежде посланникомъ въ Константинополѣ. Это былъ умный, образованный и симпатичный человѣкъ, до страсти преданный исторической наукѣ, собиралъ древнія рукописи, образа и картины. Правителемъ канцеляріи министерства былъ Левъ Саввичъ Маковъ. Валуевъ его очень любилъ, какъ человѣка дѣла и честнаго; онъ никогда ни въ какія дрязги не вмѣшивался. Директоромъ департамента общихъ дѣлъ былъ Н. П. Мансуровъ, департамента полиціи исполнительной — Павелъ Павловичъ Косаговскій, департамента иностранныхъ исповѣданій—графъ Сиверсъ, хозяйственнаго департамента—Шумахеръ, медицинскаго—Пеликанъ, Земскаго отдѣла, гдѣ служилъ я,—Н. А. Замятнинъ и его помощникомъ—Н. Н. Колошинъ.

У насъ было 6 отдѣленій или дѣлопроизводствъ, но тутъ было сформировано еще 7-е, и я назначенъ былъ дѣлопроизводителемъ. У меня были дѣла: всѣхъ удѣльныхъ крестьянъ, всѣ мелкопомѣстныя имѣнія въ Имперіи, всѣ дѣла по упраздненію разныхъ казачьихъ войскъ: Азовскаго, Семипалатинскаго, Пермскаго и др. и надѣленіи ихъ землею. Мнѣ же было поручено составить проектъ о надѣленіи землею башкиръ. Нашъ Земскій отдѣлъ докладывалъ министру по субботамъ. Валуевъ чрезвычайно внимательно выслушивалъ доклады, дѣлалъ замѣчанія и давалъ направленіе дѣламъ; при докладахъ былъ чрезвычайно вѣжливъ и самыя замѣчанія дѣлалъ весьма деликатно. Мои доклады ему понравились, онъ говорилъ это Мансурову, который мнѣ и передалъ. Занятія наши въ министерствѣ начинались въ 1 часъ дня. Управляющій пріѣзжалъ часу въ 3-мъ. Въ два часа обыкновенно у насъ подавали чай съ лимономъ и булкою. Въ другихъ департаментахъ этого не было, такъ что присылали къ намъ за чаемъ. Валуевъ, смѣясь, говорилъ Замятнину:

— Я бы на вашемъ мѣстѣ Н. А. Мансурову чаю не давалъ, отчего онъ у себя не заведетъ такого порядка.

Мы ходили въ министерство безъ всякой формы, исключая субботы, когда всѣ были въ вицъ-мундирахъ, такъ какъ это былъ день доклада; въ другіе дни если случалось, что потребуетъ министръ, то являлись кто какъ былъ одѣтъ, т. е. въ сюртукѣ, въ визиткѣ, въ пиджакѣ. Валуевъ на это не обращалъ вниманія. Вообще служба была очень свободная, во всѣхъ комнатахъ во время занятій всѣ курили. Надо сознаться, что въ

министерствѣ собирались часамъ къ 2-мъ, подавали чай и начинались разговоры, кто гдѣ вчера былъ, что видѣлъ, слышалъ. Тутъ пріѣдетъ управляющій, пойдемъ къ нему съ разными вопросами, смотришь, уже и 5-ть часовъ. Тогда идемъ по домамъ, и вотъ начинается работа вечеромъ съ 6-ти до 9-ти часовъ и утромъ съ 9-ти часовъ до часу. Въ министерство приносились начерненныя бумаги, которыя и отдавались въ переписку, и получались отданныя наканунѣ, такъ что собственно въ министерствѣ ограничиваемся только провѣркою бумагъ, да справками для просителей и пріѣзжающихъ губернаторовъ. Вечера я обыкновенно проводилъ у Замятниныхъ, въ клубѣ или въ русской оперѣ.

Замятнинъ на службѣ въ одномъ отношеніи былъ только крайне придирчивъ, даже непріятенъ—это по редакціи бумагъ. Не только трудно, но даже невозможно было на него угодить. Бывало всю поданную къ подписи бумагу перечеркнетъ и испещритъ вопросительными и восклицательными знаками. Я сталъ такія бумаги припрятывать, и вечеромъ у него въ домѣ начну съ намъ разговоръ, отчего онъ такъ придирается.

— Да помилуйте!—говорилъ онъ—невозможно же такъ пропустить, какъ вы пишете.

— Да я писалъ такъ, какъ вы прежде хотѣли,—возражалъ я.

— Нѣтъ, этого быть не можетъ.

Тогда я уличалъ его же собственными замѣтками,—онъ смѣялся.

— Ну что жъ изъ этого,—говорилъ онъ—прежде мнѣ такъ нравилось, а теперь не нравится.

Подаю, напримѣръ, ему бумагу, написанную такъ: «Основываясь на ходатайствѣ оренбургскаго генералъ-губернатора и принимая въ соображеніе то-то и то-то, я полагалъ сообщить генералъ-адъютанту Крыжановскому и т. д.». Замятнинъ зачеркиваетъ слова «оренбургскаго генералъ-губернатора» и пишетъ «генералъ-адъютанта Крыжановскаго», а гдѣ у меня написано «генералъ-адъютанту Крыжановскому», онъ зачеркиваетъ и пишетъ «Оренбургскому генералъ-губернатору». Черезъ недѣлю опять подобная бумага, пишешь такъ, какъ онъ исправилъ прежде, и получаешь все перечеркнуто и написано наоборотъ.

Валуевъ вообще дѣйствовалъ уклончиво, никогда не давалъ рѣшительныхъ приказаній и не подписывалъ бумагъ въ точно опредѣленныхъ выраженіяхъ. Бывало, подаешь ему предложеніе губернатору, въ которомъ сказано: «разсмотрѣвъ такое-то дѣло и находя постановленіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія несогласнымъ съ такими-то и такими-то статьями Положенія, имѣю честь предложить вашему превосходительству поступить такъ-то».

Валуевъ сейчасъ же возвращаетъ бумагу.

— Къ чему такъ опредѣлительно писать,—говорилъ онъ—никогда не нужно этого дѣлать, всегда нужно оставлять выходъ.

И у насъ всегда употреблялась фраза: «разсмотрѣвъ такое-то дѣло, казалось бы мнѣ болѣе согласнымъ съ Положенімъ 19-го февраля, дать направленіе, согласно такихъ-то и такихъ-то статей Положенія. Таковое мнѣніе мое имѣю честь сообщить вашему превосходительству, для зависящихъ отъ васъ распоряженій, въ чемъ вы признаете нужнымъ».

Короче: все ложилось на губернатора и если послѣдуютъ на него жалобы и въ главномъ комитетѣ это распоряженіе будетъ отмѣнено, то министръ остается правъ, такъ какъ онъ сообщалъ губернатору только свое мнѣніе, нисколько не дѣлая его обязательнымъ. Валуевъ въ особенности былъ остороженъ въ сношеніяхъ съ генералъ-губернаторами,—какъ лицами, которыя часто непосредственно докладывали государю. Разъ мнѣ выпала такая задача:—новороссійскій генералъ-губернаторъ Коцебу представилъ проектъ о водвореніи цыганъ. Предполагая надѣлить ихъ землею, выстроить на казенный счетъ помѣщенія, снабдить ихъ земледѣльческими орудіями, лошадьми, волами и другимъ домашнимъ скотомъ,—разселить ихъ по всему краю, по русскимъ и по малороссійскимъ селеніямъ не болѣе, какъ семьи по двѣ,—онъ испрашивалъ на это нѣсколько сотъ тысячъ рублей и ручался, что въ 2—3 года онъ ихъ сдѣлаетъ вполнѣ осѣдлыми.

Проектъ этотъ былъ переданъ мнѣ для разсмотрѣнія и доклада. Я увидѣлъ, что это ничего болѣе, какъ кабинетная фантазія, или, что еще хуже,—проектъ какого-то афериста, составленный съ цѣлью положить себѣ эти сотни тысячъ въ карманъ. Проходитъ съ мѣсяцъ послѣ полученія проекта; министръ меня спрашиваетъ, прочиталъ-ли я его и какое мое мнѣніе. Я отвѣчалъ, что прочиталъ листовъ 10 и нахожу, что чистая фантазія или, лучше сказать, бредъ, и потому дальше еще не читалъ.

— И не читайте его,—отвѣчалъ Валуевъ,—я его пробѣжалъ и совершенно вы угадали мою мысль; положите его въ шкафъ, пусть онъ полежитъ, а генералъ-губернатору напишите, что я благодарю его за столь полезныя предположенія, совершенно раздѣляю его мнѣніе и напередъ увѣренъ въ той громадной пользѣ для всего Новороссійскаго края, которая произойдетъ отъ осѣдлой жизни цыганъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ затребуйте отъ него такихъ дополнительныхъ свѣдѣній, чтобы онъ самъ убѣдился въ нелѣпости своего проекта и бросилъ бы его.

Задача была не легкая, но мнѣ удалось ее исполнить. Министръ, выслушавъ бумагу, подписалъ ее безъ всякихъ замѣчаній, а отъ Коцебу болѣе проектъ этотъ не возобновлялся. Съ уничтоженіемъ же новороссійскаго генералъ-губернаторства, онъ конечно канулъ въ вѣчность. Я же сдѣлалъ доброе дѣло для всего Новороссійскаго края, такъ

какъ разселить цыганъ по всѣмъ селамъ значило бы въ каждомъ селѣ образовать постоянный пунктъ конокрадовъ. Въ отношеніи моемъ генералъ-губернатору я упиралъ на это, требуя статистическихъ свѣдѣній о конокрадствѣ въ краѣ, и о лицахъ, замѣшанныхъ въ этихъ дѣлахъ, зная напередъ, что воры все цыгане. Затѣмъ я указывалъ на еврейскія колоніи, гдѣ затрачены милліоны, розданы сотни тысячъ десятинъ, а достигнуты такіе результаты, что евреи отведенныя имъ земли отдаютъ въ наемъ, а сами или открыли шинки или торгуютъ спичками и другими бездѣлушками. Далеко было бы полезнѣе, если бы отъ еврейскихъ колоній взять эти земли и отдать безземельнымъ крестьянамъ. Поселиться на нихъ нашлось бы много охотниковъ изъ внутреннихъ губерній, а чрезъ это и крестьяне улучшили бы свое положеніе и край бы увеличился народонаселеніемъ. Я и это упомянулъ въ отношеніи и выразилъ желаніе министра имѣть вѣрное ручательство, что цыгане не сдѣлаютъ изъ своихъ земель того же употребленія, какъ евреи.

Въ клубѣ я познакомился скоро съ очень многими, въ томъ числѣ съ поэтомъ нашимъ Некрасовымъ, который велъ очень сильную игру, и съ извѣстнымъ литераторомъ Щедринымъ (Салтыковымъ), но не въ клубѣ, а у Замятнина. Онъ въ это время былъ въ отставкѣ, кажется, искалъ, но не могъ получить мѣсто; онъ былъ вице-губернаторомъ въ Рязани, потомъ предсѣдателемъ казенной палаты въ Тулѣ, и вотъ можно-ли судить о человѣкѣ по его сочиненіямъ; въ сочиненіяхъ видѣли въ Щедринѣ либерала, а на службѣ болѣе деспотическаго, даже дерзкаго начальника въ отношеніи подчиненныхъ, какъ Щедрина, трудно найти.

Весной я перевезъ семью мою въ Петербургъ. Мы это лѣто жили на дачѣ на Черной рѣчкѣ, противъ дачи Строганова. Каждый день видались съ Замятниными, или они у насъ или мы у нихъ; катались на лодкахъ, а дѣти подготовлялись для поступленія въ гимназію. Затѣмъ я нанялъ себѣ квартиру на Надеждинской улицѣ въ домѣ Трута.

Служба въ министерствѣ шла своимъ порядкомъ. Сначала, когда мнѣ были переданы дѣла башкиръ, то я испугался ихъ массы, но потомъ, разсмотрѣвъ, увидѣлъ, что дѣлопроизводитель, Бойсманъ, самъ навязалъ себѣ эту работу, что дѣла эти даже не подлежали разсмотрѣнію министерства, а должны были вѣдаться непосредственно въ Сенатѣ безъ всякаго участія министра; я въ такомъ смыслѣ составилъ докладъ, министръ очень былъ доволенъ и 400—500 дѣлъ какъ не бывало. Когда Валуевъ поручилъ мнѣ заняться составленіемъ Положенія о надѣленіи башкирскихъ припущенниковъ землею, по проекту генералъ-губернатора, то спросилъ меня.

— Вы, Луцкій, знаете бытъ и положеніе башкиръ?

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, не знаю,—отвѣчалъ я.

— И я не знаю,—продолжалъ Валуевъ, но будемте вмѣстѣ составлять для нихъ Положеніе, у насъ на Руси всегда такъ: кто чего не знаетъ, о томъ и пишетъ. Однако вотъ что: прочитайте со вниманіемъ проектъ генералъ-губернатора, затѣмъ узаконенія о башкирскихъ земляхъ, да не по Своду законовъ, а по Полному Собранію законовъ, сообразите съ Положеніемъ 19-го февраля и доложите мнѣ вашъ планъ. При этомъ имѣйте въ виду, что если Положеніе о надѣленіи крѣпостныхъ людей землею вызывало между ними безпорядки, то необходимо стараться избѣгнуть, чтобы надѣленіе башкиръ ихъ же землями не породило между ними волненій.

Мѣсяца черезъ три я доложилъ министру, что я вполнѣ ознакомился съ дѣломъ и что мой планъ такой, чтобы составить Положеніе, которое, не нарушая ни въ чемъ льготъ и преимуществъ, дарованныхъ башкирамъ, только бы расширило, привело въ извѣстность и укрѣпило окончательно ихъ права на землю. Валуевъ, выслушавъ меня, вполнѣ одобрилъ планъ и поручилъ составлять Положеніе.

Пересматривая башкирскія дѣла, я увидалъ, что въ Уфѣ подъ предсѣдательствомъ губернатора, существовало миссіонерское общество, на которое отпускалось изъ казны по 3.000 рублей въ годъ. Между тѣмъ ни за 1866 и 1867 г.г. ни одного донесенія о дѣйствіяхъ этого общества не было, и отчетовъ не представлялось. Я сказалъ объ этомъ Замятнину, и онъ велѣлъ доложить министру. Валуевъ приказалъ затребовать свѣдѣнія. Когда я прочелъ донесеніе губернатора А—ва, у меня и руки опустились. Онъ доносилъ, что за 1866 и 1867 г.г. изъ отпущенныхъ на общество 6.000 рублей израсходовано 7 р. 50 к., а 5.992 р. 50 к. остались въ экономіи, что дѣйствія общества не имѣли никакого успѣха, по причинѣ войны съ турками. Я показалъ эту курьезную бумагу Замятнину, онъ велѣлъ доложить министру. Въ субботу я взялъ ее съ собою и, какъ я зналъ хорошо А—ва и любилъ его, то мнѣ не хотѣлось выставлять этотъ ничѣмъ необъяснимый промахъ передъ министромъ, и потому я доложилъ только, что отвѣтъ отъ губернатора полученъ, и что дѣйствія миссіонерскаго общества за два послѣдніе года были неудовлетворительны. Министръ этимъ удовольствовался и сказалъ:

— Я этого и ожидалъ. Ну что за миссіонеры губернаторы, это только у насъ могло прійти въ голову поручить имъ такія занятія. Но что сдѣлалось на этотъ разъ съ Замятнинымъ! Присутствуя при докладѣ, онъ вообще старался никому не дѣлать непріятностей и исправлять разные промахи губернаторовъ. Съ А—вымъ же сверхъ того онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ по воспитанію, но тутъ что-то съ нимъ сдѣлалось.

— Да вы докладывайте министру подробнѣе,—сказалъ онъ мнѣ,— и скажите, сколько за два года осталось экономіи.

— Я сказалъ, что 5.992 р. 50 к.

— А сколько имъ было отпущено?—спросилъ Валуевъ.

— Шесть тысячъ рублей,—отвѣчалъ я.

— Значитъ, они издержали 7 р. 50 к. Скажите, пожалуйста, куда они могли издержать такую громадную сумму?

— Вѣроятно, на бумагу и конвертъ, для этого донесенія,—отвѣчалъ я.

— И я такъ думаю,—говорилъ министръ,—немудрено, что общество дѣйствовало безуспѣшно.

— Что жъ вы не докладываете,—опять сказалъ Замятнинъ,—что препятствовало успѣху дѣйствій общества.

Я, едва удерживаясь отъ смѣха, доложилъ, что успѣшному дѣйствію общества въ 1866 и 1867 г.г. препятствовала война съ турками.

— Что-о-о-съ? Какая и съ кѣмъ война?—спросилъ министръ.

— Съ турками,—отвѣчалъ я.

— Покажите донесеніе,—сказалъ министръ.

Я подалъ бумагу, гдѣ это мѣсто было подчеркнуто краснымъ карандашемъ. Министръ прочелъ и, возвращая бумагу мнѣ, сказалъ:

— Пожалуйста, Луцкій, напишите А — ву, что онъ меня ставитъ въ крайне непріятное положеніе, онъ объявляетъ туркамъ войну, а я ничего не знаю, меня могутъ спросить объ этомъ и въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ министровъ, я не знаю, что отвѣчать и буду стоять столбомъ. Напишите ему, чтобы онъ на будущее время хоть къ свѣдѣнію сообщалъ, когда объявитъ туркамъ войну, и когда заключитъ и на какихъ условіяхъ миръ.

Дѣло это видимо занимало Валуева. Я помню, въ страстной четвергъ, часовъ въ 8 вечера, пріѣхалъ ко мнѣ курьеръ и потребовалъ къ министру.

— Извините, Луцкій,—сказалъ Валуевъ,—что въ такіе великіе дни я васъ обезпокоилъ, вѣроятно, теперь и въ министерствѣ нельзя достать курьезнаго донесенія А—ва о миссіонерахъ, но вы, я думаю, его помните. Садитесь и напишите мнѣ коротенькую записку, въ которой обозначьте, сколько осталось экономіи и войну съ турками.

Я исполнилъ приказаніе. Валуевъ взялъ записку и отпустилъ меня. Впрочемъ, дѣло это никакихъ дурныхъ послѣдствій для А—ва не имѣло; онъ вскорѣ послѣ этого былъ переведенъ въ Самару, а вмѣсто его назначенъ изъ Самары вице-губернаторъ Ушаковъ.

Гораздо болѣе дурное послѣдствіе имѣло дѣло съ вятскимъ губернаторомъ К—ковымъ. Онъ извѣстенъ былъ какъ въ губерніи, такъ и въ министерствѣ подъ именемъ Мордобейщикова. К—овъ былъ чело-

вѣкъ умный, но крайне раздражительный—не терпѣлъ противорѣчій и не стѣснялся ни въ выраженіяхъ, ни даже въ дѣйствіяхъ со служащими у него. Разъ онъ обозвалъ дураками членовъ Сарапульской уѣздной управы и это онъ сдѣлалъ публично въ самой управѣ. На него была принесена жалоба въ Сенатъ. Какое имѣло послѣдствіе это дѣло, я не знаю, но онъ оборвался на самомъ пустомъ дѣлѣ. Дѣло шло о разверстаніи угодій между удѣломъ и крестьянами. К—ковъ поддерживалъ удѣльное вѣдомство, а другіе члены взяли сторону крестьянъ. Рѣшеніе состоялось по большинству голосовъ въ пользу крестьянъ, т. е. проектъ разверстанія, представленный удѣльной конторой, былъ забракованъ, а предположено было разверстать такъ, какъ назначилъ мировой съѣздъ. Ко—ковъ, въ силу предоставленной губернатору власти, остановилъ исполненіе журнала, представивъ дѣло въ министерство, но въ своемъ представленіи чернилъ какъ только можно членовъ губернскаго присутствія, выставляя ихъ какими-то отъявленными демагогами, всегда и во всемъ держащими сторону крестьянъ и старающимися идти противу властей. Меня взорвало это, я былъ возмущенъ такимъ гадкимъ доносомъ, и тѣмъ болѣе, что тутъ оба члена были совершенно правы, такъ какъ удѣлъ хотѣлъ видимо притѣснить крестьянъ. Въ такомъ смыслѣ я составилъ докладъ, добавивъ, что такъ какъ постановленія по разверстанію подлежатъ обжалованію въ министерство и приводятся въ исполненіе только по полученіи разрѣшенія на жалобу, то губернатору и не было надобности пріостанавливать исполненіе журнала. Удѣлъ если бы видѣлъ нарушеніе статей Положенія, то самъ бы могъ жаловаться установленнымъ порядкомъ. Здѣсь же губернаторъ обвиняетъ членовъ губернскаго присутствія въ пристрастномъ рѣшеніи въ пользу крестьянъ, ничѣмъ не подтверждая своего обвиненія, такъ какъ мнѣніе членовъ основано на точномъ смыслѣ Положенія. Самъ же, наоборотъ, остановивъ исполненіе журнала, изобличаетъ себя въ пристрастіи къ дѣлу. Министръ, выслушавъ докладъ, спросилъ меня:

— Вы знаете К—кова?

Я отвѣчалъ, что коротко не знакомъ, но знаю.

— Такъ знайте, что онъ не покажетъ этой бумаги членамъ присутствія, а спрячетъ ее, сказавъ только, что мною утверждено мнѣніе большинства, но онъ мнѣ надоѣлъ своими выходками и потому добавьте, чтобы это предложеніе мое было заслушано по журналу и копія съ журнала была бы представлена въ министерство.—Ну, вотъ теперь пускай онъ раскуситъ этотъ орѣхъ.

Недѣли черезъ двѣ Замятнинъ получилъ по этому дѣлу письмо отъ К—ова, гдѣ между прочимъ онъ писалъ, что означенное предложеніе уничтожило окончательно уваженіе со стороны членовъ къ губернатору.

Послѣ этого онъ просилъ объ увольненіи его и былъ причисленъ къ министерству.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1868 г. Валуевъ оставилъ министерство съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта, а министромъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Александръ Егоровичъ Тимашевъ.

На другой день по назначеніи Тимашева, онъ пріѣхалъ въ министерство; мы всѣ были собраны въ залѣ совѣта. Обращаясь къ присутствующимъ, онъ сказалъ, что, повинуясь волѣ государя, онъ не осмѣлился отказаться отъ этого важнѣйшаго въ Имперіи министерства; что онъ сознаетъ, что не имѣетъ той опытности, которая необходима на этомъ посту, но увѣренный, что мы такъ же усердно и честно будемъ исполнять при немъ наши обязанности, какъ исполняли при Петрѣ Александровичѣ, онъ надѣется оправдать довѣріе государя.

— Прошу васъ, господа,—прибавилъ Тимашевъ,—при объясненіяхъ со мною по дѣламъ не стѣсняться въ выраженіяхъ вашихъ мнѣній; прошу васъ, если мои предположенія или замѣчанія вы будете находить несогласными съ законами или неполными или несущественно полезными, то прямо и смѣло мнѣ говорите объ этомъ. Всякое прямое возраженіе я выслушаю съ удовольствіемъ; одно, чего не потерплю, это подпольныхъ интригъ и темныхъ, закулисныхъ дѣйствій.

Тимашевъ какъ наружностью своею, такъ и словами произвелъ на насъ очень пріятное впечатлѣніе. Затѣмъ онъ пошелъ по департаментамъ. У насъ въ Земскомъ отдѣлѣ вышелъ курьезъ. Вообще во всемъ министерствѣ, кромѣ директоровъ, никто не имѣлъ мундировъ, мы и не тревожились, но вице-директорамъ, провожающимъ по департаментамъ министра, надо быть въ мундирахъ. Помощникъ нашего управляющаго запоролъ горячку, наконецъ, нашелъ въ департаментѣ общихъ дѣлъ какой-то мундиръ помощника столоначальника, облекся въ него и важно сопровождалъ министра. Тимашевъ не обратилъ вниманія, что онъ былъ въ Анненской лентѣ и въ мундирѣ IX-го класса. Мы едва удерживались отъ смѣха. Это былъ первый и послѣдній пріѣздъ Тимашева въ министерство.

При докладѣ Тимашевъ былъ чрезвычайно любезенъ, а главное доступенъ и простъ въ обращеніи, онъ не былъ знакомъ съ дѣломъ, но быстро вникалъ и усваивалъ себѣ суть его. Онъ часто ошибался, но никогда упрямо не настаивалъ на своемъ предположеніи, а убѣжденный доказательствами соглашался. Доклады у него нашего отдѣла такъ же остались по субботамъ. Такъ какъ онъ былъ помѣщикъ Уфимской губерніи, то его очень интересовали мои доклады по башкирскому дѣлу, и онъ далъ мнѣ много полезныхъ, практическихъ указаній.

Тимашевъ, до назначенія его министромъ внутреннихъ дѣлъ, былъ министромъ почтъ и телеграфовъ, теперь же оба эти министерства

слились въ одно, и при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образовались два департамента: почтовый и телеграфный. Директоромъ почтоваго департамента былъ назначенъ симбирскій губернаторъ баронъ Веліо, а вмѣсто его въ Симбирскъ—мой хорошій знакомый, членъ Петербургскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Александръ Ѳедоровичъ Гюне.

Въ этотъ годъ лѣтомъ заболѣлъ Николай Александровичъ Замятнинъ. Зная его за человѣка мнительнаго, мы не вѣрили въ его болѣзнь; но не только мы, но и доктора увѣряли, что это только мнительность; однако болѣзнь усиливалась и вскорѣ сдѣлалась серьезною. Онъ жилъ въ это время на углу Кирпичнаго переулка и Большой Морской улицы. Въ министерство не ѣздилъ и докладовъ не принималъ. У него часто бывали консиліумы, на которыхъ два раза въ недѣлю бывали: Боткинъ и Здекауеръ.

— Мы совершенно какъ школьники, незнающіе урока,—говорилъ Боткинъ,—лѣчимъ у Замятнина только явленія болѣзни и не можемъ понять, чѣмъ онъ боленъ.

— Скажите, Ѳедоръ Ивановичъ,—спрашивалъ я Этингера,—что наконецъ узнали болѣзнь Замятнина?

— Наши знаменитости,—отвѣчалъ онъ,—не могутъ согласиться между собой. Боткинъ утверждаетъ, что у него раковидный наростъ въ желудкѣ, а Здекауеръ,—что полиповидный.

— Хорошо,—отвѣчалъ я,—но который скорѣе излѣчивается.

— Что касается этого,—сказалъ Этингеръ,—это безразлично, оба неизлѣчимы, и тотъ и другой смертельны.

— Такъ, значитъ, вы спорите изъ любви къ искусству.

И дѣйствительно бѣдный Замятнинъ вскорѣ скончался: онъ умеръ ровно черезъ годъ послѣ смерти жены.

Замятнинъ былъ человѣкъ прямой, съ своими стойкими убѣжденіями, съ трезвымъ взглядомъ на дѣло. О Тимашевѣ большинство въ Россіи имѣло совершенно превратное понятіе. Онъ служилъ прежде начальникомъ штаба при шефѣ жандармовъ, и о немъ составилось мнѣніе, что это крайне ограниченный и желчный человѣкъ, готовый во всякомъ дѣлѣ повредить,—а это былъ честнѣйшій и добрѣйшій господинъ, всегда готовый оказать добро и сдѣлать все, что только отъ него зависѣло. Кстати мнѣ пришелъ на память одинъ случай.

Въ 1863 году, во время польскаго бунта, въ Казани жилъ очень богатый помѣщикъ Дмитріевъ, получавшій отъ 40 до 50 тысячъ дохода.

При проходѣ черезъ Казань партіи плѣнныхъ поляковъ, онъ задалъ имъ обѣдъ. Сейчасъ же донесли объ этомъ въ Петербургъ, и Дмитріева велѣно было прислать съ жандармами. Взяли и повезли раба Божьяго

Жена послѣдовала вслѣдъ за нимъ и прямо къ Тимашеву, который былъ тогда начальникомъ штаба III-го отдѣленія.

— Извините меня, сударыня,—сказалъ онъ,—но заранѣе предупреждаю васъ, что поступокъ вашего мужа неизвинителенъ, и я ничего не могу для него сдѣлать.

— Генералъ!—отвѣчала она,—я пріѣхала просить васъ не о снисхожденіи, и никакой милости для мужа не прошу,—прошу одного, удѣлите полчаса на разговоръ съ нимъ.

Тимашевъ согласился, и въ тотъ же день Дмитріевъ былъ отпущенъ.

Послѣ онъ жилъ въ Петербургѣ, и я спрашивалъ его:

— Ты знаешь Тимашева?

— Знаю, знаю,—отвѣчалъ онъ.

— Что это за человѣкъ?

— Это не человѣкъ, это душа. Помню я, какъ меня схватили и привезли въ Петербургъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, мы болѣе часу говорили съ нимъ по душѣ. Онъ взялъ меня за руку и говоритъ: «ну, поѣзжайте въ Казань, васъ напрасно безпокоили». Вотъ это какой человѣкъ.

— Да ты мнѣ скажи, какъ ты объяснилъ ему, для чего ты давалъ обѣдъ ссыльнымъ полякамъ.

— А вотъ для чего,—еслибъ поляки взяли Казань, они всѣхъ бы русскихъ стали мучить, а меня за этотъ обѣдъ не тронули бы.

Ему, бывало, разскажутъ, что императоръ Наполеонъ послалъ въ Мексику Максимиліану въ подарокъ по телеграфу 60 орудій, и онъ скачетъ по знакомымъ и сообщаетъ эту новость.

Доброе, сердечное отношеніе министра я испыталъ на себѣ нѣсколько разъ. 23-го декабря 1870 года у меня умерла моя милая Маша. Не говоря уже о томъ, что на другой день утромъ Тимашевъ прислалъ на похороны 500 рублей, но когда въ первый же докладъ послѣ новаго года я былъ у него, онъ, по выходѣ моемъ изъ кабинета, спросилъ Барыкова: «что это я замѣтилъ, что Луцкій грустенъ и скученъ?» Все горюетъ о своей дочери,—отвѣчалъ Барыковъ. Я въ пріемной залѣ укладывалъ въ портфель бумаги, какъ Тимашевъ взошелъ туда; тамъ было много лицъ, его ожидавшихъ, онъ подходитъ ко мнѣ, беретъ за руку и говоритъ:

— Простите меня, Луцкій, что я былъ такъ невнимателенъ, что не сдѣлалъ распоряженія объ освобожденіи васъ на время отъ докладовъ. Вѣрьте, что я вполнѣ сочувствую вашему горю. Если хотите ѣхать изъ Петербурга, чтобы разсѣяться, скажите мнѣ, я съ удовольствіемъ отпущу и дамъ вамъ средства на поѣздку.

Онъ такъ искренно говорилъ, такими добрыми глазами смотрѣлъ на

меня, что у меня при воспоминанiи о потерѣ любимой дочери полились слезы, и Тимашевъ самъ заплакалъ.

— Ну, Богъ съ вами, не грустите такъ,—говорилъ онъ, крѣпко сжимая руку.

Когда жена моя заболѣла, мнѣ хотѣлось оставить Петербургъ, но послѣ смерти моей дочери я окончательно рѣшился куда-нибудь изъ него уѣхать и потому просилъ Мансурова о переводѣ меня вице-губернаторомъ въ одинъ изъ южныхъ городовъ. Разъ присылаетъ онъ за мной.

— А что,—спросилъ онъ,—вы не перемѣнили своего намѣренiя перейти изъ Петербурга?

— Я отвѣчалъ, что очень бы желалъ.

— Ну, такъ вотъ открывается вакансiя вице-губернатора въ Екатеринославѣ—хотите туда, если да, то я доложу министру.

Я его поблагодарилъ и просилъ оказать содѣйствiе, онъ обѣщалъ завтра же сообщить мнѣ, какъ рѣшитъ министръ. На другой день онъ сказалъ, что министръ согласился, но какъ Екатеринославъ принадлежитъ къ новороссiйскому генералъ-губернаторству, то нужно еще согласiе Коцебу, къ которому уже телеграфировали.

— Относительно Коцебу,—продолжалъ онъ,—не сомнѣвайтесь, такъ какъ я спросилъ министра, какъ ему телеграфировать, т. е. предоставить-ли на его волю, или же такъ, чтобы непремѣнно получить утвердительный отвѣтъ, чтобы онъ видѣлъ, что это со стороны министра только формальность.

— Да какъ же это у васъ дѣлается?—спросилъ я.

— А вотъ какъ,—отвѣчалъ Мансуровъ;—если кто просится и министръ ничего противъ этого не имѣетъ, но не желаетъ стѣснять и генералъ-губернатора, то телеграфируетъ такимъ образомъ: «На открывшуюся вакансiю во ввѣренной вашему высокопревосходительству губернiи просится такой-то. Если вы не имѣете никого на эту должность въ виду, то отъ вашего представленiя будетъ зависѣть назначенiе его на эту должность». Относительно васъ телеграфировали такъ: «На открывшуюся вакансiю екатеринославскаго вице-губернатора предположилъ назначить лично мнѣ извѣстнаго статскаго совѣтника Луцкаго. Прошу увѣдомить меня, не встрѣчается-ли со стороны вашей препятствiй». На такiя телеграммы отказа нѣтъ. На слѣдующiй день мнѣ Мансуровъ показалъ отвѣтную телеграмму Коцебу слѣдующаго содержанiя: «Не только согласенъ на назначенiе Луцкаго, но прошу ваше высокопревосходительство кромѣ его никого не назначать». Такимъ образомъ назначенiе мое было рѣшено.

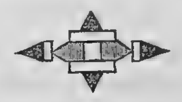
6-го iюня 1871 г. я выѣхалъ изъ Петербурга и 11-го iюня прiѣхалъ въ Екатеринославъ.

Черезъ день по моемъ пріѣздѣ, я поѣхалъ съ губернаторомъ въ губернское правленіе и вступилъ въ должность. Это была половина іюня. Жара невыносимая. Собравъ всѣхъ служащихъ, я объявилъ имъ, что пріѣхалъ сюда, чтобы заниматься дѣломъ, и отъ нихъ буду требовать только дѣла, а отнюдь не формы; что они могутъ ходить на службу въ чемъ угодно, форменной одежды я не требую, такъ какъ при этой жарѣ отъ нея можно изнемочь, и потому прошу ихъ не стѣсняться, ходить въ парусинныхъ пальто какъ сюда, такъ и ко мнѣ.

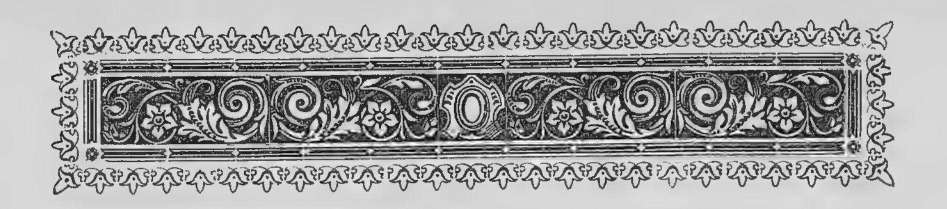
Не далѣе, какъ черезъ недѣлю, губернаторъ уѣхалъ въ отпускъ въ Черниговскую губернію, и мнѣ пришлось вступить въ управленіе губерніею. Общій ходъ дѣла по управленію губернатора мнѣ былъ извѣстенъ давно, но я не былъ знакомъ ни съ мѣстностію, ни съ личностями,—а тутъ еще, черезъ нѣсколько дней по его отъѣздѣ, въ Екатеринославѣ появилась холера. Первою ея жертвою былъ частный приставъ, затѣмъ смертность сдѣлалась довольно значительною. Я собралъ комитетъ здравія, пригласилъ всѣхъ докторовъ, просилъ ихъ составить гигіеническія общедоступныя правила. Долго толковали, обсуждали, писали и кончили тѣмъ, что я совершенно разошелся въ мнѣніи о мѣрахъ, предположенныхъ медиками.

Они указывали, что рабочіе не иначе должны спать, какъ на кроватяхъ, выходить на работы, предварительно позавтракавъ горячею пищею и выпивъ рюмку водки, а если можно, то чашку чернаго кофе и др. статьи въ этомъ родѣ. Мнѣ приходилось имъ доказывать весь вздоръ ихъ писанія по непримѣнимости его на практикѣ. Я также возсталъ противъ безусловнаго запрещенія продажи на базарахъ арбузовъ, дынь, огурцовъ и другой зелени, прямо заявляя, что, давъ это запрещеніе, мы разовьемъ тайную продажу по дворамъ, и что это будетъ очень выгодно, во-первыхъ, для продавцовъ, а во-вторыхъ, для полиціи, которая будетъ брать взятки, и что по-моему нужно слѣдить, чтобы не продавались незрѣлыя овощи. Я поставилъ на своемъ, продажу не запрещалъ, и послѣдствія оправдали меня. Рядомъ, въ Полтавѣ и Харьковѣ, была запрещена продажа, что возбудило общій ропотъ и нисколько не содѣйствовало уменьшенію болѣзни, напротивъ, у насъ сравнительно съ тѣми городами она похитила гораздо менѣе жертвъ [1]).

Сообщила **О. В. Червинская.**

[1]) Къ сожалѣнію, на этомъ оканчиваются весьма интересныя записки В. К. Луцкаго.

Въ Севастополѣ—50 лѣтъ тому назадъ.

Я пріѣхалъ въ Севастополь въ началѣ 1854 года, какъ туристъ, и нѣкоторое время оставался безъ дѣла; переводъ мой изъ Балтійскаго флота въ Черноморскій, о которомъ я хлопоталъ, долго не осуществлялся. Наконецъ, уже весною, адмиралъ Корниловъ взялъ меня въ должность своего «флагъ-офицера». Насъ, «флагъ-офицеровъ», было четверо, въ томъ числѣ два штабъ-офицера (я и еще здравствующій сослуживецъ мой, кн. В. И. Барятинскій) и два лейтенанта, но обязанности наши были нѣсколько различны и значительно шире тѣхъ, которыя обыкновенно возлагаются на «флагъ-офицеровъ». Весь флотъ стоялъ вооруженнымъ на рейдахъ Севастополя, подраздѣляясь на двѣ эскадры: въ глубинѣ Большаго рейда стояла эскадра Нахимова; въ Южной бухтѣ, ближе къ выходу въ море, эскадра Корнилова, который имѣлъ флагъ на кораблѣ «Великій князь Константинъ». Адмиралъ нашъ жилъ на берегу, но пріѣзжалъ каждый день къ 8 ч. утра и оставался на кораблѣ часа два или болѣе; затѣмъ онъ съѣзжалъ на берегъ, и всѣ текущія распоряженія по эскадрѣ оставались до слѣдующаго утра на отвѣтственности дежурнаго флагъ-офицера. Сверхъ того, въ его же распоряженіи состоялъ главный наблюдательный постъ на крышѣ офицерской библіотеки, съ высоты котораго открывался далекій горизонтъ моря. Тамъ постоянно находился одинъ изъ младшихъ офицеровъ, причисленныхъ къ нашему штабу съ нѣсколькими сигнальщиками съ корабля.

Но наши занятія, какъ флагъ-офицеровъ, не ограничивались однако этими дежурствами. Каждый изъ насъ имѣлъ спеціальныя порученія. Самъ неутомимо дѣятельный, Корниловъ умѣлъ заставлять осмысленно работать и всѣхъ окружающихъ. Когда Владиміръ Алексѣевичъ сдѣлался de facto начальникомъ сухопутной обороны Севастополя, то онъ

окончательно поселился на берегу, проводя цѣлые дни въ объѣздѣ разныхъ частей нашей оборонительной линіи. Мы всѣ должны были слѣдовать за нимъ и обзавестись верховою лошадью—и даже не одною, а двумя, потому что одной часто оказывалось недостаточно. Корниловъ занялъ домъ подрядчика Волохова, самый большой домъ въ то время въ Севастополѣ, въ которомъ нашлось довольно мѣста и для всѣхъ насъ.

Въ началѣ адмирала сильно безпокоило положеніе нашего лѣваго фланга (т. е. Корабельной стороны съ Малаховымъ курганомъ), который до тѣхъ поръ оставался вовсе неукрѣпленнымъ и, будучи совсѣмъ отрѣзанъ отъ главной позиціи Южною бухтой, болѣе всего подвергался опасности. Я помню, что мнѣ было поручено составить планъ эвакуаціи нашей позиціи на Корабельной сторонѣ и переправы оттуда войскъ къ главнымъ силамъ въ городъ [1]). Къ счастію, этого не понадобилось, и черезъ нѣсколько дней былъ уже готовъ плавучій мостъ черезъ Южную бухту, подавшій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ идею большаго моста черезъ Главную, или Большую Севастопольскую бухту, по которому совершилось отступленіе нашихъ войскъ изъ Севастополя 27-го августа 1855 г.

Если Корниловъ старался одушевить войска своими пламенными рѣчами, если онъ говорилъ солдатамъ: «Отступленія ни въ какомъ случаѣ не будетъ», и пр. [2]), то, какъ трезво мыслящій предводитель, онъ не могъ этого думать въ душѣ и заботился о возможномъ упорядоченіи отступленія, если бы оно сдѣлалось неизбѣжнымъ. Надо было разработать и приготовить на всякій случай планъ отступленія съ Городской стороны и переправы гарнизона на Сѣверную. Было сдѣлано полное росписаніе этой операціи, въ которой должны были принять участіе всѣ наши средства—немногочисленные пароходы, имѣвшіеся при эскадрѣ, и всѣ гребныя суда, сколько ихъ можно было набрать. Корниловъ желалъ, чтобы все, касающееся этого плана, содержалось въ полномъ секретѣ. Я долженъ былъ приходить съ своимъ докладомъ по этому порученію поздно вечеромъ, когда всѣ расходились и самъ адмиралъ удалялся на покой въ свою спальню. По наружности, я занимался устройствомъ и урегулированіемъ ежедневнаго правильнаго сообщенія по бухтѣ между осажденнымъ городомъ и его базою, т. е. Сѣверною стороною, откуда шло все снабженіе и всѣ подкрѣпленія гарнизона. Такимъ образомъ всѣ переправочныя и перевозныя средства оставались съ этого времени и до конца обороны на моихъ рукахъ, и я старался ихъ поддерживать, сохранять и исправлять, насколько это было возможно. Но,

---

[1]) Приказъ № 96 (21-го сентября). Жандръ. Матеріалы, стр. 244.

[2]) Сопровождая адмирала въ его разъѣздахъ, я самъ, лично, этихъ словъ не слыхалъ.

конечно, не будь построенъ мостъ черезъ Большую Севастопольскую бухту, этихъ средствъ было бы далеко недостаточно, чтобы позволить намъ, послѣ взятія Малахова кургана, совершить эвакуацію города такъ успѣшно, какъ это удалось сдѣлать.

Но вотъ наступило и 5-е октября 1854 года. Великолѣпный осенній день, солнечный и теплый, какіе бываютъ только на югѣ. Съ разсвѣтомъ началась бомбардировка. Корниловъ поскакалъ на оборонительную линію, и я его догналъ уже на 4-мъ бастіонѣ. Отсюда онъ направился вдоль оборонительной линіи, слѣдуя ея очертанію, направо, т. е. по направленію къ 5-му бастіону. Но лошади наши съ непривычки пугались выстрѣловъ; это заставило меня потерять нѣсколько времени, и я рѣшился отправиться прямымъ путемъ на 5-й бастіонъ, разсчитывая тамъ соединиться съ Корниловымъ. На 5-мъ бастіонѣ я нашелъ адмирала П. С. Нахимова, который встрѣтилъ меня словами: «Ну-съ, а гдѣ же теперь Владиміръ Алексѣичъ? Вотъ-съ гдѣ ему слѣдовало бы быть. Посмотрите, что тутъ дѣлается!»

П. С. Нахимовъ, при всѣхъ его высокихъ доблестяхъ, имѣлъ, какъ извѣстно, довольно маленькихъ слабостей. Одна изъ его слабостей состояла въ придирчивости, съ какою онъ расположенъ былъ критиковать поступки В. А. Корнилова. Оба принадлежали къ той же школѣ, образовавшейся подъ крыломъ Лазарева, оба любили и уважали другъ друга, но въ ихъ отношеніяхъ со стороны Нахимова проглядывалъ особый оттѣнокъ. Будучи по службѣ старше своего товарища, онъ никогда не могъ забыть, что былъ обойденъ этимъ послѣднимъ, когда Корниловъ, по избранію того же Лазарева, сдѣлался начальникомъ штаба Черноморскаго флота. Невинныя выходки противъ болѣе счастливаго товарища прорывались часто, но въ глубинѣ души онъ его горячо любилъ и вѣрилъ въ него. Я помню одинъ вечеръ. Было уже поздно, но Нахимовъ засидѣлся у насъ. Изъ оконъ дома, въ которомъ жилъ Корниловъ, былъ видъ на Мекензіеву гору и можно было видѣть ясно бивачные огни непріятельской арміи. Непріятель, обойдя наши сѣверныя укрѣпленія, переходилъ на Южную сторону, т. е. къ городу. Я былъ одинъ свидѣтелемъ сцены, которой никогда не забуду. Нахимовъ упалъ духомъ и расплакался, какъ дитя. Ему казалось, что все уже погибло. Влад. Алексѣевичъ былъ невозмутимо хладнокровенъ и спокоенъ и не прежде простился и отпустилъ Павла Степановича пока не утѣшилъ и не успокоилъ его.

Положеніе дѣлъ на 5-мъ бастіонѣ дѣйствительно было далеко не такое, какого можно бы было желать. Длинный рядъ слишкомъ часто разставленныхъ большихъ орудій на морскихъ станкахъ, съ многочисленной прислугой, представлялъ такой же видъ, какой имѣли во время тревоги батарейныя палубы кораблей той эпохи. Люди были такъ скучены,

что, казалось, «негдѣ было яблока бросить», а между тѣмъ въ эту человѣческую массу врывались одинъ за другимъ непріятельскіе снаряды, какъ въ знакомое гнѣздо, съ такою же точностью, какъ билліардные шары въ лузы. Непріятельскія орудія, дѣйствовавшія по бастіону, были очевидно заблаговременно, можетъ быть наканунѣ еще, наведены и всѣ снаряды ложились въ цѣль, хотя непріятель былъ для насъ невидимъ, слѣдовательно, и самъ не могъ насъ видѣть. Густой утренній туманъ солнечнаго осенняго дня еще наполнялъ ложбины и стоялъ непроницаемой стѣной передъ дуломъ нашихъ орудій. Тѣмъ не менѣе, неопытные еще въ бою комендоры наши, не видя цѣли, впопыхахъ боевой горячки палили на-пропалую, едва успѣвая заряжать орудія. Происходило дѣйствительно нѣчто весьма нежелательное. Мы тратили порохъ и снаряды на воздухъ, и при такой тратѣ можно было опасаться, что скоро въ нихъ окажется недостатокъ.

— Я пойду по фронту направо, а вы идите налѣво,—сказалъ мнѣ Павелъ Степановичъ,—и старайтесь успокоить и вразумить комендоровъ.

Но это было легче сказать, чѣмъ исполнить. Подойдешь къ комендору—толкуешь, толкуешь, что безполезно стрѣлять, когда впереди ничего не видно, что надо приберечь выстрѣлъ на тотъ моментъ, когда можно будетъ разсмотрѣть цѣль.

— Есть, есть,—говорилъ онъ.

— Ну, понялъ?

— Понялъ, понялъ, ваше в—іе!

Но едва повернешься къ нему спиною, какъ бацъ! раздается новый выстрѣлъ.

Здѣсь я получилъ мое, такъ называемое, боевое крещеніе. Непріятельское ядро сорвало голову комендора, подлѣ котораго я стоялъ, и все, что было въ этой несчастной головѣ, попало мнѣ въ лицо и на мою новую солдатскую шинель тонкаго сукна. В. А. Корниловъ, который между тѣмъ уже пріѣхалъ на бастіонъ, замѣтивъ мое печальное положеніе, сказалъ мнѣ:

— Поѣзжайте переодѣться. Я самъ отсюда проѣду прямо домой, и будемъ пить чай.

За этимъ чаемъ, гдѣ насъ было человѣкъ десять или двѣнадцать, я видѣлъ нашего героя въ послѣдній разъ. Онъ палъ черезъ нѣсколько часовъ, и послѣднія слова его были: «Отстаивайте же Севастополь!»

Въ этихъ словахъ слышится какъ бы завѣщаніе Корнилова, какъ будто онъ хотѣлъ ими сказать: «Я свое дѣло сдѣлалъ; дѣлайте же вы теперь ваше!»

За нѣсколько дней предъ тѣмъ, мы возвращались съ одного изъ объѣздовъ оборонительной линіи. Мы выѣхали сначала, какъ обыкно-

венно, въ довольно большомъ числѣ, но мало-по-малу Корниловъ, по своему обычаю, разослалъ всѣхъ съ разными порученіями; подъ конецъ, я остался съ нимъ одинъ, будучи въ тотъ день дежурнымъ флагъ-офицеромъ. Сзади ѣхали одинъ или два казака, и Корниловъ началъ говорить такъ:

— Ну, кажется, мы сдѣлали теперь все, что возможно было сдѣлать, и все, что могла указать человѣческая предусмотрительность. Остается ожидать, что будетъ.

Дѣйствительно, все, казалось, было сдѣлано. Всѣ огромныя средства флота были обращены на защиту города, оборона наша была теперь твердо организована и все это сдѣлалъ одинъ этотъ человѣкъ, но въ словахъ его теперь какъ будто слышались (въ первый и единственный разъ) нѣкоторая усталость и упадокъ духа. И мнѣ въ эту минуту стало жаль великаго подвижника. Я сказалъ, что у меня есть какъ бы предчувствіе, что къ концу года все окончится благополучно и на Рождествѣ, когда церковь благодарственно молится за избавленіе отъ нашествія 1812 года, мы присоединимъ нашу новую молитву за избавленіе отъ нашествія англо-французовъ на Севастополь.

— Нѣтъ,—возразилъ Корниловъ,—для меня это былъ бы слишкомъ долгій срокъ. Развѣ вы не замѣчаете, видя меня каждый день, что вся моя настоящая дѣятельность поддерживается искусственнымъ напряженіемъ, которое долго продолжаться не можетъ. Такъ или иначе, но для меня развязка должна придти скорѣе.

И, дѣйствительно, ему недолго пришлось ожидать развязки.

Вечеромъ, того же 5-го октября, когда уже совсѣмъ стемнѣло, погребальная процессія направилась изъ дома Волохова въ храмъ св. Владиміра. Мы несли на своихъ рукахъ гробъ убитаго адмирала. Черное небо надъ нами было усыпано тысячами звѣздъ, и послѣдніе выстрѣлы бомбардировки провожали наше шествіе. Адмиралъ Нахимовъ, желая самъ нести гробъ, хотѣлъ, чтобы я уступилъ ему свое мѣсто, но я помню, что я не согласился.

Въ этотъ день погибъ также любимый товарищъ мой, графъ Эдуардъ Рачинскій. Выдающагося молодаго офицера этого ожидала блестящая карьера. Ему не было еще 30 лѣтъ, но онъ былъ уже капитанъ-лейтенантомъ и старшимъ офицеромъ, кажется, на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ». Безъ ума влюбленный въ одну изъ нашихъ севастопольскихъ дамъ, онъ, повидимому, самъ искалъ смерти. Вступивъ въ командованіе 3-мъ бастіономъ послѣ того, что уже выбыли изъ строя одинъ за другимъ два или три его предмѣстника, онъ очень скоро послѣдовалъ за ними. Но въ этой судьбѣ замѣчательно то, что онъ исчезъ безслѣдно! пропалъ безъ вѣсти!

Можно пропасть безъ вѣсти въ походѣ, или даже въ сраженіи на

открытомъ полѣ, гдѣ позиціи сражающихся мѣняются, это еще понятно. Но пропасть безъ вѣсти на своей собственной батареѣ болѣе удивительно,—хотя примѣръ этотъ не единственный и показываетъ только, въ какомъ состояніи разрушенія и хаоса находились наши земляные бастіоны послѣ одного дня усиленной бомбардировки, когда не нашлось никакихъ признаковъ и слѣдовъ существованія—и не кого-либо изъ младшихъ чиновъ, рядоваго или артиллериста, а самого начальника бастіона.

Я не стану повторять, что, не случись Корниловъ въ Севастополѣ, никогда бы не могла организоваться титанская оборона, прославившая мощь нашей силы сопротивленія. Примѣровъ личной храбрости намъ не стать искать, но никто другой на его мѣстѣ изъ лицъ, которыхъ я видѣлъ тогда на дѣлѣ, не сдѣлалъ бы ничего подобнаго. Но Корниловъ былъ не только организаторомъ матеріальной части обороны, не только иниціаторомъ и вдохновителемъ геройскаго духа въ личномъ составѣ, но онъ открылъ Тотлебена и призвалъ его къ дѣятельности.

Флотскіе батальоны, свезенные на Сѣверную сторону, составили бригаду, которою командовалъ адмиралъ Новосильскій. Корниловъ сдѣлалъ имъ смотръ, но когда Тотлебенъ долженъ былъ объяснить этой, вновь созданной, пѣхотѣ нѣкоторые тактическіе пріемы и движенія, которыя могли имъ предстоять, Новосильскій перебилъ его словами:

— Нѣтъ, нѣтъ; вы насъ приведите и поставьте, гдѣ намъ слѣдуетъ стоять, а ужъ драться мы будемъ.

Дѣло въ томъ, что десантныхъ ученій въ черноморскихъ эскадрахъ никогда не дѣлалось и какъ нижніе чины, такъ и высшіе, рѣшительно ничего не знали и не понимали въ службѣ на сухомъ пути.

Послѣ смерти Корнилова, его замѣнилъ по старшинству адмиралъ М. Н. Станюковичъ. Весь довольно многочисленный штабъ нашъ поступилъ въ полномъ составѣ къ новому начальнику, при чемъ по распоряженію свыше велѣно было оставить каждаго изъ насъ при тѣхъ занятіяхъ и порученіяхъ, какія мы имѣли у Корнилова. Такимъ образомъ у меня на рукахъ осталось завѣдываніе всѣми сообщеніями по бухтѣ и всѣ перевозочныя или переправочныя средства, и я продолжалъ ими завѣдывать до конца осады, т. е. до 27-го августа 1855 года.

Между тѣмъ время шло. Подходили новыя войска изъ Россіи, и главнокомандующій рѣшился дать Инкерманское сраженіе. Меня спросили, какое наибольшее число войскъ можемъ мы переправить въ теченіе одной ночи, съ наступленія полной темноты до разсвѣта. Занимаясь все время подобными соображеніями, я не затруднился представить разсчетъ, по которому оказывалось возможнымъ перевезти двѣ

пѣхотныхъ дивизіи въ полномъ четырехъ-полковомъ составѣ съ принадлежащими къ нимъ батареями артиллеріи [1]).

На основаніи этого разсчета и были сдѣланы всѣ предварительныя распоряженія, которыя приказано было содержать въ строгой тайнѣ, и никакихъ приготовленій и передвиженій не дѣлать до наступленія ночной темноты. Но предположенное движеніе откладывалось нѣсколько разъ со дня на день. Каждый вечеръ, какъ только темнѣло, я отправлялся на Сѣверную сторону, гдѣ жилъ главнокомандующій, и онъ каждый разъ откладывалъ по разнымъ причинамъ затѣянное дѣло до слѣдующаго дня. Разъ, помню, я ждалъ по обыкновенію около домика, въ которомъ жилъ князь Меншиковъ, приказанія начать переправу, какъ въ дверяхъ показался генералъ Даненбергъ, который долженъ былъ командовать и дѣйствительно командовалъ въ Инкерманскомъ сраженіи, и объявилъ мнѣ, что главнокомандующій по его просьбѣ опять отложилъ все до слѣдующаго дня, чтобы Инкерманское дѣло не приходилось въ годовщину Ольтеницкаго сраженія, проиграннаго имъ, Даненбергомъ, годъ тому назадъ, въ Княжествахъ.

Всѣ эти дни я ложился отдыхать послѣ полудня, чтобы быть свѣжимъ на всю ночь. Такъ, было, я расположился сдѣлать и въ этотъ разъ, какъ за мною прислалъ М. Н. Станюковичъ.

— Я сейчасъ отъ князя,—сказалъ адмиралъ,—который меня требовалъ къ себѣ, чтобы сообщить, что у него былъ П. Ст. Нахимовъ и доложилъ, что хотя онъ только случайно узналъ о приготовленіяхъ къ переправѣ войскъ, но считаетъ долгомъ предупредить, что предположенная операція, затѣянная въ слишкомъ большихъ размѣрахъ, вовсе неисполнима. Что вы на это скажете? увѣрены-ли вы въ вашихъ разсчетахъ?

Я отвѣчалъ, что если мнѣ и моимъ разсчетамъ не довѣряютъ, то конечно было бы лучше поручить предполагаемую операцію комунибудь другому, но что теперь, когда остается едва нѣсколько часовъ до ея начала и когда всѣ исполнители уже твердо ознакомились съ своею ролью, было бы неосторожно что-либо измѣнить въ сдѣланныхъ росписаніяхъ. Что же до меня лично касается, то я вполнѣ увѣренъ, что все предназначенное можетъ быть исполнено, даже безъ особенной натяжки—если не встрѣтится, конечно, какихъ-либо непредвидѣнныхъ препятствій.

— Ну, хорошо; я такъ и скажу князю,—отвѣчалъ адмиралъ.

Наступила наконецъ и ожидаемая ночь. Я находился почти все

[1]) Сколько именно было батарей, я теперь не помню и не имѣю подъ руками никакихъ документовъ. Но я пишу здѣсь не исторію, а описываю только свои впечатлѣнія. Положительныхъ свѣдѣній и цифръ надобно искать въ болѣе серьезныхъ сочиненіяхъ.

время на Сѣверной сторонѣ, на главной нашей пристани, откуда происходила амбаркація значительнѣйшей части войскъ. И вотъ, въ самомъ началѣ произошла какая-то путаница въ полученныхъ приказаніяхъ и остановка, грозившая подорвать всѣ мои разсчеты. Убѣдясь, что мнѣ не распутать встрѣтившагося затрудненія, я отправился отыскивать начальника амбаркировавшейся дивизіи. Я зналъ, что онъ долженъ быть недалеко; но гдѣ его найти? Никакихъ огней, ни фонарей не позволено было имѣть, и тьма была полная. Однако, недалеко отъ пристани, я наткнулся на группу молодыхъ офицеровъ, оживленно и громко разговаривавшихъ между собою, и я обратился къ нимъ съ словами:

— Что вы такъ стоите, господа, какъ посторонніе! Если у васъ нѣтъ тутъ никакого дѣла, то помогли бы мнѣ отыскать начальника дивизіи.

Они дѣйствительно помогли мнѣ, и я скоро нашелъ генерала, котораго искалъ. Происшедшее замѣшательство и замедленіе было тотчасъ устранено. Но я только послѣ догадался, что въ группѣ молодыхъ офицеровъ были великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Великій князь Николай Николаевичъ, много лѣтъ спустя, вспоминая этотъ случай, говорилъ мнѣ: «А я помню, какъ вы насъ съ братомъ тогда раздернули!»

Въ половинѣ ночи, на нашу пристань на Сѣверной пріѣхалъ адмиралъ Нахимовъ и отыскалъ меня.

— Ну-съ, я былъ на всѣхъ пристаняхъ,—сказалъ адмиралъ—и все, кажется, идетъ хорошо. Признаюсь, я не ожидалъ, что дѣло пойдетъ у васъ такъ быстро.

И, дѣйствительно, наше дѣло было выполнено, какъ предполагалось, и на разсвѣтѣ, когда я возвращался съ Сѣверной стороны на Графскую пристань, на рейдѣ все уже было покойно, и никакихъ слѣдовъ усиленной дѣятельности не было видно. Но съ отдаленнаго востока, съ крайней лѣвой стороны нашей позиціи, начинали доноситься выстрѣлы. Это было начало Инкерманскаго сраженія.

Въ Севастополѣ мы возлагали большія надежды на это сраженіе, но были жестоко разочарованы, когда позднѣе, въ этотъ же день, пришлось перевозить обратно на Сѣверную сторону остатки тѣхъ же войскъ, которыя въ предшествовавшую ночь были переправлены на Южную сторону.

Замѣтки эти относятся къ первому періоду осады Севастополя, и здѣсь я могъ бы остановиться. Но я уже такъ много говорилъ о взаимныхъ отношеніяхъ между Нахимовымъ и Корниловымъ, что, можетъ быть, для ихъ характеристики интересно разсказать еще слѣдующій эпизодъ, хотя онъ относится къ гораздо позднѣйшему времени, или ко второй половинѣ осады.

Въ царствованіе императора Николая I, адмиралтейскіе мастеровые были организованы по-военному; одѣтые въ военные мундиры, они составляли такъ-называвшіеся «рабочіе» экипажи, въ отличіе отъ «флотскихъ» и «ластовыхъ» экипажей. Съ приходомъ непріятеля, когда ощущался огромный недостатокъ въ людяхъ, всѣ работы въ Севастопольскомъ адмиралтействѣ прекратились, и всѣ рабочіе и мастеровые были, по распоряженію Корнилова, росписаны и распредѣлены по разнымъ батареямъ и пунктамъ оборонительной линіи. Такимъ образомъ городъ былъ совсѣмъ лишенъ мастеровыхъ, и въ теченіе времени это представило весьма большія неудобства. Такъ мнѣ лично стоило не мало изобрѣтательности и хлопотъ, чтобъ поправлять и поддерживать наши перевозочныя средства, которыя надобно было однако содержать въ возможной исправности. Павелъ Степановичъ, который въ это время уже замѣнилъ адмирала Станюковича и сдѣлался въ свою очередь главнымъ начальникомъ морской части, видѣлъ, конечно, и сознавалъ сказанное неудобство, и вотъ, что онъ мнѣ разъ сказалъ:

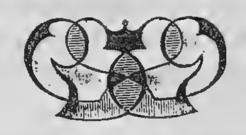
— Ну, вотъ-съ, вашъ Владиміръ Алексѣичъ (Корниловъ) надѣлалъ разныхъ распоряженій, а самъ и умеръ...

Удивленный этою выходкой, я отвѣтилъ адмиралу, что если Владиміръ Алексѣичъ и сдѣлалъ въ этомъ случаѣ ошибку, то я не сомнѣваюсь, что онъ ее давно бы уже и исправилъ, если бы былъ живъ. Теперь же, отъ него, Павла Степановича, а не отъ кого другаго зависитъ сдѣлать всѣ перемѣны, какія онъ самъ признаетъ за нужное. Адмиралъ подумалъ и сказалъ:

— Нѣтъ-съ; знаете, что Владиміръ Алексѣичъ сдѣлалъ, то намъ, маленькимъ людямъ, трудно передѣлывать...

Въ этой фразѣ выразилась, съ одной стороны, слабость критиковать дѣйствія своего соперника, а съ другой, искреннее, чистосердечное признаніе его высокихъ способностей, и для насъ дѣлается привлекателенъ и любъ доблестный образъ Нахимова, со всѣми его маленькими человѣческими слабостями.

И. Лихачевъ.

Дамскіе костюмы въ Лондонѣ въ половинѣ XVIII столѣтія.

20-го іюля 1751 года, во время своего пребыванія въ Царскомъ Селѣ, императрица Елизавета Петровна, большая любительница модъ, приказала барону Ивану Антоновичу Черкасову написать дѣйствительному камергеру и чрезвычайному посланнику въ Лондонѣ графу Петру Григорьевичу Чернышеву, чтобы онъ заказалъ тамъ сшить для государыни два шелковыхъ платья, какія носятъ англійскія дамы при дворѣ и дома, о чемъ «лучше,—писалъ Черкасовъ графу,—знаетъ супруга ваша».—Графъ П. Г. Чернышевъ 23-го августа того же года писалъ Черкасову изъ Лондона слѣдующее: «Вашего превосходительства по всевысочайшему ея императорскаго величества именному указу отъ 20-го іюля ко мнѣ отправленное письмо, касающееся до того, чтобы заказать сдѣлать два платья дамскія,—одно простое, каковое англійскія дамы употребляютъ въ приватныхъ компаніяхъ, кромѣ двора, и носятъ запросто въ домахъ своихъ, а другое—въ какомъ онѣ ѣздятъ ко двору, и съ уборами на голову и къ рубашкамъ, я исправно получилъ, и о семъ равномѣрно и его высокографское сіятельство канцлеръ [1]) ко мнѣ писать изволилъ. Я сожалѣю, что ваше превосходительство въ послѣдованіи того всевысочайшаго указа отъ себя не прислали ко мнѣ мѣру, по которой бы я тѣ платья здѣсь сдѣлать заказать имѣлъ, ибо оныя безъ того никакъ наотгадъ сдѣланы быть не могутъ, а особливо, какъ я то изъ письма вашего вижу, что оныя для всевысочайшей ея императорскаго величества персоны быть долженствуютъ.—Однакоже, чтобъ никакая остановка отъ того не воспослѣдовала (который образъ и лучшимъ для модели быть можетъ), я заказалъ здѣсь сдѣлать куклу фута въ три вышины и къ ней платья всѣхъ сортовъ, каковыя при всякихъ случаяхъ здѣшнія дамы носятъ, и со всѣми къ нимъ принадлежащими, какъ и на голову, уборами. И какъ скоро все то изготовится, то я оное съ первою оказіею, коя за способнѣйшую быть мнѣ покажется, отсюда на имя его высокографскаго сіятельства графа Алексѣя Петровича отправлю и о чемъ директно тогда и вашему превосходительству донести не премину. Впрочемъ же, коли ваше превосходительство что̀ къ поправленію воспріятыхъ моихъ прекоцій въ вышеписанной коммиссіи, дабы оное въ угодность ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей нашей государыни, быть могло, за надобное быть усмотрите, то о томъ безъ потерянія времени меня увѣдомить прилежно васъ прошу».

Кукла и платья съ подробною росписью были отправлены изъ Лондона 20-го сентября. **Сообщ. Александръ Успенскій.**

---

[1]) Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Восточный вопросъ въ 1856—1859 гг.

VI [1]).

Вскорѣ послѣ окончанія Парижской конференціи, бывшій англійскій посланникъ въ Турціи, лордъ Стратфордъ Редклифъ пожелалъ еще разъ посѣтить страну, гдѣ онъ такъ долго властвовалъ почти неограниченно. Онъ предпринялъ путешествіе въ Константинополь, но уже не въ качествѣ оффиціальнаго, а частнаго лица. «Лордъ Коулей, который бесѣдовалъ съ нимъ, увѣряетъ,—писалъ Бенедетти Тувенелю [2]),—что на него не возложено никакой миссіи и что онъ не долженъ, ни въ какомъ случаѣ, вмѣшиваться въ дѣла, коими будетъ вѣдать исключительно Бульверъ. Между тѣмъ самъ лордъ Стратфордъ говорилъ лорду Коулею, и онъ повторитъ это вѣроятно въ Константинополѣ, что его путешествіе есть актъ вѣжливости, добровольно оказываемый англійскимъ правительствомъ султану и его министрамъ, которые будто бы не могутъ утѣшиться по поводу его отъѣзда».

Тувенель, съ своей стороны, писалъ Бенедетти 3-го (15-го) сентября:

«Мы ожидаемъ лорда Стратфорда въ пятницу или въ субботу. Онъ остановится въ зданіи англійскаго посольства въ Перу. Сэръ Генри Бульверъ коварно улыбнулся, когда я сказалъ ему о томъ, что вамъ заявлено, будто его предмѣстникъ не будетъ касаться «политическихъ вопросовъ». Онъ сказалъ мнѣ, что Редклифъ «уполномоченъ представить записку и дать совѣты отъ своего собственнаго имени». Одному Богу извѣстно, въ какомъ смыслѣ онъ выскажется относительно Черногоріи. Это одна изъ излюбленныхъ темъ его бесѣдъ съ султаномъ, къ

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1904 г.

[2]) 22-го августа (3-го сентября) 1858 года.

которой онъ прибѣгалъ для того, чтобы досадить намъ. Послѣднія событія едва-ли заставятъ его измѣнить тактику. Кстати, нашъ уполномоченный Геккартъ (Hecquart) отзывается довольно несочувственно о своихъ любимцахъ черногорцахъ и говоритъ, что если бы онъ могъ предвидѣть, что дѣло повернется въ пользу Россіи, то онъ воздержался бы въ 1856 г. отъ всякихъ сношеній съ Черногоріей, которыя должны были, какъ онъ полагалъ, подорвать въ Цетиньѣ вліяніе русскихъ. Какъ бы то ни было, сэръ Генри Бульверъ до того удрученъ непріятнымъ для него пріѣздомъ благороднаго лорда, что эту недѣлю съ нимъ, кажется, нельзя будетъ вести никакихъ дѣлъ».

Нѣсколько недѣль спустя, Тувенель сообщилъ Бенедетти, что «лордъ Стратфордъ потерпѣлъ полную неудачу, и сэръ Генри вздохнулъ свободнѣе». Лордъ Стратфордъ отправился въ Смирну, гдѣ, по ироническому замѣчанію Тувенеля, «адмиралъ Клаво, съ тѣмъ тактомъ, какимъ отличаются иные моряки, оказалъ этому «другу Франціи» чрезвычайныя почести».

Осенью 1858 г. Тувенель, проживщій въ Константинополѣ безвыѣздно три съ половиною года, въ вышеописанное тревожное время, получилъ отпускъ и отправился отдохнуть въ Парижъ, откуда онъ велъ дѣятельную переписку съ великимъ визиремъ Али-пашою, съ которымъ его связывала искренняя дружба, основанная на взаимномъ уваженіи.

Приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ конфиденціальныхъ писемъ великаго визиря, которыя прекрасно характеризуютъ тогдашнее положеніе Турціи. Судя по высказываемымъ Али-пашою взглядамъ и искреннему тону его писемъ, который дѣлаетъ величайшую честь этому выдающемуся государственному дѣятелю, можно сказать, что если бы у современной Турціи было побольше такихъ людей, какъ Али и Фуадъ-паши, то она не дошла бы, вѣроятно, до того печальнаго положенія, какое она переживаетъ нынѣ.

«Любезный посланникъ,—писалъ Али-паша 13-го (25-го) ноября 1858 г.,—мнѣ очень хотѣлось написать вамъ въ день вашего отъѣзда, чтобы выразить вамъ еще разъ мое сожалѣніе по поводу вашего отсутствія и надежду увидѣть васъ вскорѣ среди насъ, но я не имѣлъ возможности докончить письма, вслѣдствіе той ежечасной помѣхи, какую испытываютъ злополучные министры султана. Дѣлая это сегодня, я пользуюсь случаемъ напомнить вамъ, съ тѣмъ довѣріемъ и откровенностью, какими всегда были отмѣчены мои сношенія съ вами и наши бесѣды о дѣлахъ Турціи, о ея опасеніяхъ и надеждахъ.

«Вопросъ о разграниченіи Черногоріи рѣшенъ согласно вашему желанію. Порта вырвала, по вашему совѣту, эту занозу, мѣшавшую ей ступать. Но для того, чтобы избавиться отъ нея, ей пришлось подверг-

нуться весьма тяжелой нравственной ампутаціи, отъ которой ее могли бы избавить. Нужно-ли говорить, что Порта рѣшилась на эту тяжкую операцію единственно изъ желанія доказать императору, какую цѣну она придаетъ сохраненію его дружбы. Вполнѣ естественное и законное несочувствіе монарха къ этой мѣрѣ, глубоко оскорбленная военная и національная честь—все это отошло на второй планъ передъ искреннимъ желаніемъ возстановить наши отношенія къ Франціи и поддержать ихъ на той высотѣ, съ которой имъ никогда не слѣдовало бы уклоняться. Мы надѣемся, что эти жертвы не останутся безплодны и что мы будемъ имѣть, наконецъ, утѣшеніе въ сознаніи, что мы достигли цѣли и что министерство будетъ въ состояніи заявить своимъ друзьямъ и недругамъ, что жертвы, принесенныя имъ, не были напрасны. Только эта надежда и довѣріе, которое мы питаемъ къ императорскому правительству, успокаиваютъ и облегчаютъ нѣсколько нашу совѣсть.

«Я не имѣю претензіи высказать какое-либо мнѣніе о политикѣ великаго монарха, мудрость котораго признана всѣмъ свѣтомъ. Но да будетъ мнѣ позволено сказать, что мы не можемъ видѣть, безъ вполнѣ понятной тревоги, что исконная и систематически враждебная намъ политика старается подорвать отношенія Франціи къ Турціи. Своими коварными навѣтами въ Европѣ и пагубными происками въ Турціи эта политика возстановила противъ насъ французскую прессу и возбудила умы христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова. Вы согласитесь, конечно, съ тѣмъ, что правительство, не пользующееся авторитетомъ, не можетъ существовать. Для того, чтобы поддерживать въ странѣ порядокъ, чтобы вводить необходимыя реформы и обезпечить благосостояніе подданныхъ, правительству необходимо, прежде всего чтобы его боялись и, въ то же время, чтобы его уважали и любили. Между тѣмъ, развѣ не стараются всячески возстановить противъ насъ подданныхъ и побудить ихъ къ неповиновенію? Съ другой стороны, клевета, которую плохо освѣдомленная пресса распространяетъ ежедневно противъ Порты и мусульманскаго народа, поддерживаетъ между національностями рознь и вражду, тогда какъ правительство употребляетъ все свое стараніе къ тому, чтобы уничтожить эту рознь и создать единеніе и братство. Нѣтъ той брани, которой не осыпаютъ нашу религію и нашего монарха. Если прислушаться къ этимъ неистовымъ нападкамъ, то можно подумать, что мы перенеслись на нѣсколько вѣковъ назадъ, ко временамъ крестовыхъ походовъ. Вы возразите на это, вѣроятно, что Порта не выполнила всѣхъ обѣщаній, данныхъ ею въ 1856 г., и что это возмутило общественное мнѣніе Европы. Я готовъ согласиться съ вами, что наша администрація еще далека отъ совершенства, но нахожу нужнымъ указать на то, что недостатки, которые намъ приходится исправлять, не касаются исключительно одныхъ

только христіанскихъ народовъ и что эти послѣдніе далеко не заслуживаютъ сожалѣнія преимущественно передъ другими подданными султана. Правительству, которому предстоитъ совершить столь крупное соціальное преобразованіе, необходимо не только пользоваться обаяніемъ власти, о которомъ я говорилъ выше, ему необходимо на это время, поддержка друзей и повиновеніе подданныхъ. Какъ человѣкъ справедливый, вы, безъ сомнѣнія, согласитесь съ тѣмъ, что послѣдніе два года все наше вниманіе было поглощено событіями внѣшней политики, что мы не встрѣтили ни въ какомъ отношеніи поддержки со стороны нашихъ друзей, а наши враги всячески старались создать намъ затрудненія внутри государства, чтобы помѣшать намъ заняться преобразованіями и внушить Европѣ убѣжденіе, что мы способны управлять страною. Между тѣмъ вамъ извѣстно, что если у насъ существуетъ какая-либо раса, способная управлять другими и сплотить разнородныя національности, то это именно турецкая раса. Тотъ, кто не знаетъ нашей страны и характера населяющихъ ее народовъ, не повѣритъ этому, но я берусь подтвердить истину сказаннаго примѣрами, взятыми изъ повседневной жизни. Наконецъ, если бы мы могли разсчитывать впредь на нѣкоторое доброжелательство со стороны нашихъ друзей, то я обѣщалъ бы не колеблясь осуществленіе тѣхъ мѣръ, коихъ практичность и польза безспорны и неотложность коихъ признана «истинными друзьями имперіи».

Во время отсутствія Тувенеля, съ нимъ переписывался также первый драгоманъ французскаго посольства, Амедей Утри. Изучивъ, во время своего продолжительнаго пребыванія на Востокѣ, всѣ тайны сераля, онъ сообщалъ Тувенелю, между прочими извѣстіями, интересныя и пикантныя подробности восточныхъ нравовъ въ царствованіе Абдулъ-Меджида, котораго можно назвать по справедливости Людовикомъ XV Турецкой имперіи.

«Великій визирь Али-паша говорилъ мнѣ, на другой день вашего отъѣзда,—пишетъ Утри въ одномъ изъ своихъ писемъ,—что, прощаясь съ вами, онъ почувствовалъ, насколько онъ васъ любитъ; онъ увѣрялъ, что даже временная разлука съ вами огорчаетъ его, и далъ мнѣ для прочтенія частное письмо, посланное вамъ по дѣламъ Черногоріи.

«На другой день вашего отъѣзда, султанъ послалъ министру финансовъ ирадэ, коимъ повелѣвалось сдѣлать нужныя приготовленія къ бракосочетанію ханумъ-султанши [1]), дочери Фетъ-Ахмета-паши, которая состоится весною. Онъ положительно сумасшедшій. Мухтаръ-паша

---

[1]) Ханумъ-султаншами называются дочери, сестры или племянницы султана, которыя замужемъ не за принцемъ. Въ данномъ случаѣ говорится о дочери Фетъ-Ахметъ паши, который былъ женатъ на сестрѣ Абдулъ-Меджида.

былъ совершенно озадаченъ этимъ повелѣніемъ [1]). Онъ рѣшилъ отвѣтить, что такъ какъ свадьбы султаншъ стоили каждая 70 милліоновъ піастровъ, то онъ полагаетъ, что свадьба ханумъ-султанши обойдется около 35 милліоновъ піастровъ, и проситъ султана указать, изъ какихъ суммъ слѣдуетъ взять эти деньги. Но прежде чѣмъ послать этотъ отвѣтъ, Мухтаръ-паша рѣшилъ посовѣтоваться съ великимъ визиремъ. Али-паша былъ внѣ себя отъ гнѣва отъ этой новой выдумки султана и созвалъ на совѣщаніе нѣкоторыхъ министровъ, коимъ онъ высказалъ свое мнѣніе въ очень рѣзкой формѣ, заявивъ, что «онъ не понимаетъ, какъ можно быть настолько безумнымъ, чтобы думать о новыхъ бракахъ и слѣдовательно о новыхъ расходахъ, когда правительство не знаетъ, какъ покрыть старые долги». Всѣ присутствовавшіе заявили единогласно, что тотъ, кто будетъ поощрять султана въ его пагубномъ желаніи, будетъ измѣнникомъ своего отечества. Итакъ турки дошли до того, что они открыто порицаютъ султана! Что можно ожидать отъ человѣка, который, принявъ въ текущемъ году на счетъ казны семь милліоновъ долга, сдѣлалъ 500 милліоновъ новаго долга и мечтаетъ о новыхъ бракахъ въ то время, когда этотъ долгъ еще не уплаченъ.

«Цехъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ окружилъ на-дняхъ экипажъ султана, желая подать ему прошеніе. Султанъ открылъ дверцы кареты и спросилъ, что они желаютъ. Когда золотыхъ дѣлъ мастера отвѣтили, что они окончательно разорены и умоляютъ его величество сжалиться надъ ними, то султанъ приказалъ отвезти ихъ въ Топханэ (гдѣ засѣдаетъ коммиссія, коей поручено ликвидировать нѣкоторые долги турецкаго правительства). Судя по намеку, сдѣланному великимъ визиремъ Али-пашою, совѣтъ министровъ рѣшилъ сдѣлать новый выпускъ консолей. Это будетъ настоящее банкротство; вѣроятно, всѣ будутъ противъ этого.

«Вечеромъ, въ день вашей прощальной аудіенціи, султанъ былъ въ Топханэ. Онъ сказалъ Риза-пашѣ, что онъ весьма доволенъ аудіенціей, что онъ расположенъ къ вамъ, но что онъ не могъ скрыть отъ васъ огорченія, какое доставило ему ваше энергическое участіе въ рѣшеніи Черногорскаго вопроса.

«Риза-паша будто бы отвѣтилъ на это, что султанъ напрасно думаетъ, что настоянія французскаго правительства и его посланника дѣлались съ враждебной Турціи цѣлью. Посовѣтовавъ султану принять рѣшеніе, которое должно было прекратить всѣ столкновенія, Франція тѣмъ самымъ оказала ему услугу, такъ какъ Европа не можетъ оставаться равнодушной къ кровопролитію, происходящему на ея границахъ. Капитанъ-паша Мехметъ-Али былъ встревоженъ тѣмъ, что вы

[1]) Мухтаръ-паша—министръ финансовъ.

получили частную аудіенцію; онъ просилъ камергеровъ сообщить ему немедленно все, что они узнаютъ о вашемъ разговорѣ съ султаномъ. Повидимому, онъ очень доволенъ тѣмъ, что вы не упомянули въ разговорѣ о немъ. Капитанъ-паша просилъ великаго визиря, черезъ третье лицо, чтобы его пригласили на данный вамъ прощальный обѣдъ, и когда Али-паша отвѣтилъ, что онъ не можетъ исполнить этой просьбы въ виду протеста, заявленнаго французскимъ посланникомъ противъ образа дѣйствій капитана-паши, то Мехметъ-Али остался этимъ крайне недоволенъ.

«Съ недѣлю тому назадъ, султанъ приказалъ Неджибу-пашѣ посѣтить медицинскую и военную школы и выбрать двѣнадцать самыхъ красивыхъ мальчиковъ для его дворца. Тщетно протестовали противъ этого родители и профессора. Шестнадцать мальчиковъ красавцевъ были выбраны, и Неджибъ-паша назначенъ ферикомъ [1]). Султанъ неисправимъ.

«Министръ финансовъ, Савфетъ-паша, вышелъ въ отставку вслѣдствіе интригъ сэра Генри Бульвера. Онъ считался человѣкомъ непреклоннымъ, не потакавшимъ никакимъ злоупотребленіямъ. Мухтаръ-паша отклонилъ честь управленія министерствомъ финансовъ въ настоящее трудное время. Султанъ дѣлаетъ видъ, что онъ чрезвычайно недоволенъ этимъ отказомъ; но въ сущности онъ, его гаремъ и приближенные въ восторгѣ отъ того, что представилась возможность вернуть Хасибъ-пашу. Вамъ извѣстно, какъ отвратительно было управленіе Хасибъ-паши. Онъ былъ послушнымъ орудіемъ Решида и двора, и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ съумѣлъ опустошить казну и выпустить на триста милліоновъ серій казначейства. Таковъ человѣкъ, поставленный во главѣ финансовъ, благодаря проискамъ англійскаго посланника. Это недостойная кампанія велась капитанъ-пашою, Савфетъ-пашою (Косцельскимъ) и нѣсколькими дворцовыми евнухами, совмѣстно съ сэромъ Генри Бульверомъ.

«Послѣдній интригуетъ также противъ сераскира Риза-паши, съ цѣлью добиться его увольненія отъ должности главнаго начальника артиллеріи, которая дастъ ему ежедневно доступъ къ султану. Великобританскій посланникъ начинаетъ поговаривать о томъ, что Риза-паша слишкомъ обремененъ работою; что онъ не можетъ справиться со своимъ дѣломъ, что онъ получаетъ безобразное жалованье. Сераскиръ понимаетъ грозящую ему опасность, и я нашелъ его сильно упавшимъ духомъ».

Въ одномъ изъ своихъ отвѣтныхъ писемъ французскому генераль-

---

[1]) Дивизіоннымъ генераломъ.

ному консулу Тувенель писалъ [1]), что императоръ Наполеонъ былъ пораженъ мыслями, высказанными Али-пашою въ его письмѣ, и что хотя съ окончаніемъ Черногорскаго вопроса все вниманіе французскаго правительства обращено на Италію, а Востокъ отошелъ на второй планъ, тѣмъ не менѣе французскій посланникъ просилъ передать великому визирю отъ своего имени совѣтъ дѣйствовать въ вопросѣ о Княжествахъ съ величайшею осторожностью: «хороша или дурна новая организація, — писалъ Тувенель, — но она должна быть осуществлена тѣми, для коихъ она предназначалась, и коль скоро права Порты гарантированы Европою, то благоразуміе повелѣваетъ ей предоставить молдаво-валахамъ «распутать» или «запутать» дѣло самимъ, не давая недоброжелателямъ и людямъ предубѣжденнымъ возможности приписать неудачу неумѣстному вмѣшательству сюзеренной державы. Я сказалъ бы, съ нѣкоторой оговоркой, то же самое относительно Сербіи...

«Въ отвѣтъ на то, что вы пишете объ образѣ дѣйствій сэра Генри Бульвера, я напомню вамъ, что я говорилъ въ то время, когда онъ смѣнилъ лорда Стратфорда, — именно, что льва смѣнилъ змѣй. Мое предсказаніе оправдывается. Тѣмъ не менѣе, совѣтую вамъ не выказывать моему коллегѣ неудовольствія, которое могутъ доставить намъ его продѣлки. Есть люди, которыхъ можно обуздать, дѣлая видъ, что считаешь ихъ въ числѣ своихъ друзей. Къ таковымъ людямъ принадлежитъ сэръ Бульверъ. Остерегайтесь также Лобанова и ведите съ нимъ ту же политику. Императоръ (Наполеонъ III) задумалъ образовать, если будетъ возможно, европейскій тріумвиратъ изъ Франціи, Англіи и Россіи. Пока эта мысль не осуществится или пока она не будетъ оставлена, намъ приходится, волей неволей, поддерживать равновѣсіе, съ неуловимымъ, для невооруженнаго глаза, оттѣнкомъ въ пользу Россіи. Повторяю: въ настоящее время Востокъ не играетъ никакой роли въ нашихъ разсчетахъ. Никто не тронетъ Востока, если у него хватитъ ума не смѣшивать своихъ дѣлъ съ дѣлами Запада. Мнѣ никто не говорилъ, но я догадываюсь, что дѣло идетъ объ Италіи, и что Россія болѣе, нежели Англія, расположена помочь намъ или, лучше сказать, не мѣшать намъ. Пусть Порта будетъ осторожна и не оказываетъ содѣйствія видамъ Австріи, которая, я увѣренъ, старается съ двоякою цѣлью поддержать на Дунаѣ волненіе. Одна цѣль — надежда, что другіе вопросы отвлекутъ взоры отъ Италіи; другая, — что если дѣло съ Италіей не выгоритъ, то она можетъ вознаградить себя на Дунаѣ... Спокойствіе Турціи въ предстоящемъ кризисѣ зависитъ отъ того, насколько она отрѣшится отъ австрійской политики».

[1]) Тувенель—Амедею Утри 27-го ноября (9-го декабря) 1858 г.

Въ то время, какъ писались эти строки, Али-паша серьезно заболѣлъ.

«Великій визирь Али-паша былъ такъ серьезно боленъ,—писалъ Утри Тувенелю 11-го (23-го) марта 1858 г.,—что опасались за его жизнь. На консультацію было приглашено семь врачей, въ томъ числѣ Фовель. У великаго визиря оказалось серьезное воспаленіе легкихъ. Фовель настаивалъ на томъ, чтобы ему немедленно пустили кровь; когда же врачъ, приглашенный изъ дворца, рѣшительно воспротивился этому, подъ предлогомъ, будто «его величество запретилъ пускать кровь великому визирю въ виду его слабаго тѣлосложенія», и всѣ прочіе согласились съ этимъ, говоря, что «Али-паша самъ не хочетъ пустить кровь», то Фовель страшно разсердился, наговорилъ дерзостей всѣмъ своимъ коллегамъ и Фуадъ-пашѣ, который присутствовалъ на консультаціи, и заявилъ, что онъ не беретъ на себя отвѣтственности за то, что можетъ случиться, и не покажетъ болѣе носа въ домъ великаго визиря. Поэтому было рѣшено поступить по его совѣту, и на другой день больному стало лучше. Въ настоящее время всякая опасность миновала, но паша поправится окончательно не такъ скоро».

Между тѣмъ, въ Княжествахъ начался избирательный періодъ. Въ Молдавіи, гдѣ борьба была, этотъ разъ, ожесточеннѣе, нежели въ Валахіи, три временно назначенные каймакама, Василій Стурдза, Пано и Катарджи, смѣнившіе, согласно постановленію Парижской конференціи, князя Вогоридеса, подавали примѣръ величайшей розни. Катарджи даже совсѣмъ отказался принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, а Стурдза и Пано были руководимы пылкимъ французскимъ консуломъ, Пласомъ, который увлекся своими политическими страстями, окончательно вышелъ изъ своей роли и составлялъ какіе-то фантастичные избирательные списки. Турецкое правительство не упустило случая заявить по этому случаю протестъ и рѣшило при поддержкѣ Австріи, которая оставалась вѣрна своей политикѣ, обратиться къ участвовавшимъ въ конференціи державамъ съ просьбою отмѣнить произведенные въ Молдавіи выборы. Фуадъ-паша, несмотря на полученный имъ въ Парижѣ орденъ, оказался очень несговорчивъ въ вопросѣ о Княжествахъ и приказалъ даже вычеркнуть изъ оффиціальныхъ актовъ присвоенное Княжествамъ наименованіе «Соединенныя Молдаво-Валахскія Княжества», вслѣдствіе чего турецкому министру иностранныхъ дѣлъ было сдѣлано со стороны французскаго посланника строгое напоминаніе о томъ, что никакое сообщеніе турецкаго правительства, въ которомъ будетъ опущено вышеупомянутое наименованіе, не будетъ имъ принято. Послѣ чего Фуадъ-паша отказался отъ своего протеста.

5-го (17-го) января 1859 года стало извѣстно, что молдавскіе избиратели выбрали господаремъ бывшаго галацкаго префекта, Александра

Кузу, ревностнаго сторонника соединенія, который два года передъ тѣмъ былъ уволенъ Вогоридесомъ за попытку воспрепятствовать самовольнымъ дѣйствіямъ каймакама, направленнымъ во вредъ сторонникамъ соединенія. Въ избраніи Кузы принимали участіе сорокъ девять членовъ собранія. Одиннадцать сторонниковъ князя Стурдзы уклонились отъ подачи голосовъ. Предсѣдатель собранія, митрополитъ, также подалъ голосъ за Кузу, и собраніе, передъ закрытіемъ своихъ засѣданій, постановило выразить благодарность державамъ, подписавшимъ конвенцію, и еще разъ высказало пожеланіе о скорѣйшемъ соединеніи Княжествъ.

13-го (25-го) января 1859 г. Пласъ писалъ Тувенелю:

«Полковникъ Куза имѣетъ полное право сказать, что онъ сдѣлался господаремъ «милостью Божьей», ибо его избраніе было полною неожиданностью не только для всѣхъ, но и для него самого въ особенности. О немъ никто не думалъ. Вы помните, вѣроятно, что я не упоминалъ о немъ въ своихъ донесеніяхъ. Вотъ, какъ объясняютъ его избраніе. Національная партія, состоящая изъ сторонниковъ соединенія, была въ собраніи въ большинствѣ и рѣшила окончательно устранить Стурдзу и его сына, мотивируя это ихъ прошлымъ. Всѣ члены партіи обязались подпискою произвести предварительные выборы и затѣмъ подать на собраніи голосъ за того кандидата, который получитъ на предварительныхъ выборахъ наибольшее число голосовъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней въ Яссахъ господствовало страшное волненіе; и въ средѣ самой національной партіи образовалось два теченія: демократическое и аристократическое. Наконецъ, за день до выборовъ было произведено предварительное голосованіе. Большинство высказалось за Кузу, который не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой партіи, а черезъ день, въ собраніи, онъ получилъ большинство голосовъ. Его избраніе было настоящимъ ударомъ для австрійцевъ и турокъ. Это самое блестящее торжество французской политики. Я не знаю еще, что сдѣлаетъ Куза, но онъ одушевленъ, повидимому, наилучшими намѣреніями. Онъ уменъ, хитеръ, рѣшителенъ и если онъ будетъ умѣло пользоваться этими качествами, то изъ него выйдетъ хорошій господарь».

Тувенель, со своей стороны, писалъ 17-го (29-го) января 1859 г., изъ Парижа, первому драгоману французскаго посольства въ Константинополѣ:

«Сейчасъ узналъ объ избраніи Александра Кузы. Помните, какъ намъ хотѣлось, чтобы онъ былъ назначенъ каймакамомъ по смерти Балша? Не знаю, какимъ онъ будетъ господаремъ, но я не горюю о пораженіи старой боярской партіи, и у меня не хватаетъ духа сожалѣть о Стурдзахъ».

*

Въ Валахіи партія князя Александра Гика, дѣйствовавшая заодно съ національной партіей, представителями которой были Голеско и Братіано, вела избирательную кампанію противъ князя Стирбея, шансы котораго на избраніе были тѣмъ не менѣе весьма велики. Но и тутъ случилось нѣчто совершенно неожиданное, и на долю Александра Кузы выпала честь быть избраннымъ въ Валахіи такъ же точно, какъ въ Молдавіи; такимъ образомъ, въ его лицѣ осуществилось соединеніе Княжествъ, въ такой формѣ, о которой никто не мечталъ. Турецкое правительство, взволнованное этимъ новымъ осложненіемъ, разослало своимъ уполномоченнымъ при дворахъ, подписавшихъ конвенцію, телеграфическую депешу, въ которой оно требовало «вторичнаго созыва конференціи».

Узнавъ о любопытномъ фактѣ двойного избранія Кузы, Тувенель высказалъ Утри, въ письмѣ отъ 6-го (18-го) февраля 1859 г., слѣдующія соображенія, которыя оказались пророческими, такъ какъ они оправдались тридцать восемь лѣтъ спустя событіями, происшедшими на нашихъ глазахъ:

«Я не думаю, чтобы конвенція 7-го (19-го) августа могла остаться безъ измѣненій; измѣненіе же ея возможно только въ смыслѣ соединенія Княжествъ. Взявшись за дѣло какъ слѣдуетъ, Порта могла бы вернуть все то, что она потеряла благодаря плохимъ совѣтчикамъ. Россія зашла слишкомъ далеко, чтобы отступить, но я видѣлъ, по гримасѣ, съ какою Киселевъ принялъ извѣстіе о двойномъ избраніи Кузы, что Петербургскій кабинетъ, не желая поступиться своей популярностью и стараясь быть съ нами въ дружественныхъ отношеніяхъ, такъ же точно, какъ и Австрія, не особенно желаетъ, чтобы на Дунаѣ возникло такое положеніе дѣлъ, которое обезпечило бы Турцію отъ алчныхъ вожделѣній ея сосѣдей. Если бы султаномъ былъ иной человѣкъ, если бы его министры заботились объ управленіи страною въ истинномъ смыслѣ этого слова, то Порта, несмотря на свою ветхость, была бы все еще однимъ изъ самыхъ сильныхъ европейскихъ государствъ. Я прихожу все болѣе и болѣе къ убѣжденію, что на турокъ нападаютъ не потому, чтобы ихъ хотѣли стереть съ лица земли, а скорѣе изъ опасенія, что они не съумѣютъ жить такъ, какъ было бы желательно для общаго блага. Подобное настроеніе измѣнилось бы очень скоро, если бы въ Константинополѣ хватило ума не гнаться за призраками, если бы Порта удовлетворилась гарантіей, данной европейскими державами поддержать верховную власть Турціи за Дунаемъ, и если бы турки, сдѣлавъ усиліе, доказали, что они въ состояніи извлечь пользу изъ «непосредственныхъ» владѣній имперіи, которыя, безъ сомнѣнія, довольно обширны, чтобы удовлетворить самое огромное честолюбіе.

«Что касается восточныхъ христіанъ, возлагающихъ всѣ свои упованія на Европу, и ихъ неумѣлой оппозиціи мусульманамъ, которые

въ концѣ концовъ будутъ всего опасаться отъ Европы, то знаете-ли чѣмъ это кончится:—кровавымъ возстаніемъ и раздѣломъ.

«Съ другой стороны, графъ Валевскій полагаетъ, что двойное избраніе будетъ утверждено, слѣдовательно, Блистательная Порта должна къ этому быть готова. Что касается меня, то я не отказываюсь отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и вполнѣ увѣренъ, что Молдавія и Валахія будутъ большою обузою для всѣхъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не рѣшатся преобразовать въ «соединенное княжество съ иностраннымъ принцемъ во главѣ». Между этой комбинаціей и раздѣломъ въ пользу двухъ сосѣднихъ державъ, для дипломатіи, по моему мнѣнію, не можетъ быть выбора. Лордъ Коулей раздѣляетъ отчасти мой взглядъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что отсутствіе единодушія между Франціей и Англіей въ вопросѣ о «соединеніи Молдавіи и Валахіи подъ властью иностраннаго принца» вызвало между этими двумя державами враждебное чувство, которое проявится рано или поздно на дѣлѣ. Что касается Турціи, то она лишилась въ мирное время дѣятельнаго содѣйствія двухъ державъ, спасшихъ ее во время войны. Гнѣвныя вспышки и выходки лорда Стратфорда ничего не значили, и въ сущности этому сумасшедшему старику дѣлали слишкомъ много чести, обращая на него такъ много вниманія. Я ладилъ съ нимъ до тѣхъ поръ, пока между Парижемъ и Лондономъ существовало согласіе. Это отражалось на моихъ нервахъ, но для общественнаго дѣла не имѣло значенія. Хотя сэръ Генри Бульверъ и вѣжливѣе въ обхожденіи, но онъ, конечно, не будетъ дѣйствовать со мною заодно, чтобы «возстановить» въ Константинополѣ положеніе Россіи. Между тѣмъ, изъ донесеній де-Буркене и герцога Монтебелло я узналъ немало любопытныхъ вещей относительно Петербурга и Вѣны. Я не могъ снести молча словъ князя Горчакова о необходимости возстановить въ Константинополѣ положеніе Франціи и Россіи. Политическіе разсчеты, въ которыхъ я не могу быть судьею, заставятъ Францію, быть можетъ, отступиться отъ Востока. Но если мы захотимъ возстановить положеніе Россіи, а это будетъ дѣломъ не легкимъ, то для этого придется прежде всего утратить то положеніе, которое мы завоевали, проливъ столько крови».

Турецкое правительство не выказывало ни малѣйшаго желанія утвердить избраніе князя Кузы, основывая свой отказъ на «нарушеніи конвенціи 7-го (19-го) августа 1858 г.», а между тѣмъ слава, которой пользовался князь Куза въ Княжествахъ, скоро померкла.

Вынужденная бездѣятельность, всевозможныя затрудненія, связанныя съ его двойственной ролью, для выполненія которой средства, коими онъ располагалъ, не удвоились; разочарованіе, которое доставили молдаво-валахамъ, горячо преданнымъ идеѣ о соединеніи, недолговѣчныя постановленія Парижской конференціи, наконецъ, тревожное поло-

женіе Европы, въ которой назрѣвало столкновеніе между Австріей и Франціей, вспыхнувшее въ 1859 г., всѣ эти неблагопріятныя причины ухудшали положеніе вновь избраннаго господаря, но все-же дипломатическаго давленія со стороны семи державъ, подписавшихъ конвенцію, которыя, занятыя своими собственными дѣлами на западѣ, не были расположены вновь ссориться изъ-за восточнаго вопроса,—оказалось достаточно, чтобы султанъ преклонился предъ совершившимся фактомъ.

«Со стороны турецкихъ министровъ,—писалъ Тувенель 8-го (20-го) апрѣля 1859 г.,—было бы большимъ недомысліемъ отвергнуть временное средство, предложенное имъ для устраненія печальнаго положенія, и оставить въ Бухарестѣ и Яссахъ предлогъ къ вооруженному столкновенію между Австріей и Россіей. Рѣшеніями «дивана» должны руководить умѣренность и предусмотрительность; единственная возможная для Порты политика заключается въ томъ, чтобы не допустить участія Востока въ предстоящемъ столкновеніи».

Подъ коллективнымъ давленіемъ державъ, избраніе князя Кузы было, наконецъ, утверждено Портою, но, въ видахъ предупрежденія новаго нарушенія конвенціи 7-го (19-го) августа, она рѣшила обратиться къ державамъ съ нотою, въ которой доказывала, что избраніе Кузы въ обоихъ Княжествахъ не только не согласовалось съ постановленіями конвенціи, но было прямымъ нарушеніемъ этого международнаго акта. Кромѣ того, султанъ потребовалъ, чтобы князь Куза, получивъ фирманъ, явился въ Константинополь съ оффиціальнымъ визитомъ.

Куза, дѣйствительно, побывалъ впослѣдствіи у султана, но во время своего посѣщенія не носилъ, какъ это принято, фески, а ходилъ въ военной фуражкѣ.

Задача державъ, способствовавшихъ возникновенію Румыніи, была окончена.

Въ началѣ 1859 г. вниманіе Европы было отвлечено отъ Востока войною, происходившей между Франціей и Австріей; тѣмъ не менѣе между Россіей и Австріей происходили въ это время тайныя совѣщанія, касавшіяся ихъ взаимныхъ отношеній къ Турціи. Тувенель писалъ по этому поводу Утри 12-го (24-го) іюня 1859 г.:

«Не знаю, сообщилъ-ли князь Лобановъ, такъ заботящійся о возстановленіи положенія Россіи въ Константинополѣ, прочимъ министрамъ о странныхъ предложеніяхъ, которыя были отклонены княземъ Горчаковымъ. Австрія преклонила колѣна передъ Петербургомъ, просила прощенія за свое поведеніе и, если ее благоволятъ выслушать, обѣщала сдѣлать все отъ нея зависящее, чтобы возстановить вліяніе Россіи въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно существовало до войны. Князь Горчаковъ отвѣчалъ дипломатично, что Россія хочетъ только получить свою долю въ концертѣ державъ, установленномъ Парижскимъ трактатомъ

по отношенію къ Турціи, и что она не нуждается въ Австріи для того, чтобы добиться этого. Разрѣшаю вамъ передать этотъ анекдотъ Али-пашѣ, подъ секретомъ, сдѣлавъ исключеніе для султана».

Возвращаясь, по окончаніи своего отпуска, въ Константинополь, французскій посланникъ остановился, по пути, въ Аѳинахъ, для того чтобы преподать отъ имени своего правительства греческому двору «добрые совѣты», по поводу происходившаго въ Греціи патріотическаго движенія, которое было вызвано экономическимъ и финансовымъ разстройствомъ страны и безсиліемъ правительства осуществить національныя желанія народа.

«Ихъ величества приняли меня со своей обычной добротою,—писалъ Тувенель 28-го іюля (9-го августа) 1859 г. французскому министру иностранныхъ дѣлъ. Король Оттонъ счелъ мое присутствіе какъ бы одобреніемъ образа дѣйствій его правительства, во время италіанской кампаніи, которое было ошибочно истолковано нѣкоторыми его подданными въ смыслѣ его симпатій къ Австріи. Королева Амалія выразила въ немногихъ словахъ чувства, одушевлявшія аѳинскій дворъ, во время этой войны. «Императоръ австрійскій нашъ близкій родственникъ, сказала она, и мы не могли радоваться понесеннымъ имъ страшнымъ пораженіямъ, но интересы, поддерживаемые императоромъ Наполеономъ, слишкомъ близки намъ, чтобы насъ не радовали его успѣхи въ Италіи».

«Эти слова дали намъ поводъ перейти къ вѣчно жгучему въ Аѳинахъ вопросу о расширеніи Греціи на счетъ Турціи. Изъ моихъ продолжительныхъ и совершенно конфиденціальныхъ бесѣдъ съ ихъ величествами я вынесъ слѣдующее впечатлѣніе, которое я считаю вполнѣ вѣрнымъ, такъ какъ оно подтвердилось и внѣ дворцовой сферы, въ разговорѣ съ моими старинными знакомыми, съ которыми я сошелся въ Греціи еще въ 1850 году. Греція не отказывается отъ надежды на территоріальное увеличеніе, ея мечта состоитъ по-прежнему въ томъ, чтобы присоединить къ новому королевству тѣ части Турецкой имперіи, въ коихъ преобладаетъ греческій элементъ, не исключая изъ этого Константинополя. По правдѣ сказать, это не политика, это страсть и при томъ страсть наивная и непобѣдимая, которую всякій грекъ всасываетъ съ молокомъ матери и которую онъ уноситъ съ собою въ могилу. Событія 1854 г. [1]) были не болѣе какъ вспышкою этой безумной

---

[1]) Съ самаго начала осложненій, которыя привели къ Крымской кампаніи, Греція, не взирая на энергичныя представленія со стороны Англіи и Франціи, примкнула къ политикѣ Николая I, и король Оттонъ, поощряемый своею супругою, увлекшись честолюбивыми мечтами о возстановленіи греческой имперіи, двинулъ въ Ѳессалію и Эпиръ недисциплинированныя шайки, которыя начали на югѣ Турецкой имперіи непріятельскія дѣйствія противъ султана. Столкновеніе Греціи съ Турціей продолжалось съ перерывами во

мечты; всѣ, начиная съ короля и королевы, убѣждены, что Грецiя навсегда погубила бы цѣль, къ которой она стремится, если бы она попыталась достигнуть ея одна, безъ посторонней помощи. Греки поняли, что безъ насъ имъ ничего не добиться, и они разчитываютъ впредь на нашу помощь. Строгiй отзывъ великаго князя Константина Николаевича разсѣялъ многiя иллюзiи, и хотя мнѣ говорили, съ нѣкоторымъ озлобленiемъ, «что Россiя проповѣдуетъ умѣренный образъ дѣйствiй, потому, что она сама вынуждена держаться его въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ въ дѣлахъ Востока», но въ настоящее время ни одинъ благомыслящiй человѣкъ не думаетъ, что если бы Грецiя вздумала начать войну съ Турцiей, то это заставило бы Европу вступиться за нее. Такимъ образомъ, греки полагаютъ, что для осуществленiя ихъ надеждъ надобно выждать время и тѣхъ осложненiй, театромъ которыхъ, какъ полагаютъ, рано или поздно сдѣлается Балканскiй полуостровъ.

«Король Оттонъ говорилъ съ грустью о состоянiи Германiи, о царствующей въ ней неурядицѣ и объ обострившемся болѣе, чѣмъ когда-либо, соперничествѣ Австрiи и Пруссiи».

Изъ Аѳинъ Тувенель отправился, по приглашенiю султана для свиданiя съ нимъ, на островъ Хiосъ, такъ какъ Абдулъ-Меджидъ совершалъ въ то время экскурсiю по островамъ Эгейскаго моря.

«Я узналъ въ Аѳинахъ,—писалъ Тувенель,—что султанъ долженъ былъ находиться 21-го iюля (2-го августа) на островѣ Хiосѣ или на Митиленѣ. Сераскиръ Риза-паша сообщилъ мнѣ, что султанъ хотѣлъ бы встрѣтиться со мною въ морѣ; поэтому я предложилъ командиру «Аяччiо» пройти по проливу, раздѣляющему эти два острова. Прибывъ въ Хiосскую гавань, я, дѣйствительно, засталъ тамъ турецкую эскадру, но султана тамъ не было. Высадившись въ одиннадцать часовъ утра, его величество только проѣхалъ черезъ городъ, гдѣ населенiе встрѣтило его безъ особеннаго энтузiазма, и отправился въ кiоскъ, отстоящiй приблизительно въ трехъ миляхъ отъ берега. Я хотѣлъ проѣхать туда, но губернаторъ Хiоса заявилъ мнѣ, что свита султана забрала всѣхъ верховыхъ лошадей, и что даже у него самого взяли двѣ лошади. Поэтому я написалъ сераскиру, прося его выразить его величеству мое искренное сожалѣнiе по поводу того, что я не могъ добраться до него и продолжалъ свой путь. На слѣдующее утро султанъ уѣхалъ изъ Хiоса, и по возвращенiи въ Константинополь, 24-го (5-го августа), первою его заботою было послать ко мнѣ своего секретаря, которому велѣно было передать мнѣ, что онъ очень тронутъ моимъ вниманiемъ и

все продолженiе Крымской кампанiи, но слабое эхо этихъ военныхъ дѣйствiй было заглушено пушечными выстрѣлами, раздававшимися съ Крымскаго полуострова.

огорченъ по поводу того, что мнѣ не удалось видѣть его. Я поспѣшилъ испросить аудіенцію, во время которой его величество еще разъ выразилъ мнѣ свое сожалѣніе, любезно освѣдомился о здоровьи императора и императрицы и выразилъ свое удовольствіе по поводу возстановленія мира между двумя союзными Турціи державами. Съ султаномъ разговоръ о политикѣ никогда не бываетъ продолжителенъ, такъ какъ послѣднее время онъ сталъ уклоняться отъ подобнаго рода разговоровъ.

«Я успѣлъ, однако, высказать, что предвѣстники славной войны, столь быстро и побѣдоносно оконченной императоромъ въ Италіи, давали себя знать въ Константинополѣ, въ тѣхъ событіяхъ, во время которыхъ Порта болѣе руководствовалась страстными совѣтами Австріи, нежели своими собственными интересами. Я присовокупилъ, что было бы желательно, чтобы этотъ примѣръ не пропалъ даромъ для совѣтниковъ султана, и выразилъ надежду, что они будутъ руководствоваться впредь въ своихъ сношеніяхъ съ Франціей тѣми чувствами, коими одушевленъ къ этой державѣ ихъ монархъ, не поддаваясь внушеніямъ иныхъ державъ».

Побѣдоносное окончаніе Наполеономъ III италіанской кампаніи произвело въ Константинополѣ на всѣхъ столь сильное впечатлѣніе, что по пріѣздѣ французскаго посланника всѣ «поспѣшили привѣтствовать его, и поспѣшнѣе другихъ явился къ нему сэръ Генри Бульверъ, хотя онъ еще не вполнѣ оправился отъ послѣдствій своего паденія. «Князь Лобановъ,—писалъ Тувенель 29-го іюля (10-го августа) 1859 г., сообщая Бенедетти свои константинопольскія впечатлѣнія,—по моему мнѣнію, очень охладѣлъ къ туркамъ. Несчастный баронъ Прокешъ былъ со мною торжественъ и нѣженъ. У турокъ такое выраженіе, какъ будто совѣсть у нихъ нечиста. Капитанъ-паша Мехметъ-Али былъ единственный изъ министровъ, не приславшій, какъ это принято, привѣтствовать меня. Его поведеніе по отношенію къ намъ во время италіанской кампаніи заслуживаетъ полнаго порицанія.

«Впрочемъ, вы увидите, что я поддерживаю «дружеское согласіе» съ сэромъ Генри Бульверомъ, и мы по-прежнему дѣйствуемъ сообща, но это нисколько не вредитъ моимъ отношеніямъ къ князю Лобанову. Не знаю, какъ долго продлится это затишье, но я постараюсь, со своей стороны, ничѣмъ не нарушить его.

«Что касается внѣшнихъ свѣдѣній, то князь Лобановъ устроился великолѣпно. Ему сообщаютъ по телеграфу изъ Парижа, Лондона, Берлина и Вѣны всѣ депеши, представляющія какой-либо интересъ, и я обязанъ ему сообщеніемъ частнаго письма, въ коемъ лордъ Коулей даетъ лорду Джону-Русселю отчетъ о своемъ первомъ разговорѣ съ императоромъ, по возвращеніи его величества изъ Италіи. Лордъ Джонъ-Руссель далъ прочитать это письмо Бруннову, который обладаетъ изумительной па

мятью. Я не предполагалъ, чтобы между Лондономъ и Петербургомъ существовала подобнаго рода откровенность. Я невольно вспомнилъ пословицу о «двухъ стульяхъ» и отъ души желаю, чтобы она не оправдалась со временемъ... относительно Австріи. Не шутя, мнѣ было бы весьма полезно знать въ точности, каковы наши отношенія къ великимъ державамъ. Среди турокъ преобладаетъ убѣжденіе, что русскіе нѣсколько охладѣли къ намъ, и что въ то же время мы не выиграли въ расположеніи англичанъ».

Нѣсколько дней спустя, новая невѣжливость, оказанная Тувенелю капитанъ-пашою, дала французскому посланнику поводъ потребовать и добиться удовлетворенія, что не мало усилило въ глазахъ мусульманскаго населенія обаяніе французскаго имени.

«Тезоименитство императора,—писалъ Тувенель 4-го (16-го) августа,—было отпраздновано вчера, въ Перѣ, при большомъ стеченіи публики. Я присутствовалъ съ личнымъ составомъ посольства и со всѣми сановитыми лицами французской колоніи на молебствіи, отслуженномъ въ церкви св. Людовика, послѣ чего мои коллеги были у меня съ поздравленіемъ. Ко мнѣ пріѣхали также секретарь султана и первый драгоманъ «дивана», которые поздравили меня отъ имени его величества и Блистательной Порты. Поблагодаривъ этихъ сановниковъ, я сказалъ имъ, что я не могу не обратить ихъ вниманіе на невѣжливый поступокъ, который, я вполнѣ увѣренъ, будетъ весьма непріятенъ султану и его правительству. Турецкій бригъ, стаціонирующій при входѣ въ Золотой-Рогъ, не расцвѣтился флагами и не салютовалъ въ полдень французскому флагу. При этихъ словахъ на лицѣ Эминъ-бея и Арифъ-бея отразилось сильное волненіе; я присовокупилъ, что еще въ Хіосѣ я замѣтилъ невѣжливость турецкаго флота. Въ гавани стояло пять военныхъ судовъ, и ни одно изъ нихъ не спустило шлюпки, чтобы предложить свои услуги «Аяччіо». Фактъ, на который я жалуюсь сегодня, сказалъ я, не можетъ быть объясненъ невѣдѣніемъ, такъ какъ всѣ французскія и иностранныя суда, стоявшія на рейдѣ, присоединились къ демонстраціи стаціонера нашего посольства, и я желалъ бы поэтому, чтобы о неудовольствіи, заявленномъ мною, было немедленно доведено до свѣдѣнія великаго визиря и самого султана. Эминъ-бей и Арифъ-бей отправились исполнить мое порученіе. Между тѣмъ, какъ оказалось, великій визирь Али-паша, проѣзжая по Золотому-Рогу и замѣтивъ отсутствіе флага на турецкомъ бригѣ, приказалъ поднять его. Послѣ чего, командиръ этого судна послалъ сказать командиру «Аяччіо», что французскому флагу будетъ отдана честь; салютъ былъ, дѣйствительно, произведенъ въ тотъ моментъ, когда стаціонеръ поднималъ якорь, чтобы отвезти меня въ Терапію. Вскорѣ, послѣ этого, мы замѣтили одно гребное судно арсенала, на которомъ команда усиленно работала веслами, чтобы

нагнать насъ. На немъ ѣхали контръ-адмиралъ и переводчикъ. «Аяччіо» остановилъ машину, и въ то время, какъ посланные поднимались по трапу, я попросилъ перваго драгомана нашего посольства сказать имъ, что, если капитанъ-паша, какъ можно судить по сдѣланному имъ шагу, считаетъ себя виновнымъ относительно императора, то представитель его величества только изъ его устъ можетъ выслушать извиненіе по этому поводу.

«Едва успѣлъ я прибыть въ Терапію, какъ туда явились секретарь султана и первый драгоманъ турецкаго правительства съ заявленіемъ, что они весьма огорчены случившимся по утру и просятъ меня не считать султана или великаго визиря отвѣтственными «за забывчивость, по поводу которой будетъ произведено строжайшее слѣдствіе». Сегодня, утромъ, Али-паша сказалъ мнѣ, что капитанъ-паша обязанъ сдѣлать мнѣ визитъ, чтобы загладить справедливое неудовольствіе посольства».

«Капитанъ-паша Мехметъ-Али [1]), которому великій визирь и его коллеги высказали свое порицаніе, рѣшился, наконецъ, посѣтить меня и выразить мнѣ свое сожалѣніе за причиненное неудовольствіе. Чѣмъ обиднѣе былъ этотъ шагъ для его самолюбія, тѣмъ болѣе мнѣ казалось необходимымъ настоять на немъ. Несмотря на всѣ увѣренія Мехметъ-Али, я сомнѣваюсь, чтобы его можно было считать, какъ онъ о томъ проситъ, въ числѣ друзей французскаго посольства, но, по крайней мѣрѣ, онъ остережется впредь становиться открыто въ число нашихъ противниковъ».

Въ описываемое время вниманіе дипломатіи снова было обращено на Константинополь однимъ событіемъ, которое могло имѣть самыя серьезныя послѣдствія. Въ турецкой столицѣ былъ открытъ обширный заговоръ противъ султана, вызванный безпорядками управленія и разстройствомъ финансовъ.

«Я сдѣлалъ доброе дѣло, за которое ты, вѣроятно, похвалишь меня,— писалъ Тувенель своей супругѣ, сообщая ей объ этомъ событіи. Я спасъ жизнь Гуссейнъ-пашѣ и Ахметъ-эфенди,—двухъ главныхъ участниковъ заговора; они были приговорены къ смертной казни; султанъ утвердилъ приговоръ. Я не зналъ этихъ несчастныхъ лично, но мнѣ показалось возмутительнымъ, чтобы они были обезглавлены, когда въ числѣ ихъ судей были такіе мошенники, какъ капитанъ-паша Мехметъ-Али и ему подобные люди, и я формально просилъ объ ихъ помилованіи, на что султанъ изъявилъ свое согласіе.

«Можно было предполагать, что заговоръ выведетъ турокъ изъ

---

[1]) Мехметъ-Али былъ зять султана, женатый на его сестрѣ.

свойственной имъ апатіи, но они снова погрузились въ нее и продолжаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало, коснѣть въ своихъ порокахъ.

«Прошлое воскресенье я былъ свидѣтелемъ прелюбопытнаго зрѣлища. Въ Санъ-Стефано праздновалось двойное бракосочетаніе въ семействѣ барутчи-баши (директоръ пороховыхъ заводовъ). Недаромъ говорятъ, что этотъ прекрасный человѣкъ фабрикуетъ не порохъ, а золотой порошокъ. Я нигдѣ не видалъ подобной роскоши. Въ числѣ приглашенныхъ было около тридцати полунагихъ армянокъ, единственное одѣяніе которыхъ составляли брилліанты.

«Различныя церемоніи начались въ три часа по полудни и окончились въ два часа ночи. Старшая дочь, бракосочетаніе которой совершилось въ пять часовъ вечера, присутствовала уже вполнѣ «дамой» на бракосочетаніи своей сестры, которое совершилось въ часъ ночи. Это была какая-то смѣсь религіозныхъ обрядовъ и балета, такъ какъ дирижеръ оркестра и патріархъ смѣняли непрерывно другъ друга въ однихъ и тѣхъ же покояхъ.

«Я думаю, что баручи-баши истратилъ на это торжество не менѣе шестидесяти тысячъ франковъ, которые неистощимая казна Блистательной Порты возмѣститъ ему при первой же доставкѣ пороха».

Въ заключеніе приведемъ еще одну выдержку изъ письма Тувенеля къ Бенедетти, въ которомъ этотъ превосходный знатокъ Востока рисуетъ яркими красками положеніе Турціи въ половинѣ прошлаго столѣтія.

«По возвращеніи изъ Франціи,—писалъ онъ,—я нашелъ Турцію одряхлѣвшею и ослабленною. Турки, которые видятъ, что ихъ казна истощена, начинаютъ волноваться, и я присутствую при грустномъ зрѣлищѣ кающагося грѣшника, при его послѣднемъ издыханіи. Но на Востокѣ мертвые не сразу исчезаютъ съ лица земли, и Турецкая имперія, какъ набитое чучело, можетъ еще простоять извѣстное число лѣтъ. Одни обвиняютъ султана, другіе великаго визиря. Дѣло въ томъ, что все приходитъ въ ветхость, и ничто не исправляется. Недавно здѣсь произошелъ большой переполохъ, по поводу обнаруженнаго обширнаго заговора, который угрожалъ жизни и власти султана,—двѣ вещи, между нами будь сказано, одинаково не заслуживающія уваженія.

«Европейскія газеты обвиняютъ во всемъ старо-турецкую партію и произносятъ свои обычныя филиппики противъ улемовъ. Дѣло въ томъ, что фанатизмъ неповиненъ въ тѣхъ грѣхахъ, которые ему приписываютъ. Неудавшійся заговоръ имѣлъ цѣлью единственно отдѣлаться отъ чудовищнаго правительства. У Турціи много недуговъ, но изъ нихъ главный, угрожающій ея жизни—это султанъ. Правда, что, коль скоро мусульмане начинаютъ составлять заговоры, значитъ, дѣло серьезно. Въ этой странѣ народное возстаніе превзойдетъ все, что мы видѣли въ

другихъ странахъ, а оно, несомнѣнно, вспыхнетъ со временемъ, ежели Европа не побоится тѣхъ безчисленныхъ осложненій, которыя это можетъ повлечь за собою, и не приметъ энергичныхъ мѣръ къ тому, чтобы заставить Порту преобразовать свое внутреннее управленіе, хотя бы для этого пришлось взять ее подъ опеку великихъ державъ.

«Я всегда стараюсь внушить турецкимъ министрамъ бодрость и смѣлость, а вамъ извѣстно, какъ это легко. Вообще, я не думаю, чтобы можно было, вопреки всѣмъ законамъ логики и исторіи, долгое время поддерживать существованіе этой страны, каковы бы ни были потрясенія, которыя ея паденіе вызоветъ въ Европѣ.

«Съ другой стороны, я согласенъ съ тѣмъ, что пока буря не разразилась, дипломатіи ничего не остается, какъ класть заплаты на существующія прорѣхи, и если мнѣ придется заниматься этимъ дѣломъ, то я не стану роптать. Я дѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы Блистательная Порта не испустила дыханіе въ моихъ объятіяхъ. Тотъ, кто не былъ красавцемъ при жизни, въ гробу будетъ еще хуже; и я надѣюсь, что я буду избавленъ отъ этого зрѣлища.

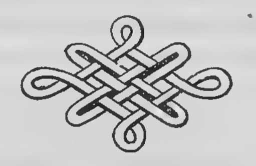
«Къ сожалѣнію, политическій курсъ такъ измѣнчивъ и свѣтъ, исходящій изъ центра, достигаетъ Константинополя столь тусклымъ и померкшимъ, что трудно знать, чего хотятъ и къ чему стремятся. Какъ бы то ни было, затрудненій накопляется множество; въ одномъ Придунайскомъ бассейнѣ нарождаются такіе вопросы, для рѣшенія которыхъ не достаточно одной, хотя бы самой горячей, любви къ миролюбію и согласію.

Тамъ находится самая сущность Восточнаго вопроса, это понимаютъ въ Петербургѣ такъ же точно, какъ въ Вѣнѣ, и мало-по-малу всѣ начинаютъ понимать это. Шутка о «цѣлости и неприкосновенности» Турецкой имперіи получаетъ уже свое истинное значеніе. Други и недруги одинаково способствовали этому. Европѣ угрожаетъ большая опасность, съ которой придется считаться. Всѣмъ извѣстно, что означаетъ возрожденіе, совершаемое при помощи мусульманъ, но стоитъ побывать въ Греціи, Черногоріи, Сербіи, Молдавіи и Валахіи, не считая Фанара, чтобы разочароваться въ своихъ иллюзіяхъ относительно возможности возродить Востокъ при помощи христіанъ. Востокъ въ 1859, точно такъ же, какъ въ 1453 г., представляетъ собой однѣ развалины національностей и религій. Гдѣ средство противъ этого? Въ дружномъ союзѣ, съ цѣлью продлить существованіе Турціи, улучшивъ ея внутреннія условія, или въ столь же энергичной войнѣ, которая приведетъ къ завоеванію или къ раздѣлу. Весьма вѣроятно, что этотъ вопросъ будетъ обсуждаться съ обѣихъ точекъ зрѣнія.

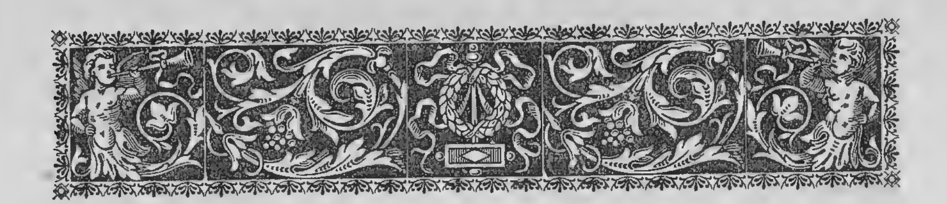
«Султанъ вполнѣ здоровъ. Въ кофейняхъ уже читали ему отходную, и если онъ слышалъ кое-какіе образчики народнаго краснорѣчія, то

ему должно быть извѣстно, что онъ упустилъ прекрасный случай сдѣлать удовольствіе своимъ подданнымъ. Повѣрьте, я не только не преувеличиваю впечатлѣній, произведенныхъ на меня по возвращеніи въ Константинополь, я скорѣе выражаюсь очень сдержанно и въ доказательство приведу еще одинъ примѣръ того, какъ поступаетъ султанъ. Съ недѣлю тому назадъ ему представили проектъ ирадэ, коимъ министру финансовъ разрѣшалось заключить разорительный заемъ, для уплаты процентовъ по государственному долгу. Его величество подписалъ его, не говоря ни слова, и тотчасъ же послалъ Портѣ приказаніе доставить ему сорокъ милліоновъ піастровъ для покупки земли, на которой происходили въ прошломъ году празднества по случаю бракосочетанія султаншъ. Но вотъ что еще лучше: султанъ пожаловалъ 500 тысячъ піастровъ Константину Каратеодори (Carathéodori) въ награду за прописанныя имъ его величеству нѣсколько граммъ хинина, и предоставилъ ему право избрать, гдѣ онъ пожелаетъ, землю для постройки дома, стоимостью до двухъ милліоновъ піастровъ. Кромѣ того, въ саламлыкѣ [1]) и въ гаремѣ выставлены двѣ корзины, въ которыя служащимъ въ Портѣ и ихъ женамъ предлагается класть подарки, предназначенные для спасителя жизни его величества.

«Я былъ на-дняхъ въ Скутари у главы воющихъ дервишей, красиваго старика 85 лѣтъ. Чтобы оказать мнѣ честь, онъ хотѣлъ, чтобы его слуга зарѣзалъ себя ударомъ кинжала, и мнѣ едва удалось отклонить эту любезность. У насъ зашелъ разговоръ о положеніи Турціи, и вотъ дословно мнѣніе, высказанное дервишемъ: «Если это конецъ міра, какъ можно думать, то все обойдется само собою. Если же это не конецъ міра, то все пойдетъ хуже и хуже». Къ этому нечего прибавить».

[1]) Часть дома, предоставленная у мусульманъ для мужчинъ.

Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго [1]).

X. Письма С. П. Шевырева.

(Въ январѣ 1837 г.).

Мельгуновъ [2]), уѣзжая отсюда, оставилъ мнѣ связку для Глинки [3]), которую Глинка и взялъ отъ меня проѣздомъ черезъ Москву. Сдѣлай милость, напомни объ этомъ Глинкѣ. У меня нѣтъ ни досокъ, ни нотъ [4]). Я еще напишу объ этомъ Мельгунову. Что было въ связкѣ, я не знаю, но думаю, что ноты и доски.

Ладьте дѣло съ Плюшаромъ [5]), но не выпускайте «Наблюдателя» изъ нашихъ рукъ. Здѣсь издавать невозможно: цензура здѣшняя какъ будто съ ума сошла, особенно послѣ глупой статьи въ «Телескопѣ» [6]). Она

---

[1]) См. „Русскую Старину", апрѣль 1904 года.

[2]) См. выше, стр. 196, прим. 3-е. Н. А. Мельгуновъ уѣхалъ за-границу въ маѣ 1835 г. и вернулся въ Россію въ сентябрѣ 1837 года (см. А. И. Кирпичниковъ, „Между славянофилами и западниками" („Русская Старина" 1898 г., т. 96, стр. 319 и 322).

[3]) Для композитора М. И. Глинки, съ которымъ Мельгуновъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

[4]) „Глинка тебя проситъ,—писалъ князь Одоевскій Шевыреву 30-го декабря 1836 года,—выслать къ нему въ Петербургъ (хоть на мое имя) доски 4-го № его романсовъ (въ которыхъ: Только узналъ я тебя и Побѣдитель) или же 200 экземпляровъ сего №, если есть готовые" (это письмо кн. Одоевскаго къ Шевыреву находится въ бумагахъ послѣдняго, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ).

[5]) Относительно предполагавшагося перевода „Московскаго Наблюдателя" изъ Москвы въ Петербургъ см. „Русскую Старину" 1904 г., мартъ, стр. 170.

[6]) Извѣстнаго „Философическаго письма" П. Я. Чаадаева, за которое „Телескопъ" подвергся запрещенію.

ужь все мараетъ. Видно хочетъ «Наблюдателя» уморить сухоткой. Я не понимаю, зачѣмъ эта московская цензура существуетъ. Съ одной стороны пропускаетъ такія статьи, какъ эта извѣстная; съ другой притѣсняетъ всю московскую литературу. Отъ нея ни пользы, ни охраненія автору, потому что за ней же самъ смотри, а то ушибется и ушибетъ. Только стоитъ денегъ правительству, а прибыли отъ нея нѣтъ.

Но вы, петербургцы (или по-твоему петербуржцы), рады обвинять насъ на каждой строкѣ и, указывая на нее, кричать громко: «Вотъ она! вотъ она!» Ужь много мы слышали и даже читали объ этой строкѣ «Наблюдателя» [1]), на которой хотѣли основать грозный приговоръ ему, призвавши въ обвинители Адама [2]), но насъ спасъ прекрасный Іосифъ Сенковскій [3]). У насъ строка (Богъ знаетъ какъ прошла между ногъ у Перевощик(ова) [4]): ты знаешь, онъ въ родѣ Полифема), а въ «Библіотекѣ» цѣлая страница о томъ же, у васъ подъ носомъ, да вы не видите, не кричите. Зри статью: «Гизо какъ историкъ» [5]). То-то и есть: своихъ бережете. У васъ спускаютъ; у васъ, напримѣръ, привилегія бранить и ругать все и всѣхъ въ русской литературѣ, издѣваться надъ лицами и книгами, а у насъ ничего дурнаго не позволяется сказать ни о Сенковскомъ, ни о Полевомъ, какъ будто бы это люди заживо святые. Попробуй, скажи, тотчасъ бумага отъ У. [6]): «Въ журналахъ московскихъ замѣчается страсть къ полемикѣ». Это пишутъ изъ Петербурга, гдѣ издается «Библіотека для Чтенія» и гдѣ съ адмиралтейскаго шпица на всю Россію ругается Сенковскій. Такъ издавайте же вы и дѣлайте, что можете. Мы рады помогать вамъ отсюда и будемъ усердны. Я много занятъ въ университетѣ. Теперь, кромѣ двухъ

---

[1]) Въ статьѣ «Слѣды допотопныхъ птицъ» («Московскій Наблюдатель» 1836 г., ч. VIII, Смѣсь, стр. 253).

[2]) „Сами вы, господа,—писалъ князь В. Ѳ. Одоевскій Шевыреву 30-го декабря 1836 года,—тиснули недавно, что человѣчество не происходитъ отъ Адама. Какъ вамъ не бросилось это въ глаза? Продавайте „Наблюдателя“ Плюшару; вотъ все, что вамъ остается дѣлать“ (см. выдержку изъ этого письма, напечатанную въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г., книга вторая, стр. 58).

[3]) О. И. Сенковскій, редакторъ «Библіотеки для Чтенія».

[4]) Дмитрій Матвѣевичъ (р. 1788 † 1880), профессоръ астрономіи Московскаго университета и цензоръ Московскаго цензурнаго комитета; отъ послѣдней должности онъ былъ уволенъ 11-го іюля 1837 года (см. «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Московск. Университета», т. II, стр. 212).

[5]) Статья «Гизо, какъ историкъ» помѣщена въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1836 года, томъ XVI, Науки и художества, стр. 1—40. Въ этой статьѣ страница 5-я посвящена разсужденіямъ о происхожденіи человѣка.

[6]) Уварова, Сергѣя Семеновича, министра народнаго просвѣщенія.

курсовъ, у меня на плечахъ докторская диссертація, которую по милости моего Эвристея [1]) долженъ въ 28 дней докончить [2]). Ни книга моя [3]), ни прежнія диссертаціи [4]), ни три года лекцій [5]), читанныхъ честно, ни рекомендація всего университета [6]), ничто не избавило меня отъ правила общаго для всѣхъ, т. е. и тѣхъ, которые пера въ руки никогда не брали: писать еще диссертацію. Прощай. Поклонись Краевскому.

Твой Шевыревъ.

2.

19 апрѣля (1837).

Статья, тобою присланная, напечатана въ 31 № «Московскихъ Вѣдомостей», 17 апрѣля [7]), слѣдовательно, до праздника. Въ середу напечатать было нельзя, потому что письмо получено мною во вторникъ. Но дѣло въ томъ, что о книгѣ-то нѣтъ объявленія. Если бы съ тѣмъ вмѣстѣ объявили книгопродавцы, то дѣло вышло бы полезное для кармана неизвѣстной госпожи. Въ «Наблюдателѣ» объ ней будетъ сказано, когда увидимъ книгу [8]).

Благодарю тебя за ласковое слово о моей книгѣ [9]). Но дѣло-то въ

---

[1]) Т. е. министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова, при которомъ въ 1836 году былъ введенъ новый университетскій уставъ. Этотъ уставъ требовалъ, чтобы каждый профессоръ непремѣнно имѣлъ ученую степень; Шевыревъ же таковой степени не имѣлъ.

[2]) Докторскую диссертацію «Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ» (Москва. 1836) Шевыревъ защитилъ 7-го января 1837 года (см. «Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Московскаго университета», т. II, стр. 615).

[3]) Исторія поэзіи, т. I (Москва. 1835).

[4]) Т. е. «Дантъ и его вѣкъ» (напеч. въ «Ученыхъ Запискахъ Московск. университета» 1833 и 1834 гг.).

[5]) Шевыревъ читалъ лекціи въ университетѣ, въ качествѣ адъюнкта, съ 15-го января 1834 г.

[6]) До введенія новаго устава 1836 г. совѣтъ Московскаго университета выбралъ Шевырева ординарнымъ профессоромъ, но, несмотря на неоднократныя представленія попечителя, онъ не былъ утвержденъ министромъ («Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета», т. II, стр. 615).

[7]) Въ этомъ №, стр. 216, напечатана замѣтка (безъ подписи) о выходѣ въ свѣтъ книги для дѣтей: «Разсказы Американца Парлея о Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ» (Спб. 1837). «Рекомендуемъ эту книгу родителямъ и наставникамъ, какъ лучшій подарокъ для дѣтей ихъ,—говорилось въ замѣткѣ.— Русскій переводъ сдѣланъ съ Англійскаго одною почтенною дамою, привыкшею разговаривать съ дѣтьми ихъ собственнымъ языкомъ».

[8]) Въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1837 г. нѣтъ упоминанія объ этой книгѣ.

[9]) О докторской диссертаціи Шевырева «Теорія поэзіи».

томъ, что я до сихъ поръ еще не профессоръ [1]): видно, ученическія диссертаціи болѣе заслужили чести. Извини меня, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на твои письма: несмотря на то, порученія твои я всѣ исполнялъ исправно, какъ видишь, кромѣ одного: о стихахъ для «Литературныхъ Прибавленій» [2]).

А—а? Такъ-то хотѣлъ я къ тебѣ начать письмо мое въ отвѣтъ на твои жалобы. Теперь вошли въ наше тѣло. Ты просишь у насъ стиховъ, статеекъ. Нищій у нищаго проситъ милостыни. Сами голодны, сами кой-какъ питаемся. Но дай срокъ, дай мнѣ удосужиться лѣтомъ, — и я свой оброкъ пришлю, съ условіемъ, чтобъ мнѣ дали экземпляръ «Прибавленій» [3]).—Поэты наши всѣ молчатъ. Хомяковъ [4]) недавно произвелъ сына, а стихопроизводительная сила въ немъ изсякаетъ. Языковъ въ Симбирскѣ и вѣсти не подаетъ. Баратынскій написалъ славную вещь: «Осень», но я не знаю, для чего онъ ее назначаетъ [5]). Знаю только, что она будетъ прочтена публично въ засѣданіи Общества любителей русской словесности. Павловъ [6]) располагаетъ думать о томъ, какъ бы собраться написать маленькую повѣсть; но когда кончитъ располагать думать, соберется и напишетъ—не вѣдаю. Вотъ дѣятельность нашихъ литераторовъ. Я пишу статью о Пушкинѣ, или, лучше, собираюсь писать; но она будетъ прочтена въ Обществѣ. Впрочемъ, я давно бы написалъ, но насъ все пугали здѣсь, и цензура не позволяла заикаться о немъ до тѣхъ поръ, пока «Библіотека» своею пошлою статьею не дала позволенія. Грустно и больно!

Прежде надо, чтобы Полевой прогнусилъ о Пушкинѣ и навалилъ

---

[1]) Экстраординарнымъ профессоромъ Шевыревъ былъ утвержденъ 26-го мая 1837 года (см. «Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей Московск. университета», т. II, стр. 615).

[2]) Редакторомъ «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду» былъ А. А. Краевскій, но князь В. Ѳ. Одоевскій принималъ въ нихъ самое дѣятельное участіе.

[3]) Въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1837 года нѣтъ стиховъ Шевырева.

[4]) Алексѣй Степановичъ Хомяковъ въ 1836 г. женился на сестрѣ поэта Языкова, Екатеринѣ Михайловнѣ Языковой.

[5]) Баратынскій напечаталъ ее въ «Современникѣ» 1837 года, т. V, стр. 279—286. «Извѣстіе о смерти Пушкина,—писалъ Баратынскій князю П. А. Вяземскому,—застало и меня на послѣднихъ строфахъ этого стихотворенія» (см. «Старина и Новизна», книга пятая (Спб. 1902), стр. 54).

[6]) Николай Филипповичъ.

кучу пошлостей и нелѣпостей въ «Библіотекѣ» [1]), а тогда ужь нашъ чередъ.

Итакъ въ маіѣ ждите отъ меня статеекъ, но не прежде.

Прощай. Твой Шевыревъ.

3.

Москва, 30-го маія 1838 г.

Передъ тобою Милькѣевъ, молодой человѣкъ съ замѣчательнымъ поэтическимъ дарованіемъ, открытый Жуковскимъ въ Тобольскѣ [2]). Онъ былъ у насъ въ Москвѣ съ тѣмъ, чтобы найти мѣсто въ службѣ и начать ученіе [3]), потому что онъ никогда ничему не учился. Но любовь его къ старой матери, которую онъ оставилъ въ Тобольскѣ, влечетъ его опять туда. Спроси у него его записку о немъ самомъ, написанную для Жуковскаго [4]), и въ стихахъ его прочти піесы: Молитва, Гроза, Свѣтъ и Мракъ, Мигъ, Монахъ, Сибирскіе клады, Элегія, Избранному, Муза, Пѣсня и нѣкоторыя другія. По этимъ піесамъ ты лучше узнаешь Милькѣева, нежели по разговору, особенно на первый разъ. Если Жуковскій позволитъ, напечатайте нѣкоторыя его стихотворенія въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» [5]). Это придастъ ему сознаніе силъ, а онъ въ этомъ нуждается. Стихи же его гораздо лучше Тимоѳеевскихъ [6]), Бернетовскихъ [7]) и прочихъ, которыми вы затыкаете щели вашей газеты.

Что наши книги? Скоро-ли послѣдуетъ освобожденіе ихъ изъ цензурнаго плѣна? Мельгуновъ недавно послалъ къ вамъ отповѣдь Бул-

---

[1]) Статья Н. А. Полеваго «Пушкинъ» напечатана въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1837 г., т. XXI, Проза, стр. 181—198.

[2]) Съ Евгеніемъ Лукичемъ Милькѣевымъ Жуковскій познакомился въ Тобольскѣ въ 1837 году, во время путешествія съ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ (см. «Дневники В. А. Жуковскаго», Спб. 1903, стр. 320).

[3]) Жуковскій же рекомендовалъ въ 1838 году Милькѣева Шевыреву (см. „Русскую Старину“ 1901 года, іюль, стр. 98).

[4]) Эту записку Жуковскій напечаталъ въ „Современникѣ“ 1838 года, т. XII, стр. 12—20.

[5]) Въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“ 1838 г. не было помѣщено стиховъ Милькѣева. Его стихотворенія вышли потомъ отдѣльною книжкою въ Москвѣ въ 1843 году.

[6]) Поэтъ Алексѣй Васильевичъ Тимоѳеевъ (р. 1812 † 1883).

[7]) Поэтъ Александръ Кирилловичъ Жуковскій (писавшій подъ псевдонимомъ Е. Бернетъ) (р. 1810 † 1864).

*

гарину [1]) и Свиданіе съ Шеллингомъ [2]). Я тоже собираюсь явиться къ вамъ со статьею, а въ маѣ явлюсь и самъ, если планы сбудутся.

Прощай. Христосъ воскресе!

Твой Шевыревъ.

Рифо̀ [3]) я пристроилъ къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» [4]). Вы, петербуржцы, не умѣли оцѣнить Оле-Буля [5]). Одинъ только Булгаринъ сыскался [6])—стыдно вамъ!..

4.

Москва, 21-го ноября 1840 г.

Рекомендую тебѣ, любезный другъ, итальянскаго импровизатора, г-на Джустиніани [7]), который три раза восхищалъ насъ и теперь ѣдетъ

[1]) Возраженіе Булгарину на его статью по поводу извѣстной книги Кёнига „Litterarische Bilder aus Russland“, написанной на основаніи устныхъ сообщеній Мельгунова. Мельгунову не удалось помѣстить въ газетахъ своихъ возраженій, и въ 1839 г. онъ издалъ ихъ особою брошюрою подъ заглавіемъ „Исторія одной книги“, приложенною къ № 4 „Отечественныхъ Записокъ“ (см. „Русскую Старину“ 1898 г., т. 96, стр. 325—328).

[2]) Статья „Шеллингъ. (Изъ путевыхъ записокъ)“ напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 года, т. III, Науки, стр. 112—128.

[3]) Рифо̀ (J. J. Rifaud), французскій ученый путешественникъ по Египту. Въ 1838 году онъ посѣтилъ Москву. „Это письмо доставитъ къ тебѣ г. Рифо— писалъ кн. Одоевскій Шевыреву, — человѣкъ очень интересный, прожившій лѣтъ двадцать въ Египтѣ, рывшійся въ пирамидахъ, вокругъ пирамидъ и едва-ли не на ихъ верхушкахъ... Кстати возьми у него изъ его книги о Египтѣ статью для своего журнала (т. е. „Московскаго Наблюдателя“): это ему будетъ пріятно, потому что огласитъ болѣе то изданіе, которое онъ предпринялъ“ (письмо безъ даты; см. „Русскій Архивъ“ 1878 года, книга вторая, стр. 55—56).

[4]) Въ № 29 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1838 года, отъ 9-го апрѣля, стр. 235—236, помѣщено, въ русскомъ переводѣ, „Мнѣніе члена Французскаго Института Кузеня де Персеваля, представленное имъ Парижскому Географическому Обществу о книгѣ г. Рифо̀ „Tableau de l'Egypte, de la Nubie et des lieux circonvoisins, ou Itinéraire à l'usage des voyageurs qui visitent ces contrées, par M. J. J. Rifaud, de Marseille“.

[5]) Ole Bull (р. 1810 † 1880), извѣстный норвежскій скрипачъ, дававшій въ 1838 году концерты въ Москвѣ и Петербургѣ. Сочувственный отзывъ объ О. Булѣ см. въ № 27 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1838 года, отъ 2 апрѣля.

[6]) См. статью Булгарина: «Что такое Оле Буль?» въ № 44 «Сѣверной Пчелы» 1838 г. (отъ 24-го февраля). Въ этой статьѣ Булгаринъ признаетъ Оле Буля музыкальнымъ геніемъ. Кромѣ этой статьи, въ «Сѣверной Пчелѣ» было помѣщено еще нѣсколько весьма сочувственныхъ отзывовъ объ игрѣ Оле Буля.

[7]) Джованни Джустиніани (р. 1807) съ дѣтства отличался пламеннымъ воображеніемъ, памятью и стремленіемъ къ стихотворству.

къ вамъ за новыми лаврами. Если доходятъ до васъ «Московскія Вѣдомости», то статьи мои [1]) могли нѣсколько ознакомить тебя съ нимъ. Но въ статьѣ трудно передать всю прелесть мгновенную импровизаціи: надобно его слышать, надобно самому быть подъ вліяніемъ этой магіи слова поэтическаго. До тѣхъ поръ не вѣришь. Прими, сдѣлай милость, подъ свое покровительство бѣднаго поэта, который чрезвычайно скроменъ и боится быть докучливымъ. Познакомь его со всѣми тебя окружающими—и введи его въ петербургскіе салоны, начиная съ своего. Замолви объ немъ Жуковскому, Вяземскому, графу Веліегорскому [2]), Плетневу.

Ты ужь вѣрно слышалъ, что Погодинъ издаетъ журналъ: «Москвитянинъ» [3]). Я участникъ по-прежнему. Подари его чѣмъ-нибудь своимъ. Мы имѣемъ право на участіе съ вашей стороны, потому что съ своей участвовали также въ «Отечественныхъ Запискахъ» [4]). Надѣюсь, что мы будемъ съ ними въ ладу, тѣмъ болѣе, если ты сохранилъ къ нимъ прежнія отношенія.

Поклонись отъ меня Плетневу. Я получилъ отъ него письмо [5]) черезъ Гартмана [6]), который былъ у меня два раза, не засталъ и исчезъ, не оставивъ мнѣ своего адреса. Такимъ образомъ онъ самъ лишилъ меня возможности быть ему полезнымъ.

Пересадка вашей журналистики очень забавна: это похоже на пересадку министровъ Франціи. Гречь, Полевой, Кукольникъ и Глинка составили коалицію, какъ кажется [7]). У васъ то и видишь: министерство

---

[1]) Шевыревымъ были помѣщены въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1840 года слѣдующія двѣ статьи о Джустиніани: „Итальянскій импровизаторъ Г. Джустиніани въ Москвѣ" (№ 76, отъ 21 сентября, стр. 592—593) и „Вторая импровизація Г-на Джустиніани" (№ 87, отъ 30 октября, стр. 680—681).

[2]) Т. е. Віельгорскому.

[3]) Съ 1841 года.

[4]) Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 года были помѣщены статья М. П. Погодина: «Любопытная встрѣча (изъ путевыхъ Записокъ)» (т. XI, Смѣсь, стр. 1—8) и стихотвореніе Шевырева «Мадонна» (т. XII, Словесность, стр. 227).

[5]) Это письмо П. А. Плетнева, отъ 14-го октября 1840 года, сохранилось въ собраніи бумагъ Шевырева, принадлежащемъ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[6]) Карлъ фонъ Гартманъ (Haartman), сынъ генералъ-директора медицинскаго вѣдомства въ Финляндіи Даніила Гартмана и внукъ (по матери) знаменитаго шведскаго поэта Францѣна, кончившій курсъ на медицинскомъ факультетѣ Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ, ѣхалъ на счетъ университета на годъ въ Москву для изученія русскаго языка. Плетневъ просилъ Шевырева оказать покровительство Гартману. См. также «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. I, Спб. 1896, стр. 77 и 98.

[7]) Н. И. Гречъ, Н. В. Кукольникъ и П. А. Полевой купили у С. Н. Глинки право на изданіе журнала «Русскій Вѣстникъ».—«Гречъ, Кукольникъ и По-

Гречь, министерство Сенковскій, министерство Полевой, министерство Глинка... Смирдинъ тотъ играетъ ролю Людовика-Филиппа: с(іе) тѣмъ разительнѣе, что онъ Филипп(овичъ) [1]).

Прощай, любезный другъ. Не забывай твоего Шевырева.

5.

28-го марта 1846 г. Москва.

Посылаю тебѣ книгу мою [2]), любезный другъ Одоевскій. Не надѣюсь, чтобы она возбудила твое сочувствіе, но прошу объ одномъ: не поскучай дочесть до конца—и, если сможешь, загляни и въ примѣчанія.

Не посѣтуй на меня за то, что во 2-мъ номерѣ «Москвитянина» я, разбирая «Петерб(ургскій) Сборникъ» [3]), сказалъ и о тебѣ то, что могло быть тебѣ непріятно [5]). Тебя еще пощадилъ по дружбѣ. Что вы, самые дѣятельные, сдѣлали съ литературой [4])? Не-грѣхъ ли вамъ? Ужь лучше, право, пускать мыльные пузыри, подобно старцу острова Панхаіи, котораго ты предсказалъ въ «Мнемозинѣ» [6]),—нежели издавать Петербург-

левой купили у С. Глинки «Русскій Вѣстникъ»—писалъ Плетневъ Я. К. Гроту 15-го октября 1840 года—и будутъ издавать его единственно съ тѣмъ, чтобы убить Современникъ, Отечественныя Записки и Библіотеку для Чтенія» (тамъ же, стр. 98).

[1]) Книгопродавца-издателя Смирдина звали: Александръ Филипповичъ. Онъ былъ издателемъ «Сына Отечества» и «Библіотеки для Чтенія».

[2]) „Исторію Русской словесности, преимущественно древней", часть первая.

[3]) См. „Москвитянинъ" 1846 года, № 2, Критика, стр. 163—191. Въ „Петербургскомъ Сборникѣ", изданномъ Н. А. Некрасовымъ, были помѣщены произведенія всѣхъ главныхъ сотрудниковъ „Отечественныхъ Записокъ". Въ „Сборникѣ", между прочимъ, были напечатаны „Бѣдные люди" Достоевскаго.

[4]) „Князь Одоевскій—читаемъ мы въ разборѣ Шевырева (стр. 182)—передаетъ намъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ разсказа, странный анекдотъ изъ Записокъ Гробовщика. Дядя и племянникъ отчаянно играютъ въ карты: они рѣшились на самоубійство, если дядя, послѣдній играющій съ деньгами, проиграется. Но про запасъ заказали два гроба гробовщику. Если этотъ фактъ дѣйствительно случился,—онъ замѣчателенъ психологически—и жаль, что авторъ не объяснилъ его. Игроки не застрѣлились, а явились шулерами на Макарьевской ярмаркѣ. Эти игроки родъ свой ведутъ отъ Гоголевыхъ, но куда какъ переродились".

[5]) Въ своемъ разборѣ Шевыревъ отнесся критически къ „Петербургскому Сборнику" и, между прочимъ, говоритъ: „Побывавъ на время во всей этой современной такъ называемой изящной литературѣ, выйдешь изъ нея, признаюсь, отуманенный, и невольно скажешь: что я? что со мною? гдѣ я былъ? что читалъ? гдѣ это сочиняютъ?"

[6]) Альманахъ, издававшійся кн. Одоевскимъ и В. К. Кюхельбекеромъ въ 1824—1825 гг.—Статья кн. Одоевскаго «Старики или островъ Панхаи» помѣщена въ первой части «Мнемозины» (стр. 1—12).

скіе сборники. Вѣдь, право, за васъ совѣстно. Неужели это у васъ читаютъ? Хорошо, что Западная Европа, къ которой вы стоите прямо лицомъ, не знаетъ по-русски. Вы старайтесь о томъ, чтобъ она никогда нашего языка не узнавала.

Однако я замѣчаю, что я неразсчетливъ. Посылая книгу, нападаю на струну самую щекотливую въ томъ, къ которому идетъ книга. Ну, да ужъ такъ тому и быть! Отъ васъ добраго слова намъ не бываетъ. Позволительно же и намъ сказать вамъ иногда горькую правду, которая есть лучшее доброе слово. Къ тому же и книга моя ручается въ томъ, что говорю ее слишкомъ откровенно. Не посѣтуй. С. Шевыревъ.

6.

14-го ноября 1858 г. Москва.

Любезный и уважаемый товарищъ князь Владиміръ Ѳедоровичь!

Одинъ молодой человѣкъ, бывшій у тебя въ Веймарѣ, а потомъ въ Петербургѣ, Шейнъ, передалъ мнѣ то доброе участіе, которое ты сохранилъ къ главному труду моему: «Исторіи русской словесности». Оно-то внушило мнѣ мысль: послать тебѣ третью часть ея, которую я только что напечаталъ. Теперь работаю надъ 4-ою [1]). Скажи мнѣ объ новой части твое искреннее мнѣніе. Много обяжешь. Правды отъ журналовъ, несмотря на ихъ крики о гласности и въ пользу правды, никогда не услышишь. Мнѣ кажется, они первые виновники той гласной лжи, которая у насъ теперь превозмогаетъ. Если въ области мысли и слова будетъ преобладать ложь, чего же хотѣть отъ жизни?

Радуюсь тому, что выходъ книги моей далъ мнѣ поводъ возобновить съ тобою сношенія. Такъ давно мы не видали другъ друга и не сообщались мыслями. Не знаю, почему ты оставилъ совершенно литературу и сдѣлался въ самомъ дѣлѣ Безгласнымъ [2]). Авось возобновляющееся у насъ Общество любителей русской словесности вызоветъ тебя къ новой дѣятельности—и ты вспомнишь старину, а мы услышимъ твое слово въ нашемъ кругу московскомъ. Княгинѣ мой низкій поклонъ.

Всегда душевно тебѣ преданный Степанъ Шевыревъ.

---

[1]) Четвертая часть „Исторіи русской словесности" вышла въ свѣтъ въ 1860 году.

[2]) Псевдонимъ, которымъ въ былые годы князь Одоевскій подписывалъ нѣкоторыя свои статьи.

XI. Письмо Д. Ю. Струйскаго [1]).

(1836—1837 г.).

Статью Віолончель [2]) вы, любезный князь, какъ кажется, передаете мнѣ по наслѣдству отъ Рѣзваго [3]). При послѣднемъ нашемъ свиданіи вы отдали мнѣ букву Га на выборъ, и я назначилъ себѣ Гайдена; а въ сообщенной вами англійской книгѣ находится только одна біографія музыкантовъ. Какъ же я теперь напишу эту статью [4])? Нужно вѣрныя свѣдѣнія, когда былъ изобрѣтенъ віолончель и кѣмъ? Какъ онъ улучшался и какіе этюды для него написаны? Трудъ ужасный, потеря драгоцѣннаго времени, безъ цѣли, удовольствія и пользы. Статья не составитъ и одной страницы; на ванюшкѣ проѣздишь вдвое болѣе того, что за нее получишь... Вамъ, какъ редактору, должно объясниться съ Плюшаромъ и предложить ему условія болѣе удовлетворительныя и для васъ, и для вашихъ сотрудниковъ. По другимъ частямъ энциклопедіи берутъ деньги даромъ, выписывая цѣликомъ изъ извѣстныхъ печатныхъ матеріаловъ, а по музыкѣ всякая бездѣлушка требуетъ труда, времени и познанія. По листамъ разсчитываться нельзя, хотя бы за листъ платили тысячу рублей. Віолончель вамъ можетъ служить примѣромъ. Впрочемъ, я сообщилъ вамъ мои мысли объ этомъ предметѣ, а вы поступайте, какъ вамъ угодно. Вольному воля, а спасенному рай. Когда вы начнете что-нибудь издавать, я готовъ буду служить вамъ со всѣмъ усердіемъ пріязни, но для Плюшара или Смирдина я этого сдѣлать не могу. Они загребаютъ жаръ чужими руками и получаютъ рубль на рубль... Кажется, могутъ подѣлиться съ литераторами? Что же касается до меня, то я всегда предпочту farniente— пустому занятію. Надѣюсь въ скоромъ времени васъ видѣть. Я былъ у васъ, но немножко рано (въ одиннадцать часовъ). Вашъ Д. Струйскій

---

[1]) О Дмитріи Юрьевичѣ Струйскомъ см. выше, стр. 216, прим. 6-е.

[2]) Рѣчь идетъ о статьѣ „Віолончель“ для „Энциклопедическаго Лексикона“, издававшагося А. А. Плюшаромъ.

[3]) Модестъ Дмитріевичъ Рѣзвой (р. 1807 † 1853), авторъ „Словаря музыки“.

[4]) Въ X томѣ „Энциклопедическаго Лексикона“ (Спб. 1837), стр. 358, помѣщена статья „Віолончель“, подписанная буквами К. В. О. (т. е. княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ).

XI. Записки А. С. Норова.

1.

(1837 г.).

Любезный Одоевскій, посылаю вамъ нѣсколько строкъ, написанныхъ мною въ память нашего незабвеннаго Пушкина [1]). Буде онѣ не совсѣмъ дурныя, то вы можете ими располагать.

Преданный вамъ А. Норовъ.

2.

(1837 г.).

Любезнѣйшій Владиміръ Ѳедоровичъ! Цензура думаетъ о буквахъ, а не о поэзіи, отъ того ей и кажется выраженіе Погасъ лучъ неба [2]) мистеріею. Она, видно, не признаетъ человѣка лучемъ неба, и поэтому пусть мои стихи останутся только въ рукахъ друзей Пушкина, для которыхъ они написаны, и я рѣшительно прошу васъ, любезный другъ, въ такомъ случаѣ ихъ не печатать. Если жъ цензура не будетъ поправлять меня, то не ставьте моего имени подъ стихами, а просто одинъ Н.—Я на-дняхъ къ вамъ заверну—я очень жалѣю, что мы такъ рѣдко видимся.

Вамъ преданный А. Норовъ.

---

[1]) Въ этой и слѣдующей засимъ запискѣ Авраама Сергѣевича Норова рѣчь идетъ объ его стихотвореніи «Памяти А. С. Пушкина». Стихотвореніе это предполагалось напечатать въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду».

[2]) Стихотвореніе Норова начинается такъ: «Погасъ лучъ неба, свѣтлый геній».—Предсѣдатель С.-Петербургскаго цензурнаго комитета князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ разрѣшилъ напечатать это стихотвореніе, съ замѣною перваго его стиха слѣдующимъ: «Погасъ нашъ Пушкинъ, свѣтлый геній». (Автографъ этого стихотворенія А. С. Норова, съ цензурнымъ разрѣшеніемъ и поправкой, находится въ бумагахъ А. А. Краевскаго, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (см. «Отчетъ» Библіотеки за 1889 годъ, Спб. 1893, стр. 66). Вслѣдствіе этого стихотвореніе Норова осталось въ то время ненапечатаннымъ и было издано лишь много лѣтъ спустя (въ «Русскомъ Архивѣ» 1871 года, ст. 0948; въ «Русской Старинѣ» 1887 года, т. 54. стр. 250).

XII. Письмо А. Л. Крылова [1]).

25-го сентября 1837 г.

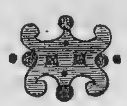
Милостивый государь князь Владимиръ Ѳедоровичь!

Статьи для «Современника» [2]), бывшія у меня, давно уже подписаны были, и оставались только на рукахъ моихъ за неприсылкою изъ типографіи. Сегодня утромъ я впрочемъ возвратилъ уже ихъ. Не подписано двѣ статьи: покойнаго Александра Сергѣевича объ импровизаторѣ [3]), и еще одно небольшое стихотвореніе, въ которомъ выражается совѣтъ государю слѣдовать по стопамъ Петра I [4]). Въ пропускѣ первой изъ нихъ я нимало не сомнѣваюсь; однако долженъ испросить разрѣшеніе на нѣсколько стиховъ, въ которыхъ дѣло идетъ о покупкѣ ночей. Вторую статью, для меня кажется, лучше возвратить безъ дальнѣйшаго движенія, ибо она касается особы его величества, и притомъ совѣтъ самый выраженъ такъ, что онъ кажется совсѣмъ запоздалымъ. Извѣщая ваше сіятельство о семъ, долгомъ почитаю присоединить, что я просмотромъ не замедливаю; только мнѣ не всегда бываетъ удобно самому отправлять въ типографію, а отъ того изготовленныя статьи и могутъ залежаться у меня, если типографія не навѣдается.

Съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою А. Крыловъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Александръ Лукичъ Крыловъ (р. 1801 † 1853), цензоръ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета.

[2]) По смерти Пушкина «Современникъ» въ 1837 г. издавался Жуковскимъ, кн. П. А. Вяземскимъ, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, П. А. Плетневымъ и А. А. Краевскимъ.

[3]) Рѣчь идетъ объ «Египетскихъ ночахъ» Пушкина, которыя были напечатаны въ «Современникѣ» 1837 г., т. VIII, стр. 5—24.

[4]) Подобнаго стихотворенія не помѣщено въ «Современникѣ» 1837 года.

Воспоминанія педагога [1].

Первый кадетскій корпусъ.

Всѣхъ насъ, переведенныхъ изъ Александровскаго кадетскаго корпуса, въ тотъ же день подвергли экзамену, и, удивительное дѣло, меня, бывшаго пять лѣтъ въ Александровскомъ корпусѣ, курсъ котораго равнялся тѣмъ тремъ приготовительнымъ классамъ, которые были въ 1-мъ корпусѣ, меня, хорошаго ученика, снова посадили въ приготовительный и притомъ во 2-й классъ, такъ что я долженъ былъ учиться опять тому же еще два года. Конечно, мнѣ нечего было дѣлать, и я сталъ забывать то, что зналъ, особенно по иностраннымъ языкамъ.

Ротнымъ командиромъ въ неранжированной ротѣ былъ Иванъ Карловичъ Михаель, типъ стараго служаки, къ сожалѣнію, совершенно вылодившійся у насъ въ послѣднее время. Все свое время Иванъ Карловичъ посвящалъ службѣ, и при этомъ не только не тяготился ею, но она составляла его потребность, его жизнь и, что всего важнѣе, онъ не видѣлъ въ этомъ никакой съ своей стороны особой заслуги. Едва мы встаемъ, Иванъ Карловичъ уже здѣсь, наблюдаетъ, чтобы воспитанники мыли шею и уши, чистили зубы. Во время утренняго осмотра, который производился унтеръ-офицерами, И. К. осматривалъ самъ по очереди одно изъ отдѣленій: велитъ снять куртки, осмотритъ бѣлье, галстухи, шейные крестики, велитъ снять сапоги, осмотритъ носки и ноги. Мы знаемъ воспитателей теперешнихъ заведеній, которые считаютъ такого рода осмотры унижающими ихъ достоинство: мы-де призваны

[1]) См. „Русскую Старину“ 1904 г. апрѣль.

для болѣе возвышенныхъ цѣлей, а не для такихъ мелочей [1]). Такія рѣчи служатъ только для отвода глазъ.

Своихъ кадетъ Иванъ Карловичъ зналъ, можно сказать, въ совершенствѣ. Всѣ проступки, всѣ полученные баллы воспитанниковъ, каждое свое личное замѣчаніе и наблюденіе онъ вносилъ въ свои книжечки. Задніе карманы сюртука И. К. всегда были оттопырены: въ нихъ лежало множество замѣтокъ. Кадеты говорили, что И. К. носилъ даже записочки за галстухомъ. Если случится въ ротѣ какой-нибудь крупный проступокъ, а виновные скрываются, то И. К., бывало, прямо указываетъ на тѣхъ, кого онъ подозрѣваетъ въ томъ проступкѣ, и онъ рѣдко ошибался, такъ онъ зналъ своихъ дѣтей.

Всѣ проступки воспитанниковъ унтеръ-офицеры должны были выписывать ежемѣсячно въ особый отчетъ. Отчетъ этотъ читали въ присутствіи цѣлаго отдѣленія, при чемъ И. К. разъяснялъ значеніе и важность каждаго прочитаннаго проступка. Бывали иногда при этомъ комическія сцены. Послѣ прочтенія проступка, И. К. тотчасъ приступалъ къ разбору его, при чемъ имѣлъ обыкновеніе нѣсколько преувеличивать значеніе проступка, находя въ одномъ проступкѣ—два, три, иногда и болѣе и, высчитавъ такимъ образомъ, сколько онъ видитъ въ винѣ воспитанника проступковъ, приказывалъ виновному сдѣлать столько же шаговъ впередъ. Такъ, напр., прочли: воспитанникъ Э. не сразу исполнилъ приказаніе дежурнаго офицера. Иванъ Карловичъ начинаетъ считать: не исполнить приказаніе унтеръ-офицера вина, не исполнить приказаніе офицера—другая, неисполнить приказаніе дежурнаго офицера—третья; три шага впередъ! Однажды прочли проступокъ воспитанника М., который за кусокъ хлѣба вымѣнялъ у товарища три пирожка. Пирожки эти (ушки), величиною почти съ облатку, плавали въ подаваемомъ за обѣдомъ бульонѣ, и каждому полагалось выловить на тарелку три такихъ пирожка. Но И. К., полагая, что это обыкновенные пироги, иногда подаваемые къ обѣду, сталъ считать: лишить товарища пирога одинъ день—вина, лишить товарища пирога другой день—другая, лишить товарища пирога третій день—третья,—три шага впередъ! На это М. отвѣтилъ: а это всего одинъ день, пирожки изъ бульона... И. К. тотчасъ прервалъ его: молчать, сударь мой (любимое выраженіе И. К.), отвѣчать изъ фронта унтеръ-офицеру—вина, отвѣчать изъ фронта офицеру—другая, отвѣчать изъ фронта ротному командиру—третья, еще три шага впередъ!

По окончаніи отчета И. К. раздавалъ ни разу не записаннымъ «Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній», также карандаши, перья, прочимъ дѣлалъ выговоръ или лишалъ ихъ отпуска;

[1]) Писано въ семидесятыхъ годахъ.

которые вышли много впередъ,—налагалъ различныя взысканія, а при большомъ числѣ крупныхъ проступковъ—розги, что, впрочемъ, случалось рѣдко. Вообще въ 1-мъ корпусѣ розги бывали не часто, чему мы, «александровцы», вначалѣ много удивлялись. Конечно, всѣ эти награды и наказанія не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія современной педагогики; но И. К. своими взглядами на воспитаніе нисколько не выдавался изъ среды тогдашнихъ воспитателей и шелъ согласно принятому тогда порядку.

Своей аккуратностью, доходившею до мелочей, И. К. иногда былъ очень тяжелъ. Такъ, напр., при отпускѣ по субботамъ, который долженъ былъ начинаться въ 6 часовъ вечера, мы нерѣдко уходили домой послѣ 9-ти часовъ. Сперва фельдфебель долженъ былъ прочитать фамиліи тѣхъ воспитанниковъ, которые получили въ теченіе недѣли дурные баллы. Ихъ И. К. тотчасъ отправлялъ заниматься, оставляя безъ отпуска, затѣмъ вызывались получившіе 10, 11 и 12 балловъ; при каждомъ вызовѣ воспитанникъ дѣлалъ шагъ впередъ. Потомъ И. К. раздавалъ отпускные билеты, начиная съ тѣхъ воспитанниковъ, которые были впереди, дѣлая непрестанныя справки въ своихъ списочкахъ. Когда десять человѣкъ получали билеты, онъ записывалъ ихъ фамиліи и приказывалъ имъ идти писать свои билеты, а самъ раздавалъ ихъ слѣдующимъ десяти и т. д. Когда всѣ отпускные получатъ билеты, И. К. отбиралъ ихъ сперва отъ первыхъ десяти, осматривалъ мундиры этихъ кадетъ, потомъ шинели, затѣмъ спрашивалъ каждаго, кто за нимъ пришелъ, если родственники, то сообщалъ имъ объ успѣхахъ и поведеніи мальчика и тогда уже выдавалъ билетъ. Мнѣ нерѣдко приходилось попасть въ число первыхъ десяти, и я все-таки уходилъ домой въ 8 часовъ, а всѣхъ очередей бывало до шести; въ послѣдней очереди я никогда не былъ и потому въ точности не знаю, въ которомъ часу она уходила.

Несмотря на это, кадеты любили Ивана Карловича. Мы вскорѣ привыкали къ его строгимъ требованіямъ, но цѣнили въ немъ справедливость и всегдашнюю о насъ заботливость. Мы искренно сожалѣли когда черезъ годъ послѣ моего поступленія (въ 1847 г.) Иванъ Карловичъ, получивъ чинъ подполковника, былъ переведенъ директоромъ въ тульскій неранжированный кадетскій корпусъ. Такое назначеніе онъ получилъ только благодаря родителямъ кадетъ, которые прокричали о немъ, какъ о необыкновенно дѣятельномъ, строгомъ, но въ то же время любимомъ дѣтьми, ротномъ командирѣ, и Я. И. Ростовцевъ далъ ему такое назначеніе, о которомъ никто изъ ротныхъ командировъ никогда не могъ и мечтать.

Къ числу недостатковъ Ивана Карловича надо отнести принятый имъ порядокъ поить кадетъ чаемъ за плату. При поступленіи новичковъ,

Михаель очень скоро узнавалъ болѣе богатыхъ родителей и обращался къ нимъ съ слѣдующей стереотипной фразой: «Вашъ сынъ худощавъ-съ, ему надо чай пить» (при этомъ И. К. потиралъ руки). Родители спрашивали его, какъ это устроить, и входили съ нимъ въ соглашеніе. Какъ только мы, дѣти, увидимъ лакея Ивана Карловича въ ротѣ, тотчасъ подымаемъ крикъ: «Чайники, къ Михаелю!»

Принявъ Тульскій корпусъ, заботливый Михаель, наблюдая лично за строившимся тамъ зданіемъ, ежедневно обходилъ по лѣсамъ постройки и, однажды, упавъ съ лѣсовъ, вскорѣ умеръ.

Вмѣсто Михаеля въ неранжированную роту былъ назначенъ ротнымъ командиромъ Александръ Петровичъ Выходцевскій, бывшій до того времени библіотекаремъ корпуса.

Александръ Петровичъ былъ похожъ на Михаеля своимъ усердіемъ и любовью къ дѣлу воспитанія; но онъ былъ умнѣе и образованнѣе Михаеля и потому велъ дѣло разумнѣе. Онъ уничтожилъ всѣ списочки, которые такъ любилъ Михаель, мелкіе подарки и тѣлесныя наказанія также уничтожилъ, а другія наказанія налагалъ очень рѣдко. А. П. бывалъ въ ротѣ такъ же часто, какъ и Михаель, но при этомъ постоянно велъ съ воспитанниками бесѣды, принималъ непосредственное участіе во всѣхъ нашихъ играхъ. Мы, бывало, ходимъ съ нимъ, обнявшись, откровенно разговариваемъ, или бѣгаемъ съ нимъ въ запуски (при бѣгѣ ни одинъ воспитанникъ никогда не могъ догнать Выходцевскаго, имѣвшаго тогда болѣе 35-ти лѣтъ); на занятіяхъ онъ намъ всегда помогалъ. Честность А. П. была безупречна. Онъ отказался отъ всѣхъ предложеній родителей дозволить дѣтямъ пить у него чай за плату. Мать одного воспитанника, княгиня Е., послѣ перевода ея сына въ Пажескій корпусъ, прислала въ подарокъ Александру Петровичу корзину съ столовымъ и чайнымъ серебромъ, но А. П. отправилъ подарокъ обратно. Да, это былъ настоящій воспитатель, стоявшій выше своего времени [1]).

Пробывъ два года у Выходцевскаго, я въ 1849 году былъ переведенъ во 2-ю роту, а когда въ 1855 г. былъ назначенъ фельдфебелемъ въ неранжированную роту, то засталъ въ ней ротнымъ командиромъ капитана Михаила Яковлевича фонъ-деръ-Вейде, человѣка вялаго, безхарактернаго, большаго хвастуна; онъ не имѣлъ качествъ, не говоря уже Выходцевскаго, но даже Михаеля, ротой своей не занимался, но ввелъ снова чаепитіе за плату. Фонъ-деръ-Вейде прекрасно владѣлъ языками, французскимъ и нѣмецкимъ, разговоромъ на которыхъ приводилъ въ восторгъ богатыхъ и знатныхъ родителей; они отдавали ему

[1]) Въ 1852 году Выходцевскій былъ назначенъ батальоннымъ командиромъ Кіевскаго кадетскаго корпуса, тогда только-что открывшагося. Тамъ онъ не нравился взрослымъ кадетамъ и вышелъ оттуда на Кавказъ, гдѣ, въ чинѣ генералъ-маіора, скончался въ семидесятыхъ годахъ.

своихъ дѣтей пить у него чай, дарили его, но дѣтямъ никакой пользы отъ его знанія языковъ не было, такъ какъ онъ съ ними не говорилъ, а о помощи имъ въ занятіяхъ даже никогда и не думалъ. Въ 1877 г. фонъ-деръ-Вейде, пробывъ 14-ть лѣтъ библіотекаремъ Павловскаго военнаго училища, былъ, къ удивленію всѣхъ, близко его знавшихъ, назначенъ директоромъ приготовительнаго пансіона Пажескаго корпуса (тогда только-что открытаго и затѣмъ вскорѣ снова закрытаго), чему опять помогли ему языки.

Директоромъ корпуса, при поступленіи моемъ, былъ генералъ-лейтенантъ Шлипенбахъ, ходившій съ палочкой, по причинѣ какой-то болѣзни ноги. Я видѣлъ его всего только четыре раза: одинъ разъ онъ зашелъ въ роту, другой разъ пришелъ въ столовую во время обѣда и, увидя одного воспитанника, стоявшаго за наказаніе отдѣльно, велѣлъ его высѣчь; въ третій разъ онъ велѣлъ всѣмъ воспитанникамъ собраться въ сборной залѣ и, сидя въ креслѣ, выслушалъ отчетъ о полугодичномъ экзаменѣ, причемъ велѣлъ высѣчь всѣхъ неудовлетворительно учившихся; наконецъ, четвертый разъ я видѣлъ его въ лазаретѣ. Старшіе воспитанники очень любили Шлипенбаха, мы же, новички, не знали его вовсе. Шлипенбахъ занимался въ это время устройствомъ омнибусовъ, которые составляли тогда въ Петербургѣ первый опытъ движенія городскихъ общественныхъ каретъ и ходили по Невскому проспекту. Всѣ извозчики хорошо знали «хромаго генерала», и, будучи недовольны введеніемъ каретъ, отбивавшихъ у нихъ хлѣбъ, при выходѣ Шлипенбаха изъ подъѣзда его квартиры (на Румянцовской площади), кричали ему вслѣдъ: «генералъ-извощикъ». Въ 1847 году, въ августѣ, Шлипенбахъ былъ назначенъ членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній, а лѣтъ черезъ десять, въ помѣшательствѣ лишилъ себя жизни, перерѣзавъ себѣ бритвой горло.

Вмѣсто Шлипенбаха въ 1847 г. былъ назначенъ директоромъ корпуса полковникъ Орестъ Семеновичъ Лихонинъ, который тотчасъ сталъ посѣщать кадетъ по три или четыре раза въ день, что̀, по понятію тогдашнихъ воспитанниковъ и служащихъ офицеровъ, было несовмѣстно съ званіемъ директора и вызывало ропотъ со стороны тѣхъ и другихъ. Но Лихонинъ долго всматривался въ составъ заведенія и былъ пораженъ грубостью нравовъ старшихъ кадетъ, что̀, впрочемъ, поражало и насъ маленькихъ. Онъ рѣшился измѣнить духъ заведенія, въ чемъ и успѣлъ совершенно, воспользовавшись благопріятнымъ обстоятельствомъ: бывшими два года сряду усиленными выпусками.

Маленькіе воспитанники были, какъ и всѣ добрыя дѣти; но съ возрастомъ грубѣли и особенной грубостью нравовъ отличались кадеты 1-й роты, которые на кадетскомъ языкѣ назывались «перворотами» и «старыми закалами». Какъ долженъ былъ держать себя «перво-

*

ротъ», существовали особыя правила, изложенныя въ стихахъ. Кадета 1-й роты можно было узнать по внѣшнему виду: ноги колесомъ [1]), идетъ сильно стуча каблуками, обшлага на рукавахъ отворочены, нижняя пуговица куртки разстегнута, смотритъ на всѣхъ, особенно на начальство,—звѣремъ; если скажетъ что-нибудь, то непремѣнно густымъ басомъ, хотя бы при этомъ голосъ доходилъ до хрипоты; въ карманѣ тавлинка (особеннымъ образомъ сдѣланная изъ бумаги) съ нюхательнымъ табакомъ —«зеленчакомъ», которымъ часто «заряжаетъ» свой носъ; за голенищемъ сапога—папиросы (до моего поступленія въ корпусъ—трубка-носогрѣйка). Всѣ мысли перворота сосредоточены на ѣдѣ: онъ идетъ или въ кухню стащить пирогъ или булку, или въ хлѣбную (по-кадетски «тафельская») стащить черпаго хлѣба, сколько можетъ захватить; на всѣ крики и нерѣдко ругань повара или солдата, завѣдывавшаго хлѣбной, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, спокойно унося съѣстное—«жратву». Проходя мимо маленькаго кадета, первоvотъ схватываетъ его одной рукой за затылокъ, поворачиваетъ его голову къ своему лицу и спрашиваетъ, конечно, отчаяннымъ басомъ: «заглавіе» (т. е. какъ твоя фамилія), затѣмъ: «пришли, братъ, булку или пирогъ». Однажды, поступивъ въ лазаретъ, я долженъ былъ по очереди нѣсколькимъ бывшимъ въ лазаретѣ первоvотамъ объявить свое «заглавіе», затѣмъ каждый заканчивалъ: «ты боленъ, булки ѣсть не будешь, отдашь мнѣ!» и, не дожидаясь отвѣта, уходилъ. Когда булки были розданы, первый пришедшій взялъ ее отъ меня, а остальные, не найдя уже булки и узнавъ, что взялъ ее другой, обѣщали впередъ за это «поколотить», но, впрочемъ, тѣмъ дѣло и кончилось, слѣдующей булки уже никто не отнималъ. Первороты въ сущности были добрые малые и только представлялись страшными. Случалось, что въ лазаретѣ, видя, что маленькій воспитанникъ получаетъ одну овсянку, которую ѣсть не можетъ, перворотъ приноситъ ему свою котлету, а самъ ѣстъ овсянку, говоря при этомъ: «Для меня дѣло въ количествѣ, а не въ качествѣ». Начальство, кто бы оно ни было, перворотъ терпѣть не могъ и потому, если посѣтитъ лазаретъ директоръ или батальонный командиръ,—онъ прячется, при случайной же встрѣчѣ, торопится пройти мимо, пробираясь по стѣнѣ.

Когда Лихонинъ приходилъ въ 1-ю роту, то всѣ кадеты тотчасъ переходили между кроватями на другую сторону. Желая пріучить воспитанниковъ не прятаться, Лихонинъ нарочно перейдетъ на эту сторону, куда удалились кадеты, но они тотчасъ переходили между

---

[1]) Искривлялись ноги искусственно: въ банѣ наливалась горячая вода въ круглую металлическую шайку, и шайка обхватывалась голыми ногами, такъ оставались во все время пребыванія въ банѣ: молодыя кости отъ частаго опыта искривлялись.

кроватями обратно, и Лихонинъ опять оставался одинъ. На всякое замѣчаніе дежурнаго офицера перворотъ грубо возражалъ, какъ кадеты выражались: «сцѣплялся», но наложенное за это взысканіе выносилъ хладнокровно; обыкновенныхъ же взысканій было три: карцеръ, лишеніе отпуска и розги. Въ карцеръ идетъ безъ разговоровъ, заботясь лишь о томъ, чтобы были ему принесены побольше порціи; при розгахъ, перворотъ молча ложился на скамейку, не позволяя служителямъ держать себя, и молча выносилъ удары, сколько бы ихъ ни дали, хотя бы даже онъ дошелъ до обморока. Если обнаружится въ классѣ куренье, по окуркамъ въ печи, или по запаху табачнаго дыма, спрашиваютъ классъ:

— Кто курилъ?

— Всѣ, всѣ.

— Кто же: вы?

— Нѣтъ.

— Вы?

— Нѣтъ.

— Кто же курилъ?

— Всѣ, всѣ.

Слѣдуетъ общее наказаніе; безъ отпуска на одинъ или два праздника. Тогда въ складчину покупается колбаса и хлѣбъ (отнюдь только не сладкое), и начинается общее угощеніе, при этомъ поютъ кадетскія пѣсни, въ которыхъ или фигурируетъ перворотъ, или поется брань на начальство. На рождественскихъ праздникахъ оставшіеся въ заведеніи первороты покупали себѣ елку, развѣшивали на нее колбасы, пеклеванные хлѣбы и яблоки, зажигали свѣчи и угощались.

Во время пребыванія моего въ лазаретѣ, мы, маленькіе, съ удовольствіемъ отдавали свой чай одному перворату Р—ву, съ удивленіемъ смотря на него, какъ онъ глоталъ горячій чай залпомъ. Скажетъ только: «душа, посторонись, ожгу», и уже чашка пустая.

— Отчего вы не обожжетесь?—спрашивали мы, съ уваженіемъ смотря на Р.

— У меня горло луженое.

Перворотъ часто сидѣлъ по нѣсколько лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ. Въ 1847 г. вышелъ приказъ великаго князя Михаила Павловича, чтобы болѣе двухъ лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ не оставлять, а неуспѣвающихъ послѣ двухъ лѣтъ—исключать; до этого приказа въ одномъ классѣ сидѣли по три, по четыре и даже по пяти лѣтъ. До этого приказа перворотъ часто сидѣлъ съ маленькими, которые относились къ нему съ полнымъ уваженіемъ. Онъ избиралъ себѣ непремѣнно заднюю скамью, подальше отъ учителя и почти никогда не зналъ урока. Одинъ перворотъ, при каждомъ вызовѣ учителя, съ мѣста своего

отвѣчалъ: «я не приготовился», затѣмъ не заботился, какой результатъ его отказа; въ журналѣ являлся нуль. Такихъ нулей уже набиралось изрядное количество, когда, на вызовъ одного изъ учителей, къ удивленію товарищей да и самого учителя, перворотъ всталъ, застегнулъ на крючекъ воротникъ своей куртки и вышелъ къ доскѣ. Но на предложенный учителемъ вопросъ онъ вдругъ отвѣтилъ: «я сегодня не приготовился».

— Такъ садитесь на мѣсто.

Перворотъ стоитъ.

— Садитесь, я вамъ поставлю нуль.

— Поставьте единицу.

— Да не все-ли равно?

— Нѣтъ, начальство скажетъ, что исправляется.

Въ 1846 году, въ октябрѣ, въ 1-й ротѣ произошелъ бунтъ. Послѣ ужина, передъ сномъ, кадеты пѣли молитву учащеннымъ темпомъ. Дежурный офицеръ, поручикъ Крыловъ, среди пѣнія велѣлъ остановиться, воспитанники продолжали пѣть. Крыловъ крикнулъ, что заставитъ пѣть снова молитву, но кадеты окончили молитву и разошлись безъ приказанія. Когда Крыловъ показался затѣмъ въ спальнѣ, то воспитанники улеглись въ постели и стали кричать: «Свирѣпый» (прозвище Крылова). Явился ротный командиръ, капитанъ Бекманъ; воспитанники закричали ему: «Сивучъ» (прозвище Бекмана). На другой день обстоятельство это было доложено Я. И. Ростовцеву. Яковъ Ивановичъ явился въ роту и крикнулъ: «на колѣни!» Никто не всталъ. Я. И. постарался дать дѣлу другой оборотъ.

— Не предо мной на колѣни, а передъ образомъ; помолитесь Богу, чтобы Онъ смягчилъ сердце государя, чтобы онъ васъ помиловалъ,— при этомъ онъ самъ всталъ на колѣни, а за нимъ встали и воспитанники.

За этотъ проступокъ, по приказанію Михаила Павловича, со всѣхъ воспитанниковъ 1-й роты сняли плечевые погоны, съ оставленіемъ на плечахъ только пуговицъ, и не отпускали въ отпускъ впредь до приказанія. Прощеніе послѣдовало къ новому году. Михаилъ Павловичъ призналъ ротнаго командира, капитана Бекмана, слишкомъ слабымъ и перевелъ въ армію тѣмъ же чиномъ.

Прежде существовало правило, при переводѣ воспитанниковъ 3-й роты въ старшія, всѣхъ лучшихъ по поведенію кадетъ переводить въ гренадерскую роту, а худшихъ въ 1-ю. Такимъ образомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, въ 1-й ротѣ установился особый духъ. Начальство заведенія, наконецъ, поняло ошибку и стало уравнивать хорошихъ и плохихъ воспитанниковъ въ обѣихъ старшихъ ротахъ; это хотя и уменьшило грубость нравовъ, такъ что старые дежурные офицеры разсказывали

намъ, что въ наше время «первороты» стали значительно мягче противъ прежняго; но искоренить установившіяся традиціи оказалось невозможнымъ.

Въ 1848 году, государь приказалъ произвести усиленный выпускъ изъ спеціальныхъ классовъ всѣхъ корпусовъ—въ армію, изъ 4-го общаго—въ линейный батальонъ, изъ 3-го общаго—въ гарнизонъ. Лихонинъ воспользовался этими льготными правилами и удалилъ всѣхъ старыхъ кадетъ. Духъ 1-й роты сразу измѣнился къ лучшему, остались только отдѣльныя личности, которыя изъ всѣхъ силъ старались поддержать правила «перворотства». Въ 1849 году былъ произведенъ снова усиленный выпускъ на прошлогоднихъ основаніяхъ. Лихонинъ окончательно спустилъ старыхъ кадетъ, и прежнихъ перворотовъ не осталось и слѣда. Одинъ только старый кадетъ уцѣлѣлъ въ 1-й ротѣ; оно собралъ всѣ экземпляры «правилъ» и со словами: «нѣтъ болѣе перворотовъ!» бросилъ ихъ въ каминъ, отъ котораго не отходилъ до тѣхъ поръ, пока не сгорѣли.

Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ правилъ уничтожилось и самое слово «перворотъ». Когда я, черезъ два года, въ 1851 году, былъ переведенъ въ гренадерскую роту, то какъ ни старался отыскать хотя какіе-нибудь отрывки «правилъ»—не нашелъ ничего, исключая нѣкоторыхъ, сохранившихся въ памяти болѣе старыхъ кадетъ, отдѣльныхъ стиховъ. Вотъ нѣсколько строчекъ изъ этихъ правилъ:

Придешь къ столу, ты какъ свинья нажрись,
Побольше ѣшь, побольше пей,
И если туго,—разстегнись,
А мало ѣсть—отнюдь не смѣй.
За то подъ розгами ни слова,
Или кричи: „не виноватъ",
А, вставши, дай толчка лихаго,
Такъ истинный ты будешь хватъ!

Но Лихонину еще долго мерещились «первороты». Нерѣдко случалось, что когда ротный командиръ представляетъ воспитанника къ какой-нибудь наградѣ: къ прибавкѣ балла за поведеніе, или къ производству въ унтеръ-офицеры, Лихонинъ отказывалъ, говоря: «нѣтъ, онъ стучитъ каблуками, когда ходитъ», «онъ баситъ», «онъ старый кадетъ» и т. п. А какъ измѣнился духъ заведенія съ 1849 года, видно изъ того, что во время моего пребыванія въ гренадерской ротѣ, воспитанники, разговаривая со старыми дежурными офицерами о прежнихъ временахъ, удивлялись, какъ могла нравиться кадетамъ такая грубость, при чемъ высказывались такія мысли, что вѣроятно все это дѣлалось противъ желанія, только изъ боязни выказать неуваженіе къ правиламъ и традиціямъ.

*

Дежурные офицеры въ неранжированной ротѣ постоянно мѣнялись, кромѣ дежурствъ, рѣдко показывались въ ротѣ, такъ что почти не имѣли на насъ большаго вліянія, но нѣкоторые изъ нихъ, во время своихъ дежурствъ, любили бесѣдовать съ нами. Таковъ былъ Д. Кропотовъ (умершій въ семидесятыхъ годахъ въ чинѣ генералъ-маіора), большой чудакъ и говорунъ. Въ 1849 году Кропотовъ былъ арестованъ по дѣлу Петрашевскаго, и съ тѣхъ поръ мы его больше не видали. Впослѣдствіи я слышалъ отъ дежурныхъ офицеровъ подробности ареста Кропотова. Ночью, въ первомъ часу, пріѣхалъ къ нему жандармскій штабъ-офицеръ вмѣстѣ съ Я. И. Ростовцевымъ. Когда денщикъ отворилъ дверь, Кропотовъ сталъ одѣваться; при немъ оказалась какая-то женщина, которой Ростовцевъ приказалъ скорѣй уходить. Когда Кропотовъ одѣлся, Ростовцевъ спросилъ его, есть-ли у него деньги? Кропотовъ открылъ ему почти пустой портмоннэ. Ростовцевъ вложилъ ему 50 рублей, сказавъ, что тамъ ему нужны будутъ деньги. Затѣмъ Кропотова въ каретѣ отвезли въ крѣпость. При слѣдствіи Кропотовъ оказался невиновнымъ, его выпустили и, во время майскаго парада, Николай Павловичъ лично просилъ у него извиненія и далъ ему мѣсто плацъ-адъютанта при какой-то крѣпости въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Другой дежурный офицеръ А. Карабановъ, авторъ «Основанія русскаго театра кадетами перваго корпуса», былъ извѣстенъ въ строевыхъ ротахъ какъ искусный ловецъ курильщиковъ и потому пользовался общею ненавистью; но въ неранжироварной ротѣ онъ развлекалъ насъ разсказами и оказался вовсе несоотвѣтствующимъ той ужасной репутаціи, которая пришла къ намъ вмѣстѣ съ его назначеніемъ въ нашу роту.

Въ ноябрѣ 1848 года я заболѣлъ и пролежалъ въ лазаретѣ до весны 1849 года, когда былъ отпущенъ домой до сентября мѣсяца. Такимъ образомъ я пробылъ въ лазаретѣ 6 мѣсяцевъ и тутъ-то долженъ былъ убѣдиться по опыту, какое вредное вліяніе на нравственность маленькихъ кадетъ приносило пребываніе ихъ въ лазаретѣ.

Въ то время директоры корпусовъ даже и не помышляли о настоящемъ воспитаніи; поэтому никто не заботился, чтобы воспитанники, особенно маленькіе, не проводили въ лазаретѣ время праздно. Никакой библіотеки въ лазаретѣ не существовало, изъ игръ были только шахматы, да и то всего одна игра. Проводя все время съ утра до ночи праздно, дѣти занимали другъ друга разсказами сказокъ. По вечерамъ дежурный солдатъ, за булку, разсказывалъ, бывало, намъ сказки, наполненныя или ужасами о чертяхъ и домовыхъ, или, что еще хуже, различными любовными похожденіями, нисколько не стѣсняясь изложеніемъ сальностей, и я въ лазаретѣ ознакомился со всѣми безнравственными сторонами любовныхъ приключеній. Старшіе кадеты также

нерѣдко разсказывали намъ свои, можетъ быть и вымышленныя, но тѣмъ не менѣе безнравственныя, любовныя похожденія, и все это говорилось съ полнымъ цинизмомъ. Если намъ удавалось достать книгу отъ какого-нибудь фельдшера, то обыкновенно это былъ романъ съ пошлымъ содержаніемъ или глупый разсказъ, и все это, при полной праздности, читалось съ удовольствіемъ.

Я лично наблюдалъ, какъ многіе товарищи мои втягивались въ праздную лазаретную жизнь и, будучи выпущены изъ лазарета, черезъ день или два снова возвращались туда, или выдумывая небывалую болѣзнь или вызывая болѣзнь различными искусственными средствами. Такіе полюбившіе лазаретъ болѣе и болѣе отставали въ классахъ, вслѣдствіе чего оставались на второй годъ и даже исключались изъ заведенія юнкерами.

Впослѣдствіи Лихонинъ сдѣлалъ нѣкоторую попытку уменьшить праздное препровожденіе времени больныхъ, и всѣ воспитанники общихъ классовъ, не лежавшіе въ постели, должны были садиться на нѣсколько часовъ за общій столъ и заниматься приготовленіемъ уроковъ или чѣмъ-нибудь другимъ; это одно уже уменьшило прелесть лазаретной жизни.

Какія только средства не употребляли воспитанники, чтобы остаться въ лазаретѣ. Натирали языкъ мѣломъ, перевязывали руку выше локтя, чтобы измѣнить біеніе пульса; растравляли себѣ раны, вызывали искусственно рвоту, глотали снѣгъ или ледъ, чтобы получить болѣзнь горла. Одинъ мальчикъ продолжительно дышалъ холоднымъ тридцатиградуснымъ воздухомъ черезъ вентиляторъ, черезъ что получилъ жабу и умеръ, сознавшись предъ смертью, почему онъ заболѣлъ. Другой наѣлся мыла до того, что съ нимъ сдѣлалась рвота пѣной, онъ также умеръ; и много было подобныхъ случаевъ.

И, дѣйствительно, въ ротѣ жизнь маленькаго кадета (кромѣ неранжированной роты) была тяжела! Наказанія со стороны унтеръ-офицеровъ и фельдфебеля сыпались безпрестанно, постоянныя построенія въ классы, изъ классовъ, къ обѣду, ужину или чаю, къ вечерней или къ утренней молитвѣ, къ гимнастикѣ или фронту, постоянные переходы изъ одного мѣста въ другое, совершаемые въ строяхъ (при томъ по очень холоднымъ коридорамъ), сопровождались обыкновенно массой наказаній; не одинъ, такъ другой унтеръ-офицеръ крикнетъ: «безъ пирога», «безъ двухъ блюдъ», «стоять на штрафу» и т. п., и все за то только, что покажется ему, что вы немного шаркнули ногой, или повернули голову и т. п. Затѣмъ мальчику не давали ни минуты покоя, онъ бывало цѣлый день занятъ или въ классахъ, или на занятіяхъ, или фронтомъ, или танцами, гимнастикой, или осмотромъ платья, такъ что некогда и уроки приготовить. Между тѣмъ въ лазаретѣ тепло, цѣлый день празд-

никъ, никто не кричитъ, никто не наказываетъ, почти безъ надзора, кормили лучше. Все это привлекало въ лазаретъ и не однихъ лѣнтяевъ. Правда, кто учился получше, тотъ боялся лазарета, чтобы не пропустить уроковъ, которые придется догонять усиленной работой; но стоило только войти въ эту жизнь, разъ отстать отъ класса, увидѣть невозможность догнать пропущенное, какъ лазаретъ дѣлался даже спасеніемъ отъ дурныхъ балловъ и слѣдовавшихъ за ними наказаній, а разъ вступивъ на этотъ путь, мальчикъ привыкалъ къ лазарету и, оставшись въ классѣ, снова шелъ спасаться отъ уроковъ.

Надзоръ въ лазаретѣ поручался дежурному офицеру, который ежедневно мѣнялся, пока всѣ офицеры корпуса не передежурятъ по очереди; дежурный офицеръ сидѣлъ постоянно въ залѣ, изрѣдка только обходя камеры. Правда, лазаретомъ завѣдывалъ младшій штабъ-офицеръ, но онъ ограничивался одной хозяйственной частью. Еще въ лазаретѣ дежурилъ докторъ, который безъ вызова не выходилъ изъ дежурной комнаты.

Въ корпусѣ было три врача: одинъ старшій и два младшихъ. Послѣдніе черезъ день дежурили отъ 9 ч. утра до 3-хъ по полудни, затѣмъ уходили домой. Находясь въ заведеніи, я всегда задавалъ себѣ вопросъ, для чего надо было трехъ докторовъ, когда больныхъ осматривалъ и лѣчилъ только одинъ старшій докторъ, приходя для этого въ лазаретъ утромъ и вечеромъ на полчаса и много на часъ; но по выходѣ изъ корпуса, я прочелъ въ III-мъ томѣ Свода законовъ объ обязанности докторовъ и увидѣлъ, что они должны были ежемѣсячно тщательно осматривать всѣхъ 600 кадетъ корпуса, раздѣвать ихъ и принимать мѣры противъ всякаго ненормальнаго развитія ихъ организма. Но не такъ исполнялся законъ: во время моего 10-ти-лѣтняго пребыванія въ 1-мъ корпусѣ и 5-ти-лѣтняго пребыванія въ Александровскомъ, гдѣ также были три доктора, ни я, ни кто изъ товарищей моихъ ни одного раза не были подвергнуты докторскому осмотру; даже во время моей продолжительной болѣзни, при ежедневныхъ визитаціяхъ, докторъ только щупалъ пульсъ и смотрѣлъ на языкъ, никогда даже не выслушивалъ грудь, хотя я страдалъ хроническимъ кашлемъ.

Въ январѣ 1849 г. лазаретъ посѣтилъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Старшій докторъ Дмитрій Ѳедоровичъ Обломьевскій былъ такъ напуганъ этимъ посѣщеніемъ, что дрожалъ какъ въ лихорадкѣ; Обломьевскій всегда заикался, но отъ испуга онъ едва могъ говорить, такъ что Михаилу Павловичу приходилось долго ожидать отвѣтовъ на свои вопросы, да и самые отвѣты выходили крайне неудачные. Такъ, напримѣръ, подойдя къ больному, у котораго былъ ревматизмъ въ ногахъ, великій князь спросилъ у Обломьевскаго:

— Что у него?

— Ревматизмъ, ваше императорское высочество.

— Отчего?

Обломьевскій особенно долго заикался, наконецъ вымолвилъ:

— Я полагаю, ваше высочество, къ росту.

— Вздоръ! и съ этимъ словомъ Михаилъ Павловичъ пошелъ далѣе.

Великаго князя Михаила Павловича всѣ въ корпусѣ очень боялись. Почти не проходило праздника, чтобы онъ не вернулъ въ корпусъ кого-нибудь изъ кадетъ, встрѣченнаго имъ на улицѣ неисправно одѣтымъ, или не отдавшаго чести.

Онъ очень пугалъ насъ, маленькихъ, однимъ своимъ видомъ, а между тѣмъ онъ только напускалъ на себя суровость, будучи добрѣйшимъ человѣкомъ. Однажды великій князь обходилъ стоявшихъ въ строю маленькихъ кадетъ; вдругъ онъ увидѣлъ мальчика, у котораго были судорожныя подергиванія въ лицѣ, и, указывая на него пальцемъ, крикнулъ: «это что за чучело?» Мальчикъ расплакался. У великаго князя тотчасъ исчезла съ лица суровость, онъ взялъ мальчика на руки и сталъ его цѣловать и ласкать.

Во время пребыванія кадетъ въ лагеряхъ подъ Петергофомъ, гдѣ жили въ палаткахъ, императоръ Николай проѣзжалъ черезъ лагерь почти каждый день. Какъ только дежурный на правомъ флангѣ замѣтитъ его экипажъ, тотчасъ по всему лагерю раздается крикъ: «всѣ на линію», и кадеты всѣхъ корпусовъ выбѣгаютъ передъ палатками своихъ заведеній, становясь здѣсь безъ установленнаго порядка смирно, держа свои шапки въ правой рукѣ. Государь проѣзжаетъ медленно, здороваясь съ кадетами, а иногда останавливается, выходитъ изъ экипажа и шутитъ съ ними. Однажды государь проѣзжалъ мимо 1-го корпуса и вдругъ, остановившись, показалъ пальцемъ на то мѣсто, гдѣ столпились кадеты, и крикнулъ: «дуракомъ стоитъ, завтра показать его мнѣ!» и быстро уѣхалъ. Всѣ остались въ недоумѣніи: кто стоялъ «дуракомъ», что̀ значило стоять «дуракомъ»? Надо замѣтить, что мы были слишкомъ хорошо вымуштрованы, и никогда никто не позволялъ себѣ стоять не по правиламъ устава даже и передъ офицеромъ. Батальонный командиръ обратился къ той кучкѣ, состоявшей изъ 30-ти кадетъ, на которую указалъ государь, но никто не могъ рѣшить, чѣмъ онъ былъ недоволенъ, такъ какъ никто не чувствовалъ себя виноватымъ въ неправильной «стойкѣ». Но дѣлать нечего, завтра надо было кому-нибудь явиться государю съ повинною. Всѣ 30-ть человѣкъ бросили между собою жребій, и тотъ, на кого онъ выпалъ, долженъ былъ принять на себя вину. Одѣвшись въ новую курточку, онъ, ни-живъ-ни-мертвъ, ждалъ пріѣзда императора; не менѣе его волновался батальонный командиръ, не зная, въ чемъ виноватъ представляемый кадетъ. Государь хотя поздоровался съ кадетами, однако проѣхалъ не останавливаясь и не спро-

сивъ о виновномъ. Однако цѣлую недѣлю кадетъ ходилъ въ страхѣ, все ожидая, что его вызовутъ.

Одно изъ ненормальныхъ условій прежнихъ кадетскихъ корпусовъ состояло въ томъ, что воспитаніе маленькихъ кадетъ возлагалось на старшихъ воспитанниковъ. Унтеръ-офицеры были ближайшими воспитателями маленькихъ, слѣдя чуть не за каждымъ шагомъ воспитанниковъ своей части (унтеръ-офицеръ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи 12—13 воспитанниковъ). Далеко еще не развитый юноша не могъ принести надлежащей пользы своимъ воспитанникамъ, а при злоупотребленіи своей довольно значительной властью, часто приносилъ не мало вреда. Бывали, правда, счастливыя исключенія, когда унтеръ-офицеръ, а особенно фельдфебель, дѣйствовалъ разумно и выказывалъ способности будущаго педагога, но чаще получался отъ нихъ вредъ.

Унтеръ-офицеръ, по крайней мѣрѣ въ 1-мъ корпусѣ, имѣлъ право налагать на воспитанниковъ своей роты слѣдующія взысканія: оставлять за обѣдомъ безъ одного блюда, безъ двухъ блюдъ, за ужиномъ безъ блюда, за чаемъ замѣнять булку черным хлѣбомъ, ставить въ столовой за скамейку, ставить на штрафъ на какой угодно срокъ. Нерѣдко за пустой проступокъ унтеръ-офицеръ наказывалъ воспитанника безъ двухъ блюдъ на два, на три дня и даже на недѣлю. Бывали случаи, что унтеръ-офицеръ наказывалъ на черный хлѣбъ къ чаю впредь до приказанія.

Какъ тяжело было жить въ корпусѣ кадетамъ, такъ хорошо было жить унтеръ-офицерамъ и въ особенности фельдфебелямъ. Внутри заведенія унтеръ-офицеры пользовались полною свободой; дежурные офицеры и ротные командиры относились къ нимъ съ уваженіемъ; изъ отпуска они могли являться какъ угодно поздно. Жизнь эта мнѣ казалась настолько хорошею, что мнѣ не хотѣлось выходить изъ корпуса, и я съ сожалѣніемъ разстался съ нимъ при производствѣ меня въ офицеры въ іюнѣ 1856 года.

В. Г. фонъ-Бооль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ переписки Н. И. Надеждина.

Насколько многочисленны и важны литературные и научные труды Николая Ивановича Надеждина, настолько немногочисленны и маловажны обнародованные до настоящаго времени матеріалы для его біографіи. Наиболѣе цѣнныя данныя заключаются въ автобіографіи издателя «Телескопа» («Русскій Вѣстникъ», 1856, мартъ, книга I) и въ статьѣ: «Н. И. Надеждинъ на службѣ въ Московскомъ университетѣ» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1880, № 1). Особенной скудостью отличаются остатки нѣкогда обширной переписки нашего ученаго съ разными лицами, съ которыми сталкивала его судьба на литературномъ и жизненномъ поприщахъ. Намъ извѣстны письма Надеждина къ М. А. Максимовичу («Москвитянинъ», 1856 г., № 3), Ю. Н. Бартеневу и Е. В. К—ой («Русскій Архивъ», 1864, ст. 1058—1065; 1885, т. II, стр. 573—583) [1]; равнымъ образомъ,— письма къ Надеждину Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара (тамъ же, 1873, кн. 7, стр. 1131—1221). Печатающіяся ниже письма Надеждина къ А. А. Краевскому хранятся въ Императорской публичной библіотекѣ. Смѣемъ думать, что находящіяся въ нихъ небезынтересныя свѣдѣнія могутъ пригодиться будущему біографу знаменитаго русскаго литератора, журналиста и этнографа, заслуги котораго въ научной области до сихъ поръ еще не нашли себѣ должной оцѣнки.

Н. Козминъ.

---

[1]) Письма къ Е. В. К—ой (Сухово-Кобылиной, впослѣдствіи извѣстной писательницѣ Евгеніи Туръ) до нѣкоторой степени освѣщаютъ любопытнѣйшій эпизодъ въ жизни Надеждина. Объ этомъ см. „Журналъ высочайше учрежденной Рязанской ученой архивной коммиссіи“, отъ 30-го марта 1885 г.; также „Русскую Старину“, 1887, т. 54, стр. 660—662; 1888, т. 57, стр. 407.

1.

Н. И. Надеждинъ—А. А. Краевскому.

25-го ноября 1838 г. Одесса.

Такъ-то вы, господа петербуржцы, помните своихъ знакомыхъ? Вѣрно по старой русской пословицѣ—изъ глазъ вонъ, и изъ памяти вонъ!—Особенно сержусь я на «сплетника», который обѣщалъ быть для меня живою «Молвою» [1]... Слѣдовало бы заплатить вамъ тою же монетою!—Но такъ и быть! На первый разъ Богъ васъ проститъ... А послѣ—не исправитесь, такъ не пеняйте. Замолчу и самъ, какъ могила. Я дотащился кое-какъ до Адеста [2], какъ видите. Горя было много. Тысячу, милліонъ разъ жалѣлъ я, что не остался съ вами. Наконецъ—слава Богу—достигъ пристанища по двадцати четырехъ дневномъ плаваніи по морю топучей грязи... Піедесталы мои еще не утвердились; по-прежнему «изъ одной амбиціи балансирую»! [3] Но, кажется, есть надежда, что, при успокоеніи тѣлесномъ и душевномъ, здоровье мое поправится. Тогда и рука будетъ ходить вольнѣе, и чернилъ больше будетъ тратиться... Теперь же все еще не могу долго сидѣть, слѣдовательно, не могу и работать вдоволь. Познайте изъ сего поучительную истину, что и въ литературѣ нужна не одна голова, но и тотъ противоположный полюсъ, «надиръ» нашего организма, который не даромъ называется «естествомъ» par excellence.

Вотъ однако начало трудовъ, которые вы заказали мнѣ по части «Отеч(ественныхъ) Записокъ» (да сохранитъ ихъ Аллахъ!) [4]. Посылаю эти немногіе листки, содержащіе въ себѣ почти только введеніе, единственно для того, чтобы вы не отчаялись въ ихъ полученіи. Разъ взявшись за дѣло, я не люблю отставать. У меня всегда начало половина работы! Въ продолженіе недѣли вы получите все, что имѣю сказать о двухъ близнецахъ [5]. Экстра-почта ходитъ отсюда въ Петербургъ два раза въ недѣлю, и я не пропущу ни одной. Чтобы не остановить васъ, я такъ и распорядился, чтобы вы приставили это къ концу «Обо-

---

[1]) Иванъ Ивановичъ Панаевъ, авторъ извѣстныхъ „Литературныхъ Воспоминаній“.

[2]) Одессы.

[3]) Ср. „Литературныя Воспоминанія“ И. И. Панаева. Спб. 1876, стр. 151: „Въ 1837 году Надеждинъ возвратился изъ мѣста своего изгнанія, Усть-Сысольска, въ Петербургъ, разслабленный и безъ ногъ“.

[4]) „Отечественныя Записки“ стали выходить съ января 1839 года.

[5]) Эта статья, какъ видно изъ письма отъ 24-го февраля 1839 г., не была напечатана.

зрѣнія русской литературы за прошлый годъ». Прочтите—и сами увидите. Если нужно сдѣлать другой шовъ покрѣпче, притачайте сами.

Не знаю, какъ успѣю сдѣлать другой вашъ заказъ. Слова отдѣлываю, но разбора еще не начиналъ. Притомъ у насъ здѣсь нѣтъ еще и XV тома. Да и нужно-ли это теперь? [1]) Вотъ то-то, если бы вы черкнули мнѣ хоть строчку. А то и не знаешь, что̀ у васъ дѣлается? Не погибли-ли вы на разсвѣтѣ дней своихъ? Не заколотилъ-ли васъ Булгаринъ въ конецъ? Чего добраго. Его свирѣпства я читаю въ «С(ѣверной) П(челѣ)». А вы, съ позволенія сказать—какъ рыбы. Но М. М. Снегиревъ [2]) говаривалъ, что и въ рыбахъ есть исключеніе, что не всѣ онѣ нѣмы, что есть пословица: «реветъ, какъ бѣлуга»! Да оправдаетъ же великаго мужа будущій годъ! Да зареветъ хоть бѣлугою Петербуржская «трущоба»! Нечего болѣе писать. Жду отъ васъ извѣстій съ нетерпѣніемъ! Ради Бога, пишите, и пишите все. Теперь должно быть бо̀льшее движеніе во всѣхъ литературныхъ «трущобахъ». Не изъ дупла же «С(ѣверной) П(челы)» брать мнѣ вѣсти? Пожалуста не лѣнитесь! Праздность есть мать всѣхъ пороковъ.

«Одесскій Альманахъ» [3]) челомъ бьетъ «Утренней Зарѣ» [4]), а я его (ея?) издателю. Что̀ взялъ онъ! Хвастался, что непремѣнно поспѣетъ къ 1-му ноября, а уже декабрь на дворѣ. Мы здѣсь держимся пословицы: «тише ѣдешь, дальше будешь».

Прощайте, мой любезнѣйшій! Обнимаю васъ отъ всей души и не считаю нужнымъ повторять, что я тотъ же останусь на берегахъ Чернаго моря, какой былъ на берегахъ Балтійскаго. Sit pro potestate voluntas—то-есть (ошибся)—pro voluntate potestas! Вашъ Н. Надеждинъ.

Въ «Обозрѣніе русской литературы» я пришлю вамъ черезъ два дня нѣсколько строкъ о «Книгѣ большаго чертежа» [5]). Помѣстите ихъ по принадлежности.

---

[1]) Надеждинъ, согласно его словамъ, намѣревался принять участіе въ предпріятіи А. А. Краевскаго, „заказы“ котораго, за отсутствіемъ его писемъ, остаются неизвѣстными.

[2]) Михаилъ Матвѣевичъ Снегиревъ — профессоръ Московскаго университета.

[3]) Въ „Одесскомъ Альманахѣ“ (1839—1840) были напечатаны нѣкоторыя статьи Надеждина.

[4]) Издатель альманаха „Утренняя Заря“ (Спб. 1839—1843) былъ полковникъ В. А. Владиславлевъ (1807—1856), находившійся, по свидѣтельству И. И. Панаева, „въ очень короткихъ отношеніяхъ“ съ Надеждинымъ и получившій отъ послѣдняго для своего изданія статью: „Народная поэзія у зырянъ“.

[5]) „Книга большому чертежу, или древняя карта Россійскаго Государства“, напечатанная впервые въ 1792 году, была переиздана въ 1838. Ср. „Отечественныя Записки“, 1839, т. I, отд. VII, стр. 40.

2.

Н. И. Надеждинъ—А. А. Краевскому.

24-го февраля 1839 г. Одесса.

Ну насилу-то наконецъ стала душа на мѣстѣ! А то, признаюсь, я былъ въ совершенномъ отчаяніи. Возможно-ли? Цѣлые три мѣсяца—ни слуху, ни духу. Хоть бы «Молва» Панаева продолжалась? [1]) Нѣтъ! Стала на первомъ номерѣ, точно «Московскій Наблюдатель» und dergleichen. А вы, мой батюшка, вы-то хороши. Я, право, не зналъ, что̀ придумать, чѣмъ объяснить гробовое молчаніе. Такая дрянь лѣзла въ голову. Думалось ужъ, не погибли-ль вы во цвѣтѣ лѣтъ, подъ развалинами «Отечественныхъ». Теперь, слава Богу! Te Deum laudamus! И вы живы, и «Отечественныя» здравствуютъ, и я—оживаю. Видите, какія чудеса производитъ ваше писаніе. Если бъ печатаемое вами имѣло успѣхъ хоть въ половину противъ писемъ, куда бъ было хорошо!..

Но—умѣряю восторгъ! Скорѣе за дѣло. Начинаю съ того, что письмо ваше—тфу ты пропасть! опять письмо! Ну да ужъ въ послѣдній разъ объ немъ!—что письмо ваше дошло сюда прежде «Литературныхъ Прибавленій» [2]). Этого милаго, пріятнаго и полезнаго журнальца мы, жители Одессы, въ текущемъ 1839 году, еще не имѣли счастія видѣть. Помилуйте, что̀ жъ вы такъ распоряжаетесь? Дмит(рій) Максимовичъ [3]) подписался давнымъ-давно на «Л(итературныя) П(рибавленія»); а до сихъ поръ не выслано ни листа. Я ужъ не говорю о себѣ; я, по крайней мѣрѣ, не подписывался! Да и «Отечественныя» тоже невидимствуютъ. Полученъ здѣсь только одинъ экземпляръ на имя Ришельевскаго Лицея, и то недавно. Этакъ тихо ѣхать—далеко не будете! Итакъ первый мой совѣтъ вашей милости—распорядиться аккуратнѣе насчетъ разсылки «Отечественныхъ» и «Литературныхъ». Вовторыхъ, вы спрашиваете меня, какого здѣсь мнѣнія о первыхъ. На сіе имѣю честь отвѣтствовать, что какъ оныхъ почти никто еще не видитъ, то и мнѣнія по поводу ихъ еще не состоялось. Мнѣ лично первая книжища приглянулась, хотя и я глянулъ на нее только мелькомъ. Замѣчу однако: 1) иностранная повѣсть, если справедливъ извѣтъ «Сѣверной Пчелы», что она давно уже была переведена, въ самомъ

---

[1]) См. примѣчанія къ письму отъ 25-го ноября 1838 года.

[2]) Въ 1838 году А. А. Краевскій дѣлается собственникомъ и издателемъ газеты „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду".

[3]) Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ (1788—1844), хорошій знакомый Надеждина, былъ въ это время попечителемъ Одесскаго округа. Николаемъ Ивановичемъ была издана въ 1842 году книжка „Родъ Княжевичей".

дѣлѣ избрана неудачно [1]); 2) въ критикѣ надо рѣзче обрисовать свой взглядъ и литературный кодексъ, и воздерживаться отъ неумѣренныхъ похвалъ нѣкоторымъ, впрочемъ почтеннымъ мужамъ; 3) разнообразія, какъ можно больше разнообразія; 4) статьи должны быть елико-возможно—окончаннѣе. Наконецъ—главное—не ослабѣвать и идти впередъ мужественно! Только этимъ послѣднимъ можно надѣяться побѣдить супостатовъ!—Вы не будете сердиться на мою откровенность. Истинное желаніе успѣха благому дѣлу—одушевляетъ меня. Впередъ—смѣлѣе и настойчивѣе!

Съ своей стороны, стыжусь, что до сихъ поръ не препроводилъ къ вамъ посильнаго сикурса. Но—ей-ей—не могъ. Теперь доканчиваю «Литературу XVII вѣка», которая скоро полетитъ къ вамъ [2]). Насчетъ дополненій къ «Э(нциклопедическому) Л(ексикону)» подожду вашего перваго листка, чтобы приноровиться [3]). Касательно «Сіамцевъ» нужды нѣтъ, что не попало. Возвратите статью назадъ къ Ал(ександру) Макс(имовичу) Княжевичу [4]). Еще послана вамъ отсюда нѣкая вещица съ «Усатовыхъ-Хуторовъ»: ее можете напечатать въ «Л(итературныхъ) П(рибавленіяхъ)», для которыхъ она и написана [5]).

«Одесскій Альманахъ» вышелъ. Вы ужъ, чай, и имѣете его въ вашихъ рукахъ. Для конторы вашей сдѣлано распоряженіе [6]). Пожалуста, если что̀ услышите—примѣромъ-будучи такое, что̀, въ разсужденіи, такъ сказать, насчетъ вашего покорнаго слуги, и тому подобное,—то не оставьте предувѣдомленіемъ, а въ случаѣ и должною защитою. Больше новостей—здѣсь, въ Одессѣ, нѣтъ. Развѣ то, что здѣшніе журналисты—имени и отчества, признаюсь, не знаю—вооружились на альманахъ съ звѣрствомъ и дали преглупѣйшую пальбу, особенно по вашимъ Петербуржскимъ [7]). Мы заказали здѣшнимъ же посѣчь нахаловъ порядкомъ на

---

[1]) Въ № 29 „Сѣверной Пчелы“ за 1839 годъ читаемъ: „Нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о повѣсти Сервантеса „Сила крови“, которою заключается отдѣленіе прозы въ О. З. Повѣсть эту читали мы по-русски, лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“; потомъ въ „Повѣстяхъ и басняхъ“ Мейснера, изд. Подшиваловымъ (М. 1802, кн. VII), и наконецъ въ повѣстяхъ Сервантеса, изд. Ѳ. Кабритомъ (М. 1805, ч. III)“.

[2]) Статья, намъ неизвѣстная.

[3]) Въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ Плюшара было помѣщено значительное число статей Надеждина.

[4]) См. примѣчаніе къ письму отъ 25-го ноября 1838 г.

[5]) Указанной „вещицы“ мы не нашли въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“ 1839 года.

[6]) За отсутствіемъ писемъ Краевскаго трудно сказать, о какомъ распоряженіи идетъ рѣчь.

[7]) См. „Одесскій Вѣстникъ“, 1839, №№ 13—15.

самомъ мѣстѣ преступленія, то-есть въ «Одесскомъ же Вѣстникѣ». Видите, что и въ здѣшнемъ захолустьѣ не безъ темныхъ интригъ и козней. Гдѣ есть типографія и журналъ, тамъ ужъ непремѣнно заводится всякая пакость. Признаюсь, я очень разозлился на Адестскую критику за похабство, и сейчасъ бы убѣжалъ къ вамъ, если бы не проклятыя ноги, которыя все еще не оправились, какъ слѣдуетъ.

Впрочемъ, и у васъ, какъ вижу, не лучше прежняго, если еще не хуже. Мракъ неизвѣстности усугубляетъ еще болѣе ужасъ, внушаемый литературными страшилищами. Сдѣлайте милость, отвѣчайте намъ на слѣдующіе вопросы съ возможною удовлетворительностью:

1. Что̀ значитъ, что «Сѣверная Пчела» раздается уже у нѣкоего Жебелева, а не у Смирдина? Гдѣ жъ она теперь издается [1])?

2. Куда дѣвалась послѣдняя книжка «Сына Отечества» за прошлый годъ? И точно-ли вышла первая на нынѣшній? И что̀ значитъ, что Ѳаддей расхваливаетъ уже «Иголкиныхъ» и всякую подобную всячину [2])?

3. Здоровъ-ли Фаустъ послѣ дружескихъ объятій—Сего? Ни̇̀что ему. Не обманывай «Одесскаго Альманаха»? Не толкуй о «скорпіонахъ»! [3]).

4. Высѣченъ-ли Плюхарій, или просто посаженъ въ яму? Какая будущность предстоитъ «Э(нциклопедическому) Л(ексикону)»? Есть-ли надежда, что я получу свои деньги, или—пиши пропало? Послѣднее очень мнѣ не по сердцу [4]).

5. Въ какихъ отношеніяхъ находится журнальный «Quatuor» между собою? Нѣтъ-ли но̀выхъ трактатовъ и сдѣлокъ [5])?

6. Что̀ дѣлается съ Гекторомъ, съ Вальтеръ-Скоттиками, Гомериками и иною прочею челядью [6])?

---

[1]) Въ письмѣ Н. А. Полевого къ брату отъ 27-го декабря 1838 г. находимъ слѣдующее сообщеніе: „Изъ литературныхъ подробностей важнѣйшая та, что съ будущаго года Смирдинъ отказался отъ „Пчелы“ и радъ былъ откупиться, только бы Гречъ и Булгаринъ избавили его отъ нея“. („Записки“ Кс. А. Полевого. Спб. 1888, стр. 455).

[2]) Піеса „Иголкинъ“, которая шла на сценѣ въ концѣ 1838 г., произвела хорошее впечатлѣніе на императора Николая Павловича; похвалы Булгарина были выраженіемъ общественнаго мнѣнія (тамъ же, стр. 451—453).

[3]) Намекъ на сотрудничество князя В. Ѳ. Одоевскаго въ „Библіотекѣ для чтенія“ О. И. Сенковскаго.

[4]) Въ началѣ 1839 года дѣла Плюшара пришли въ разстройство; редакція „Энциклопедическаго Лексикона“ была предложена Н. А. Полевому, но послѣдній отказался („Записки“ Кс. А. Полевого, стр. 465—466).

[5]) Журнальный „Quatuor“ состоялъ, по всей вѣроятности, изъ „Библіотеки для чтенія“, „Сѣверной Пчелы“, „Отечественныхъ Записокъ“ и „Литературныхъ Прибавленій“.

[6]) Трудно угадать, кого разумѣлъ Надеждинъ подъ именемъ Гектора;

7. Протрезвился-ли Панаевъ, который, по увѣренію ротмистра, пьянствуетъ и якшается съ Паномъ Тадеушемъ [1])? У самого ротмистра выздоровѣла-ли «мягкая часть», неосторожно расчесанная при чтеніи «Одес(скаго) Вѣстника» [2])? Откуда сей послѣдній взялъ 20.000 рублевъ, пожертвованныхъ на «Дѣтскую Больницу»? NB. Одесскій рецензентъ «Утренней Зари», который не кто иной, какъ извѣстный вамъ Григорьевъ, жертвуетъ ту красную ассигнацію, что заплачена за альманахъ, въ пользу той же «Больницы»: передайте сіе ротмистру [3]).

8. Дошла-ли «Галатея» до Питера хоть теперь? Есть-ли надежда, что «Зеленый» журналъ не поблекнетъ при февральскихъ еще морозахъ [4])?

Всѣ сіи и подобные пункты очень для насъ любопытны. Сдѣлайте отеческую милость—заставьте хоть Панаева изложить на нихъ отвѣты вкратцѣ. Только подъ этимъ условіемъ я буду напоминать вамъ о себѣ при каждой книжкѣ «Отечественныхъ». Самого меня не ждите скоро. Прежде нежели кинусь въ вашъ грязный омутъ, придется еще поваляться въ Крымскихъ грязяхъ, чтобы стать на ноги. А это не можетъ быть прежде лѣта, которое, я вижу, и въ здѣшней беззимней сторонѣ, возвращается медленно.

Написалось столько, что я и самъ испугался. Боюсь задержать васъ чтеніемъ такого длиннаго письма, чтобъ, чего Боже упаси, не вышло остановки въ «Отечественныхъ». Вслѣдствіе чего—прощайте!

Обнимаю васъ душевно и снова повторяю: мужайтесь.

Преданнѣйшій Н. Надеждинъ.

Поклонъ всѣмъ знакомымъ, наипаче же блудному Панаеву, нравственному ротмистру и—расколдованному Фаусту. Писать еще не буду—до полученія отвѣта. Слышите? Да—ради Царя Небеснаго—«Отечественныя» и «Литературныя». Умираемъ безъ нихъ. Д(митрій) М(аксимовичъ) [5]) вамъ кланяется.

„Вальтеръ-Скоттики“ и „Гомерики“—беллетристы начала сороковыхъ и конца тридцатыхъ годовъ.

[1]) Ротмистръ—вышеупомянутый В. А. Владиславлевъ; Панъ Тадеушъ—Ѳ. В. Булгаринъ; Панаевъ—Иванъ Ивановичъ, авторъ „Литературныхъ Воспоминаній“.

[2]) Въ № 2 „Одесскаго Вѣстника“ за 1839 годъ была напечатана рецензія на альманахъ „Утренняя Заря“; эта рецензія, авторомъ которой былъ упоминаемый въ письмѣ Надеждина В. Григорьевъ, написана съ легкой ироніей по адресу В. А. Владиславлева.

[3]) О какихъ пожертвованіяхъ говоритъ Надеждинъ, намъ неизвѣстно.

[4]) „Зеленый“ журналъ—„Московскій Наблюдатель“.

[5]) Вышеупомянутый Д. М. Княжевичъ.

Письмо Василія Алексѣевича Левшина къ князю Петру Васильевичу Лопухину.

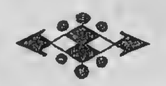
19-го февраля 1799 г. Бѣлевъ, Тульской губ.

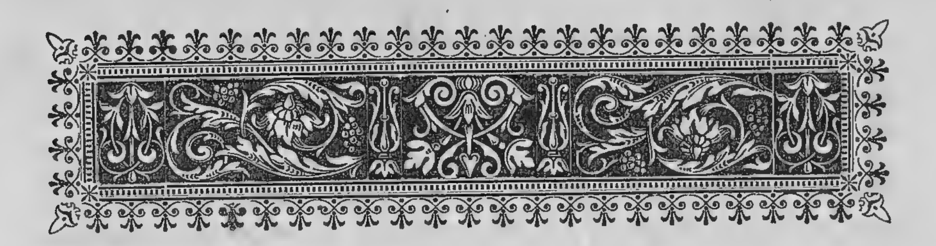
Сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій государь!

Крайне мало имѣлъ я счастія быть вамъ, сіятельнѣйшій князь, знакомъ лично; но извѣстно вамъ, милостивѣйшій государь, что покойной первой вашей супругѣ былъ я изъ ближнихъ родственниковъ. Сіе подало мнѣ смѣлость прибѣгнуть къ стопамъ вашимъ со всенижайшею моею просьбою по случаю несчастныхъ и крайне разстроенныхъ моихъ обстоятельствъ, кои всѣ изобразить едва-ли можно. Мнѣ почти 60 лѣтъ, въ семействѣ моемъ самъ двѣнадцать, имѣніе малое, которое, по малоземелью, не токмо не приноситъ столько дохода, чтобъ могъ я прилично дворянину себя содержать, но не достаетъ онаго на проценты; долги мои нажилъ не мотовски, но имѣвъ тяжбу о томъ маломъ имѣніи, которымъ владѣю, и воспитываю дѣтей. Помогалъ я сему, пока зрѣніе и здоровье мое не ослабѣло, платою за мои переводы; нынѣ же лишенъ и сего пособія. Даже, по малоимѣнію, не могъ воспользоваться и всеобщею монаршею милостію въ разсужденіи вспомогательнаго банка, чтобы уплатить всѣ мои долги, коихъ до 15 тысячъ. И такъ, въ старости, имѣвъ десятерыхъ дѣтей, въ томъ числѣ пятерыхъ дочерей, ожидаю и съ ними остаться безъ пропитанія. Сіе простираетъ меня у ногъ вашихъ, сіятельнѣйшій князь, ободряемаго извѣстнымъ свѣту вашимъ человѣколюбіемъ и сострадательнымъ сердцемъ, со всенижайшею моею слезною просьбою исходатайствовать у монаршаго милосердія что-либо къ пропитанію цѣлаго несчастнаго семейства, котораго бѣдственнаго положенія я начертать не въ состояніи, но окруженъ всѣмъ онаго ужасомъ. Всемогущій Богъ, избравъ васъ въ покровители несчастныхъ, да подвигнетъ ваше сердце отереть мои слезы. Сея отеческія милости ожидая, съ глубочайшимъ и всенижайшимъ почитаніемъ остаюсь вашимъ, сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій государь, всенижайшимъ слугою.

На прошеніи написано: «Пусть терпитъ».

Сообщилъ **Н. А. Мурзановъ**.

Польская конституція 3-го мая 1791 года
и
отношеніе къ ней Россіи.

III[1]).

Потоцкій дѣйствовалъ въ видахъ императрицы съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ выступилъ на арену общественной дѣятельности... Императрица писала о немъ, въ 1792 г., что онъ «тридцать лѣтъ былъ вѣренъ и преданъ Россіи», слѣдовательно, чуть не съ пеленокъ, такъ какъ онъ родился въ 1752 г. Онъ не скрывалъ своихъ политическихъ убѣжденій и высказывалъ постоянно мысль, что Рѣчь Посполитая можетъ существовать только въ союзѣ съ Россіей, сближеніе же съ Пруссіей онъ считалъ для нея весьма опаснымъ и предсказывалъ, что «если Польша когда-либо погибнетъ, то виною этого будетъ король прусскій [2]).

На сеймѣ 1788 г. онъ громко выражалъ свои симпатіи къ Россіи, за что имѣлъ немало непріятностей и докуки, и это побудило его уѣхать къ своей дивизіи на Украйну, гдѣ онъ занялся военнымъ дѣломъ, не переставая, наперекоръ всѣмъ, высказывать свое преклоненіе передъ Екатериною.

Свои чувства къ ней и къ Россіи онъ высказалъ, между прочимъ, въ письмѣ къ русскому генералу Миллеру, копію съ котораго онъ прислалъ, въ видѣ вызова, вмѣстѣ со своими рапортами въ военную коммиссію.

---

[1]) См. „Русскую Старину" апрѣль 1904 г.

[2]) Письмо Щенснаго-Потоцкаго—Петру Потоцкому, изъ Тульчина, отъ 27-го іюля (7-го августа) 1788 г.

Письмо это, прочитанное на засѣданіи сейма 1-го (12-го) марта 1789 г., вызвало неудовольствіе присутствовавшихъ.

Король защищалъ Потоцкаго, совѣтовалъ назначить его посланникомъ въ Петербургъ и заявилъ желаніе, чтобы маршалъ сейма выразилъ ему довѣріе сословій, что Малаховскій и исполнилъ въ письмѣ отъ 4-го (15-го) марта. Щенсный-Потоцкій не обратилъ на это письмо никакого вниманія. Въ апрѣлѣ 1789 г. онъ написалъ снова фельдмаршалу Румянцову и увѣрялъ его въ своей пріязни къ Россіи, и хотя этотъ разъ не послалъ съ письма копіи въ военную комиссію, но велѣлъ распространить ее частнымъ образомъ. Тогда въ засѣданіи сейма 25-го апрѣля (6-го мая) противъ него вооружился Суходольскій, депутатъ холмскій; онъ напомнилъ о письмѣ къ Миллеру, о предостереженіи маршала отъ 4-го (15-го) марта и пригрозилъ, «что шутить съ Рѣчью Посполитой нельзя». Щенснаго защищалъ литовскій маршалъ Игнатій Потоцкій, но Суходольскій отвѣтилъ ему весьма рѣшительно и повторилъ свою угрозу.

Щенсный не одобрялъ крутыхъ мѣръ, къ коимъ прибѣгала военная коммиссія для подавленія бунтовъ на Украйнѣ, и самъ проявлялъ въ обращеніи съ солдатами замѣчательную мягкость.

«Командующій войскомъ,—писали о немъ въ то время [1],—говоритъ въ присутствіи солдатъ, что можно-ли обвинять въ неповиновеніи и преслѣдовать такихъ хорошихъ людей».

Военная коммиссія, не довѣряя ему, посылала приказанія непосредственно подчиненнымъ ему генераламъ, что вызывало, само собою разумѣется, недоразумѣнія и неудовольствіе. Потоцкій нѣсколько разъ пытался сложить съ себя командованіе войскомъ и уѣхать за границу, но его удерживалъ отъ этого король.

Одобренное сеймомъ и поддержанное прусской нотой запрещеніе русскимъ войскамъ прохода черезъ польскія земли не дало Щенсному возможности оказать услугу императрицѣ, разрушило его политическія иллюзіи и укрѣпило его въ намѣреніи уѣхать изъ Польши. 14-го (25-го) октября 1789 г. онъ увѣдомилъ Потемкина, что, сложивъ съ себя командованіе украинской дивизіей, онъ уѣзжаетъ въ Италію.

Живя за границей, онъ поддерживалъ сношенія съ кружкомъ лицъ, коимъ были избраны депутаты въ сеймъ, знакомилъ ихъ съ содержаніемъ писемъ, получаемыхъ имъ изъ Польши, въ коихъ выражалось неудовольствіе по поводу политическаго переворота, совершеннаго сеймомъ, и склонялъ ихъ къ оппозиціи.

«Покуда мы еще находимся между миромъ и войною,—писалъ онъ изъ Венеціи въ маѣ мѣсяцѣ 1790 г.;—дай Богъ, чтобы насъ не ввергли

[1]) Гржимало—Петру Потоцкому 8-го (19-го) мая 1789 г.

въ эту пропасть новые псевдо-пріятели Польши [1]), которые въ доказательство своей пріязни хотятъ взять у насъ между тѣмъ Гданскъ и Торнъ и осмѣливаются говорить намъ, какъ дѣтямъ, что это дѣлается для нашей же пользы. Они не могли помѣшать нашему усиленію, но, желая насъ погубить, они натравятъ насъ въ войну и согласны даже воевать за насъ, лишь бы мы взяли на себя всѣ издержки.

«Я держусь тѣхъ же мыслей, какъ и прежде, буду говорить и дѣйствовать такъ же, какъ прежде, чтобы не дать державамъ нанести малѣйшій вредъ Рѣчи Посполитой.

«Я бы самъ взялся за оружіе, если бы я питалъ хотя малѣйшую надежду на то, что это принесетъ пользу. Однако, я твердо надѣюсь, что мое отечество выйдетъ изъ этого испытанія благополучно, что Рѣчь Посполитая останется Рѣчью Посполитой, а не сдѣлается частью прусской монархіи» [2]).

Осенью 1790 г. Потоцкій поселился въ Вѣнѣ, откуда онъ совмѣстно съ Ржевусскимъ написалъ протестъ противъ новой конституціи, который вмѣстѣ съ брошюрами, составленными въ томъ же духѣ, былъ отпечатанъ и распространенъ ихъ друзьями. Польскіе патріоты долго не придавали этому значенія. Малаховскій писалъ своему племяннику: «Мы не надѣемся, чтобъ эти злобные люди могли успѣть въ чемъ-либо, мы наблюдаемъ за ними зоркимъ окомъ; у насъ есть сила придушить мятежниковъ, есть войско, расположенное на зимнихъ квартирахъ, но я не думаю, чтобы дошло до нужды въ немъ. Москва съ нами ничего не говоритъ, а другимъ, которые у ней выпытываютъ, какъ она думаетъ о польскихъ дѣлахъ, она отвѣчаетъ очень деликатно и почтительно. Изъ этого видно, что она не хочетъ вмѣшиваться въ наши дѣла» [3]).

Но король былъ встревоженъ агитаціей Щенснаго-Потоцкаго и послалъ въ Вѣну Станислава Потоцкаго, съ письмомъ, въ которомъ онъ убѣждалъ его прекратить свои происки; въ томъ же смыслѣ писалъ ему Малаховскій. На оба эти письма отъ 7-го (18-го) октября Щенсный отвѣчалъ 12-го (23-го) ноября, уже по окончаніи сеймиковъ, и изложилъ въ своемъ отвѣтѣ тѣ же взгляды, какіе онъ проповѣдывалъ въ воззваніяхъ и брошюрахъ. Желая добиться отмѣны конституціи, Щенсный-Потоцкій разсчитывалъ, повидимому, одно время на Австрію, но, убѣдясь въ томъ, что онъ не встрѣтитъ поддержки у Вѣнскаго двора, рѣшилъ обратиться къ Россіи и вступилъ съ этой цѣлью въ сношенія съ Потемкинымъ.

---

[1]) Пруссаки.
[2]) Щенсный-Потоцкій—Свейковскому 10-го (21-го) мая 1790 г.
[3]) Костомаровъ, стр. 383.

*

Полученное отъ него письмо съ предложеніемъ услугъ Потемкинъ сообщилъ императрицѣ, которая въ отвѣтъ на него дала, 18-го (29-го) іюля 1791 г., на имя князя секретный рескриптъ [1]), въ которомъ писала, «что перемѣна правленія, въ Польшѣ случившаяся, если она въ силѣ и дѣйствіяхъ своихъ утвердится, не можетъ быть полезна для сосѣдей, въ томъ нимало нѣтъ сомнѣнія, и потому долгъ попеченія нашего о благѣ и тишинѣ имперіи нашей взыскиваетъ отъ насъ благовременныхъ мѣръ къ отвращенію вреда, каковаго опасаться можно отъ государства, многими и обильными средствами снабдѣннаго». Признавая, что «для надежнаго въ семъ успѣха, всего прежде надлежало бы имѣть развязанныя руки прекращеніемъ войны съ турками», она выражала надежду, что Потемкинъ, «продолжая непрерывно сильныя военныя дѣйствія со ввѣренными предводительству его сухопутными и морскими силами, принудитъ врага заключить миръ на предложенныхъ ею условіяхъ», а тогда,—писала она,—«и откроется полная удобность, при настояніи случая, возвращаться знатной, по крайней мѣрѣ, части войскъ нашихъ чрезъ Польшу, подкрѣпить недовольныхъ послѣднею конституціею и планъ, вамъ начертанный, исполнить самымъ дѣломъ. Рѣшаясь на таковыя мѣры, имѣемъ мы незазорную совѣсть передъ свѣтомъ, когда поляки наглымъ и оскорбительнымъ образомъ отвергли наше ручательство (торжественными договорами утвержденное) на прежнюю форму правленія и кардинальные законы ихъ; когда причинили намъ многочисленныя озлобленія и затрудненія по войнѣ нашей съ турками; когда простерли неистовство ихъ до того, что во вредъ намъ искали и ищутъ составить союзъ со врагомъ нашимъ и всего имени христіанскаго; и когда самъ король ихъ, рукою нашею на престолъ возведенный, учинился однимъ изъ главныхъ орудій къ произведенію въ дѣйство всей толико вредной перемѣны».

Излагая далѣе свой взглядъ на то, какъ слѣдовало приступить къ дѣйствію, Екатерина писала, что «какъ недовольные сею перемѣною артиллеріи генералъ Потоцкій и польный гетманъ Ржевусскій, не скрывая образа мыслей ихъ, намѣрены да и считаютъ необходимымъ открыть свои дѣйствія, не теряя времени, дабы между тѣмъ зло, въ отечество ихъ введенное, не утвердилося, то, при подобномъ воспріятіи со стороны ихъ дѣятельныхъ мѣръ, нельзя уже будетъ и намъ отлагать далеко наше пособіе».

Но, по мнѣнію Екатерины, починъ дѣйствія долженъ былъ исходить отъ нихъ, «чтобы сами они начали составленіемъ партіи вѣрной и значущей», прибѣгнувъ къ ней «яко ручательницѣ прежней

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1874 г., книга II, стр. 281—289.

ихъ вольной конституціи, и формально требовали ея заступленія и помощи».

«Тѣмъ временемъ,—продолжала императрица,—учинимъ мы предварительное сношеніе съ союзникомъ нашимъ, императоромъ римскимъ, сообща ему, въ самыхъ убѣдительныхъ израженіяхъ и доводахъ, намѣреніе наше, самою необходимостію вынуждаемое, приступить, не откладывая, къ дѣятельнымъ мѣрамъ».

Обсуждая въ томъ же рескриптѣ степень участія въ дѣлахъ польскихъ Берлинскаго двора, Екатерина писала, что нужно «колико можно отвращать принятіе имъ участія, противнымъ намъ образомъ, по крайней мѣрѣ покуда наша партія укрѣпится въ числѣ людей и способахъ»; желая теперь, какъ и прежде, удержать свое покровительство надъ Польшею, но не желая собственно уничтоженія Польскаго государства, императрица предвидѣла, однако, то, что неминуемо должно было случиться.

«Трудно,—писала она,—угадывать конецъ сихъ намѣреній, но если оныя съ помощью Всевышняго удачею на сторону нашу сопровождаемы будутъ, двоякія пользы для насъ произойти могутъ: или мы предъуспѣемъ опровергнуть настоящую форму правленія, возставя прежнюю польскую вольность, и тѣмъ доставимъ имперіи нашей на времена грядущія совершенную безопасность, или же, въ случаѣ оказательства непреодолимой въ королѣ прусскомъ жадности, должны будемъ, въ отвращеніе дальнѣйшихъ хлопотъ и безпокойствъ, согласиться на новый раздѣлъ польскихъ земель въ пользу трехъ сосѣднихъ державъ; тутъ уже та будетъ выгода, что, расширяя границы государства нашего, по мѣрѣ онаго распространимъ и безопасность его, пріобрѣтая новыхъ подданныхъ единаго закона и рода съ нашими, которые давно на силу и помощь нашу полагали свое упованіе въ угнетеніи ихъ; Польшу же въ такихъ постановимъ предѣлахъ, что, какое бы ни было ея дѣятельное правленіе, не будетъ она уже составомъ своимъ опасна для сосѣдей и станетъ служить только между нами барьеромъ».

Относительно же внутренняго устройства Польши Екатерина не выказывала желанія стѣснять поляковъ и заранѣе дозволяла имъ учреждать у себя пригодное для нихъ правленіе, лишь бы составители его были друзья России.

«Что касается до образа правленія ихъ республики,—писала она Потемкину въ упомянутомъ рескриптѣ,—мы сіе оставляемъ на волю ихъ: федеративное-ли правительство учредить, или же подъ обладаніемъ короля съ ограниченіемъ его власти и съ возстановленіемъ силы гетмановъ, яко преграды могуществу королевскому, ибо сіе относиться

будетъ до ихъ общаго соглашенія и соображенія съ разными обстоятельствами».

Далѣе императрица приводила тѣ соображенія, которыя могли облегчить выполненіе этого плана. Она считала необходимымъ, чтобы, кромѣ поданныхъ въ Варшавѣ съ самаго начала протестацій «противъ наслѣдственной монархіи, введенной конституціей 3-го мая, были произведены другія со стороны земскихъ пословъ», чтобы таковыхъ протестовъ было какъ можно больше и чтобы они были составлены въ самыхъ сильныхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ. Недовольные могли бы въ этихъ протестаціяхъ или манифестахъ упомянуть, «что они прибѣгаютъ къ заступленію и помощи Россіи», какъ принявшей на себя «ручательство на вольность» Рѣчи Посполитой и соблюденіе ея кардинальныхъ законовъ. По мнѣнію императрицы, было необходимо образованіе изъ недовольныхъ конфедераціи, которая могла бы объявить незаконнымъ все, что было и будетъ сдѣлано въ Варшавѣ, «лучше всего предъ вступленіемъ русскихъ войскъ въ Польшу, чтобы вступленіе ихъ можно было объяснить просьбою о помощи со стороны народа». Кромѣ того, Екатерина считала нужнымъ обѣщать польскимъ патріотамъ покровительство и защиту какъ со стороны Россіи, такъ и Австріи, до тѣхъ поръ, пока, по заключеніи мира съ турками, не настанетъ время приступить къ энергическому дѣйствію. Разсчитывая главнымъ образомъ на помощь императрицы, обезпечившей соблюденіе польской конституціи, патріоты могли бы искать въ то же время поддержки у Вѣнскаго двора, о чемъ, впрочемъ, «будетъ стараться и Россія».

Изложивъ Потемкину цѣлый планъ дѣйствій, Екатерина признавала необходимымъ, чтобы Потоцкій посѣтилъ князя въ его главной квартирѣ, въ Яссахъ, для совмѣстнаго съ нимъ болѣе подробнаго обсужденія плана и способовъ дѣйствія.

Потемкинъ исполнилъ приказаніе императрицы: въ началѣ октября Потоцкій и Ржевусскій выѣхали, по его приглашенію, изъ Вѣны въ Яссы, куда Щенсный-Потоцкій пріѣхалъ 4-го (15-го) октября 1791 г., нѣсколько часовъ спустя по выѣздѣ оттуда князя Потемкина, который, заболѣвъ перемежающейся лихорадкою, надѣялся найти спасеніе въ путешествіи. Потоцкій хотѣлъ сперва отправиться вслѣдъ за нимъ въ Николаевъ, но затѣмъ рѣшилъ дождаться пріѣзда Ржевусскаго, который долженъ былъ пріѣхать съ минуты на минуту. Дѣйствительно, на слѣдующій день Ржевусскій уже былъ въ Яссахъ, но въ то же время было получено извѣстіе о смерти Потемкина, скончавшагося 5-го (16-го) октября, не доѣзжая Николаева, въ степи, на рукахъ своей племянницы, супруги гетмана, Александры Васильевны Браницкой.

Извѣстіе о кончинѣ Потемкина чрезвычайно встревожило поляковъ; «они сражены были кончиною свѣтлѣйшаго князя и не знали, что дѣ-

лать»,—писалъ Екатеринѣ генералъ-маіоръ Василій Степановичъ Поповъ, человѣкъ близкій къ Потемкину, пользовавшійся его полнымъ довѣріемъ. Онъ вывелъ ихъ изъ затруднительнаго положенія, увѣрилъ Потоцкаго въ благоволеніи къ нему императрицы и предложилъ свои услуги быть его посредникомъ въ Петербургѣ.

8-го (19-го) октября Потоцкій вручилъ ему для передачи императрицѣ два письма: свое собственное и Ржевусскаго. На слѣдующій день сановники Рѣчи Посполитой выѣхали въ Язловецъ, на границѣ Галиціи, гдѣ должны были ожидать повелѣній своей покровительницы [1]).

Вѣсть о кончинѣ Потемкина и о пребываніи двухъ польскихъ магнатовъ въ Яссахъ была привезена въ Варшаву курьеромъ 12-го (23-го) октября вечеромъ и подала на слѣдующій день поводъ къ весьма бурнымъ преніямъ на сеймѣ.

Первымъ говорилъ, въ засѣданіи 13-го (24-го) октября, посолъ инфлянтскій Забѣлло; указавъ на высокое положеніе, занимаемое Щенснымъ-Потоцкимъ въ войскѣ, онъ обвинялъ его въ томъ, что, «облагодѣтельствованный Рѣчью Посполитой, Потоцкій высказывалъ открыто иностраннымъ дворамъ свое недовольство конституціей 3-го мая и находился передъ кончиною Потемкина въ Яссахъ. Посолъ требовалъ, чтобы Потоцкій и Ржевусскій прибыли каждый къ мѣсту своего служенія, первый—къ своей дивизіи, а второй—въ военную коммиссію, и присягнули бы конституціи, присовокупивъ, что ихъ собственная деликатность и забота о своей репутаціи побудятъ, конечно, ихъ выяснить польскому народу причины ихъ пребыванія въ Яссахъ».

Заявленіе Забѣлло вызвало шумныя пренія. Король былъ противъ принятія какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ относительно Потоцкаго и Ржевусскаго. Изъ пословъ одни говорили, что справедливость обвиненія Забѣлло должна быть разсмотрѣна судомъ, другіе—что должностныхъ лицъ, остающихся за границею безъ разрѣшенія правительства, слѣдуетъ лишать жалованья. Депутатъ познанскій Сокольницкій заявилъ, что онъ не допуститъ обсужденія вопросовъ до тѣхъ поръ, пока требованіе Забѣлло не будетъ исполнено. «Мы говоримъ тутъ не о личностяхъ, не о Потоцкомъ и о Ржевусскомъ,—сказалъ онъ,—но о сановникахъ Рѣчи Посполитой, о слугахъ закона, о гетманѣ, о генералѣ артиллеріи... Благополучіе народа зависитъ отъ хорошихъ законовъ, а исполненіе закона зависитъ отъ должностныхъ лицъ... Я не вижу, что могло бы оправдать гетмана и генерала артиллеріи въ томъ, что они не исполняютъ своихъ обязанностей въ теченіе трехъ лѣтъ... Тутъ идетъ рѣчь не объ одномъ засѣданіи, не о мѣсяцѣ или годѣ, а о трехъ

[1]) Поповъ—Екатеринѣ II 8-го (19-го) октября 1791 г. изъ Яссъ. «Русскій Архивъ» 1878, кн. I, 24.

годахъ, прожитыхъ за границею». Въ заключеніе, онъ просилъ, чтобы сеймъ точно опредѣлилъ срокъ, къ которому польному коронному гетману и генералу артиллеріи будетъ приказано явиться къ исполненію своихъ обязанностей, подъ страхомъ быть отрѣшенными отъ должности».

Послѣ того какъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ сдѣлана была попытка оправдать обвиняемыхъ, краковскій посолъ Линовскій заявилъ, что его удивляетъ, какъ подобный вопросъ можетъ возбуждать споръ; «гдѣ же будетъ справедливость, сказалъ онъ, если мы будемъ наказывать однихъ только капитановъ и поручиковъ, а гетмановъ и генераловъ оставимъ безнаказанными?».

14-го (25-го) октября, во исполненіе постановленія сейма король повелѣлъ стражѣ (совѣту министровъ) изготовить указъ на имя польнаго гетмана и таковой же военной коммиссіи на имя Потоцкаго, повелѣвая имъ по прошествіи трехъ мѣсяцевъ явиться въ Польшу, вступить въ исполненіе своихъ обязанностей и присягнуть новой конституціи.

Но прежде, нежели эти приказы были отосланы по назначенію, епископъ инфлянтскій Коссаковскій писалъ своему брату, генералъ-поручику русской службы Семену Коссаковскому, который находился въ то время въ Яссахъ, прося его предупредить о рѣшеніи сейма Ржевусскаго и Потоцкаго и предостеречь ихъ, что, въ случаѣ неповиновенія, они не только лишатся мѣстъ, но что имѣнія ихъ будутъ конфискованы; поэтому онъ совѣтовалъ имъ повременить отвѣтомъ.

Въ то время оба они находились уже въ Галиціи, гдѣ Потоцкій поселился въ окрестностяхъ Львова. 18-го (29-го) октября пріѣхалъ во Львовъ великій коронный гетманъ Браницкій, по пути въ Яссы, куда онъ ѣхалъ за полученіемъ наслѣдства послѣ Потемкина; на слѣдующій день онъ извѣстилъ Потоцкаго о своемъ пріѣздѣ и выразилъ ему свое удовольствіе по поводу того, что они скоро увидятся. Въ городѣ Браницкій ни съ кѣмъ не видѣлся, но зато часто бывалъ въ Язловцѣ, гдѣ совѣщался съ генераломъ артиллеріи и съ Ржевусскимъ, при чемъ «недовольные» старались держать эти свиданія въ величайшей тайнѣ. Бывшій въ ту пору во Львовѣ генералъ-адъютантъ Вольскій клялся и божился, что его начальникъ (Ржевусскій) не былъ въ Яссахъ съ Потоцкимъ. Любопытная жена кастеляна Коссаковскаго послала въ Язловецъ довѣренныхъ ей людей разузнать, что тамъ дѣлается, но о происходившихъ тамъ совѣщаніяхъ ничего не могла узнать. Однако, несмотря на принимаемыя предосторожности, въ концѣ октября въ Польшѣ всѣ были увѣрены въ томъ, что Потоцкій и Ржевусскій ѣздили въ Яссы, а совѣщанія, происходившія между ними въ Язловцѣ, были предметомъ самыхъ разнорѣчивыхъ толковъ. Всѣ гово-

рили, что Браницкій присягнулъ конституціи только для виду, и что хлопоты о полученіи наслѣдства послѣ Потемкина были только предлогомъ, чтобы условиться съ Потоцкимъ и Ржевусскимъ; въ Варшавѣ передавали, будто гостившіе въ Язловцѣ паны собираютъ среди шляхты подписи и намѣреваются начать дѣйствовать въ половинѣ декабря или весною. Самыя любопытныя извѣстія были получены изъ Львова Игнатіемъ Потоцкимъ, которому Коссаковская, не подозрѣвая, что въ столицѣ все какъ нельзя лучше извѣстно, писала, что «слѣдовало бы донести (правительству) объ этихъ двухъ улиткахъ, которыя теперь заперлись въ своей скорлупѣ, а весною предполагаютъ вылѣзть изъ нея».

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Браницкій отправился въ Яссы къ женѣ, которая поддерживала все время непрерывную переписку съ Петербургомъ. Самъ гетманъ также писалъ Екатеринѣ, но отвѣтъ, посланный ему черезъ Булгакова, не засталъ уже его въ Варшавѣ. Въ Яссахъ, куда онъ пріѣхалъ 27-го ноября (8-го декабря), гетманъ получилъ черезъ жену поклонъ отъ императрицы, которая увѣдомляла, что она получила его письмо [1]). Жену онъ засталъ больной, и дѣло о наслѣдствѣ послѣ Потемкина не ладилось. Множество долговъ и наслѣдниковъ, оставшихся послѣ Потемкина, значительно уменьшили размѣры наслѣдства, которое, по всеобщему мнѣнію, должно было достаться на долю Браницкаго, собственные долги котораго доходили до 10 милліоновъ. Онъ жаловался въ письмахъ къ своимъ друзьямъ на встрѣченныя имъ всевозможныя затрудненія и, между прочимъ, писалъ, 2-го (13-го) декабря, что ни Потоцкаго, ни Ржевусскаго нѣтъ въ Яссахъ и что онъ не надѣется даже тамъ видѣться съ ними; въ то же время онъ высказывалъ сомнѣніе въ существованіи съ ихъ стороны тѣхъ замысловъ, въ коихъ ихъ подозрѣвали.

Дѣйствительно, Браницкій не имѣлъ почти никакихъ свѣдѣній о Потоцкомъ и Ржевусскомъ до тѣхъ поръ, пока они, будучи предупреждены Поповымъ о скоромъ пріѣздѣ Безбородки, не пріѣхали вторично въ Яссы.

Безбородко, которому, по смерти Потемкина, было поручено окончить съ турками мирные переговоры, прибылъ въ Яссы 13-го (24-го) декабря. Никто не подозрѣвалъ, что, кромѣ заключенія мира съ Турціей, ему было поручено войти въ переговоры съ «недовольными» поляками. Узнавъ отъ генералъ-маіора Попова и ст. сов. барона Бюлера, что Потоцкій и Ржевусскій жили въ Буковинѣ, въ 170 верстахъ отъ Яссъ, въ ожиданіи рѣшенія Петербургскаго двора, Безбородко послалъ къ нимъ нарочнаго съ привезенными письмами Екатерины, а затѣмъ рѣшилъ

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, кн. 25, стр. 468.

повидаться съ ними лично. Чтобы скрыть свои сношенія съ польскими панами, Безбородко предложилъ имъ встрѣтиться въ селѣ Чердакъ, въ шести верстахъ отъ Яссъ, гдѣ любилъ проводить время покойный Потемкинъ и куда Безбородко, подъ видомъ прогулки и охоты, отлучался въ обществѣ Попова и Бюлера. 5-го (16-го) декабря Безбородко донесъ Екатеринѣ о предполагаемой поѣздкѣ своей въ с. Чердакъ, а нѣсколько дней спустя, 8-го (19-го) числа того же мѣсяца, Потоцкій и Ржевусскій уже переѣхали въ Яссы. На вопросъ Безбородки, хотятъ-ли они жить въ Яссахъ инкогнито, или предполагаютъ устроиться иначе,—они отвѣчали, что будутъ жить въ Яссахъ открыто, такъ какъ находящемуся тамъ гетману гр. Браницкому извѣстно объ ихъ пріѣздѣ; «да они и не скрываютъ своего образа мыслей и единственно полагаютъ надежду на высочайшее покровительство императрицы».

Они устроились тамъ отлично. Ржевусскій, по примѣру Потемкина, катался въ оставшемся послѣ него экипажѣ, запряженномъ цугомъ, коимъ Потоцкій, впрочемъ, не хотѣлъ пользоваться. Они совѣщались втроемъ съ Браницкимъ, допуская на свои бесѣды также супругу гетмана графиню Браницкую, которая «тосковала о Потемкинѣ и сильно измѣнилась». Свои бесѣды они держали въ такой же тайнѣ, какъ и въ Язловцѣ, и были не особенно довольны, когда ихъ посѣщали поляки, проѣздомъ изъ Константинополя. Польскій гетманъ раздавалъ гостямъ свои брошюры «O sukcesyi tronu w Polszcze rzecz krótka» и «Nad prawem, ktoreby szlachcie bez posesyi activitatem na sejmikach odbierało, uwagi». Потоцкій и Ржевусскій производили на всѣхъ впечатлѣніе, что, «несмотря на полученный ими приказъ, они не хотѣли вернуться въ Польшу, а тѣмъ болѣе присягнуть новой конституціи».

Они часто обѣдали у Безбородко и проводили съ нимъ вечеръ. Во время одного изъ такихъ посѣщеній Безбородко сообщилъ имъ содержаніе рескрипта 18-го (29-го) іюля, даннаго императрицей Потемкину касательно дѣлъ польскихъ; хотя императрица выражала въ этомъ рескриптѣ желаніе, чтобы сношенія съ генераломъ артиллеріи и съ польнымъ гетманомъ держались въ совершенной тайнѣ, но Безбородко объ этомъ пунктѣ умолчалъ. Онъ умолчалъ также о резолюціи Екатерины на девятый пунктъ записки, поданной Потоцкимъ: «Ежели недовольные нынѣшней формой правленія начнутъ конфедерацію, въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ медлить оказаніемъ имъ помощи». Онъ скрылъ этотъ пунктъ, изъ опасенія, чтобы онъ не послужилъ польскимъ панамъ предлогомъ дѣйствовать слишкомъ поспѣшно. Съ своей стороны Безбородко высказывалъ только, что императрица сочувствуетъ имъ такъ же, какъ и всѣмъ добрымъ патріотамъ, и раздѣляетъ ихъ взглядъ на революцію 3-го мая; онъ говорилъ объ осторожности, съ какою Петербургскій дворъ медлилъ признать выборъ на престолъ курфирста саксонскаго, что задер-

жало весь ходъ дѣлъ въ Польшѣ, и указывалъ на то, что обстоятельства не благопріятствовали оказать имъ дѣятельную помощь до тѣхъ поръ, пока у Россіи не будутъ развязаны руки заключеніемъ мира съ Турціей. Онъ увѣрялъ ихъ, что по заключеніи мира явится возможность сговориться съ ними обо всемъ, а между тѣмъ просилъ ихъ составить общій планъ дѣйствій, который онъ самъ разсмотритъ и представитъ императрицѣ. Во время этихъ разговоровъ, Безбородко особенно упиралъ на доброжелательство Екатерины къ народу польскому. Потоцкій и Ржевусскій выслушали все это съ удовольствіемъ, отвѣчали, что они выступятъ открыто противъ нарушенія конституціи, и обѣщали выработать планъ дѣйствій. Ржевусскій сказалъ однажды Безбородкѣ, что самымъ подходящимъ главою конфедераціи былъ бы Потоцкій, который превосходитъ всѣхъ энергіей и талантомъ.

Съ Безбородко часто видѣлся также гетманъ Браницкій, постоянно выражавшій свою преданность императрицѣ и готовность служить ей, если бы Россія занялась дѣлами польскими. По его мнѣнію, Потоцкій и Ржевусскій могли бы лучше всего дѣйствовать на Украйнѣ, онъ же вмѣстѣ съ генералъ-поручикомъ Семеномъ Коссаковскимъ могъ бы дѣйствовать въ Литвѣ. Онъ просилъ увѣдомить его при посредствѣ Булгакова за нѣсколько дней до того, какъ будетъ приступлено къ дѣйствію, дабы онъ могъ спокойно и безпрепятственно отправиться въ Варшаву, а жену и дѣтей осторожный гетманъ предполагалъ, для бо́льшаго спокойствія, отправить въ Петербургъ.

Безбородко выслушивалъ Браницкаго, увѣрялъ его въ благорасположеніи императрицы, но не посвящалъ его въ тайные планы, которые онъ вырабатывалъ вмѣстѣ съ Потоцкимъ и Ржевусскимъ. Послѣдніе, несмотря на свои ежедневныя свиданія съ Браницкимъ, также таили отъ него свои планы. Они ручались Безбородко за патріотизмъ и способности гетмана, но не ручались за его благоразуміе и выражали опасеніе какъ бы, во время пребыванія Браницкаго въ Варшавѣ, король не привлекъ обоихъ супруговъ на свою сторону. Безбородко считалъ эти опасенія неосновательными и выражалъ увѣренность, что супруга гетмана, вслѣдствіе своего происхожденія и всѣхъ милостей, оказанныхъ ей императрицею, за которыя она обязана быть ей предана и благодарна, будетъ дѣйствовать въ общемъ дѣлѣ такъ, какъ она дѣйствовала во все время сейма. Однако, императрица, съ нетерпѣніемъ ожидавшая вѣстей о Браницкомъ, также раздѣляла до нѣкоторой степени опасеніе Потоцкаго и Ржевусскаго. Узнавъ отъ Безбородко о намѣреніи Браницкаго вернуться въ Варшаву, она писала: «Я думала, что онъ, воспользуясь удобнымъ симъ случаемъ, останется ежели не въ Яссахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ Бѣлоцеркви. Вѣдь онъ князю все писалъ, что сеймъ сѣчетъ головы въ три дни, и для того къ нему ѣхать не можетъ;

но теперь добровольно голову паки наклонилъ, ежели поѣхалъ въ Варшаву» [1]).

Браницкій, въ письмахъ къ своимъ друзьямъ, не могъ скрыть своихъ сношеній съ «недовольными», но постоянно высказывалъ сомнѣніе въ приписываемыхъ имъ планахъ.

«Въ Яссахъ находятся въ настоящее время гетманъ Ржевусскій и генералъ артиллеріи Потоцкій,—писалъ онъ своей сестрѣ,—но всѣ ихъ мечты разлетятся, вѣроятно, прахомъ». Въ исходѣ ноября Браницкій уѣхалъ изъ Яссъ вмѣстѣ съ женою и 20-го ноября (1-го декабря) 1791 года увѣдомилъ короля изъ Тульчина, что онъ проведетъ нѣсколько дней въ Бѣлой Церкви, а затѣмъ возвратится къ исполненію своихъ обязанностей; жена его доносила со своей стороны, что она ѣдетъ, вмѣсто Петербурга, въ Варшаву главнымъ образомъ съ цѣлью поблагодарить короля за письмо, коимъ Станиславъ-Августъ приглашалъ ее къ себѣ.

Уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ посолъ Тренбицкій, на основаніи писемъ, полученныхъ однимъ польскимъ сановникомъ изъ Италіи, предостерегалъ правительство (въ засѣданіи сейма 13-го (24-го) ноября) относительно происковъ «недовольныхъ», которые происходили въ Яссахъ, хотя онъ не могъ тогда назвать никого по именамъ. Но въ началѣ декабря о мѣстопребываніи Потоцкаго и Ржевусскаго уже было всѣмъ извѣстно. Вторичная ихъ поѣздка въ Яссы страшно возстановила противъ нихъ общественное мнѣніе. Король надѣялся, что Россія не пойдетъ открыто противъ Польши и не объявитъ ей войны.

«Но и мы, съ своей стороны, — писалъ онъ польскому посланнику въ Лондонѣ Букатому,—подумаемъ на сеймѣ о томъ, какъ бы помѣшать проискамъ недовольныхъ». Дѣйствительно, король приказалъ стражѣ подтвердить польному гетману повелѣніе вернуться на родину; военная же коммиссія, не получивъ отвѣта отъ Потоцкаго на свой приказъ отъ 18-го (29-го) октября, со своей стороны подтвердила ему 24-го ноября (5-го декабря) приказаніе выѣхать немедленно. Гетману приказъ былъ посланъ съ курьеромъ, а Потоцкому съ маіоромъ Красицкимъ.

На слѣдующій день, 25-го ноября (6-го декабря), засѣданіе сейма было опять очень бурное.

Первымъ говорилъ вилькомирскій посолъ Косцялковскій. «Отечество,—сказалъ онъ,—а не посторонняя сѣверная держава, должно быть для всѣхъ дорого и близко, какъ родная мать. Я не думаю, чтобы Екатерина, мудрая монархиня, хотѣла притѣснить свободный народъ... Но среди нашихъ соотечественниковъ есть люди, возбуждающіе русское правительство противъ своего отечества... Тщеславіе побуждаетъ

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1876 г., I, 149.

ихъ идти противъ насъ... Они разжигаютъ огонь въ Яссахъ, чтобы испепелить отчизну; они ведутъ въ Яссахъ переговоры о томъ, чтобы измѣнить форму правленія, устранить достойныхъ людей, посадить на должности преданныхъ имъ лицъ... Наше попустительство ободряетъ ихъ. Ими движетъ упрямство, а не любовь къ отечеству». Въ заключеніе онъ требовалъ, чтобы ихъ заставили покориться волѣ народа.

Збоинскій задалъ королю вопросъ, дѣйствительно-ли Польшѣ угрожаетъ опасность, а Забѣлло требовалъ, чтобы было разъяснено, дѣйствительно-ли Потоцкій и Ржевусскій находятся въ Яссахъ.

На вопросъ перваго Станиславъ-Августъ отвѣчалъ, что оффиціальныхъ свѣдѣній о проискахъ недовольныхъ онъ не имѣетъ, но изъ частныхъ источниковъ ему извѣстно объ ихъ козняхъ, угрожающихъ Польшѣ опасностью; на вопросъ Забѣлло король отвѣчалъ, что Потоцкій, дѣйствительно, находится въ Яссахъ, о Ржевусскомъ же онъ не можетъ сказать ничего положительнаго. Послѣ того какъ былъ выслушанъ отвѣтъ короля, секретарь сейма прочиталъ предложеніе Збоинскаго, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы всѣ тѣ, кои издаютъ манифесты и протестаціи противъ дѣйствій сейма и новой формы правленія, были судимы, какъ нарушители общественнаго спокойствія, и понесли должное наказаніе.

Четвертинскій, кастелянъ перемышльскій, и посолъ волынскій Гулевичъ защищали Потоцкаго и Ржевусскаго и были противъ отдачи ихъ подъ судъ. Четвертинскій доказывалъ, что пребываніе въ Яссахъ не можетъ считаться преступленіемъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что они преслѣдуютъ тамъ противозаконныя цѣли. Гулевичъ упрекалъ Забѣлло въ томъ, что онъ первый завелъ рѣчь о пребываніи генерала артиллеріи и польнаго гетмана въ Яссахъ и напомнилъ, что данный имъ для возвращенія въ Польшу трехмѣсячный срокъ еще не истекъ; при этомъ онъ сослался на заслуги предковъ Потоцкаго.

Маршалъ литовской конфедераціи Сапѣга защищалъ своего дядю Браницкаго, говоря, что онъ поѣхалъ въ Яссы съ разрѣшенія короля для устройства своихъ личныхъ дѣлъ, и ручался головою за преданность гетмана отечеству и повиновеніе постановленіямъ сейма.

Въ отвѣтъ Гулевичу инфлянтскій посолъ Вейсенгофъ произнесъ грозную обвинительную рѣчь противъ Потоцкаго и Ржевусскаго, поставивъ имъ въ укоръ то, что они—должностныя лица республики и богатѣйшіе землевладѣльцы,—съ самаго начала сейма не только не принимали участія въ его трудахъ, но жили въ столицахъ иностранныхъ державъ. «и что же они тамъ дѣлали? —сказалъ онъ,—издавали протестаціи противъ дѣйствій сейма и въ своихъ письмахъ высказывали свое неодобреніе работамъ сейма, а теперь находятся въ Яссахъ, мѣстѣ, для всякаго поляка въ высшей степени подозрительномъ».

«Нотою, присланною намъ въ самомъ началѣ сейма,—продолжалъ Вейсенгофъ,—Москва хотѣла запретить намъ совѣщаться объ улучшеніи судьбы нашего отечества и угрожала полякамъ, какъ нарушителямъ гарантированной ею конституціи. Она еще не отказалась отъ этой ноты и хочетъ быть по-прежнему защитницей прежняго образа правленія и намѣревается, вѣроятно, присоединить свою декларацію къ манифестамъ, изданнымъ противъ постановленій сейма». Страстную рѣчь свою онъ закончилъ тѣмъ, что спокойствіе отечества дороже чести нѣсколькихъ лицъ и что лучше принести въ жертву нѣсколько человѣкъ, нежели обречь отечество на вѣчную гибель.

По выслушаніи рѣчи Вейсенгофа, къ предложенію Збоинскаго присоединились Ржевусскій, двоюродный братъ гетмана, Вавржецкій, Сокольницкій и многіе другіе, и когда маршалкомъ сейма, подъ конецъ засѣданія, былъ предложенъ вопросъ: «принять или нѣтъ проектъ декларація, составленный Збоинскимъ», то за него высказалось 136 голосовъ противъ двадцати.

IV.

Маіоръ Красицкій и курьеръ, посланные въ Яссы съ приказами короля и военной коммиссіи, прибыли туда въ половинѣ декабря, какъ разъ въ то время, когда польскіе магнаты дѣятельно занимались съ Безбородко составленіемъ подробныхъ плановъ для своей послѣдующей дѣятельности.

«Чѣмъ далѣе вхожу я въ нихъ,—писалъ Безбородко императрицѣ,— тѣмъ съ бо̀льшимъ убѣжденіемъ предусматриваю, что съ окончаніемъ мирной съ Портою негоціаціи и сіи дѣла доброе воспріимутъ теченіе. Благоразуміе, твердость и честность двухъ начальниковъ нашей партіи, особливо же Потоцкаго, много обѣщаютъ. Они трудятся въ составленіи плана, внемля совѣтамъ моимъ, чтобъ терпѣливо ожидать, покуда руки наши развязаны будутъ».

Получивъ приказаніе явиться 14-го (25-го) января въ Варшаву, Потоцкій и Ржевусскій сказали Безбородко, что они не только не будутъ присягать новой конституціи, но, напротивъ, будутъ искать всѣми способами ее отвергнуть, и намѣрены остаться въ Яссахъ до подписанія мира съ турками, а затѣмъ поѣдутъ въ Петербургъ, «въ образѣ простыхъ путешественниковъ», просить покровительства императрицы.

Между тѣмъ къ нимъ стали съѣзжаться ихъ друзья. Кромѣ полковника Кобылецкаго, капитана артиллеріи Дзіержановскаго и поручика

Вольскаго, составлявшихъ ихъ личный штабъ, въ Яссахъ находились: вице-бригадиръ Рудницкій, брацлавскій военно-гражданскій коммиссаръ Моссаковскій, два Злотницкихъ, и ожидали Томашевскаго, Сухоржевскаго, Мощенскаго, Борженцкаго и иныхъ.

Маіору Красицкому Потоцкій сказалъ, что онъ не думаетъ, чтобы Москва изъ-за него стала воевать; увѣрялъ его, что онъ не имѣетъ намѣренія образовать конфедерацію, ибо черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Польшѣ все само собою успокоится, и сказалъ, что онъ готовъ отказаться отъ своего генеральскаго мѣста, но, не сочувствуя перевороту 3-го мая, не можетъ присягнуть конституціи; высказалъ ему также свое намѣреніе съѣздить въ Петербургъ, а, быть можетъ, также и въ Швецію. Ржевусскій говорилъ меньше, но сказалъ Красицкому, что въ Варшаву ему спѣшить не къ чему, такъ какъ онъ имѣетъ три мѣсяца срока.

На приказъ военной коммиссіи, отъ 24-го ноября (5-го декабря), Потоцкій отвѣчалъ письмомъ, безъ даты, оправдываясь тѣмъ, что приказъ, отъ 18-го (29-го) октября, имъ не былъ полученъ, и затѣмъ писалъ, что хотя долгъ военнаго и повелѣваетъ ему повиноваться начальству, но онъ считаетъ свои обязанности, какъ представителя народа, выше своего служебнаго долга. Если бы ему довелось быть 3-го мая въ Варшавѣ, то онъ, вмѣстѣ со многими другими людьми, дорожащими свободою, протестовалъ бы противъ конституціи, но такъ какъ онъ не былъ настолько счастливъ, «чтобы оросить своею кровью могилу народной вольности», то онъ долженъ былъ ограничиться выраженіемъ своихъ чувствъ и своего взгляда на новую конституцію въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ королю и маршалу сейма, такъ какъ всякаго рода иныя протестаціи были воспрещены. «Я не могу присягнуть святотатственно и обѣщать Богу то, что̀ противно моему сердцу и разсудку,—писалъ онъ,—и ничто не заставитъ меня присягнуть не республиканскому правительству». «Я родился въ богатствѣ свободнымъ человѣкомъ, могу умереть въ нищетѣ, если у меня отнимутъ силою мое имущество, но я никогда не откажусь отъ самаго дорогаго для моего сердца имущества, не перестану быть свободнымъ полякомъ и, лишившись всего, что̀ я имѣю, оставлю дѣтямъ въ наслѣдство старопольскія республиканскія доблести».

Это письмо было послано въ Варшаву съ адъютантомъ коронной артиллеріи Маржицкимъ, а копія съ него была дана маіору Красицкому.

Ржевусскій не такъ скоро рѣшился написать отвѣтъ, а препроводилъ королевскій приказъ въ Петербургъ, съ просьбою посовѣтовать ему, что дѣлать. По мнѣнію императрицы, слѣдовало «отвѣтъ отложить до тѣхъ поръ, что планъ ихъ порядочно составленъ будетъ, и о семъ съ нашей

стороны съ ними соглашеносъ будетъ; тогда либо манифестомъ, либо по ихъ стариннымъ республиканскимъ обрядамъ поступать могутъ; а теперь всякій отвѣтъ, прежде времени, разбудитъ снова злобу противу ихъ» [1]).

Но Ржевусскій написалъ и отправилъ отвѣтъ королю прежде, нежели этотъ рескриптъ императрицы былъ полученъ въ Яссахъ.

Отвѣтъ Ржевусскаго, помѣченный 1-мъ января н. ст. 1792 г., былъ написанъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ.

«Письмо вашего королевскаго величества, которымъ повелѣваете, дабы я, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, явился въ Варшаву къ должности моей, привело меня въ крайнее удивленіе»,—писалъ Ржевусскій.

«Позвольте, съ глубочайшимъ почитаніемъ, вопросить: чего отъ меня ожидаютъ въ Варшавѣ, и какія мои должности, которыя, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, я обязанъ исполнить? Потребенъ-ли я тамъ находиться, какъ гетманъ? Но время предсѣданія моего уже миновало и, какъ гетманъ, предсѣдательствовать въ военной коммиссіи въ сіе время не долженъ.

«Надобенъ-ли я тамъ, какъ засѣдающій на сеймѣ военный министръ? Но нѣтъ никакого узаконенія, которое бы требовало, чтобы присутствіе военнаго министра на сеймѣ безотлучно было нужнымъ, и чтобы, сеймъ безъ него не могъ существовать... Желаютъ-ли меня имѣть тамъ для команды надъ войскомъ? Но нынѣ, когда уже власти гетманской нѣтъ, и когда тотъ гетманъ только войскомъ управляетъ, которому стража управлять онымъ дозволитъ, то тѣмъ болѣе позволятъ-ли онымъ управлять тому гетману, который конституціи 3-го мая противенъ?.. Ежели присутствія моего требуютъ безъ надобности, то требовать того, въ чемъ нѣтъ никакой причины, есть несправедливость»...

Что касалось присяги конституціи 3-го мая, которой требовалъ отъ него король, то Ржевусскій писалъ на это, что таковой присяги требовать отъ него никто не въ правѣ, такъ какъ на нее не было «народнаго соизволенія». «Возможно-ли присягать конституціи», — продолжаетъ онъ, — «которая десятою частію народа, мимо вѣдома девяти частей онаго, установлена, которая, наконецъ, насиліемъ учреждена?.. Наконецъ, какая надобность предлежитъ въ сей присягѣ, когда конституція 3-го мая есть либо полезная, либо вредная? Если она полезная, то присяга для ней не нужна, потому что народъ, вѣдая свое благополучіе приметъ оную и блюсти ее стараться будетъ; ежели жъ вредная, то присягою ее утвердить не можно... Я бы измѣнилъ Богу, если бы во имя Его обѣщалъ то, чего сдержать желанія не имѣю. Наконецъ, по-

---

[1]) Рескриптъ Безбородко, отъ 31-го декабря 1791 г. (12-го января 1792 г.). «Русскій Архивъ», 1876 г., I, 192).

грѣшилъ бы противъ отечества, если бы я, родившись въ ономъ вольнымъ, учинилъ присягу на его рабство... Сохраненіе вольнаго правленія предпочитаю я моему чину, моему имѣнію и всему тому, что имѣю... Никто сего не увидитъ, чтобы я, для какихъ-либо видовъ, королямъ польскимъ жертвовалъ отечественною вольностью. Наслѣдство престола есть гробъ вольности польской; могу-ли я быть тѣмъ, который гробъ вольности ископалъ?»

На отвѣтъ Потоцкаго, привезенный въ Варшаву Маржицкимъ 19-го (30-го) декабря, военная коммиссія, еще до возвращенія изъ Яссъ маіора Красицкаго, послала ему 22-го декабря 1791 г. (2-го января 1792 г.) третій приказъ, съ приложеніемъ копій документовъ, относящихся къ конституціи. Въ этомъ приказѣ, въ коемъ упоминалось о послѣдствіяхъ, которыя влечетъ за собою неповиновеніе начальству, говорилось, между прочимъ, что «въ виду заслугъ, оказанныхъ Потоцкимъ отечеству и войску, военная коммиссія еще разъ подтверждаетъ ему приказаніе явиться въ указанный ею срокъ къ исполненію своихъ обязанностей».

Король былъ того мнѣнія, что если Потоцкій и этотъ разъ не послушается, то сеймъ долѣе поблажать ему не будетъ.

Станиславу-Августу не хотѣлось прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, онъ льстилъ себя надеждою, что ему удастся еще примирить «недовольныхъ» съ конституціей силою убѣжденій; онъ считалъ это возможнымъ, не зная еще отвѣта Ржевусскаго, который былъ полученъ только въ половинѣ января; его вводили въ заблужденіе также доклады Браницкаго, пріѣхавшаго съ женою въ Варшаву вскорѣ послѣ новаго года.

При свиданіи съ королемъ, Браницкій сказалъ ему, будто Потоцкій и Ржевусскій говорили, «что такъ какъ онъ состоитъ въ Стражѣ и присягнулъ конституціи, то они изъ деликатности не станутъ говорить ему ничего противъ нея»; тѣмъ не менѣе, онъ увѣрялъ, что, насколько онъ могъ понять, «они ничего не сдѣлаютъ, если ихъ оставятъ въ покоѣ». На вопросъ, почему они пріѣхали вторично въ Яссы, Браницкій не могъ ничего отвѣтить, «только пожалъ плечами и сослался на то, что ихъ планы ему неизвѣстны». Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Щенсному-Потоцкому, писанныхъ по возвращеніи изъ Варшавы, Браницкій усильно звалъ его въ Польшу и увѣрялъ, что онъ найдетъ въ немъ всегда «преданнаго друга и что его чувства къ нему останутся до конца жизни неизмѣнны», но это не мѣшало ему высказывать свою преданность королю и конституціи и говорить пренебрежительно о намѣреніяхъ недовольныхъ.

Станиславъ-Августъ, еще въ декабрѣ мѣсяцѣ, предлагалъ Гулевичу отправиться въ Яссы, съ цѣлью убѣдить недовольныхъ покориться.

Гулевичъ, открыто осуждавшій конституцію, отвѣчалъ на это предложеніе по совѣсти: что «если бы онъ былъ хвастуномъ и хотѣлъ что-

нибудь выпросить у короля и обмануть его, то онъ взялся бы за это порученіе, но что генералу артиллеріи нечего давать совѣты, онъ твердо знаетъ, чего онъ хочетъ». По полученіи отвѣта Ржевусскаго, король рѣшилъ привести въ исполненіе свою мысль и уговорилъ генералъ - маіора артиллеріи коронной Станислава Потоцкаго отправиться въ Яссы и склонить своего родственника «исполнить долгъ военнаго и патріота».

Король послалъ съ нимъ письмо къ Щенсному-Потоцкому, писанное имъ 2-го января въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ, въ которомъ онъ уже не приказывалъ ему, а «просилъ, умолялъ, заклиналъ его вернуться въ свое отечество, къ своимъ друзьямъ и землякамъ».

Станиславъ Потоцкій немедленно отправился въ путь вмѣстѣ съ капитаномъ артиллеріи коронной Мирославскимъ.

2-го (13-го) января они прибыли въ Яссы, три дня спустя по заключеніи мира между Россіей и Турціей. Моментъ былъ самый неблагопріятный, ибо заключеніе мира давало польскимъ панамъ надежду на скорую помощь со стороны Россіи и тѣмъ самымъ дѣлало невозможнымъ примиреніе ихъ съ конституціей и сеймомъ.

Потоцкій и Ржевусскій со своимъ штабомъ присутствовали при торжественномъ подписаніи мирнаго договора; турецкіе уполномоченные, войдя въ комнату, гдѣ находился Безбородко, для поздравленія его съ миромъ, были удивлены, увидавъ поляковъ въ числѣ генералитета, и спрашивали, кто эти господа [1]).

Оба польскіе магната несказанно радовались заключенію мира, что Потоцкій считалъ весьма благопріятнымъ для своихъ плановъ, и были въ восторгѣ отъ благоволенія къ нимъ императрицы, которая посылала имъ поклоны и увѣряла ихъ въ своемъ расположеніи.

«Поклонитесь ему (Ржевусскому) отъ меня и графу Потоцкому, генералу артиллеріи,—писала она Безбородко 20-го (31-го) декабря 1791 г.—Я ихъ почитаю истинными патріотами, борющимися за законы и вольности» [2]).

На другой день по подписаніи мира пріѣхалъ въ Яссы съ копіей приказа военной коммиссіи отъ 22-го декабря 1791 г. (2-го января 1792 г.) поручикъ фузилернаго полка Княжевичъ, посланный командующимъ брацлавской и кіевской дивизіей генералъ-маіоромъ Косцюшкой. 1-го (12-го) января генералъ артиллеріи, принявъ его, сказалъ, что уже получилъ этотъ приказъ съ курьеромъ изъ Варшавы и отвѣтилъ на него; затѣмъ, будучи «веселъ и въ духѣ», онъ много говорилъ

---

[1]) Безбородко Я. И. Булгакову 22-го декабря 1791 г. (9-го января 1792 г.). („Русскій Архивъ“ 1876 г., I, стр. 190), также Арх. кн. Воронцова кн. XIII, стр. 243).

[2]) „Русскій Архивъ“, 1876 г., I, 192.

о фузилерномъ полку. Такъ какъ это былъ новый годъ по старому стилю, то онъ принималъ поздравленія отъ многихъ русскихъ генераловъ, обѣдалъ у князя Волконскаго, а вечеръ провелъ вмѣстѣ съ Ржевусскимъ, подольскимъ посломъ Злотницкимъ и брацлавскимъ гражданско-военнымъ коммиссаромъ Моссаковскимъ на балу, который Безбородко далъ мѣстному обществу по случаю заключенія мира. Потоцкому и Ржевусскому, которые жили въ то время вмѣстѣ и всюду вмѣстѣ разъѣзжали, было оказано на этомъ балу всѣми «величайшее вниманіе и почтеніе, преимущественно же генералу артиллеріи». 2-го (13-го) января, во время вторичнаго посѣщенія Потоцкаго Княжевичемъ, въ то время, когда онъ просматривалъ письма, привезенныя курьеромъ изъ Варшавы отъ Ожаровскаго, лакей доложилъ о пріѣздѣ Станислава Потоцкаго. На лицѣ Щенснаго выразилось неудовольствіе, и онъ приказалъ сказать своему двоюродному брату, что, такъ какъ онъ собирается ѣхать къ пани Виттъ, то онъ не можетъ принять его раньше, какъ послѣ полудня.

Впрочемъ, генералъ артиллеріи принялъ двоюроднаго брата любезно; катался съ нимъ, представилъ его знатнымъ лицамъ, между прочимъ Безбородко, но Станиславъ Потоцкій, не довольствуясь сношеніями съ русскими и съ родными, завелъ знакомство съ турками, видался съ драгоманомъ Мурузи и совѣщался съ рейсъ-эффендіемъ. Тогда Безбородко, опасаясь интригъ, велѣлъ Потоцкому тотчасъ уѣхать изъ Яссъ. Пробывъ въ Яссахъ восемь дней и не достигнувъ цѣли, онъ уѣхалъ обратно въ Польшу.

Щенсный-Потоцкій читалъ привезенное ему двоюроднымъ братомъ письмо короля со слезами и колебался, тѣмъ болѣе, что и г-жа Виттъ совѣтовала ему вернуться въ Варшаву. По словамъ посла любельскаго, «его, быть можетъ, удалось бы уговорить, но гетманъ былъ этому помѣхою».

Потоцкій остался непреклоненъ.

Между тѣмъ трехмѣсячный срокъ, данный польскимъ панамъ для возвращенія въ Польшу, прошелъ, и въ засѣданіи 16-го (27-го) января 1792 г. король объявилъ, что они не хотятъ являться и прислали письменные отвѣты.

Тогда всталъ Нѣмцевичъ:

— Вотъ уже три мѣсяца, какъ генералъ артиллеріи Потоцкій и польный гетманъ Ржевусскій находятся въ Яссахъ, въ московскомъ станѣ,— сказалъ онъ. Первый—потомокъ славныхъ предковъ, достойно служившій въ началѣ отечеству, второй—сынъ почтеннаго отца, товарищъ отцовской неволи, оба скрываются теперь въ непріязненномъ для насъ войскѣ. Пусть посмотрятъ на нихъ великія тѣни Ходкевичей, Потоцкихъ, Любомирскихъ; войска, которыя они прогоняли отъ границъ польскихъ,

*

которыя они громили побѣдоноснымъ оружіемъ, сдѣлались для ихъ потомковъ прибѣжищемъ, вторымъ отечествомъ... Они совѣщаются съ министрами, посылаютъ курьеровъ въ Петербургъ и принимаютъ таковыхъ, ... а имъ,—вещь неслыханная,—назначаютъ трехмѣсячный срокъ для того, чтобы они опомнились въ своей ошибкѣ..., къ нимъ дважды посылаютъ курьеровъ, ведутъ съ ними переговоры не какъ съ подданными, а какъ съ равными себѣ государствами. Тронула-ли ихъ ваша кротость, оправдались-ли они въ своихъ поступкахъ? Нѣтъ, ихъ отвѣтъ, въ особенности отвѣтъ Ржевусскаго, наглъ, лживъ и полонъ софизмовъ. Вмѣсто того, чтобы оправдаться и объяснить, почему они находятся въ Яссахъ, они возстаютъ на насъ, зачѣмъ мы воздвигли Польшу изъ униженія, оплакиваютъ утрату старопольской свободы...».

Перечисливъ затѣмъ все то, что оба магната получили за свою службу отъ Рѣчи Посполитой и чѣмъ они ей отплатили, сидя за границей и уклоняясь отъ службы, Нѣмцевичъ закончилъ свою рѣчь, требуя наказанія виновныхъ:

«Требую кары, строгой кары, неотлагательной кары; преступленіе явно, защищать преступниковъ невозможно... Иначе поступокъ Потоцкаго и Ржевусскаго дастъ смѣлость другимъ; если предводители не слушаются предписаній, то всякій полковникъ или маіоръ, на приказаніе военной коммиссіи явиться, начнетъ отписываться, пришлетъ два листа диссертаціи о наслѣдственномъ и избирательномъ правленіи и окончитъ ее заявленіями, что наше правленіе неугодно сосѣдямъ, что лучше раздѣлъ Польши, чѣмъ такая конституція и т. п. . . . Наступитъ ужаснѣйшая анархія, а съ нею погибель самаго имени польскаго».

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подалъ проектъ закона о лишеніи Потоцкаго и Ржевусскаго ихъ должностей и о назначеніи на ихъ мѣсто новыхъ сановниковъ.

Примасъ, братъ короля, князь Четвертинскій, Казимиръ Сапѣга волынскій посолъ Загурскій и вилькомирскій Коссаковскій старались, такъ или иначе, оправдать обвиняемыхъ. Другіе поддерживали Нѣмцевича. Наконецъ краковскій посолъ Солтыкъ подалъ проектъ назначить эмигрантамъ еще мѣсяцъ сроку для возвращенія въ отечество.

Когда вопросъ былъ поставленъ на голосованіе, то за проектъ Нѣмцевича оказалось 37 голосовъ, а за проектъ Солтыка 59; при секретной же подачѣ голосовъ за Нѣмцевича 51, а за Солтыка 43. Проектъ Нѣмцевича былъ принятъ: Щенсный-Потоцкій и Ржевусскій объявлены лишенными своихъ должностей.

Это засѣданіе сейма, на которомъ не присутствовалъ ни одинъ изъ

Потоцкихъ, продолжалось съ полудня до $11^1/_2$ часовъ ночи и было одно изъ самыхъ бурныхъ.

Послѣ него сеймъ закрылся до 15-го марта.

Бывшій генералъ артиллеріи коронный и бывшій польный коронный гетманъ отнеслись къ закону 16-го (27-го) января пренебрежительно и продолжали именоваться своими титулами. Четвертинскій, Коссаковскій и прочіе ихъ сторонники постарались распространить путемъ печати рѣчи, которыя были произнесены на сеймѣ въ ихъ защиту; нѣкоторые изъ ихъ политическихъ друзей давали имъ письменно самые нелѣпые, сумасбродные совѣты, между прочимъ совѣтовали даже низложить Станислава-Августа или заставить его отречься отъ престола и уѣхать въ Италію.

Потоцкій и Ржевусскій охотно пользовались услугами своихъ друзей, но свои собственные планы по-прежнему держали отъ нихъ втайнѣ.

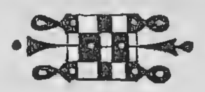
Мощенскій, посолъ брацлавскій, жаловался въ письмѣ къ женѣ Щенснаго, что, не взирая на свои двадцатилѣтнія дружескія отношенія къ Потоцкому, онъ не довѣрялъ ему своихъ политическихъ плановъ, что̀ его оскорбляло, опечаливало и мучило.

«Съ одной стороны мнѣ приходится опасаться преслѣдованія,— писалъ онъ,—а съ другой я вижу, что мною пренебрегаютъ и не довѣряютъ мнѣ».

Въ сущности, не только избранные: Злотницкій, Томашевскій, Сухоржевскій, но и сами руководители не знали хорошенько, какъ и съ чего имъ начать дѣйствовать. На выработанный ими планъ Безбородко отвѣчалъ общими мѣстами; хотя, съ заключеніемъ мира съ турками у него были развязаны руки, но, утомленный дипломатическими трудами, онъ не хотѣлъ «сживая съ рукъ однѣ хлопоты, пуститься въ другія» и входить въ обсужденіе подробностей польскихъ дѣлъ и «при отъѣздѣ полагалъ отдѣлаться отъ поляковъ одними обѣщаніями»; но, получивъ отъ императрицы рѣшительное приказаніе помышлять о сихъ дѣйствіяхъ, рѣшилъ принять планы отъ Ржевусскаго и Потоцкаго «для представленія ко двору» и просилъ Екатерину о дозволеніи имъ пріѣхать для окончательныхъ переговоровъ въ Петербургъ [1]).

Императрица изъявила на это свое согласіе и ожидала польскихъ пановъ въ Петербургѣ въ мартѣ мѣсяцѣ.

В. Тимощукъ.

[1]) Безбородко—графу Завадовскому 22-го ноября (3-го декабря) 1791 г. (Архивъ кн. Воронцова, кн. XIII, стр. 232).

Пожалованіе генералу П. К. Сухтелену графскаго титула.

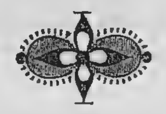
21-го января 1822 г.

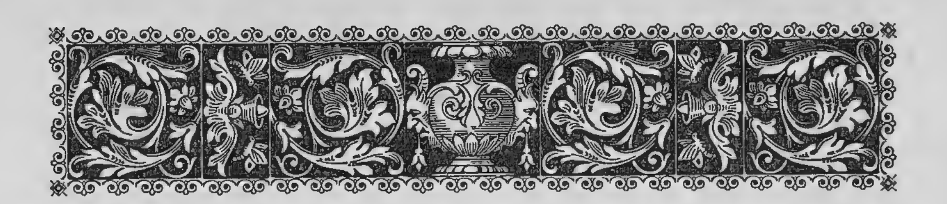
Нашему инженеръ-генералу барону фонъ-Сухтелену.

Между отличными заслугами, коими ознаменовано прохожденіе вами многолѣтней государственной службы, мы съ удовольствіемъ видѣли усердіе, съ коимъ вы имѣли попеченіе и о дѣлахъ подвластнаго скипетру нашему великаго княжества Финляндскаго и жителей онаго, въ продолженіе пребыванія вашего по особымъ нашимъ порученіямъ при королевско-шведскомъ дворѣ.

Желая посему оказать вамъ знакъ благоволенія нашего, мы всемилостивѣйше возводимъ васъ со всѣмъ вашимъ потомствомъ въ графское великаго княжества Финляндскаго достоинство, повелѣвая вамъ представить финляндскому рыцарскому дому о сопричисленіи васъ съ потомствомъ къ финляндскому графскому сословію.

Пребываю императорскою милостію нашею къ вамъ благосклонный.

Артиллерійское училище въ 1845 году.

Въ нашей періодической печати появилось, въ разное время, значительное число статей, описывавшихъ бытъ и нравы прежнихъ кадетскихъ корпусовъ, со всѣми ихъ достоинствами и недостатками; но объ артиллерійскомъ училищѣ, заведеніи оригинальномъ, не подходившемъ подъ общую корпусную мѣрку, намъ не случалось встрѣтить въ литературѣ чего-либо цѣльнаго. Можетъ быть, послѣдующія страницы прочтутся не безъ интереса какъ нашими стариками-товарищами, такъ и тѣми поколѣніями, которыя получили въ училищѣ образованіе и воспитаніе въ позднѣйшее, лучшее время.

Много воды утекло въ 60 почти лѣтъ. Все измѣнилось: и взгляды, и привязанности; но почти всѣ воспитанники прежняго артиллерійскаго училища встрѣчаются, какъ свои, и съ удовольствіемъ вспоминаютъ о родномъ гнѣздѣ, гдѣ они оперились.

Чѣмъ же особеннымъ отличалось старое училище? Было-ли оно, стараніями начальства, доведено до совершенства въ педагогическомъ и нравственномъ отношеніяхъ? Нисколько; даже напротивъ, это было заведеніе, какъ принято выражаться, распущенное, пользовавшееся фальшивой репутаціей либеральнаго; но, въ сущности, никакого либерализма въ насъ не было и слѣда. Государя Николая Павловича и нашего ближайшаго шефа и покровителя, великаго князя Михаила Павловича, мы обожали и ни о какихъ государственныхъ переустройствахъ не думали.

Были въ жизни училища и темныя, и свѣтлыя стороны; темныя, по свойству человѣческой природы, смягчились, забылись, а свѣтлыя, не-

разрывно связанныя съ памятью о зеленой юности, властно выступили впередъ и побуждаютъ разсказать, возможно правдиво и просто, какъ протекала училищная жизнь того отдаленнаго времени.

I.

До поступленія.

Семейство мое жило въ Таврической губерніи. Отецъ, столбовой дворянинъ стараго закала, внушалъ намъ съ пеленокъ, что святая обязанность дворянина посвятить себя отечеству и престолу, не жалѣя ни жизни, ни трудовъ, ни состоянія; что только этимъ можно поддержать свое имя на должной высотѣ и сойти съ жизненной сцены съ отраднымъ чувствомъ исполненнаго долга.

Гдѣ эти времена, гдѣ эти убѣжденія? А между тѣмъ мы были проникнуты ими до мозга костей и твердо шли по пути, указанному намъ отцами.

Однажды, въ апрѣлѣ 1845 года, мнѣ было сказано, что черезъ три дня мы ѣдемъ въ Петербургъ, для опредѣленія меня въ артиллерійское училище. Я страстно желалъ, по примѣру братьевъ, поступить именно въ это заведеніе, а потому, со свѣтлымъ взглядомъ на будущее, свойственнымъ юности, радостно собрался въ дорогу.

Пріѣхали въ Петербургъ за три мѣсяца до вступительнаго экзамена. Хотя я и былъ приготовленъ уже дома, но отецъ, понимая хорошо, что мнѣ было вредно валандаться такъ долго, опредѣлилъ меня въ пансіонъ, готовившій спеціально юношей въ артиллерійское училище.

Считаю нужнымъ остановиться здѣсь на время въ моемъ разсказѣ и объяснить, чѣмъ артиллерійское и инженерное училища отличались отъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ тѣ времена господства сословныхъ привилегій, въ корпуса могли поступать только дѣти потомственныхъ дворянъ, а предъ юношами безъ имени, будь они хоть семи пядей во лбу, двери были закрыты. Принимали въ корпуса, начиная съ восьми-лѣтняго возраста, безъ экзаменовъ, лишь по правамъ рожденія, и назначали въ классъ, соотвѣтствующій возрасту. Время пребыванія въ корпусѣ не считалось за службу, тѣлесныя наказанія допускались и практиковались въ изобиліи и съ усердіемъ. Со дня своего поступленія, кадетъ понималъ и чувствовалъ, нравственно и физически, что его неумолимый врагъ—начальство; что съ этимъ могучимъ врагомъ всѣ средства борьбы хороши, начиная съ хитрости и обмана, до дерзости. Кадетъ зналъ, что если

его высѣкутъ до полусмерти не за мерзость, а за противодѣйствіе ротному или баталіонному командиру, то онъ не только не упадетъ въ глазахъ товарищей, но пріобрѣтетъ ореолъ героя и мученика за правду. Кадетъ зачастую озлоблялся противъ начальства до невѣроятной степени.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ сдѣлалъ дерзость ротному командиру; его отставили за это отъ выпуска и всыпали какую-то громадную порцію розогъ. Чтобы выразить презрѣніе къ начальству, онъ рѣшился не кричать подъ розгами—и не крикнулъ ни разу, но прокусилъ себѣ руку насквозь.

Артиллерійское и инженерное училища не подчинялись штабу военно-учебныхъ заведеній, а находились въ распоряженіи генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-инспектора по инженерной части. Поступали туда не моложе 14 лѣтъ. Начиная съ 16-ти, служба считалась дѣйствительною. Воспитанники носили названіе не кадетъ, а юнкеровъ. Принимали въ училища, по конкурсному экзамену, дѣтей всѣхъ дворянъ, безъ разбора чиновъ; даже незаконнорожденныя дѣти, т. е. безъ имени, проскакивали какимъ-то образомъ. Тѣлесныхъ взысканій не допускалось вовсе.

Всѣ эти отличія составляли предметъ нашей особенной гордости. Назвать юнкера артиллерійскаго или инженернаго училищъ кадетомъ—значило кровно обидѣть его, не потому, чтобы мы презирали самихъ кадетъ, нисколько, но мы презирали условія ихъ жизни и ненавидѣли ихъ начальство. Ненависть эта была такъ сильна, что когда артиллерійское училище перешло, на короткое время, въ вѣдѣніе штаба военно-учебныхъ заведеній, то чуть-чуть не произошелъ бунтъ, который окончился бы для насъ, безъ сомнѣнія, большимъ несчастіемъ.

Въ пансіонѣ мальчики безпрестанно говорили между собою объ училищѣ. Иные восторгались положеніемъ юнкера вообще, другіе указывали, что только одно училище изъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній стрѣляетъ порохомъ, изъ настоящихъ орудій, тогда какъ кадеты вооружены чуть не игрушечными ружьями, безъ патроновъ; наконецъ, всѣ трепетали предъ страшнымъ экзаменомъ и передъ перспективой приставанья къ новичкамъ. О гнусномъ приставаньи этомъ ходили между нами самые невообразимые разсказы, которымъ отказывалось вѣрить воображеніе.

Наступилъ наконецъ страшный и торжественный день перваго экзамена. Насъ подняли чуть свѣтъ, вымыли, вычистили и повели къ начальнику пансіона, полковнику Даллеру. Послѣ разныхъ внушеній и совѣтовъ, онъ отправилъ насъ въ училище.

Экзаменной коммиссіи еще не было. Мальчишекъ всевозможныхъ видовъ, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, набралось болѣе сотни.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ инспекторъ классовъ, а вскорѣ затѣмъ собралась и вся коммиссія. Тутъ были и генералы, и полковники, и статскіе, всего человѣкъ десять.

Отъ страха у меня помутилось въ глазахъ. Особенною свирѣпостью, казалось, должны были отличаться генералы, съ ихъ толстыми эполетами, несоразмѣрно уширявшими плеча. Эти атлеты какъ будто созданы были для того, чтобы проглатывать насъ, маленькихъ, тощихъ, безсильныхъ.

Но вотъ вызвали пятерыхъ; къ каждой доскѣ подошли два экзаменатора, и экзаменъ начался.

Не знаю, долго-ли дожидался я вызова. Отъ ужаса я почти потерялъ сознаніе. Но раздалось наконецъ и мое имя, и я, окончательно обезумѣвъ, пошелъ къ доскѣ. У доски этой стояли какой-то статскій и генералъ.

— Рѣшите слѣдующую задачу,—раздалось у меня въ ушахъ, и статскій написалъ на доскѣ какое-то уравненіе первой степени съ одной неизвѣстной.

Я очень хорошо зналъ алгебру, но стоялъ, какъ пень, ничего не понимая.

— Пропалъ, окончательно пропалъ,—вертѣлось у меня въ головѣ, и холодный потъ выступилъ на лбу.

Вѣроятно, лицо у меня было очень убитое, потому что возбудило сожалѣніе одного изъ генераловъ; онъ пошептался немного со статскимъ, потомъ взялъ меня за руку и отвелъ на нѣсколько шаговъ назадъ.

— Посмотрите мнѣ въ глаза, голубчикъ,—сказалъ генералъ, лаская меня по головѣ,—забудьте объ экзаменѣ и поговоримъ.

Я взглянулъ ему въ глаза и прочелъ въ нихъ безконечную доброту.

— Давно-ли вы въ Петербургѣ?—спросилъ генералъ.

— Только три мѣсяца, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я, нѣсколько ободряясь.

— А гдѣ ваши родители?—продолжалъ онъ.

— Въ Керчи.

— Такъ порадуйте же ихъ хорошимъ экзаменомъ и не теряйтесь,—сказалъ генералъ, дружески кивая мнѣ головой.

Я совершенно воскресъ, смѣлѣе подошелъ къ доскѣ, взглянулъ на уравненіе, до невозможности легкое, и въ минуту рѣшилъ его.

Пошли затѣмъ другіе вопросы изъ алгебры, геометріи и ариѳметики.

— Хорошо, очень хорошо,—слышалъ я только отъ экзаменаторовъ и въ упоеніи счастья радъ бы былъ оставаться у доски до вечера.

— Довольно, отлично,—сказалъ вдругъ статскій, и я остановился. А между тѣмъ мнѣ многое хотѣлось еще доказать, да потруднѣе что-нибудь, самое трудное.

Пошли ставить баллы, а я все стоялъ на мѣстѣ.

— Вотъ видите,—сказалъ генералъ,—вы получили полные баллы изъ трехъ главныхъ предметовъ, а чуть было не провалились изъ-за лишней робости.

— Вамъ я обязанъ всѣмъ,—произнесъ я сквозь слезы, схватилъ руку генерала и поднесъ, съ чувствомъ благоговѣнія, къ губамъ, но генералъ этого не допустилъ: онъ вырвалъ руку и просто обнялъ меня.

Генералъ этотъ былъ Николай Иларіоновичъ Философовъ.

День за днемъ, недѣля за недѣлей потянулись экзамены. Я ужъ не робѣлъ и окончилъ всѣ испытанія благополучно.

21-го августа намъ прочли списокъ поступившихъ. Я былъ въ ихъ числѣ.

Явиться въ училище велѣно было 25-го августа, въ $7^1/_2$ часовъ утра.

II.

Устройство училища и его составъ.

Прежде, чѣмъ я примусь за продолженіе разсказа, опишу училище съ внѣшней стороны.

Училищное зданіе состояло изъ трехъ этажей. Нижній былъ занятъ канцеляріей, кухнями и другими хозяйственными учрежденіями. Во второмъ и третьемъ этажахъ, въ фасадѣ, обращенномъ къ Невѣ, жили юнкера. Это были камеры.

Все училище дѣлилось на четыре взвода, по 37 человѣкъ въ каждомъ. 1-й и 2-й взводы, состоявшіе изъ самыхъ рослыхъ юнкеровъ, помѣщались во второмъ этажѣ; 3-й и 4-й взводы, составленные изъ малорослыхъ, жили въ 3-мъ этажѣ. Все помѣщеніе состояло изъ небольшихъ комнатъ. Въ самой меньшей стояло 5 кроватей; въ самой большой, называвшейся Москвою, кажется, 12 кроватей. Нѣкоторыя другія комнаты, чѣмъ-нибудь замѣчательныя, носили тоже спеціальныя названія. Былъ, напримѣръ, Воронежъ; были и такія названія, которыя въ печати не высказываются. Вся анфилада комнатъ въ верхнемъ этажѣ называлась Невскимъ проспектомъ.

Передъ каждой кроватью стоялъ столикъ-шкапикъ. Въ нижнемъ шкапикѣ укладывались шинель, новыя брюки и новая куртка. Въ верхнемъ, выдвижномъ, ящикѣ хранились учебники и прочее частное хозяйство юнкера.

2-й этажъ соединялся съ 3-мъ широкою лѣстницей, такъ что сообщеніе было безпрепятственное. Комната дежурнаго офицера находилась во 2-мъ этажѣ, въ сторонѣ, особнячкомъ.

Наверху дежурили офицеры изъ офицерскихъ классовъ. Въ тѣ времена, лучшіе по познаніямъ юнкера старшаго класса, по производствѣ въ офицеры, переходили безъ экзамена непосредственно въ классы офицерскіе (нынѣшняя академія) и лишь по окончаніи двухъ-годоваго курса выходили окончательно изъ разряда школьниковъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ молодые офицеры не имѣли никакого начальническаго значенія. Со многими юнкерами они были «на ты» и большею частью шалили вмѣстѣ съ нами.

Въ учебномъ отношеніи училище раздѣлялось на 5 юнкерскихъ классовъ: младшій—5-й и старшій—1-й. Кромѣ того, какъ уже сказано, два офицерскихъ, младшій и старшій. Всѣ курсы были годовые.

Училищная жизнь начиналась рано: въ $5^3/_4$ часовъ били повѣстку. Всѣ дежурные вставали и умывались. Въ 6 били зарю, и дежурные юнкера должны были будить всѣхъ прочихъ.

Въ $7^1/_2$ шли къ столу, а къ 8 въ классы. Утромъ было три урока, по $1^1/_2$ часа каждый. Въ часъ лекціи кончались, и мы спѣшили на строевыя ученья, длившіяся до $2^1/_4$. Въ $2^1/_2$ обѣдъ, въ 5 снова въ классы, до 7. Вечернія лекціи были часовыя. Въ $8^1/_2$ ужинъ, въ 9 часовъ заря и спать.

Въ теченіе дня были для юнкера два трудные момента: вставать въ 6 часовъ никому не хотѣлось, и потому, при тогдашней распущенности училища, бѣдному дежурному офицеру стоило величайшаго труда поднять юнкеровъ съ постели. Нѣкоторыя, правда немногія, личности изъ 1-го и 2-го классовъ спали вволю и вовсе не ходили къ утреннему столу, а въ классы опаздывали на часъ и болѣе.

Другой трудный моментъ—часъ по полудни. Молодымъ людямъ страшно хотѣлось ѣсть, а въ это время ровно ничего не давали; поэтому каждый выносилъ себѣ къ завтраку отъ обѣда предъидущаго дня или гречневую кашу въ заранѣе сдѣланномъ изъ писчей бумаги мѣшкѣ, или котлету, уложенную между двумя кусками ржанаго хлѣба.

Кормили насъ 4 раза въ день: утромъ въ $7^1/_2$ часовъ давали ржаной кофе съ молокомъ и двухъ-копѣечную булку; въ $2^1/_2$ часа обѣдъ изъ трехъ блюдъ; въ 6 часовъ разносили корзинки съ черным хлѣбомъ и въ $8^1/_2$ вечера ужинъ изъ двухъ дрянныхъ блюдъ, состряпанныхъ изъ остатковъ обѣда.

Все съѣстное было приготовлено плохо, кромѣ гречневой каши, макаронъ и маленькихъ слоеныхъ пирожковъ съ вареньемъ или яблоками, составлявшихъ всегда третье блюдо. Въ посту мы рѣшительно голодали и набивали себѣ желудки хлѣбомъ, ситникомъ съ патокой и тому подобной дрянью, купленной потихоньку въ мелочной лавочкѣ. Постились 1-ю, 4-ю и 7-ю недѣли. Говѣли на четвертой.

Училищная іерархія была слѣдующая:

Начальникъ училища.

Строевая часть: батарейный командиръ, 6 дежурныхъ офицеровъ, 1 фельдфебель, которымъ обыкновенно назначался первый ученикъ 1-го класса, затѣмъ 4 старшихъ и 12 младшихъ портупей-юнкеровъ, всѣ изъ 1-го класса, по ихъ бальному старшинству. Каждый старшій портупей-юнкеръ завѣдывалъ взводомъ. Затѣмъ назначались изъ 2-го класса ефрейторы, не имѣвшіе никакой опредѣленной роли, кромѣ дежурствъ.

Классная часть состояла изъ инспектора классовъ, его помощника и класснаго писаря, лица немаловажнаго, державшаго у себя на рукахъ списки съ баллами и экзаменные билеты.

Нашимъ начальникомъ училища былъ баронъ Розенъ, прозванный юнкерами «пихтой», по замѣчательному наружному сходству его съ этимъ деревомъ. Дѣйствительно, угловатый носъ, угловатый подбородокъ, сѣдые и густые волосы, торчавшіе на головѣ, какъ иглы; наконецъ, очень высокій ростъ, совершенно прямой станъ и худоба—все это, взятое вмѣстѣ, давало полное представленіе о хвойномъ деревѣ. Глаза у барона Розена были добрые, предобрые; да и въ самомъ дѣлѣ это былъ замѣчательно добрый человѣкъ, съ рыцарскимъ сердцемъ и безупречнымъ благородствомъ, но слабый умомъ и характеромъ. Когда-то, въ молодости, онъ отличился въ сраженіи и получилъ Георгіевскій крестъ. Человѣкъ этотъ, безъ всякаго сомнѣнія храбрый въ бою, былъ ужаснымъ трусомъ передъ начальствомъ. Отличительною его чертою была невѣроятная разсѣянность, доводившая его часто до нелѣпыхъ положеній.

Такъ, однажды, товарищу моему, Чебыкину, захотѣлось идти въ отпускъ, и вотъ, не долго думая, онъ отправляется къ барону Розену и проситъ уволить его со двора по случаю рожденья тетки. Баронъ, немного поспоривши, согласился, и Чебыкинъ ушелъ въ городъ.

Безцѣльное шатаніе по улицамъ скоро надоѣло нашему охотнику до прогулокъ, и въ пятомъ часу онъ возвратился въ училище. У самаго подъѣзда, какъ на грѣхъ, онъ столкнулся съ барономъ Розеномъ.

— Чебыкинъ, что это вы такъ скоро возвратились?—спросилъ озадаченный баронъ.

— Моя тетушка родилась утромъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Чебыкинъ, никогда не лазившій за словомъ въ карманъ.

— А! утромъ, утромъ,—повторилъ нѣсколько разъ баронъ Розенъ, удаляясь по направленію къ своей квартирѣ, и вдругъ, опомнившись, обернулся и закричалъ:

— Чебыкинъ, какъ утромъ?

Но догадливый юнкеръ уже давно спрятался за дверь и наблюдалъ, что будетъ.

Постоявъ на мѣстѣ съ минуту, баронъ потеръ себѣ лобъ ладонью и спокойно пошелъ домой.

Въ другой разъ какой-то шалунъ пожаловался барону Розену, что на плацу, обращенномъ къ Невѣ, нѣтъ возможности гулять, такъ какъ сквозь желѣзную рѣшетку дуетъ нестерпимый сквозной вѣтеръ. Взволновался баронъ, потребовалъ тотчасъ же полицеймейстера и приказалъ забрать рѣшетку досками; но тутъ же, опомнившись, распекъ шалуна, на чемъ свѣтъ стоитъ, и прогналъ прочь недоумѣвавшаго полицеймейстера.

Во время говѣнья, всѣ наказанные юнкера шли передъ исповѣдью къ барону просить прощенья въ грѣхахъ, и онъ всегда отмѣнялъ взысканія.

При этомъ случаѣ онъ, обыкновенно, бесѣдовалъ съ юнкерами по душѣ, и въ словахъ этого превосходнаго человѣка проглядывало столько истиннаго благородства и любви къ юношамъ, что мальчишки, пришедшіе изъ шалости смѣющимися, выходили часто серьезно задумавшись.

Таковъ былъ баронъ Розенъ; воспоминаніе о немъ, я увѣренъ, вызоветъ теплое чувство въ большинствѣ моихъ товарищей, которые прочтутъ эти строки.

Инспекторъ классовъ, полковникъ Рѣзвой, былъ человѣкъ совсѣмъ иного разбора: строгій, относившійся къ юнкерамъ хотя безъ теплоты, но съ полною справедливостью, онъ заставлялъ себя побаиваться и уважать. Классная часть была въ совершенномъ его распоряженіи, и каждый изъ насъ зналъ это хорошо.

Батарейный командиръ, полковникъ Кузьминъ, могъ служить олицетвореніемъ хорошаго гвардейскаго офицера. Онъ былъ красивъ лицомъ, ловокъ, находчивъ, съ прекрасными манерами и глубокимъ пониманіемъ мелочныхъ требованій начальства. Никогда не унижаясь передъ высшими до грубой лести или угодничества, онъ умѣлъ сдѣлаться ихъ любимцемъ. Съ юнкерами онъ былъ, вообще, добръ, но не всегда безпристрастенъ. Ловкость и свѣтскость нѣкоторыхъ невольно подкупали Кузьмина, и они становились его любимцами.

О дежурныхъ офицерахъ я не стану упоминать въ отдѣльности. Иные изъ нихъ будутъ играть, можетъ быть, нѣкоторую роль въ моемъ разсказѣ, и тогда ихъ характеры выяснятся читателю. Слѣдуетъ только упомянуть теперь, что большинство офицеровъ не имѣло на насъ никакого вліянія и на проступки юнкеромъ смотрѣло сквозь пальцы.

Начальникъ училища заглядывалъ въ камеры весьма рѣдко. Посѣщенія эти были торжественны. Насъ одѣвали въ новыя куртки и разставляли по кроватямъ. Баронъ Розенъ обходилъ комнаты, здоровался и уходилъ, замѣчая иногда, что тотъ-то не выстриженъ, а въ умывальникѣ худо подметено.

Батарейный командиръ бывалъ въ камерахъ раза два въ недѣлю, такъ что вся внутренняя жизнь шла сама собой, на глазахъ у малозначившихъ офицеровъ, обходившихъ училище почти въ опредѣленные часы, два раза въ день.

Понятно, что при такомъ отсутствіи надзора юнкера дѣлали, что хотѣли, и пользовались почти полной свободой.

Но, видно, справедливо мнѣніе, что никакое общество не можетъ существовать безъ верховной власти, и власть эта въ училищѣ, дѣйствительно, существовала—власть строгая, часто безпощадная, всегда бдительная; обмануть ее было невозможно. Власть эта, по традиціи, находилась всегда въ рукахъ старшаго класса.

5-й и 4-й классы были въ безусловномъ подчиненіи у 1-го класса; 3-й классъ пользовался уже бо́льшею самостоятельностью, а 2-й составлялъ иногда, хотя рѣдко, оппозицію училищнымъ диктаторамъ и враждовалъ съ ними; но борьба всегда оканчивалась не въ пользу либераловъ.

Новички подчинялись безусловно всѣмъ старичкамъ.

Такое распредѣленіе власти имѣло въ себѣ много и тяжелыхъ, и хорошихъ сторонъ. Чрезъ это юнкера одного и того же класса связывались между собою весьма тѣсно общими интересами и становились прекрасными товарищами. Выдать свой классъ считалось величайшею, непростительною низостью.

На 1-й и 2-й классы, какъ на власть имущихъ, смотрѣли съ уваженіемъ, но безъ зависти, потому что каждый понималъ, что, со временемъ, и онъ достигнетъ завиднаго положенія первоклассника. Кромѣ обыкновенныхъ побужденій безостановочно перебираться изъ класса въ классъ, желаніе скорѣе добраться до власти играло въ учебныхъ занятіяхъ немаловажную роль, и учились мы, дѣйствительно, весьма недурно. Я думаю, что если бы кто-либо предложилъ юнкерамъ, даже младшихъ классовъ, перестроить внутренній складъ училища въ ихъ пользу, то они бы отказались, помятуя пословицу: «Корень ученія горекъ, но плоды его сладки». Конечно, замѣчаніе это не касается бѣдныхъ безправныхъ новичковъ.

III.

Первый день въ училищѣ.

Къ $7^1/_2$ часамъ утра, 25-го августа, мы явились въ училище со страхомъ и трепетомъ въ сердцахъ. Насъ повели прямо въ рекреаціонный залъ, для разсчета по взводамъ. Тамъ уже собралось все училище,

въ строю, имѣя старшихъ портупей-юнкеровъ на правыхъ флангахъ взводовъ. Батарейный командиръ покойно стоялъ по срединѣ комнаты, окруженный офицерами. Насъ поставили въ сторонѣ. Сурово глядѣли на новичковъ офицеры; сурово смотрѣли и юнкера. Серьезная, торжественная военная обстановка тяжело подѣйствовала на всѣхъ насъ. Казалось, что въ этой людской стѣнѣ нѣтъ чувства, нѣтъ жалости, нѣтъ сердца.

Насъ разбили по взводамъ. Я, какъ очень маленькій, былъ назначенъ въ 4-й взводъ.

Затѣмъ насъ повели въ классы.

5-й классъ состоялъ исключительно изъ новичковъ. Между нами, одѣтыми еще въ статское платье, красовался только одинъ юнкеръ, высокій, черный, казавшійся далеко не молодымъ; онъ оставленъ былъ за неуспѣхи въ наукахъ. Юнкеръ этотъ, носившій италіанскую фамилію Галеацо и прозванный товарищами Джіова ни Галеацо, дука ди Сфорца, былъ настолько оригиналенъ, что я еще возвращусь къ нему впослѣдствіи.

Едва усѣлись мы скромно на скамейкахъ, какъ въ классъ вошли два юнкера. Одинъ изъ нихъ, широколицый и широкоплечій, высокаго роста блондинъ, со свирѣпымъ выраженіемъ лица, держалъ въ рукахъ нагайку; другой, средняго роста, брюнетъ, съ лисьей физіономіей и злыми черными глазами, помахивалъ линейкой. Какъ я узналъ впослѣдствіи, первый назывался Крутицкимъ, а второй Телеповымъ. Оба были во 2-мъ классѣ.

— Новички, впередъ!—скомандовалъ Крутицкій.

— Въ одну шеренгу стройся!—добавилъ Телеповъ.

Мы повиновались.

— На колѣни!—произнесъ снова Крутицкій.

Мы стали на колѣни.

— Новички,—началъ Телеповъ сладкимъ голосомъ,—мы, старые юнкера, радѣя о васъ, не крещенныхъ еще училищной жизнью, приняли эту обузу на себя. Крестить васъ будемъ огнемъ и мечемъ. Протяните впередъ обѣ руки, ладонями вверхъ.

Мы протянули руки.

Въ ту же минуту послышались два удара, и по классу разнесся нечеловѣческій крикъ. Это Крутицкій и Телеповъ ударили перваго, стоявшаго на колѣняхъ, по рукамъ, одинъ нагайкой, другой ребромъ линейки; да какъ ударили: со всего плеча.

— А! вы орать!—прошипѣлъ Телеповъ со злой улыбкой. Приходите ко мнѣ послѣ классовъ, и я васъ выучу, какъ переносить боль.

Затѣмъ операція продолжалась. Послѣ каждыхъ двухъ ударовъ по классу проносился сдавленный стонъ, и на рукахъ у бѣдныхъ мальчи-

ковъ выступали два багровые, выпуклые рубца. Одинъ Любимовъ, славившійся еще у насъ въ пансіонѣ невѣроятнымъ терпѣніемъ, не проронилъ ни звука, когда его окрестили нагайкой и линейкой.

— Терпѣливъ, не начать-ли съ нимъ снова?—сказалъ Телеповъ.

— Начинайте,—возразилъ Любимовъ,—но я не крикну.

— Нѣтъ, довольно, за что же этому достанется больше?—произнесъ Крутицкій—и по его широкой рожѣ пробѣжалъ, какъ будто, лучъ сожалѣнія.

— Ну, хорошо, я съ вами перевѣдаюсь послѣ самъ,—замѣтилъ Телеповъ и отошелъ къ другому.

Очередь доходила до меня. Я стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Крикнуть, а тѣмъ болѣе заплакать отъ боли считалось для юнкера преступленіемъ; я это зналъ и напрягалъ всѣ силы, чтобы встрѣтить мужественно грозу. Въ эту минуту въ классъ вошелъ некрасивый, но необыкновенно стройный блондинъ. Въ каждомъ его движеніи проглядывала сила и ловкость, а лицо дышало энергіей.

— Ну, новый мучитель,—подумали мы.

— Крутицкій, Телеповъ, что это вы тутъ дѣлаете?—произнесъ вошедшій строгимъ тономъ.

— А вамъ что за дѣло,—мрачно отвѣчалъ Крутицкій.—Телеповъ молчалъ; его лисья физіономія выражала досаду.

— Ахъ, какое свинство,—воскликнулъ вошедшій,—обративъ вниманіе на новичка съ опухшими, почти изуродованными руками.

— Не вмѣшивайтесь!—пробурчалъ Крутицкій.

— Ну, нѣтъ; я не позволю. Приставайте благородно, но это просто истязаніе. Не угодно-ли убираться вонъ; а не выйдете—я позову и мой и вашъ классъ, и мы выведемъ васъ не добромъ.

Понуря головы, ругаясь, вышли изъ класса палачи.

— Новички, по мѣстамъ!—скомандовалъ молодой человѣкъ,—и мы вскочили.

Нѣкоторые бросились благодарить его.

— Ну васъ къ черту съ вашей благодарностью!—грубо крикнулъ нашъ спаситель, отталкивая подскочившихъ къ нему, и вышелъ изъ класса.

Въ эту минуту мы обожали этого грубаго, но добраго человѣка. Черезъ нѣсколько часовъ я узналъ, что онъ младшій портупей-юнкеръ моего взвода, Брусницынъ.

Остальное время въ классахъ прошло спокойно. Галеацо, въ качествѣ старичка, роздалъ намъ руководства и письменныя принадлежности и видимо старался сблизиться со своими новыми товарищами.

Окончились наконецъ учебные часы, и мы толпой направились въ камеры. Я шелъ рядомъ съ Любимовымъ, назначеннымъ со мною въ

одинъ взводъ. До верхней площадки мы добрались благополучно; но тутъ встрѣтила насъ цѣлая компанія юнкеровъ, посреди которой находился и Брусницынъ. Одинъ юнкеръ, между прочимъ, очень заинтересовалъ меня, и я сталъ внимательно всматриваться въ его лицо. Онъ былъ очень похожъ на обезьяну, но большіе, ясные черные глаза освѣщали эту некрасивую физіономію и придавали ей что-то привлекательное.

— Что вы вперли въ меня глаза? На кого я похожъ?—спросилъ онъ меня неожиданно.

— На обезьяну,—отвѣтилъ я коротко.

Раздался общій хохотъ.

— Вотъ видишь, Якименко, видно, правда,—заговорили его товарищи.

— Ахъ вы, дерзкій, задамъ я вамъ за это,—обратился ко мнѣ Якименко, стараясь придать своему лицу свирѣпое выраженіе; но его добрые глаза противорѣчили словамъ.

— Однако,—замѣтилъ Брусницынъ,—дерзость новичка не должна оставаться безнаказанной. Его надо судить военнымъ судомъ.

Меня подхватили подъ руки и повели въ камеры.

Хотя внѣшность казалась грозною, но, по улыбающимся лицамъ и доброму ихъ выраженію, я ясно видѣлъ, что это скорѣе шутка, чѣмъ угроза.

Привели меня къ койкамъ. На тюфякахъ усѣлись судьи, а меня поставили между ними по срединѣ.

— Какъ осмѣлились вы, о дерзновенный новичекъ, мнѣ, юнкеру перваго класса и извѣстному красавцу, сказать прямо въ рожу, что я похожъ на обезьяну? Отвѣтствуйте!—сказалъ Якименко, стараясь насупиться.

— Вы сами спросили меня, и я не почелъ себя въ правѣ лгать,— отвѣчалъ я просто.

Новый взрывъ хохота. Тогда, находя меня виновнымъ, судьи приступили къ опредѣленію наказанія.

— Два набрюшника, три наушника и показать ему Москву!—говорилъ одинъ.

— Пять ястребковъ, два рака и загнуть салазки,—добавилъ другой.

— Посадить его въ табуретку, задать китайскаго варенья и выжать масло,—объявилъ третій.

— Три под—ка,—сказалъ Брусницынъ.

— Пропѣть намъ что-нибудь хорошенькое,—высказался самъ Якименко, какъ потомъ оказалось, большой любитель музыки.

Порѣшили, наконецъ, что Брусницынъ, какъ мастеръ этого дѣла, дастъ мнѣ три под—ка, а потомъ я пропою, что умѣю.

Операція даванія под—ковъ состояла въ слѣдующемъ. Мальчикъ

становился спиною къ наказывающему, и тотъ ударялъ его подборомъ ноги въ то злосчастное мѣсто, которое издревле мало уважалось и отвѣтствовало почему-то за всѣ проступки человѣка.

Особенной боли это не причиняло, но ударъ громко раздавался, и паціентъ получалъ впечатлѣніе, какъ бы отъ горчичника.

Нѣкоторые достигали въ этой операціи необыкновенной ловкости; таковъ былъ и Брусницынъ.

Онъ поставилъ меня спиною къ себѣ, оперся рукою на плечо Якименка и влѣпилъ мнѣ такой ударъ, что я отскочилъ впередъ шага на три.

Опредѣленная порція была отпущена; наказуемое мѣсто сильно горѣло, и я долженъ былъ употребить усиліе, чтобы казаться покойнымъ.

— Теперь пойте!—сказалъ Якименко, ставя меня снова между койками.

Я запѣлъ одну хорошенькую малороссійскую пѣсенку. Къ сожалѣнію, я имѣлъ порядочный голосъ; пѣсенка понравилась, и это одно отравило мнѣ первый годъ пребыванія въ училищѣ. Кромѣ дня поступленія, ко мнѣ, собственно говоря, вовсе не приставали; но заставляли пѣть до одуренія, до тошноты.

Не успѣлъ я повторить моей пѣсенки, какъ ударилъ барабанъ. Всѣ встрепенулись.

— Строиться на ученье!—скомандовалъ старшій портупей-юнкеръ, выходя изъ своей комнаты, и взводъ засуетился.

Новичковъ отдѣлили отъ старичковъ и повели особо. Началась скучнѣйшая одиночная выправка. Между окончаніемъ ученья и обѣдомъ прошло не болѣе десяти минутъ. Барабанъ пробилъ къ столу,—бой сладостный для голодныхъ желудковъ юнкеровъ,—и насъ снова начали строить.

— Новичекъ, пришлите мнѣ пирогъ, третій столъ справа, Бурнашеву,—сказалъ какой-то здоровякъ, подходя ко мнѣ.

— А мнѣ пришлите макароны,—добавилъ другой и указалъ свой адресъ въ столовой.

— Однако плохо,—подумалъ я,—придется голодать, а ѣсть хочется, очень хочется.

Насъ повели въ рекреаціонный залъ, раздѣлили на отдѣленія по 10 человѣкъ, и во главѣ каждаго отдѣленія сталъ портупей-юнкеръ. Я опять попалъ, волею судебъ, въ столъ Брусницына.

— На пра-во, шагомъ, маршъ!—скомандовалъ дежурный офицеръ, и вся масса въ 148 человѣкъ повернулась и, притопывая ногами, двинулась въ столовую.

Въ столовой опять билъ барабанъ на молитву. Юнкера, къ неописанному моему удивленію, затянули молитву и пѣли, надо сказать

правду, довольно гадко. Потомъ снова барабанъ, и, наконецъ, мы усѣлись. Оловянная посуда, грубое столовое бѣлье, исковерканные, дрянные ножи и вилки, стаканы баснословной толщины—все было не аппетитно; но вотъ портупей-юнкеръ снялъ крышку съ огромной оловянной миски, взялъ разливательную ложку и налилъ каждому изрядную порцію жиденькаго супа съ маленькимъ кусочкомъ мяса.

Я опорожнилъ мою тарелку въ одну минуту и протянулъ ее Брусницыну.

— Нельзя-ли еще?—спросилъ я его.

— Экъ вы жрете эти помои,—сказалъ онъ,—наполняя снова тарелку супомъ, но уже безъ мяса.

— Поневолѣ будешь жрать помои, когда нужно отсылать макароны и пирогъ,—возразилъ я съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

— Кому?—спросилъ Брусницынъ.

— Макароны Ильенкову, а пирогъ Бурнашеву.

— Пирогъ Бурнашеву пошлите, онъ перваго класса, а Ильенковъ можетъ остаться и безъ макаронъ, молодъ, четвертакъ, скажите, что я не приказалъ,—заключилъ Брусницынъ. Умильно смотрѣлъ я на слоеный пирожекъ со смородиннымъ вареньемъ, который Брусницынъ самъ передалъ служителю для отправки Бурнашеву, и съ грустью подумалъ, что это можетъ повторяться каждый день.

Обѣдъ кончился, барабанъ забилъ, всѣ встали, пропѣли наскоро молитву и пошли, въ разбродъ, въ камеры.

— Новички,—слышалось въ одномъ концѣ,—несите меня на койку, и четыре новичка, подхвативъ подъ руки и подъ ноги какого-то великана, вѣроятно, не въ мѣру объѣвшагося, потащили его по лѣстницѣ.

Въ другомъ мѣстѣ я замѣтилъ долговязаго юнкера верхомъ на маленькомъ новичкѣ. Мальчикъ выбивался изъ силъ, но сѣдокъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на усталость своей лошадки и подгонялъ ее шлепками.

Когда мы вернулись въ камеры, Брусницынъ позвалъ меня и объявилъ, что назначаетъ меня старостою новичковъ 4-го взвода. Обязанность моя состояла въ томъ, чтобы назначать изъ имѣвшихся во взводѣ новичковъ часовыхъ на лѣстницу, со смѣною черезъ каждые полчаса. Часовой долженъ былъ, завидѣвъ дежурнаго офицера, бѣжать во взводъ и по возможности громко шипѣть звукъ т с с с... И, дѣйствительно, я скоро понялъ самъ, что исправное содержаніе часовыхъ дѣло важное.

Послѣ обѣда юнкера предавались всѣмъ запрещеннымъ училищными правилами наслажденіямъ: курили въ умывальникахъ, или даже просто въ камерахъ, въ открытую трубу; спали преспокойно на койкахъ, снявъ куртки и закрывшись ими, читали романы и проч.

Старые юнкера такъ пріучались къ звуку тсс..., что даже тѣ, которыхъ не могъ разбудить шумъ борьбы, хоровой пѣсни и жаркаго спора, заслышавъ магическій тсс.., вскакивали съ коекъ, какъ встрепанные, хватали куртки и удирали въ умывальники оканчивать туалетъ.

Въ 5 часовъ мы пошли, каждый отдѣльно, въ классы. Лекцій не было, и мы проскучали до 7-ми.

Въ 7 вернулись въ камеры и накинулись на хлѣбъ, который служителя разносили въ это время. Потомъ большинство юнкеровъ усѣлось заниматься у своихъ столиковъ, а свободные и лѣнтяи либо бесѣдовали между собою, либо пѣли хоромъ, и пѣли очень недурно. Въ $8^1/_2$ повели насъ, строемъ, къ ужину, а въ 9, по зарѣ, всѣ должны были лечь въ койки. Дѣйствительно, къ этому времени лампы были погашены, ночники зажжены, и при обходѣ дежурнаго офицера всѣ лежали; но лишь только онъ спустился внизъ, большинство одѣлось, каждый вынулъ изъ шкапика свою свѣчку и занялся, чѣмъ хотѣлъ.

Не могу не сказать двухъ словъ о ночникахъ, игравшихъ въ училищной жизни немалую роль.

Въ высокую и узкую жестяную трубку наливалась вода, въ которую опускалась сальная свѣчка. Сало, какъ вещество легкое, плавало въ водѣ. Верхъ ночника снабженъ былъ абажуромъ. Когда ночникъ мѣшалъ почему-либо юнкерамъ, они просто толкали свѣчку сверху внизъ; свѣчка окуналась въ воду, гасла, и ее не легко было зажечь вновь.

IV.

Новички.

Я описалъ обыденный училищный день. Теперь скажу о положеніи новичковъ вообще. Новичекъ въ училищѣ былъ существомъ довольно несчастнымъ, и жизнь его, при установившейся обычаемъ іерархіи по классамъ, была тѣмъ хуже, чѣмъ классъ былъ ниже. Пятаки были въ полномъ загонѣ; жизнь четвертаковъ была плоха, но сноснѣе; къ тѣмъ же, которые поступали прямо въ 3-й, въ особенности во 2-й классъ, или вовсе не приставали, или приставали очень мало; но такихъ, по трудности вступительнаго экзамена, было немного: во всѣ пять лѣтъ пребыванія моего въ училищѣ во 2-й классъ поступилъ одинъ человѣкъ.

Каждый старичекъ имѣлъ, освященное обычаемъ и признанное всѣми, право приставать къ новичку, т. е. истязать всевозможными

способами, не переходя, конечно, извѣстныхъ границъ. Большая или меньшая жестокость приставаній зависѣла отъ личнаго состава перваго класса: чѣмъ этотъ классъ былъ лучше, тѣмъ менѣе жестокій характеръ носили на себѣ приставанія. При моемъ поступленіи 1-й классъ былъ прекрасный и самъ приставалъ мало; но слѣдующій, 2-й классъ, заключалъ въ себѣ нѣсколько экземпляровъ такихъ звѣроподобныхъ людей, какъ Крутицкій и Телеповъ. Къ чести училища должно сказать, что подобныхъ тирановъ было немного и что лучшіе юнкера ихъ же класса, возмущаемые звѣрскими поступками, зачастую вооружались противъ ихъ правъ на безпощадное приставанье; но почти всѣ сходились въ общей идеѣ, что приставать къ новичку, вырабатывать въ немъ терпѣніе и подчиненіе старшимъ классамъ—необходимо.

Откуда взялся этотъ дикій взглядъ и кто провелъ его въ жизнь—неизвѣстно; но въ мое время онъ уже твердо укоренился, а потомъ, какъ я слышалъ, достигъ такихъ необыкновенныхъ размѣровъ, что повлекъ за собою нѣсколько несчастій. Наконецъ, въ шестидесятыхъ годахъ, начальство, болѣе энергичное и умѣлое, чѣмъ баронъ Розенъ, разомъ вывело гнусный обычай приставанія, отдавъ нѣсколькихъ слишкомъ усердныхъ его поклонниковъ подъ военный судъ. Хотя наказанія, опредѣленныя судомъ, были весьма мягкія, но это образумило молодежь, и приставанія прекратились навсегда.

Какъ примѣръ звѣрскаго приставанія, разскажу одинъ случай.

Черезъ нѣсколько дней послѣ поступленія, я нечаянно наткнулся, въ уединенномъ мѣстѣ, на слѣдующую сцену: Телеповъ и Любимовъ находились вдвоемъ на лѣстницѣ. У Любимова былъ засученъ одинъ рукавъ, и Телеповъ забавлялся тѣмъ, что впускалъ въ мускулы руки иголку, почти съ ушкомъ. Потомъ булавкой, загнутой крючкомъ, онъ зацѣплялъ ушко иголки и вытаскивалъ ее наружу.

Увидѣвъ эту мерзость, я бросился къ Брусницыну, котораго уже привыкъ уважать. Брусницынъ спалъ. Я безъ церемоніи растолкалъ его.

— Что вамъ нужно, какъ вы смѣете меня будить; я васъ такъ вздую за дерзость, что вы своихъ не узнаете!—заоралъ взбѣшенный Брусницынъ.

— Дуйте, но сначала пойдите со мною,—сказалъ я настойчиво.

— Что тамъ такое?

— Не скажу, посмотрите сами, и тогда разсудите, правъ я былъ или нѣтъ, что разбудилъ васъ.

Брусницынъ, видя мое взволнованное лицо, накинулъ на плеча куртку по-гусарски, и мы двинулись.

Когда мы дошли до лѣстницы, гдѣ происходила сцена приставанія, и Брусницынъ увидѣлъ, въ чемъ дѣло, онъ, какъ тигръ, бросился впередъ. Раздался ударъ, и Телеповъ покатился по ступенькамъ. Въ концѣ

лѣстницы онъ вскочилъ наконецъ на ноги и бросился къ Брусницыну; но лицо Брусницына было такъ страшно, мускулистая рука такъ грозно поднята, что Телеповъ остановился.

— Осмѣльтесь только до меня коснуться, и я убью васъ, какъ собаку!—проговорилъ Брусницынъ, задыхаясь отъ бѣшенства.

Телеповъ явно струсилъ.

— Еще могу вамъ сказать,—продолжалъ Брусницынъ,—что если вы когда-нибудь тронете этого юнкера, я вздую васъ безпощадно.

Затѣмъ, не обращая болѣе вниманія на Телепова, онъ взялъ за руку Любимова и пошелъ въ камеры.

Послѣ этого случая Любимовъ и я попали подъ особое покровительство Брусницына, и никто уже не смѣлъ насъ тронуть пальцемъ во все время новиціата.

Юнкера 3-го, а тѣмъ болѣе 4-го классовъ, находились сами въ подчиненіи у 1-го класса и боялись совершать жестокости явно. Тѣ изъ юнкеровъ 4-го класса, которые были по природѣ злы, затаскивали новичковъ въ какое-нибудь уединенное мѣсто и тамъ потѣшались ихъ страданіями вволю, если, на ихъ несчастіе, не наскакивалъ на эту сцену какой-нибудь юнкеръ перваго или втораго класса. Тогда, зачастую, пристававшему приходилось такъ же плохо, какъ и новичку, но жаловаться новичку на старенькаго было невозможно; въ этомъ случаѣ первый остался бы всегда виноватъ, а послѣдній правъ.

Юнкеръ 4-го класса Лейкинъ очень любилъ тиранить новичковъ. Однажды онъ затащилъ въ умывальникъ, въ которомъ въ то время никого не было, самаго славнаго, симпатичнаго мальчика и началъ его бить ключемъ, привязаннымъ на длинный ремешекъ. На несчастіе Лейкина, въ умывальникъ неожиданно вошелъ одинъ изъ грозныхъ портупей-юнкеровъ. Не долго думая, онъ взялъ Лейкина за шиворотъ, нагнулъ къ полу и отпустилъ ему 50 щелчковъ въ ухо. Наказаніе было солидное: долго послѣ того Лейкинъ ходилъ съ распухшимъ ухомъ.

Не стану описывать подробно всѣхъ разнообразныхъ способовъ приставанія, скажу только, что негодяи—я иначе не умѣю ихъ и назвать—въ родѣ Телепова изобрѣтали самые разнообразные способы истязаній; но не всегда могли примѣнять ихъ къ дѣлу, такъ какъ боялись своихъ болѣе благородныхъ товарищей.

Вообще новички подвергались приставаніямъ, особенно въ концѣ года, менѣе, чѣмъ объ этомъ ходили слухи; но исключительныя личности, отличавшіяся дураковатостью, физическою уродливостью, нечистоплотностью, а тѣмъ болѣе какими-нибудь нравственными пороками, служили пищею для безконечныхъ и безпощадныхъ приставаній не только въ первый годъ поступленія, но вплоть до 1-го класса.

Одинъ мой товарищъ одноклассникъ, Жиговскій, былъ малый глупый, безъ самолюбія и страшно нечистоплотный юноша. Въ первый же день поступленія, онъ выворотилъ себѣ въ ладонь варенье изъ слоенаго пирожка, раздѣлилъ пирожокъ по слойкамъ и намѣревался окунать каждый листочекъ слойки въ ладонь, какъ въ чашку; но тутъ же, за столомъ, былъ вздутъ всѣми сидѣвшими съ нимъ старичками. Этого было достаточно. Бѣднаго Жиговскаго заставляли съѣдать и выпивать всякую мерзость, напримѣръ, смѣсь изъ щей, кваса, соли, воды, варенья, ламповаго масла и т. п., били безпощадно и такъ кормили под—ми, что онъ привыкъ ходить не иначе, какъ по стѣнкѣ, защищая извѣстную часть тѣла естественными преградами.

Жиговскій не окончилъ курса и долженъ былъ выйти изъ 3-го класса по неуспѣшности въ наукахъ.

Много лѣтъ спустя, одинъ изъ приставалъ встрѣтилъ Жиговскаго, уже чиновникомъ, на улицѣ въ Орлѣ.

— Жиговскій, — крикнулъ онъ ему,—становись, я дамъ тебѣ под—ка.

— Тутъ нельзя,—отвѣчалъ Жиговскій,—много народа, совѣстно, а вотъ зайдемъ въ переулокъ.

Они зашли за уголъ, Жиговскій получилъ должное и потомъ, по-пріятельски, пошелъ по городу съ товарищемъ.

Весьма тягостна была для новичковъ обязанность прислуживать старичкамъ по ихъ требованію.

— Новичекъ!—раздавалось по камерѣ, и новичекъ долженъ былъ бѣжать на зовъ.

— Принесите стаканъ воды, набейте папиросы, пришлите мнѣ за обѣдомъ такое или другое кушанье, перепишите тетрадь, сходите къ такому-то за книгой—все долженъ исполнить новичекъ безпрекословно, и такъ какъ новичковъ было мало, а старичковъ много, то на долю первыхъ выпадало вдоволь бѣготни и траты учебнаго времени.

Весь первый годъ новичекъ не смѣлъ курить, ложиться днемъ на постель и разстегивать куртку. Правила эти соблюдались очень строго.

Но и новички имѣли свои, хотя и весьма ограниченныя, но неотъемлемыя права, за нарушеніе которыхъ могли, ничѣмъ не рискуя, вздуть старичка.

Никто не смѣлъ сказать новичку изъ пренебреженія «ты» и, особенно, коснуться до его лица. Одна оплеуха считалась позорною и унижала вновь поступившаго въ глазахъ общества, все же прочее нимало не ложилось на него пятномъ.

Вотъ какія странныя понятія выработались съ годами въ замкнутой училищной жизни.

V.

Строевыя занятія.

Странно и смѣшно вспомнить въ настоящую минуту, какимъ нелѣпымъ строевымъ упражненіямъ предавался въ сороковыхъ годахъ военный людъ. Если учебные шаги въ три, два и одинъ пріемъ были безполезны для пѣхоты, то въ артиллеріи они не имѣли никакого смысла и приносили только вредъ; а между тѣмъ много часовъ убито нами для изученія тонкостей шагистики.

Въ строевомъ отношеніи училище дѣлилось рѣзко на двѣ части: одна составляла строевую батарею, другая пѣшій взводъ, называвшійся, въ насмѣшку, безсмертнымъ или почетнымъ легіономъ.

Дѣленіе это произошло потому, что всей прислуги при 8 орудіяхъ требовалось 88 человѣкъ, да человѣка 4 запасныхъ, а остальные, около 50, оказывались излишними.

Почетный легіонъ составлялся изъ всѣхъ кривыхъ, хромыхъ и малорослыхъ. Можно себѣ представить, какимъ презрѣніемъ, въ строевомъ отношеніи, пользовалась эта достославная команда и со стороны батарейнаго командира, и со стороны тѣхъ юнкеровъ, которые входили въ разсчетъ батареи.

Легіонеры учились отдѣльно и изнывали въ вѣчной стойкѣ и въ изученіи учебныхъ шаговъ. Иногда, въ видѣ праздника, для нихъ приносились въ залъ деревянныя орудія на подставкахъ и какіе-то отрепанные банники для пріемовъ при орудіи.

Проходя мимо учащагося легіона, батарейный командиръ отворачивался съ презрѣніемъ, а шуткамъ и насмѣшкамъ строевыхъ юнкеровъ не было конца.

Всѣ новички зачислялись обыкновенно въ легіонъ и выходили изъ него по мѣрѣ успѣховъ въ шагистикѣ. Были несчастные, остававшіеся все время пребыванія въ училищѣ въ почетномъ взводѣ.

Самая печальная минута для легіонеровъ наступала при выходѣ въ лагерь. Обыкновенно государь пропускалъ мимо себя, у Нарвской заставы, всѣ военно-учебныя заведенія церемоніальнымъ маршемъ. Батарея, во взводной колоннѣ справа, лихо проходила мимо царя, а легіонъ, съ обнаженными тесаками, похожими болѣе на поварскіе ножи, чѣмъ на военное оружіе, ковылялъ сзади, кто въ лѣсъ, кто по дрова. Даже государь иногда улыбался, глядя на эту гвардію, и никогда не благодарилъ ее.

Но и строевая часть батареи имѣла свои рѣзкія подраздѣленія.

Человѣкъ 6 лучшихъ фронтовиковъ, составлявшихъ строевыя сливки училища, назначались въ царскіе ординарцы и учились совсѣмъ отдѣльно.

Батарейный командиръ холилъ ихъ, можно сказать, ухаживалъ за ними и доставлялъ лишніе отпуска и другія маленькія льготы.

Затѣмъ шли тѣ, которые предназначались для разводовъ. Быть посланнымъ въ разводъ считалось лестнымъ, и мы добивались этого усердными занятіями шагистикою. Если простые юнкера не могли составить хорошаго развода, то съ портупей-юнкеровъ снимались на одинъ день нашивки и они посылались въ разводъ за рядовыхъ.

Не могу не припомнить одного курьеза, случившагося при мнѣ въ училищѣ. Въ день присяги великаго князя Константина Николаевича, велѣно было послать во дворецъ, между прочими, и разводъ отъ училища. Батарейный командиръ засуетился и выбралъ лучшихъ фронтовиковъ. Все обошлось благополучно, и великій князь пожелалъ имѣть дагеротипную (тогда фотографія не была еще извѣстна) группу развода. Начальство снова обезпокоилось, разводъ выстроили въ залѣ, осмотрѣли и нашли нѣкоторыхъ юнкеровъ не довольно красивыми лицомъ для портрета, предназначеннаго великому князю. Былъ составленъ новый взводъ, изъ хорошенькихъ, и группа, снятая съ нихъ, отправлена во дворецъ. Мы много хохотали и прозвали участвовавшихъ въ группѣ присяжными красавцами.

При строевомъ разсчетѣ батареи, уроженцы тихаго Дона и самые здоровенные, но плохіе фронтовики изъ русскихъ, назначались ѣздовыми; лучшіе по фронту нумерами съ банникомъ, съ пальниками и съ трубками. Затѣмъ, между прочей прислугой при орудіяхъ не было большаго различія.

Портупей-юнкера были, большею частью, порядочные фронтовики. Самые видные ставились уносными фейерверкерами, а помельче—орудійными. Фланговыя, т. е. 1-ое и 8-ое орудія, составлялись изъ отборнаго народа.

Настоящія артиллерійскія ученья начинались весною, когда сходилъ снѣгъ. Сначала подъѣзды и отъѣзды и затѣмъ церемоніальный маршъ безъ конца. Ко времени смотра великаго князя Михаила Павловича учились по два раза въ день, при чемъ особенное вниманіе обращалось на быстрое, лихое маневрированіе батареи. И, дѣйствительно, батарея наша была молодецкая. Не успѣетъ командиръ батареи скомандовать: «Съ-передковъ!», какъ уже орудія сняты и выстроены. «На орудія садись!»—и въ одно мгновеніе батарея готова къ движенію съ посаженной прислугой. «Рысью маршъ!»—и мы неслись въ карьеръ. Государь не разъ любовался батареей и благодарилъ Михаила Павловича, котораго мы страшно боялись и вмѣстѣ съ тѣмъ обожали. Угодить ему было особенно трудно. Если онъ бывалъ не въ духѣ, ничто ему не нравилось, и онъ разносилъ всѣхъ, и преизрядно.

Однажды онъ такъ разсердился на училище, что прогналъ его съ

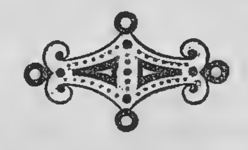
Царицына луга на Преображенскій плацъ, представлявшій изъ себя въ тотъ день море грязи, и велѣлъ учить до вечера.

По этому поводу юнкера сочинили слѣдующее славянское сказаніе, которое читалось нараспѣвъ, по-дьячковски:

«Во едину отъ субботъ, изыде войско преторіанское на ристалище, днесь именуемое Царицынъ лугъ, и бысть тамъ братъ Кесаревъ [1]) съ нѣкимъ фарисеемъ Долгорукимъ [2]). И повелѣ братъ Кесаревъ исторгнути фейерверкеры на линію; и метахуся и не знаша, что творити. И воспыла братъ Кесаревъ гнѣвомъ веліимъ и возгласи: «Что творите, что помышляете, болваны бо есте». И повелѣ братъ Кесаревъ ввергнути сотника Кузьмина [3]) въ темницу арсенальную; войско же преторіанское изгна на ристалище, днесь именуемое Преображенскій плацъ, и повелѣ ему предатися ристанію до нощи. И хождаху воины по морю, аки по суху».

Старый артиллеристъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Великій князь Михаилъ Павловичъ.

[2]) Начальникъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, князь Долгоруковъ.

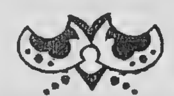
[3]) Батарейный командиръ.

Ложная біографія генерала Ѳ. П. Уварова.

Изъ письма А. А. Закревскаго кн. П. М. Волконскому.

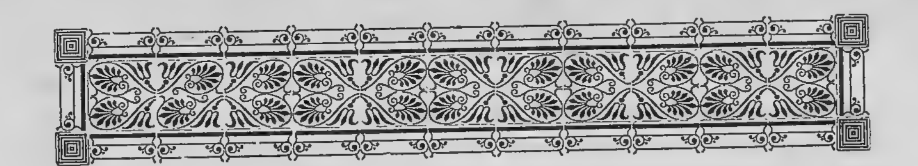
10-го ноября 1822 г.

Увѣренъ будучи, что вы имѣете теперь болѣе свободнаго времени, нежели когда-либо, посылаю вамъ для прочтенія 44-ю книжку журнала «Благонамѣренный». Она вѣрно васъ займетъ, ибо вы въ ней найдете весьма любопытную статью. Это біографія Уварова [1]. Вы, конечно, удивитесь, узнавъ столько чудесъ о его военныхъ подвигахъ, коихъ вѣрно вы и не подозрѣвали; чтеніемъ оной всѣ занимаются и ужасно какъ много раскупаютъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о біографическихъ свѣдѣніяхъ о генералъ-адъютантѣ Ѳедорѣ Петровичѣ Уваровѣ, помѣщенныхъ въ подстрочномъ примѣчаніи (на стр. 166—175) къ статьѣ «Возвращеніе императорской россійской гвардіи въ столицу», напеч. въ № XLIV «Благонамѣреннаго» за 1822 годъ. Отзывы князя П. М. Волконскаго и А. П. Ермолова о той же статьѣ см. въ ихъ письмахъ къ А. А. Закревскому отъ 1-го и 15-го декабря 1822 года (Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества, т. LXXIII, стр. 74 и 405).

Письмо А. Ѳ. Мерзлякова къ одному изъ его друзей [1]

(вѣроятно, къ В. А. Жуковскому).

8-го сентября (1800).

Когда кончится это шальное для меня время? Когда попаду я на путь истинный? Еще новый проступокъ! Еще виноватъ предъ тобою!

Какъ бы ты назвалъ это состояніе, въ которомъ я теперь хочу дѣлать и не дѣлаю; хожу задумавшись изъ одного угла въ другой; бѣгаю, какъ бѣшеный, по улицамъ, ругаюсь со всѣми? — Сумасшествіемъ! не такъ-ли?

По крайней мѣрѣ, я чувствую, что это *кризисъ, кризисъ для всего меня*; рѣшительная *лихорадка* для моихъ музъ.

Вчера пришелъ ко мнѣ человѣкъ, и проситъ письма къ моему отцу, къ которому я не писалъ уже полгода. Въ первую минуту сердце мое надрывалось отъ радости. Я сажусь за перо, пишу, запечатываю; только осталось отнести къ этому человѣку. Вдругъ приходитъ дьявольская мысль. Вмѣсто того, чтобъ идти на Пречистенку съ письмомъ, я иду . . . . [2]). Письмо не послано. Вечеръ провелъ я *чрезмѣрно* весело. Не знаю, когда дождутся мои родные что-нибудь о бѣдномъ, разсѣянномъ своемъ родственникѣ, который умѣетъ забавляться насчетъ ихъ скорби, ихъ слезъ!

Вотъ какъ сдѣлался я преступникомъ въ разсужденіи любви сыновней и въ разсужденіи дружбы.

---

¹) Это письмо Алексѣя Ѳеодоровича Мерзлякова (р. 1778 † 1830), извѣстнаго профессора Московскаго университета, находится между бумагами Александра Ивановича Тургенева, любезно сообщенными редакціи „Русской Старины" П. Н. Тургеневымъ. Вѣроятно, оно писано къ В. А. Жуковскому.

²) Точки въ подлинникѣ.

Я слышу, слышу чрезъ двѣ тысячи верстъ [1]), какъ снисходительно, какъ милосердо выговариваетъ мнѣ добрый отецъ мой! Какъ заклинаетъ онъ меня своими лѣтами, своею горестію и своею радостію не забывать его... И три письма летятъ къ нему въ слѣдующую же среду отъ раскаявшагося сына!

Ну! что ты, другъ мой, что ты скажешь мнѣ за то, что я въ другой разъ пропускаю череду свою? Я не дожидаюсь твоего выговора. Вотъ рука: возьми ее въ знакъ, что я люблю тебя. Ну, ругай меня!

Г. лекарь! перемѣни рецептъ свой, который я получилъ отъ тебя въ прошедшемъ письмѣ! Видишь-ли, что онъ или совсѣмъ не дѣйствуетъ, или слишкомъ дѣйствуетъ. Вспомни свои наставительныя слова: что бы была твоя жизнь безъ этого непостоянства, безъ этой безумной пылкости, безъ этой вѣтренности?—Степью, въ коей глаза наши ничего не видятъ, ничего не встрѣчаютъ, кромѣ неба отдаленнаго, безмолвнаго, которое сливается съ горизонтомъ!—То правда!

При всѣхъ моихъ заблужденіяхъ, при всей моей слабости, я все еще чувствую, братъ,—такъ!—чувствую,—что эти слова похожи на степь, въ которой сердца наши ничего не видятъ, кромѣ отдаленнаго неба, которое сливается съ горизонтомъ!!

Надежды! желанія! ты за нихъ стоишь горою [2]), почитаешь ихъ потребностію и сладостію жизни; говоришь, что безъ нихъ она ничто! Espérer c'est jouir! Вѣрю, братъ, вѣрю; но совсѣмъ иначе, нежели какъ ты думаешь. Не чуждайся этихъ головоломовъ, коихъ ты не любишь. Они ломаютъ головы для того, чтобы было легче сердцу. Самая природа—по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ—согласна.

Желать бо̀льшаго безпрестанно далѣе — это врожденное въ насъ свойство. Скучать единообразіемъ натурально для всякаго человѣка. Желать: это даже есть одна изъ нужнѣйшихъ силъ человѣческой души, коя (сила) поддерживаетъ насъ и укрѣпляетъ на тайномъ для самихъ насъ, излучистомъ, но вѣрномъ пути къ совершенству. Я все это допускаю, и видишь-ли, что я все это хвалю еще больше, нежели какъ ты похвалилъ. И при всемъ томъ я съ тобою несогласенъ! Употребимъ твое же сравненіе: мы можемъ уподобиться мореплавателямъ, которыхъ кормчій — надежда, которыхъ попутный вѣтръ — желанія.

---

[1]) А. Ө. Мерзляковъ былъ родомъ изъ г. Далматова (Пермской губерніи), гдѣ его отецъ, Өедоръ Алексѣевичъ, былъ небогатымъ купцомъ.

[2]) Въ 1800-мъ же году Жуковскій напечаталъ въ „Утренней Зарѣ" статью „Къ надеждѣ" (см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, Спб. 1885, т. V, стр. 226—227).

Прежде разсмотримъ его:

Такъ! Мы мореплаватели по океану этой жизни! Что есть кормчій, или что долженъ быть кормчій? Тотъ, который знаетъ дорогу, куда ѣхать. Слѣд(овательно) такое существо, которое знаетъ нашу жизнь, нашу пользу, наше опредѣленіе. По-твоему этотъ кормчій—надежда. Что есть надежда? Способность увѣрять самихъ себя въ совершеніи нашихъ желаній, слѣдовательно: она есть сила души, слѣдующая за разумомъ, уже иногда ослѣпленнымъ, иногда здравымъ. Въ первомъ случаѣ облако почитаемъ мы гаванью. Во второмъ не обманываемся, или рѣдко обманываемся.

Ты самъ сказалъ прежде, что желанія все то же, что и надежды; желанія—у тебя вѣтеръ, который несетъ корабль нашъ: итакъ надежды—тотъ же вѣтеръ!

Чувствуешь-ли свою погрѣшность? Чувствуешь-ли, что надежда не можетъ быть нашимъ кормчимъ? Но для доказательства продолжимъ собственное твое сравненіе.

Положимъ, кормчій корабля—надежда. Но кормчій управляетъ кораблемъ посредствомъ чего? Посредствомъ компаса и морской карты, которая лежитъ передъ нимъ. Вдругъ буря сбиваетъ корабль съ настоящаго, должнаго пути его. Твой кормчій не знаетъ, подъ которымъ онъ небомъ, далеко-ли отъ него подводные камни, мели, куда ему ѣхать, гдѣ сыскать вожделѣнную свою пристань. Но компасъ, если онъ умѣетъ его слушаться и ему слѣдовать, выводитъ его на старую дорогу. Онъ продолжаетъ.

Сверхъ того, — почему желанія наши почитаешь ты вѣтромъ попутнымъ? Познакомься съ человѣкомъ, съ самимъ собою, — съ самимъ собою въ то самое время, когда ты меньше всего на себя жалуешься. Не часто-ли случается, что ты желаешь не того, чего въ самомъ дѣлѣ желать тебѣ должно? Не часто-ли желанія наши, подобно многимъ противнымъ вѣтрамъ, разрываютъ насъ въ разныя стороны и терзаютъ наше сердце? Не часто-ли, подобно роковой бурѣ, одно, впрочемъ самое пріятнѣйшее, желаніе, открываетъ поздно предъ тобою яму, въ кою оно влекло тебя? — Желанія! Человѣкъ — во всѣ времена ребенокъ, во всѣ времена бабочка, обжигающая свои крылья о свѣчку. . . . [1]). И желанія попутный нашъ вѣтеръ!! Доказавъ, что желанія не попутный нашъ вѣтеръ, я докажу тебѣ даже и то, что это и полезно, что онъ не попутный, что желанія суть вихри, которые влекутъ нашъ корабль въ разныя стороны.

Что бы было, если бы всѣ человѣки во всѣ времена, во всякомъ

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

состоянiи, желали достигнуть одного и того же одною дорогою? Отъ этого произошло (бы) то, что бы мы не были любопытны ко всему, что окружаетъ насъ; науки, художества, просвѣщенiе, политика, общество, открытiе новыхъ свѣтовъ, новыхъ небесъ, металловъ, животныхъ, растенiй,—этого бы мы ничего не знали! Посмотри на монаховъ, на тѣхъ, кои посвятили жизнь свою одной будущей вѣчности. Можетъ-ли быть сытъ человѣкъ однимъ духовнымъ ихъ хлѣбомъ? Что они сдѣлали для человѣчества? И что бы было, если бы мы всѣ были монахи? Не говори мнѣ о вредѣ, не говори о пострадавшей Америкѣ! Я вѣрю величайшему чудесному Промыслу; въ пространной вселенной упадаютъ царства точно такъ же, какъ упадаетъ съ дерева листъ для того, чтобы, сгнивши подъ снѣгомъ зимою, утучнить землю и произвести новыя деревья.

Съ другой стороны: жизнь наша была бы пустынею, бѣдственною, ужасною; человѣкъ, подобно звѣрямъ, ограниченный однѣми естественными нуждами, скитался бы по лѣсамъ, былъ жертвою непогодъ, бурь и всѣхъ животныхъ. Онъ не исполнилъ бы чрезъ сiе важнаго своего предопредѣленiя. Разумъ его былъ бы только инстинктъ, примѣчаемый въ прочихъ животныхъ. Воля его—тигрова ярость. Напротивъ того теперь: желанiя—поддерживаютъ его промышленность; промышленность, при частыхъ своихъ проигрышахъ, непримѣтными шагами ведетъ въ совершенство его разумъ, который платитъ желанiямъ за свое воспитанiе тѣмъ, что, напитавшись ихъ опытами, усилившись познанiями, воцаряется надъ ними самими и держитъ ихъ въ строгомъ равновѣсiи, чтобы они всѣ дѣйствовали и ни одно не ослабѣвало насчетъ другого. Такъ мудрой государь управляетъ своими подданными, смиряетъ ихъ всѣхъ для ихъ общаго счастiя.

Вотъ, братъ, защищаемыя тобою желанiя и надежды! Будь увѣренъ, что многiе изъ этихъ сладкихъ писателей, которыхъ ты любишь, желали больше прославиться остроумiемъ или понравиться человѣку, для котораго они пишутъ и котораго они хорошо знаютъ, то есть слабому человѣку, повсемственно слабому (чего требуетъ самая ихъ польза!), понравиться, а не научить его. Ты упираешься на натуру. Для чего обижать ее? Она сама даетъ намъ предаваться безъ осторожности нашимъ желанiямъ. Она непостижимо мудра: у нея-то всякое начало знаетъ свой конецъ. Перемѣняетъ-ли она однажды положенные свои законы? Не наказываетъ-ли она тѣхъ, кои преступаютъ ея повелѣнiя? Она велитъ желать и надѣяться, снисходитъ, когда мы нечаянно заблуждаемся, и наказываетъ, когда мы возлюбимъ заблужденiе и отвергнемъ ея посохъ и ея правило.

Я хочу изъ всего вывести то, чтобъ ты не ругалъ гг. головоломовъ-философовъ, чтобъ ты старался утвердить свой характеръ и дру-

гимъ тоже совѣтовалъ утвердить характеръ, значитъ . . . . . . [1]), но ты это самъ знаешь), чтобъ ты зналъ, что благополучіе человѣческое состоитъ въ спокойствіи души и сердца, которое рождается только отъ мудраго управленія самимъ собою; что мы непремѣнно должны имѣть вѣрной компасъ—разумъ, просвѣщенной (еще таки скажу) этими головоломами, ищущими истины, а не педантами, дабы управлять нашими желаніями и сдержать ихъ въ равновѣсіи,—и отдыхать послѣ всего этого на колѣняхъ у надежды.

Система моя вся! По крайней мѣрѣ совѣсть говоритъ мнѣ, что я скорѣе вылечусь, если послушаю самого себя, а не моего снисходительнаго друга. Далѣе, я не стану опровергать твое мнѣніе въ разсужденіи того, гдѣ нашъ мореплаватель лучше можетъ научиться своему искусству, на морѣ, или на берегу; скажу только то: Америкъ Веспуцій зналъ, не пустившись въ море, что есть Америка и что можно открыть Америку, но онъ не въ силахъ начертить маршруту въ Америку, не видалъ, съ кѣмъ онъ встрѣтится, какъ его примутъ [2]), и страдалъ. Подумай осторожнѣе, и ты согласишься вѣрно съ тѣмъ, что сказано въ рузсужденіи сего предмета въ моемъ письмѣ.

Я не помню ничего о моей природѣ, которую ты называешь вѣтреною. Пусть такъ, моя природа вѣтрена! Твоя слишкомъ легка, причудлива и жеманна, потому что она не улетаетъ къ тебѣ въ тихомъ вѣяніи благодати!!! Потомъ подаетъ она сѣмя жизни прожившему уже нѣсколько недѣль младенцу, точно такъ, какъ щенятамъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль послѣ рожденія, даетъ она глаза! Наконецъ, говоритъ длинную рѣчь, отъ которой я засыпаю.

Весьма хвалю и люблю тебя въ разсужденіи послѣдняго пункта въ твоемъ письмѣ. Въ этомъ потребую твоего учительства, твоего наставленія! Въ этомъ я младенецъ! Но, геній дружества, граціи дружества, покройте меня миртами и лаврами, покоющагося на цвѣтущемъ лугу юности, такъ, какъ священные олимпійскіе голуби покрыли древле Горація, во время его младенчества въ матерней Апуліи; и змѣи, и тигры не прикасались къ нему!

Я повторяю теперь еще послѣднее правило мое въ прошедшемъ

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Чего на берегу не могъ сказать ни одинъ географъ. Въ разсужденіи жизни имѣемъ мы также только общее правило: пустись въ нее и будешь вѣчно ученикомъ. Наука человѣка, или познаніе о человѣкѣ, столь необходимое въ жизни для всякаго, скажи, гдѣ оно пріобрѣтается: въ классахъ школьныхъ, или изъ опыта? Для чего путешествовали философы, оставляя свои лицеи, свое отечество?

письмѣ и затѣмъ заключаю нашъ диспутъ, если хочешь навсегда—объ этой матеріи. Впрочемъ, поправляй меня—пиши анти-анти-реценцію.

Я слышалъ, что нашъ С. Е—чъ [1]) ѣдетъ въ Малороссію.

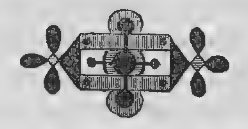
Дай Богъ ему счастія!

Я надѣюсь скоро поправиться въ моей вѣтренности. Скоро примусь за дѣло. Любезный другъ! позови меня къ себѣ, говори со мною! Скажи мнѣ правду о мнѣ самомъ! Это твой долгъ! Я хочу непремѣнно во многомъ перемѣниться, и перемѣнюсь.

А. И. [2]) уѣдетъ въ Питеръ, Родзянко въ Малороссію; переписка наша растянется и будетъ интереснѣе! Будетъ даже вѣрнѣе, потому что тогда сердца наши, не имѣя случая соединяться другъ съ другомъ въ мирной бесѣдѣ, узнаютъ необходимую потребность въ перепискѣ и строже станутъ приказывать намъ исполнять свою должность. Я не пропущу по нуждѣ тогда череды своей. Прощай. А. М.

7-го сентября 1800 г. въ вечеру.

Сообщ. **П. Н. Тургеневъ.**

---

[1]) Т. е. Семенъ Емельяновичъ Родзянко, сотоварищъ Жуковскаго по университетскому благородному пансіону, бывшій секретаремъ „Собранія воспитанниковъ пансіона“ и отличавшійся стихотворными дарованіями. Впослѣдствіи Родзянко постигло большое несчастіе: онъ лишился разсудка и, какъ извѣстно, умеръ съумасшедшимъ.

[2]) Т. е. Андрей Ивановичъ Тургеневъ († 8-го іюля 1803 года), другъ Жуковскаго, поступившій на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Страничка изъ исторіи освобожденія крестьянъ [1]).

Раненько утромъ, 9-го апрѣля 1861 г., перешелъ я Волгу, взялъ у часовни тройку вплоть до Майны; къ обѣду былъ тамъ. Въ Майнѣ только-что получили Положеніе. Мужики меня увѣряли, что это отъ того такъ поздно, что Самарская губернія моложе Казанской. Полковникъ, который привезъ Положеніе, вѣроятно, имъ рѣчь держалъ. Рѣчь они поняли такъ, что 19-го числа имъ привезутъ новую волю, третью. Я усумнился, меня увѣряли, что сами слышали, и доказывали тѣмъ, что въ Симбирской и Казанской по три воли читали. Дѣйствительно, у насъ сперва читали манифестъ, потомъ извлеченіе изъ Положеній и, наконецъ, самое Положеніе. Понятно, что и въ Самарской вправѣ третьей воли ждать. Ночевать я проѣхалъ въ Волостниковку къ помѣщику Горлову.

Къ сумеркамъ пріѣхалъ въ Кокряты. Сидора дома нѣтъ.

— Гдѣ онъ?—спросилъ я.

— Въ конторѣ къ волѣ приписывается.—Истинной воли мужики доискались, такъ теперь всѣ въ конторѣ собрались,—сказала мнѣ баба; помѣщиковъ, слышь, рубить велѣно.

Пошелъ я въ контору. Толпа, шумъ, гамъ, толкотня, какое-то звѣрское ухарство на лицахъ. Сходка о томъ, какъ дѣлить барскую рожь и какъ молотить ее, или по себѣ снопы прямо раздѣлить? Рѣшили обмолотить міромъ.

Прислушиваюсь къ толкамъ: дворянъ рѣзать, вѣшать, рубить топорами; топоры насадить на длинные колья. Вообще размѣръ пугачевщины; старосту прогнали. Какой-то грамотей записываетъ поименно мужиковъ въ истинную волю; а толпа сортируетъ.

---

[1]) Кѣмъ написанъ этотъ разсказъ, намъ неизвѣстно; онъ найденъ въ бумагахъ, оставшихся послѣ К. В. Чевкина, и хорошо рисуетъ тогдашнее положеніе и настроеніе крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи. Ред.

— Этого, кричитъ, не пиши, онъ все съ господами знакомится, ему и земли не давать!

Тутъ же изъ разговоровъ со многими личностями я узналъ, въ чемъ сила.

Въ селѣ Безднѣ какой-то старовѣръ, Антонъ Петровъ, въ Положеніи доискался истинной воли, которую до него никто понять не могъ. Именно въ Положеніи, гдѣ напечатанъ «образецъ уставной грамоты», написано: «дворовыхъ 00, крестьянъ 00, земли 00» и т. д. Эти нули Антона не привели въ смущеніе, онъ растолковалъ, что это и есть истинная воля.

Сидитъ Антонъ въ избѣ въ Безднѣ, смотритъ на эти нулики, читаетъ безъ запинки: «помѣщику земли—горы да долы, овраги да дороги и песокъ да камышъ, лѣсу имъ ни прута. Переступитъ онъ шагъ съ своей земли—гони добрымъ словомъ, не послушался—сѣки ему голову, получишь отъ царя награду». Народу такая воля нравилась, со всѣхъ сторонъ стекались толпы слушать истинную волю и приносили съ собою Положеніе, въ которыхъ помѣчалъ, гдѣ находить истинную волю. Такъ проповѣдывалъ Антонъ пять дней сряду. Потомъ онъ распустилъ слухъ, что получилъ отъ царя грамоту и дочитался въ Библіи до пророчествъ. Смѣшавъ то и другое, онъ проповѣдывалъ: «что истинную волю тогда только получите, когда сохраните того человѣка, который найдетъ вамъ ее. Истинная воля до тѣхъ поръ не дастся, пока не прольется много крови христіанской. Крѣпко накрѣпко царь приказалъ того человѣка караулить и денно и нощно, и коннымъ и пѣшимъ, сохранять отъ всякой напасти и не допускать до него ни господъ, ни поповъ, ни чиновниковъ. А паче того его не выдавать и отъ избы его не отходить. Если зажгутъ село съ одного конца, не отходить отъ избы; если зажгутъ село съ другаго конца, не отходить отъ избы. Будутъ къ вамъ проходить и старые и младые, не допускайте до меня и не выдавайте меня. Будутъ васъ обманывать, говорить, что отъ царя пришли, не вѣрьте имъ. Придутъ къ вамъ съ соблазнами старые, придутъ и средніе, придутъ лысые и власатые, и всякіе чиновные, не выдавайте меня. А когда прійдетъ часъ, пріѣдетъ сюда отъ царя младый юноша 17 лѣтъ, на правомъ плечѣ золотая медаль, а на лѣвомъ серебряная, тому повѣрьте и меня выдайте. Станутъ васъ стращать войскомъ, не бойтесь: никто не смѣетъ бить народъ православный безъ царскаго приказа. А если дворяне подкупятъ и будутъ въ васъ стрѣлять, то и вы рубите топорами тѣхъ царскихъ ослушниковъ».

Рѣчь Антона Бездниинскаго передаю вамъ слово въ слово, какъ я слышалъ ее въ Кокрятахъ.

На сходкѣ рѣшили на другой день на барщину не выходить и по бревнамъ растащить барскія усадьбы, потому что Антонъ говоритъ, что всѣ вольны съ 10-й ревизіи уже; а до сихъ поръ дворяне крали волю

и несправедливо заставляли работать, слѣдовательно, съ нихъ надо взыскать.

Отыскалъ я на сходкѣ Сидора. Пока онъ мнѣ приготовлялъ лошадей, я любовался на пугачевщину и восхищался нашимъ начальствомъ. Нѣкоторые мужики представили мнѣ въ лицахъ, какъ изъ Бездны прогнали исправника и предводителя, говорили, что предводителя сожгутъ, и что царь велѣлъ дворянъ не миловать, а головы рубить.

Сидоръ лошадей запрегъ; поѣхалъ я въ Мурасу. Сани чуть двигаются по сухой землѣ; холодненькій вечеръ освѣжилъ мою голову. Страшно стало мнѣ за Молоствова. Сталъ я Сидора разспрашивать, и онъ отъ души вѣрилъ вздору. Жалѣетъ помѣщиковъ, испугался, что его не записали въ истинную волю, къ Антону.

— Пожалуй, говоритъ, земли теперь не дадутъ за то, что я знался съ господами.

Я его урезонивалъ, сколько умѣлъ, не подѣйствовало. Лёгъ было спать въ сани, не спится.... У Молоствова люди тоже взбунтовались, даже дворовые всѣ, какъ я слышалъ въ Кокрятахъ, Сидоръ то же говоритъ.

Молоствовъ человѣкъ отличный, принялъ меня хорошо.... Теперь, быть можетъ, одинъ въ этой передрягѣ, боится и за семью и за цѣлый уѣздъ.... Кто знаетъ, пожалуй и пригожусь, у меня шесть выстрѣловъ въ револьверѣ, силы довольно....

Сидоръ ѣдетъ лѣсомъ, а мнѣ все не спится, все бунтъ у Молоствова на умѣ.... Кто знаетъ, быть можетъ, буду не лишній и удастся отблагодарить за его внимательный пріемъ. А буду лишній, уѣду; пятьдесятъ верстъ крюку немного.... А какъ что-нибудь задержитъ? да въ Мурасу опоздаемъ!! Э! думаю, довѣрительница пойметъ, проститъ, вѣдь не для глупостей ѣду.

— Ворочай, Сидоръ, назадъ!

— Куда?

— Въ Три озера, письмо забылъ тамъ.

Нехотя Сидоръ поворотилъ лошадей, отъѣхали хотя и не такъ много, а въ Кокрятахъ пришлось переночевать.

Пріѣхалъ къ Молоствову.

— Я васъ, Вадимъ Владиміровичъ, пріѣхалъ спросить, какія принимать мѣры, если крестьяне откажутся отъ барской работы. Въ окрестныхъ селахъ перестали ходить на барщину, бунтъ разливается и дойдетъ до Мурасы, настаивать или оставить?

— Оставьте.

— Но вѣдь тогда начнется грабежъ, и вспыхнетъ барская усадьба.

— Что жъ дѣлать, я этого жду каждый день, мы безсильны!

Неутѣшительно, думаю, слушать это отъ предводителя, въ добавокъ

отъ очень умнаго. Должно быть, въ самомъ дѣлѣ безсильны. Отъ Молоствова узналъ я, что все это правда, что слышалъ я въ Кокрятахъ. Бунтъ поднялся не на шутку. Хоть и слѣдовало бы, да жаль мнѣ было его попрекнуть «кроткими мѣрами», о которыхъ онъ мнѣ читалъ такъ недавно.

Къ нему въ эту ночь пріѣхалъ графъ Апраксинъ, а къ утру прибыла рота солдатъ. Крестьяне, увидя команду, безъ наряду вышли на барщину. Я пріѣхалъ очень кстати; дѣйствительно, Молоствовъ былъ одинъ. Просили меня помочь ихъ горю, отвезти депешу въ Казань къ генералъ-губернатору. Я это принялъ съ большимъ удовольствіемъ. Подали закуску, пришелъ ротный командиръ, начался маленькій военный совѣтъ. Ротный командиръ хотѣлъ 6 т. народу окружить ста человѣками. Я спросилъ его, ручается-ли онъ за свою роту, что она будетъ дѣйствовать противъ мужиковъ.

— Теперь такое время, что можно ручаться только за самого себя.

Этотъ отвѣтъ до сихъ поръ звучитъ у меня въ ушахъ.

12-го апрѣля утромъ пришла рота въ Бездну; прибылъ графъ Апраксинъ, Молоствовъ, Шишкинъ, нѣсколько адъютантовъ. Собрались всѣ противъ дома Антона шагахъ въ полутораста. Домъ Антона, дворъ, крыша, вся улица передъ домомъ шаговъ на пятьдесятъ были наполнены народомъ. Стали народъ усовѣщевать, просить, чтобы разошлись, или выдали Антона, долго ихъ просили; но кромѣ крику и грубыхъ выходокъ ничего отъ толпы не добились.

Послѣ залпа все засуетилось, побѣжало, а кому отъ давки нельзя было бѣжать, тѣ кричали· «выдадимъ, выдадимъ!» Пальбу остановили; мужики бѣжатъ куда попало, много бросилось черезъ рѣку, другъ друга давятъ, бѣгутъ по задамъ, черезъ плетни и повѣти. Изъ избы вывели Антона, державшаго на головѣ Положеніе. Подъѣхали казаки и взяли его.

Антону лѣтъ 35; худой, маленькій, блѣдный, какъ полотно, страшно перепугался; онъ думалъ, что его будутъ тотчасъ же разстрѣливать. Толпа разсѣялась.

Ночевалъ я въ Гусихѣ, три версты отъ Бездны. Антона считаютъ святымъ и разсказываютъ, что на него графъ Апраксинъ надѣлъ свое платье, ордена свои; посадили въ карету и повезли къ царю.

Всѣхъ басенъ вамъ не пересказать, всѣ онѣ потѣшны, всѣ глупы донельзя, и.... все это разсказывается и вѣрится свободными гражданами, къ которыми намъ придется дѣлать полюбовныя сдѣлки!

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.

(Біографическій очеркъ).

1-го мая 1804 года, въ Москвѣ, въ семьѣ богатаго помѣщика среднихъ губерній (Тульской, Рязанской и Смоленской) Степана Александровича Хомякова, родился второй сынъ Алексѣй. Родъ Хомяковыхъ старинный дворянскій. Одинъ изъ предковъ А. С. Хомякова служилъ старшимъ подсокольничимъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и считался даже къ нему особо приближеннымъ [1]). Въ Москвѣ Хомяковы жили на Ордынкѣ, въ приходѣ Георгія на Всподьѣ, гдѣ у нихъ и родился второй сынъ.

Вѣтвь Хомяковыхъ, къ которой принадлежалъ А. С. Хомяковъ, стала богатой, благодаря слѣдующему обстоятельству. Въ половинѣ XVIII вѣка проживалъ подъ Тулой помѣщикъ Кириллъ Ивановичъ Хомяковъ, владѣвшій большимъ состояніемъ. Онъ схоронилъ подъ старость жену и единственную дочь и остался совершенно одинокимъ, не имѣя близкихъ родственниковъ. Старикъ горевалъ о потерѣ жены и дочери, въ кончинѣ которыхъ онъ видѣлъ руку Промысла Божія,—черта стараго русскаго быта,—и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпко думалъ о судьбѣ своихъ крестьянъ, не желая ихъ оставлять на произволъ худаго помѣщика. Наконецъ, онъ рѣшилъ покончить съ тревожившимъ его вопросомъ слѣдующимъ своеобразнымъ способомъ. Онъ собралъ въ с. Богучаровѣ, въ которомъ жилъ, мірскую сходку и объявилъ своимъ крестьянамъ, что Богъ его

---

[1]) Въ семейномъ архивѣ Хомякова хранятся письма царя къ этому подсокольничему, Петру Семеновичу, числомъ шесть, всѣ дѣловаго характера. Они напечатаны въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1862 г., книга I. А. С. Хомяковъ особенно любилъ этого царя и писалъ А. Н. Попову, что онъ готовъ прицѣпить къ нему свое родовое имя (Сочиненія Хомякова, т. VIII (Письма), стр. 230).

наказалъ, лишивъ жены и дочери, и что онъ предоставляетъ крестьянамъ самимъ выбрать себѣ помѣщика, а ему—наслѣдника, съ условіемъ, однако, чтобы таковой былъ непремѣнно изъ рода Хомяковыхъ. Богучаровскіе крестьяне послали ходоковъ искать себѣ помѣщика по Тульской и сосѣднимъ губерніямъ, а, по возвращеніи ходоковъ, снова собралась сходка и объявила, что облюбовала себѣ помѣщикомъ молодаго сержанта гвардіи Ѳедора Степановича Хомякова, двоюроднаго племянника своего барина. Кириллъ Ивановичъ пригласилъ къ себѣ въ Богучарово избраннаго крестьянами, дотолѣ неизвѣстнаго ему племянника, человѣка небогатаго, и, познакомившись съ нимъ, одобрилъ выборъ крестьянъ. Ѳедоръ Степановичъ оказался хорошимъ и домовитымъ хозяиномъ, человѣкомъ добраго нрава и разсудительнымъ.

Старикъ сдѣлалъ въ его пользу завѣщаніе и могъ умереть спокойно, зная, что передаетъ крестьянъ въ надежныя руки. Добрая слава о новомъ богучаровскомъ помѣщикѣ распространилась далеко, и онъ сталъ извѣстенъ во всей губерніи. Въ 1787 г., когда императрица Екатерина II, принимая, проѣздомъ черезъ Тулу, мѣстныхъ дворянъ, собравшихся для ея встрѣчи, посовѣтовала открыть заемный банкъ, для воспособленія ихъ нуждамъ по сельскому хозяйству, ей отвѣчали: «Намъ не нужно, матушка, банка; у насъ есть Ѳедоръ Степановичъ Хомяковъ, онъ даетъ намъ денегъ въ заемъ, отбираетъ къ себѣ, во временное владѣніе, разстроенныя имѣнія и потомъ возвращаетъ назадъ [1]).

Устроенное и умноженное состояніе было оставлено Ѳедоромъ Степановичемъ своему единственному сыну Александру, женившемуся на Настасьѣ Ивановнѣ Грибоѣдовой [2]). Сынъ не былъ похожъ на отца: кутила и псовый охотникъ, нрава необузданнаго и разгульнаго, онъ всю осень проводилъ въ отъѣзжихъ поляхъ и мало занимался хозяйствомъ, которое и стало приходить въ разстройство.

У него также былъ одинъ только сынъ, Степанъ Александровичъ, получившій хорошее, по своему времени, образованіе, отлично знавшій французскій языкъ и французскую словесность. Онъ принималъ живое участіе въ литературномъ движеніи своего вѣка, но, къ сожалѣнію, былъ человѣкъ слабохарактерный, страстно любившій картежную игру. Выйдя въ отставку поручикомъ гвардіи, онъ женился на Марьѣ Алексѣевнѣ Кирѣевской, дѣвушкѣ не молодой, но весьма красивой, обладавшей умомъ и характеромъ. Она имѣла большое вліяніе на воспитаніе

[1]) В. Лясковскій. «А. С. Хомяковъ. Его жизнь и сочиненія», Москва, 1897, стр. 5 и 6.

[2]) Имѣніе Липицы, Смоленской губ., было получено ею въ приданое. Она приходилась сродни извѣстному автору «Горя отъ ума». См. прим. къ стр. 9-й VIII т. Сочиненій А. С. Хомякова (Москва. 1900).

сыновей, съ раннихъ лѣтъ много читавшихъ, благодаря богатой библіотекѣ отца. Отецъ особенно любилъ младшаго сына, Алексѣя, и гордился его дарованіями и литературными способностями. Критическіе отзывы о первой трагедіи сына «Ермакъ» волновали его гораздо болѣе, чѣмъ самого автора. Съ сыновьями онъ переписывался по-французски. Крупный проигрышъ мужа, въ московскомъ англійскомъ клубѣ, заставилъ Марью Алексѣевну Хомякову взяться за управленіе дѣлами, ради сохраненія состоянія для дѣтей (мужъ ей передалъ бо́льшую часть своихъ имѣній). Благодаря ея энергіи и настойчивости, долги были уплачены, имѣнія приведены въ порядокъ, а дѣти могли получить значительное состояніе. Но супруги послѣ этого разстались, жили врозь и рѣдко видѣлись.

Но когда Степана Александровича поразилъ нервный ударъ и онъ впалъ въ дѣтство, жена взяла его къ себѣ въ Богучарово и заботливо за нимъ ухаживала до самой его смерти, послѣдовавшей черезъ два года, въ апрѣлѣ 1836 года.

А. С. Хомяковъ, почитавшій свою мать и покорно переносившій всѣ ея капризы, такъ о ней отзывался: «Она была хорошій и благородный образчикъ вѣка, который еще не вполнѣ оцѣненъ, во всей его оригинальности—вѣка Екатерининскаго. Всѣ (лучшіе, разумѣется) представители того времени похожи на Суворовскихъ солдатъ. Что-то въ нихъ свидѣтельствовало о силѣ неистасканной, неподавленной и самоувѣренной. Была какая-то привычка къ широкимъ горизонтамъ мысли, рѣдкая въ людяхъ времени позднѣйшаго. Матушка имѣла широкость нравственную и силу убѣжденій духовныхъ, которая, конечно, не совсѣмъ принадлежала тому вѣку; но она имѣла отличительныя черты его, вѣру въ Россію и любовь къ ней. Для нея общее дѣло было всегда ея частнымъ дѣломъ. Она болѣла, и сердилась, и радовалась за Россію гораздо болѣе, чѣмъ за себя и своихъ близкихъ» [1]).

Мы знаемъ мало о дѣтствѣ А. С. Хомякова. Извѣстно только, что во время нашествія Наполеона вся семья уѣхала въ рязанское имѣніе, с. Круглое, Данковскаго уѣзда, гдѣ и прожила зиму войны, въ сосѣдствѣ близкой знакомой Хомяковыхъ Прасковьи Михайловны Толстой, дочери Кутузова, получая отъ нея свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій. Событія отечественной войны живо отразились на пылкомъ воображеніи 8-милѣтняго мальчика, потому что сыновья Степана Александровича Хомякова росли и воспитывались не совсѣмъ такъ, какъ большинство дѣтей тогдашняго зажиточнаго дворянства. Они не были отчуждены отъ русской жизни и старины и на каждомъ шагу въ своемъ домѣ видѣли

---

[1]) Это писалъ Хомяковъ послѣ смерти матери въ 1857 г. С. Т. Аксакову. (Сочин., т. VIII, стр. 341).

живые слѣды ея и свѣжія преданія. Въ началѣ 1815 года вся семья изъ Липицъ (Смоленское имѣніе) поѣхала въ Петербургъ [1]). По дорогѣ вездѣ на почтовыхъ станціяхъ встрѣчались портреты Георгія Чернаго, и память о сербскомъ народномъ героѣ и разсказы о немъ врѣзались въ голову развитаго не по лѣтамъ мальчика [2]).

Дорогой въ Петербургъ братья Хомяковы Ѳедоръ и Алексѣй толковали о томъ, что ихъ везутъ, чтобы воевать съ Наполеономъ, и когда узнали въ Петербургѣ, что разбитый при Ватерло императоръ французовъ отправленъ на островъ св. Елены, старшій братъ, Ѳедоръ, спросилъ младшаго: «Съ кѣмъ же теперь мы будемъ драться?» — «Стану бунтовать славянъ»,—отвѣчалъ одиннадцатилѣтній Алексѣй. Петербургъ показался имъ какимъ-то языческимъ городомъ, и они ждали въ немъ гоненій и принужденій, ради перемѣны вѣры, рѣшившись претерпѣть даже мученичество, чтобы не принимать чужаго закона [3]).

На образованіе братьевъ Хомяковыхъ Ѳедора и Алексѣя было обращено тщательное вниманіе, особенно по части языковъ. А. С. Хомяковъ въ юные годы отлично зналъ новѣйшіе языки: французскій, нѣмецкій и англійскій, а также усердно занимался латинскимъ, подъ руководствомъ аббата Буавена (Boivin), жившаго въ ихъ домѣ. Пятнадцати лѣтъ онъ перевелъ «Германію» Тацита [4]) и усердно упражнялся въ передачѣ стихами произведеній Виргилія и Горація; ода послѣдняго Parcus deorum была имъ переведена даже два раза. Въ Петербургѣ братья Хомяковы обучались русской словесности у довольно извѣстнаго драматическаго писателя А. А. Жандра, друга Грибоѣдова. Весьма вѣроятно, что взгляды автора «Горе отъ ума» оказали вліяніе на складъ убѣжденій А. С. Хомякова и были одною изъ причинъ его недовѣрчиваго отношенія къ благимъ послѣдствіямъ всѣхъ преобразованій Петра [5]).

---

[1]) Московскій домъ Хомяковыхъ сгорѣлъ во время нашествія французовъ.

[2]) По свидѣтельству П. И. Бартенева, самъ А. С. Хомяковъ говаривалъ, что первая мысль о славянахъ была ему внушена лубочными портретами сербскаго вождя Георгія Чернаго на почтовыхъ станціяхъ. См. его Біограф. воспоминанія въ «Русской Бесѣдѣ» за 1860 г., № 2, стр. 30 и 31.

[3]) Біографическія воспоминанія П. И. Бартенева (тамъ же).

[4]) Его переводъ былъ напечатанъ въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности», за 1821 г.

[5]) Это мнѣніе высказано біографомъ Хомякова В. Лясковскимъ (стр. 9 его книги). Оно опровергается проф. Кіевской духовной академіи В. З. Завитневичемъ («Алексѣй Степановичъ Хомяковъ», томъ I, книга 1-я, прим. къ стр. 96). То же мнѣніе высказано проф. Завитневичемъ въ его работѣ «Значеніе первыхъ славянофиловъ въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности», Кіевъ. 1891, стр. 17—18. Ссылаясь на труды Пыпина и Н. Барсу-

По возвращеніи въ Москву, гдѣ они прожили двѣ зимы, ученіе продолжалось подъ руководствомъ доктора философіи А. Г. Глаголева, жившаго въ домѣ Хомяковыхъ, при чемъ оба Хомяковы пользовались уроками нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета—математику имъ преподавалъ П. С. Щепкинъ [1]), а словесность—Мерзляковъ. Въ Москвѣ Хомяковы брали уроки и учились вмѣстѣ съ братьями Веневитиными (Дмитріемъ и Алексѣемъ), что и послужило основаніемъ къ ихъ взаимной дружбѣ.

Опредѣлившись затѣмъ въ Московскій университетъ вольнымъ слушателемъ, А. С. Хомяковъ выдержалъ экзаменъ на степень кандидата математическихъ наукъ. Какъ бы, впрочемъ, ни были значительны услуги, оказанныя въ дѣтствѣ Хомякову его наставниками, но не имъ, конечно, обязанъ онъ былъ той широкой, всесторонней, по истинѣ блестящей эрудиціей, которой приводилъ въ изумленіе современниковъ. Этой послѣдней онъ обязанъ былъ, прежде всего, своимъ необыкновеннымъ дарованіямъ, говоритъ біографъ А. С. Хомякова, проф. Кіевской духовной академіи В. З. Завитневичъ [2]).

Къ этому времени относится и слѣдующій эпизодъ изъ жизни А. С. Хомяковъ. Живя въ Петербургѣ, семья Степана Александровича Хомякова познакомилась съ извѣстнымъ поборникомъ независимости Греціи, графомъ Каподистріей, занимавшимъ постъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ. Извѣстно, что въ 1821 г. вспыхнуло возстаніе грековъ, поднявшихъ оружіе за свою свободу. Во всѣхъ столицахъ Европы появились агенты общества Филеллиновъ, желавшихъ вызвать сочувствіе вліятельныхъ классовъ европейскаго общества. Въ числѣ такихъ агентовъ въ Россіи былъ нѣкто Арбе, домашній человѣкъ у князя Маврокордато и хорошо знакомый съ семействомъ Хомяковыхъ, въ домѣ которыхъ онъ прежде жилъ гувернеромъ. Посѣщая старыхъ знакомыхъ въ Москвѣ, Арбе передавалъ извѣстія о ходѣ греческаго возстанія, а бывшій его воспитанникъ, А. С. Хомяковъ, жадно слушалъ эти разсказы и, наконецъ, пожелалъ бѣжать изъ родительскаго дома съ тѣмъ, чтобы драться за грековъ и бунтовать славянъ. У него завязались съ Арбе тайныя сношенія; послѣдній поддерживалъ намѣреніе А. С. Хомякова (ему было тогда всего 17-ть лѣтъ) и досталъ ему фальшивый паспортъ. Съ этимъ паспортомъ и 50-ю рублями денегъ, а также купленнымъ имъ

кова, онъ доказываетъ, что протестъ противъ рабскаго подражанія всему иноземному былъ общее явленіе того времени (Погодинъ, Кубаревъ, Надеждинъ, Сахаровъ) и что едва-ли Грибоѣдовъ могъ имѣть прямое вліяніе на складъ убѣжденій Хомякова.

[1]) Пріятель С. Т. Аксакова.

[2]) „Алексѣй Степановичъ Хомяковъ“, томъ I, стр. 97.

засапожнымъ ножемъ, поздно вечеромъ, А. С. Хомяковъ бѣжалъ изъ родительскаго дома (на Кузнецкомъ мосту). Планъ побѣга держался въ строгомъ секретѣ, въ него былъ посвященъ только Арбе и старшій братъ Ѳедоръ. Но старый дядька Хомяковыхъ, Артемій, давно уже подозрѣвалъ младшаго барчука въ какихъ-то затѣяхъ и зорко за нимъ слѣдилъ. Смущенный его долгимъ отсутствіемъ въ этотъ вечеръ, онъ далъ знать старому барину, сидѣвшему въ англійскомъ клубѣ, что уже полночь, а «дитя» еще не возвращается. (Артемій звалъ Алексѣя Степановича «дитей», хотя ему было 17-ть лѣтъ). Встревоженный отецъ немедленно вернулся домой и, узнавъ изъ допроса старшаго сына о побѣгѣ Алеши, разослалъ людей для поимки бѣглеца, который и былъ задержанъ за Серпуховской заставой. Приведенный домой, Алексѣй Степановичъ не былъ, однако, наказанъ, хотя старшему брату Ѳедору досталось за то, что не остановилъ младшаго [1]). Это обстоятельство имѣло, впрочемъ, слѣдующее значеніе: въ семьѣ Хомякова было рѣшено, что Алексѣй Степановичъ имѣетъ призваніе къ военной карьерѣ, и молодой кандидатъ Московскаго университета былъ опредѣленъ весною слѣдующаго 1822 г. въ стоявшій въ Новоархангельскѣ, Херсонской губерніи, кирасирскій полкъ, которымъ командовалъ графъ Дмитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ, принявшій, какъ роднаго сына, 18-ти-лѣтняго юношу, котораго къ нему лично привезъ самъ отецъ [2]).

Черезъ годъ А. С. Хомяковъ перешелъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ. Отправляясь на службу въ Петербургъ, онъ прожилъ нѣкоторое время въ Москвѣ, въ домѣ Веневитиновыхъ (1823 г.), гдѣ и познакомился съ А. И. Кошелевымъ, ставшимъ близкимъ къ нему человѣкомъ и другомъ. А. И. Кошелевъ оставилъ о Хомяковѣ весьма цѣнныя воспоминанія [3]). Переѣхавъ въ Петербургъ, Хомяковъ жилъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Ѳедоромъ и познакомился съ другимъ авторомъ воспоминаній Н. А. Мухановымъ [4]), котораго онъ поразилъ при пер-

---

[1]) Разсказъ объ этомъ бѣгствѣ былъ публично изложенъ П. И. Бартеневымъ, въ засѣданіи 6-го ноября 1860 г. Общества Любителей Россійской Словесности, посвященномъ памяти А. С. Хомякова. (См. «Біографическія воспоминанія» П. Бартенева, во второй книжкѣ «Русской Бесѣды» за 1860 г., также у Завитневича «А. С. Хомяковъ», томъ I, книга первая, стр. 86 и 87).

[2]) Воспоминанія графа Д. Е. Остенъ-Сакена первоначально напечатаны въ „Русскомъ Инвалидѣ“ за 1861 г., № 48, подъ заглавіемъ „Начало самобытной жизни А. С. Хомякова“. Эта статья потомъ перепечатана въ сборникѣ М. П. Погодина „Утро“, Москва. 1866, стр. 426—428.

[3]) Воспоминанія Кошелева напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“, за 1879 г., книга третья. Они перепечатаны въ послѣднемъ изданіи сочиненій Хомякова (1890 г.) въ VIII т., посвященномъ его письмамъ, стр. 125—131.

[4]) Н. А. Мухановъ, впослѣдствіи товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, членъ Государственнаго Совѣта.

вомъ же знакомствѣ «особенною живостью ума и глубокомысліемъ, не всегда чуждымъ парадоксовъ». Петербургскій періодъ жизни Хомякова ознаменовался его знакомствомъ съ декабристами, съ которыми онъ встрѣчался въ домѣ своихъ родственниковъ Мухановыхъ, и посѣщалъ даже собранія, происходившія у Рылѣева. А. С. Хомяковъ вступалъ съ нимъ въ горячій споръ, утверждая, что изъ всѣхъ революцій самая несправедливая—военная. Разъ онъ до поздней ночи проспорилъ съ Рылѣевымъ, доказывая ему, что войска, вооруженныя народомъ для его защиты, не имѣютъ права распоряжаться народомъ по своему произволу [1]).

Изъ письма старшаго брата и матери, отъ 2-го февраля 1825 г., видно, что Алексисъ томился въ Петербургѣ, не находя въ немъ пищи своему уму. Онъ желаетъ выйти въ отставку и уѣхать за границу, на что согласился отецъ и чему противилась мать, находившаяся тогда съ больной дочерью за границей. Только благодаря настоянію старшаго брата, любимца матери, она выразила согласіе на это. А. С. вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу, гдѣ и провелъ 1825 и начало 1826 г. Его біографъ, проф. Завитневичъ, говоритъ: «Какая была ближайшая цѣль его поѣздки, мы не знаемъ. Съ увѣренностью, однако, можно утверждать, что она предпринята была не для празднаго шатанья, ибо А. С. Хомяковъ съ презрѣніемъ отзывался о своихъ соотечественникахъ, титулованныхъ и не титулованныхъ, развозящихъ напоказъ всей Европы свою безполезную праздность и полное невѣжество о своемъ отечествѣ и вѣрѣ». По признанію самого Хомякова, онъ «терпѣть не могъ охотниковъ до заграничнаго шатанья, онъ не любилъ людей равнодушныхъ къ знанію тамъ, гдѣ умъ пробужденъ, гдѣ цвѣтутъ или цвѣли науки и художества» [2]).

Служившаго въ русскомъ посольствѣ въ Парижѣ брата онъ тамъ не засталъ (Ѳ. С. Хомяковъ былъ переведенъ по службѣ въ Петербургъ); тѣмъ не менѣе, бо́льшую часть своего перваго заграничнаго пребыванія Алексѣй Степановичъ провелъ въ столицѣ Франціи, усердно занимаясь живописью въ Академіи. Въ Парижѣ онъ написалъ

---

[1]) В. Лясковскій. „А. С. Хомяковъ. Его жизнь и сочиненія“, стр. 12. Проф. В. З. Завитневичъ въ своей книгѣ объ А. С. Хомяковѣ, томъ I, книга 1-я, стр. 93 — 95, на основаніи матеріаловъ, опубликованныхъ въ „Русской Бесѣдѣ“ и „Русскомъ Архивѣ“ за 1884 г., книга 3-я, стр. 221—223, и 1893 г., книга 2-я, подробно разбираетъ отношенія Хомякова къ декабристамъ. А. С. Хомяковъ даже помѣстилъ два стихотворенія „Безсмертіе вождя“ и „Желаніе покоя“ въ сборникѣ „Полярная Звѣзда“, издававшемся Рылѣевымъ и А. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ). „Желаніе покоя“ было напечатано въ „Полярной Звѣздѣ“ за 1825 г. безъ послѣднихъ 8 строкъ.

[2]) Сочиненія Хомякова, т. VIII, стр. 323. Это письмо Хомякова къ А. Ѳ Гильфердингу помѣчено 1855 годомъ.

стихами свою первую трагедію «Ермакъ» [1]; во время писанія которой часто посѣщалъ театръ и знакомился съ игрою извѣстнаго трагика Тальма.

Окончивъ свою трагедію, А. С. Хомяковъ поѣхалъ въ Швейцарію, оттуда въ Сѣверную Италію, былъ въ Миланѣ, а затѣмъ черезъ земли западныхъ славянъ вернулся въ Россію. Сначала онъ посѣтилъ въ Липицѣ отца, нѣжно его любившаго и принимавшаго близко къ сердцу литературныя произведенія и успѣхи сына, а потомъ отправился къ матери, желая помочь ей въ хозяйствѣ. Но съ матерью онъ тогда не ужился и поѣхалъ черезъ два мѣсяца къ брату въ Петербургъ, гдѣ и поселился.

Въ Петербургѣ А. С. Хомяковъ жилъ безъ дѣла, вращаясь въ литературныхъ кружкахъ. Свѣдѣнія объ этомъ періодѣ его жизни даютъ намъ воспоминанія А. И. Кошелева и Н. А. Муханова. Первый познакомился съ Хомяковымъ еще въ Москвѣ въ 1823 году, въ домѣ Веневитинова, а теперь ближе съ нимъ сошелся. Видались они почти ежедневно или у князя Одоевскаго, или у Е. А. Карамзиной, или другъ у друга. Хомяковъ былъ строгимъ и глубоко вѣрующимъ православнымъ, «а я,—говоритъ Кошелевъ,—заклятымъ шеллингистомъ. Споры у насъ были безконечные». Въ письмѣ къ матери, отъ 28-го мая 1827 года, Кошелевъ даетъ слѣдующую характеристику своего пріятеля: «А. С. Хомяковъ удивительный человѣкъ: свою нравственную страсть онъ доводитъ до послѣдней крайности. Въ большомъ обществѣ, особенно при дамахъ, онъ невыносимъ. Онъ никогда не хочетъ быть любезнымъ, опасаясь когонибудь тѣмъ привести въ соблазнъ. Не только великій постъ, но соблюдаетъ и всѣ прочіе посты, а въ великую пятницу воздерживается даже отъ пищи. Но не подумайте, чтобы онъ былъ святоша (bigot) или фанатикъ. Ни то, ни другое. Онъ находитъ, что такъ нужно поступать по убѣжденію, и вовсе не осуждаетъ, если другіе поступаютъ иначе. Онъ очень образованъ, имѣетъ большія способности къ поэзіи и вообще человѣкъ выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ» [2]. Въ этотъ періодъ петербургской жизни Хомякова постигло первое тяжкое горе—въ мартѣ 1827 года внезапно заболѣлъ и скончался Дмитрій Веневитиновъ, съ

---

[1]) Эта трагедія была поставлена на сценѣ въ Петербургѣ 27-го августа 1829 г. Ермака игралъ Каратыгинъ, котораго, конечно, вызывали. Трагедія была повторена 3-го сентября того же года. Она имѣла успѣхъ; объ этомъ говоритъ не только „Сѣверная Пчела", похвалившая трагедію Хомякова, но и „Московскій Телеграфъ" (№ 17-й за 1829 г.), назвавшій эту трагедію пьесой ходульной; отзывъ „Телеграфа" сильно разсердилъ отца автора, думавшаго поставить пьесу сына на московской сценѣ.

[2]) Н. Колюпановъ. Біографія А. И. Кошелева, т. I, книга вторая, стр. 150.

дѣтства другъ обоихъ Хомяковыхъ, молодой человѣкъ блестящихъ способностей, имѣвшій несомнѣнное поэтическое дарованіе. «За больнымъ ухаживалъ Ѳедоръ Хомяковъ, съ большой заботливостью,—говоритъ Кошелевъ,—а насъ, т. е. своего брата и меня, онъ почти не впускалъ къ больному, находя, что мы очень неловки и только тревожимъ его своимъ уходомъ. Друзья, собиравшіеся въ квартирѣ Хомяковыхъ, жившихъ вмѣстѣ съ Д. Веневитиновымъ, сидѣли въ третьей комнатѣ и отъ нечего дѣлать много толковали и спорили о философіи вообще и о Шеллингѣ въ особенности, христіанствѣ и другихъ жизненныхъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что болѣзнь Дмитрія Веневитинова въ началѣ не предвѣщала печальнаго конца. Врачъ, за нѣсколько часовъ увѣрявшій, что положеніе его не представляетъ опасности, вдругъ объявилъ, что больной не проживетъ до другаго дня. Тогда А. С. Хомяковъ долженъ былъ приготовить умирающаго къ сознанію своего положенія. Хотя,—говоритъ Мухановъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—«онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, но одна только тяжелая слеза выкатилась изъ его глазъ, посреди всѣхъ присутствующихъ. Тутъ только я могъ замѣтить силу этого характера, зная, до какой степени нѣжно онъ его любилъ» [1]).

Удрученное состояніе духа Хомякова выразилось въ стихотвореніи «Старость» [2]).

Скорѣй, скорѣй сомкнитесь очи;
Зачѣмъ вы смотрите на свѣтъ?
Часы проходятъ, дни и ночи
И годы за годами вслѣдъ.
А въ мірѣ все, что было прежде,
Желанье жадно, жизнь бѣдна,
И вѣрятъ смертные надеждѣ,
И смертнымъ вѣчно лжетъ она.

Въ Москвѣ, по словамъ М. П. Погодина, было «самое жаркое литературное время». Кружокъ молодыхъ писателей затѣялъ изданіе новаго журнала, который сталъ выходить подъ названіемъ «Московскаго Вѣстника»; редакторомъ его былъ Погодинъ, а его помощникомъ Шевыревъ. Рожденіе новаго журнала было отпраздновано обѣдомъ всѣхъ сотрудниковъ, состоявшимся 24-го октября 1826 года. На этомъ обѣдѣ присутствовали братья Хомяковы. Любопытныя свѣдѣнія объ А. С. Хомяковѣ находятся въ дневникѣ Погодина. Побывавъ у А. С. Хомякова (начало 1828 г.), онъ занесъ въ свой дневникъ: «Простъ, безъ всякихъ претензій, младенчески принимаетъ участіе во многомъ, слѣдовательно,

[1]) Воспоминанія Н. А. Муханова. „Русскій Архивъ“ 1887 г., кн. I.

[2]) Это стихотвореніе напечатано въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ Погодина за 1827 г., подъ названіемъ „Старость“. Оно перепечатано въ Сочиненіяхъ Хомякова (изд. 1900 г.), т. IV, стр. 401, въ приложеніи, вмѣстѣ съ другими ранними стихотвореніями, не вошедшими въ сборникъ 1888 г.

имѣетъ много піитическаго начала въ этомъ отношеніи»[1]. Послѣ одного устроеннаго имъ ужина Погодинъ отмѣчаетъ, что Хомяковъ имѣетъ весьма обширныя свѣдѣнія по исторіи древней и о древнихъ религіяхъ. Начитанность Хомякова по этой части даже сконфузила М. П. Погодина, и онъ въ душѣ «стыдился своего невѣжества»[2].

Когда началась турецкая война 1828—29 гг., Ѳ. С. Хомяковъ уѣхалъ на Кавказъ въ дипломатическую канцелярію графа Паскевича, своего родственника[3], а А. С. Хомяковъ вступилъ снова въ военную службу, въ гусарскій Бѣлорусскій принца Оранскаго полкъ, состоялъ адъютантомъ при князѣ Мадатовѣ[4], принималъ участіе въ дѣлахъ, отличился (подъ нимъ была ранена лошадь), былъ представленъ къ ордену Владиміра, но получилъ Анну съ бантомъ. По окончаніи военныхъ дѣйствій онъ уѣхалъ въ отпускъ въ Москву, для свиданія съ родителями. Послѣ заключенія Адріанопольскаго мира, онъ вторично, и на этотъ разъ окончательно, вышелъ въ отставку и проводилъ зиму въ Москвѣ, а другую половину года жилъ въ деревнѣ.

Кошелевъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ слѣдующее: «Свидѣлся я съ нимъ (т. е. съ Хомяковымъ) въ Москвѣ, въ началѣ 1833 года. Мы часто видались у него, у меня, а особенно у И. В. Кирѣевскаго, жившаго у Красныхъ Воротъ, съ своей матерью А. П. Елагиной[5], которую мы всѣ любили и глубоко уважали. Тутъ бывали нескончаемые споры, начинавшіеся вечеромъ и кончавшіеся позднею ночью и подъ утро. Тутъ развивалось и вырабатывалось то направленіе православно-русское, душою котораго и главнымъ двигателемъ былъ Хомяковъ. Многіе изъ насъ,—продолжаетъ Кошелевъ,—въ началѣ были ярыми западниками, и Хомяковъ почти одинъ отстаивалъ необходимость для каждаго народа самобытнаго развитія, значеніе вѣры въ человѣческомъ, душевномъ и нравственномъ быту и превосходство нашей церкви надъ ученіями католичества и протестантства».

Въ 1834 году Хомяковъ встрѣтилъ въ Москвѣ племянницу Пашко-

---

[1]) Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина", книга вторая, стр. 187.

[2]) Тамъ же.

[3]) Въ примѣчаніи къ письму А. С. Хомякова къ брату, изъ Парижа отъ 25-го февраля 1826 г., сказано, что Ѳ. С. Хомяковъ, служившій по дипломатическому вѣдомству, перешелъ на службу въ канцелярію своего родственника (по бабкѣ Грибоѣдовой) графа Паскевича. Лѣтомъ 1829 г. Ѳ. С. Хомяковъ умеръ на Кавказѣ. Смерть его до такой степени поразила брата, что даже опасались за его жизнь. Соч. Хомякова, т. VIII (Письма), изд. 1900 г., прим. къ стр. 9.

[4]) Кн. Мадатовъ, командиръ 3-й гусарской дивизіи, умеръ 4-го сентября 1829 г., и Хомяковъ, высоко его цѣнившій, принялъ участіе въ составленіи его біографіи.

[5]) Она носила эту фамилію по второму мужу.

выхъ, Зинаиду Николаевну Полтавцеву, влюбился въ нее и сдѣлалъ ей даже предложеніе. Предложеніе было отклонено, хотя она замужъ не вышла и сохранила о немъ добрую память.

Два года спустя, 5-го іюня 1836 г., А. С. Хомяковъ женился на Екатеринѣ Михайловнѣ Языковой, которая вполнѣ соотвѣтствовала его идеалу русской женщины и жены. Чѣмъ она была для мужа, видно изъ его писемъ и слѣдующаго стихотворенія:

Лампада поздняя горѣла
Предъ сонной лѣнею моей,
И ты вошла и тихо сѣла
Въ сіяньи мрака и лучей.
Головки русой очеркъ нѣжный
Въ тѣни скрывался, а чело,
Святыня думы безмятежной,
Бѣлѣло чисто и свѣтло,
Уста съ улыбкою спокойной,
Глаза съ лазурной ихъ красой,
Все чуднымъ миромъ, мыслью стройной
Въ тебѣ сіяло предо мною и т. д. [1]).

Со времени женитьбы и до самой смерти (Хомяковъ умеръ на 56 году жизни, 23-го сентября 1860 г.) внѣшній распорядокъ его жизни почти не мѣнялся. Московскій домъ, въ которомъ проведено было дѣтство, былъ отданъ въ приданое замужней сестрѣ, и А. С. Хомяковъ сначала поселился въ наемной квартирѣ, на Арбатѣ, а потомъ, купивъ у князей Лобановыхъ-Ростовскихъ домъ, на Собачьей площадкѣ, жилъ въ немъ по зимамъ, до самой кончины. На лѣто, обыкновенно въ началѣ іюня, онъ уѣзжалъ въ деревню, гдѣ заживался до конца осени, занимаясь хозяйствомъ и охотой. Онъ и жена особенно любили смоленское имѣніе Липицы, но жили постоянно въ главномъ имѣніи, подъ городомъ Тулой, Богучаровѣ; тамъ же находилась и мать Хомякова, Марія Алексѣевна [2]).

Она горевала о потерѣ своего любимца, старшаго сына Ѳедора, и, по разсказамъ очевидцевъ, постоянно придиралась къ А. С. Хомякову и журила его, упрекая его за плохое управленіе имѣніями, что было несправедливо, потому что онъ хорошо велъ хозяйство и уплатилъ немало долговъ. Старуха не могла простить младшему сыну, по ея мнѣнію, его либеральнаго и протестантскаго образа мыслей, бороды и нежеланія служить. Сама она доходила во внѣшнихъ выраженіяхъ своей набож-

---

[1]) Это стихотвореніе было написано въ 1837 г. и вошло въ „Сборникъ стихотвореній“.

[2]) Она пережила жену Хомякова и скончалась въ глубокой старости въ іюнѣ 1857 г.

ности до крайнихъ предѣловъ. А. С. Хомяковъ съ покорностью и вполнѣ терпѣливо переносилъ строптивый нравъ матери.

Въ концѣ мая 1847 года онъ вторично отправился за границу съ женой и старшими дѣтьми, посѣтилъ Германію, давно уже интересовавшую его Англію, Францію и Прагу, гдѣ было въ ходу славянское движеніе, и познакомился съ извѣстными Шафарикомъ, Штуромъ и Вячеславомъ Ганкой, въ альбомъ котораго вписалъ слѣдующія строки: «Когда-то я просилъ Бога о Россіи и говорилъ:

Не дай ей рабскаго смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья
Въ ней духомъ жизни успокой.

«Эта же молитва у меня для всѣхъ славянъ. Если не будетъ сомнѣнія въ насъ, то будетъ успѣхъ. Сила въ насъ. Только бы не забывать братства. Что я могъ записать это въ книгѣ вашей, будетъ мнѣ всегда помниться, какъ истинное счастье».

Возвратившись въ Россію, Хомяковъ продолжалъ свою обычную жизнь и свою устную проповѣдь. Онъ сталъ во главѣ кружка русско-православнаго направленія, о чемъ и говоритъ Кошелевъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

По возвращеніи изъ этой заграничной поѣздки, А. С. Хомяковъ напечаталъ въ «Москвитянинѣ» Погодина свое извѣстное «Письмо объ Англіи» [1]), а также написалъ статью о Гумбольдтѣ, въ которой представилъ любопытную оцѣнку философіи Гегеля, воспользовавшись нападеніемъ знаменитаго ученаго на мысль Гегеля о необходимости, управляющей историческими происшествіями. Хомяковъ въ этой статьѣ касается самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Онъ говоритъ въ ней о книгѣ Макса Штирнера, о древней Россіи, о Петрѣ Великомъ, о русскомъ вигизмѣ и отсутствіи въ нашемъ образованномъ обществѣ преданій и т. д.

Статья эта заслуживаетъ вниманія, потому что въ ней можно видѣть первоначальную программу того направленія, которое позднѣе было разработано, и притомъ болѣе основательно и зрѣло, въ журналѣ «Русская Бесѣда» Хомяковымъ и его единомышленниками.

26-го января 1852 года скончалась супруга А. С. Хомякова; ея смерть глубоко потрясла послѣдняго, по свидѣтельству его друзей, хотя онъ и скрывалъ свое горе отъ дѣтей. Смерть жены, въ его глазахъ, отняла у жизни всю ея прелесть. Въ письмѣ къ П. М. Бестужевой

---

[1]) „Москвитянинъ", 1848 г., кн. 7. Перепеч. въ I т. Соч. Хомякова, стр. 105—139.

(сестрѣ жены) онъ говоритъ: «Я знаю, я увѣренъ, что мнѣ ея смерть была нужна, что она хотя и въ наказаніе, но въ то же время послана мнѣ въ исправленіе и чтобы жизнь, лишенная всего, что ее дѣлало отрадной, была употреблена на занятія и мысли серьезныя».

Въ письмѣ къ А. Н. Попову онъ говоритъ: «Я много въ душѣ перемѣнился, жизнь для меня въ трудѣ, а все прочее будто во снѣ» [1]).

По разсказу Кошелева, Хомяковъ, на дѣлаемые упреки, что онъ слишкомъ много говоритъ и слишкомъ мало пишетъ, отвѣчалъ: «Изустное слово плодотворнѣе писаннаго; оно живитъ слушающаго и еще болѣе говорящаго. Чувствую, что въ разговорѣ съ людьми я и умнѣе, и сильнѣе, чѣмъ за столомъ съ перомъ въ рукахъ». Хомяковъ былъ искусный діалектикъ и славился въ московскихъ гостиныхъ и кружкахъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, какъ одинъ изъ лучшихъ собесѣдниковъ и ораторовъ [2]). Въ послѣднія восемь лѣтъ жизни А. С. Хомяковъ написалъ болѣе, чѣмъ во все остальное время. Къ этому времени относятся его богословскіе труды, стяжавшіе ему громкую извѣстность за границей, въ особенности въ Англіи [3]). Но потребность въ общеніи съ людьми въ немъ была велика, и послѣ смерти жены, когда порѣдѣлъ кругъ близкихъ къ нему людей, мы видимъ Хомякова въ спорахъ съ раскольниками въ Кремлѣ, онъ знакомится и споритъ съ университетской молодежью, особенно съ представителями крайнихъ мнѣній, именно А. Козловымъ и Рыбниковымъ [4]). Новое царствованіе ободрило Хомякова. «Первый высочайшій рескриптъ обрадовалъ Хомякова,—пишетъ Ю. Ѳ. Самаринъ,—какъ ранній благовѣстъ, возвѣщающій наступленіе утра послѣ долгой и томительной ночи», и онъ написалъ письмо Я. И. Ростовцеву, когда начались работы редакціонной

---

[1]) Сочиненія, т. VIII, стр. 211. Въ этомъ же письмѣ Хомяковъ говоритъ, что трудится гораздо болѣе прежняго.

[2]) Въ этомъ отношеніи сходятся отзывы людей самаго различнаго образа мыслей, напр. графини А. Д. Блудовой (см. ея письмо къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ въ 1849 г. (Сочиненія Хомякова, т. VIII, стр. 390) и издателя газеты „Колоколъ“ А. И. Герцена.

[3]) См. некрологъ А. С. Хомякова въ „Эдинбургскомъ Обозрѣніи“ за 1864 г., а равно отзывы объ Хомяковѣ англійскихъ богослововъ В. Пальмера и Г. Вильямса, съ которыми онъ былъ въ перепискѣ. Въ 1895 г. Биркбекъ издалъ въ Лондонѣ, по подлинникамъ, письма Хомякова къ этимъ лицамъ, съ своимъ предисловіемъ (Russia and English Church), въ которомъ весьма высоко ставитъ богословскія познанія Хомякова. Десять писемъ къ Пальмеру, въ русскомъ переводѣ, помѣщены во II т. Сочиненій, а письмо къ Вильямсу въ VIII томѣ.

[4]) Статья А. Козлова о Хомяковѣ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ за 1860 г., № 41. Рыбниковъ извѣстный собиратель былинъ Сѣвернаго края.

*

коммиссіи, въ которую онъ однако не былъ призванъ [1]). Въ этомъ письмѣ онъ доказывалъ вредъ временно-обязанныхъ отношеній и предлагалъ свой проектъ единовременнаго выкупа, средствомъ для чего могла послужить продажа казенныхъ земель.

Въ это же время онъ усердно работалъ для редакціи близкаго ему по духу и отношеніямъ органа московскихъ славянофиловъ, журнала «Русская Бесѣда», предисловіе къ первой книжкѣ которой было имъ написано.

Въ началѣ сентября 1860 года онъ поѣхалъ съ старшимъ сыномъ, Дмитріемъ, въ рязанское имѣніе, село Ивановское, въ округѣ котораго была холера. Дмитрій Алексѣевичъ Хомяковъ уѣхалъ оттуда черезъ нѣсколько дней, оставивъ отца совершенно здоровымъ. Послѣ его отъѣзда А. С. Хомяковъ сталъ писать философское письмо къ Ю. Самарину. Письмо осталось недоконченнымъ, Хомяковъ заболѣлъ холерой и скончался 23-го сентября [2]).

В. Лясковскій, во второй части своей книги «А. С. Хомяковъ, его жизнь и сочиненія», говоритъ, что желаетъ дать краткій сводъ мыслей А. С. Хомякова, его же словами. Наибольшую трудность при этомъ,—объясняетъ г. Лясковскій,—представляетъ выборъ системы изложенія. Дѣйствительно, Хомяковъ интересовался всѣмъ, занимался многимъ, а его сочиненія изумляютъ разнообразіемъ и даже пестротой содержанія; это обстоятельство извѣстно всѣмъ изучавшимъ его произведенія [3]).

Въ настоящей статьѣ я не думаю обнять все содержаніе того, что говорилъ и писалъ А. С. Хомяковъ. Въ 1846 г. онъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину: «Надобно и непремѣнно надобно выработать всѣ мысли, всѣ стороны жизни, всю науку. Надобно передѣлать все наше просвѣщеніе, и только общій и горячій трудъ можетъ это сдѣлать. Насъ очень мало и мы всѣ врозь» [4]).

---

[1]) Письмо къ Я. И. Ростовцеву „Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи“ написано и отправлено безъ обозначенія имени въ 1859 г. Оно напечатано по неточному списку въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1876 г. кн., 1-я. Нынѣ въ исправномъ видѣ напечатано въ Сочиненіяхъ Хомякова (изд. 1900 г.)› т. III, стр. 291 и слѣд.

[2]) О кончинѣ А. С. Хомякова. „Письмо сосѣда-помѣщика“ („Русскій Архивъ“ за 1879 г., кн. 3). См. также Л. Муромцова „Записка о послѣднихъ минутахъ А. С. Хомякова“ въ приложеніи къ т. VIII Сочиненій Хомякова, стр. 50 и слѣд.

[3]) То же говоритъ и другой изслѣдователь жизни и трудовъ Хомякова, проф. Завитневичъ, представившій обстоятельную оцѣнку богословскихъ трудовъ Хомякова и большой почитатель дѣла этого русскаго подвижника мысли.

[4]) Это письмо безъ даты, но изъ содержанія его видно, что оно отно-

Желая почтить память нашего русскаго, по духу и направленію, писателя-мыслителя, постараюсь очертить общій характеръ его умственной дѣятельности, его идей и направленія. Въ недавно изданной въ Москвѣ брошюрѣ, за подписью Д. Х. [1]), сказано: «Настоящее русское направленіе, которое точно можно назвать православно-русскимъ, выработанное въ систему дѣятелями «Русской Бесѣды», было подхвачено, вмѣстѣ со всякими другими, потокомъ событій и стало носиться на поверхности, въ видѣ обрывковъ... Въ этомъ мысленномъ потокѣ, рядомъ съ настоящимъ русскимъ направленіемъ, появились двѣ русскія партіи: русскіе государственники и русскіе народники, которыхъ постоянно смѣшиваютъ не вникающіе въ суть вопросовъ съ такъ называемыми славянофилами, тогда какъ доктрины этихъ партій далеко отходятъ отъ такъ называемаго славянофильскаго ученія и даже едва-ли съ нимъ примиримы по существу». Названіе славянофиловъ было дано въ насмѣшку кружку Хомякова его противниками. Правда, оно было принято и самимъ А. С. Хомяковымъ, который въ статьѣ, напечатанной въ 1847 г. въ «Московскомъ Сборникѣ» [2]), говорилъ: «Нѣкоторые журналы называютъ насъ насмѣшливо славянофилами, именемъ, составленнымъ на иностранный ладъ, которое въ русскомъ переводѣ значило бы славянолюбцы. Я съ своей стороны готовъ принять это названіе, признаюсь: люблю славянъ», и т. д.; но это только полемическій пріемъ, отнюдь не дающій ключа къ разумѣнію его ученія.

Расовыя симпатіи занимали весьма второстепенное мѣсто въ ученіи Хомякова и въ глазахъ его ближайшихъ учениковъ и единомышленниковъ, а именно А. И. Кошелева, Ю. Ѳ. Самарина и даже К. С. Аксакова,—въ этомъ и заключается ихъ отличіе отъ новѣйшихъ панславистовъ. Ученіе Хомякова гораздо шире и многостороннѣе [3]) и, конечно, можетъ обратить вниманіе и вызвать сочувствіе и за предѣлами славянскаго міра. Зная сущность его ученія и сочувствіе къ религіозному началу въ англійскомъ обществѣ (это обстоятельство вполнѣ установлено рядомъ статей и писемъ), можно сказать, что Хомяковъ

сится къ 1846 г., т. е. ко времени изданія „Московскаго Сборника", органа Хомяковскаго кружка. Письмо это напечатано въ VIII т. Соч. А. С. Хомякова подъ № 9, стр. 264—267. Самаринъ въ это время находился въ Петербургѣ.

[1]) Самодержавіе (опытъ схематическаго построенія этого понятія). Москва. 1903 г., стр. 5—7. Въ этой брошюрѣ изложено ученіе А. С. Хомякова о государствѣ.

[2]) Статья эта озаглавлена: „О возможности русской художественной школы". Соч., т. I, стр. 73—101.

[3]) На это указываетъ и самъ Кошелевъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ" „Славянолюбіе никогда не составляло самаго существеннаго основанія нашихъ убѣжденій",—пишетъ онъ. (Соч. Хомякова, т. VIII, стр. 126).

ставилъ задачей Россіи примѣненіе христіанскихъ началъ къ общественной и политической жизни.

Ю. Ѳ. Самаринъ, въ своемъ извѣстномъ предисловіи ко второму тому сочиненій (богословскихъ) Хомякова, говоритъ: «Изъ всего написаннаго покойнымъ А. С. Хомяковымъ сочиненія его о предметахъ вѣры, въ особенности же его «Опытъ катихизическаго изложенія ученія о Церкви» и три полемическія брошюры о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, безспорно, выступаютъ, какъ самые важные, самые полные, капитальные труды его, и они-то менѣе всего у насъ извѣстны. Не многіе ихъ читали, и почти никто не отзывался на нихъ печатно» [1]. Не такъ относились къ нимъ за границей. «Записка Хомякова объ общественномъ воспитаніи въ Россіи» [2] также весьма замѣчательна, въ ней выражены начала, которыхъ Россіи надо держаться по многимъ вопросамъ ея внутренней политики. Въ этой «Запискѣ» А. С. Хомяковъ блистательно излагаетъ мысль о тѣснѣйшей связи семьи и школы, разсматриваетъ вопросъ объ отношеніяхъ правительства къ школѣ и общаго образованія къ спеціальному. «Въ недавнее время,— говоритъ онъ,—проявилось мнѣніе, будто бы университеты можно уничтожить. Это мнѣніе надо отстранить однажды навсегда, и оно отстраняется само собой при малѣйшемъ размышленіи». Или надо отдать преимущество школамъ закрытымъ и огражденнымъ отъ нравственнаго вліянія и надзора семьи и самаго общества, или на первой и высшей ступени должно поставить заведеніе, доступное надзору и нравственному вліянію общества. Первое предположеніе противно здравой логикѣ вездѣ и противно нравственнымъ законамъ въ землѣ, которая признаетъ семью главной своею основой и лучшей порукой своего преуспѣянія и своего духовнаго достоинства. «Необходимость университетовъ и разумность ихъ главныхъ законовъ неопровержима» [3]. Далѣе, разсматривая вопросъ о недостаткѣ у насъ спеціалистовъ, онъ говоритъ: «Спеціальности у насъ ничтожны (писано въ 1858 г.) просто потому, что общее знаніе у насъ ничтожно, уровень нашего просвѣщенія весьма низокъ, умъ лишенъ всякой силы и всякаго на-

---

[1] Кромѣ проф. В. И. Ламанскаго (см. его вступительное чтеніе въ С.-Петербургскомъ университетѣ, напеч. въ газетѣ „День“ И. С. Аксакова за 1865 г.—Это было написано Самаринымъ въ 1867 г., а теперь мы имѣемъ цѣлую литературу, посвященную богословскимъ трудамъ Хомякова, именно статьи свящ. Иванцова-Платонова въ „Православномъ Обозрѣніи“, статьи проф. Петербургской духовной академіи Н. И. Барсова въ журналѣ „Христіанское Чтеніе“ и кіевскихъ ученыхъ богослововъ въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ и др.

[2] Соч. Хомякова, т. I, стр. 351—374.

[3] Сочиненія Хомякова, т. I, стр. 364.

пряженія, и наше совершенное невѣжество прикрыто отъ поверхностнаго наблюденія только одной спеціальностью—знаніемъ современной беллетристики. Университеты наши еще такъ далеки отъ всезнанія, что не всѣ юристы въ состояніи порядочно выразить свои мысли по-русски, а математики и медики, большей частью, не имѣютъ понятія объ исторіи всеобщей и отечественной».

Высказавъ свое мнѣніе объ училищахъ и преподаваніи наукъ, Хомяковъ говоритъ: «Воспитаніе не начинается школой, а также и не кончается ею. Послѣдній и высшій воспитатель есть само общество, а разумное орудіе общественнаго голоса есть книгопечатаніе. Вредъ, происходящій отъ злоупотребленій книгопечатанія, обратилъ вниманіе многихъ и сдѣлался въ послѣднее время предметомъ страха почти суевѣрнаго. Всякая мелочность и подавно мелкій страхъ долженъ быть отстраненъ въ такихъ державахъ, какъ Россія. Цензура должна быть просвѣщенной, снисходительной и близкой къ полной свободѣ. Пусть она смотритъ за тѣмъ, чтобы писатели, выражая свое мнѣніе, говорили отъ разума и обращались къ чужому разуму, а не разжигали злаго и недостойнаго чувства въ читателѣ, но пусть она уважаетъ свободу добросовѣстнаго ума. По милости Божіей, наша родина основана на началахъ высшихъ, чѣмъ другія государства Европы, не исключая и Англіи: ими она живетъ, ими крѣпка. Эти начала могутъ и должны выражаться печатно». Хомяковъ указываетъ на вредныя послѣдствія цензуры слишкомъ строгой—это ведетъ къ оскудѣнію русской словесности и мысли, нужныхъ для добросовѣстной критики иноземныхъ вліяній, и высказываетъ при этомъ совершенно вѣрную мысль, что молодое поколѣніе безъ критики, когда жизнь словесная и мысль подавлены, остается безъ защиты отъ вліяній иноземныхъ, а печать иноземная можетъ быть вредна въ произведеніяхъ даже самыхъ невинныхъ, по общему мнѣнію. Такъ, говоритъ Хомяковъ, «Письма изъ Парижа» въ «Revue Etrangère», въ которыхъ старый аристократъ облизывается при воспоминаніи объ ужинахъ Людовика XV, хуже въ своихъ нравственныхъ послѣдствіяхъ, чѣмъ жалкій бредъ Консидерана или остроумное и странное безуміе Прудона. Для русскаго взглядъ иностранца на общество, на государство, на вѣру превратенъ; не исправленныя добросовѣстной критикой русской мысли слова иностранца, даже когда онъ защищаетъ истину, наводятъ молодую мысль на ложный путь и на ложные выводы, а между тѣмъ при оскудѣніи отечественнаго слова русскій читатель долженъ по неволѣ пробавляться произведеніями заграничными».

Противъ стѣсняющей мысль излишней строгости цензуры Хомяковъ представляетъ слѣдующія возраженія. Она лишаетъ насъ возможности общественной критики, необходимой для общественнаго сознанія и нужной самому правительству, которое такимъ образомъ лишается

общественнаго ума. Честное перо требуетъ свободы для своихъ честныхъ мнѣній, даже для своихъ честныхъ ошибокъ. Когда по милости слишкомъ строгой цензуры вся словесность бываетъ наводнена выраженіями низкой лести и явнаго лицемѣрія въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, честное слово молчитъ, чтобы не мѣшаться въ этотъ отвратительный хоръ или не сдѣлаться предметомъ подозрѣній по своей прямодушной рѣзкости: лучшіе дѣятели отходятъ отъ дѣла, все поле дѣйствія предоставляется продажнымъ и низкимъ душамъ; душевный развратъ, явный или кое-какъ прикрытый, проникаетъ во всѣ произведенія словесности; умственная жизнь изсякаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ, и мало-по-малу въ обществѣ растетъ равнодушіе къ правдѣ и нравственному добру, котораго достаточно, чтобы отравить цѣлое поколѣніе и погубить многія за нимъ слѣдующія [1])».

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графинѣ А. Д. Блудовой Хомяковъ писалъ: «Вообще, если можно характеризовать однимъ словомъ то, что̀ я называю нашей общей болѣзнью, я бы ее назвалъ усыпленіемъ совѣсти во всѣхъ. Иногда она просыпается, но всегда съ просонокъ пойдетъ не туда, куда слѣдуетъ».

До конца 1830-хъ годовъ Хомяковъ печаталъ только стихи. Первая его трагедія, въ стихахъ, «Ермакъ» въ настоящее время представляетъ только біографическій интересъ. Пушкинъ, слушавшій «Ермака», въ чтеніи автора въ домѣ Веневитиновыхъ, въ октябрѣ 1826 г., сказалъ: «Ермакъ» есть картина мозаическая, не настоящая, есть алмазы, но много и стеколъ» [2]). Бѣлинскій также отозвался весьма сурово объ этой трагедіи, замѣтивъ, что «всѣ скоро признали въ его казакахъ не казаковъ XVI вѣка, а скорѣе нѣмецкихъ студентовъ добраго стараго времени; вмѣсто характеровъ увидѣли олицетвореніе извѣстныхъ лирическихъ ощущеній и чувствованій — это пародія на драматическій лиризмъ Шиллера, хотя и написанная бойкими, гладкими и даже иногда живыми стихами» [3]). Другую его трагедію «Дмитрій Самозванецъ», въ 5-ти дѣйствіяхъ, также въ стихахъ, Погодинъ называлъ «исторической хроникой, въ которой нѣтъ драматическаго искусства ни на грошъ, а сцены блестящія и стихъ чудо». «Какая это трагедія!»,—

---

[1]) Сочиненія Хомякова, т. I, стр. 373 и 374.

[2]) «Русскій Архивъ» за 1865 г., ст. 96—99. Чтеніе «Ермака», по требованію Пушкина, происходило послѣ его чтенія «Бориса Годунова». «Ни Хомякову читать, ни намъ слушать не хотѣлось, но этого желалъ Пушкинъ», говоритъ Погодинъ. «Хомяковъ напитанъ духомъ Шиллера, но стихосложеніе его слабое». См. Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, стр. 30—31, 187.

[3]) Бѣлинскій, Сочиненія, изд. 1885 г., ч. VIII, стр 39.

восклицаетъ Погодинъ, прослушавъ на одномъ вечерѣ ея чтеніе. Князь Вяземскій отнесся къ произведенію Хомякова благосклоннѣе и писалъ И. И. Дмитріеву, отъ 13-го апрѣля 1832 г.: «Хомяковъ читалъ намъ свою трагедію «Дмитрій Самозванецъ», продолженіе и въ родѣ трагедіи Пушкина, но въ ней есть болѣе лирическаго, вообще произведеніе очень замѣчательное и показывающее зрѣющій талантъ автора. Онъ отдалъ ее въ печать, и, кажется, она вышла изъ когтей цензуры съ немногими царапинами» [1]). Бѣлинскій отозвался объ этой новой трагедіи Хомякова такъ: «Стихи такъ же хороши, какъ и въ «Ермакѣ», мѣстами довольно удачная поддѣлка подъ русскую рѣчь и при этомъ совершенное отсутствіе драматизма» [2]). Печать искусственности и отчасти сочиненности несомнѣнны въ этой трагедіи, но въ ней видно и чувство народности, серьезное изученіе русской исторіи того времени, а также тонкій психологическій анализъ (напримѣръ, сцена, изображающая душевную борьбу царицы Мароы передъ ея отреченіемъ отъ убитаго сына)». Въ «Московскомъ Телеграфѣ» хотя и было выражено сожалѣніе, что авторъ не пишетъ лирическихъ произведеній, къ коимъ имѣетъ дѣйствительное призваніе, однако, указано, что Хомяковъ вѣрно понялъ характеръ Дмитрія Самозванца и превосходно изобразилъ дьяка Осипова и монаха-старца Антонія, а увѣщаніе послѣдняго царицѣ Мароѣ написано въ истинно-русскомъ духѣ. Затѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько указаній на слабую композицію трагедіи, журналъ Н. А. Полеваго прибавляетъ: «Тутъ видно уже дарованіе гораздо болѣе зрѣлое и могущественное, нежели въ «Ермакѣ», виденъ взглядъ мужа, а не юноши» [3]).

Въ стихотвореніяхъ Хомякова достойно вниманія, что мотивы ихъ выражали его убѣжденія и идеи, впослѣдствіи высказанныя имъ въ прозаическихъ сочиненіяхъ, облеченныхъ въ форму продуманныхъ и обоснованныхъ разсужденій. Такъ, стихотвореніе «Орелъ» (написано въ 1833 году) выражало взглядъ Хомякова на отношенія Россіи къ зарубежнымъ славянамъ:

Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй и т. д.

То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ его извѣстныхъ стихотвореніяхъ.

Біографъ Хомякова [4]) пишетъ: «Можно безъ преувеличенія сказать,

---

[1]) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 3-я.

[2]) Сочиненія, ч. VIII, стр. 39, ч. IX, стр. 279—281.

[3]) «Московскій Телеграфъ» за 1834 г., № 7, въ отд. русской литературы, стр. 137 и слѣд.

[4]) В. Лясковскій, стр. 39.

что съ самыхъ первыхъ шаговъ славянофильства отношенія къ нему правительства и общества представляли собой одно сплошное недоразумѣніе, въ значительной степени продолжающееся и теперь». Хомяковъ считался человѣкомъ опаснымъ и подвергался цѣлому ряду адмистративныхъ каръ. Въ 1849 г. графъ Строгановъ (московскій попечитель) за чаемъ въ Кремлевскомъ дворцѣ сказалъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, что Хомяковъ человѣкъ опасный, съ которымъ ей не слѣдуетъ знакомиться. «Я удаленъ отъ печати»,—писалъ Хомяковъ графинѣ А. Д. Блудовой, въ 1854 г., посылая ей свое извѣстное стихотвореніе «Къ Россіи» [1]). Это стихотвореніе, которое онъ справедливо называлъ канономъ покаянія, вызвало новую кару. По порученію шефа жандармовъ, Хомяковъ былъ вызванъ московскимъ генералъ-губернаторомъ Закревскимъ, для объясненій и спрошенъ: имъ-ли написано это стихотвореніе? Въ немъ говорилось, что быть орудіемъ Бога тяжело, что судъ Божій строгъ.

А на тебѣ, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ полегло.
Черна въ судахъ неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна и т. д.

Это глубоко-патріотическое стихотвореніе вызвало переполохъ въ Петербургѣ, и Хомяковъ, не испугавшійся грозы и признавшій стихи своими, долженъ былъ объяснить, кому именно онъ посылалъ эти стихи въ рукописи. Съ него брали подписку о неношеніи бороды и, наконецъ, на Страстной недѣлѣ въ то время, когда онъ говѣлъ, пригласили въ полицейскій участокъ и сбрили бороду. А. С. Хомяковъ, проповѣдникъ широкой духовной свободы и самобытнаго просвѣщенія, выдавался за обскуранта и врага просвѣщенія, хотя онъ едва-ли менѣе своихъ противниковъ зналъ и любилъ западную науку и только настаивалъ на сознательномъ ея воспріятіи.

Его современники, какъ противники, такъ и единомышленники, признали въ немъ блестящія дарованія и обширную эрудицію. А. И. Герценъ, жестоко полемизировавшій съ нимъ и въ печати, и въ московскихъ мыслящихъ кружкахъ, склонный даже видѣть въ немъ преимущественно искуснаго діалектика [2]), однако сталъ

---

[1]) Сочиненія Хомякова, т. VIII (Письма), стр. 405—407.

[2]) Въ письмѣ къ Ю. Ѳ. Самарину изъ Москвы, отъ 27-го февраля 1845 г. Герценъ говоритъ: „Хомяковъ споритъ для спору“. Это письмо напечатано въ книгѣ г. Батуринскаго „Герценъ, его друзья и знакомые“. С.-Петербургъ, 1904.

читать объемистую церковную исторію Неандера и другіе источники по исторіи вселенскихъ соборовъ, чтобы возстановить нѣкоторое равновѣсіе въ спорахъ съ Хомяковымъ и провѣрить его ссылки на каноны и постановленія соборовъ. Въ «Дневникѣ» Герцена читаемъ: «Вчера у меня былъ продолжительный споръ съ Хомяковымъ о современной философіи. Удивительный даръ логической фастинаціи, быстрота соображенія, память чрезвычайная, объемъ пониманія широкъ, вѣренъ себѣ, не теряетъ ни на одну минуту arrière pensée, къ которой идетъ. Необыкновенная способность! Я радъ былъ этому спору, я могъ нѣкоторымъ образомъ извѣдать свои силы, съ такимъ бойцомъ помѣриться стоитъ всякому ученію» [1]. Пока Хомяковъ былъ живъ, Герценъ старался выставить его въ качествѣ искуснаго діалектика и софиста, неутомимаго и изобрѣтательнаго по части парадоксовъ [2]), но при извѣстіи о смерти Хомякова Герценъ написалъ слѣдующее: «Рано умеръ Хомяковъ, еще раньше К. Аксаковъ. Больно людямъ, любившимъ ихъ, знать, что больше нѣтъ этихъ дѣятелей благородныхъ, что нѣтъ этихъ противниковъ, которые были ближе намъ многихъ своихъ. Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ сдѣлали свое дѣло. Долго-ли, коротко-ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали то, что хотѣли сдѣлать—они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей [3]). Съ нихъ начинается переломъ русской мысли, и когда мы это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи. Да, мы были противниками ихъ (Хомякова, Кирѣевскаго, К. Аксакова), но очень странными. У насъ была одна любовь, но не одинаковая [4]). Въ заключеніе статьи Герценъ говоритъ: «Время, исторія, опытъ сблизили насъ не потому, что они перетянули насъ къ себѣ или мы ихъ, а потому, что и они, и мы ближе къ истинному воззрѣнію теперь, чѣмъ были тогда, когда безпощадно терзали другъ друга въ журнальныхъ статьяхъ, хотя и тогда я не помню, чтобы мы сомнѣвались въ ихъ горячей любви къ Россіи или они въ нашей».

Изъ всѣхъ современниковъ А. С. Хомякова, сколько извѣстно, къ нему весьма недоброжелательно отнесся одинъ только нашъ историкъ С. М. Со-

---

[1]) Сочиненія Герцена, женевское изданіе 1875 г, т. I (Дневникъ).

[2]) Сочиненія Герцена, т. 7, глава XXX, Славянофилы.

[3]) Эта статья Герцена перепечатана въ книгѣ г. Батуринскаго, но съ пропускомъ того мѣста, гдѣ Герценъ говоритъ о тройкѣ Бирона, пущенной по русской землѣ. Статья эта, повидимому, неизвѣстна г. Лясковскому; она перепечатана цѣликомъ Н. Барсуковымъ въ 17-й книгѣ „Жизни и трудовъ М. П. Погодина".

[4]) „Колоколъ" за 1860 г., № 90.

ловьевъ [1]). Признавая блестящее дарованіе Хомякова, Соловьевъ, лично его знавшій, говоритъ, что онъ былъ «самоучка съ цыганскою физіономіей, способный говорить безъ умолку, съ утра до вечера, и въ спорѣ не робѣвшій ни передъ какою уверткой, ни передъ какою ложью: выдумать фактъ, процитировать мѣсто писателя, котораго никогда не бывало—Хомяковъ и на это былъ способенъ». Соловьевъ называетъ Хомякова Скалозубомъ по природѣ, готовымъ всегда подшутить надъ убѣжденіями своими и своихъ пріятелей. Онъ прослылъ геніемъ въ нашемъ зеленомъ обществѣ, не имѣвшемъ средствъ оцѣнить истинное знаніе, что̀ и вздуло его самолюбіе» [2]).

Сомнѣніе въ научномъ достоинствѣ сочиненій Хомякова было высказано и другими лицами. Хомяковъ писалъ журнальныя статьи, отличавшіяся пестротой содержанія и отсутствіемъ системы изложенія. Въ 1845 году Хомяковъ писалъ Ю. Самарину: «Мы должны знать, что никто изъ насъ не доживетъ до жатвы и что нашъ духовный и монашескій трудъ пашни, посѣва и полотья есть дѣло не только русское, но и всемірное». Хомяковъ смотрѣлъ на предпринятую имъ и его единомышленниками работу въ области мысли и духа, какъ на дѣло невеселое, о чемъ и писалъ Самарину: «Мы не можемъ въ качествѣ людей, опередившихъ свое время, быть двигателями эпохи, а носимыя нами мысли могутъ проявиться только въ будущемъ—современные люди еще не готовы къ воспринятію нашихъ мыслей».

«Мы такъ привыкли на людяхъ и на мысляхъ видѣть извѣстный мундиръ, что и вообразить себѣ человѣка безъ такого мундира не можемъ»,—говоритъ біографъ Хомякова [3]). Дѣйствительно, намъ трудно признать ученаго безъ диплома на это званіе, писателя, который рѣдко попадалъ въ печать, общественнаго дѣятеля безъ должности и въ то же время сельскаго хозяина, псоваго охотника, любившаго играть на билліардѣ и механика. Хомяковъ не былъ цеховымъ, присяжнымъ ученымъ, не былъ хозяиномъ по ремеслу, а тѣмъ менѣе завзятымъ спортсменомъ. Онъ былъ просто крупный русскій человѣкъ, богато одаренный, постоянно будившій въ продолженіе 30 лѣтъ наше самосознаніе и русскую совѣсть, уяснившій Россіи ея вѣру, историческое призваніе, же-

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ" за 1896 г., апрѣль: статья Изъ неизданныхъ бумагъ С. М. Соловьева.

[2]) Это мнѣніе историка Соловьева отзывается личнымъ раздраженіемъ и обидой полемики. Оно опровергается жизнью и сочиненіями Хомякова, а также и показаніями другихъ современниковъ, ближе и лучше его знавшихъ. Проф. В. З. Завитневичъ, въ первой части своей книги о Хомяковѣ, стр. 5—11, весьма основательно доказываетъ неправильность отзыва С. М. Соловьева.

[3]) Лясковскій, стр. 47.

лавшій примирить наше образованное общество съ русской стариною, которую онъ зналъ и любилъ. «Видѣть всю отвратительность злоупотребленій принципа и все-таки признать принципъ—это точно нравственный подвигъ,—писалъ Хомяковъ въ 1845 году Ю. Самарину [1]).

Записки Хомякова о всемірной исторіи, извѣстныя подъ названіемъ Семирамиды [2]), трудъ неоконченный. Оцѣнка научнаго достоинства этихъ записокъ вызываетъ споръ. Онѣ изданы послѣ смерти Хомякова А. Ѳ. Гильфердингомъ, ученымъ вполнѣ компетентнымъ, который даетъ имъ, въ предисловіи, слѣдующую характеристику: «Сочиненіе свое о всемірной исторіи Хомяковъ началъ писать въ 1838 году или около этого. Такимъ образомъ оно по началу своему предшествуетъ другимъ прозаическимъ сочиненіямъ Хомякова, который сталъ писать для печати въ началѣ 40-хъ годовъ[3]). Но, будучи еще далекъ отъ мысли стать ученымъ писателемъ, онъ постоянно читалъ, и очень много. Чтобы имѣть возможность изучить вопросы древней исторіи и исторіи религій, по самымъ источникамъ, онъ выучился языку греческому [4]), а потомъ познакомился съ санскритскимъ. Изумительная память сохраняла до малѣйшихъ подробностей все прочитанное, а сильный умъ, работая неутомимо, всю эту массу свѣдѣній превращалъ въ стройное, систематическое цѣлое. Въ умѣ Хомякова,—говоритъ Гильфердингъ,—очевидно, была уже выработана историческая система, когда онъ приступилъ къ этому труду; иначе было бы невообразимо, чтобы огромная масса фактовъ, заключающихся въ Семирамидѣ, могла бы сгруппироваться съ такой послѣдовательностью въ сочиненіи, которое имѣло видъ черноваго наброска и которое не представляетъ въ рукописи ни приписокъ, ни приставокъ» [5]).

---

[1]) Сочиненія, т. VIII. (Письма), стр. 254.

[2]) Гоголь однажды засталъ Хомякова за письменнымъ столомъ и, заглянувъ въ тетрадь, прочелъ имя Семирамиды. „Алексѣй Степановичъ Семираміду пишетъ", сказалъ онъ кому-то, и съ тѣхъ поръ это названіе осталось за трудомъ, занимавшимъ Хомякова. Не только его пріятели, но и онъ самъ охотно называли такъ свои „Записки", не имѣющія заглавія въ рукописи. По свидѣтельству Гильфердинга, онъ сказалъ ему однажды съ явнымъ удовольствіемъ: „Я нынче все лѣто проработалъ въ деревнѣ надъ своей Семирамидой".

[3]) Напечатанная имъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ" за 1835 г. статья о черезполосномъ владѣніи имѣетъ случайный характеръ.

[4]) Хомяковъ по-гречески учился въ дѣтствѣ. Въ болѣе зрѣлые годы, онъ сталъ доучиваться этому языку (см. его письмо къ А. Н. Попову, въ 1853 г., Соч., т. VIII, стр. 215—216). Ради своихъ богословскихъ изслѣдованій, онъ занялся прилежно греческимъ языкомъ и перевелъ нѣкоторыя Посланія (къ Галатамъ и Ефесеянамъ) апостола Павла, (Опыты этихъ его переводовъ напечатаны во II т. Соч. изд. 1900 г., стр. 401 и слѣд.).

[5]) Предисловіе къ Запискамъ о всемірной исторіи, стр. VII (Сочиненія Хомякова, т. V).

Не имѣя терпѣнія дѣлать выписки (о чемъ Хомяковъ часто жалѣлъ), онъ не былъ въ состояніи обставить свое сочиненіе цитатами, а также повѣрять справками то, что у него хранилось въ памяти. Это, разумѣется,—говоритъ Гильфердингъ,—представляетъ капитальный недостатокъ его книги, какъ ученаго сочиненія [1]). Другая особенность Семирамиды, т. е. «Записокъ о всемірной исторіи», истекаетъ изъ характера работы Хомякова и обусловливается его цѣлью. Онъ говорилъ («мы сами это слышали»—объясняетъ Гильфердингъ),—что пишетъ не «Всемірную исторію», въ полномъ разсказѣ, а только набрасываетъ систему, по которой всемірная исторія должна быть изложена. Хомяковъ излагаетъ схему, какимъ образомъ «Всемірная исторія» должна быть написана, чтобы во 1) жизнь всѣхъ племенъ земнаго шара была поставлена въ надлежащія соотношенія, чтобы, во 2), славянскому племени возвращено было подобающее мѣсто въ исторіи и въ 3) чтобы видно было дѣйствіе внутреннихъ силъ, обусловливающихъ ходъ историческаго развитія и въ особенности главнѣйшей изъ нихъ—религіи.

Семирамида,—говоритъ Гильфердингъ,—была начата въ концѣ 30-хъ и написана большею частью въ 40-хъ годахъ, когда сравнительное языкознаніе только-что сдѣлало первые шаги, а сравнительная миѳологія не существовала какъ наука и когда замѣчательнѣйшіе памятники религіозной мысли, Веды и Зендавеста, были извѣстны лишь въ искаженномъ видѣ, когда не было сдѣлано замѣчательныхъ открытій, отодвигающихъ первобытную жизнь человѣка въ глубь отдаленныхъ геологическихъ періодовъ. Очевидно, что въ то время написанное на тему, избранную Хомяковымъ, сочиненіе не можетъ соотвѣтствовать современному уровню науки [2]). Кромѣ того А. С. Хомяковъ, какъ указано Гильфердингомъ, былъ поставленъ въ неблагопріятныя условія характеромъ работъ по части славянскихъ древностей того времени. Научная разработка этой области только-что начиналась, и рядомъ съ строго критическими изслѣдованіями Шафарика пользовались довѣріемъ фантазіи такихъ людей, какъ Венелинъ, Чертковъ, Лелевель и Колларъ, которые, несмотря на всѣ свои великія заслуги, въ наукѣ болѣе мечтатели, чѣмъ критики. Одною изъ слабыхъ сторонъ Записокъ о всемірной исторіи Хомякова представляется чрезмѣрное преувеличеніе предѣловъ и роли славянскаго міра, особенно въ древнія эпохи, что, конечно, можно объяснить состояніемъ и направленіемъ славистики того времени, когда

---

[1]) Это предполагалъ первоначально сдѣлать Гильфердингъ, снабдивъ книгу примѣчаніями и ссылками, но громадность источниковъ, которыми пользовался Хомяковъ, не дала ему возможности выполнить этотъ трудъ. Въ послѣднемъ изданіи сочиненій (1900 года) Хомякова эта работа выполнена Д. А. Хомяковымъ, издателемъ сочиненій своего отца.

[2]) Предисловіе Гильфердинга къ первому изданію «Записокъ».

Хомяковъ писалъ свои Записки. Записки Хомякова, несмотря на нѣкоторые промахи и преувеличенія, заключаютъ въ себѣ «попытку великаго ума обнять не только внѣшній ходъ, но и внутренній смыслъ развитія всего человѣчества».

Составленіе Записокъ о всемірной исторіи было предпринято Хомяковъ по настоянію его друзей и въ особенности Д. А. Валуева [1]). Самъ Хомяковъ никогда не думалъ печатать эти Записки, а писалъ ихъ собственно для себя, для самоубѣжденія, и привыкъ употреблять на этотъ трудъ два часа каждый день.

Записки эти цѣнны и содержательны для опредѣленія характера и свойствъ ученія А. Хомякова и одушевлявшей его проповѣди духовной свободы и общественной совѣщательности. Люди живутъ, какъ они вѣрютъ. Вѣра составляетъ предѣлъ внутренняго развитія человѣка. Костеръ мученика—торжество вѣры. Крестовые походы ея могила.

Перечень сочиненій Хомякова представленъ въ книгѣ проф. В. З. Завитневича [2]), а оцѣнка дѣятельности Хомякова въ крестьянскомъ вопросѣ сдѣлана въ прекрасной статьѣ Ю. Ѳ. Самарина «Хомяковъ и крестьянскій вопросъ» [3]).

Отношенія Хомякова къ реформамъ Петра достаточно извѣстны, хотя нѣсколько односторонне толкуются. Петръ хотѣлъ,—говоритъ Хомяковъ,—и имѣлъ для этого основанія, потрясти вѣковой сонъ Россіи. Онъ ввелъ къ намъ европейскую науку и вмѣстѣ съ нею всю жизнь Европы. Онъ внесъ къ намъ всѣ формы Запада, всѣ, даже самыя неразумныя. Онъ искажалъ многое, чего не долженъ былъ касаться, напр. русскій языкъ. Хомяковъ склоненъ даже оправдывать лично Петра, говоря, что, когда человѣкъ борется, въ борьбѣ разгораются страсти, и Преобразователь Россіи могъ естественно увлечься свойственнымъ историческимъ дѣятелямъ нетерпѣніемъ, встрѣчая постоянно препоны къ тому, что̀ онъ считалъ общимъ благомъ [4]). Главную ошибку Петра Хомя-

---

[1]) Д. А. Валуевъ—племянникъ Хомякова, по женѣ. Его звали часовщикомъ кружка. Въ то время студентъ Московскаго университета и авторъ извѣстнаго изслѣдованія о мѣстничествѣ, онъ изнурилъ себя и надломилъ здоровье чрезмѣрными трудами. Умеръ въ молодыхъ годахъ, 23-го ноября 1845 г., въ Новгородѣ, на пути за границу, куда былъ отправленъ врачами. Хомяковъ, какъ это видно изъ его писемъ и некролога Валуева, имъ написаннаго (онъ напечатанъ въ «Библіотекѣ для воспитанія» за 1846 г.), горько оплакивалъ его смерть, какъ незамѣнимую потерю для русской науки и лично для себя, говоритъ Хомяковъ въ одномъ письмѣ, потому что Валуевъ охранялъ его отъ лѣни и праздности.

[2]) Т. I, книга первая, стр. 51—58 (сочиненія поэтическія), стр. 58—60 (сочиненія прозаическія).

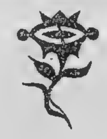
[3]) Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина, т. I, стр. 245—250.

[4]) Взгляды Хомякова на реформу Петра излагались имъ не разъ, наиболѣе подробно и ясно въ статьѣ Аристотель и Всемірная выставка (Сочиненія, т. I, стр. 177—194). Въ этой статьѣ приведенъ отвѣтъ Кикина Петру, спрашивавшему Кикина, почему онъ противникъ его преобразованій. „Русскій умъ любитъ просторъ, а при тебѣ ему тѣсно“. Статья объ Аристотелѣ могла быть напечатана, по цензурнымъ условіямъ, только послѣ смерти автора.

ковъ видѣлъ въ томъ, что Преобразователь Россіи смѣшалъ формы, облекавшія западное просвѣщеніе, съ самымъ просвѣщеніемъ. Хомяковъ порицалъ способъ и пріемы реформы, а не обнаружившееся въ ней стремленіе въ западной наукѣ. Онъ думалъ, что свобода ума пріобрѣтается не вдругъ, что наука, т. е. анализъ, для всѣхъ народовъ и во всѣ времена одна и та же и что ошибки Петра заключались въ томъ, что онъ, заставляя русскихъ людей принять чужой анализъ, въ сущности, подчинилъ русскую мысль чужому синтезу и сдѣлалъ насъ, на время, умственными рабами Запада. Послѣдствія ошибки Петра неисчислимы. Формализмъ вторгся въ русскую жизнь, а формализмъ все мертвитъ.

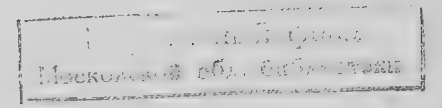
Столѣтняя годовщина рожденія Хомякова, надо думать, вызоветъ желаніе изучить все сдѣланное имъ ради пробужденія въ русскомъ обществѣ самосознанія. На болѣе серьезное отношеніе къ заслугамъ Хомякова въ области русской мысли указываетъ, между прочимъ, книга проф. Л. Е. Владимірова «А. С. Хомяковъ и его этико-соціальное ученіе». Книга эта издана въ Москвѣ къ предстоящему столѣтнему юбилею рожденія Хомякова; въ ней изложено его ученіе о государствѣ, что было стѣснено цензурными условіями при жизни автора. Хомяковъ строго отдѣлялъ область дѣятельности государства и общества. Государство оберегаетъ внѣшній порядокъ, общество создаетъ идеи и пути для дальнѣйшаго движенія въ смыслѣ развитія народа.

П. Матвѣевъ.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 28 МАЯ 1904 Г. ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“ Б. ПОДЪЯЧ., 39.

АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА
ФУКСЪ.

А. А. ФУКСЪ

и казанскіе литераторы 30—40-хъ годовъ.

I.

Исторія русской литературы до сихъ поръ есть исключительно исторія литературы столичной—петербургской и московской. Провинція какъ бы не существуетъ для изслѣдователей судебъ литературы въ Россіи; исторія провинціальной литературы еще не написана.

А между тѣмъ такое игнорированіе провинціальной литературы едва-ли можетъ считаться правильнымъ. Умственная жизнь и культурные интересы пробуждаются въ русской провинціи еще съ конца XVIII столѣтія. Пускай эти проблески провинціальной мысли были слабы, спорадичны, недолговѣчны! Дѣйствительно, столичная литература концентрировала умственныя силы Россіи, притягивая ихъ къ себѣ со всѣхъ концовъ страны. Но какія же силы изъ провинціи могли бы привлекать къ своей литературѣ столицы, если бы не существовало уже литературныхъ интересовъ и запросовъ въ глуби самой провинціи? Въ той или другой степени пріобщившись къ литературѣ у себя дома, провинціальные литераторы обыкновенно перебирались въ столицы, чтобы тамъ достигнуть для своей дѣятельности бо́льшаго простора и развитія.

Какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи, литературные интересы культивировались, преимущественно, въ тѣсныхъ кружкахъ. Одинъ изъ

такихъ провинціальныхъ литературныхъ кружковъ и желаемъ мы изобразить въ настоящемъ очеркѣ.

Казанскіе литераторы и писатели 1830-хъ и 40-хъ годовъ группировались вокругъ одной довольно интересной личности, поэтессы Александры Андреевны Фуксъ, жены знаменитаго въ тогдашней Казани профессора-медика Карла Ѳедоровича Фукса.

Мужъ дождался уже обстоятельной о немъ монографіи въ «Казанскомъ Литературномъ Сборникѣ» на 1878 г. Для біографіи жены сдѣлано еще очень мало. Намъ приходится довольствоваться очень дробными матеріалами. Мы приведемъ ниже то, что̀ удалось намъ собрать.

Личности г-жи Фуксъ и значенія ея дѣятельности касается покойный Н. Н. Буличъ въ I томѣ своего сочиненія «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета». Онъ же сообщалъ свѣдѣнія о Фуксахъ М. Ѳ. Де-Пуле, написавшему большія монографіи о поволжскомъ литераторѣ И. А. Второвѣ подъ заглавіемъ «Отецъ и сынъ» («Русскій Вѣстникъ» за 1875 г.) и объ его сынѣ, Н. И. Второвѣ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1877 г., кн. II. Къ сожалѣнію, Н. Н. Буличъ, лично знавшій обоихъ Фуксовъ, повидимому, отнесся къ Александрѣ Андреевнѣ не совсѣмъ безпристрастно, почему на его показанія и нельзя полагаться. О причинахъ мы можемъ догадываться изъ довольно откровеннаго его признанія въ статьѣ Де-Пуле («Русскій Вѣстникъ», т. 118, августъ, стр. 618). Буличъ, по его словамъ, встрѣтился съ Фуксами на Сергіевскихъ сѣрныхъ водахъ, лѣчебное значеніе которыхъ было впервые оцѣнено въ научной литературѣ именно Карломъ Ѳедоровичемъ. «Жилъ я тамъ,— говоритъ Буличъ,—тогда не долго, но бывалъ у Фукса, пріѣхавшаго туда, кажется, для больной и единственной дочери.—Надобно замѣтить, что жена его, извѣстная поэтесса, сразу не взлюбила меня, кажется, за рѣзкіе отзывы о поэзіи вообще, а можетъ быть, и о ея собственной,— отзывы, извиняемые только молодостью».

II.

А. А. Фуксъ была урожденная Апехтина и приходилась племянницей Гавріилу Петровичу Каменеву, первому русскому замѣчательному поэту, котораго выставила провинція; этому казанскому купцу-поэту самъ Пушкинъ считалъ себя обязаннымъ; Каменева, по справедливости, нужно считать отцомъ русскаго романтизма, проявившагося въ стихотвореніяхъ Каменева чуть не двумя десятилѣтіями ранѣе, чѣмъ въ тво-

реніяхъ Жуковскато [1]). Сестра поэта, Анна Петровна Каменева, дочь купца и президента казанскаго губернскаго магистрата, старше поэта двумя годами, вышла замужъ за дворянина, маіора Андрея Ивановича Апехтина, служившаго въ Казани городничимъ [2]). Онъ былъ вдовецъ и имѣлъ уже отъ перваго брака—сына Павла Андреевича. Отъ брака съ Каменевою у Апехтина родились двое дѣтей: сынъ Николай и дочь Александра, поэтесса. Родители ея скоро умерли, и Александра Андреевна, оставшись сиротою, жила въ домѣ своей тетки, Пелагеи Петровны Дѣдевой, урожденной также Каменевой, бывшей двумя годами старше своей сестры, Анны Апехтиной, и состоявшей въ бракѣ съ совѣтникомъ гражданской палаты, дворяниномъ Гавріиломъ Ивановичемъ Дѣдевымъ. Изъ дома Дѣдевыхъ Александра Андреевна вышла зажужъ за профессора К. Ѳ. Фукса.

К. Ѳ. Фуксъ есть, несомнѣнно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей во всей столѣтней исторіи Казанскаго университета. Иностранецъ-нѣмецъ, онъ скоро обрусѣлъ и тѣсно сжился со второю своею родиною—Казанью. Здѣсь дѣйствовалъ онъ и въ университетѣ, гдѣ студенты его горячо любили и, подражая своему учителю, увлекались разными отраслями естествовѣдѣнія, — и въ обществѣ въ качествѣ практическаго врача, многихъ спасавшаго отъ смерти и исцѣлявшаго отъ мучительныхъ болѣзней. Вліяніе Фукса въ университетѣ было продолжительно (28 лѣтъ) и благотворно. Карлъ Ѳедоровичъ поражалъ богатствомъ и разнообразіемъ своихъ знаній: онъ былъ медикъ, естествоиспытатель, лингвистъ, археологъ, нумизматъ, историкъ, этнографъ, оріенталистъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ считался первымъ знатокомъ края въ отношеніи его исторіи и этнографіи. Всѣ проѣзжіе путешественники прямо направлялись къ Фуксу, какъ-то: Александръ Гумбольдтъ, баронъ Августъ Гакстгаузенъ, Лябатъ, А. С. Пушкинъ, министръ П. Д. Киселевъ, М. М. Сперанскій [3]) и т. д.

К. Ѳ. Фуксъ обладалъ прекраснымъ, мягкимъ и въ высшей степени гуманнымъ характеромъ. Эта мягкость порою переходила, особенно

[1]) См. о Каменевѣ нашу юбилейную статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1903 годъ, августъ.

[2]) Одно время онъ, повидимому, жилъ въ Чебоксарахъ. Приближаясь къ Чебоксарамъ,—пишетъ А. А. Фуксъ,—чувствовала я стѣсненіе сердца. Воспоминаніе о молодости моей представилось мнѣ съ самыми грустными мечтами: я вспомнила своего отца, съ которымъ нѣсколько лѣтъ жила въ Чебоксарахъ, вспомнила его любовь ко мнѣ и заботливость о моемъ счастіи. Трудно мнѣ было удержать слезы...

[3]) Сперанскій такъ отзывался о Фуксѣ: «Фуксъ—чудо!.. Многообразность его познаній, страсть и знаніе татарскихъ медалей. Знанія его въ татарскомъ и арабскомъ. Благочестивый и нравственный человѣкъ. Весьма дѣятеленъ» (Жизнь графа Сперанскаго, т. II, стр. 140).

*

въ сношеніяхъ съ начальствомъ, въ слабость и податливость. Была у Карла Ѳедоровича одна слабость, о которой знала чуть не вся Казань и по поводу которой многіе надъ нимъ подтрунивали: онъ былъ большой ловеласъ и поклонникъ женской красоты (Де-Пуле, стр. 618).

Фуксъ пріѣхалъ въ Казань не одинъ. Его сопровождала какая-то англичанка—«подруга», какъ онъ называлъ ее. Это была личность умная и образованная, съ золотистыми волосами и сѣрыми выразительными глазами. Фуксъ былъ очень привязанъ къ ней и навсегда сохранилъ къ ней это чувство. По крайней мѣрѣ, портретъ «подруги» не снимался со стѣны и послѣ женитьбы Фукса, несмотря на протесты жены. По поводу этого портрета разсказывалась романтическая исторія: будто бы пріѣзжалъ въ Казань, уже послѣ смерти англичанки, ея мужъ и видѣлся съ Карломъ Ѳедоровичемъ. Когда послѣдній показалъ ему портретъ покойной, то мужъ, схвативши попавшійся ему подъ руку ножъ, ударилъ по портрету и пробилъ его насквозь. Затѣмъ портретъ былъ снова повѣшенъ на стѣну, а рядомъ съ нимъ, какими-то судьбами, появился и портретъ мужа, который, надо полагать, былъ обезоруженъ миролюбивымъ Карломъ Ѳедоровичемъ. Когда «подруга» умерла, Фуксъ остался одинъ со своими коллекціями и съ хиленькой воспитанницей «Меропенькой» («Сборникъ», стр. 497—498).

Кромѣ этой англичанки, у К. Ѳ. Фукса была въ Казани еще одна сердечная привязанность, солдатка Татьянушка.

Изъ извѣта директора Яковкина попечителю, отъ 27-го марта 1811 г., мы узнаемъ, что Фуксъ, тогда еще холостой, держалъ при себѣ красивую солдатку Татьяну (изъ подгороднаго села Царицына). Татьянушка ходила собирать для своего сожителя-профессора яблоки въ университетскомъ саду. Озорливый Яковкинъ приказалъ за «нахальство сей непотребницы» поймать ее и отвести, какъ воровку, въ казарму подъ караулъ. Сказано—сдѣлано. Фуксу пришлось печаловаться объ освобожденіи своей кухарки и экономки. Яковкинъ далѣе доноситъ начальству, что Фуксъ нашилъ Татьянушкѣ много шелковыхъ сарафановъ, открыто ѣздилъ съ нею лѣтомъ на парныхъ дрожкахъ въ Царицыно, во время публичнаго, на Троицынъ день, гулянья на Арскомъ полѣ, попускаетъ ей ѣздить вмѣстѣ съ прочею почетною публикою въ своей открытой коляскѣ четвернею (!!), за что хотѣли-было взять ее въ полицію, водитъ ее незамаскированною съ собою въ маскарады, «коимъ нахальствомъ студенты наши крайне раздражившись, требовали у полицеймейстера, чтобы приказалъ ее вывести» и т. д. (Буличъ, т. I, стр. 266—267).

*

III.

Неожиданный бракъ, въ 1821 г., стараго Карла Ѳедоровича съ молодою А. А. Апехтиною возбудилъ много толковъ, порождаемыхъ, можетъ быть, и завистью. Бѣдная сиротка, дочь городничаго, вышла замужъ за вполнѣ обезпеченнаго и службою, и практикой профессора университета, обладавшаго вдобавокъ столь виднымъ и почтеннымъ положеніемъ въ обществѣ. Конечно, такой удачи не хотѣли простить Александрѣ Андреевнѣ. Буличъ сохранилъ намъ тогдашнія городскія сплетни. Вотъ что онъ сообщаетъ.

По смерти матери Александра Андреевна жила и воспитывалась въ домѣ родной своей тетки Дѣдевой, гдѣ и познакомился съ нею Фуксъ, какъ практикующій въ домѣ врачъ. Разсказывали, что, призванный лѣчить ее отъ какой-то неважной болѣзни, скоро прошедшей, онъ, имѣя уже болѣе 40 лѣтъ, увлекся поэтическою дѣвушкой и любезничалъ съ нею, нисколько, впрочемъ, не помышляя о бракѣ. Но однажды въ то время, когда онъ упалъ предъ нею на колѣни и началъ распространяться о своихъ чувствахъ, явилась громко позванная тетка, г-жа Дѣдева, и дала свое согласіе на якобы просимую руку племянницы. Не менѣе оригинальна была и свадьба, происходившая лѣтомъ 1821 года, въ деревнѣ близкихъ родственниковъ невѣсты, Неѣловыхъ, недалеко отъ Казани. Въ самый день свадьбы Фуксъ съ утра отправился въ лѣсъ ловить бабочекъ и насѣкомыхъ и совершенно забылъ о предстоящемъ торжествѣ. Приходитъ и проходитъ часъ, назначенный для вѣнчанія,—жениха нѣтъ: невѣста въ отчаяніи, гости въ тревогѣ. Вся эта суматоха до тѣхъ поръ продолжалась, пока разосланная прислуга не отыскала въ лѣсу ученаго жениха. Эти анекдоты были извѣстны всей Казани, и по поводу ихъ П. М. Нилова жестоко трунила надъ Карломъ Ѳедоровичемъ, и самъ онъ относился къ исторіи своей любви нѣсколько юмористически. Семейная жизнь Фуксовъ, имѣвшихъ пятерыхъ дѣтей, кажется, не сопровождалась никакими бурями [1]) (Де-Пуле, стр. 619).

Александра Андреевна была женщина выдающаяся и умная; поэтому, кажется, незачѣмъ предполагать съ ея стороны особаго усилія, чтобы заманить къ себѣ выгоднаго жениха. Съ раннихъ лѣтъ она, вѣроятно по примѣру своего извѣстнаго дяди-поэта, почувствовала стремленіе къ литературѣ и поэтическому творчеству. Незаурядная барышня-стихотворка, естественно, могла остановить на себѣ вниманіе влюбчиваго Карла Ѳедоровича, начинавшаго уже склоняться къ старости, чувствовавшаго потребность основать себѣ семейный уголъ и оставшагося

---

[1]) Кто находитъ счастіе въ своемъ семействѣ, тому вездѣ р а й!—восклицаетъ А. А. Фуксъ въ «Поѣздкѣ въ Москву» (стр. 832).

вдобавокъ безъ «подруги». Пушкинъ свидѣтельствуетъ, что Карлъ Ѳедоровичъ уважалъ поэтическій талантъ своей жены и былъ влюбленъ въ нее даже спустя долгое время послѣ брака. Вся семейная жизнь Фуксовъ подтверждаетъ то обстоятельство, что бракъ ихъ былъ бракомъ счастливымъ, какимъ бы онъ, однако, врядъ-ли былъ, если бы былъ основанъ на обманѣ и недоразумѣніи.

Фуксъ, повидимому, очень сильно привязался къ своей «жонкѣ», какъ называлъ онъ Александру Андреевну, и жизнь пошла безъ особенныхъ семейныхъ треволненій; только въ рѣдкихъ случаяхъ приходилось Карлу Ѳедоровичу адресоваться къ теткѣ для рѣшенія семейныхъ недоразумѣній. При подобныхъ обстоятельствахъ «миленькій (sic) тетенька», г-жа Дѣдева, одно изъ самыхъ авторитетныхъ лицъ въ городѣ, приказывала подавать колымагу и являлась съ своимъ властнымъ словомъ для водворенія мира и тишины. Въ первые же годы брака у Фуксовъ родилось четверо дѣтей, три дочери и одинъ сынъ. Но всѣ они умерли. Потомъ родился послѣдній ребенокъ, дочь Софья, очень слабый, такъ что, по тогдашнему обычаю, написали образъ святой ея имени съ двумя ангелами-хранителями («Сборникъ», стр. 499, 500, 502, 503).

По мягкости и податливости своей натуры К. Ѳ. Фуксъ съ теченіемъ времени въ своей домашней жизни легко поддался вліянію жены, которая, повидимому, главенствовала въ домѣ и устраивала его на свой образецъ. Такъ, самъ Фуксъ не нуждался въ многочисленномъ штатѣ дворни, но Александра Андреевна, выросшая на помѣщичьей почвѣ, считала это необходимымъ условіемъ существованія. Поэтому при домѣ Фуксовъ жило около 30 человѣкъ прислуги. Надо думать, что К. Ѳ. тяготился такою обузой. По крайней мѣрѣ, одинъ очевидецъ разсказывалъ, что разъ К. Ѳ. жаловался аптекарю Бахману на то, что отъ этой прихоти «жонки» только одинъ безпорядокъ въ домѣ («Сборникъ», стр. 501). Иногда А. А. принимала крутыя мѣры и по отношенію къ мягкости своего мужа. Особенно старалась она ограничить его щедрость по отношенію къ бѣднымъ. Завидѣвъ просящаго подаяніе, К. Ѳ. останавливался, запускалъ руку въ карманъ и, вытащивъ оттуда ассигнацію, какая попадалась подъ руку, отдавалъ ее нищему. Такая «непрактичность» возбуждала маленькія домашнія сцены и вызывала нѣкоторыя репрессивныя мѣры: строгій наказъ кучеру не останавливать лошади, ревизію кармановъ по пріѣздѣ домой и полную конфискацію содержимаго въ нихъ. Забавно было смотрѣть на Карла Ѳедоровича въ то время, когда онъ, по пріѣздѣ домой, съ добродушнѣйшей улыбкой слѣдилъ за тѣмъ, какъ производилась эта ревизія («Сборникъ», стр. 504). Добродушный К. Ѳ. отнюдь не обижался на это. Единственное свободное свое время послѣ обѣда К. Ѳ. любилъ съ трубочкой въ зубахъ посидѣть у жены, поговорить о новостяхъ дня, о литературѣ и

литературныхъ занятіяхъ Александры Андреевны, а потомъ прилечь отдохнуть. Впрочемъ, бывали случаи, когда К. Ѳ. позволялъ себѣ сердиться на свою жену («Сборникъ», стр. 415). Но случаи эти очень оригинальны и бросаютъ выгодный свѣтъ на обоихъ супруговъ. Въ послѣдніе годы жизни Карла Ѳедоровича, когда онъ одряхлѣлъ и когда его разбилъ параличъ, ему уже не подъ силу было справляться съ цѣлыми толпами безплатныхъ паціентовъ, ежедневно переполнявшихъ его пріемную [1]). Жалѣя старика-мужа, Александра Андреевна пыталась иногда удалять лишнихъ, по ея мнѣнію, паціентовъ. Вотъ тутъ-то добрѣйшій К. Ѳ. сердился и воспрещалъ прислугѣ исполнять подобныя приказанія жены.

Александра Андреевна, въ свою очередь, платила мужу глубокимъ уваженіемъ. Всего опредѣленнѣе высказались ея чувства къ мужу въ любопытномъ стихотвореніи «Вечеръ на дачѣ іюля 13-го дня 1831 г.», помѣщенномъ въ «Заволжскомъ Муравьѣ» за 1832 г., т. II, стр. 535—536. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ этого стихотворенія.

... Я въ часъ этотъ молчаливый
Сидѣла въ хижинѣ одна,
Нѣжнѣйшихъ чувствъ и справедливыхъ
Была душа моя полна.
Потомъ я лиры тонъ унылой
Настроила своей рукой,
Тебя воспѣла, другъ мой милой,
И наше счастье и покой,—
Покой, который мы вкушаемъ
Подъ сѣнью кроткихъ, мудрыхъ Музъ;
Блаженства выше мы не знаемъ—
И крѣпокъ съ ними нашъ союзъ.
Мы не бѣжимъ въ слѣдъ за мечтами,
Не отворяемъ храмъ заботъ,
Не ищемъ счастья за горами:
Оно въ душѣ у насъ живетъ.
О ты, вѣрнѣйшій другъ природы,
Ея любезный, нѣжный сынъ,
Ты дни, часы, и цѣлы годы,

---

[1]) Другъ его Г. Н. Городчаниновъ въ своей одѣ на выздоровленіе Фукса (Сочиненія, стр. 537) восклицаетъ:

Сколько разъ я былъ свидѣтель
Добрыхъ дѣлъ, о Фуксъ, твоихъ!
Съ каждымъ утромъ собирался
Сихъ къ тебѣ страдальцевъ сонмъ,
Съ каждымъ утромъ представлялся
Мнѣ святилищемъ твой домъ.

И жизнь природѣ посвятилъ.
Твой домъ—какъ-бы чертогъ священный:
Къ нему спѣшатъ, идутъ толпой
Болѣзнью тѣла изнуренны
И всѣ болящіе душой.
Они всегда равно встрѣчаютъ
Пріятной, кроткой къ нимъ взоръ твой,
И кровъ твой тихой оставляютъ
Всѣ съ благодарною слезой...
Лѣтами старецъ удрученный,
И юноша въ цвѣтахъ весны,
И мудрый мужъ, и жены нѣжны
Твои благословляютъ дни.
... (Творца) дары—не блескъ ничтожный,
Богатство, знатность и чины,—
Но въ сердцѣ миръ, покой душевный
И тихіе въ семействѣ дни!

IV.

Свое уваженіе къ мужу А. А. Фуксъ доказала не только въ поэзіи, но и въ жизни. Всемогущій попечитель Казанскаго учебнаго округа, М. Л. Магницкій, передъ которымъ сгибалось все и всѣ, въ томъ числѣ и самъ Карлъ Ѳедоровичъ, обратилъ на Александру Андреевну свое благосклонное вниманіе и вздумалъ было за нею приволакиваться. Однажды лѣтнимъ вечеромъ, когда г-жа Фуксъ жила на дачѣ, въ слободѣ Архангельской, а К. Ѳ. былъ въ городѣ, является къ ней Магницкій. Онъ начинаетъ съ того, что выражаетъ удивленіе, какъ многія порядочныя женщины рѣшаются выходить и выходятъ замужъ за негодныхъ людей. Слѣдуютъ примѣры, и наконецъ гость обращается къ хозяйкѣ и называетъ ея мужа извергомъ-эгоистомъ, который думаетъ только о житейскихъ удовольствіяхъ и о себѣ, но не думаетъ о Богѣ и женѣ. Выведенная изъ себя такою рѣчью, А. А. отказала ему отъ дому (Де-Пуле, въ біографіи Второва-сына, «Русскій Архивъ», 1877 г., II, стр. 346). Конечно, немногіе рѣшились бы поступить съ могущественнымъ временщикомъ учебнаго вѣдомства такъ круто и рѣшительно. Замѣтимъ еще, что Михаилъ Леонтьевичъ былъ смолоду первый щеголь и птиметръ петербургскаго большаго свѣта и, конечно, не остановилъ бы своего выбора на какой-либо заурядной провинціалкѣ. Какъ мы увидимъ ниже, А. А., плѣнившая въ своей молодости профессора Фукса, пользовалась дружбою и вниманіемъ всѣхъ почти замѣчательныхъ людей, съ кѣмъ ей приходилось встрѣчаться. Ее воспѣли въ сти-

хахъ лучшіе поэты своего времени, какъ Е. А. Баратынскій и Н. М. Языковъ, а изъ второстепенныхъ Д. П. Ознобишинъ, Г. Н. Городчаниновъ, Левъ Ибрагимовъ и др. Вотъ почему нельзя не признать несправедливымъ слѣдующее ѣдкое сужденіе Булича («Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета», т. I, стр. 112):

«Случайный бракъ Фуксовъ, о которомъ сохранилось нѣсколько юмористическихъ преданій между старожилами, для такого профессора и ученаго, какъ Фуксъ, былъ mésailliance въ духовномъ отношеніи; мужу единственно жена была обязана, если не механизмомъ стиха, можетъ быть, наслѣдственнымъ даромъ въ семьѣ Каменева, къ которой она принадлежала, то выборомъ и содержаніемъ своихъ поэмъ; безъ мужа г-жа Фуксъ едва-ли бы могла выйти изъ узкой сферы своей пошленькой, провинціальной свѣтской жизни; ученый и профессоръ, насколько могъ, старался возвысить ее до себя. Прежде и больше всего къ Фуксу привлекало его служеніе обществу; во имя его посѣщались и литературныя собранія въ его домѣ, и посѣщались многими». Намъ представляется дѣло какъ разъ наоборотъ. К. Ѳ. Фуксъ своимъ бракомъ съ Апехтиною не только не унизилъ себя, но среди тогдашнихъ казанскихъ дамъ, какъ русскихъ, такъ и нѣмокъ, врядъ-ли бы могъ сдѣлать выборъ болѣе удачный. Въ Александрѣ Андреевнѣ Карлъ Ѳедоровичъ нашелъ себѣ не только жену и хозяйку, но что, разумѣется, не менѣе важно,—искренняго и вѣрнаго друга, понимавшаго и цѣнившаго его ученыя стремленія, поддерживавшаго ихъ и помогавшаго имъ [1]). Если К. Ѳ. вѣрилъ въ талантъ своей жены, интересовался ея произведеніями и снабжалъ ее сюжетами для ея поэтическихъ сочиненій, то А. А., въ свою очередь, заимствуется отъ мужа любовью къ исторіи и этнографіи, по которой она составила нѣсколько книгъ. Именно въ этомъ обоюдномъ нравственномъ взаимодѣйствіи видимъ одинъ изъ

---

[1]) Этнографическія поѣздки Александры Андреевны, предпринимавшіяся ею по почину и просьбѣ мужа, доставались ей нелегко: она должна была, скрѣпя сердце, бросать домъ съ его комфортомъ, покидать дочь—Соню, горячо любимую, въ разлукѣ съ которой надрывалось ея сердце, и переносить тяжкія дорожныя невзгоды. Въ „Поѣздкѣ къ черемисамъ“ (стр. 169) она пишетъ: „Ни одна поѣздка въ моей жизни не была такъ затруднительна, такъ несносна, какъ нынѣшняя“. Еще тяжелѣе стало ѣздить въ старости. Въ „Поѣздкѣ къ вотякамъ“ (стр. 209) мы читаемъ: „Лѣтъ 8 назадъ, когда я разъѣзжала по чувашамъ и черемисамъ, я была женщиной-героемъ: не боялась ни усталости, ни ненастья, путешествіе было моею радостью, всякое красивое мѣсто меня восхищало и дарило новымъ впечатлѣніемъ, а мое воображеніе всегда было въ готовности передать перу все новое и любопытное. Теперь я вовсе ни на что не похожа: дорога, давно уже мнѣ извѣстная, меня не занимала, несносный жаръ съ пылью меня задушили—и я, закрывшись, думала, какъ бы скорѣе доѣхать до мѣста“.

трогательнѣйшихъ въ исторіи всей русской словесности примѣромъ литературнаго общенія мужа и жены, дружно и рука объ руку работающихъ надъ предметами, дорогими для обоихъ ихъ. Бракъ Фуксовъ былъ необычайнымъ явленіемъ для того времени и для того общества, гдѣ они вращались. За то этотъ бракъ и не остался безъ результатовъ въ смыслѣ пробужденія среди мѣстнаго общества интересовъ литературы и просвѣщенія. Бракъ знаменитаго ученаго съ умною и поэтическою А. А. Апехтиною,—правильно замѣчаетъ Де-Пуле (стр. 612)—составилъ эпоху въ исторіи Казани: въ домѣ Фуксовъ образовался литературный салонъ, который держался четверть вѣка,—безпримѣрное явленіе въ исторіи русскихъ провинцій!

V.

Кромѣ устройства литературныхъ собраній въ домѣ Фуксовъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, Александра Андреевна вмѣстѣ съ мужемъ принимала ближайшее участіе въ единственномъ тогда (въ 30-хъ годахъ) казанскомъ литературномъ органѣ «Заволжскомъ Муравьѣ». Проникнувшись интересомъ къ мѣстному фольклору и этнографіи, А. А. стала совершать то одна, то вмѣстѣ съ мужемъ довольно обширныя путешествія по Поволжью, описывая свои наблюденія въ отдѣльныхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. Въ 1833 г. А. А. Фуксъ совершила путешествіе въ Москву, гдѣ завязала сношенія съ столичными литераторами, которые относились къ ней весьма сочувственно. Поэтъ Н. М. Языковъ посвятилъ ей слѣдующее вдохновенное стихотвореніе:

А. А. Фуксъ.

Завиденъ жребій вашъ: отъ обольщеній свѣта,
Отъ суетныхъ забавъ, бездушныхъ дѣлъ и словъ
На волю вы ушли, въ священный міръ поэта,
Въ міръ гармоническихъ трудовъ.
Божественнымъ огнемъ краснорѣчивъ и ясенъ
Плѣнительный вашъ даръ, трепещетъ ваша грудь,
И вдохновенными заботами прекрасенъ
Открытый жизненный вашъ путь.
Всегда цвѣтущія мечты и наслажденья,
Свободу и покой даруетъ вамъ Парнассъ.
Примите жъ мой привѣтъ! Я ваши пѣснопѣнья
Люблю: я понимаю васъ,
Люблю тоску души задумчивой и милой,
Волненіе надеждъ и помысловъ живыхъ,
И страстные стихи, и говоръ ихъ унылой,
И бога, движущаго ихъ [1]).

---

[1]) Стихотворенія Н. М. Языкова, изд. „Дешевой Библіотеки", т. I, стр. 249—250.—Стихотвореніе неправильно отнесено къ 1834 году.

Съ Е. А. Баратынскимъ г-жа Фуксъ познакомилась еще въ Казани, куда онъ наѣзжалъ, живя въ жениномъ имѣніи Каймары, и онъ почтилъ Александру Андреевну стихами:

А. А. Фуксовой.

Вы-ль—дочерь Евы, какъ другая,
Вы-ль, передъ зеркаломъ своимъ
Власы роскошные вседневно убирая,
Ихъ блескомъ шелковымъ любуясь передъ нимъ,
Любуясь ясными очами,
Обворожительнымъ лицомъ
Блестящей Граціи, предъ вами
Живописуемой услужливымъ стекломъ,
Вы-ль угадать могли свое предназначенье?
Какъ—вмѣсто женской суеты,
Въ душѣ довольной красоты
Затрепетало вдохновенье?
Прекрасный, дивный мигъ! Возликовалъ Парнассъ,
Хариту, какъ сестру, Камены окружили,
Отъ міра мелочей вы взоры отвратили:
Открылся новый міръ для васъ.
Мы встрѣтилися въ немъ. Блестящими стихами
Вы обольстительно привѣтили меня.
Я знаю цѣну имъ. Дарована судьбами
Мнѣ искра вашего огня.
Забуду-ли я васъ? Забуду-ль ваши звуки?
Въ душѣ признательной отозвались они.
Пусть бездну между насъ раскроетъ духъ разлуки,
Пускай летятъ за днями дни:
Пребудетъ неразлучна съ вами
Моя сердечная мечта,
Пока плѣняюся я лирными струнами,
Покуда радуетъ мнѣ душу красота [1]).

Впрочемъ, то были стихи отвѣтные. О происхожденіи этихъ стиховъ самъ Евгеній Абрамовичъ шутливо отзывается въ письмѣ къ И. В. Кирѣевскому отъ 16-го мая 1832 г. («Татевскій Сборникъ», стр. 45, № 35): «Прошу Языкова пожалѣть обо мнѣ: одна изъ здѣшнихъ дамъ, женщина степенныхъ лѣтъ, не потерявшая еще притязаній на красоту, написала мнѣ посланіе въ стихахъ безъ мѣры, на которые я долженъ отвѣчать».

А. А. Фуксъ и Баратынскаго старалась завербовать для «Заволжскаго Муравья». Но, какъ литераторъ столичный, онъ отнесся къ этой попыткѣ свысока (тамъ же, стр. 37, № 25): «Здѣшніе литераторы (можешь вообразить, к а к і е) задумали издавать журналъ и просятъ меня

---

[1]) Изданіе Божерянова, т. I, стр. 110—111, № 155.—Стихотвореніе неправильно отнесено къ 1835 году.

въ немъ участвовать. Это въ числѣ непріятностей моей здѣшней жизни».

VI.

Весьма поучительною является исторія отношеній А. А. Фуксъ къ А. С. Пушкину. Мы позволимъ себѣ подробнѣе остановиться на этомъ предметѣ, потому что онъ представляетъ много интереснаго матеріала для выясненія нравственной природы Пушкина, о которой у насъ до сихъ поръ въ обществѣ и даже въ критикѣ не установилось твердаго мнѣнія.

Свое знакомство съ Пушкинымъ описала сама Александра Андреевна въ статьѣ «А. С. Пушкинъ въ Казани», помѣщенной въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1844 г., № 2, понедѣльникъ, 10-го генваря, стр. 18—26. Статья облечена въ форму письма къ пріятельницѣ, Еленѣ Николаевнѣ Мандрыкѣ, которая «одна пожелала разгадать и понять ее и долго раздѣляла съ А. А. и радость, и горе, и пріятные часы, проведенные въ Пановѣ, и скучные дни въ Казани, и минуты поэтическаго вдохновенія и восторженнаго чувства къ нашимъ любимымъ поэтамъ» (стр. 19). Е. Н. Мандрыка, младшая и незамужняя дочь мѣстнаго начальника внутренней стражи, генерала Н. Я. Мандрыки, впослѣдствіи постриглась въ Богородицкомъ монастырѣ въ Свіяжскѣ, принявъ имя Есѳири. Къ статьѣ А. А. Фуксъ приложены и письма, писанныя къ ней Пушкинымъ. 6-го сентября 1833 г. А. А., по ея словамъ, сидѣла, задумавшись, въ своемъ кабинетѣ и грустила объ отъѣздѣ Баратынскаго, котораго ожидала къ себѣ съ прощальнымъ визитомъ. Баратынскій пришелъ съ такимъ веселымъ лицомъ, что ей стало даже досадно, и она хотѣла уже упрекнуть его за подобное равнодушіе при прощаньи съ нею, но онъ обрадовалъ ее вѣстью о пріѣздѣ Пушкина; это ее самое заставило проститься съ Баратынскимъ гораздо равнодушнѣе, чѣмъ обыкновенно. Пушкинъ навѣстилъ Фуксовъ на слѣдующій день, 7-го сентября, и просидѣлъ у нихъ съ 6 часовъ вечера до часу ночи, несмотря на то, что долженъ былъ ѣхать на завтра до свѣту. Находясь у Фуксовъ. Пушкинъ оказывалъ хозяйкѣ знаки величайшаго вниманія. При первой встрѣчѣ онъ взялъ ее за руку съ ласковыми словами: «Намъ не нужно съ вами рекомендоваться: музы насъ познакомили заочно, а Баратынскій еще болѣе» (стр. 20).

«Ты знаешь», пишетъ А. А., «что я не могу похвалиться ни ловкостью, ни любезностью, особенно при первомъ знакомствѣ, и потому долго не могла придти въ свою тарелку».

Вечеромъ К. Ѳ. поѣхалъ къ больному, и поэтесса осталась съ Пуш-

кинымъ наединѣ и «не была этимъ довольна». Но Пушкинъ, замѣтивъ ея смущеніе, своею привѣтливостью и любезностью заставилъ хозяйку говорить съ нимъ, какъ съ короткимъ знакомымъ; они сидѣли въ кабинетѣ поэтессы. Пушкинъ просилъ прочитать ему стихи, посвященные Александрѣ Андреевнѣ Баратынскимъ, Языковымъ и Ознобишинымъ, читалъ ихъ всѣ самъ вслухъ и очень хвалилъ стихи Языкова, которые приведены у насъ выше. Потомъ просилъ непремѣнно прочитать стихи ея собственные, и А. А. прочла свою сказку «Женихъ»; Пушкинъ, слушая ее, «какъ бы въ самомъ дѣлѣ хорошаго поэта, вѣроятно изъ любезности», добавляетъ поэтесса, «нѣсколько разъ останавливалъ мое чтеніе похвалами, а иные стихи заставлялъ повторять и прочитывалъ самъ» (стр. 21). Послѣ чтенія Пушкинъ началъ разспрашивать хозяйку объ ея семействѣ, о томъ, гдѣ она училась, кто были ея учители, разсказывалъ о Петербургѣ, о тамошней разсѣянной жизни и нѣсколько разъ звалъ А. А. туда пріѣхать: «Пріѣзжайте, пожалуйста, пріѣзжайте, я познакомлю съ вами жену мою: повѣрьте, мы будемъ умѣть отвѣчать вамъ за казанскую привѣтливость не петербургскою благодарностью». Потомъ разговоръ былъ еще гораздо откровеннѣе. Пушкинъ много говорилъ о духѣ тогдашняго времени, о его вліяніи на литературу, о нашихъ литераторахъ, о поэтахъ, о каждомъ изъ нихъ сказалъ свое мнѣніе и наконецъ прибавилъ: «Смотрите, сегодняшній вечеръ была моя исповѣдь; чтобы наши разговоры остались между нами»! Говоря о русскихъ поэтахъ, Пушкинъ очень хвалилъ родного дядю А. А. Фуксъ—перваго русскаго романтика, Г. П. Каменева, и, посмотрѣвъ нѣсколько минутъ на его портретъ, сказалъ: «Этотъ человѣкъ достоинъ былъ уваженія; онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти: этотъ человѣкъ много бы сдѣлалъ, ежели бы не умеръ такъ рано». Онъ просилъ племянницу поэта собрать всѣ свѣдѣнія о Каменевѣ и обѣщался написать его біографію. Пушкинъ простился съ Фуксами, какъ со старыми знакомыми. У простодушной провинціалки, А. А. Фуксъ, голова закружилась отъ такого вниманія перваго русскаго поэта. Она не могла спать. Вставши на другой день въ 5 часовъ утра, она поспѣшила написать на проѣздъ знаменитаго гостя стихи и въ 8 часовъ отослала ихъ Пушкину. Но оказалось, что онъ уже выѣхалъ въ Оренбургъ (стр. 24), а поэтессѣ оставилъ для передачи нижеслѣдующее любезное письмо:

«Милостивая государыня, Александра Андреевна! Съ сердечной благодарностью посылаю вамъ мой адресъ и надѣюсь, что обѣщаніе ваше пріѣхать въ Петербургъ не есть одно любезное привѣтствіе. Примите, м. г., изъявленіе моей глубокой признательности за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минут-

ное пребываніе его въ Казани» (Сочиненія Пушкина, т. VII (изд. Морозова), стр. 324, № 352, Казань, 8-го сентября 1833 г.).

«Я никогда не думалъ»,—сказалъ Пушкинъ на прощаніе Фуксамъ,— «чтобы минутное знакомство было причиною такого грустнаго прощанія; но мы въ Петербургѣ увидимся». Проф. Н. П. Загоскинъ въ своей статьѣ «Пушкинъ въ Казани» («Историческій Вѣстникъ» за 1899 г., май, стр. 602), состоящей, преимущественно, въ пересказѣ статьи Фуксъ, невѣрно полагаетъ, будто стихи на проѣздъ знаменитаго поэта «не сохранились для потомства». Вотъ они. Приводимъ ихъ, какъ образчикъ стихотвореній Александры Андреевны:

На проѣздъ А. С. Пушкина чрезъ Казань.

Все покоилось въ природѣ,
И мой домъ спалъ крѣпкимъ сномъ;
Солнце красно на восходѣ
Насъ поздравило со днемъ.
Не успѣла я дремоту
Отрясти съ моихъ очей,
Не успѣла дать отчету
Я ни въ чемъ душѣ моей;
Тьма пріятныхъ сновидѣній
На яву мечталась мнѣ.
Вотъ какой-то чудный геній
Вдругъ явился въ тишинѣ
И сказалъ такъ торопливо,
Подаря меня вѣнкомъ:
«Какъ должна ты быть счастлива:
Кто же посѣтитъ твой домъ?
Тотъ поэтъ, чье посѣщенье
Праздникъ славный и у насъ:
Мы въ тотъ день всѣ въ восхищеньи,
И ликуетъ весь Парнассъ.
Съ поздравительнымъ привѣтомъ
Отъ боговъ къ тебѣ лечу
И таинственнымъ ихъ свѣтомъ
Озарить тебя хочу.
«Мы теперь съ тобой не чужды»,
—Говорилъ мнѣ геній мой:
«Въ знакъ моей вѣрнѣйшей службы
Вотъ подарокъ дорогой.
Но я вижу, ты въ мечтаньи»,
—Давъ мнѣ лиру, онъ сказалъ:
«Ты смотри! въ очарованьи
Не запой ему похвалъ;
Ты не смѣешь, и не должно!
Навсегда тебѣ совѣтъ:
То не пой, что невозможно.
Онъ небесный нашъ поэтъ:
Въ честь его на Геликонѣ

Аполлонъ намъ пиръ давалъ,
Позабывъ вчера о тронѣ,
Самъ гостей онъ угощалъ.
Къ нашимъ геніямъ россійскимъ
Всѣхъ внимательнѣе былъ,
Какъ любимцамъ, сердцу близкимъ
Самъ бокалы разносилъ,
А къ казанскимъ обращаясь,
Взоромъ ласковымъ своимъ
Поздравлялъ ихъ, улыбаясь,
Съ рѣдкимъ гостемъ, дорогимъ.
Чувствомъ дружбы и любови
Праздникъ всѣхъ очаровалъ,
Даже Марсъ, нахмуря брови,
Мнѣ по-дружески сказалъ:
«Право, такъ мои герои
Не пируютъ у боговъ—
По сожженьи самой Трои
Я не зналъ такихъ пировъ.
Видно, нѣтъ у васъ тревоги,
Не ведете вы войну?»—
«Есть она, но наши боги
Любятъ миръ и тишину».
За отвѣтъ мнѣ въ награжденье
Богъ Парнасса бросилъ взоръ,
Послѣ отдалъ повелѣнье
Въ честь его пѣть громкій хоръ.
Что тамъ было, все запѣло,
Гимны разнеслись въ горахъ:
Имя Пушкина гремѣло
Въ ихъ небесныхъ голосахъ.

«Простившись съ Пушкинымъ», продолжаетъ А. А., «я думала, что его обязательная привѣтливость была обыкновенною свѣтскою любезностію, но ошиблась. До самаго конца жизни, гдѣ только было возможно, онъ оказывалъ мнѣ особенное расположеніе: не писавъ почти ни къ кому, онъ писалъ ко мнѣ нѣсколько разъ въ годъ и всегда собственною своею рукою, познакомилъ меня заочно со всѣми замѣчательными русскими литераторами и наговорилъ имъ обо мнѣ столько для меня лестнаго, что я по пріѣздѣ моемъ въ Москву и въ Петербургъ была удостоена ихъ посѣщеніемъ»...

Но если бы бѣдная Александра Андреевна могла только знать, какъ расписалъ ее нашъ великій поэтъ своей женѣ.....

«Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ—некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings [1]), сорокалѣтней, несносной бабѣ

[1]) Синіе чулки.

съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ 200 какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ расхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ— но Богъ помиловалъ; однако она взяла мой адресъ и стращаетъ меня перепискою и пріѣздомъ въ Петербургъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю. Мужъ ея—умный и ученый нѣмецъ, въ нее влюбленъ и въ изумленіи отъ ея генія; однако, онъ одолжилъ меня очень—и я радъ, что съ нимъ познакомился» (т. VII, стр. 325, № 353, село Языково, 12-го сентября).

VII.

Домъ Фуксовъ, гдѣ такъ обласкали Пушкина, гдѣ такъ за нимъ ухаживали, фигурируетъ въ его письмѣ непосредственно рядомъ съ кабаками. Съ несносною бабою съ грязными ногтями (насчетъ ногтей, какъ мы знаемъ, поэтъ былъ особенно чувствителенъ, утверждая, что «быть можно умнымъ человѣкомъ и думать о красѣ ногтей»; самъ онъ отращивалъ себѣ ногти полувершковые, почему казачки и принимали его за чорта),—съ этой «бабой» Пушкинъ счелъ возможнымъ, однако, любезничать цѣлый вечеръ и откровенничать напропалую. Наконецъ, самъ упрашивавши ее пріѣхать въ Петербургъ испытать его отвѣтнаго гостепріимства, теперь онъ «поздравляетъ» жену съ пріѣздомъ Фуксъ, которымъ-де та «стращаетъ»... Все это производитъ впечатлѣніе довольно мерзкой, а главное, совсѣмъ безцѣльной и ничѣмъ не вызванной фальши. Какъ понять намъ Пушкина?

Проф. Загоскинъ (стр. 607) объясняетъ это «ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ нервнымъ, неровнымъ, чисто желчнымъ темпераментомъ, какимъ отмѣченъ былъ характеръ поэта». «Мы склонны, говоритъ онъ, видѣть въ этомъ противорѣчіи одно изъ мимолетныхъ проявленій той случайной желчности и нарѣдко чисто психической (?) склонности къ безотчетному сарказму, которыхъ далеко не чужда была натура поэта и съ которыми не разъ доводилось считаться людямъ, окружавшимъ Пушкина или приходившимъ съ нимъ въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе».

Къ этому можно бы прибавить, что Пушкинъ въ своемъ письмѣ хотѣлъ подыграться въ тонъ своей супругѣ, которая, какъ столичная щеголиха, разумѣется, осмѣяла бы захолустную провинціалку. Можно бы указать, что Пушкинъ вообще часто мѣнялъ свои отзывы, напр.,

смѣялся надъ «Исторіею Государства Россійскаго» Н. М. Карамзина, видя въ ней «апологію кнута», а потомъ вдохновлялся его геніемъ и посвящалъ ему своего «Бориса Годунова», въ историческомъ отношеніи столь же фальшиваго, какъ сама «Исторія» Карамзина. Пушкинъ буквально «для краснаго словца» не щадилъ родного отца. Про графа Д. И. Хвостова,—безобиднаго и добраго старика, преклонявшагося предъ геніемъ Пушкина,—послѣдній выразился въ скверной эпиграммѣ, что тотъ не можетъ удержать въ себѣ стиховъ. Жуковскаго, который любилъ его, какъ младшаго брата, которому онъ былъ столько обязанъ, Пушкинъ въ картинной эпиграммѣ изобразилъ, какъ онъ съ указкой втерся во дворецъ и «руку жметъ камеръ-лакею». По отношенію къ провинціаламъ и людямъ простымъ, какими были Фуксы, за Пушкинымъ водилась еще одна нехорошая черта.

«Пушкинъ», — говоритъ Ксенофонтъ Полевой (Записки, стр. 203—204),—«соображалъ свое обращеніе не съ личностью человѣка, а съ положеніемъ его въ свѣтѣ и потому-то признавалъ своимъ собратомъ самаго ничтожнаго барича и оскорблялся, когда въ обществѣ встрѣчали его, какъ писателя, а не какъ аристократа... Онъ какъ будто не видѣлъ, что въ немъ чествовали не потомка бояръ Пушкиныхъ, а писателя и современнаго льва... Увлекшись въ вихрѣ свѣтской жизни, которую всегда любилъ онъ, Пушкинъ почти стыдился званія писателя».

Ни для кого не тайна, что нашъ прославленный поэтъ всегда тянулся въ знать, гдѣ, однако, не хотѣли видѣть въ немъ равнаго; напрасно онъ старался и на словахъ, и особенно въ своихъ сочиненіяхъ раздувать исторію своего рода и приписывать ему такую выдающуюся роль, какой онъ на самомъ дѣлѣ въ прошломъ Россіи никогда не игралъ. Безуспѣшно воспѣвалъ онъ не только бояръ Пушкиныхъ, но и самого арапа Ганнибала...

Поэтому Пушкинъ никогда не былъ въ силахъ оцѣнить простое, сердечное почтеніе и благоговѣніе своихъ поклонниковъ. Простодушные Фуксы на нѣкоторое время остановки среди скучной дороги могли помочь ему отвести душу. Но едва прошли эти часы, едва свѣтскій «левъ» пришелъ въ себя, какъ на голову провинціаловъ, такъ восторженно его встрѣтившихъ и такъ безкорыстно, хотя и наивно, за нимъ ухаживавшихъ, онъ не замедлилъ вылить цѣлый ушатъ помоевъ. А бѣдная провинціалка-поэтесса, еще черезъ 9 лѣтъ послѣ свиданія съ нимъ, какъ драгоцѣнность, стремилась возсоздать въ своей памяти малѣйшую деталь свиданія съ великимъ человѣкомъ. «Ужасная вѣсть о его смерти ввергла меня въ какое-то безчувственное положеніе; уже черезъ нѣсколько часовъ чувство горести вывело меня изъ такого несноснаго оцѣпенѣнія, и уже тогда только я съ горькими слезами взгля-

нула на его портретъ и сказала: «Тебя уже нѣтъ съ нами, пѣвецъ любимый и неподражаемый! Зачѣмъ такъ рано ты оставилъ насъ? Неужели земной міръ не былъ тебя достоинъ?» (стр. 18).

Но имѣла-ли А. А. Фуксъ основаніе полагать, что она дѣйствительно остановила на себѣ «особенное вниманіе поэта»? Да, она имѣла неопровержимое тому доказательство—подлинныя письма поэта, напечатанныя ею при своей статьѣ. Не безъ чувства удивленія читаемъ мы въ слѣдующемъ письмѣ комплименты, которыми разсыпается Пушкинъ предъ казанской поэтессой, забывая про ея вощеные зубы и грязные ногти: «Вчера возвратившись въ Петербургъ послѣ скучнаго трехмѣсячнаго путешествія по губерніямъ, я былъ обрадованъ неожиданной находкою: письмомъ и посылкою изъ Казани. Съ жадностію прочелъ я прелестныя ваши стихотворенія, и между ними ваше посланіе ко мнѣ, недостойному поклоннику вашей музы. Въ обмѣнъ вымысловъ, исполненныхъ прелести, ума и чувствительности, надѣюсь на-дняхъ доставить вамъ отвратительно-ужасную исторію Пугачева. Не браните меня. Поэзія, кажется, для меня изсякла. Я весь въ прозѣ, да еще въ какой: право, совѣстно, особенно передъ вами.

«Вы изволили написать, что баронъ Люцероде долженъ мнѣ былъ доставить письмо еще въ прошломъ году; къ крайнему сожалѣнію моему, я его не получилъ... Э. П. Перцовъ, котораго на минуту имѣлъ я удовольствіе видѣть въ Петербургѣ, сказывалъ мнѣ, что онъ имѣлъ у себя письмо отъ васъ ко мнѣ; но и тутъ оно до меня не дошло; онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не доставя мнѣ для меня драгоцѣнный знакъ вашего благосклоннаго воспоминанія. Понимаю его разсѣянность въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ, но не могу не жаловаться и великодушно ему прощаю, только съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ письмо, которое забылъ мнѣ здѣсь доставить.

«Потрудитесь, м. г., засвидѣтельствовать глубочайшее мое почтеніе Карлу Ѳедоровичу, коего любезность и благосклонность будутъ мнѣ вѣчно памятны» (т. VII, стр. 372—373, № 414, СПБ., 19-го октября 1834 г.).

Тотъ же непонятный тонъ почтительности и уваженія, какъ бы доказывающій, что Пушкинъ въ глубинѣ души все-таки не третировалъ Александру Андреевну такъ, какъ въ письмѣ къ женѣ,—бросается въ глаза въ дальнѣйшей перепискѣ:

«Долго мѣшкалъ я доставить вамъ свою дань, ожидая изъ Парижа портрета Пугачева; наконецъ, его получилъ и спѣшу препроводить вамъ мою книгу. Надѣясь на вашу снисходительность, я осмѣлился отправить на ваше имя одинъ экземпляръ для доставленія г. Рыбушкину, отъ котораго имѣлъ честь получить любопытную Исторію о Казани. Препоручаю себя драгоцѣнному вашему

благорасположенію и дружеству почтеннаго Карла Ѳедоровича, предъ которымъ извиняюсь въ неисправности изданія моей книги» (т. VII, стр. 380—381, № 426, СПБ., 15-го августа 1835 г.).

Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ Пушкинъ проситъ А. А. Фуксъ «украсить» его журналъ «Современникъ» своими стихами:

«Я столько предъ вами виноватъ, что не осмѣливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я изъ деревни и нашелъ у себя письмо, коимъ изволили меня удостоить. Не понимаю, какимъ образомъ мой бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани, мѣсто для него памятное... Теперь гр. Апраксинъ снисходительно взялся доставить къ вамъ мою книгу. При семъ позвольте мнѣ, м. г., препроводить къ вамъ и билетъ на полученіе «Современника», мною издаваемаго. Смѣю-ли надѣяться, что вы украсите его когда-нибудь произведеніями пера вашего?

«Свидѣтельствуя глубочайшее мое почтеніе любезному, почтенному Карлу Ѳедоровичу, поручаю себя вашей и его благосклонности» (т. VII, стр. 394, № 446, СПБ., 20-го февраля 1836 г.).

Такіе лестные знаки вниманія трогали довѣрчивую поэтессу до глубины души. Сохранились два ея отвѣтныя письма Пушкину (Бумаги А. С. Пушкина, М. 1881, вып. I, стр. 21—22). Отъ 20-го января 1834 г. А. А. сообщаетъ Пушкину, что его «обязательное посѣщеніе и столь лестное письмо имѣли такое вліяніе, что я не могла удержать себя отъ восторга и выразила мои чувства въ стихахъ». Она проситъ Пушкина простить ея смѣлость и не судить ее, какъ поэта: «моя восторженная Муза, надѣюсь, будетъ предъ вами моей защитницей». Собираясь послать Пушкину, первому, экземпляръ своихъ стихотвореній, которыя черезъ двѣ недѣли должны были выйти изъ печати, А. А. просила его прислать свой адресъ. «Хотя мое счастіе васъ видѣть продолжалось не болѣе двухъ часовъ, но въ это короткое время я успѣла замѣтить, что вы не только снисходительны къ моимъ стихамъ, но даже, не скучая, ихъ читали». Въ заключеніе поэтесса «ласкаетъ себя надеждою имѣть удовольствіе читать отвѣтъ» Пушкина.

Въ письмѣ отъ 24-го мая 1836 г. А. А. Фуксъ извѣщаетъ Пушкина, что она получила его письмо «вмѣстѣ съ драгоцѣннымъ его подаркомъ» въ деревнѣ, въ день своихъ именинъ. «Я была въ восхищеніи», говоритъ она, «и безъ сомнѣнія вмѣстѣ со мною радовался и мой ангелъ! (sic). Родные мои и знакомые были тогда у меня; они раздѣлили со мною мою радость, и при восклицаніяхъ кипѣлъ кубокъ за ваше здоровье. Этому былъ свидѣтель вашъ петербургскій житель, Приклонскій». Далѣе А. А. выражаетъ свою чувствительную благодарность за позволеніе посылать свои сочиненія въ журналъ Пуш-

*

кина. «Очень сожалѣю», признается А. А., «что моя нерадивая муза диктуетъ мнѣ такія ничтожности, которыя послать къ вамъ я никогда бы не осмѣлилась». Исполняя «приказаніе» Пушкина, А. А. отправила при письмѣ: отрывки изъ писемъ о скитахъ въ Нижегородской губерніи, два дѣйствія водевиля, I главу повѣсти «объ основаніи и переселеніи Казани» и одну элегію, которую взялъ у нея Делярю, чтобы отдать, если возможно, Пушкину, а не то въ «Библіотеку для Чтенія». «Я почту себя счастливою», добавляетъ она, «ежели вы изъ моихъ сочиненій найдете что-нибудь достойное для помѣщенія въ «Современникѣ». Всѣ посланныя Пушкину сочиненія А. А. Фуксъ не предполагала печатать раньше зимы. Но она желала бы, чтобы они сначала показались въ журналѣ Пушкина: «тогда бы злая критика не смѣла очень грозно на меня вооружиться».

VIII.

Таковы были отношенія Александры Андреевны къ литераторамъ столичнымъ. Даже Пушкинъ, столь убійственно отозвавшійся о ней въ письмѣ къ женѣ, какъ мы видѣли, считалъ нужнымъ поддерживать съ нею письменныя сношенія въ теченіе четырехъ лѣтъ и просилъ ея сотрудничества для своего «Современника»; даже онъ не могъ отказать ей, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ поэтическомъ талантѣ и въ правѣ на уваженіе къ ея личности. Но отношенія А. А. Фуксъ къ литераторамъ мѣстнымъ носятъ характеръ еще болѣе лестный для нея; здѣсь, у себя въ Казани, она занимаетъ господствующее положеніе: въ теченіе долгихъ лѣтъ ея домъ служитъ связующимъ центромъ для всѣхъ, кто только цѣнилъ литературу [1]).

Н. Н. Буличъ не желаетъ отрицать факта, но старается умалить значеніе и заслуги въ этомъ отношеніи самой Александры Андреевны (стр. 110—112).

«Въ умственной жизни Казани К. Ѳ. и его жена (въ сочиненіяхъ которой принималъ непосредственное участіе ея мужъ) въ теченіе многихъ лѣтъ представляли въ домѣ своемъ,—говоритъ Буличъ,—та-

---

[1]) „Домъ Фуксовъ былъ средоточіемъ образованности, трудолюбія и гостепріимства", замѣчаетъ П. Васильевъ. (Календарь-указатель города Казани, 1882 г., стр. 140). Къ сожалѣнію, замѣтка этого автора о г-жѣ Фуксъ переполнена ошибками: вм. „Хабиба"—„Хибиба", вм. „Поѣздка изъ Казани въ Чебоксары"—„Поѣздка въ Казань и Чебоксары", и, наконецъ, изъ поэмы „Основаніе Казани"—сдѣлано „Осажденіе Казани"!

кой общій для всѣхъ, свѣтлый центръ, куда невольно стремились всѣ въ Казани, для которыхъ почему-либо были дороги умственные интересы. Въ тѣ годы, когда жили и дѣйствовали оба супруга, привѣтливые центры въ родѣ ихъ дома были вполнѣ возможны; въ темной жизни провинціи они составляли отрадное явленіе. Въ настоящее время нѣтъ уже условій для ихъ существованія. Не говоря о значеніи самой, въ высшей степени привлекательной, личности старика Фукса, при рѣчи о собраніяхъ въ его домѣ, не слѣдуетъ выпускать изъ виду исчезнувшихъ историческихъ условій общественной жизни. Послѣдняя въ ту пору не отличалась современною пестротою и разнообразіемъ; интересы ея были весьма односторонни и одноцвѣтны. Вопросы ума, литературы, искусства, во имя которыхъ собирались нѣкоторые лучшіе казанскіе люди въ домѣ Фуксовъ, были такого отвлеченнаго, идеальнаго, общаго свойства, уходили такъ далеко отъ жизни, что на ихъ нейтральной почвѣ легко могло происходить соединеніе личностей, различныхъ и по общественному положенію, и по средствамъ, и по возрасту, и по умственному развитію. Къ чисто отвлеченнымъ вопросамъ не примѣшивалось тогда вовсе отношенія къ жизни дѣйствительной, которое придаетъ имъ теперь жгучія свойства... Люди нашего времени, какимъ-нибудь чудомъ собравшіеся въ гостепріимный домъ Фукса для чтенія стихотвореній и статей, разумѣется, съ современнымъ, близкимъ къ живой и дѣйствительной жизни содержаніемъ, едва ли бы разошлись мирно и съ удовлетвореннымъ чувствомъ.

Современный читатель, слыша теперь передаваемые разсказы о литературныхъ собраніяхъ въ домѣ Фуксовъ и о томъ, какъ иной разъ на нихъ присутствовало въ качествѣ слушателей и слушательницъ много лицъ изъ лучшаго общества казанскаго, очень ошибется, однако, полагая, что масса привлекалась участіемъ къ тѣмъ общимъ отвлеченнымъ интересамъ литературнымъ, о которыхъ мы говорили. Весьма только незначительное *меньшинство* привлекалъ самъ Фуксъ съ его развитіемъ научнымъ, съ богатымъ, разнообразнымъ, опытнымъ умомъ, съ обширными свѣдѣніями во всемъ, что̀ только можетъ интересовать образованнаго человѣка, съ своею добродушно-хитрою и тонкою ироніею. Все это могли цѣнить только немногіе, и цѣнили главнымъ образомъ люди заѣзжіе, особенно, иностранные путешественники, искавшіе въ старикѣ Фуксѣ знатока мѣстнаго края. Съ другой стороны, стихотворныя произведенія его супруги слушались вообще съ *едва скрываемой насмѣшливой улыбкой*; на ея поэмы смотрѣли, какъ на тщеславную *слабость* свѣтской женщины того времени» (sic).

Буличъ пытается увѣрить, что знаменитые въ Казани литературные вечера Фуксовъ не имѣли значенія для массы общества, что при-

влекалъ посѣтителей самъ старикъ, а его супруга либо не играла никакой роли, либо представляла собою на своихъ же вечерахъ фигуру комическую. Такое изображеніе дѣла противорѣчитъ фактамъ и не справедливо. Къ Фуксу, дѣйствительно, заѣзжали за научными свѣдѣніями о казанскомъ краѣ всѣ знаменитые путешественники. Но такіе путешественники случались не каждую недѣлю, и не Гумбольдты, Гакстгаузены и Кастрѣны были участниками литературныхъ фуксовскихъ вечеровъ. На бесѣдахъ этихъ выступали не заѣзжіе люди, а именно представители мѣстной интеллигенціи. И если бы центромъ этихъ собесѣдованій точно былъ самъ старикъ Фуксъ, то эти собранія носили бы характеръ не литературный, а научный; на нихъ бы разсуждали о медицинѣ, ботаникѣ, нумизматикѣ и т. д. Бесѣды же носили характеръ не спеціально-научный, а чисто-литературный, и этотъ характеръ придавалъ собраніямъ не кто иной, какъ именно Александра Андреевна, при чемъ самъ Фуксъ выступалъ лишь однимъ изъ чтецовъ. Что эти собранія ставились въ Казани высоко, что имъ приписывалась большая общественная роль, это, какъ мы увидимъ ниже, засвидѣтельствовано въ печати людьми вполнѣ объективными, напр. Н. И. Второвымъ. Замѣтимъ еще, что фуксовскія бесѣды длились около двухъ десятилѣтій, что на нихъ принимало участіе не одно поколѣніе, при чемъ «отцы» и «дѣти» воспитывались на различныхъ традиціяхъ и обладали разными вкусами, какъ, напримѣръ, Второвъ-отецъ и Второвъ-сынъ. Но Александра Андреевна попрежнему оставалась душою этихъ вечеровъ, и въ ея домѣ, а не въ другомъ какомъ, собирались литераторы и любители литературы со всей Казани.

IX.

Мы располагаемъ очень дробнымъ и недостаточнымъ матеріаломъ для возсозданія этихъ фуксовскихъ вечеровъ. О двухъ вечерахъ 1836 г. остались воспоминанія у И. А. Второва-отца, которыя и сообщены въ монографіи Де-Пуле (сентябрь, стр. 139—140). Затѣмъ о двухъ вечерахъ 1843 г. сообщилъ въ фельетонахъ «Прибавленій къ Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» за 1843 г., № 48 (суббота, 27-го ноября, стр. 299—300) и № 50 (11-го декабря, стр. 320—321), Н. И. Второвъ-сынъ, бывшій тогда редакторомъ этого органа и участникомъ литературныхъ вечеровъ г-жи Фуксъ. Изъ этихъ описаній, несмотря на ихъ краткій, почти протокольный характеръ, можемъ мы составить нѣкоторое понятіе о томъ, какъ было поставлено дѣло на вечерахъ Але-

ксандры Андреевны, и чѣмъ тогда занимались, чѣмъ интересовались казанскіе литераторы.

Скажемъ о мѣстѣ, гдѣ происходили литературныя бесѣды. Участники ихъ собирались въ домѣ, принадлежавшемъ Карлу Ѳедоровичу Фуксу. Нынѣ этотъ домъ въ передѣланномъ видѣ (послѣ большаго пожара убрали увѣнчивавшій его куполъ) составляетъ собственность купца Ерлыкина; онъ находится на углу Владимірской улицы и Сѣнной площади [1]). Въ этомъ-то домѣ 16-го февраля 1836 г., въ воскресенье, И. А. Второвъ былъ на литературномъ вечерѣ у Фуксовъ. Общество было «отборное и образованное»: гг. Хомутовъ и Приклонскій, чиновники департамента государственныхъ имуществъ, поэтъ Мих. Дан. Деларю, служившій въ Петербургѣ, но урожденный казанецъ, — оренбургскій и казанскій помѣщикъ Александръ Ник. Левашовъ и проч. Много было дамъ. Читатели сочиненія: А. А. Фуксъ, Г. Н. Городчаниновъ, Э. П. Перцовъ, Платонъ Киселевскій, кіевлянинъ, служившій тогда въ Казани при губернаторѣ Стрекаловѣ, Деларю, Ѳ. М. Рындовскій и самъ К. Ѳ. Фуксъ. На третьемъ чтеніи былъ странный эпизодъ. Вице-губернаторъ, правившій губерніею, Евграфъ Васильевичъ Филипповъ, предложилъ читать поднесенную ему какимъ-то чиновникомъ поэму. Прочитали 1-ю пѣснь. Рындовскій возгласилъ, что это сочиненіе его и украдено. Филипповъ, вышедъ изъ себя, по его самолюбію и гордости, заставлялъ молчать Рындовскаго, кричалъ, что заткнетъ ему ротъ и пр. Многіе разъѣхались отъ такой суматохи, и самъ виновникъ ея уѣхалъ. Осталось около 20 человѣкъ, и снова продолжали чтеніе. Предложено было,—пишетъ И. А. Второвъ,—прочитать мои стихи «Время» и «Царевъ Курганъ», но я отклонилъ отъ сего. Мнѣ очень понравились гг. Деларю и Н. М. Приклонскій. Послѣ открылось, что мнимый сочинитель краденыхъ стиховъ — какой-то пьяный титулярный совѣтникъ, котораго Филипповъ присылалъ къ Рындовскому съ повинною и за котораго самъ извинялся передъ нимъ. Это извиненіе предупредило дуэль, которая уже готовилась между престарѣлымъ поэтомъ и вице-губернаторомъ, поспѣшившимъ ее предупредить. Описанный скандалъ не помѣшалъ, однакоже, продолженію литературныхъ вечеровъ въ домѣ Фуксовъ: они происходили по воскресеньямъ въ продолженіе всего великаго поста.

Утѣшительно было видѣть,—сообщаетъ Н. И. Второвъ о вечерѣ 17-го ноября 1843 г.,—живое участіе, принятое многими здѣшними лю-

[1]) К. Ѳ. Фуксъ въ своихъ „Замѣчаніяхъ о холерѣ" утверждаетъ, вопреки общепринятому мнѣнію, что нижняя часть города Казани, Ямская улица, Сѣнная площадь и т. п.—самая здоровая и оставалась пощаженною холерою и другими эпидеміями, которыя свирѣпствовали на возвышенныхъ улицахъ («Сборникъ», стр. 429—430).

бителями литературы въ прекрасномъ предпріятіи почтенныхъ хозяевъ дома,—участіе, свидѣтельствующее, что общество наше не удовлетворяется обыкновенными общественными удовольствіями, но имѣетъ другія, высшія потребности. Нѣкоторые посѣтители литературной бесѣды были приглашены въ то же время на два другіе вечера; однако они предпочли ее картамъ и танцамъ, и въ назначенное время, въ 7 часовъ вечера, съѣхались въ домъ Карла Ѳедоровича. Въ 8 часовъ началось чтеніе, которое открыла сама хозяйка дома. А. А. прочитала изъ новаго своего романа «Зюлима» весьма занимательный отрывокъ, содержавшій въ себѣ описаніе лагеря Пугачева подъ Казанью и разныя неистовства его сволочи.

Вслѣдъ затѣмъ Г. Н. Городчаниновъ, «истинный ветеранъ нашей словесности» и бывшій профессоръ Казанскаго университета, читалъ стихотвореніе, написанное имъ въ честь Державина подъ названіемъ «Безсмертіе піита».—«Это былъ отзвукъ минувшаго періода русской литературы, періода восторговъ, огня, пламени», говоритъ Второвъ-сынъ. «Трогательно было видѣть почтеннаго старца посреди слушателей, принадлежавшихъ, большей частью, къ молодому поколѣнію, холодному, прозаическому, обращающагося съ восторженною хвалою къ знаменитому поэту». Послѣ этого стихотворенія одинъ изъ посѣтителей литературной бесѣды прочиталъ письма Державина къ Г. Н. Городчанинову, «драгоцѣнныя для насъ, какъ памятникъ, сохранившійся послѣ праотца русской поэзіи. Все это имѣло тѣмъ болѣе цѣны, что въ настоящемъ году исполнилось ровно сто лѣтъ со времени рожденія Державина и было такимъ образомъ какъ-бы данью незабвенной его памяти». По этому поводу Л. Н. Ибрагимовъ прочиталъ потомъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній «Памяти великаго Державина».

Далѣе было прочитано сочиненіе И. А. Второва «Мои воспоминанія о Казани», заключающее въ себѣ многія интересныя для казанскихъ старожиловъ подробности о нѣкоторыхъ лицахъ, жившихъ въ Казани лѣтъ тридцать тому назадъ. Статья эта была выслушана съ живымъ участіемъ, особенно тѣми изъ посѣтителей, кому были знакомы упоминаемыя въ ней лица.

Чтеніе заключилось любопытнымъ описаніемъ татарской свадьбы. Новость и оригинальность этого одного изъ замѣчательнѣйшихъ обрядовъ татаръ, на изученіе образа жизни которыхъ авторъ, Карлъ Ѳедоровичъ, посвятилъ многіе годы, приковала всеобщее вниманіе, и неподдѣльный юморъ, проникающій почти всю статью, нѣсколько разъ срывалъ невольную улыбку съ лицъ слушателей. Два послѣднія сочиненія читали посторонніе лица; первое по причинѣ отсутствія, а послѣднее по слабости зрѣнія автора.

Послѣ этой духовной пищи радушные хозяева предложили пре-

красный ужинъ гостямъ своимъ, которые разъѣхались довольно поздно. Мы увѣрены,—полагаетъ авторъ сообщенія,—что каждый изъ нихъ возвратился домой, исполненный впечатлѣнія, несравненно пріятнѣйшаго, нежели какое оставляютъ карточные вечера или балы, послѣ которыхъ трудно ожидать, чтобы заронилась свѣтлая мысль въ голову или залегло въ сердцѣ теплое, отрадное чувство,—послѣ которыхъ едва-ли остается что, кромѣ усталости, головной боли и пустоты душевной. Такъ полагаетъ Н. И. Второвъ, человѣкъ молодой, изъ поколѣнія, уже пережившаго литературныхъ сверстниковъ Александры Андреевны Фуксъ, но продолжавшій относиться къ ней съ уваженіемъ и придававшій ея предпріятію важное значеніе.

Слѣдующій литературный вечеръ въ домѣ Карла Ѳедоровича былъ 1-го декабря, т. е. ровно черезъ двѣ недѣли послѣ перваго. На предшествовавшей недѣлѣ, въ среду, 24-го ноября, онъ былъ отложенъ по случаю Екатеринина дня, въ который праздновалось много именинъ. Посѣтителей на этомъ вечерѣ было несравненно болѣе, нежели въ первый разъ. Присутствовали на вечерѣ самъ начальникъ губерніи, С. П. Шиповъ, и супруга его, Анна Евграфовна, которые приняли въ бесѣдѣ самое живое, непритворное участіе.

Чтеніе началось въ назначенное время. Н. И. Второвъ прочиталъ отрывки изъ своихъ путевыхъ записокъ, заключавшіе въ себѣ описаніе Ревеля. Слѣдовавшее затѣмъ чтеніе доставило слушателямъ особенное удовольствіе: это были прочитанные профессоромъ И. М. Симоновымъ нѣсколько отрывковъ изъ путешествія его по Англіи и Франціи [1]), отрывковъ, исполненныхъ высшаго интереса по разнымъ встрѣчамъ И. М. съ многими замѣчательными лицами и анекдотамъ, краснорѣчиво и увлекательно разсказаннымъ. Послѣ того хозяйка дома А. А. Фуксъ читала о пребываніи А. С. Пушкина въ Казани, статью, любопытную по нѣкоторымъ подробностямъ о поэтѣ. Въ дополненіе къ тому были прочитаны однимъ изъ посѣтителей нѣсколько собственноручныхъ писемъ Пушкина къ А. А., отрывки изъ которыхъ были приведены въ нашей статьѣ выше. Весьма близкое отношеніе къ статьѣ А. А. имѣло стихотвореніе на смерть Пушкина, сочиненіе князя А. А.

---

[1]) Книга Симонова вышла въ Казани, въ 1844 г., отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „Записки и воспоминанія о путешествіи по Англіи, Франціи, Бельгіи и Германіи въ 1842 г.“ (333 стр.). В. Галанинъ помѣстилъ о „Запискахъ“ Симонова статью въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“ за 1844 г., т. 41, отд. VI, стр. 172—187. Рецензіи были еще въ журналахъ за тотъ же годъ: „Современникѣ“, т. 36, стр. 93—94, „Москвитянинѣ“, ч. 4, № 8, стр. 415—423, и „Литературной Газетѣ“ № 28. Въ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, № 16 за 1844 г., стр. 245—252, была помѣщена рецензія К. О. Александрова.

Долгорукаго, вслѣдъ за тѣмъ прочитанное самимъ авторомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими мелкими стихотвореніями его же сочиненія.

За стихами опять слѣдовала проза. К. О. Александровъ читалъ свою статью «Нѣсколько словъ о Гейне и глава изъ его книги о романтической школѣ въ Германіи». Единодушное одобреніе слушателей служило лучшимъ свидѣтельствомъ достоинствъ этого сочиненія, отличавшагося какъ по прекрасному изложенію, такъ и по тому, что въ немъ едва-ли не въ первый разъ на русскомъ языкѣ была представлена довольно полная характеристика этого писателя.

Чтеніе заключилъ снова почтенный хозяинъ дома, К. Ѳ. Фуксъ, любопытною статьею о татарскихъ женщинахъ, обнаруживающею зоркую наблюдательность автора. Въ особенности были интересны письма, въ которыхъ татарки изъяснялись въ любви къ Карлу Ѳедоровичу.

Было уже довольно поздно, когда кончилось чтеніе, и весьма многія статьи, приготовленныя къ настоящему вечеру, остались непрочитанными.

Еще извѣстіе о вечерахъ А. А. Фуксъ находимъ мы въ № 15 отъ 10-го апрѣля 1844 г., стр. 226—228. Второвъ-сынъ, какъ авторъ «Казанской хроники», сообщаетъ въ фельетонѣ, что литературные вечера прекратились въ томъ году еще до поста. Кромѣ двухъ первыхъ, о которыхъ было уже разсказано выше, было еще въ тотъ сезонъ шесть: 8-го, 15-го, 22-го и 29-го декабря, 13-го и 19-го января. «Они постоянно возбуждали живое участіе казанскихъ любителей литературы, которые усердно посѣщали ихъ каждый разъ. На послѣднемъ вечерѣ былъ прогостившій полторы недѣли въ Казани ханъ Внутренней Киргизъ-Кайсацкой или Букеевской орды Джангиръ, о которомъ была особая статья въ № 9 «Вѣдомостей», за тотъ же годъ, стр. 129—138, а еще ранѣе статья К. Ѳ. Фукса въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» за 1826 г. Почтенные хозяева дома каждый разъ доставляли удовольствіе гостямъ чтеніемъ своихъ сочиненій. А. А. прочитала нѣсколько главъ изъ своего занимательнаго романа «Зюлима, или Пугачевъ въ Казани», и нѣкоторые отрывки изъ другого сочиненія, также еще не напечатаннаго: «Поѣздка изъ Казани въ Нижній-Новгородъ» [1]), гдѣ описаны многія чрезвычайно

[1]) Бабушка г-жи Фуксъ, жена П. Г. Каменева, была урожденная Крохина, дочь одного изъ столповъ раскола въ Казани. Связи и сношенія съ раскольниками не прерывались и даже особенно культивировались К. Ѳ. Фуксомъ, который любилъ раскольниковъ, покупалъ у нихъ древнія рукописи и не разъ заступался за нихъ передъ начальствомъ. Особенно былъ близокъ К. Ѳ. съ старцемъ-начетчикомъ Иваномъ Никоновичемъ, который носилъ къ нему на домъ даже запрещенныя раскольничьи книги. А старицы изъ Семеновскихъ скитовъ, мать Деввора, мать Варсонофія и др., наѣзжая въ Казань по дѣламъ, даже останавливались у Фуксовъ въ домѣ. Вотъ почему Фуксы легко могли собирать свѣдѣнія по расколу, недоступныя для другихъ (ср. «Сборникъ», стр. 491—492).

интересныя подробности о раскольникахъ. К. Ѳ. прочиталъ нѣсколько весьма любопытныхъ извлеченій изъ своихъ записокъ о вотякахъ Казанской губерніи. Изъ статей, читанныхъ посторонними посѣтителями, въ особенности были замѣчательны: профессора астрономіи И. М. Симонова отрывки изъ его путешествія по Англіи, Франціи и Германіи. Профессоръ медицины Н. А. Скандовскій читалъ на вечерахъ: «Поѣздка на Уралъ и къ Нижне-Сергинскимъ минеральнымъ водамъ» и «О различіи жизни животной отъ жизни пластической». Профессоръ ботаники П. Я. Корнухъ-Троцкій прочелъ «Нѣсколько словъ о казанской флорѣ»; статья эта, несмотря на чисто-спеціальный предметъ, возбудила единодушное одобреніе слушателей. Профессоръ Е. Ф. Аристовъ—«Нѣчто о симпатіи» и «Воспоминанія о Парижѣ» (въ которыхъ интересна была физіологія парижскаго портье-швейцара). Кромѣ прозаическихъ статей, читались и стихотворенія, какъ-то: «Русскій солдатъ» Ибрагимова, довольно искусная поддѣлка подъ русскій народный ладъ; Василій Ивановичъ Рубановъ, внукъ поэта Г. П. Каменева, читалъ мелкія стихотворенія, изъ которыхъ болѣе понравились «Дума» и «Цвѣтокъ на могилѣ»; читались еще мелкія стихотворенія одного неизвѣстнаго молодого автора, неподдѣльное дарованіе котораго особенно обнаружилось въ пьесахъ «Бесѣда съ ангеломъ» и «Молитва».

Замѣтимъ, что произведенія, читавшіяся на литературныхъ вечерахъ у Фуксовъ, по большей части, печатались въ мѣстныхъ органахъ прессы, редакторы которыхъ обыкновенно стояли въ тѣсномъ общеніи съ Фуксами. Такъ было съ «Заволжскимъ Муравьемъ», который вдохновлялся Фуксами, такъ было и съ «Прибавленіями къ Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ», когда редакторомъ ихъ состоялъ Второвъ-сынъ. Напр., статья «О татарской свадьбѣ» [1]) была помѣщена въ томъ сообщалось о литературной бесѣдѣ, въ № 48, 1843 г., стр. 301—304, гдѣ же №, а окончаніе ея въ № 49, стр. 309—312. «Мои воспоминанія о Казани» И. А. Второва, «посвященныя памяти покойнаго друга моего А. В. П—вой», въ № 50, стр. 319—324.

X.

Своихъ вечеровъ сама А. А. Фуксъ касается въ стихотвореніи «Разговоръ съ Музою. «Послѣ отъѣзда Е. А. Баратынскаго изъ Казани». (стр. 42—47) Пьеса есть діалогъ между «Я» и «Она», т. е. Муза.

[1]) Отрывки изъ большаго сочиненія К. Ѳ. о казанскихъ татарахъ.

Муза сердита и тосклива, какъ и сама поэтесса:

Съ тѣхъ поръ, какъ съ нами нѣтъ любимаго поэта,
Пѣвца нѣжнѣйшаго для будущихъ вѣковъ,
Съ тѣхъ поръ мнѣ скучно здѣсь, я не найду предмета,
Разсѣять чѣмъ себя...

Муза не желаетъ болѣе свиданья съ Александрой Андреевной. Хозяйка дома оправдывается:

Что жъ дѣлать мнѣ? Даются намъ вѣками
Безсмертные пѣвцы; вина-ли то моя?
И что здѣсь твоего любимца нѣтъ ужъ съ нами,—
Неужели и въ томъ все виновата я?

Муза такъ объясняетъ причины своего гнѣва:

. . . Не могу смотрѣть я равнодушно,
Когда скучаетъ кто изъ тѣхъ, кого люблю;
Зачѣмъ просить опять ты снова начинаешь
Моихъ товарищей на вечера свои?
. . . Ихъ скука утомила
На вечерахъ твоихъ.—Тому прошла пора:
Ужъ въ домѣ у тебя—не то, что прежде было,
И не спѣшитъ никто къ тебѣ на вечера.
Хотя ты занимать гостей не перестала,
Все такъ же, кажется, и убрано, свѣтло,
Но свѣта для души теперь у васъ не стало,
Собраніе бесѣдъ упало, отцвѣло [1]).
Ты знаешь, что того уже давно нѣтъ съ нами,
Кто радость для меня повсюду разливалъ:
При немъ съ охотою я занималась съ вами,
Онъ ваши вечера собою оживлялъ,
Какъ будто бъ между васъ его счастливый геній
Летая, разсѣвалъ всѣ скучныя мечты,
Всѣ думы мрачныя протекшихъ огорченій,
И разсыпалъ на васъ веселія цвѣты.
То время протекло. Тебя я умоляю,
Оставь въ спокойствіи, не мучь моихъ друзей;
Ихъ звать на вечера я строго запрещаю:
Довольно безъ твоихъ имъ въ жизни скучныхъ дней.

Выше мы привели прекрасное стихотвореніе Е. А. Баратынскаго, которое, вѣроятно, и послужило отвѣтомъ на прочувствованныя строчки г-жи Фуксъ. Баратынскому же посвящены стихи въ посланіи къ Д. П. Ознобишину:

Воспѣтъ и тотъ поэтъ извѣстный,
Который такъ любезенъ мнѣ:

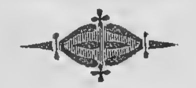
[1]) Въ 1833 году.

Онъ лирою своей чудесной
Гремитъ въ далекой сторонѣ,
Имѣетъ даръ онъ всѣхъ собою
Въ одну минуту восхитить
И чувства лирною струною
Въ сердца другихъ въ мигъ перелить.

Изъ приведенныхъ стиховъ очевидно, что Е. А. Баратынскій бывалъ тоже на литературныхъ бесѣдахъ А. А. Фуксъ. Въ свою очередь, и А. А., повидимому, будучи хороша со всѣмъ семействомъ поэта, навѣщала его въ бытность свою въ Москвѣ. Въ письмахъ изъ Москвы (стр. 814—815) она подъ 20-мъ января 1833 г. сообщаетъ мужу: «Сегодняшній день я причислю къ пріятнѣйшимъ днямъ моей жизни: я цѣлый день была въ восхищеніи. Я поутру одѣлась, чтобы ѣхать къ Энгельгардтамъ и къ Баратынскимъ, но они, не дождавшись моего визита, пріѣхали ко мнѣ сами, даже Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ (тесть Баратынскаго), несмотря на слабое свое здоровье, былъ у меня. Я очень дорого цѣню ихъ ко мнѣ вниманіе и дружбу. Признаюсь, я до слезъ была растрогана. Ты знаешь, какъ много я ихъ всегда любила; но мнѣ кажется, что они стали еще ближе къ моему сердцу.—Я обѣдала у Великопольскихъ и очень пріятно провела время; у нихъ довольно собралось насъ, казанскихъ, а между московскими я очень рада была встрѣтить г-жу Пл—ву, сочинительницу романа «Странница». Послѣ обѣда всѣ пошли въ музыкальную комнату. Сама Мудрова, не игравши 15 лѣтъ, играла на фортепіано дуэтъ съ своею дочерью, которая аккомпанировала ей на арфѣ. Потомъ играла на арфѣ же Ант., молодая вдова, которая такъ интересна, что безъ восхищенія и безъ горести невозможно смотрѣть на нее. Она не красавица, но при ней забудешь всѣхъ красавицъ»... «Вечеръ я провела у Баратынскихъ, гдѣ познакомилась съ Кирѣевскимъ». Далѣе (стр. 821) А. А. сообщаетъ опять, что вечеръ она провела у Баратынскихъ очень пріятно, потому что вечеръ былъ литературный. «Г. Хомяковъ читалъ свою трагедію «Дмитрій Самозванецъ». Она написана прекрасно; совсѣмъ другія сцены, нежели какія мы читали прежде. Послѣ чтенія Баратынскій познакомилъ меня съ Хомяковымъ. Этотъ поэтъ много уже написалъ хорошаго. Ученыхъ было на вечерѣ немного, а изъ дамъ только я и Софья Львовна» (жена поэта Баратынскаго).

Профессоръ **Евгеній Бобровъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

О заблаговременномъ заготовленіи продовольствія для войскъ.

Указъ главнокомандующему 2-ю арміею господину генералу-отъ-кавалеріи графу Беннигсену.

8-го декабря 1817 г. Москва.

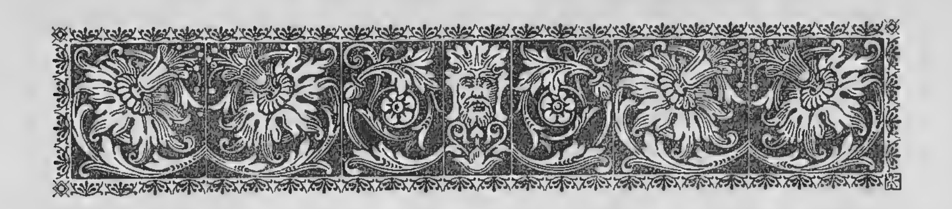
До свѣдѣнія моего дошло, что въ наступающемъ 1818 году большая часть плодороднѣйшихъ губерній, по всей вѣроятности, угрожается неурожаемъ хлѣба, какъ то усмотрите изъ прилагаемой записки. Почему, почитая необходимымъ заблаговременное обезпеченіе на тотъ годъ продовольствія войскъ ввѣренной вамъ арміи, предоставляю вамъ войти въ ближайшія соображенія по сему предмету, а о мѣрахъ, какія сочтете нужными принять къ достиженію сей цѣли, не оставьте мнѣ донести.

Продажа библіи.

Указъ Святѣйшему Синоду.

6-го января 1817 г.

Разсмотрѣвъ докладъ Святѣйшаго Синода о цѣнѣ, по которой обходится экземпляръ отпечатанной въ прошломъ 1816 году библіи въ листъ, и слѣдуя изъявленному указомъ 11-го февраля 1803 года правилу, чтобы сію священную книгу могли желающіе пріобрѣтать какъ можно дешевле, повелѣваю: вышеупомянутаго изданія библіи каждой экземпляръ продавать по двѣнадцати рублей пятидесяти копѣекъ, безъ переплета.

Е. А. Баратынскій и П. А. Плетневъ.

(Нѣсколько писемъ Баратынскаго) [1]).

Пушкинъ, Дельвигъ и Баратынскій, друзья и сверстники, яркимъ созвѣздіемъ заблиставшіе на нашемъ литературномъ небосклонѣ около 20-хъ годовъ прошлаго вѣка, нашли себѣ, какъ извѣстно, вѣрнаго друга—спутника, чуткаго цѣнителя ихъ творческихъ вдохновеній въ лицѣ П. А. Плетнева, по истинѣ одного изъ добрыхъ геніевъ русской поэзіи въ эпоху ея мощнаго расцвѣта. Они горячо братски полюбили другъ друга.

Мы не знаемъ подробностей сближенія Баратынскаго съ Плетневымъ, но нѣтъ сомнѣнія, что оно произошло въ эпоху 1817—1818 годовъ, когда Плетневъ сошелся съ лицейскимъ литературнымъ кружкомъ (Кюхельбекеромъ, Дельвигомъ, Пушкинымъ), сталъ вхожъ и радушно былъ принятъ въ общество тогдашнихъ литературныхъ свѣтилъ (Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Гнѣдича, Крылова и др.) и сталъ наконецъ дѣятельнѣйшимъ членомъ (въ 1818—1819 гг.) всѣми уважаемыхъ литературныхъ обществъ, «Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ» (возобновл. въ 1816 г.) подъ предсѣдательствомъ А. Е. Измайлова и «Вольнаго общества соревнователей просвѣщенія и благотворенія» (съ 1818 г. «Вольнаго общества любителей россійской словесности») подъ предсѣдательствомъ Ѳ. Н. Глинки (съ 1819 г.), гдѣ Плетневъ былъ особенно дѣятеленъ и состоялъ «цензоромъ поэзіи».

О томъ счастливомъ времени, о своемъ сближеніи съ лучшими дѣятелями литературы, и между прочимъ о дружбѣ съ Баратынскимъ

---

[1]) Въ нынѣшнемъ году исполнится 60 лѣтъ со смерти Баратынскаго, а въ будущемъ—сорокалѣтіе со смерти Плетнева.

Плетневъ любилъ вспоминать впослѣдствіи, особенно въ литературной перепискѣ съ своимъ другомъ 40-хъ и 50-хъ годовъ, Я. К. Гротомъ, и мы находимъ небезполезнымъ почерпнуть изъ этого источника занесенныя на бумагу самимъ П. А. немногія данныя, какъ объ этихъ, такъ и послѣдующихъ ихъ отношеніяхъ.

Это будетъ лучшимъ введеніемъ и коментаріемъ къ нѣсколькимъ письмамъ Баратынскаго къ Плетневу, которыми мы имѣемъ возможность подѣлиться здѣсь съ читателями и которыхъ автобіографическое значеніе несомнѣнно.

Вспоминая въ 1840-хъ гг. о своей дѣятельности въ названныхъ выше обществахъ, особенно во второмъ, Плетневъ писалъ: «Наконецъ, членами общества избраны были и мы, т. е. Дельвигъ, Баратынскій и я» [1]... Разсказывая въ 1846 г. о своей лекціи, посвященной трудамъ М. Никит. Муравьева, П. А. прибавляетъ: «тутъ былъ и молодой Баратынскій (сынъ). Я къ моимъ разсказамъ о впечатлѣніи, какое всегда производитъ на меня Муравьевъ, прибавилъ (указывая на Баратынскаго), что съ его отцомъ и Дельвигомъ началъ я учиться словесности съ этого чтенія» [2]... Склоняя своего молодого друга (Я. К. Грота) къ совмѣстной, единодушной и единомысленной работѣ на литературномъ поприщѣ, онъ ссылался на старое время: «Прежде я всегда чувствовалъ и дѣйствовалъ заодно съ моими друзьями: Дельвигомъ, Баратынскимъ и Пушкинымъ» [3].

Я. К. Гротъ, занимаясь въ 1849 г. поэзіей Баратынскаго, выражаетъ сожалѣніе, что стихи его не были изданы въ хронологическомъ порядкѣ. «Нельзя-ли тебѣ,—пишетъ онъ Плетневу,—отмѣтить для меня годы хоть только тѣхъ стихотвореній, которыхъ время появленія ты помнишь? А не то попроси при случаѣ его жену сдѣлать это» [4].

Вотъ что отвѣчалъ на это П. А. Плетневъ: «Первыя стихотворенія Баратынскаго стали появляться въ печати не ранѣе 1821 года [5]), именно когда Пушкинъ уѣхалъ изъ С.-Петербурга. Его отсутствіе привлекло Дельвига къ Баратынскому, и только по приговору своего лицейскаго судьи, Баратынскій осмѣлился явиться въ печати. Два журнала могутъ тебя руководить въ этомъ дѣлѣ: «Соревнователь» и «Благонамѣренный». Мы въ нихъ всѣ дебютировали. Я еще печаталъ въ

[1]) „Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ“, II, 254.

[2]) Тамъ же, стр. 670.

[3]) Тамъ же, стр. 196.

[4]) Тамъ же, стр. 402.

[5]) Память измѣняетъ тутъ Плетневу: Б. началъ печататься въ 1819 г. Самъ П. А. въ статьѣ о немъ (въ 1844 г.) говоритъ, что „его стихотворенія стали показываться въ печати ок. 1818 года“, но и это не точно. К. Г.

«Сынѣ Отечества», равно и мои друзья. Но тутъ рѣже ты насъ встрѣтишь... Квартира Баратынскаго и Дельвига, жившихъ тогда вмѣстѣ, была въ Семеновскомъ полку. О хронологическомъ размѣщеніи Баратынскаго и думать нечего. Не только я, или жена его, да и самъ онъ отказался бы отъ этого».

Въ 1820-хъ и 30-хъ годахъ имя Баратынскаго нерѣдко встрѣчается въ перепискѣ Плетнева съ Пушкинымъ. Такъ въ январѣ 1827 г. онъ въ письмѣ къ Пушкину (въ Москву), укоряя его въ необщительности, говоритъ: «Мнѣ тутъ болѣе всего обидно, что ты не намекнулъ даже мнѣ, какіе у тебя литературные планы. Правду сказать, что я въ любви самый несчастный человѣкъ. Кого ни выберу для страсти, всякой меня броситъ. Баратынскій, котораго я, право, больше любилъ всегда, нежели теперь кто-нибудь любитъ его, уѣхавши въ Москву, не хотѣлъ мнѣ ни строчкой плюнуть» [1]... Въ 1831 г., по смерти Дельвига, которая глубоко поразила друзей [2], Пушкинъ писалъ Плетневу: «Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда-ли? Я зналъ его въ лицеѣ—былъ свидѣтелемъ перваго, не замѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости ... Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами» [3]. Плетневъ отвѣчалъ на это: «Написать исторію и характеристику поэзіи Дельвига—дѣло столь же прекрасное, сколько и полезное. Если бы Баратынскій не вызвался на это, я бы тебя сталъ просить о томъ же, или даже самъ на то посягнулъ бы. Теперь займусь составленіемъ матеріаловъ» [4].

Нѣжныя дружескія чувства Плетнева къ Баратынскому вылились въ нѣсколькихъ посвященныхъ ему стихотвореніяхъ. Одно изъ нихъ «Къ Баратынскому», напечатанное въ «Трудахъ Вольн. общ. люб. росс. сл.» (т. XVIII, 1822), относится къ порѣ, когда Е. А. служилъ уже въ полку, стоявшемъ въ Финляндіи, и продолжалъ удѣлять досуги поэзіи.

Вотъ отрывокъ изъ него:

---

[1]) Соч. и переп. П. А. Плетнева (1885), III, стр. 343.

[2]) Пушкинъ объ этой потерѣ отзывался знаменательно въ письмѣ къ П. А. Плетневу (отъ 21-го янв.): „Безъ него мы точно осиротѣли. Щитай по пальцамъ: сколько насъ? ты, я, Баратынскій, вотъ и все... Баратынскій боленъ съ огорченія"... Тамъ же, стр. 362.

[3]) Тамъ же, стр. 363.

[4]) Тамъ же, стр. 365.

Пой, милый другъ! Достоинъ будь
Души прекраснаго стяжанья!
Къ тебѣ летятъ друзей желанья;
Лишь ихъ и Музъ не позабудь:
И въ тишинѣ уединенья,
При сладкомъ звукѣ струнъ своихъ,
Мечтай съ веселіемъ о нихъ
И не страшись рѣки забвенья! [1])

Въ другой разъ Плетневъ поэтически привѣтствуетъ Баратынскаго, повидимому, по поводу встрѣчи съ нимъ послѣ продолжительной разлуки (можетъ быть по возвращеніи Б. изъ Финляндіи, а скорѣе позже):

Ты здѣсь; я обнимаю вновь
Подъ кровомъ своего Пената
По сердцу милаго мнѣ брата:
И пробуждается любовь
Къ давно покинутой забавѣ
Сестеръ, плѣняющихъ Парнассъ.
Мой прежній жаръ давно погасъ,
И въ тишинѣ, забывъ о славѣ,
Я на нее смѣнилъ покой.. etc." [2])

Дельвигу и Баратынскому вмѣстѣ посвящено стихотвореніе «Анакреонъ», начинающееся такъ:

Полно вамъ меня томить,
Проповѣдники сухіе.

Приводимъ его конецъ:

Дельвигъ мой и мой Евгеній?
Для чего жъ не жить и намъ
Подъ закономъ Музъ и лѣни?
Поскорѣе по рукамъ!
Мигъ цвѣтутъ цвѣты веселья;
Не увидимъ, какъ придемъ
Къ общей двери новоселья:
Поживемъ, пока живемъ [3]).

Наконецъ есть еще одно стихотвореніе, посвященное совмѣстно Гнѣдичу и Баратынскому (о Царскомъ Селѣ):

„Есть край за Пулковской горою" [4]).

Изъ этихъ частыхъ поэтическихъ обращеній Плетнева къ своему другу-поэту можно заключить о постоянномъ и сильномъ вліяніи музы

[1]) Соч. и переп. П. А. Плетнева, III, стр. 257.
[2]) Тамъ же, стр. 307.
[3]) Тамъ же, стр. 296—7.
[4]) Тамъ же, стр. 304—305.

и поэтическаго генія Баратынскаго на душевный міръ и настроеніе П. А. Это подтверждается, какъ мы увидимъ, и содержаніемъ одного изъ помѣщаемыхъ ниже писемъ поэта, въ которомъ онъ убѣждаетъ своего друга не измѣнять «искусству, которое лучше всякой философіи утѣшаетъ насъ въ печаляхъ жизни»...

Въ 1825 г., оставивъ военную службу, Баратынскій поселился въ Москвѣ, гдѣ на другой годъ женился (на дочери ген. Л. Н. Энгельгардта Настасьѣ Львовнѣ). Судьба такимъ образомъ еще болѣе развела друзей, но дружескія отношенія ихъ не прекратились. Напротивъ, чѣмъ болѣе сокращался старый дружескій кружокъ, тѣмъ онъ дѣлался тѣснѣе, тѣмъ неразрывнѣе и глубже становились взаимныя привязанность и сочувствія, скрѣпляемыя дорогими, незабвенными воспоминаніями молодости и единодушіемъ настроеній. Смерть сперва Дельвига (1831 г.), а потомъ Пушкина (1837 г.), горько, болѣзненно оплаканная и Баратынскимъ и Плетневымъ, не могла не сблизить еще болѣе оставшихся одинокими друзей. Впечатлѣніе, произведенное смертью Дельвига на Баратынскаго, чувствуется въ письмѣ послѣдняго, изъ Казани, приводимомъ ниже. Хотя Баратынскій имѣлъ достаточно друзей и почитателей въ Москвѣ, однакожъ при существовавшихъ литературныхъ партіяхъ и нетерпимости новыхъ теченій и воззрѣній, онъ чувствовалъ себя тамъ довольно одинокимъ. Кн. Вяземскій, съ которымъ онъ былъ близокъ душою и взглядами, тоже переселился въ Петербургъ.

Нападки противнаго лагеря огорчали его и усиливали его безъ того грустное, пессимистическое настроеніе: съ конца 1839 г. Е. А. съ семьей жилъ до 1843 г., до послѣдняго выѣзда за границу, по большей части въ деревнѣ, то въ Тамбовской губ. (д. Вяжлѣ), то въ Московской (с. Мурановѣ). Когда, по смерти Е. А., Плетневъ не нашелъ о немъ ничего въ «Москвитянинѣ», онъ замѣчаетъ: «Такова злость литературныхъ партій. Его не любили московскіе литераторы, какъ не раздѣлявшаго ихъ Гегелевскихъ мнѣній» [1]. На вопросъ своего корреспондента относительно нѣкоторыхъ выраженій въ стихотвореніи Баратынскаго «Опять весна», Плетневъ отвѣчалъ: «У Б. сокрытый ровъ означаетъ намекъ на разныя пакости, которыя въ Москвѣ дѣлали ему юные литераторы, злобствуя, что онъ не дѣлитъ ихъ дурачествъ... Стихи оттого непонятны, что я не припечаталъ объясненія, бывшаго въ подлинникѣ: Б. это писалъ, насадивши въ деревнѣ рощу изъ дубовъ и елей, которую и называетъ здѣсь дитятею поэзіи таинственныхъ скорбей, выражая послѣдними словами мрачное расположеніе души своей, въ какомъ онъ занимался и до котораго довели его враги

[1]) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, стр. 323. Ни Шевыревъ, ни Погодинъ не умѣли цѣнить Баратынскаго и мало ему сочувствовали. См. „Ж. и Тр. Погодина“, Барсукова, кн. II, 363; III, 71 и 223.

литературные» [1]). Тѣмъ отраднѣе было ему поддерживать сношенія съ старымъ петербургскимъ другомъ и единомышленникомъ, въ журналъ котораго («Современникъ») онъ продолжалъ иногда посылать свои стихи.

Свидѣтельствомъ этихъ не обрывавшихся сношеній служатъ нижепечатаемыя письма 1839, 40 и 42 годовъ. Зимой (въ концѣ) 1839 года Е. А. ѣздилъ на короткое время въ Петербургъ и конечно навѣстилъ Плетнева, котораго какъ разъ въ этомъ году постигло семейное горе: онъ потерялъ жену. Вотъ что Баратынскій писалъ о своемъ другѣ: «Мой добрый, мой милый Плетневъ часовъ въ семь послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ. Ни въ чемъ не измѣнился—ни въ дружбѣ ко мнѣ, ни въ общемъ своемъ святомъ добродушіи. Звалъ меня во вторникъ обѣдать вдвоемъ. Не правда-ли, что этотъ зовъ—цѣлая характеристика? Говорилъ мнѣ о своей дочери, вздыхаетъ по старымъ товарищамъ: «Теперь, послѣ долгихъ трудовъ, я имѣю независимость и даже болѣе—все есть, чего я желалъ, да не съ кѣмъ подѣлиться этимъ благосостояніемъ».

Въ 1843 г. Баратынскій съ семьей собрался на годъ за границу и передъ отъѣздомъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ мечталъ устроиться по возвращеніи въ Россію [2]). Это было послѣднее его свиданіе съ Плетневымъ. О немъ находимъ извѣстіе все въ той же «Перепискѣ». Въ журналѣ П. А. отъ 8-го сентября читаемъ: «Прежде, нежели я отправился утромъ на дачу, ко мнѣ явился мой старый другъ Баратынскій съ 14-лѣтнимъ сыномъ Львомъ. Меня очень обрадовало это неожиданное свиданіе. Поэтъ черезъ недѣлю отправляется съ своею семьею на годъ за границу, послѣ чего утвердитъ свое пребываніе въ Петербургѣ. Деревня и Москва ему ужасно надоѣли. У Баратынскаго очень много натуральнаго ума, и въ его взглядѣ на нашу литературу есть что-то независимое и отчетливое. Между прочимъ я помню его отзывъ о Жуковскомъ и Лермонтовѣ» (онъ приводится имъ) [3]). Тутъ же П. А. сообщаетъ (въ журн. 11-го сент.), что онъ обѣдалъ у Путятъ съ Баратынскимъ и его семьей: «Баратынскій выпросилъ у меня себѣ нашъ «Альманахъ» (Алекс. универс.), котораго въ Москвѣ ни у кого не могъ сыскать. Я ему подарилъ «Фритіофа» [4]).

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, по поводу изданія своего «Современника», Плетневъ замѣчаетъ: «Баратынскій же требуетъ, чтобы я

---

[1]) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, 729.

[2]) Въ Петербургѣ у него оставалось еще нѣсколько вѣрныхъ друзей, завязались и новыя связи, напр. съ друзьями Плетнева; онъ познакомился съ А. О. Ишимовой и Я. К. Гротомъ. См. „Сочин. и пер. Плетнева", I, стр. 570.

[3]) „Переписка", II, стр. 112—4.

[4]) Т. е. переводъ Я. К. Грота.

не прекращалъ журнала до его прибытія. Онъ намѣренъ тогда соединиться со мною и работать дѣятельно» [1]).

Но этому не суждено было сбыться. Проведя зимніе мѣсяцы 1843—44 года въ Парижѣ, Е. А. весной переѣхалъ моремъ въ Неаполь, гдѣ вскорѣ и скончался скоропостижно 29-го іюня 1844 г., не выдержавъ знойнаго климата. Прахъ его былъ на слѣдующій годъ перевезенъ въ Петербургъ и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, недалеко отъ могилъ Гнѣдича, Крылова, Козлова.

Само собой разумѣется, какъ сильно смерть эта должна была поразить и огорчить Плетнева. По полученіи скорбнаго извѣстія онъ не замедлилъ подѣлиться своими впечатлѣніями съ своимъ другомъ. Вотъ журналъ его отъ 28-го, 29-го и 30-го іюля [2]).

«Путята [3]) утромъ пришелъ ко мнѣ съ горестнымъ извѣстіемъ: поэтъ Баратынскій скоропостижно умеръ въ Неаполѣ. За нѣсколько дней до смерти онъ еще послалъ ко мнѣ два свои стихотворенія, которыя я успѣлъ уже напечатать въ № 8 «Современника», и ты прочтешь ихъ, вѣрно, 5-го августа [4]). Какая для меня незамѣнимая потеря! Это послѣдній изъ тѣхъ литераторовъ, съ которыми я выросъ и связанъ былъ совершеннымъ сочувствіемъ и единодушіемъ. Осталась жена съ семью дѣтьми».

«(29-го и 30-го іюля). Я каждый день у Путяты: жена Путяты родная сестра жены Баратынскаго. Она ужасно плачетъ. Мы читаемъ его стихи или разсматриваемъ его портретъ—и всѣ плачемъ. Путята друженъ былъ съ нимъ 20 лѣтъ, съ самой Финляндіи. Баратынскій ужасно страдалъ всю жизнь отъ судьбы и отъ людей. Литераторы московскіе на него клеветали, не цѣнили его таланта. Онъ только-что устроилъ дѣла свои по имѣнію, чтобы переѣхать жить въ С.-Петербургъ, и вдругъ судьба поразила его. Здѣсь четверо изъ его дѣтей у Путятъ, а трое съ матерью въ Неаполѣ. Я не могъ безъ рыданія слышать всхлипываній сестры и брата, когда они привезены были изъ пансіоновъ и услышали вмѣстѣ о своей ужасной потерѣ».

Вскорѣ послѣ того Плетневъ сообщалъ Гроту: «Я теперь занятъ статьею о Баратынскомъ для «Современника». Ты скоро получишь ее и не забудь сказать, какъ она тебѣ покажется» [5]). Впослѣдствіи, по

---

[1]) „Переписка", II, стр. 116.

[2]) Тамъ же, стр. 297—8. До П. А. дошло извѣстіе о смерти Б. лишь 28-го іюля: спустя мѣсяцъ послѣ событія.

[3]) Н. В. Путята былъ своякъ Баратынскаго (жен. на сестрѣ его жены).

[4]) Это были: стихотвореніе „Пироскофъ", написанное во время переѣзда изъ Марселя въ Неаполь, и прекрасное поэтическое посланіе „Дядькѣ-Итальянцу".

[5]) „Переписка", II, стр. 308.

поводу одного отзыва своего друга, П. А. писалъ: «О «Налѣ» и Баратынскомъ я писалъ съ упоеніемъ страсти: тутъ нѣтъ слова, которое бы не прошло черезъ мое сердце. Иначе и писать я не могу о томъ, что понялъ сердцемъ. Такъ могъ бы я пересказать о всѣхъ литераторахъ, которыхъ я любилъ, но ни досугу нѣтъ, ни случая...» [1]). Кромѣ этой прекрасной статьи, Плетневъ и раньше въ разное время высказывался о поэзіи Баратынскаго, а именно: во 1-хъ, еще въ 1824 г. въ извѣстномъ «Письмѣ къ графинѣ С. И. С. (Соллогубъ) о русскихъ поэтахъ»; далѣе, въ 1840 г. въ статьѣ «Финляндія въ русской поэзіи», помѣщенной въ «Альманахѣ въ память 200-лѣтняго юбилея Александровскаго университета» (главнымъ образомъ о поэмѣ «Эда»), и наконецъ въ 1842 г. о сборникѣ стихотвореній Баратынскаго «Сумерки» [2]). Всѣ эти отзывы служатъ хорошимъ дополненіемъ къ общей характеристикѣ поэта, данной Плетневымъ.

31-го августа 1845 г. перевезенное изъ-за границы тѣло поэта было погребено въ Петербургѣ.

«Въ пятницу (31-го августа),—пишетъ Плетневъ,—я былъ на похоронахъ поэта Баратынскаго, умершаго ровно за годъ и два мѣсяца передъ симъ. Его похоронили въ Невскомъ монастырѣ, близъ Крылова, Гнѣдича и Карамзина. Кромѣ семейства, родственниковъ (Путятъ съ женами) и домочадцевъ, были слѣдующіе литераторы: князь Вяземскій, князь Одоевскій (съ женой), графъ Владиміръ Сологубъ—и только...» [3])

Письма Баратынскаго къ Плетневу.

I [4]).

(Казан. губ.) 1831 г.

Когда я получилъ письмо твое, милый Плетневъ, я укладывался въ долгую дорогу, отъ того и не отвѣчалъ тебѣ въ то же время. Теперь пишу къ тебѣ не изъ Москвы, а изъ деревни въ 20 верстахъ отъ

[1]) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, стр. 597—598. Статья П. о Баратынскомъ напеч. въ „Современникѣ“ XXXV, 298—329, Соч. и пер. П. А. Плетнева, 547—572.

[2]) Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, т. I, 192—3; 447—457; II, 351—2.

[3]) „Переписка“, II, 542.

[4]) Письмо это было уже напечатано Я. К. Гротомъ въ московскомъ сборникѣ «Помощь голодающимъ». Москва, 1892, стр. 259; но, такъ какъ въ этомъ изданіи оно легко можетъ затеряться и забыться, мы считаемъ полезнымъ его переиздать здѣсь вмѣстѣ съ прочими.

Казани. Я сталъ отъ тебя дальше разстояніемъ, но не дальше сердцемъ. Письмо твое взволновало мнѣ душу. Оно дышетъ разувѣренностью и уныніемъ. Съ горькимъ угрызеніемъ думаю, что самъ я нѣсколько способствовалъ привести тебя къ этому печальному расположенію духа. Довольный въ душѣ моей живымъ дружескимъ воспоминаніемъ о тебѣ, я не заботился въ немъ увѣрять тебя, и, казалось, забылъ о старомъ другѣ. Мнѣ страшно подумать, что, вспомнивъ обо мнѣ, ты самъ себѣ говорилъ: вотъ какъ нечувствительны, какъ неблагодарны люди! Между тѣмъ я былъ виноватъ въ одной лѣности, отлагающей до другаго дня сегодняшнее дѣло. Потеря Дельвига для насъ незамѣняема. Ежели мы когда-нибудь и увидимся, ежели еще въ одну субботу сядемъ вмѣстѣ за твой столъ,—Боже мой! какъ мы будемъ еще одиноки! Милый мой, потеря Дельвига намъ показала, что такое невозвратно прошедшее, которое мы угадывали печальнымъ вдохновеніемъ, что такое опустѣлый міръ, про который мы говорили, не зная полнаго [1]) значенія нашихъ выраженій. Я еще не принимался за жизнь Дельвига. Смерть его еще слишкомъ свѣжа въ моемъ сердцѣ. Нужны не одни сѣтованія, нужны мысли; а я еще не въ силахъ привести ихъ въ порядокъ. Поговоримъ о тебѣ. Неужели ты вовсе оставилъ литературу? Знаю, что поэзія не заключается въ мертвой буквѣ, что молча можно быть поэтомъ; но мнѣ жаль, что ты оставилъ искусство, которое лучше всякой философіи утѣшаетъ насъ въ печаляхъ жизни. Выразить чувство значитъ разрѣшить его, значитъ овладѣть имъ. Вотъ почему самые мрачные поэты могутъ сохранить бодрость духа. Примись опять за перо, мой милый Плетневъ; не измѣняй своему назначенію. Совершимъ съ твердостію нашъ жизненный подвигъ. Дарованіе есть порученіе. Должно исполнить его несмотря ни на какія препятствія, а главное изъ нихъ — унылость. Прощай, мой милый. Я сталъ проповѣдникомъ. Слушай мои увѣщанія, а я буду слушать—твои. Благодарю тебя за похвалы «Наложницѣ»: онѣ меня утѣшили въ неблагорасположеніи другихъ моихъ критиковъ. Обнимаю тебя отъ всей души. Пиши ко мнѣ, когда найдешь досужное время. Поклонись Пушкину. Адресъ мой—такому-то, въ Казань.

Е. Баратынскій.

II.

1839 г. [2])

Милый мой, всегда по-старому милый Плетневъ! Родственница моя Путята пишетъ мнѣ, что ты на меня сердишься. Спасибо тебѣ за это.

---

[1]) А не „точнаго“, какъ напечатано въ «Помощи голодающимъ».

[2]) Изъ деревни, вѣроятно, до поѣздки въ Петербургъ (въ концѣ года).

Кто сердится, тотъ помнитъ, а можетъ быть любитъ. Пьеса, напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ», была у меня вырвана изъ-подъ пера братомъ моимъ Сергѣемъ [1]), съ которымъ ты можетъ быть и познакомился, потому что онъ теперь въ Петербургѣ,—отъ того-то она и нѣсколько слаба слогомъ. Давно, давно нѣтъ между нами никакихъ сношеній; за то давно, давно я не пишу стиховъ, и мной оставленъ тотъ міръ, въ которомъ нѣкогда мы сошлись, и сблизились. Можешь-ли ты думать, что прошедшее мною забыто? Что бы послѣ этого помнить! Но судьба, въ молодости удалившая меня отъ людей, отъ ихъ обычаевъ, отъ условій свѣтской жизни, наградившая меня друзьями такими, какъ ты, неопытнаго, давно обманутаго бросила потомъ и въ свѣтъ, и въ мелочи обыкновенной жизни. Мужемъ мнѣ нужно было учиться тому, чему учатся дѣти, понимать отношенія, пріобрѣтать привычки, угадывать то, что другіе твердо знаютъ. Эти послѣднія десять лѣтъ существованія, на первый взглядъ не имѣющаго никакой особенности, были мнѣ тяжеле всѣхъ годовъ моего финляндскаго заточенія. Я утомился, впалъ въ хандру. Не тебя я поставилъ въ уровень съ людьми, которыхъ узналъ послѣ; но при новыхъ впечатлѣніяхъ, которыхъ постепенность и связь тебѣ неизвѣстна, при этой долгой и сложной повѣсти, которая меня такъ глубоко измѣнила, съ чего начать? Какъ передать себя дружбѣ давнихъ лѣтъ, а не хочется посылать холодныя и неполныя строки. Не по этой-ли причинѣ старики молчаливы? Вся эта болтовня значитъ въ крайнемъ выводѣ: ты, дружба твоя, память прошедшаго мнѣ драгоцѣнны, а если въ какую-либо минуту тебѣ показалось иначе, тебя обманывала наружность.

Посылаю тебѣ нѣсколько небольшихъ пьесъ, набросанныхъ мною на прошедшей недѣлѣ.

Я теперь въ суетахъ, происходящихъ отъ приготовленій къ большому путешествію. Я ѣду съ семействомъ на южный берегъ Крыма, гдѣ проведу около полутора года. Хочется солнца и досуга, ничѣмъ не прерываемаго уединенія и тишины, если возможно безпредѣльной. Думаю опять приняться за перо и, если все, что скопилось у меня въ умѣ и легло на сердцѣ, найдетъ себѣ исходъ и выраженіе, надѣюсь быть добрымъ слугою «Современника».

Прощай. Нѣжно тебя обнимаю. Сохрани мнѣ старую твою дружбу.

Е. Баратынскій.

При этомъ письмѣ (на томъ же листѣ) были посланы Плетневу три стихотворенія для помѣщенія въ «Современникѣ»: 1) «Благословенъ свя-

[1]) О Сергѣѣ Абр. Баратынскомъ (жен. на вдовѣ бар. Дельвига) см. воспоминанія Б. Н. Чичерина, у Рачинскаго, „Татевскій сборникъ". Спб. 1899, стр. 65 и сл.

тое возвѣстившій», 2) «Были бури, непогоды. Да младые годы!» и 3) «Еще какъ патріархъ не древенъ я...» Они напечатаны были въ журналѣ Плетнева, въ т. XV (1839 г.), стр. 157—158; подъ заглавіемъ «Антологическія стихотворенія».

III.

1840 г.

Благодарю тебя, старый другъ, за всѣ твои хлопоты о моихъ дѣтяхъ, за добрые совѣты женѣ и проч. и проч. Очень я радъ, что ей наконецъ довелось съ тобой познакомиться. Она возвратилась изъ П(етер)бурга вполнѣ тебѣ признательная за твою дружбу. Къ намъ пріѣхали наши Путята. Sophie [1]) мнѣ сказала, что ты, не убоясь дѣтской бѣготни, непривычной въ твоемъ уединенномъ кабинетѣ, пригласилъ къ себѣ на воскресенье мою Машу. Спасибо тебѣ; но мое отеческое сердце трепещетъ за ея проказы. Прощай, будь здоровъ. Богъ дастъ скоро увидимся.

Е. Баратынскій.

(Почтовый штемпель: Москва, 1840 іюнь 5. «Получено 1840, іюня 8.» Адресъ: Его превосходительству милостивому государю Петру Александровичу Плетневу. Въ С.Петербургъ. На Малой Михайловской улицѣ, въ домѣ Строганова).

IV.

(Изъ Москвы) 1842 г.

Посылаю тебѣ, любезный другъ Петръ Александровичъ, экз. моихъ «Сумерекъ» и при немъ болѣе десятка другихъ для доставленія разнымъ лицамъ. Знаю, что даю тебѣ очень скучное порученіе, но ради нашей давней связи позволяю себѣ не слишкомъ совѣститься. Тутъ есть экз., адресованные старымъ товарищамъ, которые, можетъ быть, съ тобою не въ сношеніи. Отдай ихъ Льву Пушкину: это знакомцы намъ общіе. Не откажись написать мнѣ въ нѣсколькихъ строкахъ твое мнѣніе о моей книжонкѣ, хотя почти всѣ пьесы были уже напечатаны; собранныя вмѣстѣ, онѣ должны живѣе выражать общее направленіе,

---

[1]) Вѣроятно Софья Михайловна Баратынская, жена брата поэта, въ 1-мъ бракѣ бывшая за Дельвигомъ.

общій тонъ поэта. Обнимаю тебя съ чувствомъ теперь уже болѣе 20-лѣтней дружбы. Е. Баратынскій.

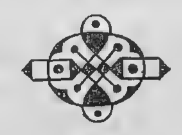
Адресъ мой: въ Москвѣ на Спиридоньевской улицѣ въ соб. домѣ.

Сообщи мнѣ и свой: ты, говорятъ, купилъ домъ на В. О.

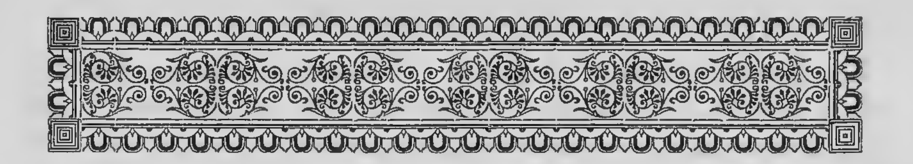
(Почтовый штемпель: «Москва, 1842 г. мая 26-го». Адресъ: Его превосходительству милостивому государю Петру Александровичу Плетневу, С.-Петербургскаго университета г-ну ректору. Въ С.-Петербургъ, въ университетъ).

Не знаемъ, сохранились-ли гдѣ-нибудь письма П. А. Плетнева къ Баратынскому. Въ виду нашего намѣренія осуществить мысль изданія дополнительнаго (4-го) тома Сочиненій и Переписки Плетнева, мы были бы искренно признательны за сообщеніе намъ таковыхъ писемъ [1]), если они у кого-либо имѣются.

К. Я. Гротъ.

[1]) Какъ и вообще писемъ Плетнева—и къ другимъ лицамъ.

Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны
къ великимъ князьямъ
Николаю и Михаилу Павловичамъ [1].

Num. 43.

Ce 13 Juillet 1815.

Pour que vous ne me grondiez pas, Nicoche, et pour vous faire sentir d'autant plus vivement le tort que vous avez eu de vous mettre en colère contre maman et cela injustement sur la paresse en fait d'écriture, je scribe aujourd'hui par la poste, quoique j'avoue que vous supposant à Paris ma lettre vous parviendra tard et lue et relue par qui en aura envie, ainsi je me bornerai à vous parler de la pluie et du beau temps et vous dirai que toute la journée d'hier il a fait des ondées, que cette nuit il a plu, que ce matin il fait agréable, mais que de gros nuages se tiennent sur nos têtes: heureusement ils observent encore l'équilibre, mais il est à prévoir que l'attraction réunie à la gravitation les fera tomber en gouttes d'eau sur la terre; cette terre cependant n'en veut pas, car elle en regorge, et certaine promenade que j'ai faite ce matin me prouve qu'elle est d'une tendresse à attirer à elle les pieds de ceux qui veulent la fouler sans vouloir s'en détacher: on y reste collé; si par hasard quelqu'un se faisait sculpter, le moule serait pris à l'instant. Trève de folie, mes bons amis, maman s'égaye en vous parlant et s'occupant de vous; je voudrais que vous vous occupiez aussi de nous et nous écriviez souvent. Croyez-moi, confiez vos lettres d'information de santé et d'occupation journalière à la poste, il en résultera un grand bien pour moi et aucun inconvénient pour vous. Adieu, mes

---

[1] См. „Русскую Старину", декабрь 1903 г.

bons amis. Occupez-vous sérieusement et profitez de votre temps. Pensez à moi et comptez sur toutes mes bénédictions. Mes compliments au g(éné ral) Konovnitzin, à vos messieurs et à tous nos braves militaires. Annette va bien, son mal de tête est passé.

Marie.

13-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Чтобы вы не бранили меня, Никошъ, и чтобы вы сильнѣе почувствовали, насколько вы были неправы, разсердясь на мамашу, при томъ совершенно несправедливо, за то, что она лѣнится писать вамъ, я пишу сегодня по почтѣ, хотя, признаюсь, предполагая, что вы въ Парижѣ, я увѣрена, что вы получите это письмо не скоро и что оно будетъ читано и перечитано всякимъ, кому придетъ охота; поэтому я буду говорить только о погодѣ, и скажу вамъ, что вчера весь день шелъ проливной дождь, сегодня ночью былъ дождь, а сегодня по утру погода была пріятная, но на небѣ носятся мрачныя тучи; къ счастью, онѣ сохраняютъ еще равновѣсіе, но можно предполагать, что притяженіе въ связи съ силой тяжести заставитъ ихъ излиться водяными каплями на землю, хотя земля ихъ не желаетъ, ибо она ими пресыщена; а прогулка, которую я совершила сегодня по утру, доказываетъ, что земля питаетъ къ людямъ такую нѣжность, что она старается привлечь къ себѣ стопы тѣхъ, кто попираетъ ее, и не можетъ разстаться съ ними; такъ и прилипаешь къ землѣ; если кто-либо захотѣлъ бы отлить съ себя статую, то форма ноги могла бы мигомъ быть снята. Довольно болтать глупости, добрые друзья мои, ваша мамаша развеселяется, говоря съ вами и думая о васъ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы и вы думали о насъ и чаще писали бы намъ. Повѣрьте мнѣ, довѣряйте почтѣ тѣ письма, въ коихъ вы пишете мнѣ о своемъ здоровьи и препровожденіи времени; это будетъ очень пріятно для меня, а вамъ не доставитъ никакого неудобства. Прощайте, добрые друзья мои. Занимайтесь серьезно и употребляйте время съ пользою. Вспоминайте обо мнѣ и уповайте на мое благословеніе. Привѣтъ генералу Коновницыну, вашимъ кавалерамъ и всѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ. Аннета здорова, головная боль у нея прошла.

Марія.

Num. 44.

Ce 14 Juillet 1815, Mercredi.

Je vous ai écrit hier par la poste, mes bons amis, voilà pourquoi ma lettre ne sera que de deux jours. J'attends avec impatience de vos nou-

velles. La poste a apporté celle que les Prussiens sont entrés à Paris, que tout s'est passé tranquillement, que le général (*для фамиліи оставленъ пробѣлъ*) est gouverneur et un M-r de Pfuhl commandant; qu'on a demandé une contribution de cent millions de francs; que Versailles et St. Cloud ont beaucoup souffert et que la Malmaison a été pillée. Tout cela est-il vrai, mes amis? Je vous avoue que l'envie de questionner ne me manque pas et qu'il y a sujet à faire des questions. Je ne reviens pas encore de mon étonnement de ce qu'on a traité avec Davoust! Et ce qui ne m'étonne pas mal encore c'est que les généraux autrichiens Frimont et Bubna ont rendu des amnisties avant que d'avoir su même la capitulation de Paris. Enfin finalement qui règne dans ce moment en France? Si vous pouvez me répondre à cette question, faites-le. Nous sommes tous dans une grande attente, mes chers enfants, on s'arrache les gazettes, et il n'y a pas jusqu'à notre bonne Adlerberg qui malgré tout son grand nombre d'occupations ne les lise et attende avec impatience. Quant à chez nous, mes enfants, je vous dirai que la pluie est à l'ordre du jour, qu'elle m'abîme mes chemins, mes fleurs et tout mon jardin; c'est le plus vilain été que j'ai vu de la vie; cependant, mes amis, si vous étiez des nôtres, je m'en apercevrais bien moins, mais dans votre absence il me déplaît souverainement. Je dois vous dire, cher Nicoche, que vos soeurs m'écrivent mille biens de vous et m'expriment leurs voeux pour votre fête du 25 avec une véritable tendresse. L'impératrice m'a écrit de même pour me féliciter en formant de même bien des voeux pour votre bonheur. La princesse Amélie me parle de même de vous deux et de son regret de ne vous avoir pas vus. Je vous répète toutes ces belles choses pour vous prouver, mes enfants, que vous avez le bonheur d'être aimés et pour vous encourager à le mériter toujours; car bien certainement c'est la première félicité de ce monde. Annette ne se ressent plus de son mal de tête et a monté à cheval, le soir nous avons dû nous promener en ligne, car il a fait une averse pendant le dîner si bien que tous les chemins sont humides. Bonsoir, mes bons enfants, parlez-moi je vous prie du Musée, sera-t-il conservé à Paris ou subira-t-il le sort de la guerre et sera-t-il partagé entre les puissances alliées: ce sont les fortes contributions qu'on a éxigées qui me font faire cette question. Dormez bien, mes enfants, et à votre réveil pensez après Dieu à maman qui vous bénit de tout son coeur.

Ce 15 Juillet.

Enfin nous avons une bien belle journée, j'en ai profité pour me promener, mais voilà de nouveau des nuages qui se rassemblent, c'est bien fâcheux et fait grand mal aux habitants de la campagne qui ont leur récolte de foin à faire; mes fleurs en souffrent aussi beaucoup,

surtout mes belles roses. À propos, mes bons amis, vous voilà présentement à Paris, ainsi à même de me procurer de bien belles semences de fleurs en tout genre; adressez-vous à M-r Cuvier; étant de Montbéliard, j'ai quelque droit à sa complaisance, et on dit au reste qu'il en a beaucoup. Ainsi procurez-moi les plus belles semences de fleurs possibles, tant d'été, Sommergewächse, que des belles semences pour les orangeries et serres. Vous ferez grand plaisir à maman qui vous en remercie d'avance. J'ai vu dans les gazettes d'hier que les maréchaux Wellington et Blucher sont parrains de la fille du prince Guillaume de Prusse; j'en suis très aise et me félicite de mes compères: je vous prie de le leur dire, si vous en avez l'occassion. J'attends avec impatience ce que vous me direz du m(aréchal) Wellington: c'est un des hommes dans la société duquel je serais bien charmée de vous voir souvent. Le prince d'Orange viendra-t-il à Paris? Je le voudrais, et pour cause à vous connue: alors, mes bons amis, examinez, scrutez et observez et rendez-moi compte de vos observations.

Je me propose, mes bons amis, de faire deux courses, l'une à Alexandrovski et l'autre à Camienostrof (que n'en êtes-vous!) pour voir cette charmante île et les belles fleurs du comte Tolstoi et de Madame Gourief, de même que l'île de la princesse Bélosselski, qu'elle a beaucoup embellie, mais nos plaisirs dépendent du temps, surtout de la pluie. Adieu, mes bons amis. Mille compliments au g(énéral) de Konovnitzin, à tous vos bons cavaliers et à Rühl, assurez de mon souvenir tous nos braves militaires de ma connaissance, et vous-mêmes, chers et bien aimés enfants, ne m'oubliez pas et dites-vous que toutes mes bénédictions sont à vous. Je vous embrasse mille fois.

Marie.

Le mal de tête de notre bonne Adlerberg est passé, elle était déjà très bien hier au soir. Elle me charge de mille tendresses pour vous deux. Elle a de bonnes nouvelles de son fils; s'il plaît à Dieu, elle peut espérer le revoir bientôt. Elle m'a conté qu'il avait monté un cheval fougueux d'un de ses amis qui l'avait emporté dans un marais, il en a été quitte à bon marché ayant goûté de cette vilaine eau, ou plutôt de cette boue dont on l'a tiré très heureusement.

14-го іюля 1815 г. Среда.

(Переводъ). Я писала вамъ вчера по почтѣ, добрые друзья мои, вотъ почему я сообщаю вамъ въ этомъ письмѣ вѣсти всего за два дня. Съ нетерпѣньемъ ожидаю извѣстій отъ васъ. По почтѣ получено извѣстіе о томъ, что пруссаки вступили въ Парижъ, что все обошлось тихо, что генералъ (*для фамиліи оставленъ пробѣлъ*) назначенъ губернаторомъ и

какой-то Пфуль комендантомъ, что съ французовъ требуютъ сто милліоновъ франковъ контрибуціи, что Версаль и Сенъ-Клу сильно пострадали и Мальмэзонъ разграбленъ. Правда-ли все это, друзья мои? Признаюсь вамъ, мнѣ очень хочется поразспросить васъ, и есть немало предметовъ, по поводу которыхъ я могла бы предложить вамъ вопросы. Я до сихъ поръ не могу придти въ себя отъ изумленія по поводу того, что переговоры начаты съ Даву! Меня также немало удивляетъ, что австрійскіе генералы Фримонъ и Бутна давали амнистіи, не получивъ еще извѣстія о капитуляціи Парижа. Да кто же въ концѣ концовъ царствуетъ въ настоящее время во Франціи? Отвѣтьте мнѣ на этотъ вопросъ, если это возможно. Мы всѣ въ напряженномъ ожиданіи, дорогія дѣти, всѣ рвутъ другъ у друга газеты, и даже наша добрая Адлербергъ, несмотря на свои многочисленныя занятія, читаетъ ихъ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ. Что касается нашихъ новостей, дѣти мои, то скажу вамъ, что злобою дня является дождь; онъ портитъ мнѣ дорожки, цвѣты, весь мой садъ; нынѣшнее лѣто самое скучное и самое скверное изо всѣхъ мною пережитыхъ; но если бы вы были съ нами, друзья мои, то это было бы для меня менѣе замѣтно, въ вашемъ же отсутствіи лѣто чрезвычайно не нравится мнѣ. Надобно сказать вамъ, дорогой Никошъ, что ваши сестры пишутъ мнѣ о васъ много хорошаго и съ большой любовью выражаютъ мнѣ свои пожеланія по поводу дня вашего рожденія, 25-го іюня. Императрица также писала мнѣ, поздравляла меня и высказала немало пожеланій. Принцесса Амалія также пишетъ о васъ обоихъ и выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что она васъ не видѣла. Я передаю вамъ всѣ эти пріятныя вещи, чтобы доказать вамъ, дѣти мои, что вы имѣете счастье быть любимы и чтобы поощрить васъ быть всегда достойными этой любви; ибо это составляетъ, безъ сомнѣнія, величайшее блаженство въ мірѣ. Головная боль у Аннеты прошла, она каталась верхомъ; вечеромъ намъ пришлось кататься въ линейкѣ, такъ какъ во время обѣда шелъ проливной дождь, вслѣдствіе чего всѣ дорожки были сырыя. Прощайте, добрыя дѣти мои, напишите мнѣ пожалуйста о музеѣ, останется-ли онъ въ Парижѣ, или же его постигнетъ участь военнаго времени и онъ будетъ раздѣленъ между союзными державами; я задаю вамъ этотъ вопросъ въ виду той огромной контрибуціи, которую требуютъ (съ французовъ). Покойной ночи, дѣти мои; а проснувшись и сотворивъ молитву, подумайте прежде всего о вашей мамашѣ, которая отъ всего сердца благословляетъ васъ.

15-го іюля

Наконецъ, сегодня у насъ прекрасная погода; я воспользовалась этимъ, чтобы совершить прогулку; но теперь опять заходили тучи, это досадно и приноситъ немало вреда деревенскимъ жителямъ, у

которыхъ скоро начнется сѣнокосъ; мои цвѣты также очень страдаютъ отъ дождя, въ особенности мои прекрасныя розы. Кстати, добрые друзья мои, вы теперь въ Парижѣ, поэтому вы можете доставить мнѣ самыя прекрасныя сѣмена всевозможныхъ цвѣтовъ; обратитесь къ г. Кювье; такъ какъ онъ уроженецъ Монбельяра, то я имѣю нѣкоторое право на его любезность; впрочемъ, говорятъ, что онъ очень предупредителенъ. Итакъ, пріобрѣтите для меня самыя лучшія сѣмена лѣтнихъ цвѣтовъ, Sommergewächse, а также для оранжерейныхъ и тепличныхъ растеній. Вы доставите этимъ большое удовольствіе вашей мамашѣ, которая заранѣе васъ благодаритъ. Я прочла во вчерашнихъ газетахъ, что фельдмаршалы Веллингтонъ и Блюхеръ были воспріемниками дочери принца Вильгельма Прусскаго; я очень довольна этимъ и рада такимъ кумовьямъ; прошу васъ при случаѣ передать имъ это. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ вашего отзыва о фельдмаршалѣ Веллингтонѣ; это одинъ изъ тѣхъ людей, въ обществѣ коихъ мнѣ было бы пріятно почаще видѣть васъ. Пріѣдетъ-ли принцъ Оранскій въ Парижъ? Я хотѣла бы этого, по извѣстной вамъ причинѣ; если это случится, наблюдайте, друзья мои, присматривайтесь и примѣчайте и сообщите мнѣ результатъ вашихъ наблюденій.

Я собираюсь съѣздить, добрые друзья мои, въ Александровское и на Каменный островъ (какъ жаль, что вы не можете совершить эти поѣздки со мною!), чтобы полюбоваться этимъ очаровательнымъ островомъ и прекрасными цвѣтами гр. Толстаго и г-жи Гурьевой, а также взглянуть на островъ княгини Бѣлосельской, который она очень украсила, но наше удовольствіе будетъ зависѣть отъ погоды, въ особенности отъ дождя. Прощайте, добрые друзья мои, искренній привѣтъ ген. Коновницыну, всѣмъ вашимъ добрымъ кавалерамъ и Рюлю; передайте всѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ, коихъ я знаю, что я вспоминаю о нихъ, а вы сами, дорогія и любезныя дѣти, не забывайте меня и будьте увѣрены, что я отъ души благословляю васъ. Цѣлую васъ тысячу разъ.

Марія.

Головная боль у нашей доброй Адлербергъ прошла, она уже вчера вечеромъ чувствовала себя очень хорошо. Она просила меня передать вамъ обоимъ ея сердечный привѣтъ. Она получила добрыя вѣсти о своемъ сынѣ; она надѣется, Богъ дастъ, скоро увидѣться съ нимъ. Она разсказала мнѣ, что онъ ѣхалъ верхомъ на горячей лошади одного изъ своихъ друзей, которая понесла его въ болото, но онъ отдѣлался легко и только хлебнулъ этой гадкой воды или, лучше сказать, этой грязи, изъ которой его благополучно вытащили.

Num. 45.

Ce 16 Juillet 1815.

Si vous me trouvez insipide dans mes lettres, mes bons amis, prenez-vous en à notre horrible temps; il pleut à verse et il fait sombre comme en automne. Tous les jardiniers disent n'avoir pas vu de temps pareil à celui de cette année depuis qu'ils sont en Russie, aussi toutes les fleurs tombent et offrent le souvenir d'une armée battue. Si le temps continue, je crains que nos projets pour Dimanche s'évanouiront en eau. Rien à vous mander, mes bons amis. J'ai eu hier à dîner le comte Kotschoubei et le comte Tolstoi; lorsqu'il se trouve avec nous, il y a assaut de botanique; son jardin doit devenir charmant, et je le jalouse, car il a des oeuillets superbes. Soignez mon goût pour les fleurs, chers enfants, et envoyez-moi autant de semences que vous pouvez en recueillir; ce sera me faire grand, grand plaisir. Que direz-vous, mes amis, lorsque vous saurez qu'il y a de mes bons invalides qui soignent mes roses! J'ai vu le clump devant le théâtre dans un ordre parfait, chaque rose attachée, et il se trouve que c'est l'invalide qui s'en est occupé, aussi l'en ai-je bien remercié, ce sont de braves gens qui paraissent m'aimer. Adieu, mes bons et chers enfants, je pense sans cesse à vous, tous mes voeux vous rappellent et demandent à l'Être Suprême votre conservation et le maintien dans vos principes de moralité, qui vous assurent toutes mes bénédictions. Je vous embrasse de tout, tout mon coeur et vous aime de même. Mes compliments au g(énéral) Konovnitzin et à vos bons cavaliers, de même qu'à Rühl. Bien des choses aussi de ma part à nos braves militaires de ma connaissance.

Marie.

---

16 іюля 1815 г.

(Переводъ). Если вы находите мои письма скучными, добрые друзья мои, то пеняйте за это на нашу отвратительную погоду; идетъ проливной дождь, и темно, какъ осенью. Всѣ садовники говорятъ, что они не запомнятъ подобной погоды съ тѣхъ поръ, какъ они пріѣхали въ Россію, поэтому всѣ цвѣты осыпаются и напоминаютъ армію, потерпѣвшую пораженіе. Если такая погода продолжится, то я боюсь, что наши воскресные планы рушатся. Я не имѣю сообщить вамъ ничего новаго, добрые друзья мои. У меня обѣдали вчера гр. Кочубей и гр. Толстой; когда онъ бываетъ у насъ, то мы упражняемся въ ботаникѣ; его садикъ будетъ прелестный, и я завидую ему, такъ какъ у него есть роскошныя гвоздики. Не забудьте о моей любви къ цвѣтамъ, дорогія дѣти, и пришлите мнѣ такое количество

сѣмянъ, какое вамъ удастся пріобрѣсти; это доставитъ мнѣ большое удовольствіе. Что вы скажете, друзья мои, узнавъ, что нѣкоторые изъ моихъ добрыхъ инвалидовъ ухаживаютъ за моими розами. Я видѣла, что клумба передъ театромъ въ образцовомъ порядкѣ; каждая роза подвязана; оказывается, что за ней смотрѣлъ инвалидъ; за то я хорошо поблагодарила его; повидимому, это прекрасные люди, и кажется, они меня любятъ. Прощайте, добрыя и дорогія дѣти, я непрестанно думаю о васъ, отъ всей души желаю вашего возвращенія и прошу Всевышняго, чтобы Онъ сохранилъ васъ и укрѣпилъ васъ въ вашихъ нравственныхъ правилахъ, и мое благословеніе всегда будетъ надъ вами. Цѣлую васъ отъ всего, всего сердца и также сильно люблю васъ. Мой привѣтъ ген. Коновницыну и вашимъ добрымъ кавалерамъ, а равно Рюлю. Передайте также мой поклонъ всѣмъ молодцамъ военнымъ, коихъ я знаю.

Марія.

Num. 46.

Ce 17 Juillet, Samedi, 1815.

Mes bons amis, vos courriers ne nous arrivent pas: nous voici de nouveau demain 8 jours sans vos nouvelles; il y a de quoi s'en désoler et se décourager à écrire soi-même, car nous ne recevons pas de réponse, et je suis réduite à chercher dans toutes les gazettes pour y trouver le nom de l'empereur et le vôtre en accompagnement: j'ai vu dans celles d'aujourd'hui que l'empereur devait arriver le 11 Juillet, ainsi le 29 Juin v. st. à Paris. Nous savons l'entrée du roi à Paris; l'ambassadeur comte de Noailles a reçu un courrier du roi expédié de Paris le 10 Juillet avec cette nouvelle; nous savons de même que les environs de Paris sont ruinées, et les gazettes annoncent les contributions demandées par Blucher, et je me dis quelle différence de cette entrée à celle que l'empereur a faite l'année passée à Paris. Alors tout portait le caractère de la véritable grandeur, de la magnanimité, de la clémence, tout tendait à conserver, et présentement la destruction et le prendre paraît à l'ordre du jour chez les Prussiens. Je me flatte que l'empereur ne restera pas longtemps à Paris: le séjour doit être désagréable dans ce moment. Nous connaissons aussi déjà la formation du conseil du roi, et même les gazettes nous annoncent déjà en tous caractères l'entrée de Louis XVIII, et nonobstant tous ces grands événements nous ne recevons pas de courrier. Le temps est affreux et toute la journée d'hier et d'aujourd'hui il a fait une averse perpétuelle: c'est désolant. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon coeur et vous aime bien tendrement.

Ce Dimanche, 18 Juillet.

Je ne voulais pas vous dire qu'Annette avait mal à la tête, espérant pouvoir vous dire aujourd'hui qu'elle était déjà mieux; ainsi ai-je ce plaisir, elle a bien dormi vers le matin, mais elle sent encore un léger reste de mal de tête, ce qui est toujours la suite de ces migraines, mais du moins présentement ni sa couleur, ni son pouls n'en sont affectés, et elle a bonne mine. La faculté dit que ces incommodités tiennent à l'horrible, affreuse et détestable saison de cette année qui ne s'est jamais vue: il fait des ondées sans cesse, tout est inondé et les chemins sont abîmés, toutes les eaux sont des torrents, qui abîment mon jardin, car la partie basse est submergée et les pluies emportent comme des torrents tous les chemins qui sont en pente: c'est une vraie désolation pour les jardiniers; mais ce qui est bien plus fâcheux, c'est que les foins et la récolte se gâtent. Notre course en ville est remise jusqu'à un meilleur temps. Je n'ai toujours pas de vos nouvelles, mes enfants, et vous répète qu'il faut écrire par la poste ces deux mots: l'empereur et nous nous portons bien. On n'a qu'à les mettre en musique ou les rimer, si on veut, il n'en résultera pas de mal à personne, mais du moins les enfants ne laisseront pas leur mère sans nouvelles, ce qui est un devoir sacré et y manquer une faute grave. Nous savons les environs de Paris ruinées, y compris Versailles, St. Cloud; cela fait peine à le penser: j'espère que vous me donnerez des détails à ce sujet. Que fait et où est Napoléon? Gare qu'il ne reparaîsse à la tête des troupes de Davoust et de Vandamme: le monde n'aura pas de tranquillité avans sa fin. Je n'ai rien d'intéressant à vous mander, mes bons amis. Je voudirai que le bon Villamof a pris Joseph chez lui pour le temps des vacances, il est avec ses enfants, et le soigne comme eux; c'est bien aimable de sa part et vous fera plaisir. Notre chère Adlerberg se porte bien et vous embrasse. Kurakin, Zagriasski, Pachkof, Mukhanof, enfin tous les miens vous disent mille choses. Bien mes compliments au g(énéral) Konovnitzin et à vos bons messieurs et à Ruhl; assurez de mon souvenir tous nos braves militaires. À propos: les gazettes annoncent que le roi des Pays-Bas va arriver à Paris: puisse son fils l'accompagner; alors, mes bons amis, je compte sur vous comme sur des autres moi-même, pour examiner, juger, scruter et deviner les pensées si c'est possible. Dieu veuille que notre projet réussisse: je le recommande à Sa bénédiction. Adieu, mes amis, mes enfants, ne m'oubliez pas et dites-vous que mon coeur et mon âme est à vous. Je vous embrasse mille fois.

Marie.

Que lisez-vous, mes amis? Et quelles lectures avez-vous fait depuis que vous m'avez quittée? Avez-vous tenu votre journal militaire? À pro-

pos, qu'en dites-vous du contrat de mariage signé à Gand entre le duc de Berry et l'archiduchesse d'Autriche? Vous voyez que je ne me suis pas trompée dans mes conjectures; mais gare que M-r de Metternich n'intrigue pas de même pour empêcher celui du prince d'Orange: j'avoue que je m'en inquiète.

Суббота, 17-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Отъ васъ, добрые друзья мои, все еще нѣтъ курьеровъ; завтра снова недѣля, какъ мы не имѣемъ отъ васъ извѣстій; есть отъ чего придти въ отчаяніе и, не получая отвѣта, потерять всякую охоту писать; мнѣ приходится рыться во всѣхъ газетахъ, чтобы найти въ нихъ имя императора и рядомъ съ этимъ ваши имена; я прочла въ сегодняшнихъ газетахъ, что императоръ долженъ быть въ Парижѣ 11-го іюля, т.-е. 29-го іюня ст. ст.; мы знаемъ о въѣздѣ короля въ Парижъ; посланникъ, гр. де-Ноаль получилъ отъ короля письмо съ этимъ извѣстіемъ, посланное изъ Парижа 10-го іюля; намъ извѣстно также, что окрестности Парижа разорены, и въ газетахъ сообщается о контрибуціи, которую требуетъ Блюхеръ; невольно приходитъ на умъ, какая разница между этимъ въѣздомъ и въѣздомъ въ Парижъ императора въ прошломъ году. Тогда все носило отпечатокъ истиннаго величія, великодушія, милосердія, все клонилось къ тому, чтобы сохранить, а въ настоящее время пруссаки только и думаютъ все разрушить и захватить. Надѣюсь, что императоръ не долго пробудетъ въ Парижѣ, гдѣ пребываніе должно быть непріятно въ настоящее время. Намъ также извѣстенъ составъ королевскаго совѣта, а въ газетахъ возвѣщается даже открыто о въѣздѣ Людовика XVIII и, несмотря на то, что совершается столько великихъ событій, мы не имѣемъ курьеровъ. Погода стоитъ отвратительная, вчера и сегодня весь день, не переставая, шелъ дождь; это приводитъ въ отчаяніе. Прощайте, добрые друзья мои; цѣлую васъ отъ всего сердца и горячо люблю васъ.

Воскресенье, 18-го іюля.

Я не хотѣла писать вамъ вчера, что у Аннеты болѣла голова, въ надеждѣ, что сегодня я буду имѣть удовольствіе сказать вамъ, что ей лучше; и дѣйствительно, это такъ; подъ утро она хорошо спала, хотя у нея еще слегка побаливаетъ голова, что̀ бываетъ всегда послѣдствіемъ этихъ мигреней; по крайней мѣрѣ въ настоящее время у нея пульсъ и цвѣтъ лица хороши, и она имѣетъ здоровый видъ. Врачи говорятъ, что причина ея недомоганія ужасно скверное и несносное лѣто нынѣшняго года, какого давно не бывало: ежеминутно льютъ проливные дожди, все затоплено, дороги испорчены; всѣ рѣчки превратились въ потоки, которые

портятъ мой садъ, такъ какъ вся низкая часть залита водою, и дождь, подобно потоку, сноситъ всю землю съ дорожекъ, имѣющихъ уклонъ: это приводитъ въ отчаяніе садовниковъ, но что несравненно хуже, это то, что сѣно и хлѣба гніютъ. Наша поѣздка въ городъ отложена до болѣе благопріятнаго времени. Я все еще не имѣю отъ васъ извѣстій, дѣти мои, и повторяю вамъ, что надобно писать по почтѣ только нѣсколько словъ: императоръ и мы здоровы. Ихъ можно переложить на музыку или писать ихъ риѳмами, если хотите, отъ этого никому не будетъ вреда, но по крайней мѣрѣ дѣти не оставятъ матери безъ извѣстій о себѣ, что составляетъ ихъ священную обязанность: не исполнять ее—большой грѣхъ. Мы читали, что окрестности Парижа, не исключая Версаля и Сенъ-Клу, разорены! Грустно подумать это: надѣюсь, что вы сообщите мнѣ подробности. Гдѣ Наполеонъ и что онъ дѣлаетъ? Лишь бы онъ не появился вновь во главѣ отрядовъ Даву и Вандама: міръ не можетъ быть покоенъ до тѣхъ поръ, пока онъ живъ. Я не имѣю сообщить вамъ ничего интереснаго, добрые друзья мои. Скажу вамъ, что добрый Вилламовъ взялъ къ себѣ на каникулы Іосифа: онъ помѣщается вмѣстѣ съ его дѣтьми и за нимъ смотрятъ такъ же, какъ за ними; это очень любезно съ его стороны и будетъ вамъ пріятно. Наша дорогая Адлербергъ здорова и цѣлуетъ васъ. Куракинъ, Загряжскій, Пашковъ, Мухановъ, словомъ, всѣ мои шлютъ вамъ тысячу привѣтствій. Передайте мой привѣтъ ген. Коновницыну и вашимъ добрымъ кавалерамъ, а также Рюлю; скажите всѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ, что я о нихъ помню. Кстати, въ газетахъ пишутъ, что въ Парижѣ ожидаютъ Нидерландскаго короля: было бы хорошо, если бы его сопровождалъ сынъ; въ такомъ случаѣ, добрые друзья мои, я расчитываю на васъ, какъ на самое себя: наблюдайте, присматривайтесь и предугадайте, если возможно, мысли. Дай Богъ, чтобы нашъ планъ удался: молю Господа благословить его. Прощайте, друзья мои, дѣти мои, не забывайте меня и вѣрьте, что я ваша душою и сердцемъ. Цѣлую васъ тысячу разъ. Марія.

Что вы читаете, друзья мои? И что вы читали за это время, съ тѣхъ поръ, какъ вы разстались со мною? Вели-ли вы свой военный дневникъ? Кстати, что вы скажете о брачномъ контрактѣ между герцогомъ Беррійскимъ и эрцгерцогиней Австрійской, подписанномъ въ Гентѣ? Видите, я не ошиблась въ своихъ предположеніяхъ; но, чуръ, не помѣшалъ бы также Меттернихъ своими интригами браку принца Оранскаго; признаюсь, это меня безпокоитъ.

Num. 47.

Ce 20 Juillet 1815.

Chers enfants, je suis heureuse par vos lettres que le prince Trubetzkoi m'a portées: j'ai commencé déjà hier à vous répondre, je continuerai

aujourd'hui, celle-ci n'est que pour vous assurer de mon souvenir, amitié et tendresse. L'espérance de vous revoir le 14 Octobre me rend extrêmement heureuse. Dieu veuille la réaliser. Notre temps continue à être abominable, il ne fait que pleuvoir et la chaleur est étouffante, parce que l'air est si humide: c'est un véritable air de bain. Je pars demain, s'il plaît à Dieu, pour la ville pour chanter le Te Deum le 22. Je reviendrai le 24. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse de tout, tout mon coeur et vous aime de même. Mes compliments au g(énéral) Konovnitzin et à vos messieurs. Assurez de mon souvenir toutes mes connaissances militaires.

Marie.

20-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Дорогія дѣти, какъ я была счастлива, получивъ ваши письма, доставленныя мнѣ кн. Трубецкимъ; я уже принялась вчера отвѣчать вамъ и буду продолжать письмо сегодня; теперь же пишу вамъ только для того, чтобы сказать вамъ, что я васъ не забываю и по-прежнему нѣжно люблю. Надежда увидѣться съ вами 14-го октября чрезвычайно радуетъ меня. Дай Богъ, чтобы она сбылась. Погода все еще стоитъ у насъ отвратительная, то и дѣло идетъ дождь, и очень душно, такъ какъ воздухъ сырой: совсѣмъ какъ въ банѣ. Завтра я поѣду, Богъ дастъ, въ городъ, чтобы отслужить молебенъ 22-го числа, и вернусь 24-го. Прощайте, добрые друзья мои, цѣлую васъ отъ всего, отъ всего сердца и такъ же горячо люблю васъ. Мой привѣтъ ген. Коновницыну и вашимъ кавалерамъ. Передайте всѣмъ военнымъ, коихъ я знаю, что я вспоминаю о нихъ. Марія.

Num. 48.

Ce Lundi, 19 Juillet 1815.

Chers, bien et bien aimés enfants, le prince Trubetzkoi est arrivé vers les midi, c'est vous dire que je suis heureuse, car j'ai des nouvelles de l'empereur et de vous: je vois Alexandre content, je vous vois tous satisfaits et tous aussi pénétrés de reconnaissance pour l'Être Suprême, que je le suis moi-même. Il est certain, mes bons amis, que la miséricorde divine s'est manifestée d'une manière éclatante et que c'est à elle que nous devons tous ces résultats véritablement miraculeux. On a mis moins de temps à écraser Napoléon après l'avoir battu complétement et à rétablir les Bourbons, qu'il n'en a mis pour arriver d'Antibes à Paris. Veuille l'Être Suprême consolider cette grande oeuvre en permettant qu'on se saisisse de la personne de Napoléon à l'île de Rhé, comme il

est permis de l'espérer; il faut le souhaiter pour détruire une bonne fois son parti et donner le repos et le calme à l'Europe. Que je suis touchée, mes bons amis, de tout ce que vous me dites d'aimable et de m'assurant sur vous-mêmes, sur la conduite que vous voulez tenir et la grande surveillance que vous vous proposez d'observer sur vous-mêmes: avec cette ferme volonté vous serez sûrs de réussir, mes bons amis, à conserver la pureté de vos principes, qui assure celle de votre conscience et vous donne le plus grand bien, en vous méritant les bénédictions divines, les miennes et celles de tous ceux qui s'intéressent à vous. Le prince Trubetzkoi m'a dit un bien extrême de vous et m'assure que le g(énéral) Konovnitzin se louait beaucoup de vous; jugez, mes bons amis, avec quel bonheur j'entends faire votre éloge. Continuez, continuez, mes chers enfants, à marcher la route vraie et droite du devoir, de la vertu: elle vous fraye celle d'un avenir heureux pour ce monde et pour l'autre. Que je vous suis obligée, mes bons amis, d'avoir pensé à ma commission du 29 Juin, d'être sûrs que je prierai Dieu pour vous; que je vous suis obligée de n'avoir pas été au spectacle ce jour par respect pour le souvenir de l'anniversaire de ce jour: croyez-moi que ces traits ne sont pas perdus pour mon coeur et que je les recueille tous; c'est un riche fond que vous lui confiez et que je vous paye en bénédiction. Votre signe de croix, cher Nicoche, en passant la barrière de St. Martin, fait avec l'intention que vous y avez attachée, m'a vraiment émue, et certainement Dieu bénira votre bonne intention et vous en récompensera. Enfin, mes enfants, tout le contenu de vos lettres m'a fait un plaisir extrême, je les ai lues et relues et m'arrêtai à chaque détail. Vos réflexions sur la légèreté, l'inconstance et la démoralisation de cette nation sont des plus justes. Veuille l'Être Suprême préserver chaque état de tomber aussi bas: l'immoralité seule peut conduire à cet état de choses, et si la France ne retourne pas à Dieu, à la vertu, aux moeurs, elle ne se relèvera jamais. Je plains le malheureux roi de devoir régner sur ce peuple; je suis bien aise de voir qu'il a gagné de la fermeté, il en aura grand besoin. Bonsoir, mes bons amis, je ne puis vous en dire davantage ce soir, dormez bien et pensez à moi.

Ce 20 Juillet, Mardi.

J'ai voulu vous écrire bien longuement ce soir, mes bons amis, mais ma lettre à l'empereur m'a entraînée si bien que je ne puis vous dire que deux mots. Chers enfants, l'année passée tout était bonheur et attente pour moi, car je comptais vous revoir demain; pour aujourd'hui je me dis: si je vous revois dans trois mois, je serai bien heureuse. Cependant, mes chers enfants, ne me croyez pas égoiste, je préférais toute ma vie mon devoir à tout sentiment et votre utilité personnelle à tout

le bonheur et l'agrément de ma vie, ainsi, mes chers enfants, je ne puis qu'approuver la course que vous désirez faire à votre retour pour voir le théâtre de la guerre de 7 ans, et si vous en obtenez le consentement de l'empereur, je vous donne volontiers le mien, mais c'est à lui à en décider. Je vous remercie de vouloir revenir pour le 14 Octobre; je m'en réjouis d'avance, mais, mes bons amis, n'allez pas vous exténuer de fatigue pour arriver ce jour: dites-vous que celui où je vous reverrai sera constamment un jour de fête et de bonheur pour moi. Bonsoir, mes bons, chers amis, dormez bien.

Ce 21 Juillet, Mercredi.

L'année passée, chers enfants, je vous attendais, mon coeur me battait d'impatience et j'allais être la plus heureuse des mères: cette année nous sommes à des distances immenses, mais certainement vous pensez à moi et prierez Dieu pour moi. Je ne puis vous dire qu'un mot, car au moment de partir tout le monde vient me féliciter et je n'ai pas d'instant à moi. Voici ma petite liste de commissions que vous me demandez, cher Nicoche. Vous voyez que je mets votre goût à l'épreuve. Adieu, chers et bien aimés enfants, que Dieu vous conserve et vous ramène dans mes bras. Mille compliments au g(énéral) Konovnitzin et à vos messieurs; assurez de mon souvenir toutes mes connaissances militaires ne m'oubliez pas. Богъ съ вами, Богъ съ нами.

Marie.

Chers enfants, vous m'avez renvoyé la lettre de Villamof à son fils, tandis qu'il doit vous être arrivé peu de jours après; en voici une autre pour vous: soignez-la, mes amis, je vous en prie, et rendez-lui ce qu'il fait pour Joseph en vous occupant de son fils. J'ai reçu des lettres de papa Lamsdorf qui va nous revenir à petites journées; il est mieux, mais cependant il se plaint beaucoup de la perte de ses forces. Écrivez-lui de grâce souvent.

Понедѣльникъ, 19-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Дорогія, многолюбимыя дѣти, около полудня пріѣхалъ кн. Трубецкой; это значитъ, что я счастлива, такъ какъ я получила извѣстія отъ императора и отъ васъ; я вижу, что Александръ доволенъ, и что вы всѣ довольны и преисполнены благодарностью къ Всевышнему такъ же точно, какъ я; несомнѣнно, добрые друзья мои, что Божіе милосердіе проявилось блистательнымъ образомъ и что мы обязаны Ему совершившимся по истинѣ чудеснымъ событіемъ. На то, чтобы сокрушить Наполеона, разбивъ его окончательно, и возстановить Бурбоновъ

понадобилось менѣе времени, нежели онъ употребилъ на то, чтобы прибыть изъ Антиба въ Парижъ. Да упрочитъ Всевышній это великое дѣло, допустивъ, чтобы Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ на островѣ Ре[1]), какъ на это можно расчитывать; этого надобно желать, для того, чтобы дѣло его разъ навсегда было уничтожено и чтобы въ Европѣ водворилось спокойствіе и миръ. Я очень тронута, добрые друзья мои, всѣмъ, что вы пишете мнѣ милаго и успокоительнаго на вашъ счетъ и относительно вашего дальнѣйшаго поведенія и того, какъ внимательно вы намѣрены слѣдить за собою; обладая столь твердой волей, вамъ навѣрно удастся, добрые друзья мои, сохранить чистоту нравовъ, а это дастъ вамъ спокойствіе совѣсти и доставитъ вамъ величайшее благо, такъ какъ вы заслужите этимъ благословеніе Божіе, мое и всѣхъ тѣхъ, кто принимаетъ въ васъ участіе. Кн. Трубецкой высказалъ о васъ много хорошаго и увѣрялъ меня, что ген. Коновницынъ не нахвалится вами: можете судить, добрые друзья мои, какъ мнѣ пріятно слышать, когда васъ одобряютъ. Продолжайте же, дорогія дѣти мои, идти прямою стезею долга и добродѣтели: это уготовитъ вамъ счастье въ этой и въ будущей жизни. Какъ я благодарна вамъ, добрые друзья мои, что вы не забыли моего порученія относительно 29-го іюня и что вы увѣрены въ томъ, что я буду молиться Богу о васъ; какъ я благодарна вамъ за то, что вы не были въ этотъ день на спектаклѣ, изъ уваженія къ воспоминанію, связанному съ этимъ днемъ; будьте увѣрены, что всѣ эти мелочи не потеряны для меня и что я свято храню ихъ въ своемъ сердцѣ и благословляю васъ за это. Крестное знаменіе, коимъ вы осѣнили себя, дорогой Никошъ, проѣзжая заставу Сенъ-Мартенъ, и мысли, которыя вы при этомъ имѣли, чрезвычайно тронули меня; Господь несомнѣнно благословитъ ваше доброе намѣреніе и наградитъ васъ за это. Словомъ, дѣти мои, содержаніе вашихъ писемъ доставило мнѣ громадное удовольствіе; я ихъ читала и перечитывала и отмѣчала малѣйшую подробность. Ваши разсужденія о легкомысліи, непостоянствѣ и развращенности этой націи въ высшей степени справедливы. Да сохранитъ Всевышній всякое государство отъ такого паденія: только безнравственность можетъ довести до такого состоянія, и если Франція не вернется къ Богу и добрымъ нравамъ, то она никогда не воспрянетъ. Я сожалѣю несчастнаго короля, которому приходится управлять этимъ народомъ, и очень рада, что онъ сталъ тверже, это ему очень пригодится. Прощайте, добрые друзья мои; я не могу писать вамъ болѣе сегодня вечеромъ, спите спокойно и вспоминайте меня.

---

[1]) Укрѣпленный французскій островокъ въ Бискайскомъ заливѣ.

20-го іюля, вторникъ.

Я хотѣла писать вамъ сегодня вечеромъ пространно, добрые, друзья мои, но такъ увлеклась своимъ письмомъ къ императору, что могу написать вамъ всего пару словъ; дорогія дѣти, въ прошломъ году, я была счастлива въ этотъ день и вся превратилась въ ожиданіе, такъ какъ я надѣялась увидѣть васъ на слѣдующій день; сегодня же я говорю себѣ, что если я увижу васъ черезъ три мѣсяца, то это будетъ для меня великое счастье. Однако, дорогія дѣти, не считайте меня эгоисткой, я предпочитала всю жизнь долгъ чувству и ставила вашу пользу выше счастья и всѣхъ прелестей моей жизни; поэтому, дорогія дѣти, я вполнѣ одобряю поѣздку, которую вы хотите совершить на обратномъ пути, чтобы осмотрѣть театръ военныхъ дѣйствій Семилѣтней войны; если вы получите на это соизволеніе императора, то я охотно даю вамъ свое позволеніе, но окончательное рѣшеніе зависитъ отъ него. Благодарю васъ за то, что вы хотите вернуться къ 14-му октября; я заранѣе радуюсь этому, но, добрые друзья мои, не утомитесь черезчуръ изъ желанія пріѣхать къ этому дню; помните, что тотъ день, въ который я васъ увижу, будетъ всегда для меня праздникомъ и счастливымъ днемъ. Прощайте, добрые, дорогіе друзья мои, спите спокойно.

21-го іюля, среда.

Въ прошломъ году, дорогія дѣти, я поджидала васъ, и сердце мое билось отъ нетерпѣнія; я чувствовала, что я буду скоро счастливѣйшею изъ матерей; въ нынѣшнемъ году мы отдѣлены другъ отъ друга огромнымъ пространствомъ, но вы навѣрно думаете обо мнѣ и помолитесь за меня. Я могу сказать вамъ только нѣсколько словъ, ибо въ ту минуту, когда я собиралась ѣхать, ко мнѣ явились съ поздравленіемъ, и я не имѣла свободной минуты. Вотъ маленькій списокъ порученій, который вы просили меня прислать вамъ, дорогой Никошъ. Какъ видите, я хочу испытать вашъ вкусъ. Прощайте, дорогія, любезныя дѣти; да хранитъ васъ Господь и да приведетъ Онъ васъ въ мои объятія. Искренній привѣтъ ген. Коновницыну и вашимъ кавалерамъ; передайте всѣмъ моимъ знакомымъ военнымъ, что я ихъ вспоминаю; не забывайте меня. Богъ съ вами, Богъ съ нами. Марія.

Дорогія дѣти, вы переслали мнѣ обратно письмо Вилламова къ его сыну, между тѣмъ онъ былъ уже вѣроятно у васъ нѣсколько дней спустя; вотъ другое письмо, передайте его, пожалуйста, друзья мои; отплатите ему за то, что онъ сдѣлалъ для Іосифа, позаботившись объ его сынѣ. Я получила письма отъ папаши Ламсдорфа, который ѣдетъ къ намъ обратно, не спѣша; ему лучше, но онъ жалуется на упадокъ силъ. Бога ради, пишите ему чаще.

Num. 49.

Au Palais Taurique. Ce 23 Juillet 1815.

Mes bons amis, je viens vous dire le bonsoir par la poste; ma journée a été très active, nous avons vu le jardin du comte Tolstoi, de Madame Gourief dans la matinée; le premier est charmant et un véritable bijou, je ne connais rien de plus joli, de mieux entretenu. Cet aprèsdîner j'ai couru mes institutions et me voici rentrée; cependant demain matin je me leverai de bonne heure pour partir à 8 heures, car je veux expédier mon courrier de Pawlowsk pour écrire à mon aise: j'ai beaucoup de choses à vous conter qui vous feront plaisir. Bonsoir, mes bons amis, mes compliments au g(énéral) Konovnitzin et à vos messieurs de même qu'à mes connaissances militaires. Ne m'oubliez pas, mes enfants, et rappelez-vous des conseils de votre meilleure amie qui vous embrasse de tout son coeur.

Marie.

Таврическій дворецъ, 23-го іюля 1815 г.

(Переводъ). Добрые друзья мои, я только-что писала вамъ по почтѣ; я провела сегодняшній день весьма дѣятельно, мы осматривали садъ графа Толстаго, а по утру садъ г-жи Гурьевой, изъ коихъ первый восхитителенъ; это настоящее сокровище, я не видала ничего красивѣе и лучше содержаннаго. Сегодня послѣ полудня я объѣхала свои учрежденія и вернулась только сію минуту; а завтра утромъ я встану рано съ тѣмъ, чтобы выѣхать отсюда въ 8 часовъ, такъ какъ я хочу отправить курьера изъ Павловска, чтобы имѣть возможность написать вамъ безъ помѣхи: я имѣю разсказать вамъ многое, что доставитъ вамъ удовольствіе. Прощайте, добрые друзья мои, привѣтъ ген. Коновницыну и вашимъ кавалерамъ, точно такъ же, какъ моимъ знакомымъ военнымъ. Не забывайте меня, дѣти мои, и помните совѣты вашего лучшаго друга, который цѣлуетъ васъ отъ всего сердца. Марія.

Num. 50.

Au Palais Taurique. Ce 21 Juillet 1815.

Chers enfants, il me faut absolument me donner la consolation de vous écrire encore ce soir pour vous dire que j'ai passé ma soirée dans ma pensée avec vous, que je vous ai vus arriver à Péterhof, que j'ai joui encore de mon bonheur d'alors et qu'il me paraît vous voir et vous

entendre. Chers, chers enfants, qu'il m'en coûte de passer ma fête sans vous. J'ai à vous remercier, mes bons amis, pour un charmant cadeau que j'ai reçu de vous, Annette m'a donné en votre nom un camélia (vous vous rappelez de ces belles fleurs rouges que je portais cet hiver), et bien, c'est la plante qui porte ce nom qui me fait un plaisir fou: je vous en remercie mille fois, mes bons amis, et vous assure que ce don m'est précieux et cher; il embellira mon cher Pawlowsk. Arrivée ici, mes bons amis, j'ai eu beaucoup de monde, et nous avons joué et soupé. Je me dis que vous aurez souvent pensé à moi. Adieu et bonsoir, mes amis.

Ce 22 Juillet. Jeudi.

Le comte Schouvalof nous est arrivé à l'église, mes bons amis, cinq minutes avant le commencement du Te Deum: jugez du bonheur, de la joie que la nouvelle qu'il a apportée a répandu géneralement: on ne s'en fait pas d'idée! Je vous en parlerai en détail demain, ce soir je ne le puis et me bornerai seulement à vous dire que j'ai beaucoup, beaucoup pensé à mes bien chers et bien aimés petits amis, que je les aurais désirés des nôtre et que je me suis dit qu'ils se seraient de même désirés avec nous. Schouvalof m'a apporté deux de vos lettres, cher Nicolas, écrites encore avant la prise de Napoléon et une de Michel écrite après l'événement; je suis bien persuadée, cher Nicoche, que vous m'avez écrit aussi, mais apparemment qu'on a oublié de l'inserrer dans le paquet. Bonsoir, mes enfants, mes yeux me tombent, je vous embrasse mille et mille fois.

Ce 23 Juillet.

Je vous écris par la poste, mes bons amis, mais nonobstant je vous dis deux mots pour vous dire que maman a été sur pied toute la journée et que ce soir je sens que j'ai des pieds. Qu'il me tarde de recevoir de vos nouvelles, cher Nicoche, je ne me fais pas à la pensée de n'avoir pas eu de vos lettres par Schouvalof; je vous parlerai de son arrivée demain; pour ce soir bonsoir, bonne nuit et mille bénédictions.

Ce 24 Juillet, à Pawlowsk.

Je suis partie de la ville à $8^1/_2$ pour avoir le temps d'écrire en repos à mes bons amis, espérant y parvenir, mais ma lettre à l'empereur étant longue m'a pris du temps. Annette vous donne la description de l'arrivée du comte Schouvalof, ainsi je me bornerai à vous dire, qu'un fait exprès n'aurait pas mieux réussi et qu'en vérité le grand à propos de son arrivée, cinq minutes avant le Te Deum qui devait déjà se chanter, est un nouveau bienfait de la Providence, qu'il est impossible de méconnaître; l'émotion a été générale et telle qu'elle devait être

dans ce lieu sacré: auguste et calme; j'ai fait mon signe de croix du fond de mon coeur et j'ai remercié la Providence de m'avoir accordé le bonheur de cette nouvelle à mon jour de nom; j'ose dire que cela a fait généralement plaisir. Vos lettres m'en ont fait beaucoup, mes chers enfants, tous les détails que vous me donnez, cher Nicolas, dans les vieilles lettres que Schouvalof m'a apportées me sont d'un grand intérêt, surtout je vois avec une satisfaction extrême, que vous avez pris tous deux la bonne résolution de vous occuper sérieusement une partie de la matinée: ce devoir est indispensable, mes bons amis, pour vous conserver dans la bonne route de l'amour pour le bien et de la haine pour le mal; on écrit, on dit que la démoralisation est à son comble à Paris et qu'il y règne le plus mauvais esprit possible; je bénirai Dieu de vous en savoir tous partis, car cette nation n'a ni foi, ni loi; et cette impunité des scélérats, qui entouraient Napoléon, et des jacobins, tout aussi dangereux qu'eux, les rendra encore plus osés: il serait bien nécessaire de les éloigner et de les mettre dans l'impossibilité de faire du mal; je plains le roi du fond de mon coeur. Parlez-moi, mes enfants, de tout ce que vous entendrez sur le sort de Napoléon; puisse-t-il être bien gardé J'espère qu'avec l'aide de Dieu vous êtes au moment de quitter cette moderne Babylone et désire vivement vous savoir partis de Paris et reprendre le chemin de chez nous, tout en visitant le théâtre de la guerre de 7 ans. Je vois avec un plaisir extrême, cher Nicoche, que vous ne perdez pas de vue les intérêts d'Annette, et attends avec la plus vive impatience ce que vous me direz du prince d'Orange: il me paraît que la chose doit se décider présentement ou jamais, car c'est bien le moment d'en parler; Dieu veuille que cela réussisse, car en vérité c'est le seul parti digne d'elle. J'espère bientôt, cher Nicoche, pouvoir vous donner des nouvelles d'A(lexandrine) et avoir réponse à ma lettre: en attendant il me paraît que le frère est bien dans vos intérêts, mais, mon ami, après ce que vous me dites de sa grande étourderie, ne craignez-vous pas en lui parlant avec trop d'abandon, tout bon enfant qu'il est, qu'il ne vous compromette par jeunesse; ainsi un peu de prudence serait nécessaire. J'espère, mes enfants, que vous avez tâché de voir souvent le m(aréchal) Wellington; voilà une société précieuse pour vous, où vous trouverez toujours à acquérir: sa grande modestie relève encore l'éclat et son mérite; tâchez, je vous prie, de le voir le plus souvent possible et dites même au maréchal (dans l'occasion) que c'est moi qui vous ai engagés à le fréquenter, à le rechercher en toute occasion, pour profiter et de ses préceptes et de sa conversation qui sera certainement une leçon pour vous. Faites mes compliments, mes enfants, au g(énéral) Konovnitzin et à vos messieurs qui ne me donnent pas signe de vie; bien des choses au bon Ruhl; assurez tous les braves militaires de ma con-

naissance de mon souvenir. Le comte Schouvalof m'a dit que la garde a reçu l'ordre de revenir, ce qui fait grand plaisir. Adieu, chers et bons enfants; on espère voir l'empereur ici pour le 7 Septembre. Dieu, Dieu le veuille. Ne m'oubliez pas, mes bons amis, rappelez-vous de mes conseils et dites-vous que personne ne vous chérit et ne vous aime autant que maman, faites en de même.

Marie.

Faites l'acquisition pour moi, mes bons amis, d'un petit breguet pour porter à une chaîne au col pour les voyages; je le désire bien bon et bien simple, marquez m'en le prix, pour que je puisse à l'instant vous en envoyer le déboursé.

21-го іюля 1815 г. Таврическій дворецъ.

(Переводъ.) Дорогія дѣти, не могу отказать себѣ въ удовольствіи написать вамъ еще разъ сегодня вечеромъ и сказать вамъ, что я провела вечеръ мысленно съ вами; я припоминала, какъ вы пріѣхали въ Петергофъ, еще разъ пережила испытанное мною тогда счастье, и мнѣ казалось, что я еще вижу и слышу васъ. Дорогія, дорогія дѣти, какъ мнѣ тяжело провести день моего ангела безъ васъ. Я должна поблагодарить васъ, добрые друзья мои, за полученный мною отъ васъ подарокъ; Аннета передала мнѣ отъ вашего имени камелію (помните тѣ прелестные красные цвѣты, которые я носила эту зиму); растеніе, носящее это названіе, до безумія порадовало меня; тысячу разъ благодарю васъ за него, добрые друзья мои, и увѣряю васъ, что этотъ подарокъ драгоцѣненъ и дорогъ мнѣ; онъ будетъ украшеніемъ моего дорогаго Павловска. По пріѣздѣ моемъ сюда, добрые друзья мои, у меня было много посѣтителей, мы играли и ужинали. Я думаю, вы не разъ вспоминали меня. Прощайте, покойной ночи, друзья мои.

22-го іюля, четвергъ.

Гр. Шуваловъ пріѣхалъ прямо въ церковь, добрые друзья мои, за пять минутъ до начала молебна; можете судить, какую радость и какое счастье произвело привезенное имъ извѣстіе; это трудно передать; я разскажу вамъ объ этомъ подробно завтра, сегодня я не могу этого сдѣлать, скажу только, что много, много думала о дорогихъ и любезныхъ друзьяхъ моихъ, и горячо желала, чтобы они были съ нами; я говорила себѣ мысленно, что и они, вѣроятно, желали бы быть съ нами. Шуваловъ привезъ мнѣ отъ васъ два письма, дорогой Николай, которыя были написаны еще до взятія (въ плѣнъ) Наполеона, и одно письмо отъ Михаила, написанное послѣ этого событія. Я убѣ-

ждена, дорогой Никошъ, что вы также писали мнѣ, но по всей вѣроятности позабыли вложить письмо въ пакетъ. Прощайте, дѣти мои, глаза у меня слипаются, цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ.

23-го іюля.

Я писала вамъ по почтѣ, добрые друзья мои; тѣмъ не менѣе я пишу вамъ еще пару словъ, чтобы сказать вамъ, что ваша мамаша была весь день на ногахъ, и что сегодня вечеромъ я чувствую, что у меня есть ноги; съ какимъ нетерпѣніемъ я жду отъ васъ извѣстій, дорогой Никошъ, я не могу примириться съ мыслью, что Шуваловъ не привезъ мнѣ отъ васъ писемъ; я опишу вамъ его пріѣздъ завтра; пока прощайте, доброй ночи, посылаю вамъ тысячу благословеній.

24-го іюля. Павловскъ.

Я уѣхала изъ города въ $8^1/_2$ ч., чтобы успѣть спокойно написать моимъ добрымъ друзьямъ, надѣясь, что это мнѣ удастся, но такъ какъ я написала очень длинное письмо императору, то оно заняло очень много времени. Аннета описываетъ вамъ пріѣздъ гр. Шувалова, поэтому я скажу, съ своей стороны, одно: что нарочно нельзя было бы придумать ничего лучше его пріѣзда, за пять минутъ до молебна, который предполагалось отслужить; это было такъ кстати, что нельзя не видѣть въ этомъ новаго благодѣянія, ниспосланнаго намъ Провидѣніемъ; всѣ были взволнованы; волненіе, охватившее всѣхъ, было таково именно, какъ подобало въ этомъ священномъ мѣстѣ: торжественное и безмолвное; я отъ души сотворила крестное знаменіе и возблагодарила Провидѣніе за то, что я имѣла счастье получить это извѣстіе въ день моего ангела; могу сказать, что оно порадовало всѣхъ.

Ваши письма доставили мнѣ большое удовольствіе, дорогія дѣти мои; всѣ подробности, сообщаемыя вами, дорогой Николай, въ вашихъ прежнихъ письмахъ, привезенныхъ Шуваловымъ, показались мнѣ весьма интересны; я вижу съ особеннымъ удовольствіемъ, что вы возъимѣли благое намѣреніе посвящать часть утра серьезнымъ занятіямъ; это необходимо, добрые друзья мои, для того, чтобы вы сохранили любовь къ добру и отвращеніе къ злу; говорятъ и пишутъ, что развратъ достигъ въ Парижѣ высшей степени, что тамъ царствуетъ самый дурной духъ; я возблагодарю Бога, узнавъ, что вы всѣ уѣхали оттуда, ибо у этой націи нѣтъ ни религіи, ни нравственности, и безнаказанность негодяевъ, которые окружали Наполеона, и столь же опасныхъ якобинцевъ придастъ имъ еще болѣе смѣлости; было бы необходимо удалить ихъ и пресѣчь имъ возможность дѣлать зло; отъ всего сердца сожалѣю короля.

Пишите мнѣ, дѣти мои, все, что вы услышите о судьбѣ Наполеона;

дай Богъ, чтобы его хорошенько караулили. Надѣюсь, что съ помощью Божіей, вы уже собираетесь уѣхать изъ этого современнаго Вавилона; я очень желаю, чтобы вы уже уѣхали изъ Парижа и были на пути къ намъ, посѣтивъ по дорогѣ театръ военныхъ дѣйствій Семилѣтней войны.

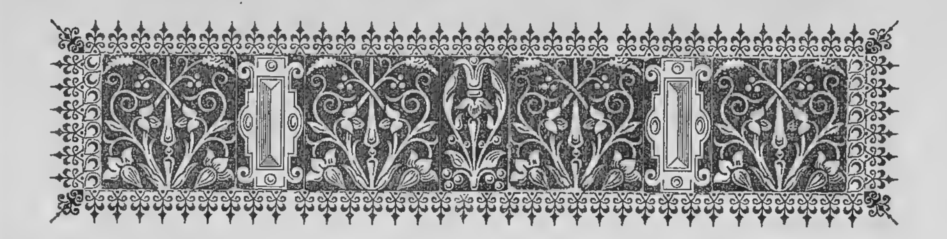
Мнѣ очень пріятно видѣть, дорогой Никошъ, что вы не теряете изъ вида интересовъ Аннеты, и я ожидаю съ нетерпѣніемъ, что вы скажете мнѣ о принцѣ Оранскомъ; мнѣ кажется, что это дѣло должно рѣшиться теперь или никогда, ибо теперь самый подходящій моментъ завести объ этомъ рѣчь; дай Богъ, чтобы это удалось, ибо, по истинѣ, это единственная партія, достойная ея. Я надѣюсь, дорогой Никошъ, сообщить вамъ вскорѣ извѣстія объ А(лександринѣ) и получить отвѣтъ на мое письмо; пока, мнѣ кажется, что братъ вполнѣ сочувствуетъ вамъ, но, другъ мой, въ виду того, что вы пишете о его крайней вѣтренности, не боитесь-ли вы, говоря съ нимъ слишкомъ откровенно, что онъ, при всемъ своемъ добродушіи, выдастъ васъ по молодости лѣтъ; поэтому не мѣшало бы быть немного осторожнѣе. Надѣюсь, дѣти мои, что вы старались чаще видѣть фельдмаршала Веллингтона; его общество неоцѣнимо для васъ, и вы можете только пріобрѣсти въ немъ; его замѣчательная скромность только увеличиваетъ его выдающіяся заслуги; прошу васъ, постарайтесь видѣться съ нимъ какъ можно чаще; скажите даже фельдмаршалу (при случаѣ), что я именно совѣтовала вамъ посѣщать его и искать его знакомства, чтобы воспользоваться и его нравственными правилами, и бесѣдою съ нимъ, которая, безъ сомнѣнія, будетъ для васъ назидательна. Передайте мой привѣтъ, дѣти мои, ген. Коновницыну и вашимъ кавалерамъ, которые не даютъ признака жизни, и лучшія пожеланія доброму Рюлю; передайте всѣмъ молодцамъ военнымъ, коихъ я знаю, что я вспоминаю о нихъ. Гр. Шуваловъ говорилъ мнѣ, что гвардіи приказано возвратиться; это очень пріятно. Прощайте, добрыя и дорогія дѣти; здѣсь ожидаютъ императора къ 7-му сентября. Дай Богъ, дай Богъ. Не забывайте меня, добрые друзья мои, помните мои совѣты и будьте увѣрены, что никто не любитъ васъ такъ нѣжно, какъ ваша мамаша; любите ее такъ же. Марія.

Купите для меня, добрые друзья мои, маленькій брегетъ, который можно бы носить на шейной цѣпочкѣ въ дорогѣ; я хочу, чтобы онъ былъ хорошій и очень простой; напишите мнѣ, что̀ онъ можетъ стоить, чтобы я тотчасъ могла выслать вамъ эту сумму.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА

барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

1839 годъ.

II [1]).

Кончина А. Ѳ. Воейкова.—Бракосочетаніе герцога Лейхтенбергскаго.—Спускъ корабля „Россія".—Балы у великаго князя Михаила Павловича и принца Ольденбургскаго.—Лицейскіе товарищи барона Корфа: И. В. Малиновскій, П. Н. Мясоѣдовъ, графъ С. Ф. Брогліо, Ѳ. Х. Стевенъ, А. П. Бакунинъ, А. Д. Тарковъ, К. К. Данзасъ, князь А. М. Горчаковъ, баронъ А. А. Дельвигъ, С. Д. Комовскій, С. С. Есаковъ, М. Л. Яковлевъ, Н. А. Корсаковъ, В. Д. Вальховскій, И. И. Пущинъ, Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ, А. С. Пушкинъ, П. Ѳ. Саврасовъ, баронъ П. Ѳ. Гревеницъ, А. Д. Илличевскій, Д. Н. Масловъ, А. А. Корниловъ, С. Г. Ломоносовъ, В. К. Кюхельбекеръ, П. М. Юдинъ и Н. А. Ржевскій.—Наводненіе въ Петербургѣ.—Дѣло о лажѣ.—Взятки.—Бородинскіе маневры.—Настоятель Сергіевской пустыни Игнатій Брянчаниновъ.—Мнѣніе Государственнаго Совѣта о войскахъ.—Манифестъ объ уничтоженіи лажа.—Закладка храма Христа Спасителя.—Васильчиковъ и князь Голицынъ.—Болѣзнь графа Толя.—Болѣзнь императрицы.—Русскій языкъ въ Остзейскихъ губерніяхъ.—Мельгуновъ и Гумбольдтъ.—Чтенія Н. И. Греча.—Болѣзнь графа Канкрина.

29-го іюня. На-дняхъ умеръ одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ литераторовъ Воейковъ. Онъ принадлежалъ еще къ старой школѣ, но пользовался большою извѣстностью особенно по своимъ ненапечатаннымъ сатирамъ, которыя у всѣхъ въ рукахъ въ рукописяхъ; по насмѣшкамъ, которымъ онъ подвергался отъ современныхъ освистанныхъ

---

[1]) См. „Русскую Старину", февраль 1904 г.

имъ журналистовъ, и по жестокой полемикѣ, которая была необходимымъ послѣдствіемъ. Въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», которыхъ онъ долго былъ издателемъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ произведеніяхъ онъ употреблялъ псевдонимъ Кораблинскаго.

3-го іюля. Вчера отпраздновали мы свадьбу великой княжны, которая предполагалась было въ день рожденія государыни, 1-го іюля, но отложена до слѣдующаго дня, потому что 1-е іюля случилось нынче въ субботу. Все происходило по церемоніалу, и потому замѣчу здѣсь только то, чего въ немъ нѣтъ. Вѣнцы держали: надъ невѣстой наслѣдникъ, а надъ женихомъ старикъ гр. Паленъ (посолъ въ Парижѣ), о которомъ всѣ мы искренно жалѣли потому, что женихъ высокаго роста, а церемонія продолжалась очень долго. Обрядъ совершалъ духовникъ государевъ Музовскій, а бракъ по католическому обряду (во внутреннихъ комнатахъ) новый митрополитъ Павловскій, но при послѣднемъ присутствовали только члены царской фамиліи и баварскій посланникъ. Невѣста была восхитительна: въ церковь она вошла съ заплаканными глазами; но послѣ обряда водворилась на ея лицѣ улыбка счастья, которая болѣе ее уже не оставляла.

Обѣдъ былъ (для трехъ классовъ) вслѣдъ за церемоніей въ мраморной (большой аванзалѣ) залѣ,—пышный великолѣпный, съ чудесной вокальной музыкой, въ которой отличались всѣ наши сценическія знаменитости и пѣлъ также актеръ Вѣнскаго театра Поджи-теперь, только-что пріѣхавшій, огромный теноръ. Въ ту минуту какъ отворились двери въ столовую залу для царской фамиліи, поднялась страшная вьюга, загремѣла гроза, и пошелъ проливной дождь. Старики говорили, что это счастливое предзнаменованіе и что «молодымъ богато жить». Но огромныя массы народа, окружавшія Зимній дворецъ, орошаемыя цѣлымъ водопадомъ дождя, не раздѣляли нашей радости и обошлись бы безъ этого «предзнаменованія». Во весь обѣдъ раскаты грома сливались съ искусственнымъ громомъ пушекъ, слѣдовавшимъ съ крѣпости за нашими тостами. Но къ концу обѣда погода опять прояснѣла и возстановились прежніе 20° въ тѣни.

5-го іюля. Въ день свадьбы вечеромъ на Исаакіевской и Дворцовой площадахъ и на Адмиралтейскомъ бульварѣ играла въ пяти мѣстахъ музыка—вещь совершенно новая и невиданная въ Петербургѣ, гдѣ музыка подъ открытымъ небомъ бываетъ слышна только за городомъ или передъ рядами войскъ. На балѣ государь въ сопровожденіи всего двора вывелъ молодую чету на дворцовый балконъ къ собравшемуся народу, и тутъ поднялись восторженные крики радости и «ура!» Городъ

въ этотъ день и въ оба послѣдующіе былъ прекрасно иллюминованъ, и такой иллюминаціи мы не запомнимъ съ коронаціи 1826 года. Вчера утромъ былъ общій baise-main у новой великой княгини, а вечеромъ огромный балъ въ танцовальной (прежней бѣлой) залѣ. Балъ начался въ 9-мъ часу и хотя при свѣчахъ, но съ открытыми окнами и поднятыми сторами, такъ что съ часъ времени дневной свѣтъ боролся съ искусственнымъ. До бала на большомъ дворцовомъ дворѣ играла музыка, и народъ, которому открытъ былъ этотъ дворъ, толпился тутъ до поздней ночи, любуясь въ открытыя окошки на балъ и на царскую фамилію. Государь и наслѣдникъ были въ казачьихъ мундирахъ; всѣ прочіе въ парадной формѣ и башмакахъ, кромѣ великаго князя Михаила Павловича, который при этихъ случаяхъ давно уже бываетъ въ ботфортахъ.

Вчера я, по указанію кн. Васильчикова, велѣлъ доложить государю, что пришелъ благодарить за пожалованную мнѣ звѣзду; но ему некогда было меня принять, и мнѣ велѣно явиться сегодня на Елагинъ въ 12 часовъ. Это разстраивало нѣсколько мои планы, потому что я собирался ночью ѣхать назадъ на свою дачу и утѣшался надеждою, что государь скажетъ мнѣ нѣсколько словъ на балѣ, чѣмъ все и кончится. Но вмѣсто того государь, подойдя ко мнѣ на балѣ, сказалъ: «ожидаю тебя въ 12-ть час. на Елагиномъ; въ 11 ч. у насъ спускъ корабля, и потому тебѣ придется, можетъ быть, подождать съ полчаса; но я надѣюсь, что ты не будешь за это въ претензіи»,—и такъ я сегодня туда отправляюсь.

Аудіенція моя кончилась. Государь принялъ меня на Елагиномъ вмѣстѣ съ управляющимъ дѣлами Комитета министровъ статсъ-секретаремъ Бахтинымъ. Привѣтствія его намъ обоимъ были очень милостивы, исполнены благодарности за прошедшее и надежды на продолженіе въ будущемъ. Потомъ онъ перешелъ къ большимъ похваламъ кн. Васильчикову:

— Теперь 22 года,—сказалъ онъ,—что мы съ нимъ знакомы и что я привыкъ любить и уважать его, сперва какъ начальника, а теперь какъ совѣтника и друга; это самая чистая, самая благородная, самая преданная душа: дай Богъ только ему здоровья.

На замѣчаніе Бахтина, что ему всегда бываетъ лучше вечеромъ, нежели утромъ, государь отвѣчалъ, что это всегда бываетъ съ людьми нервными:

— Вотъ вамъ въ доказательство моя жена, которая утромъ никуда не годится, а къ вечеру всегда разгуляется, оправится.

*

8-го іюля. 5-го іюля спущено у насъ новое огромное судно, 120-типушечный корабль «Россія» въ присутствіи всей царской фамиліи. Для кораблей этого размѣра нѣтъ въ Петербургѣ настоящихъ доковъ; но, по волѣ государя, онъ былъ построенъ въ такомъ докѣ, гдѣ съ каждой стороны оставалось отъ боковъ его не болѣе нѣсколькихъ вершковъ. Затѣмъ при спускѣ корабля угрожала очевидная опасность не только ему самому, но и всему находившемуся на немъ экипажу; малѣйшее колебаніе или пошатновеніе судна могло сокрушить громаду и обратить все въ прахъ. Наряжена была по этому случаю особая коммиссія экспертовъ, которая рѣшила, что спускъ возможенъ, но сопряженъ съ чрезвычайнымъ рискомъ. При всемъ томъ государь захотѣлъ и—сбылось. «Россія» спущена лучше, чѣмъ какой-нибудь корабль прежде, и экипажъ, съѣхавшій между жизнью и смертью, примѣрно награжденъ.

9-го іюля. Къ числу самыхъ изящныхъ, истинно очаровательныхъ праздниковъ по случаю свадьбы принадлежатъ балы вел. кн. Михаила Павловича (6-го іюля) и принца Ольденбургскаго (8-го іюля). Первый былъ данъ въ городскомъ его дворцѣ, который самъ по себѣ уже есть верхъ вкуса и великолѣпія, но на этотъ день изящнымъ вкусомъ и умѣньемъ великой княгини получилъ такой фантастическій блескъ, что превосходилъ всякое описаніе. Довольно сказать, что къ балу были свезены всѣ цвѣты изъ Павловскихъ и Ораніенбаумскихъ оранжерей, на двухстахъ возахъ и пяти баркахъ, которыя велъ особый пароходъ. За то все во дворцѣ цвѣло и благоухало, и такого обилія рѣдкихъ и многоцѣнныхъ растеній мнѣ не случалось видѣть. Въ бальной залѣ, гдѣ купы цвѣтовъ, исторгался прекрасный фонтанъ, который вмѣстѣ съ тысячью огнями вторился въ безчисленныхъ зеркалахъ. Вдоль всѣхъ главныхъ залъ тянулся, лицомъ въ садъ, обширный собственно на этотъ случай придѣланный балконъ, убранный цвѣтами, коврами и фантастическою иллюминаціей—съ чудеснымъ видомъ на Царицынъ лугъ и Неву. Главная ужинная зала была убрана тоже съ необыкновеннымъ вкусомъ: царскій столъ подъ навѣсомъ большихъ деревъ и зеркалъ составлялъ обширный полукругъ, котораго вся внутренняя, обращенная къ публикѣ, сторона была убрана въ нѣсколько рядовъ цвѣтами. Вездѣ и во всѣхъ концахъ дома раздавалась музыка, которая гремѣла и въ саду, открытомъ на этотъ день для публики и всего народа. Всѣхъ гостей было до 800 и всѣ въ парадныхъ мундирахъ. Праздникъ, кромѣ всего своего, стоилъ 50.000 р.

Балъ принца, на дачѣ его на Каменномъ островѣ, былъ въ другомъ, болѣе сельскомъ видѣ. Всѣ подъѣзды, всѣ рѣшетки, всѣ наружныя колонны были обвиты свѣжей зеленью, съ вензелями новобрачныхъ. Танцовали въ саду подъ открытымъ небомъ на огромномъ паркетномъ полу,

окруженномъ со всѣхъ сторонъ возвышеніями и ступенями съ коврами. Когда уже совсѣмъ стало темно, танцы перешли въ залу, а садъ и весь домъ снаружи загорѣлись тысячью огнями. На Невѣ передъ домомъ катались между тѣмъ шлюбки съ музыкой и съ русскими пѣсельниками. Все это по самой уже новизнѣ своей было очаровательно и представляло скорѣе какой-то итальянскій, нежели сѣверный праздникъ. Гостей по тѣснотѣ мѣста было здѣсь только 300, и при томъ всѣ во фракахъ, какъ будто на дачѣ, хотя Каменный островъ числится уже нынче въ городѣ. Государь и императрица съ бала великаго князя уѣхали во время ужина, но здѣсь оставались еще долго послѣ ужина. Двухъ подобныхъ праздниковъ я не запомню въ Петербургѣ. Послѣдній отличался еще тѣмъ, что на немъ былъ и усердно танцовалъ эрцгерцогъ Альбертъ (сынъ эрцгерцога Карла), только-что въ тотъ день пріѣхавшій.

13-го іюля. Вчера я видѣлъ въ большомъ бѣшенствѣ старика гр. Толя отъ одного сдѣланнаго ему вопроса. Теперь, когда всѣ собираются на Бородинскіе маневры и когда всѣ лица, сколько-нибудь участвовавшія въ славной Бородинской битвѣ, туда особенно приглашаются,—въ разговорѣ объ этомъ гр. Бенкендорфъ спросилъ Толя почти съ удивленіемъ.

— А развѣ и вы туда собираетесь?

— Вотъ какъ трактуютъ насъ люди, которые сами не оставили для себя странички въ исторіи,—говоритъ Толь. Въ Бородинскомъ дѣлѣ я, въ чинѣ полковника, былъ генералъ-квартирмейстеромъ всей арміи и первый занялъ позицію, а меня спрашиваетъ: поѣду-ли я туда, тотъ, кто былъ тогда поручикомъ, кто самъ, однако, считаетъ долгомъ туда ѣхать и кому поручено завѣдывать приглашеніями.

При этомъ случаѣ также сильно досталось Данилевскому за его описаніе войны 1812-го и послѣдующихъ годовъ.

— Это не исторія,—говоритъ Толь,—а просто придворный календарь: кому теперь хорошо при дворѣ, того имя гремитъ на каждой страничкѣ, хотя онъ не получилъ ни царапинки, а о другихъ, настоящихъ дѣйствователяхъ, сошедшихъ по обстоятельствамъ со сцены, или не пользующихся особенною милостью при дворѣ, и помину нѣтъ. Время затемняетъ исторію, а лесть совсѣмъ ее стираетъ.

17-го августа. 14-го числа государь уѣхалъ въ Бородино на маневры, прямо минуя Москву. За нимъ, передъ нимъ, вмѣстѣ съ нимъ потянулась туда цѣлая вереница участниковъ Бородинской битвы, военныхъ и отставныхъ, достигшихъ знатности и оставшихся въ ничтоже-

ствѣ. Петербургъ совсѣмъ опустѣлъ, а въ Совѣтѣ нашемъ остались одни статскіе члены. Изъ дамъ царской фамиліи никто туда не поѣхалъ.

Теперь 23-й годъ, что я вышелъ изъ лицея, и слѣдственно 23-й годъ первому выпуску изъ этого заведенія, которое въ настоящемъ времени измѣнило и наружную свою физіономію, и многое во внутреннемъ своемъ назначеніи. Но любопытно между тѣмъ было обозрѣть, что въ эти 22 года съ каждымъ изъ насъ сталось. Всѣхъ насъ было 29, а какое разнообразіе въ житейскихъ нашихъ судьбахъ! Вотъ списокъ всѣхъ съ означеніемъ коротко исторіи каждаго въ той степени, въ какой она мнѣ извѣстна. Располагаю этотъ списокъ по порядку спальныхъ комнатъ, которыя мы занимали въ лицеѣ.

Иванъ Васильевичъ Малиновскій, вспыльчивый, вообще совершенно экцентрическій, но самый благородный и добрый малый. Началъ и продолжалъ службу въ гвардейскомъ Финляндскомъ полку, и, дослужившись до капитана, вышелъ въ отставку полковникомъ еще въ прошлое царствованіе въ 1825 г. Онъ переселился въ деревню, въ Харьковскую губернію, гдѣ былъ два трехлѣтія уѣзднымъ предводителемъ дворянства, женился на дочери сенатора Пущина и теперь постоянно живетъ въ своей деревнѣ.

Павелъ Николаевичъ Мясоѣдовъ, служилъ въ армейскихъ гусарахъ, кажется, до поручиковъ или штабсъ-ротмистровъ, и вышелъ въ отставку, тому назадъ лѣтъ пятнадцать или болѣе. Женатъ на побочной дочери богатаго помѣщика Мансурова и съ пропастью дѣтей живетъ въ деревнѣ верстахъ въ 20-ти отъ Тулы.

Графъ Сильвестръ Францовичъ Брогліо (или Брогли). Благодаря своему звучному эмигрантскому имени, онъ тотчасъ послѣ реставраціи получилъ отъ Бурбоновъ орденъ Лиліи, съ которымъ и щеголялъ еще въ лицейскомъ мундирѣ. Выпущенъ былъ въ какой-то армейскій полкъ, но никогда въ русской службѣ не служилъ, скоро послѣ выпуска уѣхалъ во Францію и болѣе оттуда не возвращался, прекративъ и всѣ сношенія съ прежними товарищами.

Ѳедоръ Христіановичъ Стевенъ. Финляндскій уроженецъ съ основательнымъ умомъ, скромный, добрый и благородный, одинъ изъ лучшихъ моихъ пріятелей въ лицеѣ. Съ самаго выпуска до сихъ поръ онъ служилъ при Финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ, а надняхъ опредѣленъ губернаторомъ въ Выборгъ, съ пожалованіемъ въ 4-й классъ. Женатъ на кузинѣ своей, дочери покойнаго начальника 2-го кадетскаго корпуса генерала Маркевича.

Баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ. Способности обыкновенныя. Недостатокъ ихъ выкупается большимъ трудолюбіемъ. Человѣкъ, которому всегда и во-время благопріятствовало необычайное

счастье. Біографія его изложится еще подробно въ этомъ дневникѣ. Теперь онъ тайный совѣтникъ и государственный секретарь. Женатъ на кузинѣ, дочери умершаго подполковника Корфа.

Александръ Павловичъ Бакунинъ, человѣкъ съ порядочными формами, съ благороднымъ честолюбіемъ и съ охотою къ дѣлу. Выпущенъ былъ въ прежній Семеновскій полкъ и состоялъ адъютантомъ при генералѣ Раевскомъ, а по раскассированіи полка перешелъ въ статскую службу и занималъ разныя должности въ московскихъ губернскихъ мѣстахъ; послѣ же жилъ въ отставкѣ въ своихъ деревняхъ. Теперь онъ статскій совѣтникъ и новгородскій вице-губернаторъ. Былъ женатъ сперва на дѣвицѣ Зеленской, а послѣ ея смерти женился на дѣвицѣ Шулепниковой.

Александръ Дмитріевичъ Тарковъ былъ выпущенъ въ какой-то армейскій кавалерійскій полкъ, но недолго пробылъ на службѣ и поселился въ новгородской своей деревнѣ, кажется, отставнымъ поручикомъ. Тамъ спустя нѣсколько лѣтъ, въ которыя мы видывали его наѣздомъ въ Петербургѣ, ему вздумалось еще сойти съ ума, и скоро послѣ того онъ умеръ.

Константинъ Карловичъ Данзасъ. Будучи выпущенъ въ инженеры, онъ съ отличіемъ и необыкновенною храбростію участвовалъ въ кампаніяхъ персидской, турецкой и польской, и былъ раненъ такъ, что и теперь носитъ руку въ бинтѣ. Въ послѣднее время онъ пріобрѣлъ особенную извѣстность, бывъ секундантомъ въ несчастной дуэли Пушкина (1837); за это его перевели, послѣ заключенія въ крѣпости, въ армейскій полкъ на Кавказъ, гдѣ онъ и теперь находится.

Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. Самыя блистательныя дарованія, самое отличное окончаніе школьнаго курса, острый и тонкій умъ—словомъ все, что нужно для блестящей карьеры, служебной и свѣтской. Онъ прямо изъ лицея пошелъ въ дипломатію и всю почти жизнь свою провелъ внѣ Россіи, при разныхъ миссіяхъ. Послѣднее мѣсто его, въ чинѣ статскаго совѣтника, было совѣтникомъ посольства въ Вѣнѣ; но отсюда, по волѣ государя, онъ въ прошломъ году причисленъ къ министерству. При выпускѣ изъ лицея онъ получилъ вторую золотую медаль, но во всѣхъ отношеніяхъ заслуживалъ первую.

Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ. Въ лицеѣ милый, добрый и всѣми любимый лѣнтяй, послѣ лицея—пріятный поэтъ, стоявшій въ свое время въ первой шеренгѣ нашихъ литераторовъ. Дельвигъ никогда не служилъ, никогда ничего не дѣлалъ и жилъ всегда припѣваючи съ любящей душой и добрымъ, истинно благороднымъ характеромъ. Онъ умеръ въ 1831 году, оплаканный многочисленнымъ пріятельскимъ кругомъ.

Сергѣй Дмитріевичъ Комовскій. Добрый малый, отличный сынъ и братъ, и вѣрный, надежный пріятель. Числясь въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, онъ служилъ сперва въ разныхъ временныхъ комитетахъ, коммиссіяхъ и проч., а теперь правителемъ канцеляріи въ Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, или, по-просту, секретаремъ въ Смольномъ монастырѣ.

Семенъ Семеновичъ Есаковъ. Съ свѣтскимъ умомъ, съ большою ловкостью, съ благороднымъ и твердымъ характеромъ, съ прекрасною наружностью и со многими любезными качествами, Есаковъ еще въ лицеѣ подавалъ надежду на блистательную карьеру, но, по неразгаданнымъ донынѣ вполнѣ причинамъ, самъ добровольно разстался съ жизнью, которая, повидимому, столь многое ему сулила. Служивъ съ самаго начала въ конной артиллеріи, бывъ уже гвардіи полковникомъ, увѣшанный орденами, командиръ артиллерійской роты, онъ въ польскую кампанію (1831), послѣ дѣла, въ которомъ имѣлъ несчастье потерять нѣсколько пушекъ — застрѣлился, не оставивъ даже никакой записки въ поясненіе своего поступка.

Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ. Хорошій товарищъ, надежный въ пріязненныхъ своихъ сношеніяхъ, не безъ способности къ дѣлу, хорошій музыкантъ и пріятный композиторъ. По службѣ, которую онъ началъ въ московскомъ сенатѣ, ему сперва очень не везло; но потомъ, съ переходомъ во II отдѣленіе собственной государевой канцеляріи (къ Сперанскому), все поправилось. Теперь онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и занимаетъ мѣсто директора типографіи II отдѣленія.

Николай Александровичъ Корсаковъ былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ, блестящихъ молодыхъ людей нашего выпуска. Прекрасный музыкантъ, пріятный и острый собесѣдникъ, напитанный ученіемъ, которое давалось ему очень легко, съ даромъ слова и пера, онъ угасъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, находясь при тосканской миссіи. Прахъ его погребенъ во Флоренціи. Это одна изъ самыхъ чувствительныхъ потерь, которую понесъ нашъ выпускъ, и имя Корсакова, если бы Провидѣніе продлило его жизнь, было бы вѣрно однимъ изъ лучшихъ нашихъ перловъ.

Владиміръ Дмитріевичъ Вальховскій. Первая наша золотая медаль: человѣкъ разсудительный, дѣльный, съ твердою, желѣзною волей надъ самимъ собою, съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ добродушный, скромный и кроткій. По всѣмъ качествамъ души и ума, мы звали его въ лицеѣ «sapientia». И этотъ человѣкъ, пошедшій такъ быстро, такъ достойно отстаивавшій имя перваго нашего воспитанника—вдругъ упалъ такъ неожиданно и, должно думать, такъ невозвратно! Онъ вышелъ изъ лицея прямо въ квартир-

мейстерскую часть (называвшуюся тогда свитою), былъ съ Мейендорфомъ въ Бухаріи и вообще служилъ съ большимъ отличіемъ. Исторія 14-го декабря, къ которой онъ, впрочемъ, былъ прикосновенъ только слышанными разговорами,—остановила было его ходъ; но послѣ краткаго заключенія все опять пошло по-прежнему. Онъ былъ посланъ съ подарками къ персидскому шаху, участвовалъ въ кампаніяхъ персидской и турецкой и въ послѣдней игралъ даже значительную роль при Паскевичѣ, пока сей послѣдній не возненавидѣлъ его именно за то, что часть его славы и успѣховъ относили къ Вальховскому. Наконецъ, онъ получилъ важное мѣсто начальника штаба Кавказскаго корпуса, но въ прошломъ году, когда государь былъ лично на Кавказѣ и открылись злоупотребленія и упущенія барона Розена, монаршій гнѣвъ палъ и на Вальховскаго.

Подробности и степень справедливости обвиненій мнѣ неизвѣстны; но кончилось тѣмъ, что Вальховскаго перевели бригаднымъ командиромъ куда-то въ западныхъ губерніяхъ, а какъ съ этимъ вмѣстѣ онъ попалъ еще и подъ начало къ ненавидящему его Паскевичу, то принужденъ былъ съ стѣснительнымъ сердцемъ совсѣмъ оставить службу.

Теперь онъ живетъ въ отставкѣ въ деревнѣ, въ Харьковской губерніи, рядомъ съ Малиновскимъ, на сестрѣ котораго женатъ.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ. Одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе любимы были товарищами, съ свѣтлымъ умомъ, съ чистою душой, онъ имѣлъ почти тѣ же качества, какъ Есаковъ, и кончилъ еще несчастливѣе. Сперва онъ служилъ тоже въ гвардейской конной артиллеріи, но для пылкой души его, требовавшей безпрестанной пищи, военная служба въ мирное время казалась слишкомъ мертвою, и, бросивъ ее, кажется въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ пошелъ служить въ губернскія мѣста, сперва въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ, именно чтобы облагородить и возвысить этотъ родъ службы, гдѣ съ благими намѣреніями можно дѣлать столько частнаго и общественнаго добра. Но излишняя пылкость и ложный взглядъ на средства къ счастью Россіи сгубили его. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ заговора, вспыхнувшаго 14-го декабря 1825 г., и съ этимъ погибла вся его будущность. Пущинъ причисленъ къ 2-му разряду преступниковъ, лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ каторгу, которая, кажется, для него еще не кончилась. Къ счастью, онъ холостой.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Матюшкинъ. Чуть-ли не оригинальнѣйшая изъ всѣхъ нашихъ карьеръ, потому что изъ заведенія, предназначеннаго преимущественнаго для гражданской службы и выпускавшаго воспитанниковъ своихъ въ военную только въ видѣ изъятія, Матышкинъ вышелъ—въ морскую, сдѣлалъ себѣ въ ней имя и до сихъ

поръ продолжаетъ ее съ отличіемъ. Онъ—человѣкъ пылкій и вмѣстѣ разсудительный. Ходилъ съ Головнинымъ вокругъ свѣта, участвовалъ въ извѣстной экспедиціи Врангеля въ Сибирь; имѣвъ и разныя другія важныя порученія, онъ все еще только капитанъ 1-го ранга. Теперь онъ командуетъ кораблемъ въ Черноморскомъ флотѣ. Холостъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Это историческое лицо довольно означить просто въ моемъ спискѣ. Біографіи его гражданская и литературная вездѣ напечатаны, сколько онѣ были доступны печати. Пушкинъ прославилъ нашъ выпускъ, и если изъ 29-ти человѣкъ одинъ достигъ безсмертія, то это, конечно, ужъ очень, очень много.

Петръ Ѳедоровичъ Саврасовъ. Прекрасный, съ чистѣйшею душою, благороднѣйшій человѣкъ, и его тоже уже нѣтъ съ нами! Служивъ съ отличіемъ въ гвардейской артиллеріи и достигнувъ полковничьяго чина, онъ—который въ лицеѣ и послѣ пользовался самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ—впалъ вдругъ въ жестокую чахотку и скончался въ 1831 году за границею, куда поѣхалъ на воды. Онъ погребенъ въ Гамбургѣ, гдѣ и умеръ.

Баронъ Павелъ Ѳедоровичъ Гревеницъ. Человѣкъ съ дарованіями, образованіемъ и свѣдѣніями, но большой чудакъ, оригиналъ и нелюдимъ. Онъ съ самаго выпуска изъ лицея служитъ въ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ.

Алексѣй Демьяновичъ Илличевскій. Еще въ лицеѣ показывалъ явно желчный и завистливый характеръ, который послѣ отразился во всей его жизни и отравлялъ ее для него самого. Съ острымъ умомъ, съ большимъ дарованіемъ къ эпиграммѣ, онъ писывалъ прежде много стиховъ; но хотя при смерти его (въ 1837 г.) въ журналахъ назвали его «извѣстнымъ нашимъ литераторомъ», однако, извѣстность эта умерла вмѣстѣ съ нимъ. Онъ служилъ сперва въ министерствѣ финансовъ, потомъ долго жилъ въ отставкѣ и путешествовалъ за границею, и, наконецъ, вступилъ опять въ министерство финансовъ, въ которомъ и умеръ начальникомъ отдѣленія. Какъ собесѣдникъ, онъ былъ чрезвычайно пріятенъ, но друзей не имѣлъ: подозрительный и себялюбивый характеръ удалялъ его отъ всякаго сердечнаго сближенія.

Дмитрій Николаевичъ Масловъ. Статскій совѣтникъ, съ 2-го нынѣшняго августа исправляющій должность статсъ-секретаря въ департаментѣ законовъ. Одинъ мой выборъ его въ эту должность доказываетъ уже высокое мое о немъ мнѣніе. Въ лицеѣ мы его называли по перу и по дару слова нашимъ «Карамзинымъ». Потомъ, служа долго въ Москвѣ товарищемъ предсѣдателя коммерческаго суда, онъ умѣлъ пріобрѣсти общую любовь и уваженіе купечества. При всемъ томъ онъ имѣетъ разныя странности, дѣлающія изъ него порядочнаго

оригинала. Онъ женатъ на дочери сенатора Мертваго и имѣетъ двухъ дѣтей.

Александръ Алексѣевичъ Корниловъ. Свѣтлая голова и хорошія дарованія. Въ лицеѣ онъ лѣнился и притомъ вышелъ оттуда чрезвычайно молодъ; но послѣ самъ окончилъ свое образованіе и сдѣлался человѣкомъ очень путнымъ и полезнымъ. Онъ служилъ прежде въ гвардіи и дошелъ до полковника, а потомъ вышелъ въ статскую службу, съ пожалованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и назначенъ кіевскимъ губернаторомъ; но по непріятностямъ съ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ гр. Левашовымъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу. Въ прошломъ году онъ, однако, снова вступилъ въ службу и теперь тамбовскимъ губернаторомъ. Женатъ на графинѣ Толстой.

Сергѣй Григорьевичъ Ломоносовъ. Человѣкъ способный и умный, но еще болѣе хитрый и пронырливый: въ лицеѣ по этимъ свойствамъ мы называли его «кротомъ». Посвятивъ себя съ самаго начала дипломатіи и проведя, какъ Горчаковъ, почти всю жизнь за границею при разныхъ миссіяхъ, онъ теперь повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Бразиліи.

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ. Какъ Данзасъ, но въ другомъ отношеніи онъ былъ предметомъ неистощимыхъ нашихъ насмѣшекъ въ лицеѣ за свои странности, неловкости и смѣшную оригинальность. Съ эксцентрическимъ умомъ, съ пылкими страстями, съ необузданною ничѣмъ вспыльчивостью, онъ всегда былъ готовъ на всякія курьезныя продѣлки и еще въ лицеѣ пробовалъ было утопиться. Послѣ выпуска онъ метался изъ того въ другое, выбралъ, наконецъ, педагогическую карьеру и былъ преподавателемъ русской словесности въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. И въ лицеѣ, и послѣ онъ писалъ много стиховъ съ страннымъ направленіемъ, страннымъ языкомъ, но не безъ достоинствъ и издавалъ вмѣстѣ съ кн. Одоевскимъ журналъ, кажется, «Мнемозину». Все это кончилось исторіей 14-го декабря, въ которую онъ былъ сильно замѣшанъ, съ осужденіемъ въ каторжную работу.

Павелъ Михайловичъ Юдинъ. Человѣкъ оригинальный, съ острымъ языкомъ и колкій насмѣшникъ. Карьера его совершенно одинакова съ карьерой Гревеница. Вмѣстѣ они вступили въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ, вмѣстѣ получали всѣ чины и ордена и вмѣстѣ и теперь тамъ служатъ въ совершенно равныхъ степеняхъ. Графъ Нессельроде иронически называетъ ихъ: «Les piliers du ministère»—хотя, кажется, на нихъ ничего не лежитъ.

Николай Александровичъ Ржевскій. Въ лицеѣ былъ мальчикомъ не глупымъ, но примѣрнымъ лѣнтяемъ и совершенно

ничему не учился. Карьера его была очень коротка. Бывъ выпущенъ изъ лицея прапорщикомъ въ армію, онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и первый изъ насъ перешелъ къ вѣчному покою.

31-го августа. Августъ въ отношеніи къ погодѣ кончается ужаснымъ образомъ и достойно цѣлаго своего продолженія. Вчера съ утра задулъ сильнѣйшій морской вѣтеръ,—настоящая буря въ родѣ тѣхъ, которыя бываютъ у насъ въ октябрѣ и ноябрѣ, но и то не каждый годъ въ такой степени. Всѣ приморскія части города залиты были водой: во всѣхъ низменныхъ мѣстахъ она выступила изъ подземныхъ трубъ. По улицамъ отъ сильныхъ порывовъ вѣтра едва можно было ходить и даже ѣздить. Нева вся наполнилась барками и судами, пригнанными съ моря. Пароходы, отправившіеся было въ Кронштадтъ, принуждены были воротиться назадъ изъ устья Невы. Нѣсколько времени боялись такого же наводненія, какъ и въ 1824 году. Сегодня вода постепенно сбываетъ, но вѣтеръ еще не совсѣмъ стихъ: погода сумрачная, холодная, и на дачѣ невесело.

Дѣло о лажѣ пришло уже, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, въ отношеніи къ счету денегъ въ совершенный порядокъ; но уменьшенія цѣнъ, которыя были исчислены прежде на монету съ лажемъ, при разныхъ публикаціяхъ и настояніяхъ правительства никакъ еще достигнуть не могутъ: кромѣ нѣсколькихъ самыхъ значительныхъ торговыхъ заведеній, всѣ лавочники, всѣ торговцы съѣстными припасами, всѣ работники, наемщики и пр. хотятъ того же числа денегъ ассигнаціями по курсу 3 руб. 50 коп., какое получали прежде по счету на монету въ 3 руб. 75 коп. Даже бѣлый хлѣбъ, за который мы прежде платили по 8 коп. на монету, хотя въ полицейскихъ таксахъ съ мѣсяцъ уже переложенъ на 2 коп. сер. или 7 коп. асс., но нигдѣ по этой цѣнѣ достать его нельзя, и всѣ по-прежнему платятъ 8 коп., т. е. въ соразмѣрности одной копѣйкой болѣе, чѣмъ до манифеста 1-го іюля по тогдашнему курсу составляло. Впрочемъ, и нѣтъ тутъ мудренаго, когда правительство, проповѣдуя только на бумагѣ для частныхъ людей, само пользуется переложеніемъ для своихъ разсчетовъ. Такимъ образомъ, при установленіи платы на серебро, цѣны на табачныя бандероли и на предметъ общественнаго ежедневнаго употребленія—гербовую бумагу,—не только не уменьшены въ соразмѣрности, но, напротивъ, еще возвышены. Чрезъ Государственный Совѣтъ, при всей слабости его состава, эти несчастныя мѣры никогда бы не прошли; но теперь, пока не открыты еще общія собранія Совѣта, все это дѣлается черезъ Комитетъ министровъ, въ которомъ, за лѣтнимъ временемъ и Бородинскими маневрами, едва-ли теперь три или четыре члена. Особенное неудо-

вольствіе и даже ропотъ въ публикѣ возбуждены были такою же продѣлкою со стороны театральной дирекціи, которая, назначивъ цѣны мѣстамъ на серебро, съ тѣмъ вмѣстѣ подъ видомъ округленія ихъ и подняла. Но это продолжалось только три или четыре дня, а тутъ вдругъ въ афишкахъ объявлена опять новая такса, соразмѣрная прежней и даже на нѣкоторыя мѣста нѣсколько ниже. Мнѣ кажется, что вторая мѣра тутъ,—въ духѣ монархическаго правленія,—еще хуже первой: не надлежало, конечно, возвышать цѣнъ и впадать такимъ образомъ въ явное противорѣчіе съ дѣлаемыми частнымъ людямъ внушеніями; но, впавъ уже въ такую неосмотрительность, еще менѣе надлежало ее отмѣнять, какъ бы повинуясь требованію публики. Государю изъ всего этого едва-ли что-нибудь извѣстно.

2-го сентября. Мой дневникъ настоящій калейдоскопъ, слѣдующій только вращенію не руки, а ума. Пишу въ немъ какъ попало, безъ всякаго тщанія и еще съ меньшею системой. Теперь, напримѣръ, пришла мнѣ въ голову, Богъ знаетъ съ чего, статья о взяткахъ. Мнѣ во всей жизни два раза только прямо ихъ предлагали, и оба эти случая, относящіеся къ тому времени, когда я былъ еще начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ, чрезвычайно мнѣ памятны. Одинъ изъ предлагателей былъ простой русскій мѣщанинъ: у меня производилось дѣло о перечисленіи его изъ одного города въ другой. Онъ просто совалъ мнѣ въ руку—красную бумажку и крайне удивился, когда я объявилъ ему, что дѣло сдѣлается и безъ этого, и когда оно точно было сдѣлано въ тотъ же самый день. Другой предметъ былъ гораздо важнѣе, и лицо предлагавшее почетнѣе.

Шло дѣло объ опредѣленіи торговыхъ правъ финляндскаго купечества въ Россіи, и повѣренный онаго, тамошній негоціантъ Брунъ, послѣ неоднократныхъ со мною объясненій привезъ мнѣ наконецъ толстую пачку ассигнацій, прибавивъ, что это разные документы, которые онъ забылъ сообщить мнѣ при прежнихъ нашихъ объясненіяхъ.—Считая, что тутъ не за что сердиться, потому что Брунъ мѣряетъ меня только по общему аршину, я ласково и безъ всякаго сердца отклонилъ его «дополнительные документы», и дѣло было тоже рѣшено согласно его желанію, которое соотвѣтствовало и справедливости. Тогда онъ привезъ мнѣ табакерку «въ знакъ воспоминанія отъ финляндскаго купечества за оказанное ему добро», но я попросилъ его отрекомендовать меня просто въ добрую память своихъ согражданъ, отозвавшись, что съ моей стороны буду ихъ помнить и безъ нагляднаго знака ихъ расположенія.

Бородинскіе маневры повлекли за собою множество милостей и наградъ. Изъ важныхъ и почетныхъ лицъ кто сдѣланъ шефомъ полка съ присвоеніемъ оному его имени, кто пожалованъ лентами и звѣздами. Сверхъ того есть и одна награда общая: всѣмъ участвовавшимъ въ Бородинской битвѣ, если они и теперь еще состоятъ въ рядахъ, пожалованы въ видѣ прибавочнаго содержанія тѣ оклады, которые они въ то время получали, разумѣется, пока они останутся въ службѣ. Число такихъ ветерановъ, конечно, чрезвычайно ограничено, а прибавочное содержаніе совершенно ничтожно: ибо тогда оклады были самые маленькіе, и всѣ, продолжающіе еще нынѣ службу, состояли въ неважныхъ чинахъ. Такъ, напримѣръ, Паскевичъ, Толь, Чернышевъ были только полковниками.

Всѣ газеты наши наполнены великолѣпными описаніями бывшихъ маневровъ, воздвиженія на Бородинскомъ полѣ памятника (работы гр. Канкрина) и пр., но разумѣется, что нынѣ этотъ военный праздникъ не могъ имѣть той занимательности, какъ въ Калишѣ, или въ Вознесенскѣ, потому что онъ не былъ украшенъ присутствіемъ дамъ. Всего тутъ примѣчательнѣе собственноручный приказъ государя, отданный въ день битвы (26-го августа) войскамъ: вещь, въ которой пропасть народной поэзіи и знанія русскаго сердца.

Усердіе и смышленость—особенно же когда въ союзѣ съ ними твердое намѣреніе достигнуть своей цѣли и энергія характера—могутъ чрезвычайно много. Одно изъ явственныхъ тому доказательствъ—нынѣшній архимандритъ Сергіевской пустыни, находящейся близъ Стрѣльны, Игнатій Брянчаниновъ. Этотъ монастырь былъ прежде—и на очень близкой намъ памяти—въ неудовлетворительномъ состояніи. Теперь онъ во всѣхъ отношеніяхъ поставленъ на первую ступень: благочиніе, великолѣпіе, мастерское пѣніе клиросовъ, наружное благообразіе монаховъ, богатѣйшія облаченія—все соединяется вмѣстѣ, достигая идеала пышнаго и величественнаго и вмѣстѣ трогательнаго священнослуженія нашей церкви. Создано множество новыхъ зданій, церкви обновлены и украшены, и при всемъ томъ монастырю сбережены значительные капиталы. По велелѣпію и порядку богослуженія, располагающимъ невольно душу къ набожности, не остается ничего болѣе желать. Я видѣлъ множество монастырей въ Россіи, монастыри новгородскіе, кіевскіе, воронежскіе, московскіе, видѣлъ и три главныя наши лавры: всѣ онѣ далеко отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ Сергіевской пустыни, и развѣ только новгородскій Юрьевъ монастырь, московскіе Симоновъ и Донской могутъ быть поставлены въ нѣкоторое съ нею сравненіе.—И все это сдѣлано Игнатіемъ въ какія-нибудь пять или шесть лѣтъ при тѣхъ же почти средствахъ, которыми могли

располагать его предмѣстники. Происходя изъ хорошей дворянской фамиліи и бывъ воспитанъ въ Инженерномъ училищѣ, гдѣ онъ, состоя фельдфебелемъ, сдѣлался лично извѣстнымъ нынѣшнему государю, прослуживъ потомъ въ инженерахъ до поручиковъ, Брянчаниновъ наконецъ уступилъ давнишнему своему желанію принять иночество, долго послушничествовалъ по разнымъ отдаленнымъ монастырямъ, былъ послѣ настоятелемъ въ какомъ-то монастырѣ калужскомъ и переведенъ сюда архимандритомъ, кажется, въ 1832 или 1833 году. Нѣкоторые приписываютъ его постриженіе видамъ честолюбія, которыхъ не удовлетворяло начальное военное поприще въ военной службѣ; но другіе, ближе его знающіе, утверждаютъ, что онъ постригся единственно по влеченію сердца, бывъ воспитанъ съ дѣтства въ набожности и въ строгомъ исполненіи обрядовъ церкви. Какъ бы то ни было, но, судя по результатамъ, этого человѣка нельзя не назвать геніальнымъ въ своемъ родѣ. Онъ заслуживаетъ вниманія даже по строгому образу жизни и по чистотѣ, въ которой умѣлъ сохранить свою репутацію; молодой, прекрасный собою, архимандритъ изъ дворянъ, изъ военныхъ, съ свѣтскимъ воспитаніемъ [1]), не могъ не заинтересовать нашихъ дамъ. Разумѣется, что достигнутые имъ по управленію монастыря результаты не могутъ не возбуждать зависти въ монашествѣ и даже въ духовныхъ нашихъ властяхъ; но эта зависть можетъ снѣдать ихъ только втайнѣ, ибо у Брянчанинова могучій оплотъ противъ ихъ козней,— именно самъ государь, любящій и отличающій его еще со временъ Инженернаго училища. Я, кажется, говорилъ уже когда-то, что государь, бывъ недоволенъ привѣтствіемъ знаменитаго (покойнаго) Фотія въ Юрьевомъ монастырѣ, прислалъ его къ Брянчанинову — учиться, какъ надобно встрѣчать государя.

7-го сентября. Государственный Совѣтъ помѣщался съ самаго начала своего учрежденія въ Зимнемъ Дворцѣ [2]). Потомъ онъ былъ переведенъ въ домъ гр. Румянцова на Дворцовой площади, гдѣ оставался до тѣхъ поръ, пока всѣ частные дома на этой площади были срыты, для возведенія нынѣшняго зданія Главнаго штаба и министерства иностранныхъ дѣлъ. Тогда Совѣтъ перемѣстили опять во дворецъ, сперва въ такъ называемый Шепелевскій, а послѣ въ нижній этажъ Эрмитажа, гдѣ онъ и теперь имѣетъ свои засѣданія [3]). Но при всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ, всегда болѣе помышляемо было объ удобствѣ для самого

[1]) Онъ говоритъ между прочимъ очень хорошо по-французски и очень любитъ изъясняться на этомъ языкѣ.

[2]) Близъ кабинета императора Александра, который былъ въ бельэтажѣ, тамъ, гдѣ теперь комнаты императрицы.

[3]) Писано въ 1839 году.

Совѣта, нежели для государственной канцеляріи, которая никогда не имѣла не только приличныхъ, но даже сколько-нибудь сподручныхъ комнатъ для своихъ занятій.

Оттого съ самаго начала установился такой внутренній распорядокъ, что всѣ безъ изъятія чиновники, до послѣдняго писца, работаютъ у себя по домамъ, кромѣ небольшаго отдѣленія государственнаго секретаря, или личной его канцеляріи, для которой я, по примѣру моихъ предмѣстниковъ, нанимаю нѣсколько комнатъ при моей квартирѣ. Дурныя и даже опасныя послѣдствія подобнаго распорядка очевидны, и потому я, тотчасъ по вступленіи въ должность, вошелъ въ сношеніе съ министерствомъ императорскаго двора объ отводѣ для государственной канцеляріи болѣе приличнаго и удобнаго помѣщенія, нежели то, которое она занимаетъ теперь въ темныхъ и низкихъ антресоляхъ надъ комнатами Совѣта. Но сношенія мои были безуспѣшны: сперва предполагали было Инвалидный комитетъ, помѣщающійся подлѣ Совѣта, перевести въ Таврическій дворецъ и намъ отдать его комнаты; однако государь на это не соизволилъ, а другихъ свободныхъ комнатъ по близости не оказалось. Итакъ все оставалось по-прежнему. Но, наконецъ, такой безпорядокъ, обращающійся, кромѣ вреда дѣламъ, и къ порчѣ чиновниковъ, мнѣ надоѣлъ и, по совѣщаніи съ правящими должность статсъ-секретарей, я приказалъ, чтобы всѣ младшіе чиновники, непремѣнно, каждый день,—кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ,—собирались отъ 11 до 3-хъ часовъ въ тѣхъ комнатахъ, которыя предназначены для государственной канцеляріи. Порядокъ этотъ воспріялъ свое начало съ 1-го текущаго сентября, и хотя онъ на первыхъ порахъ, разумѣется, не нравится и антресоли наши крайне неудобны для занятій, однако по крайней мѣрѣ я теперь спокоенъ насчетъ цѣлости дѣлъ, которыя прежде каждый уносилъ съ собою на домъ, и, сверхъ того, этимъ введено болѣе порядка и удобства по внутреннимъ сношеніямъ.

8-го сентября. Государственный Совѣтъ и въ прежнее время позволялъ себѣ иногда искреннее изъясненіе своихъ мыслей предъ самодержавной властью. Такъ, на-дняхъ, попалось мнѣ дѣло 1811 года о комплектованіи арміи и флота, въ которомъ столько же любопытны разсужденія Совѣта, сколько и отмѣтки императора Александра. Въ журналѣ Совѣта, при разсужденіяхъ о рекрутскихъ наборахъ, между прочимъ, сказано было: «Россійское войско до сихъ поръ было единое въ Европѣ, храбростью своею и вѣрностью къ государю и отечеству отличающееся; но теперь едва-ли съ надлежащею основательностью можетъ быть подтверждаема сія доблесть онаго. Прежде всякій полководецъ смѣло могъ отважиться на великіе и трудные подвиги; но теперь, зная безсиліе и тщедушность вновь набираемыхъ воиновъ, не въ

состояніи ничего особенно важнаго предпринять». Противъ этой статьи государь отмѣтилъ: «Несправедливо: не всякій полководецъ, но Румянцевъ, Суворовъ; сіи никогда не были на-ряду со всякимъ. Впрочемъ я вопрошаю: наборы тогдашніе развѣ были на другомъ основаніи, какъ нынѣ; посему мнѣ кажется несправедливо искать причину въ образѣ набора солдатъ, а скорѣе ее сыскать можно въ талантахъ предводителей арміи».

Въ другомъ мѣстѣ того же журнала упоминалось: «что нынѣ большая часть доставляемыхъ рекрутъ не ряды храбрыхъ защитниковъ отечества, но одни госпитали и лазареты наполняютъ. Полки, сформированные въ 1807 году, не суть-ли очевиднымъ тому доказательствомъ? Полки сіи, не бывъ употреблены противъ непріятеля, въ одинъ годъ около двухъ третей своего комплекта потеряли». Тутъ Александръ написалъ: «Совершенно несправедливо. Полки сіи были укомплектованы не рекрутами, а милиціей, коея выборъ точно былъ на томъ основаніи, на коемъ предполагается (въ томъ журналѣ Совѣта) учредить впредь наборы рекрутъ, то-есть предоставя одобренію однихъ предводителей. Гдѣ собственный интересъ дѣйствуетъ, можно-ли положиться на 500 или болѣе находящихся у насъ предводителей?»

Позенъ, который вчера пріѣхалъ изъ дальняго путешествія по Россіи, посѣтивъ самые многолюдные и промышленные ея пункты и бывъ, между прочимъ, тоже на Нижегородской ярмаркѣ, говоритъ, что манифестъ объ уничтоженіи лажа вездѣ принятъ съ крайнимъ неудовольствіемъ и нигдѣ не находитъ себѣ защитниковъ. Всѣ соглашаются, что надобно было принять мѣры противъ этого нетерпимаго ажіотажа, но всѣ вопіютъ противъ тѣхъ именно мѣръ, которыя теперь приняты. Курсъ въ 3 р. 50 к. введенъ повсемѣстно и исполняется безпрекословно, но цѣны, вопреки ожиданіямъ и внушеніямъ правительства, нигдѣ въ соразмѣрность не упали и напротивъ даже мѣстами поднялись. Отъ этого кричатъ капиталисты, которые потерпѣли ущербъ въ своихъ капиталахъ; помѣщики, которые въ той же суммѣ денегъ получаютъ съ своихъ имѣній менѣе доходовъ; мануфактуристы и заводчики—оттого, что рабочіе требуютъ по новому курсу той же платы, какую получали прежде по счету на монеты; рабочіе, торговцы и вообще классъ промышленный принуждаютъ ихъ понижать цѣны, чего они не хотятъ и частью не могутъ сдѣлать; наконецъ, чиновники—оттого, что имъ оставляется то же самое жалованье, когда цѣна денегъ упала.

Въ Москвѣ былъ общій вопль во всѣхъ классахъ противъ князя Любецкаго, которому приписываютъ эту мѣру, сколько по общей молвѣ, столько и потому, что онъ на бѣду свою въ одинъ день съ изданіемъ манифеста получилъ брилліанты къ Александровской звѣздѣ. Вопль и

нареканія на него тѣмъ сильнѣе, что онъ полякъ и что большая масса видитъ здѣсь какой-то злой умыселъ къ утѣсненію народа. Все это вѣсти Позеновскія, къ сожалѣнію, впрочемъ, довольно вѣроятныя.

Бородинскіе маневры кончились. Государь пріѣхалъ оттуда въ Москву 3-го сентября вечеромъ. Свободныя гвардейскія войска, бывшія отсюда на Бородинскомъ полѣ, также вступятъ въ Москву, и купечество сбирается ихъ угостить въ экзерциргаузѣ. Потомъ будетъ торжественная закладка храма Христа Спасителя, предположеннаго еще Александромъ въ память 1812 года, начатаго на Воробьевыхъ горахъ, но потомъ несостоявшагося за совершеннымъ неудобствомъ мѣстности. Храмъ будетъ въ самомъ городѣ близъ Кремля на берегу Москвы-рѣки, тамъ, гдѣ стоялъ прежде Алексѣевскій монастырь. Когда я посѣтилъ въ прошломъ году Москву, этотъ монастырь былъ уже срытъ и планировали мѣсто. Ермоловъ, почитающійся теперь рѣшительно не въ милости, былъ однакоже въ Бородинѣ. И трудно бы ему было не пріѣхать туда, когда въ 1812 году онъ былъ тутъ начальникомъ штаба дѣйствовавшей арміи: слѣдственно однимъ изъ самыхъ первыхъ лицъ. На послѣднемъ маневрѣ, изображавшемъ самую битву, Ермоловъ былъ при государѣ вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ и княземъ Д. В. Голицынымъ, и онъ много говорилъ съ ними о подробностяхъ сраженія.

15-го сентября. Опять новыя вѣсти о лажѣ. Графъ Левашовъ, возвратившійся изъ Бородина, но бывшій передъ тѣмъ во Владимірской губ., увѣряетъ, что тамъ дѣло принялось какъ нельзя лучше и мѣры правительства приняты съ большою благодарностью. Простой народъ въ особенности говоритъ, что теперь только «увидѣлъ свѣтъ Божій». Въ Москвѣ дѣло идетъ не такъ ладно. Тамъ все еще находятся барышники и спекуляторы, которые, пользуясь старыми привычками народа, выискиваютъ средства обманывать его на деньгахъ разными манерами; но мѣстное начальство не шутитъ и какъ эти люди всѣ безъ изъятія самыхъ низшихъ классовъ, то ихъ ловятъ и сѣкутъ безъ дальнѣйшаго суда по одному полицейскому разбору. На цѣны, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Петербургѣ, торговое совмѣстничество тоже начинаетъ производить свое дѣйствіе. Извѣстно, что многіе товары, которыми торгуетъ Англійскій магазинъ, можно достать и въ гостинодворскихъ лавкахъ, но всегда нѣсколькими процентами ниже. Теперь, когда Англійскій магазинъ переложилъ свои цѣны на серебро съ соотвѣтственнымъ пониженіемъ, а гостинодворцы остались при прежнихъ, обоюдныя ихъ цѣны сравнялись, и оттого всѣ покупщики постепенно переходятъ отъ послѣднихъ къ первому, при увѣренности за тѣ же деньги получить товаръ безъ обману. Это непремѣнно заставитъ гостинодворцевъ пони-

зить и свои цѣны въ прежнюю соразмѣрность, чтобы не лишиться всѣхъ покупателей, и говорятъ, въ нѣкоторыхъ лавкахъ къ тому уже и приступили.

17-го сентября. Государь воротился изъ Москвы въ ночь съ 15-го на 16-ое, въ Царское Село. Онъ перелетѣлъ въ 35 часовъ— немногимъ дольше, чѣмъ можно бы сдѣлать этотъ переѣздъ по желѣзной дорогѣ. На дорогѣ онъ обогналъ передоваго своего фельдъегеря, за что̀ однако же очень разгнѣвался.

4-го октября. Зимній дворецъ шалитъ, и предсказанія о немъ фаталистовъ сбываются. Излишняя поспѣшность въ его возобновленіи являетъ свои послѣдствія: вездѣ страшная сырость и многое надобно опять снова передѣлывать; такъ, напримѣръ, и прелестная Бѣлая зала съ своими золотыми колоннами, стоившая столько денегъ, совсѣмъ почернѣла. Между тѣмъ на бѣду вздумали прошлымъ лѣтомъ сдѣлать разныя капитальныя передѣлки и въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ теперь тоже большая сырость. Отъ этого царской фамиліи рѣшительно негдѣ помѣститься въ Петербургѣ, и она по необходимости должна жить еще очень долго въ Царскомъ Селѣ.

Вчера пришло извѣстіе, что гр. Толя на возвратномъ пути изъ Варшавы сюда на польской границѣ передъ Юрбургомъ разбилъ параличъ, отъ котораго у него отнялась цѣлая сторона. Примѣчательно, что по наступавшему постепенно онѣмѣнію, онъ впередъ предчувствовалъ этотъ ударъ и успѣлъ еще написать нѣсколько строкъ государю. Сегодня поскакалъ къ нему отсюда его сынъ. По дошедшимъ слухамъ говорятъ, что положеніе его если не совсѣмъ безнадежно, то по крайней мѣрѣ очень опасно.

И ужасно то, что наше безлюдье примѣчается не только въ гражданской администраціи, но и въ другихъ частяхъ управленія. Въ военномъ вѣдомствѣ изъ людей значущихъ и играющихъ роль развѣ только корпусные командиры Муравьевъ (Николай), Нейдгардтъ и начальникъ штаба въ Варшавѣ кн. Горчаковъ выходятъ нѣсколько изъ ряду обыкновенныхъ; прочіе корпусные командиры: или люди самые посредственные, или еще ниже посредственности, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Мнѣ сказывалъ это Позенъ, который ближе ихъ знаетъ не только лично, но и по дѣламъ, и на мнѣніе котораго можно положиться.

Лучшіе люди еще у насъ въ дипломатіи; но посолъ нашъ во Франціи, гр. Паленъ, говорилъ мнѣ на-дняхъ, что и тамъ теперь представляется величайшее затрудненіе: лондонскій нашъ посолъ графъ Поццо-ди-Борго, за-семидесяти-лѣтній старецъ, до такой степени упалъ и упа-

даетъ моральными силами, что ему невозможно долѣе оставаться на этомъ важномъ посту.

Наши засѣданія подъ предсѣдательствомъ Голицына идутъ своимъ порядкомъ ничуть не хуже, чѣмъ при Васильчиковѣ, хотя первый почти нисколько не занимается дѣлами, не тревожитъ меня и не отрываетъ отъ дѣла безпрестанными присылками, а ограничивается коротенькимъ словеснымъ докладомъ передъ самымъ присутствіемъ. Собственныхъ идей, собственнаго высшаго соображенія нѣтъ ни у того, ни у другого, и отъ того оба подвержены постороннимъ вліяніямъ, но у Васильчикова эти вліянія совершенно затемняютъ всякое личное сужденіе, а у Голицына болѣе прозорливости и все-таки сколько-нибудь, но болѣе дѣловой опытности. Вообще Голицынъ умнѣе Васильчикова, болѣе его имѣетъ такта, вѣса и достоинства; за то послѣдній гораздо усерднѣе къ дѣламъ, болѣе беретъ къ сердцу государственные интересы, болѣе по-своему радѣетъ объ ихъ охраненіи; но результаты въ отношеніи къ Совѣту почти одни и тѣ же, и я былъ бы очень затрудненъ, если бы пришлось рѣшать: кто изъ нихъ, какъ предсѣдатель, полезнѣе? За то какъ свѣтскій человѣкъ, какъ homme d'esprit, Голицынъ неоспоримо уже имѣетъ всѣ преимущества предъ Васильчиковымъ. Невозможно быть милѣе перваго, и съ нимъ можно проводить часы не соскучась, даже съ возрастающимъ интересомъ, тогда какъ съ послѣднимъ всякій матеріалъ къ какому-нибудь разговору очень скоро истощается.

Голицынъ былъ всегда очень близокъ ко двору, начиная съ камеръ-пажества во времена Екатерины, и помнитъ всѣ придворныя отношенія и интриги за 40 лѣтъ, всѣ анекдоты, все забавное, что случилось въ это время, и—все это разсказываетъ съ необыкновеннымъ умѣньемъ. Слушая его, воображаешь себѣ совершенно, что читаешь какія-нибудь болтливые, но острые и веселые французскіе мемуары. Истинно жаль, если онъ не диктуетъ своихъ записокъ въ этомъ родѣ, которыя были бы драгоцѣннымъ запасомъ юмора и соли; иначе съ нимъ умрутъ всѣ эти преданія, вся живая традиція четырехъ царствованій.

12-го октября. Бухарскій ханъ прислалъ въ подарокъ государю слона, который на-дняхъ сюда прибылъ, вмѣстѣ съ двумя своими адъютантами, верблюдами. Государь осматривалъ этого слона въ Царскомъ Селѣ, въ присутствіи одной женщины, которая не знала государя и въ первый разъ въ жизни видѣла слона.

— А что это, батюшка, за звѣрь?—спросила она.

— Слонъ.

Государь, которому понравилось и это незнаніе его особы, и этотъ

вопросъ, съ умысломъ продолжалъ разговоръ и, между прочимъ, спросилъ женщину, какъ она довольна величиною слона?

— Чудо, батюшка, по истинѣ чудо: всякое дыханіе да хвалитъ Господа.

Графъ Толь, при первомъ письмѣ своемъ, отправленномъ къ государю въ близкомъ предчувствіи смерти, доставилъ между прочимъ дневникъ, который при каждомъ его путешествіи вели всегда всѣмъ его распоряженіямъ и приказаніямъ по его части. Адъютанту, который привезъ письмо и дневникъ, велѣно было вручить послѣдній государю при первомъ извѣстіи о кончинѣ Толя; но онъ понялъ иначе и отдалъ въ одно время съ письмомъ, а тутъ вышло довольно курьезное обстоятельство: въ одномъ мѣстѣ графъ, замѣтивъ крайнюю ветхость одного дома шоссейной стражи, пишетъ, что непремѣнно нужно, для предстоящаго проѣзда государя, исправить его хоть сколько-нибудь по наружности.

13-го октября. Государь чрезвычайно грустенъ, и русское сердце страждетъ за него и вмѣстѣ съ нимъ. Киселевъ, который уже съ нимъ работалъ по возвращеніи изъ Москвы, говоритъ, что онъ все время сидѣлъ подперши лобъ рукою и, разсказывая о положеніи императрицы, изъявлялъ глубокую свою горесть и малыя надежды: «Что мнѣ, что доктора говорятъ, будто бы у нея поменьше жаръ: я самъ лучше всѣхъ вижу ея грустное положеніе». И при этомъ выступили у него двѣ крупныя слезы...

22-го ноября. Васильчиковъ на-дняхъ объяснялся съ государемъ по дѣлу, бывшему въ Комитетѣ министровъ, о мѣрахъ къ распространенію въ остзейскихъ губерніяхъ русскаго языка, и при этомъ зашла рѣчь о привилегіяхъ нашихъ остзейцевъ — предметѣ, который, вмѣстѣ съ Сводомъ ихъ мѣстныхъ законовъ, долженъ скоро подвергнуться окончательному разсмотрѣнію. Васильчиковъ, хотя и русскій въ душѣ, однако русскій благоразумный и потому большой защитникъ этихъ привилегій, освященныхъ царскимъ словомъ и которыхъ остзейское дворянство—всегда преданное нашему правительству,—конечно, никогда не употребляло во зло.

— Что же касается до этихъ привилегій,—сказалъ государь,—то я теперь и всегда буду самымъ строгимъ ихъ оберегателемъ, и пусть никто и не думаетъ подъѣхать ко мнѣ съ предвареніями объ ихъ перемѣнѣ, а чтобы доказать, въ какой степени я ихъ уважаю, я готовъ бы былъ самъ сейчасъ принять дипломъ на званіе тамошняго дворянина, если бы дворянство мнѣ его поднесло.

Потомъ обратясь, къ наслѣднику, онъ прибавилъ:

— Это я говорю и для тебя: возьми за непремѣнное и святое правило всегда держать то, что ты однажды обѣщалъ.

Кстати объ остзейскихъ губерніяхъ. Недавно вышла книга «извѣстнаго» Булгарина: «Лѣтняя прогулка по Финляндіи и Швеціи»— вещь довольно пустая, сколоченная изъ видовъ, съ примѣсью большого хвастовства. Она начинается обозрѣніемъ моральнаго состоянія Остзейскаго края, особенно Лифляндіи, гдѣ Булгаринъ долго жилъ въ своемъ имѣніи Карловкѣ, въ окрестностяхъ Дерпта, гдѣ онъ имѣлъ безчисленныя исторіи съ студентами изъ дворянства, не всѣ относившіяся къ его чести. Въ этомъ обозрѣніи онъ изливаетъ всю свою желчь на лифляндское дворянство; хотя и нѣтъ сомнѣнія, что тутъ много правды, однако все представлено въ преувеличенномъ видѣ и притомъ въ самыхъ язвительныхъ краскахъ, такъ что я не могъ довольно надивиться оплошности цензуры, пропустившей такую діатрибу противъ дворянскаго сословія цѣлой губерніи. Потомъ выписки изъ книги Булгарина, именно по этой статьѣ, перешли и въ нѣмецкія академическія Вѣдомости. Но какъ тутъ ругательства его сдѣлались уже доступными тѣмъ, противъ кого они направлены, то вся бѣда пала на бѣднаго редактора нѣмецкихъ Вѣдомостей Ольдекопа, который за приложенный къ переводу ихъ трудъ, долженъ былъ просидѣть на гауптвахтѣ.

24-го ноября. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ литераторовъ, Мельгуновъ, давно уже путешествующій по Германіи, описываетъ свиданіе свое въ 1836 году съ Гумбольдтомъ и заключаетъ его такъ: «Но Гумбольдту все-таки 70 лѣтъ, а изъ новаго поколѣнія не видать до сихъ поръ никого, кто бы могъ не только затмить его славу, но даже къ ней приблизиться. Гумбольдтъ и Шеллингъ чуть-ли не единственные оставшіеся великаны ученаго міра Германіи; но и эти великаны скоро исчезнутъ, и эти полубоги скоро покинутъ землю, едва-ли оставивъ послѣ себя преемниковъ. Кругомъ все мелко: нашъ вѣкъ есть вѣкъ посредственности». —послѣднія строки, къ несчастію, не одно поэтическое восклицаніе, но сущая истина! Не говоря объ остальной Европѣ, страшно обернуться и на нашу Россію, гдѣ все великое, творческое, геніальное постепенно удаляется со сцены и оставляетъ на ней однихъ статистовъ,—Россію, гдѣ явленіе это тѣмъ примѣчательнѣе, что прежде мы ничему или почти ничему не учились, а теперь обилуемъ университетами и всѣми возможными училищами, общими и спеціальными, и всѣ эти училища переполнены и всякой годъ выпускаютъ тучи кончившихъ курсъ студентовъ и пр. Возьмемъ только послѣднія 10 лѣтъ, и что мы тутъ растеряли! Въ администраціи угасли свѣтлыя имена Кочубея и колос-

сальнаго Сперанскаго, умираетъ Канкринъ, и почти умеръ Дашковъ. Въ литературѣ не стало Карамзина и Пушкина, Жуковскій выписался, Крыловъ умолкъ въ глубокой зимѣ своихъ сѣдинъ. Съ военнаго поприща сошелъ Дибичъ, а другая знаменитость—Толь—скорыми шагами близится къ разрушенію, и кто же замѣнитъ эти народныя славы или кто обѣщаетъ замѣнить ихъ въ будущемъ, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ?

14-го декабря. Нынче завелась у насъ весьма полезная вещь, заимствованная отъ чужихъ краевъ, именно чтеніе по разнымъ предметамъ публичныхъ курсовъ. Чтенія эти поручаются извѣстнымъ ученымъ отъ Академіи наукъ, отъ министерства финансовъ и пр., и производятся большею частію даромъ. Къ числу ихъ принадлежатъ и чтенія о русскомъ языкѣ и русской словесности извѣстнаго нашего филолога и журналиста Николая Ивановича Греча. Онъ читаетъ, впрочемъ, не по порученію, а самъ отъ себя, и не даромъ, а за деньги (15 р. серебромъ за 15 чтеній), кромѣ нѣкоторыхъ лицъ, которымъ онъ прислалъ, такъ сказать, почетные билеты, въ томъ числѣ и мнѣ. Чтенія эти привлекаютъ довольно значительное стеченіе слушателей, до 300 и болѣе, и вообще довольно удовлетворительны, при прекрасномъ органѣ и отличномъ образѣ чтенія Греча, хотя они едва-ли бы выдержали строгую критику въ печати. Посреди многаго дѣльнаго, путнаго, даже отчасти новаго, въ нихъ прорывается немало и очень извѣстнаго, обветшалаго, тоже въ родѣ «ad usum delphini», иногда мысли не совсѣмъ основательныя, шутки нѣсколько тупыя. Между тѣмъ тутъ бываютъ и министры, и члены Государственнаго Совѣта, и даже дамы, хотя никакъ нельзя еще сказать, чтобы было въ тонѣ ѣздить на Гречевы вечера, что мы едва-ли и скоро дождемся при чтеніяхъ русскихъ.

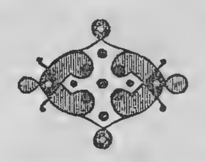
25-го декабря. Такъ какъ нынче Рождество въ понедѣльникъ, то сочельникъ, по церковному обряду, праздновался въ пятницу. За то въ субботу, какъ бы не бывало уже поста, былъ большой обѣдъ у шведскаго посланника барона Пальмстіерна, на которомъ присутствовало гораздо болѣе русскихъ, нежели иностранцевъ,—въ томъ числѣ и я: обѣдъ со всею дипломатическою пышностію и гастрономическою роскошью. Пальмстіерна составляетъ въ нашемъ дипломатическомъ корпусѣ чрезвычайно рѣдкое изъятіе. Занимая уже очень давно свой постъ, онъ выучился въ совершенствѣ русскому языку и не только говоритъ, но и пишетъ на немъ свободно. Привязанность его къ русскому языку простирается такъ далеко, что онъ принадлежитъ даже къ числу самыхъ ревностныхъ посѣтителей чтеній Греча.

29-го декабря. Я былъ вчера у гр. Канкрина, который все еще боленъ и страждетъ невыразимо. Онъ теперь уже болѣе мѣсяца лежитъ въ постели, устроенной съ обыкновенною его комическою оригинальностью. Это огромная двухспальная кровать, страшной вышины, что-то въ родѣ катафалка, съ котораго онъ озираетъ всѣхъ приходящихъ. Подъ локтями у него исполинскіе фоліанты, на которые онъ упирается, какъ Зевесъ на свою молнію. При всемъ этомъ страдальческомъ положеніи и при всѣхъ этихъ причудахъ,—Канкринъ нисколько не прекращаетъ своей изумительной дѣятельности: онъ весь день читаетъ, диктуетъ, самъ пишетъ—словомъ, управляетъ своимъ министерствомъ въ полномъ его объемѣ, какъ самый трудолюбивый директоръ своимъ департаментомъ. Вчера онъ говорилъ мнѣ, что, чувствуя себя совершенно изнуреннымъ и въ здоровьи, и въ силахъ, давно желалъ бы совсѣмъ оставить службу, но удерживается въ томъ только страхомъ, что государь разгнѣвается.

— А если государь разгнѣвается,—прибавилъ онъ—то вы знаете, что мнѣ не будетъ покоя и отъ другихъ: меня тотчасъ начнутъ преслѣдовать и гнать, а при 17-тилѣтнемъ управленіи министерствомъ найдется, конечно, немало такого, за что злому намѣренію можно будетъ придраться, и, пожалуй, вздумаютъ еще отдать подъ судъ.

Хотя я и не думаю, чтобы въ этомъ заключалась единственная причина, удерживающая Канкрина, однако помню еще за нѣсколько предъ симъ лѣтъ сказанныя мнѣ слова «что министру финансовъ, для покоя своего, надобно умирать на этомъ мѣстѣ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго [1]).

XIII. Письма и записки А. А. Краевскаго.

1.

5-го февраля (1837).

Увѣдомьте, Бога деля, что сотворилось съ докладными записками Жуковскаго о «Современникѣ» и полномъ собраніи стихотвореній П. [2]); получу-ли я портретъ его для «Литературныхъ Прибавленій», объявленіе о похоронахъ и послѣднихъ дняхъ его, и пр. и пр. [3])

Краевскій.

2.

13-го февраля (1837).

Жуковскій назначилъ у васъ ньньче въ 8 часовъ совѣщаніе о «Современникѣ» [4]). Но Плетневъ и я не можемъ быть въ это время; о Плетневѣ не знаю, но я пріѣду къ 10 часамъ. Я объ этомъ далъ уже знать дядюшкѣ [5]); о семъ же чиню и васъ извѣстнымъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1904 г.

[2]) Т. е. Пушкина.

[3]) Ни портрета Пушкина, ни объявленія о похоронахъ и послѣднихъ дняхъ его не было помѣщено въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ». Краевскому пришлось ограничиться краткимъ извѣстіемъ о смерти Пушкина, которое было напечатано въ № 5 «Литературныхъ Прибавленій» отъ 30-го января и начиналось словами: «Солнце нашей поэзіи закатилось».

[4]) См. выше, стр. 378, прим. 2-е.

[5]) Т. е. Жуковскому.

Нынче въ 12 часовъ диспутъ Никитенко [1]); пріѣзжайте въ университетъ: штука-то интересная.

Краевскій.

3.

15-го февраля (1837).

Н. Н. Пушкина [2]) завтра, кажется, отъѣзжаетъ въ деревню со всѣмъ скарбомъ. Сдѣлайте одолженіе, напишите Віельгорскому [3]) слѣдующее: мнѣ, т. е. Краевскому, хочется имѣть на память отъ Пушкина камышевую желтую его палку, у которой въ набалдашникъ вдѣлана пуговица съ мундира Петра Вел(икаго). Если опекуны не уважутъ моего чувства привязанности къ покойному, то пусть дадутъ мнѣ палку за тотъ долгъ, который Пушкинъ всегда считалъ на себѣ относительно меня за «Современникъ»: во весь годъ, какъ вамъ извѣстно, я не получилъ отъ него ни копѣйки [4]). Только поспѣшите.

Краевскій.

4.

2-го ноября (1837).

Статья ваша [5]) уже набрана, скорригована и почти подъ прессомъ слѣд(овательно) отпечатана будетъ. Ради Бога, присылайте вторую статью [6]). Я не забылъ завѣта Пушкина, что «пріязнь и дружбу создалъ Богъ, а литературу и критику мы сами выдумали», и всегда дѣйствую по этому завѣту; а потому и вы не должны были думать, что я откажусь напечатать вашу статью.

Прошу Модъ [7]).

---

[1]) Александръ Васильевичъ Никитенко († 1877) (профессоръ С.-Петербургскаго университета и впослѣдствіи академикъ) защищалъ на степень доктора философіи диссертацію «О творческой силѣ въ поэзіи или о поэтическомъ геніи» (Спб. 1836). Описаніе этого диспута см. въ «Запискахъ и дневникѣ А. В. Никитенко», т. I, Спб. 1893, стр. 384.

[2]) Вдова А. С. Пушкина.

[3]) Графу Михаилу Юрьевичу, одному изъ опекуновъ надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина.

[4]) О трудахъ Краевскаго по „Современнику" см. въ запискахъ Пушкина къ Краевскому отъ 1836 года (Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова, т VII, Спб. 1903, стр. 652 и 656).

[5]) Первая статья кн. В. Ѳ. Одоевскаго о В. А. Каратыгинѣ въ «Гамлетѣ» (бенефисъ г-жи Валберховой 4-го октября 1837) была напечатана въ фельетонѣ № 45 «Литературныхъ Прибавленій» отъ 6-го ноября 1837 года.

[6]) Продолженіе этой статьи кн. Одоевскаго не появлялось въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» (см. примѣчаніе къ слѣдующему письму).

[7]) Въ каждомъ № «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду» былъ отдѣлъ Модъ.

Воейковъ [1]), Владиславлевъ [2]) и К° поручили мнѣ просить васъ въ субботу въ 3 часа на обѣдъ, даваемый по случаю освященія и открытія заведенной ими типографіи, на Сѣнной площади, въ домѣ Таирова, подлѣ того дома, гдѣ читалъ лекціи Гессъ [3]). Тамъ будутъ многіе—50 человѣкъ литераторовъ, артистовъ и пр. и пр. Между прочими И. А. Крыловъ, Вяземскій и т. д. Отвѣчайте, чтобъ я могъ дать отвѣтъ [4]).

Вашъ Краевскій.

Сдѣлайте одолженіе, напишите пояснѣ(е) латинскими буквами подчеркнутыя нѣмецкія слова въ статьѣ. Я боюсь наврать.

5.

(Начало ноября (до 6-го) 1837).

Чтобы сдѣлать вамъ угодное, я печатаю статью о Гамлетѣ безъ всякихъ примѣчаній, и принужденъ, къ душевному моему прискорбію, въ первый разъ напечатать безъ оговорки то, что противно искреннему моему убѣжденію. Хоть за эту жертву поторопитесь второю статьею о Гамлетѣ и пришлите ее завтра [6]). Смѣшно будетъ откладывать далѣе продолженіе статьи, которая и безъ того уже очень запоздала [7]).—Вы говорите, что публика противъ меня въ отношеніи къ театру. Но неужели смотрѣть на публику? Она апплодируетъ Асенко-

---

[1]) Александръ Ѳедоровичъ.

[2]) Владиміръ Андреевичъ († 1856), издатель альманаха «Утренняя Заря». Третьимъ компаньономъ въ заведеніи этой типографіи былъ извѣстный въ то время табачный фабрикантъ Жуковъ.

[3]) Извѣстный химикъ, академикъ Германъ Ивановичъ Гессъ (Hess р. 1802 † 1850).

[4]) Описаніе торжества открытія типографіи Воейкова и К° см. въ Запискахъ И. П. Сахарова («Русскій Архивъ» 1873 г., книга первая, ст. 941—947).

[5]) Вторая статья кн. Одоевскаго о В. А. Каратыгинѣ въ „Гамлетѣ“ осталась недоконченною (см. опись бумагъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго въ приложеніи къ „Отчету Императ. Публичн. Библіотеки за 1884 годъ“, Спб. 1887, стр. 46) и въ печати не появлялась.

[6]) „Гамлетъ“ шелъ на сценѣ 2 октября 1837 г. (см. прим. къ предъидущему письму).—Письмо В. А. Каратыгина къ князю В. Ѳ. Одоевскому по поводу „Гамлета“, отъ 6-го октября 1837 г., см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г., ст. 845.

вой [1]) болѣе, чѣмъ M-me Allan [2]), и вызываетъ по 2 раза Величкина съ Толченовымъ [3]).

Краевскій.

Типографія проситъ Модъ.

6.

(4-го февраля 1838).

Записка князя В. Ѳ. Одоевскаго къ А. А. Краевскому.

Василій Андреевичъ [4]) желаетъ имѣть отъ васъ отвѣтъ на вчерашнюю записку; увѣдомьте, что именно поправлено въ его привѣтствіи Крылову; если есть въ немъ хоть малѣйшая перемѣна, то онъ требуетъ, чтобы рѣчь его отнюдь не была напечатана. Сіе пишу подъ его диктовкой [5]).

Кн. Вл. Одоевскій.

---

[1]) Драматическая актриса.

[2]) Louise-Rosalie Allan-Despréaux (р. 1810 † 1856), актриса изъ Comédie Française, приглашенная въ 1837 году въ Петербургъ дирекціею Императорскихъ театровъ. «Въ ней (г-жѣ Алланъ) все натура—писалъ Краевскій,—слѣдовательно все жизнь, все чувство... Желаемъ, отъ всей души желаемъ, чтобы примѣръ г-жи Алланъ подѣйствовалъ на закоренѣлые недостатки нѣкоторыхъ изъ нашихъ артистовъ» („Литер. Прибавл. къ Русск. Инвалиду“ 1837 г., № 27).

[3]) Драматическіе актеры.

[4]) Жуковскій.

[5]) Эта записка Жуковскаго къ Краевскому напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1901 г., іюль, стр. 104—105. „Я слышалъ отъ Вяземскаго—писалъ Жуковскій,—что нѣкоторыя мѣста въ моей рѣчи должны быть вымараны. Если это правда, то прошу совсѣмъ не помѣщать моей рѣчи. Я никакъ не могу согласиться на такое обрѣзаніе“. Рѣчь Жуковскаго, сказанная на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ И. А. Крылова, происходившемъ 2 февраля 1838 года, помѣщена въ рѣдкой брошюрѣ „Привѣтствія, говоренныя Ивану Андреевичу Крылову въ день его рожденія и совершившагося пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности, на обѣдѣ 2 февраля 1838 г. въ залѣ Благороднаго Собранія“ (Спб. 1838. Цензурное разрѣшеніе къ печати отъ 2-го февраля 1838 г.). Отсюда она была перепечатана въ № 35 „Русскаго Инвалида“, отъ 5 февраля, и въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія“ 1838, ч. XVII, стр. 217—218, въ выноскѣ. На помѣщеніе же ея въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ не изъявилъ согласія, такъ какъ былъ недоволенъ упоминаніемъ въ этой рѣчи о Пушкинѣ. Въ „Сочиненіяхъ“ Жуковскаго эта его рѣчь не была помѣщаема до 8-го изданія (Спб. 1885). Ср. „Русскую Старину“ 1901 г., іюль, стр. 104, прим. 1-е, и стр. 105, прим. 1-е.

Отвѣтъ А. А. Краевскаго.

Министръ [1]) не позволилъ печатать ни одного привѣтствія [2]). Я перепечатываю только стихи, помѣщенные въ нынѣшнемъ нумерѣ «Инвалида» [3]).

Краевскій.

Это я узналъ сейчасъ только отъ Никитенка [4]), которому С. С. Уваровъ переслалъ нашу статью.

7.

Суббота, 5-го марта (1838).

Жуковскій проситъ васъ быть у него завтра въ 11 часовъ утра для толкованія о «Современникѣ». Тамъ будемъ всѣ мы, ех-издатели [5]).

Гр(афинѣ) Растопчиной [6]) экземпляръ доставится къ вамъ сегодня. Передайте ей, да постарайтесь, чтобъ это было не даромъ [7]). А конторѣ Плюшара [8]) дайте ея адресъ, куда носить къ ней «Литер(атурныя) Приб(авленія)».

У меня опять сегодня напакостилъ цензоръ Крыловъ [9]).

Вашъ Краевскій.

Verte.

Здорова-ли «Саламандра [10])»? Нельзя-ли ее поскорѣе доставить въ мои супружескія объятія?.. Больно нужно. У меня всѣ переводныя повѣсти запрещены!

---

[1]) Въ № 31 „Русскаго Инвалида" (отъ 4 февраля) и въ № 32 (отъ 5 февраля) были помѣщены стихи князя П. А. Вяземскаго и В. Г. Бенедиктова въ честь Крылова, сказанные на обѣдѣ 2 февраля; стихи эти были перепечатаны въ № 7 „Литературныхъ Прибавленій" отъ 12 февраля 1838 г.

[2]) Александра Васильевича, бывшаго въ то время цензоромъ.

[3]) См. выше, стр. 378, прим. 2-е.

[4]) Графинѣ Евдокіи Петровнѣ Растопчиной.

[5]) Стихотвореній гр. Растопчиной нѣтъ въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ" 1838 года.

[6]) „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду" печатались въ типографіи А. А. Плюшара, и въ его конторѣ принималась подписка на эту газету.

[7]) Александръ Лукичъ (см. выше, стр. 378, прим. 1-е), цензуровавшій "Литературныя Прибавленія".

[8]) Повѣсть кн. В. Ѳ. Одоевскаго «Саламандра» явилась въ печати лишь въ 1841 году въ „Отечественныхъ Запискахъ" (т. XIV, Словесность, стр. 3—38).

[9]) С. С. Уваровъ.

[10]) Кромѣ Жуковскаго, привѣтственныя рѣчи Крылову на обѣдѣ 2 февраля 1838 г. были произнесены кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, А. Н. Оленинымъ и самимъ Уваровымъ.

8.

С.-Петербургъ. 9-го іюля 1839 г.

Былъ я наконецъ у Жуковскаго и получилъ въ отвѣтъ, что у него не только нѣтъ денегъ, но что онъ еще долженъ наслѣднику [1]), у котораго взялъ взаймы деньги, и еще кое-кому. Слѣдовательно, на него нѣтъ никакой надежды [2]). Говоря о томъ, о семъ, онъ мнѣ сказалъ между прочимъ, что у него есть путевыя замѣтки [3]), есть переводъ или подражаніе драмѣ Камоэнсъ [4]) и пр. и пр., обѣщалъ намъ статью, но, вѣрно, останется при одномъ обѣщаніи, если не напоминать ему объ этомъ, или, что еще хуже, отдастъ въ «Современникъ», въ которомъ статья такъ и пропадетъ въ неизвѣстности. Вы ближе къ Петергофу: не полѣнитесь-ка съѣздить къ нему да выпросить у него что-нибудь, хоть бы для сентябрьской книжки, въ которой объявится подписка на «Отечественныя Записки» 1840 года. Это важно!

У Григ(орія) Петр(овича) Волконскаго [5]) я еще не былъ, но пойду во вторникъ—день, когда въ Ценс(урномъ) комитетѣ будутъ разсуждать объ участи «Литературныхъ Прибавленій», которыя чуть-чуть было не запретили на сихъ дняхъ по милости смерти Воейкова [6]). Я во вторникъ подамъ просьбу о дозволеніи продолжать ихъ подъ названіемъ «Литературной Газеты», ибо «Прибавленій къ Инвалиду» [7]) Инвалидный комитетъ, издающій «Инвалидъ», знать не хочетъ и не признаетъ за родственниковъ сего «Инвалида».

15-го августа мнѣ необходима повѣсть, которая бы достойно могла красоваться въ сентябрьской книжкѣ. Слѣдственно, нужна Ентина [8]).

---

[1]) Цесаревичу Александру Николаевичу.

[2]) Пріобрѣтя въ 1839 г. право на изданіе „Отечественныхъ Записокъ“, Краевскій составилъ съ этою цѣлью капиталъ на паяхъ. Пайщики, однако, одинъ за другимъ покинули Краевскаго, и положеніе его было довольно затруднительное.

[3]) За время заграничнаго путешествія 1838—1839 гг.

[4]) „Камоэнсъ“ и былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 года (томъ VI, Словесность, стр. 1—30).

[5]) Князь Г. П. Волконскій былъ въ то время помощникомъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

[6]) А. Ѳ. Воейковъ, бывшій редакторомъ „Русскаго Инвалида“, скончался 16-го іюня 1839 года.

[7]) Въ 1839 году продолжали выходить „Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду“; съ 1840 же года стала выходить, подъ редакціею Краевскаго, „Литературная Газета“.

[8]) Повѣсти кн. В. Ѳ. Одоевскаго съ такимъ заглавіемъ не было напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Въ бумагахъ князя В. Ѳ. Одоевскаго сохранился черновой собственноручный оригиналъ его повѣсти (неконченной):

Въ августовской я напечатаю Корфа [1]), и за симъ у меня не останется никакой повѣсти. Ради Христа, поторапливайте Ентину!

Вы увезли у меня книжку: Характеристика человѣка, обѣщавъ написать о ней десять строкъ; но этихъ десяти строкъ не было, да и книги нѣтъ.

Колдовство XIX столѣтія [2]) Корсаковъ [3]) пропустилъ безъ малѣйшаго измѣненія, а Лангеръ [4]) задержалъ до вторника—засѣданія Ценс(урнаго) комитета. Не знаю, что будетъ. Статья эта набрана и совсѣмъ готова къ печати. Не худо, если бъ вы выслали первую половину Саллогубовой повѣсти [5]), которую я видѣлъ у васъ.

Жуковскій слышалъ отъ Вяземскаго, что вы браните его за намѣреніе дать статью въ «100 Литераторовъ» [6]). Онъ началъ было защищаться, но я сбилъ его совершенно, указавъ между прочимъ на недавно напечатанную въ «Сѣв(ерной) Пчелѣ» статью, гдѣ Булгаринъ издѣвается надъ вторымъ томомъ «Ста Литер(аторовъ)», говоря, что тамъ выступитъ священная фаланга знаменитостей, которыя только сами себя признаютъ знаменитостями и пр. [7]). Жук(овскій) поколебался. Поддержите его въ этомъ.

„Янтина. (Изъ разсказовъ не служащаго)“ (см. опись бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго, напеч. въ приложеніи къ „Отчету Импер. Публичн. Библіотеки за 1884 годъ“, Спб. 1887, стр. 44).

[1]) Повѣсть барона Ѳедора Ѳедоровича Корфа († 1853) „Прошлое“ напеч. въ „Отеч. Запискахъ“ 1839 г., т. V, Словесность, стр. 3—93.

[2]) Статья кн. В. Ѳ. Одоевскаго „Колдовство XIX столѣтія (V-е письмо къ гр-нѣ Е. П. Р—ной (т. е. графинѣ Е. П. Растопчиной)“, подписанная его псевдонимомъ „Безгласный“, напеч. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 г., т. V, Смѣсь, стр. 12—26.

[3]) Цензоръ Петръ Александровичъ Корсаковъ.

[4]) Цензоръ Валеріанъ Платоновичъ Лангеръ.

[5]) Повѣсть графа В. А. Сологуба „Большой Свѣтъ, повѣсть въ двухъ танцахъ: 1) Попури и 2) Мазурка“ появилась въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1840 года (т. IX, Словесность, стр. 5—79).

[6]) „Сто русскихъ литераторовъ“, альманахъ, изданный книгопродавцемъ А. Ф. Смирдинымъ въ трехъ томахъ, въ 1839—1845 гг. Ср. „Русскую Старину“ 1904 г., апрѣль, стр. 105—107.

[7]) Въ статьѣ Булгарина: „А что дѣлаетъ наша литература?“, помѣщенной въ № 145 „Сѣверной Пчелы“ 1839 года (отъ 3-го іюля), между прочимъ, было сказано слѣдующее: „А что будетъ во второй части: Сто Литераторовъ? Вражда литературная у насъ такъ сильна (я хотѣлъ сказать, такъ смѣшна), что мы не можемъ даже улечься въ одной могилѣ, а не только въ одной книгѣ! Въ первой части появились охотники, изъ всего войска Агамемнонова. Во второмъ томѣ выступаетъ только избранная, священная фаланга (т. е. избранная не публикою, а собственными голосами), куда не допускаются не принадлежащіе къ театру, на которомъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, разыгрывается фарсъ: Великъ куликъ“.

Враскій [1]) уѣхалъ; съ типографіею вожусь я изо всей мочи. Жаръ и днемъ и ночью, лѣнь наборщиковъ, усилившаяся отъ жара,—все это мучитъ меня до того, что я ужъ никакъ не поѣду въ Петергофъ 11-го іюля, которое будетъ за 4 дня до выхода книжки.

Напишите мнѣ аккуратно вашъ адресъ, а то, если я по вашимъ словамъ буду писать въ Ораніенбаумъ, на горѣ, то мое письмо залетитъ чортъ знаетъ куда. Это письмо взялся вамъ доставить Вас. Макс. Пановъ [2]).

Картонку вашу я получилъ. Въ ней есть статьи химическія [3]) для Смѣси; но ни одной просмотрѣнной, такъ что пускать ихъ въ дѣло опасно.

«Панъ Халявскій» [4]) произвелъ прекрасное впечатлѣніе: въ Москвѣ, въ эту глухую пору, вдругъ явилось 7 подписчиковъ. Непремѣнно надо мнѣ съѣздить въ Москву въ сентябрѣ; тамъ всѣ принимаютъ въ насъ большое участіе: надо усилить его; вѣдь на петербуржскія подмоги плоха надежда. Подумывайте-ка о томъ, чтобъ въ сентябрѣ, недѣльки на три, принять кормило правленія надъ «Отеч(ественными) Записками».

Когда вы непремѣнно возвратитесь въ Петербургъ?

Пришлите мнѣ статью Ястребцова [5]). Изъ нея смѣло можно выкинуть строки о «Наблюдателѣ» [6]), ибо Бѣлинскій и вся братія отказались отъ него, а будетъ редакторомъ чортъ знаетъ что такое—Лефортъ, какой-то переводчикъ Исторіи Екатерины [7]). Слѣд(овательно), все, относящееся въ статьѣ Ястребцова къ «Наблюд(ателю)», не имѣетъ уже теперь смысла; а напечатать эту статью теперь не худо бы.

Ну, что жъ? Какъ вы себя носите? Купаетесь-ли? Я совсѣмъ растаялъ отъ жара.

Вашъ Краевскій.

---

[1]) См. выше, стр. 196, прим. 4-е.

[2]) Василій Максимовичъ Пановъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій по вопросамъ сельскаго хозяйства, въ томъ числѣ обширнаго труда „Сельскій хозяинъ XIX вѣка" (Москва. 1838—39, двѣ части).

[3]) Въ отдѣлѣ „Смѣси" помѣщались въ „Отечественныхъ Запискахъ" и небольшія статьи по химіи.

[4]) Повѣсть Грицка Основьяненка (Григорія Ѳедоровича Квитки), напеч. въ „Отеч. Запискахъ" 1839 г., т. IV, Словесность, стр. 5—73 и 144—206.

[5]) Статья Н. М. Ястребцова „Что такое романъ?" (см. „Отеч. Записки" 1839 г., т. V, Науки, стр. 75—83).

[6]) О журналѣ „Московскій Наблюдатель".

[7]) Сочиненіе А. А. Лефорта «Исторія царствованія государыни императрицы Екатерины II» было издано въ Москвѣ въ 1837—1838 гг., въ пяти частяхъ. «Московскій Наблюдатель» прекратился въ 1839 году.

9.

8-го октября 1839 г.

Помилуйте! Что съ нами дѣлается? У меня не пропустили стиховъ Хомякова, вамъ извѣстныхъ: «Гордись, тебѣ льстецы сказали» и пр., которые я представлялъ въ ценсуру и изъ которыхъ, какъ видите, 31-го августа зачеркнутъ стихъ [1]). Я объ этомъ стихѣ писалъ къ Хомякову, спрашивая его разрѣшенія: печатать ихъ или нѣтъ, но не получалъ еще отвѣта,—и вдругъ теперь, 8-го октября, все это стихотвореніе является въ «Спб. Вѣдомостяхъ» безъ имени Хомякова, и запрещенный стихъ позволенъ [2])! Что это такое? Кража? Мерзость? Притомъ же Хомяковъ прислалъ мнѣ свое стихотвореніе въ такомъ видѣ, въ какомъ я теперь посылаю вамъ его въ рукописи; онъ самъ измѣнилъ его середину и вмѣсто двухъ стиховъ сдѣлалъ шесть [3]) (они очеркнуты краснымъ карандашомъ), а въ «Спб. Вѣдомостяхъ» все это напечатано съ стараго списка... Что за гадость! Пожалуйста, напишите нынче же письмо къ князю Донд(укову)-Корсакову [4]) и просите его позволенія напечатать все стихотвореніе вполнѣ въ «От(ечественныхъ) Зап(искахъ)» съ замѣчаніемъ, что въ одной изъ газетъ оно помѣщено не въ надлежащемъ видѣ и безъ подписи имени автора,—а мы его выставимъ: стихъ запрещенный, разумѣется,

---

[1]) Вѣроятно, цензурою былъ зачеркнутъ стихъ: „Скажи имъ таинство свободы".

[2]) Въ № 230 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" 1839 года, отъ 8-го октября (редакторомъ ихъ былъ А. Н. Очкинъ), это стихотвореніе А. С. Хомякова было напечатано, безъ его подписи, подъ заглавіемъ „Отчизна".

[3]) Въ текстѣ стихотворенія, напечатанномъ въ „СПБ. Вѣдомостяхъ" читается:

А твой завѣтъ, твое призванье,
Твой Богомъ избранный удѣлъ,
Хранить для міра достоянье и т. д.

Въ текстѣ же, присланномъ Хомяковымъ Краевскому (напечатанномъ въ „Отеч. Запискахъ" 1839 г.), первые два стиха замѣнены были слѣдующими:

И вотъ, за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца, сокровенна,
Законъ Творца пріяла ты,
Онъ далъ тебѣ свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ
Хранить для міра достоянье и т. д.

[4]) Князю Михаилу Александровичу Дондукову-Корсакову (р. 1794 † 1869), попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа и предсѣдателю С.-Петербургскаго цензурнаго комитета.

теперь уже нельзя запретить [1]). Но какъ же можно печатать вещи противъ желанія авторовъ?..

О докторѣ Озенѣ [2]) статья не поспѣла въ «Литер(атурныя) Приб(авленія)». У насъ съ Фишеромъ [3]) контрактъ—не доставлять оригиналовъ позже 12 час(овъ) утра четверга, а объ Озенѣ послано въ 9 час(овъ) вечера, слѣд(овательно) Фишеръ правъ, хотя я и кричалъ на него. Билета на лекціи Озена у меня нѣтъ, и онъ не былъ у меня. Нельзя-ли достать?

Пришлите статью о воздушной дорогѣ [4]); иначе она не войдетъ въ «От(ечественныя) Зап(иски)»: эта часть Смѣси теперь набирается. Объ Озенѣ можно вставить въ конецъ Смѣси; только статья должна быть готова во вторникъ [5]).

Увидимся-ли мы во вторникъ?

Краевскій.

Пожалуйста, не замедлите письмомъ къ Донд(укову)-Кор(сакову).

10.

24-го ноября 1839 г.

Сегодня я писалъ въ Ковно, къ переводчику «Коріолана» [6]), прося его поторопиться высылкою своего перевода. Какъ получу, тотчасъ доставлю вамъ. Между тѣмъ, посовѣтуйте г. Каратыгину [7]) потолковать съ цензурою объ этой пьесѣ: вѣдь въ ней есть вещи, которыя могутъ не разъ остановить почтеннѣйшаго Опотельдока [8]); онъ можетъ пока-

---

[1]) Это стихотвореніе Хомякова и было напечатано въ „Отеч. Запискахъ“ 1839 г., т. VI, Словесность, стр. 143—144, съ такимъ примѣчаніемъ на стр. 143: „Это стихотвореніе, назначенное авторомъ для „Отечественныхъ Записокъ“, было напечатано въ одной изъ газетъ съ нѣкоторыми измѣненіями и безъ подписи имени автора. Здѣсь оно помѣщается вполнѣ и въ настоящемъ своемъ видѣ“.

[2]) Докторъ Озенъ читалъ въ Петербургѣ публичныя лекціи на французскомъ языкѣ о дѣторожденіи.

[3]) Въ типографіи Фишера печатались «Литературныя Прибавленія».

[4]) Статья «Вѣсоходъ и висячія дороги» помѣщена (безъ подписи кн. Одоевскаго) въ «Отеч. Запискахъ» 1839 г., т. VI, Смѣсь, стр. 34—36.

[5]) Статья „Лекціи доктора Озена о дѣторожденіи“ помѣщена (безъ подписи князя Одоевскаго) въ „Отеч. Запискахъ“ 1839 г., т. VI, Смѣсь, стр. 51—54.

[6]) Драма Шекспира.

[7]) Знаменитому трагику В. А. Каратыгину (р. 1802 † 1854), съ которымъ кн. Одоевскій былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Нѣсколько писемъ Каратыгина къ кн. Одоевскому напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г.

[8]) Т. е. Ольдекопъ, Евстаѳій Ивановичъ, цензоръ театральныхъ произведеній.

зать цензору хоть переводъ Фосса [1]) или Гизо̀ [2]), которымъ я, пожалуй, могу служить ему. На всякій случай предложите г-ну Каратыгину вопросъ о «Ромео и Джюльеттѣ» [3]), переводѣ Росковшенко: я могу располагать этимъ переводомъ, ибо переводчикъ, уѣхавъ въ Тифлисъ, оставилъ мнѣ на то письменное дозволеніе; этотъ переводъ даромъ дастся. Есть у меня также въ переводѣ Межевича [4]) (и переводѣ очень хорошемъ) драма Дюма̀ «Charles VII chez ses vassaux», названная порусски, во избѣжаніе всякаго соблазна и грѣховныхъ помысловъ, просто Африкандемъ, даже безъ имени Дюма̀. Опотельдокъ соглашается пропустить ее съ перемѣною только ка*пе*ллана на ка*сте*ллана, которому позволяетъ даже говорить чуть-чуть не библейскимъ языкомъ: перемѣна совершенно ничтожная; а пьеса эта изъ лучшихъ, написанныхъ другомъ моимъ Александромъ Дюма̀ (плюньте при этомъ имени), и публика, я увѣренъ, будетъ въ восторгѣ отъ нея; а чортъ съ нею—пусть себѣ апплодируетъ Дюма̀, да платитъ деньги!—Есть у меня еще на примѣтѣ «Генрихъ V» Шекспира съ «Фальстафомъ», «Тимонъ Аѳинскій»,—но это переводы неконченные. Жаль, что нельзя поставить «Бури» [5]): она была бы очень полезна для нашей сцены и публики... Но, однимъ словомъ, я готовъ помогать г. Каратыгину въ его бенефисныхъ хлопотахъ, готовъ даже самъ выправить ему любую пьесу, только, чтобъ онъ, Бога ради, не профанировалъ русской сцены полуфранцузскими, оскорбляющими и русскій умъ, и русское чувство, пьесами похабнаго Полевого...

Завтра, можетъ быть, мы увидимся: я думаю заѣхать къ вамъ вечеромъ отъ Арсеньева [6]).

Вашъ Краевскій.

11.

3-го мая (начала 1840-хъ годовъ).

«Хотите-ли»? Мудреный вопросъ. Спросите у голоднаго, хочетъ-ли онъ ѣсть?...

---

[1]) Извѣстнаго нѣмецкаго поэта Іоганна-Генриха Voss'а (р. 1751 † 1826). Его (совмѣстно съ его сыновьями Авраамомъ и Генрихомъ) переводъ Шекспира вышелъ, въ 9-ти томахъ, въ Лейпцигѣ въ 1818—1829 гг.

[2]) Oeuvres complètes de Shakespeare, въ переводѣ, вновь обработанномъ Гизо и Пишо, вышли въ свѣтъ въ Парижѣ въ 1821 году.

[3]) Шекспира. Переводъ Росковшенка былъ напечатанъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1839 г., т. XXXIII, Русская словесность, стр. 81—221.

[4]) Василій Степановичъ Межевичъ († 1849), переводчикъ, впослѣдствіи редакторъ „Вѣдомостей Спб. Городской Полиціи“ (въ 1843—1849 гг.) и „Пантеона русскаго театра“ (въ 1843—1846 гг.).

[5]) Тоже Шекспира.

[6]) Извѣстнаго статистика и историка, Константина Ивановича Арсеньева († 1865).

*

Не только хочу, но прошу объ этомъ убѣдительнѣйше, хотя и не знаю еще, въ чемъ состоитъ обязанность [1]), дающая въ годъ 2.000 р., и что меня ожидаетъ тамъ. Мнѣ теперь приходитъ матъ; надо чѣмъ-нибудь жить, а «Отеч(ественныя) Записки» не могутъ мнѣ дать ни гроша.

Паки и паки прошу. Завтра прійду.

Краевскій.

NB. Только дѣлайте это какъ можно секретнѣе; иначе — или перебьетъ кто-нибудь, или друзья повредятъ навѣтами: вѣдь у нихъ, чай, есть связи и въ мин(истерствѣ) вн(утреннихъ) дѣлъ.

12.

22-го января 1840 г.

Отыщите гдѣ-нибудь и какъ-нибудь Жуковскаго или Віельгорскаго нынче же (ибо дорога минута) и объявите имъ, что нѣкто богатый и образованный человѣкъ Кирѣевъ [2]), изъ благоговѣнія къ памяти Пушкина, рѣшается пожертвовать большею частью своего капитала на покупку и самое роскошное и исправное изданіе всѣхъ его сочиненій, на лучшей бумагѣ, со всѣмъ типографскимъ изяществомъ, дастъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ сколько даютъ купцы, проситъ прислать ему (черезъ меня) требованія опеки [3]), а съ своей стороны предлагаетъ одно условіе: позволить ему сдѣлать изданіе полное, т. е. перепечатать подъ одну масть и напечатанные уже 8 томовъ Пушкина [4]). Само собою разумѣется, что онъ заплатитъ деньги и за оставшіеся 5.000 экз. прежняго изданія, хотя съ ущербомъ для себя, и не пуститъ ихъ въ продажу, а просто оставитъ у себя или подаритъ ихъ опекѣ съ условіемъ истребить ихъ, ибо это изданіе онъ не считаетъ достойнымъ Пушкина. Единственное его желаніе—сдѣлать изданіе монументальное, достойное памяти Пушкина, и, можетъ быть, со-временемъ, возвратить свои издержки... Неужели такой благородный порывъ не встрѣтитъ отвѣта въ душѣ Жуковскаго, и онъ охотнѣе продастъ Пушкина торгашу, который чортъ знаетъ по-каковски издастъ его, на оберточной бумагѣ,

---

[1]) Какое мѣсто по министерству внутреннихъ дѣлъ предлагалъ Краевскому князь Одоевскій—неизвѣстно.

[2]) Быть можетъ, Александръ Дмитріевичъ Кирѣевъ, бывшій въ концѣ 1840-хъ годовъ управляющимъ петербургскою конторою императорскихъ театровъ. Въ 1847 году этотъ Кирѣевъ, когда Краевскимъ было задумано изданіе „Всеобщаго Словаря“, былъ въ числѣ пяти акціонеровъ этого предпріятія, какъ это видно изъ письма Краевскаго къ кн. Одоевскому отъ 20-го мая 1847 г.

[3]) Надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина.

[4]) Вышедшіе въ свѣтъ въ 1838 году.

а откажетъ человѣку благомыслящему, который, забывая собственныя выгоды, жертвуетъ частію своего достоянія, чтобъ воздать должное великому поэту, подарившему ему въ жизни много сладкихъ минутъ? Прибавьте къ этому, что Кирѣевъ будетъ просить извѣстныхъ литераторовъ смотрѣть за исправностію корректуры и вообще изданія,—словомъ, рѣшается употребить все, чтобъ только издать Пушкина достойнымъ его образомъ [1]).

Я хотѣлъ сегодня самъ ѣхать къ Жуковскому, но вѣдь его никогда не застанешь; а писать къ нему я не могу такъ, какъ вы можете.

Спѣшите же; остановите сдѣлку опеки съ Смирдинымъ [2]) сегодня же [3]). Въ противномъ случаѣ все доброе дѣло можетъ погибнуть невозвратно!

Завтра увидимся.

Краевскій.

13.

22-го февраля (1840 г.).

Статья о Германс(комъ) Тамож(енномъ) Союзѣ кончена переводомъ для «Отеч(ественныхъ) Записокъ». Какой вы странный человѣкъ, ваше сіятельство! Да кто жь вамъ говорилъ, что статья, присланная Мухановымъ [4]), неинтересна? Только чѣмъ прикажете платить за нее, когда мнѣ прохода нѣтъ отъ долговъ прошлогоднихъ? Всѣ пристаютъ за деньгами... Хорошо вамъ сидѣть у себя, да издали смотрѣть на меня! Попробовали бы вы день посидѣть на моемъ стулѣ, такъ, увѣряю васъ прокляли бы и журналъ, и литературу, и деньги. Я теперь хлопочу, чтобъ какъ-нибудь увертываться отъ статей, за которыя надобно платить, а вы присылаете мнѣ вещи, которыя хороши безспорно, да безъ которыхъ обойтись еще можно! Глупъ тотъ нищій, который, нуждаясь въ хлѣбѣ, тянется покупать ананасы...

Тоже надобно сказать и о статьѣ г. Струйскаго [5]): она интересна, хотя въ ней и пропасть фразёрной пѣны; но, если и она за деньги, то намъ и отъ нея придется отказаться. Посылаю вамъ и ее: не хо-

---

[1]) Намѣреніе Кирѣева не осуществилось.

[2]) Александромъ Филипповичемъ, книгопродавцемъ-издателемъ.

[3]) Три послѣдующихъ тома (IX—XI) Сочиненій Пушкина были напечатаны въ 1841 году иждивеніемъ книгопродавцевъ Глазунова и Заикина.

[4]) Павломъ Александровичемъ (р. 1798†1871), извѣстнымъ собирателемъ и издателемъ матеріаловъ по русской исторіи, бывшимъ потомъ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа, а впослѣдствіи членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ Археографической коммиссіи.

[5]) См. выше, стр. 216, прим. 6-е. Въ „Отеч. Запискахъ“ 1840 г. нѣтъ статей Д. Ю. Струйскаго.

тите-ли напередъ справиться о валёрности ея? Что же вы не присылаете мнѣ книжекъ и статей Дѣдушки Иринея [1])? Вѣдь за ними теперь стало дѣло, и статья не можетъ быть написана безъ нихъ.

Да вы обѣщали ко 2-й книжкѣ статью о Химіи Гесса, и статьи не было. Нельзя-ли ужь приготовить ее хотя къ 3-й книжкѣ [2])?

Краевскій.

Зебаху деньги выдадутся въ концѣ сей недѣли. Вотъ ему еще платить лишнихъ 250 р.! Вамъ нѣкогда написать просьбу въ пріюты—а журналъ между тѣмъ старѣетъ да старѣетъ,—а деньги между тѣмъ требуются да требуются! Дотянемъ до весны, тогда ужь и просить не нужно будетъ...

14.

4-го августа (1841).

Да! Лермонтовъ убитъ на повалъ [3]). Горе! горе! Меня какъ громомъ ударила эта новость. Господа ради, не знаете-ли, къ кому обратиться, чтобы спасти оставшіяся послѣ него рукописи? Онъ друженъ былъ съ Софьей Карамзиной [4]): нѣтъ-ли у нея чего; не знаетъ-ли она къ кому обратиться? Похлопочите, сдѣлайте милость.

Возвращаю вамъ Archiv и письмо Мельгунова [5]), давно у меня залежавшееся. Смирдинъ еще не былъ у Никитенки, и потому намъ не съ чѣмъ было къ вамъ ѣхать [6]).

Краевскій.

15.

21-го января (1844).

Взгляните, ради Бога, что дѣлаетъ Фрейгангъ [7]) въ сравненіи съ Очкинымъ [8]). Ей Богу, съ нимъ газета невозможна [9])! Посмотрите:

---

[1]) Псевдонимъ князя В. Ѳ. Одоевскаго.

[2]) Небольшой отзывъ о сочиненіи академика Гесса (о которомъ см. выше, стр. 571, прим. 3-е) „Основанія чистой химіи“ (изд. 5-е, Спб. 1840) помѣщенъ въ «Отеч. Запискахъ» 1840 года, томъ XI-й, Библіографическая Хроника, стр. 50—51.

[3]) М. Ю. Лермонтовъ былъ убитъ на дуэли 15-го іюля 1841 г.

[4]) Дочь исторіографа Софья Николаевна Карамзина (р. 1802 † 1856).

[5]) Николая Александровича (см. выше, стр 196, прим. 3-е).

[6]) Съ 1840 года редакторомъ „Сына Отечества“, издававшагося А. Ф. Смирдинымъ, сдѣлался А. В. Никитенко. Денежныя дѣла Смирдина шли плохо, и 7-го сентября 1841 года Никитенко отказался отъ редакторства. „Смирдинъ хотѣлъ передать редакцію Краевскому,—читаемъ въ „Дневникѣ“ Никитенка—но я воспротивился этому. Соединить въ однѣхъ рукахъ нѣсколько журналовъ значитъ допустить пагубную монополію въ нашей литературѣ и предать ее на произволъ одной партіи“ (Записки и дневникъ А. В. Никитенко, т. I, Спб. 1893, стр. 420—421).

[7]) Цензоръ Андрей Ивановичъ Фрейгангъ.

[8]) Амплій Николаевичъ Очкинъ, бывшій въ то время также цензоромъ.

[9]) Краевскій былъ тогда редакторомъ „Литературной Газеты“.

если стоитъ, покажите князю Гр(игорію) Петр(овичу) [1]); не стоитъ, возвратите, но поскорѣе. А о Фрейгангѣ я, наконецъ, буду просить князя: съ нимъ издавать газету нельзя. Я ужь ни слова не говорю о прошломъ нумерѣ, гдѣ уничтожено было все мало-мальски умное и оставлено все пошлое; но надо же когда-нибудь и конецъ положить этому.

Да, ради Господа, что же дѣлаетъ Пуфъ [2])? Газета должна выйти завтра, а его статьи нѣтъ. Я контрактомъ обязался доставлять послѣдній оригиналъ въ четверткъ [3]) утромъ; иначе Працъ [4]) имѣетъ право не выпустить нумера въ срокъ; а ныньче ужь утро пятницы!..

Краевскій.

16.

27-го января (1844), четверткъ.

Вотъ корректуры «Мертвеца» [5]). Ихъ немного: прочтите, пожалуйста, поскорѣе и пришлите завтра пораньше утромъ. Да, Бога ради, избавьте меня отъ Безгласнаго псевдонима [6]). Зачѣмъ это? Подъ статьею стоитъ 1838 годъ; въ прошломъ мѣсяцѣ вы печатали полную свою фамилію въ «Современникѣ» [7]); на-дняхъ выйдутъ книги съ полнымъ вашимъ именемъ [8]), и въ нихъ будетъ эта статья: почему же только въ «Отечественныхъ Запискахъ» надо прятаться за псевдонимомъ?.. Пожалуйста перемѣните Безгласнаго на Одоевскаго [9])...

Краевскій.

---

[1]) Волконскому, попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа и предсѣдателю С.-Петербургскаго цензурнаго комитета.

[2]) Въ приложеніи къ „Литературной Газетѣ“, носившемъ заглавіе: „Записки для хозяевъ“, князь В. Ѳ. Одоевскій помѣщалъ свои „Лекціи господина Пуфа, доктора энциклопедіи и другихъ наукъ, о кухонномъ искусствѣ“.

[3]) Такъ написано это слово Краевскимъ.

[4]) Эдуардъ Пратцъ, въ типографіи котораго печаталась „Литературная Газета“.

[5]) Повѣсть князя Одоевскаго «Живой Мертвецъ» напеч. въ «Отеч. Запискахъ» 1844 года, томъ XXXII, Словесность, стр. 305—332.

[6]) «Безгласный»—псевдонимъ, которымъ кн. В. Ѳ. Одоевскій часто подписывалъ свои статьи.

[7]) Въ „Современникѣ“ 1843 года, т. XXXII, были помѣщены „Психологическія замѣтки“ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, и въ концѣ (стр. 331) стояла его подпись (князь В. Одоевскій).

[8]) Т. е. Сочиненія князя В. Ѳ. Одоевскаго (Спб. 1844).

[9]) Повѣсть „Живой Мертвецъ“ была подписана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ буквами К. В. О. (Въ оглавленіи же 32-го тома фамилія автора напечатана при названіи повѣсти полностью).

17.

27-го ноября (1845).

Что же вы держите корректуры? Онѣ мнѣ необходимы. Завтра я не могу прійдти къ вамъ раньше пяти часовъ. Вотъ «Бѣдные Люди» [1]), сейчасъ только мною полученные. Даю ихъ вамъ только на ночь и прошу никому не показывать; завтра утромъ возвратите мнѣ ихъ.

Краевскій.

18.

22 сентября (1846).

Поздравляю съ переѣздомъ. Желалъ бы послать вамъ, какъ стражу теперь благаго просвѣщенія [2]), «Христіанское Чтеніе» [3]), но таковаго не получаю уже года четыре; вмѣсто его пришлю лучше крендель на новоселье.

Всѣ эти дни мнѣ нездоровилось; теперь получше.

Галаховъ [4]) сильно пристаетъ ко мнѣ съ вопросомъ: что̀ сотворили вы съ его просьбою о Некрасовѣ у Войцеховича [5]); пожалуйста, отвѣтьте теперь же, ибо я завтра пишу къ нему и долженъ сказать что-нибудь о просьбѣ его непремѣнно.

Да, Бога ради, вспомните, что есть на свѣтѣ «Отеч(ественныя) Записки». Ужь докторъ Пуфъ [6])—Богъ съ нимъ: его не воскресишь; но мнѣ нужна повѣсть, повѣсть [7])! Теперь вы устроились: засядьте за нее, сдѣ-

---

[1]) Повѣсть Ѳ. М. Достоевскаго, появившаяся въ „Петербургскомъ Сборникѣ“ Н. А. Некрасова (Спб. 1846) и вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ въ 1847 году. Князь В. Ѳ. Одоевскій принималъ участіе въ „Петербургскомъ Сборникѣ“ (см. выше, стр. 374, прим. 3-е и 4-е).

[2]) Какъ извѣстно, Румянцовскій музей былъ посвященъ его основателемъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцовымъ, „благому просвѣщенію“.—Князь В. Ѳ. Одоевскій 16-го іюля 1846 года былъ назначенъ помощникомъ директора Императорской Публичной Библіотеки и завѣдывающимъ Румянцовскимъ Музеемъ.

[3]) Журналъ, издаваемый при С.-Петербургской Духовной Академіи.

[4]) Алексѣй Дмитріевичъ Галаховъ (р. 1807 † 1892), извѣстный историкъ русской литературы, жилъ въ то время въ Москвѣ и былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ“.

[5]) Алексѣя Ивановича, (бывшаго воспитанника Московск. университетск. благороднаго пансіона), въ то время управляющаго канцеляріею Св. Синода, впослѣдствіи сенатора и члена Государственнаго Совѣта († 1881).

[6]) Въ «Отечеств. Запискахъ» 1846 г., тт. XLIV и XLV, были помѣщены двѣ статьи князя Одоевскаго (подъ псевдонимомъ доктора Пуфа) по домоводству и его же статья (подъ тѣмъ же псевдонимомъ): «Теорія домостроительства въ ея нравственномъ, физическомъ, умозрительномъ и практическомъ отношеніи».

[7]) Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1846 года не помѣщено повѣстей кн. Одоевскаго.

лайте одолженіе, да не давайте и не обѣщайте никому ничего (тѣмъ болѣе, что альманахъ Бѣлинскаго не состоится)[1]). Пожалуйста, подумайте о повѣсти—очень нужно!

Вашъ весь Краевскій.

NB. Записку вашу, писанную въ среду, я получилъ только вчера, въ субботу.

19.

22-го марта 1852.

Прочтите, сдѣлайте милость, въ нынѣшнемъ № «Сѣверной Пчелы» (при семъ посылаемомъ) очеркнутые карандашомъ столбцы фельетона [2]), и если сердце ваше не содрогнется отъ такого богохульства, то откажитесь навсегда отъ музыки! Въ самомъ дѣлѣ, неужели можно дозволить какому-нибудь скоту Булгарину ругаться публично такъ надъ искусствомъ? Вѣдь это, наконецъ, безнравственно! Называть творенія Бетховена безсмысленными звуками [3])—едва-ли не то же, что сравнить Мадонну Рафаэля съ намалеванной лягушкой. Можетъ быть, Ленцъ въ своей книгѣ и взялъ немножко тономъ выше, но и говорить такъ по-кабацки о Бетховенѣ, какъ говоритъ Булгаринъ — невозможно. Я бы тотчасъ же ударилъ по ушамъ этого осла, но, какъ профанъ въ музыкѣ, боюсь, какъ бы чего-нибудь не напутать. Сдѣлайте одолженіе, князь, напишите отпоръ этому вралю: я напечатаю его, для скорости, въ «Спб. Вѣдомостяхъ» [4]). Только не надо мѣшкать: надо ковать, пока горячо; иначе интересъ ослабнетъ, и вниманіе читателей охладѣетъ.

Вашъ весь Краевскій.

---

[1]) Большой альманахъ „Левіаѳанъ", который Бѣлинскій думалъ издать въ 1846 г., послѣ выхода своего изъ „Отечественныхъ Записокъ"; изданіе этого альманаха не состоялось, а собранный для него матеріалъ Бѣлинскій предоставилъ „Современнику", который сталъ выходить подъ новою редакціею въ 1847 г. (подробнѣе см. у А. Н. Пыпина, „Бѣлинскій, его жизнь и переписка", т. II, Спб. 1876, стр. 245—266).

[2]) Въ № 67 „Сѣверной Пчелы" 1852 года, отъ 22-го марта, значительная часть фельетона „Пчелка" посвящена была Ѳ. В. Булгаринымъ разбору сочиненія музыкальнаго критика В. Ленца „Beethoven et ses trois styles" (Спб. 1852).

[3]) Въ этомъ фельетонѣ читается, между прочимъ, слѣдующее: „Никогда безсмысленные звуки, какъ бы они хороши ни были, не произведутъ такого дѣйствія и такого впечатлѣнія въ умѣ и въ душѣ образованнаго человѣка, какъ литературное произведеніе высокаго достоинства".

[4]) Съ 1852 г. по 1862 г. Краевскій вмѣстѣ съ А. Н. Очкинымъ издавалъ „С.-Петербургскія Вѣдомости".—Статьи по поводу приведеннаго фельетона Булгарина не появлялось въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ".

20.

С.-Петербургъ, 9-го сентября 1862.

Получилъ я вашъ счетъ съ Кожанчиковымъ [1]) и вижу, что въ него не вошли двѣ ваши статьи: Финансовый Сонъ и Траги-комедія нашего времени. Первая напечатана въ 130-мъ, вторая въ 131-мъ № «Спб. Вѣдомостей» [2]). Въ нихъ 900 строкъ; считая строку въ 6 коп., придется 54 рубля, которые я выдалъ Кожанчикову и которыми вашъ долгъ изъ 174 р. 55 к. превратится въ 120 р. 55 к. А о какой статьѣ съ автографами Пушкина, Гоголя и Грибоѣдова вы говорите? У меня никакой статьи нѣтъ. Я собственноручно, въ Михайловскомъ дворцѣ, взялъ у васъ копіи съ вашей переписки съ Пушкинымъ, обѣщавъ придѣлать къ ней кое-что изъ своихъ воспоминаній о первоначальномъ «Современникѣ», о которомъ упоминается въ ней не разъ; но и только же! Всего-на-все вы передали мнѣ одиннадцать копій съ вашихъ писемъ къ Пушкину и его къ вамъ [3]), да еще одну съ письма князя Козловскаго [4]). Но ни Гоголя, ни Грибоѣдова не давали вы мнѣ ни строки [5]). Изъ переписки съ Пушкинымъ можно бы еще кое-что сдѣлать; но для того, чтобъ собрать свои воспоминанія, навести справки, потолковать съ тѣмъ, съ другимъ—съ вами, между прочимъ—нужно время; а гдѣ его взять прикажете при моей колотырной жизни? Отсчитываешь теперь помѣсячно книжку за книжкой «Отеч(ественныхъ) Записокъ», да хоть какія ни на есть «Петерб(ургскія) Вѣдомости» ежедневно, а съ будущаго года примешься отработывать поденщину въ «Голосѣ» [6])—вотъ тутъ и извольте выбирать время для спокойнаго, безмятежнаго самопогруженія въ глубь прошедшаго, какъ

---

[1]) Книгопродавцемъ. Въ его магазинѣ помѣщалась контора „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

[2]) Обѣ эти статьи кн. Одоевскаго помѣщены были въ фельетонѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", при чемъ первая подписана буквами: В. Г., а вторая псевдонимомъ: Розочка.

[3]) Эти копія сохранились въ бумагахъ А. А. Краевскаго, поступившихъ въ Императорскую Публичную Библіотеку (см. „Отчетъ Импер. Публичной Библіотеки за 1889 годъ", Спб. 1893, стр. 62). Краевскимъ эта переписка не была напечатана. Въ 1864 году князь В. Ѳ. Одоевскій помѣстилъ ее самъ въ „Русскомъ Архивѣ" (1864 г., ст. 813—824).

[4]) Князя Петра Борисовича Козловскаго (р. 1783 † 1840), дипломата, человѣка многосторонне образованнаго.

[5]) Письма Гоголя и Грибоѣдова къ кн. В. Ѳ. Одоевскому были имъ напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" 1864 года, ст. 808—812 и 838—841.

[6]) Газета „Голосъ" стала выходить, подъ редакціею Краевскаго, съ 1863 года.

выразился бы краснорѣчивый Никитенко! Такъ, пожалуй, доживешь и до состоянія тѣхъ некрѣпкихъ сенаторовъ, о которыхъ дошло къ вамъ преданіе.

Слѣдственно, на скорое составленіе статьи по перепискѣ вашей съ Пушкинымъ нельзя спѣшно надѣяться. Выберется время — составлю; не выберется—не взыщите.

А вотъ о «Голосѣ»-то прошу покорнѣйше. Читали вы програму? Тамъ сказано, какъ я смотрю на полемику, и буду въ своемъ словѣ твердъ, смѣю васъ увѣрить. Лица въ сторону, и споръ пойдетъ только о дѣлѣ; гдѣ же не будетъ дѣла, тамъ и спора не будетъ. Сдѣлайте одолженіе, пришлите «на зубокъ» статью о нашей полемикѣ—въ поясъ поклонюсь за нее. Что же касается Петербурга и Москвы, то, мнѣ кажется, этого содержанія достанетъ на цѣлый рядъ статей, и вы бы очень обязали меня, еслибъ протянули этотъ рядъ по «Голосу». Пожалуйста не полѣнитесь! Въ Москвѣ, вѣдь, работается больше: тамъ большинство похоже на вашихъ некрѣпкихъ сенаторовъ, хоть и не въ одномъ . . . . . . отношеніи; съ ними, слѣдственно, ужиться можно покойнѣе: они и сами спятъ, и другихъ не тревожатъ. Шлите-ко мнѣ все, что взбредетъ на мысль: большую статью и крохотную замѣтку—все годится, все будетъ отъ васъ и умно, и дѣльно, и, главное, честно, въ чемъ я убѣдился нашимъ тридцатилѣтнимъ знакомствомъ. Я разослалъ ко многимъ лицамъ, въ разныя мѣстности, пригласительныя письма корреспондировать въ «Голосъ», изложилъ и главные пункты по которымъ желалъ бы получать свѣдѣнія. Хотите, и вамъ пришлю такое же письмо, хоть вы живете не въ провинціи и на многое отвѣчать не можете по недостатку матеріаловъ?

Не знаю, ясно-ли выступаетъ характеръ «Голоса» изъ программы, въ которой я долженъ былъ выражаться самыми легкими намеками? Вотъ моя profession:

Во всемъ томъ, что я слышу со всѣхъ сторонъ и вижу, мнѣ видятся два крайнія направленія, рѣзко обозначающіяся: одни тянутъ прямо къ революціи, закусивъ удила и не внемля ничему. «Нѣтъ надежды на правительство; всѣ его реформы—вздоръ, это полумѣры, которыя хуже застоя; надо разомъ покончить и вырвать силою то, что никогда не отдадутъ добровольно». Другіе, испуганные этими порываньями, говорятъ, что правительство дѣйствуетъ слабо, выпускаетъ изъ рукъ возжи и своими реформами только мутитъ народъ, ослабляя въ то же время свою силу. Эти прямо тянутъ въ реакцію. Я же говорю: правительство дѣйствуетъ робко и нерѣшительно въ своихъ реформахъ, потому что не имѣетъ поддержки въ общественномъ мнѣніи, въ которомъ большею частію слышитъ голосъ запоздалыхъ крѣпостниковъ, могучихъ взяточниковъ и близкихъ къ нему блюдолизовъ. Еслибъ оно

прислушалось къ голосу общества (отдаленнаго отъ него исторіею), оно увидѣло бы, что ему есть на что опереться въ прогрессивномъ своемъ ходѣ, и что нечего смотрѣть на эту сволочь, которая не опасна, потому что составляетъ каплю въ морѣ. Этотъ-то голосъ я и хочу подать своимъ «Голосомъ» и для этого кличу кличъ по всей Руси, вызывая голоса отовсюду. Насколько силъ хватитъ у русскаго печатнаго органа, онъ долженъ поддержать всякую прогрессивную мѣру правительства, выражая собою одобреніе лучшей, образованнѣйшей части общества, и побивать всѣми своими кулаками всякое поползновеніе къ ретроградности.

Вотъ вамъ положеніе, какое хочетъ занять «Голосъ». Что вы на это скажете?

Вашъ всей душою А. Краевскій.

Въ бумагахъ А. А. Краевскаго сохранилось то письмо къ нему князя В. Ѳ. Одоевскаго [1]), на которое предъидущее письмо Краевскаго было отвѣтомъ:

(Москва. 30-го августа 1862).

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Андрей Александровичъ!

Кожанчиковъ прислалъ мнѣ отъ 24-го августа остатокъ моего съ нимъ счета въ 174 р., чего я не ожидалъ, ибо думалъ покрыть его моими статьями въ «С.-Петербургскія Вѣдомости»; нѣкоторыя изъ сихъ статей у васъ залежались, между прочимъ, статья съ автографами Пушкина, Гоголя, Грибоѣдова, къ которой вы собирались что-то прибавить; нѣкоторыя напечатаны—на много-ли? не знаю. Потрудитесь велѣть сдѣлать разсчетъ и какъ-нибудь мои счеты съ Кожанчиковымъ покончить, ибо теперь у меня пропасть издержекъ съ новой квартирой и другихъ срочныхъ.

Между тѣмъ въ счетѣ Кожанчикова многое неаккуратно, какъ увидите. Возьмете-ли на себя посредничество? Много бы одолжили.

Ну что вашъ «Голосъ»? Не къ нему-ли прибрегаете автографы? Пожалуй.—Хорошо бы вамъ начать въ немъ реформу нашей полемики, которая изъ рукъ вонъ; объ дѣлѣ полслова,—а личностей, т. е. эпитетовъ и разныхъ оскорбленій—сто словъ. Споръ не о предметѣ, а о томъ, кто кого умнѣе, т. е. изобрѣтательнѣе на пошлую брань. Въ лѣтописяхъ московскаго Сената сохранилось слѣдующее сказаніе: лѣтъ

---

[1]) Дата письма выставлена на основаніи почтоваго на немъ штемпеля. На письмѣ рукою Краевскаго сдѣлана помѣта о времени его полученія: 1 сентября 1862 г.

40 тому провинціалъ пріѣхалъ въ Москву по дѣлу въ Сенатъ. Не зная, куда обратиться, онъ сунулъ двугривенный въ руку сторожа, съ просьбою показать: кто изъ сенаторовъ покрѣпче? Сторожъ говоритъ: «Хорошо,—навѣрное покажу; вотъ смотри, какъ будутъ входить;—вотъ этотъ никуда не годится; этотъ туда и сюда; а вотъ этотъ—всѣхъ крѣпче».—Какъ же крѣпче? спросилъ провинціалъ.—«Этотъ самъ .. .. ходитъ; такъ самъ и пойдетъ, и ничего, а вотъ другихъ-то ужъ я .. .. вожу». Такъ и въ литературѣ у насъ—люди покрѣпче именно въ такомъ родѣ. Хотите-ли для № 1 «Голоса» статью «О нашей полемикѣ?», о томъ, что она есть и чѣмъ бы должна быть. Это дѣло весьма важное, уже и потому, что рано или поздно гласность, состоящая изъ одной брани—подниметъ общій ропотъ и подвигнетъ правительство къ цензурнымъ строгостямъ; инаго ничего не останется дѣлать. Не фактъ опровергаютъ, а начинаютъ съ того, что человѣкъ—клеветникъ или невѣжа; неужь-ли нельзя то же слово да не такъ бы молвить?—Если бы вы въ «Голосѣ» рѣшительно объявили за собою право вымарывать безпощадно всякіе бранные эпитеты и проч(ія) брани, то за это обѣ стороны были бы вамъ благодарны. Штука въ томъ, чтобы удержать начинающаго; ибо когда одному удалось назвать печатно другаго подлецомъ или дуракомъ, то, по праву возмездія, надобно это позволить и другому,—а тамъ и пошла писать. Вертится также у меня въ головѣ: «Петербургъ и Москва» въ отношеніи къ удобствамъ жизни и нравственности народной.—Хотите-ли всѣхъ этихъ штукъ? Много навертывается случайнаго, временнаго,—имѣющаго цѣну, лишь когда тиснуто во-время.

Вамъ душевно преданный к. В. Одоевской.

21.

Санктпетербургъ, 17-го марта 1863.

Являюсь къ вамъ, почтеннѣйшій князь Владиміръ Ѳедоровичъ, съ челобитною. Податель этого письма—двоюродный братъ мой Карпачевъ, измученный нескончаемыми проволочками по его правому и, кажется, совсѣмъ рѣшенному дѣлу. Въ вашемъ богоспасаемомъ Сенатѣ [1]) тянутъ это дѣло вотъ уже который годъ—сначала за справками, которыя наконецъ собраны, то Богъ знаетъ изъ-за чего!—такъ, просто, за недосугомъ, или, можетъ быть, потому, что физіономія человѣка не нравится... Всяко бываетъ! Но дѣло все въ томъ, что никакъ не могутъ

[1]) Съ 8-го ноября 1861 года князь В. Ѳ. Одоевскій былъ сенаторомъ въ Москвѣ.

собраться доложить его дѣло, откладывая такимъ образомъ все въ дальній ящикъ. Вступитесь, сдѣлайте милость, и прикажите дѣйствовать поживѣе и посправедливѣе. Пока не перестроится наше правосудіе по новой формѣ и провалится царство проклятой канцелярщины, надобно еще часто прибѣгать къ шпорамъ, которыя я прошу васъ убѣдительнѣйше привести въ дѣйствіе.

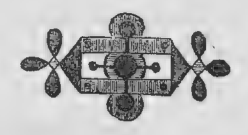
А что же «Голосъ»-то вы и знать не хотите? Хоть бы за то обратили на него вниманіе, что онъ—голосъ, а вы маэстро. Спрашивали вы меня еще лѣтомъ о томъ, годится-ли для газеты статья по вопросу о приличіи въ литературѣ [1]) (по поводу лакейскихъ журнальныхъ перебранокъ); я тогда же отвѣчалъ по назначенному вами адресу—во дворецъ Елены Павловны. Но съ тѣхъ поръ о васъ ни слуху, ни духу. Что жъ бы это значило?

Но что̀ бы это ни значило, я все-таки и всегда вамъ душевно преданный Краевскій.

P.S. Княгинѣ Ольгѣ Степановнѣ свидѣтельствую низкій поклонъ и душевное почтеніе.

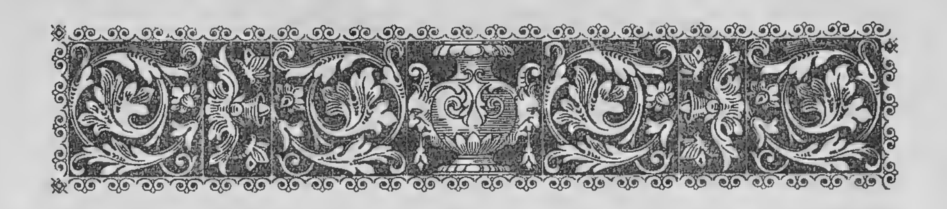
Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) См. предъидущее письмо.

Артиллерійское училище въ 1845 году.

VI [1]).

Учебная часть.

Какъ я уже сказалъ, училище, въ учебномъ отношеніи, раздѣлялось на пять классовъ. По окончаніи юнкерскихъ классовъ, тѣ, которые считались начальствомъ способными продолжать высшее образованіе, переводились въ офицерскіе классы, т. е. въ нынѣшнюю академію, а остальные назначались въ строй, въ полевыя батареи, прапорщиками.

Система преподаванія была классная, т. е. учитель читалъ лекціи или спрашивалъ прочитанное, когда ему было угодно. Система эта, предоставляющая учителю полную свободу дѣйствій и отдающая ему въ руки учениковъ почти безконтрольно, хороша только при отличномъ составѣ преподавателей.

Къ сожалѣнію, училище не могло похвалиться этимъ, особенно въ младшихъ классахъ. Да и не мудрено: самое пополненіе училища преподавателями производилось весьма страннымъ способомъ. Напримѣръ, въ старшемъ офицерскомъ классѣ подпоручикъ А. обнаруживаетъ блестящія дарованія по математикѣ. Ему предлагаютъ остаться при училищѣ репетиторомъ. Онъ соглашается и назначается читать въ 5-мъ или 4-мъ классѣ географію или исторію. Года черезъ два ему вдругъ поручаютъ преподаваніе черченія, а онъ самый плохой чертежникъ и т. д.

Въ старшихъ классахъ учителя были лучше; особенно хорошо было обставлено преподаваніе математики и артиллеріи.

По счастливой случайности, мы, во 2-мъ и 1-мъ классахъ, обладали

---

[1]) См. „Русскую Старину", май 1904 г.

нѣсколькими преподавателями, которымъ наиболѣе обязаны своимъ умственнымъ развитіемъ. Самое свѣтлое и теплое воспоминаніе о нихъ осталось до сихъ поръ у многихъ изъ насъ. Прежде всего, я долженъ назвать Иринарха Ивановича Введенскаго и священника Рождественскаго.

Какъ умѣли они оба заинтересовать насъ, пробудить лучшія черты человѣческой природы, пристрастить къ чтенію, дѣльному разговору и обсужденію въ товарищескомъ кружкѣ мыслей, выходившихъ изъ узкой рамки обыденныхъ училищныхъ интересовъ.

Бывало, когда Введенскій на каѳедрѣ, мы сдвигали къ нему вплотную скамейки, садились безъ церемоніи на ступеньки каѳедры и слушали, слушали съ жадностью, съ увлеченіемъ. Ярый противникъ крѣпостничества и рабства, поклонникъ умственнаго и нравственнаго развитія, онъ открывалъ намъ новый, невѣдомый міръ мыслей и чувствъ, издѣвался надъ ложью, себялюбіемъ, алчностью и продажностью, подъ какимъ бы блестящимъ нарядомъ они ни проявлялись, и заставлялъ любить самопожертвованіе и добро, въ какой бы скромной формѣ они ни проглядывали. Въ концѣ лекціи мы откомандировывали одного изъ товарищей держать дверь въ корридоръ, чтобы дежурный офицеръ не могъ объявить перемѣны [1]) и нарушить этимъ чтенія. Увлеченный своей лекціей, Введенскій не замѣчалъ, что полтора часа уже прошли, и бесѣдовалъ съ нами лишнія 15 минутъ. Когда обманъ обнаруживался, и учитель и ученики смѣялись вмѣстѣ. Да, мы любили его и уважали, а онъ любилъ молодежь и безусловно довѣрялъ ей.

За нѣсколько дней до перваго годового экзамена изъ словесности, Введенскій пришелъ въ классъ и потребовалъ литографированный именной списокъ. Мы думали, что онъ будетъ выставлять баллы; но онъ протянулъ намъ списокъ и просилъ, чтобы мы сами выставили себѣ отмѣтки. Нечего говорить, что списокъ покрылся самыми крупными баллами. Введенскій прочиталъ ихъ вслухъ, не сказалъ ни слова, спряталъ въ карманъ и отправился домой.

Въ день экзамена, лишь только Введенскій вошелъ въ училище, классъ окружилъ его и попросилъ списокъ назадъ. Онъ отдалъ. Тогда каждый началъ сбавлять себѣ баллы, да какъ сбавлять, какъ никакой самый строгій учитель не сбавляетъ. Введенскій попробовалъ было защитить насъ отъ насъ же самихъ, но всѣ его усилія были тщетны.

Экзаменъ вышелъ отличный; коммиссія не сбавила ни одного балла, и начальство благодарило Введенскаго за блестящій успѣхъ и за правильность оцѣнки.

---

[1]) Перемѣна объявлялась дежурнымъ офицеромъ, входившимъ въ классъ. Ни барабана, ни звонка не было.

Рождественскій, товарищъ Введенскаго по воспитанію, во многомъ былъ похожъ на него. Не будучи нисколько сухимъ доктринеромъ, онъ заставлялъ насъ любить и уважать христіанское ученіе, какъ высшій идеалъ справедливости и гуманности. На его лекціи, всегда живыя и интересныя, собирались часто, тайкомъ, юнкера другихъ классовъ, а ужъ нашихъ католиковъ и лютеранъ и силой нельзя было бы выгнать изъ класса.

Къ сожалѣнію, Рождественскій былъ только нашимъ законоучителемъ, а не духовникомъ, а то его благодѣтельное вліяніе на нравственность юнкеровъ сказалось бы еще въ сильнѣйшей степени.

Былъ у насъ въ училищѣ еще одинъ замѣчательный профессоръ, математическая звѣзда первой величины, Михаилъ Васильевичъ Остроградскій, читавшій или, вѣрнѣе сказать, который долженъ бы былъ читать въ 1-мъ классѣ интегральное исчисленіе.

Обыкновенно онъ приходилъ поздно, садился у первой скамейки и бесѣдовалъ съ юнкерами о Наполеонѣ, о Суворовѣ, о политикѣ, о чемъ угодно, кромѣ математики. Его блестящій умъ, начитанность, умѣнье защищать самые смѣлые парадоксы дѣлали эти бесѣды истиннымъ наслажденіемъ, но къ познанію интеграловъ ничего не прибавляли.

Иногда Остроградскій шалилъ, какъ юноша. Какъ-то разъ онъ заговорилъ о фехтовальномъ искусствѣ и хвасталъ, что никто изъ насъ ни однимъ ударомъ изъ десяти не коснется шпагой его груди. Съ нимъ заспорили и предложили сходить за рапирами. Тогда Остроградскій сдѣлалъ юнкерамъ такое предложеніе: если отыщется боецъ довольно смѣлый, чтобы сразиться съ нимъ, то условія дуэли поставляются слѣдующія: десять ударовъ, нанесенныхъ юнкеромъ; если Остроградскій отразитъ ихъ всѣ, то ставитъ на экзаменѣ своему противнику ноль, не спрашивая его. Если же хоть разъ будетъ задѣтъ, то ставитъ смѣльчаку, какъ бы онъ ни отвѣчалъ, полный баллъ.

Одинъ изъ нашихъ школяровъ, Желеховскій, принялъ условія, и Остроградскій, въ ожиданіи рапиръ, пригласилъ его выйти къ доскѣ и взять мѣлъ, самъ взялъ кусокъ мѣла и просилъ Желеховскаго показать, какъ онъ будетъ нападать. И вотъ одноглазый гигантъ—Остроградскій былъ кривой и громаднаго роста — и маленькій юноша стали «en garde».

Едва Желеховскій успѣлъ выпасть, какъ отворилась дверь, и вошелъ инспекторъ классовъ, котораго, кстати сказать, Остроградскій почему-то порядочно побаивался.

— Желеховскій, что это вы выдумали, отправляйтесь-ка подъ арестъ,—проговорилъ инспекторъ классовъ строгимъ тономъ; но на лицѣ его невольно играла улыбка.

Тѣмъ временемъ Остроградскій повернулся на каблукѣ налѣво кругомъ, очутился лицомъ у доски и совершенно покойнымъ тономъ началъ:

— Итакъ, я только-что говорылъ вамъ, мылостывые государи, что предѣльный ынтыгралъ,—и пошелъ читать лекцію, какъ ни въ чемъ не бывало.

Желеховскій просидѣлъ подъ арестомъ нѣсколько часовъ, а на экзаменѣ Остроградскій вывезъ его изъ интеграловъ.

Иногда, наговорившись, Остроградскій подходилъ къ доскѣ, бралъ мѣлъ въ руки и начиналъ читать. Понимали его весьма немногіе, да и какъ было понять обрывочную, выхваченную изъ средины курса теорему. Но тѣ, которые понимали, наслаждались его чтеніемъ, какъ музыкой, какъ поэзіей. Дѣйствительно, Остроградскій былъ блистательный математикъ и вообще даровитый человѣкъ; но къ прямому исполненію своихъ обязанностей онъ относился съ равнодушіемъ, даже съ отвращеніемъ.

Весь классъ, по его словамъ, дѣлился на геометровъ, которыхъ было человѣка три, и землемѣровъ—всѣ остальные. Рѣдкія лекціи свои онъ читалъ только для первыхъ; о развитіи же математическихъ знаній послѣднихъ и не заботился нимало: онъ видимо пренебрегалъ ими. Любимцемъ его въ нашемъ классѣ былъ Чебыкинъ, выказавшій истинно замѣчательныя способности къ математикѣ.

Однажды, идя къ намъ на выпускной экзаменъ изъ дифференціаловъ, Остроградскій поскользнулся на лѣстницѣ и пересчиталъ нѣсколько ступенекъ спиною. Взбѣшенный, растрепанный, вошелъ онъ въ классъ и въ какой-нибудь часъ времени поставилъ 17-ти землемѣрамъ по нолю. Мы упросили предсѣдателя экзаменной коммиссіи вызвать Чебыкина, и вотъ, при самомъ началѣ его дѣйствительно блестящаго отвѣта, морщины Остроградскаго начали разглаживаться, а къ концу онъ сталъ добръ и мягокъ, какъ воскъ.

Въ конференціи, собранной послѣ экзамена, начальство положило, и совершенно справедливо, вовсе не считать къ выпуску нолей, поставленныхъ Остроградскимъ.

Начертательную геометрію и черченіе преподавалъ въ старшихъ юнкерскихъ и офицерскихъ классахъ баронъ Владиміръ Карловичъ Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ. Эта свѣтлая личность была любима и уважаема положительно всѣми. Рѣзкій на словахъ, онъ всегда говорилъ юнкерамъ правду въ глаза, не стѣсняясь называть вещи ихъ собственными именами, но и не обижаясь никогда горячимъ или остроумнымъ отвѣтомъ юнкера. Баронъ, какъ всѣ его называли, любилъ и самъ съострить и подсмѣяться надъ юнкерами; но въ его насмѣшкѣ, какъ и въ выговорѣ, проглядывало столько добродушія и отеческой любви

къ юношеству, что я не знаю случая, чтобы кто-нибудь обидѣлся на него.

Вотъ примѣръ.

Юнкеръ Крупскій, прекрасно рисовавшій, изобразилъ на своей чертежной папкѣ артистически сдѣланную голову осла.

— Смотри,—говорили Крупскому товарищи,—баронъ непремѣнно подсмѣется надъ тобою.

Надо прибавить, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ баронъ получилъ Анну на шею.

Крупскій, не говоря ни слова, придѣлалъ этотъ орденъ ослу.

Черезъ нѣсколько дней, въ классѣ черченія, баронъ подошелъ къ Крупскому и, какъ истинный артистъ, сталъ любоваться изящной работой.

— Прекрасно, прекрасно,—сказалъ онъ Крупскому,—только зачѣмъ же рисовать на казенной папкѣ свой портретъ.

— Это не мой,—возразилъ Крупскій, глядя съ улыбкой на шею барона,—вы не замѣтили у осла Анну на шеѣ.

— Ахъ, мошенникъ,—расхохотался баронъ,—ловко срѣзалъ, славно отдѣлалъ. И онъ отошелъ отъ Крупскаго, добродушно подсмѣиваясь надъ самимъ собою.

Въ важныхъ случаяхъ жизни баронъ давалъ юнкерамъ совѣты, какъ поступить, и совѣты эти дышали всегда добротой и благородствомъ, а потому и исполнялись охотно.

Много лѣтъ тому назадъ, наступилъ пятидесятилѣтній юбилей барона. Его бывшіе ученики пожелали сдѣлать ему обѣдъ и, Боже мой, какая масса людей всѣхъ званій и состояній сѣла за юбилейный столъ. Глядя со стороны, можно было подумать, что чествуютъ какого-нибудь министра, раздавателя благъ земныхъ, а не скромнаго преподавателя безсильнаго, при всемъ своемъ желаніи, «назначить», «дать», «опредѣлить» и т. п.

Одинъ изъ учениковъ барона, бывшихъ на обѣдѣ, отлично обрисовалъ его въ нѣсколькихъ словахъ.

— Баронъ,—сказалъ онъ,—былъ назначенъ, оффиціально, чтобы учить насъ черченію, т. е. познанію масштаба; но онъ сдѣлалъ болѣе: онъ выучилъ насъ отмѣривать наши собственные поступки по масштабу нравственному, и мы никогда не забудемъ этихъ уроковъ.

Въ словахъ этихъ много истины.

Преподавали у насъ и оригиналы, нравственное значеніе которыхъ было ничтожно. Кто изъ насъ, напримѣръ, не припомнитъ Василія Карловича Тилло, учившаго въ младшихъ классахъ нѣмецкому и русскому языкамъ. Худой, длинный, лысый старичекъ, съ огромнымъ носомъ въ видѣ разваренной картофелины, съ сѣдыми височками, заче-

санными впередъ, добрякъ этотъ входилъ въ классъ съ книжкой, перевязанной всегда одною и тою же красною ленточкой.

Между юнкерами ходили толки, что Васенькѣ, какъ всѣ называли Тилло, тесемочка эта досталась по завѣщанію отъ отца. Какой-то шутникъ стащилъ однажды со стола Васенькину драгоцѣнность, и бѣдный старичекъ чуть не заплакалъ отъ горя. Мы заставили шалуна общимъ приговоромъ воротить Васенькѣ тесемочку.

Бывало, при входѣ въ классъ, къ Тилло подходили юнкера и заговаривали его, чтобы оттянуть время.

— Правда-ли, Василій Карловичъ,—спрашивалъ одинъ,—что вы поступаете въ уланы?

— И, помилуйте,—отшучивался старикъ,—куда мнѣ въ уланы: я боюсь даже извощичьихъ лошадей.

— Правда-ли, Василій Карловичъ,—подхватывалъ другой,—что вы вызвали Киндерева на дуэль?

И вопросы сыпались одинъ за другимъ, одинъ другаго нелѣпѣе.

Наконецъ Тилло, выведенный изъ терпѣнія, горячился, приказывалъ сѣсть и грозилъ, поглаживая височки:

— Вотъ, вотъ, я васъ всѣхъ запишу, накажутъ.

Но никогда никого не записывалъ.

Нѣмецкій языкъ мы знали отвратительно, или, правильнѣе сказать, вовсе его не знали.

Обыкновенно Тилло вызывалъ одного изъ насъ къ доскѣ и диктовалъ ему нѣмецкій анекдотъ смѣшнаго содержанія. Прочіе должны были переписать продиктованное и выучить къ слѣдующему классу наизусть.

По окончаніи диктовки, длинный Чебыкинъ, который ровно ничего не понималъ по-нѣмецки, вставалъ со скамьи и, размахивая линейкой, какъ дирижеръ оркестра палочкой, командовалъ классу: разъ, два, три. По этому сигналу классъ, тоже въ тактъ, хоромъ смѣялся три раза: ха, ха, ха! Васенька, на этотъ смѣхъ, отвѣчалъ всегда добродушнымъ мелкимъ смѣхомъ: хе, хе, хе!

Однажды ему вздумалось продиктовать на доскѣ что-то печальное. Чебыкинъ, не подозрѣвая этого, взмахнулъ линейкой, и мы прогремѣли свое обычное: «ха, ха, ха!»

Васенька обидѣлся:

— Я вамъ диктую печальное,—сказалъ онъ съ огорченной физіономіей,—а вы хохочете.

Чебыкинъ не смутился, снова всталъ, извинился передъ Васенькой и скомандовалъ:

— Ребята, три раза плакать!

И мы изобразили, звукоподражаніемъ, троекратный плачъ.

Другой оригиналъ, достойный описанія, былъ Киндеревъ, преподаватель аналитической геометріи.

Это былъ маленькій человѣчекъ, очень близорукій, круглый, какъ арбузъ, съ большой лысой головой и неестественно-коротенькими ручками и ножками, придѣланными къ его тучному тѣлу какъ-то неладно, какъ будто украденныя у ребенка.

Я не много уклонюсь отъ истины, если скажу, что Киндеревъ походилъ на черепаху, поставленную вертикально на хвостъ. Одѣтъ онъ былъ всегда въ синій коротенькій фракъ и свѣтло-гороховыя панталоны.

Киндеревъ терпѣть не могъ, чтобы во время его лекцій юнкера занимались чѣмъ-нибудь постороннимъ.

Замѣтивъ развернутую книгу, онъ подходилъ обыкновенно къ столу, наваливался на него животомъ, чтобы посмотрѣть книгу, и неизмѣнно спрашивалъ:

— И, пожалуйте, что вы читаете?

Однажды шалуны, или, какъ ихъ называли въ училищѣ, школяры, воспользовавшись этимъ, намазали густо край врѣзанной въ столъ чернильницы чернилами, и на гороховыхъ штанахъ Киндерева, въ нижней части живота, образовался черный кружечекъ. Такъ какъ внутренность кружечка оставалась бѣлою, то Киндеревъ имѣлъ видъ человѣка со сквозною дырой на животѣ.

Насмѣявшись вдоволь, мы извѣстили Киндерева о постигшемъ его несчастіи.

Тогда старикъ, подбирая животъ руками, тщетно пытался увидѣть кружечекъ. Наконецъ, ему поднесли ручное зеркальце, и онъ съ ужасомъ увидѣлъ свои запачканные штаны.

Ему тотчасъ же предложили помощь, и онъ принялъ ее.

Тогда одинъ изъ юнкеровъ взялъ губку, поплевалъ на нее и принялся тереть Киндерева по животу, въ горизонтальномъ направленіи. Образовалась, конечно, черная полоса, съ которой Киндеревъ и вышелъ изъ класса.

Тилло и Киндеревъ служили намъ предметами неистощимыхъ наслажденій.

При входѣ въ классъ, кто-нибудь изъ рисовальщиковъ подходилъ къ доскѣ и ежедневно изображалъ на ней мѣломъ, съ поразительнымъ сходствомъ, этихъ двухъ оригиналовъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Картина представляла иногда Васеньку, въ уланской формѣ, на колѣнахъ передъ Киндеревымъ, одѣтымъ въ дамское платье. Иногда сюжетомъ для изображенія служилъ турниръ; при этомъ Васенька въ шлемѣ, на громадномъ тощемъ россинантѣ, поражалъ копьемъ Киндерева, сидѣвшаго на маленькой круглой лошадкѣ. Всего же чаще

на доскѣ появлялась слѣдующая картина: Васенька, въ формѣ конно-артиллериста, стрѣлялъ изъ огромной мортиры. Изъ дула вылеталъ Киндеревъ и дрыгалъ на воздухѣ ручками и ножками.

Оба они, при входѣ въ классъ, обыкновенно разсматривали картину, и Васенька говорилъ:

— Вотъ, вотъ, я васъ всѣхъ запишу, сотрите.

А Киндеревъ:

— И, пожалуйте, сотрите эти глупости.

Но оба не жаловались.

Самыми несчастными существами были иностранцы, преподаватели французскаго и нѣмецкаго языковъ. Ихъ, что̀ называется, въ грошъ не ставили, преслѣдовали и задавали имъ бенефисы; французы и нѣмцы положительно боялись юнкеровъ, а не юнкера ихъ. Въ 4-мъ классѣ Чебыкинъ выдалъ себя французу за сумасшедшаго, бѣгалъ за нимъ по комнатѣ съ линейкою, а тотъ удиралъ и прятался между скамейками. Если на подобную сцену наскакивалъ инспекторъ классовъ, его помощникъ, или дежурный офицеръ, насъ наказывали, и препорядочно; но въ слѣдующій классъ старое снова повторялось.

Если французъ жаловался, что̀ случалось нерѣдко, мы задавали ему бенефисъ, и онъ укрощался.

Юнкера артиллерійскаго училища относились, вообще, съ уваженіемъ къ выдающимся способностямъ и къ научнымъ успѣхамъ своихъ товарищей, если они не были сопряжены съ зубреніемъ, погоней за баллами и за мѣстами старшинства.

Особенное почтеніе и со стороны начальства, и со стороны юнкеровъ заслуживали математическія дарованія. Заручившись хорошимъ балломъ у Остроградскаго, юнкеръ могъ быть увѣренъ, что его такъ или сякъ вывезутъ и допустятъ до слушанія офицерскихъ курсовъ. Поклоненіе природнымъ способностямъ ввело въ училищѣ непохвальную привычку стыдиться усидчивыхъ занятій. Если про такого-то юнкера говорили, что онъ получилъ полный баллъ изъ интеграловъ, дифференціаловъ или аналитики и при этомъ почти совсѣмъ не занимался, то это служило ему высшей похвалой.

Система балловъ у насъ была безобразная. Полный баллъ былъ 50. Очень хорошіе не ниже 48, хорошіе, или переводные, не ниже 30, менѣе этого балла—неудовлетворительные. Получившій менѣе 30 балловъ или оставлялся въ классѣ, не болѣе, какъ на одинъ годъ, или, по рѣшенію конференціи, получалъ переэкзаменовку.

Курсъ начинался въ концѣ августа и продолжался непрерывно до послѣднихъ чиселъ ноября. Въ ноябрѣ и декабрѣ назначались экзамены изъ всего пройденнаго, называвшіеся, неизвѣстно почему, третными. Эти экзамены были для насъ весьма

важны и полезны, и нельзя не поблагодарить классное начальство за ихъ введеніе. Дѣйствительно, мы легко и основательно усвоивали первую, самую важную, половину курса, что во многомъ уясняло наши дальнѣйшія занятія и облегчало приготовленіе къ годовымъ испытаніямъ. Но чего отнюдь нельзя похвалить, это назначеніе послѣ экзаменовъ такъ называемыхъ третныхъ. Третными назывались тѣ, которые получили на экзаменѣ менѣе 30 балловъ.

При строгой постановкѣ, таковыхъ оказывалось довольно много. Третной, по училищнымъ правиламъ, лишался отпусковъ до той минуты, покуда онъ на репетиціи не получитъ удовлетворительнаго балла изъ того предмета, изъ котораго онъ срѣзался на экзаменѣ. Система назначенія третныхъ заставляла лѣнтяевъ готовиться только къ одному уроку и очень обременяла учителей. Иногда послѣдніе, какъ бы на зло, не хотѣли спрашивать третного и порождали этимъ взаимное неудовольствіе. А тѣмъ временемъ дѣтина лѣтъ двадцати, заключенный по мѣсяцамъ въ четырехъ стѣнахъ, предавался самымъ фантастическимъ, далеко не невиннымъ изобрѣтеніямъ, чтобы розогнать скуку.

Третные засѣдали, большею частью, въ Камчаткѣ. Чтобы понять это выраженіе, надо упомянуть, что классъ, по скамейкамъ, раздѣлялся такъ: на первыхъ сидѣли хорошіе ученики, слѣдившіе за лекціями профессоровъ; на среднихъ такъ называемые конно-артиллеристы, не претендовавшіе на слушаніе офицерскихъ курсовъ и считавшіе себя счастливыми, если получали переводный баллъ. Наконецъ заднія скамейки, или Камчатка, населялись безпардоннымъ народомъ, не хотѣвшимъ ровно ничего дѣлать.

Случалось, что камчадалы, опомнившись съ годами, переходили или въ конно-артиллеристы, или даже на первыя скамейки и оканчивали курсъ прекрасно. Конечно, это бывало не каждый день. Камчадалы приносили съ собою часто, особенно на вечерніе классы, шинели, разстилали ихъ подъ скамейками и предавались безмятежному сну. Иногда слишкомъ громкій храпъ обращалъ на себя вниманіе учителя, и онъ посѣщалъ Камчатку. Тогда бѣдные камчадалы изъ міра сладкихъ сновидѣній рѣзко переходили въ юдоль стенаній и печали и отправлялись доканчивать свой сонъ подъ арестъ.

Фантазіи камчадаловъ приводили иногда въ изумленіе и учителей, и юнкеровъ.

Джіовани Галеацо, дука ди Сфорца, котораго мы застали въ пятомъ классѣ, твердо рѣшился не развертывать ни одной книги. Онъ отличался умѣніемъ необыкновенно скоро и правильно чертить мѣломъ, отъ руки, круги на доскѣ, и вотъ что онъ постоянно продѣлывалъ.

— Галеацо,—вызываетъ его учитель исторіи.

Галеацо вскакиваетъ съ мѣста, спѣшитъ къ доскѣ и беретъ мѣлъ въ руки.

— Разскажите мнѣ царствованіе Франциска I-го,—говоритъ учитель.

Галеацо, не отвѣчая ни слова, чертитъ на доскѣ идеально вѣрный кругъ и ставитъ центръ.

Учитель исторіи смотритъ съ недоумѣніемъ на кругъ, стараясь придумать, какая связь можетъ быть между Францискомъ I-мъ и кругомъ, но Галеацо молчитъ.

— Ну-съ?—говоритъ наконецъ историкъ.

— Я не приготовился,—отвѣчаетъ Галеацо съ самой пріятной улыбкой.

— Такъ я вамъ поставлю ноль,—говоритъ учитель.

— Сдѣлайте одолженіе,—произноситъ Галеацо, почтительно кланяется и уходитъ на свое мѣсто.

Онъ это продѣлывалъ рѣшительно со всѣми, и ноли сыпались ему въ журналахъ ежедневно.

Нечего и говорить, что Галеацо, далеко не лишенный отъ природы способностей, не двинулся далѣе 5-го класса и былъ исключенъ.

Впослѣдствіи онъ участвовалъ, подъ начальствомъ Гарибальди, въ его сицилійскомъ походѣ.

Иногда камчадалы, съ участіемъ конно-артиллеристовъ, устраивали пульки въ Камчаткѣ. Это дѣлалось особенно охотно на урокахъ изъ иностранныхъ языковъ.

— L'ingratitude est un vice.... диктуетъ французъ, ходя вдоль скамеекъ.

— Дуракъ,—громко разносится по классу,—подвелъ моего короля самъ-другъ.

— Королъ самъ другъ, que veut-il dire?—спрашиваетъ французъ и вдругъ, догадавшись, бросается въ Камчатку.

Но товарищи, зная, что за игру въ карты могутъ, пожалуй, и изъ училища выгнать, стоятъ уже передъ французомъ непроницаемой стѣной. Тщетно старается онъ пробиться, напрасно молитъ и грозитъ; его не пускаютъ. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, онъ бѣжитъ жаловаться.

Приходитъ начальство, и начинается разборка. Прежде всего стараются найти вещественныя доказательства преступленія; но карты уже припрятаны такъ, что до нихъ не доберешься. Старшаго, всегда перваго ученика, отправили подъ арестъ; за нимъ слѣдуютъ совершенно невиновные юнкера A, B и C, и весь классъ оставленъ на мѣсяцъ безъ отпуска; но никому и въ голову не приходитъ выдать товарища.

Самъ камчадалъ, разгорячившійся не въ мѣру изъ-за подведеннаго короля самъ-другъ, заявляетъ намѣреніе открыть начальству свою

вину; но его удерживаютъ, ругаютъ, обѣщаютъ даже вздуть, если онъ себя выдастъ.

— Экій дуракъ, скотина,—говорятъ ему товарищи: тѣ посидятъ да и выйдутъ, а вѣдь тобой дорожить не станутъ; тебѣ вся цѣна—грошъ, какъ разъ вылетишь,—и урезониваютъ великодушнаго игрока.

Однако дѣло окончиться такъ не можетъ, и весь классъ рѣшается закатить французу, на слѣдующій же разъ, страшнѣйшій бенефисъ.

Къ преподавателямъ военнымъ юнкера относились, вообще, сдержаннѣе, чѣмъ къ гражданскимъ, но и съ первыми позволяли себѣ довольно свободныя шутки.

Одинъ изъ моихъ товарищей, конно-артиллеристъ Абаза, очень способный, но лѣнтяй, вздумалъ говорить риѳмами и порядочно навострился въ этомъ искусствѣ. Однажды, не приготовившись изъ дифференціаловъ, онъ подошелъ во время репетиціи къ преподавателю, капитану Усову, добрѣйшему и милѣйшему человѣку, и продекламировалъ:

Я вчера занемогъ
И приготовиться не могъ.

— Чѣмъ же вы занемогли?—спросилъ Усовъ.

Не знаю, но я взглянулъ въ зеркало
И испугался, какъ меня исковеркало,—

отвѣчалъ Абаза.

— Ну, такъ я вамъ поставлю ноль,—и дѣйствительно Усовъ поставилъ въ списки ноль.

Дифференціаловъ король
Поставилъ мнѣ ноль,—

проговорилъ Абаза плачевнымъ тономъ.

Усовъ расхохотался и вычеркнулъ ноль изъ журнала.

На репетиціяхъ мы часто отказывались отвѣчать всѣмъ классомъ, иногда безъ всякой основательной причины.

— Отказъ, сегодня отказъ изъ статистики,—кричали конно-артиллеристы, входя въ классъ.

—Да помилуйте—возражалъ старшій, на обязанности котораго лежала непріятность отказываться,—вѣдь нѣтъ никакой причины къ отказу, да и прошлый разъ мы отказались; Тихановъ будетъ ставить ноли.

— Нѣтъ, не будетъ, не разсуждай,—кричали лѣнтяи.

— Будетъ, не хотимъ отказываться,—говорили болѣе прилежные.

Вопросъ рѣшался большинствомъ голосовъ и чаще въ пользу конно-артиллеристовъ и камчадаловъ, чѣмъ прилежныхъ. Тогда старшій подходилъ къ учителю, выдумывалъ какую-нибудь причину и отказывался за весь классъ.

Въ большинствѣ случаевъ отказъ принимался; но иногда учитель, раздосадованный явною лѣнью класса, не принималъ отказа и вызывалъ къ доскѣ нѣсколько человѣкъ, начиная со старшаго. Всѣ, конечно, отказывались и получали ноли. Отвѣчать при такихъ обстоятельствахъ считалось непростительнымъ проступкомъ противъ таварищей.

Когда большинство класса отказываться не желало, къ учителю подходили отдѣльныя личности, и онъ почти всегда отлагалъ имъ репетицію до слѣдующаго раза.

Самымъ интереснымъ и страшнымъ временемъ въ классной жизни былъ, конечно, годовой экзаменъ, производившійся весною.

Заниматься прилежно во время экзаменовъ не значило зубрить, и потому такія занятія не презирались, а уважались. Если экзаменъ представлялъ особенныя трудности, или смотры и парады отбивали столько времени, что приготовиться было невозможно, весь классъ прибѣгалъ къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы помочь горю. Поддѣльные билеты, шпаргалки, на которыхъ были выписаны отвѣты и которыми, чаще всего, обвертывались мѣлки—все пускалось въ ходъ.

Въ 3-мъ классѣ, ужъ не помню по какой причинѣ, мы рѣшились поступить на экзаменѣ изъ исторіи такъ: одна половина класса должна была приготовить первые 16 билетовъ, а другая послѣдніе 16. Первая половина билетовъ была рваная, а вторая рѣзанная. Все было устроено какъ нельзя лучше, классный писарь былъ подкупленъ на общую складчину и принесъ экзаменной коммиссіи поддѣльные билеты.

Сначала коммиссія не замѣчала ничего и наслаждалась нашими блестящими отвѣтами; но скоро картина измѣнилась: вызвали Пряништникова, необыкновенно вялаго и близорукаго. Чтобы отличить рваные билеты отъ рѣзанныхъ, онъ уткнулъ носъ въ столъ и началъ разгребать кучу.

— Что вы тамъ шарите?—спросилъ одинъ изъ членовъ коммиссіи, и сердца наши забились отъ страха.

— Беру билетъ,—отвѣчалъ Пряништниковъ, какъ-то неестественно улыбаясь.

— А вотъ я вамъ выберу,—заговорилъ ужасный членъ коммиссіи и самъ вынулъ изъ кучи, наугадъ, билетъ.

Къ сожалѣнію, онъ былъ не изъ той половины, которую приготовилъ Пряништниковъ, и онъ жестоко срѣзался.

Обстоятельство это внушило коммиссіи подозрѣніе, билеты начали разглядывать, и вскорѣ хитрость была открыта. Тогда каждому отвѣчающему стали предлагать по два билета: одинъ рваный, другой рѣзанный, и произошло, какъ мы выражались, избіеніе младенцевъ: за приготовленную половину ставили баллъ, за неприготовленную ноль и брали среднее. Понятно, что весь классъ очутился съ неудовлетвори-

тельными отмѣтками изъ исторіи, и начальство принуждено было назначить другой экзаменъ, послѣ лагерей.

Ухищреніямъ лѣнтяевъ, чтобы благополучно спустить экзамены, не было границъ. Одинъ выписывалъ себѣ на ладони лѣвой руки всѣ окончательныя формулы, другой набивалъ карманы кусочками бумаги, исписанными краткими замѣтками; наконецъ, мой товарищъ камчадалъ изобрѣлъ слѣдующую штуку. Онъ условился съ своимъ закадычнымъ другомъ, такимъ же лѣнтяемъ, приготовить только по одному билету изъ аналитики. Въ тотъ моментъ, когда одинъ изъ нихъ подойдетъ къ столу, чтобы выбирать билетъ, другой долженъ былъ ударить кулакомъ, со всей силы, въ оконную раму, находившуюся сзади сидящей коммиссіи. Члены ея, неминуемо, должны были обернуться на шумъ, а стоявшій у стола вытащить въ это время изъ обшлага куртки поддѣльный билетъ и положить его сверху кучки. Потомъ, когда коммиссія успокоится, взять этотъ верхній билетъ и отправиться къ доскѣ.

Задумано—сдѣлано. Еще задолго до экзамена оба заговорщика практиковались въ камерахъ въ быстромъ и по возможности незамѣтномъ выдергиваніи кусочка бумаги изъ рукава и достигли въ этомъ извѣстнаго совершенства.

Мы всѣ знали о предстоящей продѣлкѣ и ждали съ нетерпѣніемъ, чѣмъ она кончится.

Наступилъ день экзамена. Вотъ вызвали къ столу одного изъ камчадаловъ, а другой пододвинулся къ рамѣ.

— Берите билетъ,—заговорилъ предсѣдатель коммиссіи, и въ тотъ же моментъ раздался страшный ударъ; стекла посыпались, рама затрещала. Вся коммиссія вскочила на ноги и обернулась, а поддѣльный билетъ лежалъ уже сверху.

На вопросы экзаменаторовъ о причинѣ шума юнкера отвѣчали, что, должно быть, мальчишки кидаютъ со двора камни въ окно.

Затѣмъ, положенный билетъ былъ взятъ, и камчадалъ отвѣчалъ прекрасно.

Въ свою очередь, онъ услужилъ тѣмъ же другу, и тотъ также счастливо окончилъ экзаменъ.

Предсѣдатель, какъ мы потомъ узнали, жаловался училищному полицiймейстеру, что уличные мальчишки не даютъ спокойно вести экзаменъ.

VII.

Внутренняя жизнь училища.

Чтобы вполнѣ понять жизнь училища, я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о значеніи перваго класса.

Всѣ наши внутреннія общественныя дѣла рѣшались, въ большей части случаевъ, первоклассниками и, въ особенности, портупей-юнкерами. Даже внѣ стѣнъ училища они имѣли освященную обычаями власть и не касались только совершенно частныхъ интересовъ каждаго отдѣльнаго класса или лица.

Немудрено, что при этомъ условіи день производства въ портупей-юнкера считался особенно торжественнымъ. Обыкновенно батарейный командиръ собиралъ вновь производившихся въ одной изъ залъ училища, поздравлялъ ихъ съ производствомъ и выдавалъ каждому на руки серебреный темлякъ—атрибутъ портупей-юнкерскаго званія. Послѣ того, вновь пожалованные отправлялись въ свои взводы, и тутъ поднимался дымъ коромысломъ. Каждый взводъ поздравлялъ своихъ портупей-юнкеровъ и подбрасывалъ ихъ «на ура». Чѣмъ болѣе любили товарищи вновь произведеннаго, тѣмъ выше подлеталъ онъ. Ни просьбы, ни угрозы не помогали. Едва чествуемый успѣвалъ вырваться изъ рукъ одной толпы, какъ другая уже подхватывала его, и онъ снова летѣлъ кверху, буквально до потолка.

Въ рѣдкихъ случаяхъ, если товарищи хотѣли выразить къ портупей-юнкеру особенное нерасположеніе, они вовсе не подкидывали его «на ура». . . . .

Юнкера гордились тѣмъ, что вели себя внѣ стѣнъ училища всегда прилично и строго соблюдали установленную форму одежды; поэтому, если первоклассникъ замѣчалъ на улицѣ юнкера низшихъ классовъ съ разстегнутой шинелью, въ перчаткахъ или въ калошахъ, онъ дѣлалъ ему замѣчаніе. Если неисправность повторялась, то непослушнаго, въ большинствѣ случаевъ, просто вздували.

При такой строгости ослушниковъ было, конечно, немного.

Въ строю портупей-юнкера подгоняли нерадивыхъ весьма безцеремонно. Въ одномъ орудіи со мною стоялъ 7-мъ нумеромъ нѣкто Румъ, очень боявшійся лошадей. Между тѣмъ, по уставу, онъ долженъ былъ при снятіи съ передковъ быстро подбѣгать къ дышлу и поднимать его. Румъ, изъ опасенія, что не совсѣмъ остановившаяся пара дышловыхъ лошадей сомнетъ его, или что одна изъ уносныхъ вздумаетъ угостить по физіономіи копытомъ, всегда умышленно опаздывалъ, и наше орудіе снималось съ передковъ послѣднимъ.

Портупей-юнкеръ сдѣлалъ слишкомъ осторожному артиллеристу раза

два замѣчаніе, и когда убѣдился, что это не помогаетъ, очень хладнокровно взялъ изъ рукъ 1-го нумера банникъ и такъ обработалъ имъ Рума, что боязливость его исчезла моментально.

Общіе бенефисы, т. е. производимые всѣмъ училищемъ, рѣшались не иначе, какъ первымъ классомъ; но, въ силу принципа невмѣшательства въ частную жизнь отдѣльныхъ низшихъ классовъ, мы могли, совершенно самостоятельно, закатить бенефисъ тому или другому не-нравившемуся намъ учителю.

Опишу бенефисъ, данный поручику Сверчкову [1]) вскорѣ послѣ моего поступленія.

Сверчковъ имѣлъ всѣ замашки полицейскаго ерыжки: подглядывать, подслушивать, выпытывать, излавливать доставляло ему истинное наслажденіе, и юнкера ненавидѣли его за это, хотя и весьма мало боялись.

Ненависть эта доходила до того, что юнкера воспѣвали подлость Сверчкова въ пѣснѣ, передѣланной изъ извѣстнаго романса, начинающагося словами:

Рѣка шумитъ, рѣка реветъ,
Мой челнъ о брегъ кремнистый бьетъ.

Ходя по Невскому (т. е. по анфиладѣ комнатъ верхняго этажа), ненавистники Сверчкова пѣли хоромъ:

Народъ шумитъ, народъ реветъ,
Сверчкова въ рыло каждый бьетъ.
Безъ счета получивъ толчковъ,
Избитый весь летитъ Сверчковъ.

Лети, лети, тузы сбирай,
Сверчковъ утѣшься, не рыдай
и т. д.

Не знаю, чѣмъ именно онъ провинился тогда передъ первымъ классомъ; но помню, что дня за два передъ катастрофой въ Москвѣ собрался весь первый классъ, судилъ, рядилъ и наконецъ объявилъ всему училищу, что завтра, на дежурствѣ Сверчкова, ему будетъ данъ страшнѣйшій бенефисъ.

Еще утромъ, когда все училище собралось въ классы, и Сверчковъ, до прихода преподавателей, обходилъ корридоръ, изъ различныхъ классовъ ему начали кричать громко: «подлецъ, скотина». Но вошли учителя, и все успокоилось. Въ перемѣны Сверчковъ не смѣлъ уже показываться, и лекціи прошли благополучно.

Въ камеры возвратились тихо, оставляя главныя непріязненныя дѣйствія на время обѣда. На строевыхъ занятіяхъ и въ камерахъ

[1]) Фамилія вымышленная.

юнкера держали себя какъ-то серьезнѣе обыкновеннаго, разговаривали тихонько по-двое, по-трое. Въ Москвѣ снова собрался первый классъ для послѣднихъ распоряженій. Всѣ находились въ какомъ-то нервномъ состояніи.

Но вотъ ударилъ барабанъ къ столу; портупей-юнкера построили взводы и повели въ рекреаціонную залу. Разсчитали по столамъ и скомандовали: направо, шагомъ, маршъ. Вся масса въ 148 человѣкъ двинулась впередъ, притопывая одною ногою. Неслышавшіе этого особеннаго, не рѣзкаго, но какого-то грознаго шума, въ которомъ выражается глухое негодованіе массы, не могутъ себѣ представить, какое потрясающее впечатлѣніе производитъ онъ на душу.

Пришли въ столовую, размѣстились по столамъ, барабанъ ударилъ на молитву, и юнкера какъ-то особенно тихо запѣли: «Очи всѣхъ на Тя, Господи». Когда дошли до словъ «животное благоволенія», все училище, какъ бы по мановенію одного лица, пріостановилось и потомъ разомъ, неистово закричало: «животное». Слово «благоволенія» не было уже и слышно. Начался невообразимый гамъ. На средину комнаты полетѣли плашмя тарелки, которыя, разбиваясь, осыпали столовую осколками, долетавшими иногда до самаго Сверчкова. Мимо головы несчастнаго офицера, прижавшагося спиною къ колоннѣ и видимо дрожавшаго всѣмъ тѣломъ, летѣли краюхи хлѣба. Скамейки грохались объ полъ, нечеловѣческіе крики и ругательства проносились по залѣ волною, изъ одного конца въ другой.

Это длилось минутъ десять; но голодъ не свой братъ; мы принялись, наконецъ, за супъ, и шумъ понемногу утихъ. Только, отъ времени до времени, въ теченіе всего обѣда, слышались по залѣ отдѣльные крики или комплименты, не совсѣмъ лестные для бенефиціанта.

Этимъ, въ сущности, дѣло и кончилось; вечеръ прошелъ спокойно, и на другое утро училищная жизнь потекла своимъ порядкомъ.

Бенефисъ Сверчкову былъ одинъ изъ самыхъ большихъ, какіе мнѣ довелось видѣть въ теченіе моего пятилѣтняго пребыванія въ училищѣ. Не знаю почему, но онъ прошелъ совершенно безнаказанно и не распространился далѣе училищныхъ стѣнъ.

Другіе большіе бенефисы, а ихъ было при мнѣ три или четыре, не обходились намъ такъ дешево. О нихъ доносили высшему начальству, начинались розыски виновныхъ, сажали подъ арестъ праваго и виноватаго и оставляли все училище по мѣсяцамъ безъ отпуска. Но при той тѣсной товарищеской связи, которая существовала между нами, отыскать истинныхъ зачинщиковъ никогда не могли.

Однажды мы закатили огромный бенефисъ лицу, стоявшему высоко въ ряду училищной іерархіи. Дѣло дошло до великаго князя Михаила Павловича, и онъ уполномочилъ генерала Безака, только-что назначен-

наго начальникомъ штаба артиллеріи, распорядиться съ училищемъ по своему усмотрѣнію.

Насъ собрали, въ ожиданіи Безака, котораго мы еще ни разу не видали, въ рекреаціонную залу и построили по-взводно.

Всѣ офицеры были налицо. Но вотъ по залѣ пробѣжалъ какой-то трепетъ, дежурный офицеръ скомандовалъ «смирно», и въ двери вошелъ маленькій, черненькій генералъ-адъютантъ въ сопровожденіи всего старшаго училищнаго начальства.

Лицо у Безака было суровое, энергическое; рѣчь отрывистая, строгая. Мы невольно ощутили, что передъ нами стоитъ власть, могущая казнить и миловать.

Онъ намъ сказалъ, безъ всякихъ жалкихъ словъ объ огорченіи и разочарованіи, что мы совершили военное преступленіе, и потому великій князь приказалъ разжаловать юнкеровъ черезъ десятаго въ солдаты.

— Но,—продолжалъ Безакъ,—я упросилъ великаго князя смягчить его строгій, хотя и вполнѣ справедливый приговоръ. Я представилъ ему, что изъ васъ могутъ еще выйти полезные слуги отечеству, а не вредные бунтовщики. Я справлялся о произведенномъ слѣдствіи и знаю, что вы, въ силу товарищества, не выдаете виновныхъ; но я укажу вамъ на нихъ самъ: это фельдфебель и портупей-юнкера. Они виноваты, можетъ быть, не какъ дѣятели, но какъ представители порядка и дисциплины, и на нихъ падетъ главная отвѣтственность.

Такова была приблизительно рѣчь Безака, глубоко поразившая насъ.

Фельдфебеля и портупей-юнкеровъ велѣно было разжаловать, т. е. снять имъ нашивки, и все училище не пускать со двора впредь до приказанія.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а о смягченіи наказанія не было и рѣчи. Наконецъ, намъ объявили, что, вслѣдствіе лестнаго отзыва начальника училища о поведеніи юнкеровъ, разрѣшено пускать насъ со двора. Еще черезъ мѣсяцъ, фельдфебелю и портупей-юнкерамъ были возвращены нашивки.

Сколько мнѣ помнится, это былъ послѣдній крупный бенефисъ.

Маленькіе бенефисы, задававшіеся въ классѣ нелюбимымъ учителямъ, происходили часто, но они не имѣли грознаго характера и ограничивались просто кошачьей музыкой. Бенефисы эти проходили или вовсе безслѣдно, если учитель не жаловался, или взысканія были домашнія, пустыя.

Справедливость требуетъ сознаться, что мелкіе классные бенефисы далеко не всегда доставались учителямъ за дѣло. Иногда, особенно въ младшихъ классахъ, нѣсколько лѣнтяевъ, получившихъ раза два, три подрядъ дурные баллы, находили, что строгій учитель «подлецъ», и закатывали ему бенефисъ, въ которомъ большинство класса не прини-

мало участія. Сами преподаватели, поумнѣе, сознавали въ душѣ, что серьезнаго и злобнаго тутъ не было ничего, что все это только школьничество, и, дѣйствительно, на другой же день весь классъ относился къ обиженному учителю добродушнѣйшимъ образомъ, стараясь загладить по возможности глупость, совершенную меньшинствомъ классныхъ подонковъ.

Кромѣ буйства, выражавшагося въ бенефисахъ, въ училищной жизни были еще недостатки и пороки, порождавшіеся плохимъ домашнимъ воспитаніемъ и замкнутою жизнью юнкеровъ.

Грубость манеръ, употребленіе нецензурныхъ ругательствъ и въ видѣ брани, и въ видѣ ласкательства, распѣваніе хорами самыхъ эффектныхъ произведеній Баркова, все это не могло служить къ смягченію нравовъ.

Спѣшу оговориться, что меньшинство, доходившее однакоже, я думаю, до трети, было лучше описанной мною массы, усердно училось и старалось бороться съ животными инстинктами, свойственными человѣчеству.

Особенно вредно, я думаю, вліяло на насъ излюбленное начальствомъ наказаніе—лишеніе отпусковъ. Опоздаешь-ли на ученье—безъ отпуска, поймаютъ-ли спящимъ—безъ отпуска и т. д. и т. д., вѣчно безъ отпуска. А третные сидѣли по мѣсяцамъ въ четырехъ стѣнахъ и такъ къ этому пріучались, что, получивъ уже право на отлучку и имѣя въ Петербургѣ родныхъ, не хотѣли покидать училища. Обстоятельство это удаляло юнкера отъ благодѣтельнаго вліянія семьи.

Пьянства въ училищѣ не было. Во все время моего пребыванія я зналъ только одного человѣка, начавшаго въ училищѣ жалкую карьеру пьяницы. Бывали, правда, и нерѣдко, кутилы, возвращавшіеся изъ отпуска въ подпитіи; но это дѣлалось не по страсти къ вину, а изъ фальшиваго молодечества или отъ вліянія дурнаго общества, въ которомъ проводилось время; въ послѣдующіе за праздникомъ 6 буднихъ дней имъ и въ голову не приходило вино.

Дѣяніе, которое преслѣдовалось училищнымъ начальствомъ съ дѣйствительною настойчивостью и строгостью, было куреніе. Замѣтивъ возвращавшагося изъ отпуска кутилу, стоявшаго не совсѣмъ твердо на ногахъ, дежурный офицеръ, зачастую, умышленно и явно отворачивался; но, поймавъ юнкера съ папироской, тотъ же самый снисходительный педагогъ становился безжалостенъ, какъ будто и въ правду въ чертовомъ зельѣ заключались, тайно скрытыми, всѣ человѣческіе пороки. Конечно, юнкера, изъ противодѣйствія начальству, курили еще усерднѣе; курили даже тѣ, которымъ табакъ былъ противенъ, и подвергались вѣчнымъ взысканіямъ.

Наконецъ, начальство, выведенное изъ терпѣнія безплодностью

своихъ усилій и знавшее хорошо вліяніе на массу перваго класса, объявило, что оно исключитъ безжалостно перваго портупей-юнкера, который попадется съ папиросой въ рукѣ, если куреніе въ училищѣ не прекратится.

Случай не замедлилъ представиться: любимый всѣми товарищами портупей-юнкеръ Тепловъ попался, и батарейный командиръ сообщилъ ему, что черезъ недѣлю онъ вылетитъ вонъ. Тогда всѣ 16 портупей-юнкеровъ, съ фельдфебелемъ во главѣ, отправились на квартиру къ атарейному командиру и сказали ему, что считаютъ себя столь же виноватыми, какъ и Тепловъ, такъ какъ курятъ всѣ, и потому просятъ и ихъ представить къ исключенію. Всѣ убѣжденія командира о нелѣпости и противозаконности этого шага остались безъ результатовъ, и когда онъ, наконецъ, отказался продолжать разговоръ, то портупей-юнкера объявили ему, что считаютъ все-таки себя исключенными, слагаютъ съ себя власть и не вмѣшиваются болѣе въ администрацію училища.

Результатомъ этого разговора, сдѣлавшагося тотчасъ же извѣстнымъ всѣмъ юнкерамъ, были невообразимые безпорядки, произведенные въ тотъ же вечеръ.

Начальство смирилось, Тепловъ былъ оставленъ и высидѣлъ только недѣлю подъ арестомъ.

Другимъ способомъ для устрашенія начальства, и способомъ весьма дѣйствительнымъ, но пригоднымъ только въ весеннее и лѣтнее время, было, какъ тогда выражались, умышленное «гаженье» на батарейныхъ ученьяхъ.

Въ такихъ случаяхъ первый классъ объявлялъ всему училищу, что за такую-то провинность начальства на слѣдующемъ ученьи будутъ «гадить». И дѣйствительно, обыкновенно стройная и лихая батарея становилась похожею на какой-то дикій сбродъ неумѣлыхъ рекрутовъ, уносные фейерверкеры не равнялись, всѣ шли въ разбродъ, орудія снимались съ передковъ не во-время и не выравнивались, интервалы не сохранялись, такъ что невозможно было сдѣлать круговаго поворота и проч.

Начальство боялось, что если оно не перемѣнитъ распоряженія, вызвавшаго безпорядокъ въ строю, то онъ повторится на царскомъ смотру, или, и того хуже, на смотру великаго князя Михаила Павловича, и тогда будетъ всѣмъ бѣда, и болѣе всего начальству.

Конечно, опасенія эти были совершенно напрасны, потому что мы никогда бы не осмѣлились привести своей угрозы въ исполненіе: мы слишкомъ дорожили для этого похвалою государя и великаго князя.

Когда училище перешло изъ вѣдѣнія генералъ-фельдцейхмейстера подъ общее начальство военно-учебныхъ заведеній, юнкера были этимъ

очень недовольны и приняли генерала Ростовцева не только холодно, но съ явными знаками враждебности; такъ, напримѣръ, когда Безакъ и Ростовцевъ пріѣхали вмѣстѣ, перваго юнкера вынесли на рукахъ до коляски, при громкихъ крикахъ восторга, а ко второму даже не подходили. Тѣ отдѣльныя лица, съ которыми Ростовцеву удавалось заговаривать, исчезали моментально изъ-подъ его рукъ и переходили къ толпѣ, окружавшей Безака.

Когда Ростовцевъ, въ другой разъ, отпустилъ своею властью, въ будній день, юнкеровъ со двора, мы, по общему соглашенію, не воспользовались этою милостью, и, дѣйствительно, въ тотъ день не было взято ни одного отпускнаго билета.

Начальство наше предчувствовало катастрофу и рѣшилось дѣйствовать энергически. Намъ было объявлено, что если въ слѣдующій пріѣздъ генерала Ростовцева мы не примемъ его ласковѣе, то всѣ портупей-юнкера слетятъ со своихъ мѣстъ, а если и это не поможетъ, то не задумаются выгнать изъ училища весь первый классъ, гуртомъ.

Въ отвѣтъ на эту угрозу мы рѣшились передъ самымъ царскимъ смотромъ гадить на ученьяхъ, и такъ усердно гадили, нѣсколько разъ подрядъ, что начальство сдалось на капитуляцію.

Въ это тягостное время въ училищѣ дѣйствительно бродили всѣ элементы страшнаго взрыва, и только необыкновенный умъ и тактъ самого Ростовцева успѣли разсѣять грозовыя тучи, нависшія въ училищной атмосферѣ. Теперь, убѣленные сѣдинами, мы конечно относимся съ искренней благодарностью и глубокимъ уваженіемъ къ памяти государственнаго человѣка, съумѣвшаго подавить въ себѣ чувство личнаго оскорбленія лишь съ тѣмъ, чтобы не губить неразумной молодежи.

Я выставилъ, какъ-бы умышленно, всѣ тѣневыя стороны училищной жизни; пора обратиться и къ болѣе свѣтлымъ.

Въ частныхъ сношеніяхъ юнкеровъ между собою у насъ царствовала безусловная честность, устранявшая всякую идею объ интригѣ противъ товарищей, о корыстномъ поступкѣ, о жалобѣ начальству. Правдивость, смѣлость, откровенность уважались глубоко; ложь, трусость, низкопоклонство презирались всѣми.

Бывало, юнкеръ заврется въ пустячкахъ, товарищи выражаютъ сомнѣніе.

Врунъ начинаетъ клясться и божиться; но ему все-таки не вѣрятъ.

— А дай-ка честное слово,—скажетъ кто-нибудь изъ присутствующихъ,—и потокъ краснорѣчія вруна сразу останавливается; онъ знаетъ очень хорошо, что божба даромъ извинится, а честное слово, брошенное на вѣтеръ, лишитъ его общественнаго уваженія.

Многіе изъ хорошо учившихся юнкеровъ помогали товарищамъ въ научныхъ занятіяхъ, но я не знаю примѣра, чтобы это дѣлалось за

деньги. Тотъ, который взялъ бы съ товарища плату за помощь, считался бы опозореннымъ передъ цѣлымъ училищемъ и долженъ бы былъ, пожалуй, выйти вонъ.

Пятно, ложившееся на каждаго отдѣльнаго члена нашего училища, считалось пятномъ для всѣхъ.

При мнѣ случилось два раза воровство въ стѣнахъ училища. Каждый разъ юнкера, не сообщая ни слова начальству, сами отыскивали воровъ и заставляли ихъ немедленно, какъ бы добровольно, выйти вонъ изъ заведенія.

Одинъ изъ этихъ пойманныхъ отказался исполнить общую волю. Тогда въ Москвѣ собрался верховный судъ всего училища и рѣшилъ, не разсказывая никому о случившемся, чтобы не позорить заведенія, бить мерзавца до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится подписать докладную записку о выходѣ.

Рѣшеніе суда было тотчасъ же исполнено, докладная записка заготовлена, и преступникъ приведенъ; но человѣкъ этотъ, обладавшій желѣзнымъ характеромъ, наотрѣзъ отказался подписаться.

Тогда его раздѣли, обложили мокрыми полотенцами, чтобы скрыть слѣды ударовъ, и начали бить, въ двѣ нагайки. Онъ молчалъ, но наконецъ съ нимъ сдѣлалось дурно. Его привели въ чувство и снова начали бить, завѣривъ честнымъ словомъ, что будутъ продолжать экзекуцію до тѣхъ поръ, пока онъ умретъ подъ ударами. Зная значеніе честнаго слова въ училищѣ, воръ сдался, подписалъ записку и безпрепятственно вышелъ вонъ.

Въ другой разъ юнкеръ В., провинившійся передъ начальствомъ настолько, что мы ждали его исключенія, позванъ былъ къ батарейному командиру на квартиру. Долго что-то онъ оставался тамъ и, возвратившись, сообщилъ, что его оставляютъ и налагаютъ наказаніе, ничтожное сравнительно съ виною. Все это дѣло показалось юнкерамъ подозрительнымъ, и по училищу распространился слухъ, что виновный сторговался съ начальствомъ и позволилъ, чтобы только остаться въ заведеніи, высѣчь себя тайно.

Этого было достаточно. Все въ той же Москвѣ собранъ былъ судъ; юнкеръ В. вызванъ и строго опрошенъ. Несмотря на его увѣренія и клятвы, мы не были убѣждены и рѣшились послать къ командиру батареи фельдфебеля съ категорическимъ вопросомъ о причинахъ слабаго взысканія съ В. Батарейнымъ командиромъ былъ тогда любимый всѣми нашими Константинъ Егоровичъ Дитерихсъ, человѣкъ безусловно честный, прямой и правдивый; онъ объяснилъ дѣло вполнѣ удовлетворительно и завѣрилъ фельдфебеля честнымъ словомъ, что объ экзекуціи не было и рѣчи. Во время всего этого дѣла, т. е. въ теченіе цѣлой недѣли, съ В. никто не хотѣлъ разговаривать, и, только послѣ посольства фельдфебеля,

*

бѣдный юноша, вѣроятно, ни въ чемъ невиновный, былъ принятъ въ нашу среду съ прежнимъ уваженіемъ.

Равенство между юнкерами было полное; ни знатность, ни богатство не ставились ни въ грошъ, и къ чести начальства должно сказать, что и оно, съ своей стороны, относилось съ одинаковымъ безпристрастіемъ и къ какому-нибудь безродному Богданову, и къ титулованному графу.

Поэтому титулы никогда и не упоминались, а всѣхъ звали одинаково или по фамиліи, или по прозвищу, данному въ товарищескомъ кружкѣ. Мнѣ кажется, что, пробывъ пять лѣтъ въ училищѣ, сами князья и бароны забывали, что они сдѣланы изъ другаго тѣста, и были прекрасными и простыми товарищами.

Нѣкоторые молодые люди знатныхъ фамилій, не освоившіеся еще хорошенько съ училищными нравами, пробовали было кичиться своимъ происхожденіемъ и богатствомъ, но всегда дорого платили за эти попытки.

Такъ, одинъ нѣмецкій графъ Борнеборгъ, только-что перешедшій изъ 5-го класса въ четвертый, вздумалъ упрекать своего столь же знатнаго товарища, что послѣдній сблизился съ простымъ нѣмцемъ Шмитомъ и даже позволилъ ему говорить себѣ «ты».

На несчастіе гордаго графа, разговоръ этотъ услышалъ вовсе незнатный портупей юнкеръ.

— Ваше сіятельство имѣете явиться ко мнѣ въ комнату въ половинѣ осьмаго,—сказалъ онъ Борнеборгу, не осмѣлившемуся, конечно, ослушаться.

Къ назначенному времени у постели портупей-юнкера собрались: графъ, его другъ, Шмитъ и человѣкъ пять перваго класса.

Портупей-юнкеръ разсказалъ присутствующимъ все происшествіе и добавилъ:

— Я полагаю, господа, что такое тщеславіе титуломъ, не стоящимъ выѣденнаго яйца, не должно оставаться безнаказаннымъ.

Всѣ, разумѣется, согласились.

— Такъ я вотъ что придумалъ,—продолжалъ строгій судья:—вы, Борнеборгъ, ляжете на кровать, а Шмитъ дастъ вамъ 5 нагаекъ, да не съ плеча, а такъ только, чтобы вы знали, что были высѣчены простымъ смертнымъ.

Борнеборгъ вздумалъ было заупрямиться.

— Не совѣтую сопротивляться,—сказалъ портупей-юнкеръ, начинавшій терять терпѣніе,—худо будетъ; послѣ Шмита за васъ примусь я самъ.

Спесивый графъ покорился, легъ, и Шмитъ ударилъ его пять разъ нагайкой.

Съ тѣхъ поръ, до самаго выхода, Борнеборгъ никогда не упоминалъ о своемъ знатномъ происхожденіи.

Отношенія юнкеровъ между собою были самыя естественныя, дружескія; классы, подходившіе по возрасту и по положенію, говорили другъ другу «ты»; но съ юнкерами высшихъ и низшихъ классовъ оставались, большею частью, на «вы». Такъ, напримѣръ, третій и четвертый классы были на «ты», но первый съ четвертымъ на «вы».

Въ частныя ссоры юнкеровъ между собою никто не имѣлъ права вмѣшиваться. Въ низшихъ классахъ ссоры эти кончались иногда просто дракой, послѣ чего слѣдовалъ обыкновенно миръ; но въ старшихъ драка считалась позорною, и поссорившіеся юнкера переставали говорить между собою.

Выраженіе: «я съ тобой не говорю» означало мысль, что всякая связь между двумя лицами прекращалась, и они считали себя другъ другу чужими.

Съ юнкеромъ, провинившимся передъ классомъ, переставалъ говорить весь классъ. Положеніе такого несчастнаго было по истинѣ жалкое. Находясь въ кругу многочисленнаго общества, онъ чувствовалъ себя какъ бы въ пустынѣ.

Къ кому бы онъ ни обратился съ вопросомъ или какимъ-нибудь замѣчаніемъ, онъ получалъ одинъ отвѣтъ:

— Я съ вами не говорю.

Такое отчужденное состояніе въ теченіе долгаго времени было невыносимо, и виновный просилъ у класса прощеніе и, большею частью, получалъ его.

Ссоры между двумя классами, происходившія, впрочемъ, очень рѣдко, кончались, большею частью, дракой.

Во время моего пребыванія въ училищѣ, возникла разъ серьезная борьба между 1-мъ и 2-мъ классами.

Дѣло произошло такъ: юнкеръ 1-го класса Ш. поссорился, не знаю за что, съ второклассникомъ К., но, какъ слабѣйшій, долженъ былъ ограничиться перебранкой и классическимъ: «я съ вами не говорю».

Но злой Ш. не удовольствовался этимъ; улучивъ послѣ обѣда минуту, когда ничего не подозрѣвавшій К. спалъ сномъ праведника, Ш. подошелъ къ нему и избилъ его раньше, чѣмъ застигнутый врасплохъ К. успѣлъ проснуться. На крикъ К. сбѣжалось нѣсколько юнкеровъ 2-го класса, и принялись обработывать Ш. Въ свою очередь, первый классъ, не знавшій причины драки, вмѣшался въ дѣло, и пошла такая баталія, что нѣсколько человѣкъ ушло въ лазаретъ.

На другой день, первый классъ, составъ котораго на этотъ годъ былъ весьма неудовлетворителенъ, объявилъ второму классу, не слушая никакихъ резоновъ, что, такъ какъ они подняли руку на первоклассниковъ, то послѣдніе будутъ обходиться съ ними, а слѣдовательно, по-

неволѣ, и со всѣми прочими юнкерами, не какъ съ товарищами, а какъ съ подчиненными.

Общественное мнѣніе училища было на сторонѣ второклассниковъ, но привычка повиноваться требованіямъ высшаго класса была такъ сильна, что всѣ, скрѣпя сердце, подчинились имъ. И вотъ началась въ училищѣ небывалая и невиданная исправность. Едва юнкеръ осмѣливался разстегнуться или лечь на постель, какъ уже неусыпный аргусъ, портупей-юнкеръ, дѣлалъ ему выговоръ. Куреніе прекратилось. О неповиновавшихся сейчасъ же доносилось начальству, и наказанія посыпались на насъ, какъ изъ рога изобилія.

Тяжелое, гнусное это было время. Всѣмъ было скверно, и намъ, и начальству, не одобрявшему въ душѣ полицейской придирчивости перваго класса.

Ссора эта длилась недѣли двѣ и прекратилась благодаря вмѣшательству одного изъ наиболѣе уважаемыхъ офицеровъ, Рудольфа Густавовича Шульмана.

Самый строгій изъ всѣхъ, но безпристрастный и не мелочной, онъ наказывалъ всегда одинаково и портупей-юнкера, и пятака, какъ тогда называли юнкеровъ пятаго класса. Обладая открытымъ, прямымъ и твердымъ характеромъ, онъ не боялся никого, ни начальства, ни юнкеровъ, а юнкера его крѣпко побаивались, уважали и любили, такъ что на его дежурствѣ царили всегда тишина и исправность.

Вотъ этотъ-то Шульманъ, собравъ къ себѣ портупей-юнкеровъ, высказалъ имъ, безъ обиняковъ, всю дурную сторону ихъ поступковъ и посовѣтовалъ прекратить ссору. Его, конечно, послушались, и дѣло прекратилось.

Не могу не припомнить при этомъ, что Шульману, произведенному вскорѣ послѣ того въ полковники и оставившему службу въ училищѣ, юнкера поднесли, на общую складчину, золотыя эполеты.

Во всѣ семь лѣтъ моего пребыванія въ юнкерскихъ и офицерскихъ классахъ, это былъ единственный примѣръ такого явнаго выраженія общей любви и уваженія къ начальнику.

Посѣщеніе училища высочайшими особами сопровождалось всегда страшною суетней. Такъ какъ отъ входа въ училище до камеръ было довольно далеко, то какой-нибудь расторопный солдатикъ всегда успѣвалъ вὸ-время предупредить насъ.

— Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ,—разносилось по всему училищу, и мы бросались къ шкапикамъ переодѣваться. Въ минуту старое платье было сброшено и спрятано, новое надѣто, и мы размѣщались по койкамъ.

Государь посѣщалъ насъ рѣдко; нечего и говорить, что мы встрѣчали его съ восторгомъ, а онъ, если оставался доволенъ, отпускалъ юнкеровъ со двора на три дня. Великій князь Михаилъ Павловичъ,

какъ генералъ-фельдцейхмейстеръ и создатель училища, заѣзжалъ частенько и искренно любилъ свое дѣтище.

Суровый, строгій, непомѣрно требовательный въ строю, онъ былъ въ душѣ добръ, великодушенъ, всегда готовъ помочь въ несчастіи, даже изъ собственнаго кармана.

Нервный и вспыльчивый, онъ переходилъ часто отъ крайняго раздраженія и строгости къ веселому расположенію духа и снисходительности. Для этого было достаточно самой ничтожной причины: остроумнаго слова, находчивой и смѣлой выходки.

Какъ-то разъ, тотчасъ послѣ обѣда, онъ пріѣхалъ къ намъ очень не въ духѣ; его сутуловатая фигура еще болѣе сгорбилась, густыя брови нависли, руки сложились на груди. Мы уже очень хорошо его знали и дрожали отъ страха. Дѣйствительно, едва войдя въ камеры, онъ началъ разносить и начальство, и юнкеровъ. Все оказывалось плохо: вездѣ грязь, юнкера одѣты скверно, стойки никакой: какія-то старыя бабы.

— Кабакъ, настоящій кабакъ,—повторялъ въ полголоса Михаилъ Павловичъ и шелъ все дальше и дальше.

Блѣдное начальство семенило за нимъ ногами. Юнкера, съ понуренными головами, слѣдовали за своими офицерами. Такимъ образомъ дошли мы до кухни.

— Что у тебя здѣсь?—спросилъ великій князь повара, указывая на огромный котелъ, вмазанный въ плиту и закрытый крышкой.

— Пустой котелъ, ваше императорское высочество, въ немъ ничего не варятъ,—отвѣчалъ поваръ.

— Покажи,—сказалъ сурово Михаилъ Павловичъ.

Едва крышка была снята, какъ оттуда показалась голова, а потомъ и все туловище юнкера Глотова. Веселый, красивый, румяный, стоя ногами въ котлѣ, онъ молодцомъ вытянулся въ струнку и спокойнымъ голосомъ сказалъ:

— Здравія желаю вашему императорскому высочеству.

Мы всѣ такъ и ахнули. Баронъ Розенъ чуть не упалъ со страха въ обморокъ. Всѣ ждали, что-то будетъ.

Михаилъ Павловичъ посмотрѣлъ на него съ минуту, брови его начали подниматься, морщины разглаживаться, и онъ залился самымъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Ты что тутъ дѣлаешь, пострѣлъ?—обратился онъ къ Глотову.

— Приходилъ, ваше высочество, за лишнимъ пирогомъ, услыхалъ, что вы идете, и спрятался въ котелъ,—смѣло отвѣчалъ шалунъ.

— Ну-ка, вылѣзай; вотъ я тебя,—сказалъ шутя великій князь, беря Глотова за ухо. Ловкій юноша выпорхнулъ изъ котла какъ птица, Михаилъ Павловичъ подралъ его немного за ухо и выпустилъ. Съ этой

минуты все оказалось хорошимъ. Начальство получило благодарность, мы успокоились, а великій князь уѣхалъ веселый и довольный.

VIII.

Лагери.

По окончаніи годовыхъ экзаменовъ, т. е. въ первыхъ числахъ іюня, училище выступало, вмѣстѣ съ прочими военно-учебными заведеніями, въ лагерь подъ Петергофомъ.

Дойдя до Нарвской заставы, мы останавливались на нѣсколько минутъ. Батарейный командиръ осматривалъ всевидящимъ окомъ юнкеровъ, дѣлалъ свои замѣчанія и потомъ, построивъ батарею во взводную колонну справа, проводилъ церемоніальнымъ маршемъ мимо государя.

Затѣмъ, до Краснаго Кабачка шли не останавливаясь. Въ этомъ мѣстѣ дѣлался привалъ, и потомъ походъ продолжался до Стрѣльны.

Ночевка для батареи артиллерійскаго училища назначалась обыкновенно въ деревнѣ Китинкахъ, и тутъ юнкера, вѣроятно въ ознаменованіе военной удали, считали долгомъ покутить.

Случались иногда жалобы со стороны жителей и скандалы; но благодѣтельное начальство успѣвало, съ помощью нѣсколькихъ рублей, кстати выданныхъ, уладить всѣ недоразумѣнія, и скандалисты оставались безъ взысканія.

На слѣдующій день, къ полудню, мы вступали въ Петергофъ церемоніаломъ.

Кому неизвѣстно устройство и расположеніе кадетскаго лагеря?

Длинные шатры на 30 или 40 человѣкъ; съ передней и средней линеекъ маленькія отдѣленія для взводныхъ офицеровъ; въ серединѣ шатра кровати, сколоченныя изъ досокъ и раздѣленныя продольной доской на два отдѣленія; на каждомъ отдѣленіи узенькій и тоненькій соломенный тюфякъ, покрытый старенькимъ одѣяломъ. Какъ видите, прелести мало; но значительно бóльшая свобода дѣйствій и улучшенная пища заставляли насъ любить лагерное время.

Дѣйствительно, при отсутствіи классныхъ занятій, мы могли посвящать свободные часы чтенію, а въ наше время читать любили. Наконецъ, каждый, не находившійся на службѣ, могъ по произволу уходить въ другіе лагери, обыкновенно къ инженерамъ, которые были на одномъ положеніи съ нами и потому особенно уважались. Спать позволено было, когда и сколько хочешь; покупать для ѣды все, начи-

ная отъ пеклеванника и кончая лучшими фруктами, было тоже дозволено.

При училищѣ состоялъ даже особый маркитантъ, неизмѣнный и всѣмъ извѣстный Павлушка, въ незатѣйливой лавочкѣ котораго можно было достать все любимое юнкерами: и булку съ сыромъ или ветчиной, и сливки, и мороженое, и сладкіе сухари къ чаю, и даже, контрабандой, хересъ, ромъ и вѣчную ратафію.

Павлушку этого юнкера любили и даже уважали, и вотъ за что.

Много лѣтъ раньше поступленія моего въ училище, въ лагеряхъ произошла жестокая драка между Дворянскимъ полкомъ, или Древлянскимъ регимептомъ, какъ его тогда звали, и артиллеристами. Многочисленные и сильные древляне, повергнувъ въ прахъ лучшихъ единоборцевъ училища, начали тѣснить артиллеристовъ безъ милосердія. Почти вся территорія наша была уже занята непріятелемъ, ретироваться было некуда, и несчастные остатки юнкеровъ рѣшились умереть въ бою, но не отступать во владѣнія перваго корпуса, граничившаго съ училищемъ.

Въ этотъ-то ужасный моментъ, когда все казалось погибшимъ, въ тылу непріятеля произошло смятеніе, и древляне заколебались. Такой оборотъ бою далъ мужественный Павлушка. Вооружившись коломъ отъ палатки, онъ, какъ новый Мининъ, собралъ вокругъ себя училищную чернь, т. е. служителей, своихъ прикащиковъ и прочій сбродъ, вѣчно шляющійся по лагерю, и съ этими свѣжими войсками ударилъ врагамъ въ тылъ. Не выдержали храбрые древляне. Палица Павлушки сѣяла, если не смерть, то здоровенные синяки, и знамя побѣды склонилось на нашу сторону. Ободренные юнкера, съ своей стороны, перешли въ наступленіе, бросились въ атаку, и непріятель побѣжалъ, едва унося своихъ раненыхъ.

Такъ кончился этотъ бой, героемъ котораго былъ Павлушка. Много лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, много поколѣній смѣнилось въ училищѣ, но благодарные юнкера не забывали Павлушкиной услуги, а онъ, измельчавши въ мирное время характеромъ, безъ совѣсти приписывалъ въ свои счета лишніе припасы и бралъ сто на сто.

Но и ѣли нѣкоторые юнкера ужасно, невѣроятно. При мнѣ одинъ выпилъ, безъ принужденія, 13 стакановъ чаю и съѣлъ при этомъ 80 сухарей; другой уничтожилъ семь бифштексовъ и заправилъ ихъ 15-ю сладкими пирожками. А что съѣдалось на пари, просто непостижимо.

Такъ отъѣдались юнкера отъ зимней голодовки и, дѣйствительно, здоровѣли, росли и полнѣли.

Отпускали насъ изъ лагернаго расположенія, для прогулокъ въ дворцовыхъ садахъ и въ городѣ, только по праздникамъ, партіями въ 5 или 6 человѣкъ, съ обязательствомъ не разбиваться.

Конечно, выйдя изъ лагеря, мы шли, каждый куда хотѣлъ, условившись заранѣе, гдѣ и въ которомъ часу собраться для совмѣстнаго возвращенія.

Отношенія государя и всей царской фамиліи къ военно-учебнымъ заведеніямъ были совершенно отеческія.

Какъ только коляска Николая Павловича показывалась на передней линейкѣ, ее тотчасъ же окружала толпа кадетъ; иные вскакивали на подножки, другіе бѣжали рядомъ, ухватившись за крылья экипажа.

Государь, опасаясь, что неосторожные мальчики попадутъ подъ колеса, ласково отгонялъ ихъ; но въ этомъ, и только единственно въ этомъ случаѣ, его не слушались; тогда онъ, обыкновенно, обращался къ кучеру и безпрестанно повторялъ: «тише, осторожнѣе».

Бывали дни, когда государь пріѣзжалъ разсерженный, не въ духѣ. Тогда онъ рѣзко выпроваживалъ слишкомъ надоѣдливыхъ кадетъ, и тѣ очень хорошо понимали, что тутъ шутки плохи, не вскакивали на подножки, не ловили царской руки, а бѣжали рядомъ съ коляской.

Проводы ограничивались только своей линейкой, такъ сказать, своими владѣніями. Каждое заведеніе понимало, что залѣзть къ чужимъ и отбить у нихъ возможность окружить коляску государя значило идти на ссору или даже на драку.

Иногда, по праздникамъ, нѣкоторыхъ изъ насъ посылали въ Александрію, играть съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами.

Для этихъ игръ избирались обыкновенно юноши по возможности ловкіе, благовоспитанные, говорившіе по-французски. Войдя въ царскую семью, мы конечно сначала стѣснялись, но, мало-по-малу, дѣтская натура брала верхъ, и мы начинали безъ церемоніи бѣгать и играть съ великими князьями.

Помню, какъ, однажды, мы играли на дворѣ, у главнаго подъѣзда Александріи. На ступенькѣ крыльца сидѣлъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, государь, а немного повыше, на стулѣ, государыня, что-то вязавшая на длинныхъ спицахъ. Невдалекѣ находился стогъ недавно скошеннаго сѣна. Мы развозились не на шутку, взбѣгали на стогъ и сталкивали другъ друга внизъ. Мнѣ удалось разъ такъ ловко толкнуть великаго князя Николая Николаевича, что онъ спустился со стога внизъ головой, при громкомъ смѣхѣ государя и государыни. За то, при слѣдующей атакѣ сѣна, Николай Николаевичъ, будучи гораздо сильнѣе, сбросилъ въ свою очередь меня, и я полетѣлъ кубаремъ, черезъ голову.

— Любишь кататься, люби и саночки возить,—крикнулъ мнѣ государь, заливаясь самымъ искреннимъ смѣхомъ.

Веселились мы до вечера. Часовъ въ 8 намъ подали линейки и

отправили, всей гурьбой, пить чай и ужинать въ Марли. Роскошь стола, прекрасно приготовленныя кушанья, обиліе фруктовъ и, главное, безцеремонное отношеніе къ намъ высокихъ хозяевъ сдѣлали этотъ ужинъ безподобнымъ. Часу въ десятомъ, въ тѣхъ же линейкахъ, насъ развезли по лагерямъ.

Обыкновенно лагеремъ командовалъ старшій изъ директоровъ находившихся въ сборѣ корпусовъ, и, Боже, какія горькія истины выкрикивались имъ на линейныхъ ученьяхъ подчиненнымъ офицерамъ.—«Полковникъ М., у васъ нѣтъ никакого соображенія»,—разносится вдругъ по всему учебному полю.—«Капитанъ И., вы только и знаете, что врать»,—раздается вслѣдъ за тѣмъ и т. д., и т. д. Въ ученія артиллеріи пѣхотные начальники тогда не вмѣшивались, и потому на долю нашихъ командировъ не доставалось никакихъ бо-мо.

Если на смотрахъ государь оставался доволенъ, то и начальство, и мы ликовали отъ души. Тутъ каждое орудіе хвастало своими отличіями, и разсказы длились и разнообразились безъ конца, а начальство относилось къ намъ особенно ласково и внимательно.

Но если государь былъ недоволенъ, онъ не жалѣлъ ни начальства, ни подчиненныхъ и разносилъ ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Тогда всѣ опускали носъ, начальство угрюмо молчало и усиленными ученьями старалось наверстать недостатокъ нашего строевого образованія.

Лучшими моментами лагерной жизни были ночныя тревоги. Бывало, спишь себѣ, какъ сурокъ; вдругъ въ ночной тишинѣ затрещитъ вдали барабанъ, за нимъ другой, третій, и въ минуту заголосятъ всѣ барабаны. Зашевелится сонный лагерь, люди вскакиваютъ, бѣгаютъ, кричатъ, сталкиваются. Иной, еще полуголымъ, хватается впопыхахъ за каску и тесакъ, другой надѣваетъ наскоро широкіе сапоги своего сосѣда, а тотъ, бѣдный, тщетно усиливается натянуть слишкомъ узкую обувь и наконецъ бросается, босикомъ, съ сапогами въ рукахъ, въ догонку за похитителемъ. Ѣздовые бѣгутъ на конюшни и вылетаютъ оттуда, въ карьеръ, каждый на своей парѣ. Лошади, встревоженныя всей этой суетой, храпятъ, бьются и не повинуются своимъ хозяевамъ; но прошло нѣсколько минутъ, и съ батареи раздается первый выстрѣлъ, орудія кончаютъ запряжку, баталіоны строятся и двигаются, начальство, верхами, находится на своихъ мѣстахъ.—«Въ передки»,—раздается команда, и батарея двинулась за пѣхотнымъ авангардомъ. И чудится, будто, вотъ, вотъ, раздастся въ ночной тиши непріятельскій выстрѣлъ, прошипитъ надъ головою вражеская граната, затрещитъ ружейная перестрѣлка, и начнется горячій бой. Воображеніе рисуетъ какія-то невѣдомыя картины и манитъ туда, гдѣ льется кровь человѣческая, гдѣ стоны раненыхъ смѣняются криками восторга побѣдителей, гдѣ

отдѣльная личность забывается, гдѣ здоровье, жизнь, счастье приносятся въ жертву чувству долга, чувству любви къ родинѣ.

А, въ сущности, дѣло кончается каждый разъ тѣмъ, что мы дойдемъ до Бабьихъ Гонъ, постоимъ, постоимъ, да и вернемся мирно домой, досыпать остатокъ ночи.

Около первыхъ чиселъ августа мы выступали обратно въ городъ. Въ день выступленія юнкера считали долгомъ изрубить тесаками въ щепки всѣ деревянныя кровати, а потому внутренность шатровъ представляла жалкую картину разрушенія. Не знаю, откуда и когда ввелся этотъ вандальскій обычай; но онъ существовалъ и исполнялся довольно охотно.

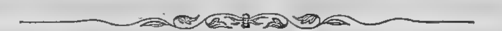
Изъ лагеря мы шли до Стрѣльны маневрами. По ихъ окончаніи, государь собиралъ вокругъ себя выпускныхъ, поздравлялъ съ производствомъ и говорилъ о ихъ новыхъ обязанностяхъ, какъ воиновъ и какъ гражданъ. Рѣчи эти, умныя, теплыя, дышавшія любовью къ Россіи, вызывали неподдѣльный восторгъ и слезы умиленія. Въ нихъ всегда проглядывала руководящая мысль государя, что всѣ мы, начиная съ него самого, слуги отечества и должны, для этой великой идеи, жертвовать всѣмъ, безъ исключенія. Спартанецъ самъ, онъ того же требовалъ и отъ другихъ, и долго потомъ, въ дѣйствительной жизни, его слова оставались въ нашихъ сердцахъ и убѣжденіяхъ.

Въ Красномъ Кабачкѣ мы получали печатные приказы о производствѣ, и, пользуясь этимъ, вновь испеченные офицеры, еще въ юнкерскихъ мундирахъ, уже покучивали, а придя въ Петербургъ, одѣвались въ офицерскую форму и оставляли училищныя стѣны, чтобы пуститься въ плаваніе по невѣдомому имъ океану самостоятельной жизни.

Не могу не сказать, что въ тѣ времена ни одинъ молодой офицеръ не позволилъ бы себѣ явиться въ общественное собраніе, на загородное гулянье и т. п. въ нетрезвомъ состояніи и выкидывать «милыя» шутки, въ родѣ вскакиванія на сцену, обниманія актрисъ, вырыванія у дирижера оркестра его палочки, съ тѣмъ, чтобы безсмысленно махать ею передъ изумленными музыкантами.

Затѣмъ, такихъ «милыхъ шутниковъ» начальство, и свое, и чужое, немедленно отправило бы на гауптвахту, и они могли, за первый же дебошъ, поплатиться трудно добытыми эполетами. Да и товарищи, насквозь знавшіе другъ друга, присматривали за юными офицерами, способными на скандалы, не оставляли ихъ однихъ и, хоть силою, но не допускали до посѣщенія многолюдныхъ собраній. Теперь это дѣлается иначе. Хорошо-ли??!!

Старый артиллеристъ.

Три письма къ Григорію Петровичу Данилевскому.

1.

Письмо барона Андрея Розена.

18-го января 1863 г. Викнина.

Поздравляю васъ, многоуважаемый Григорій Петровичъ, съ новымъ годомъ и желаю вамъ трудиться безъ заботъ и утомленій на трудномъ, но полезномъ вашемъ поприщѣ; благодарю за пріятныя строки ваши отъ 25-го декабря. Подписывайте ваши статьи, какъ хотите, или оставьте ихъ безъ всякой подписи, я съ первыхъ строчекъ узнаю, что статья ваша по плавному слогу и по ясному изложенію мыслей — то, что Thiers называетъ lucide.

Скажу заранѣе, что съ удовольствіемъ прочту вашъ романъ «Бѣглые воротились», и хотя вы назвали мѣсто моего пребыванія Викнину Окниной, но все-таки узнаю его, а для другихъ это будетъ еще занимательнѣе по догадкамъ.

Слава Богу! новый годъ начали спокойно и трезво; такимъ образомъ проведемъ его до конца. Дворяне и чиновники танцуютъ на Изюмскихъ вечерахъ въ отличномъ помѣщеніи въ палатахъ Рябенко. Крестьяне на волостныхъ сходахъ назначаютъ рекрутъ и раскладки поборовъ для ихъ сдачи. Мировые посредники окончили введеніе уставныхъ грамотъ, кромѣ меня въ волости Ольховаго Рога, гдѣ съ 1842 г. не окончено полюбовное размежеваніе земель 9-ти владѣльцевъ, что мѣшаетъ положительному назначенію надѣловъ въ едномъ общемъ участкѣ для всѣхъ крестьянъ односельныхъ, но различныхъ владѣльцевъ; а если надѣлю ихъ отдѣльно на основаніи Положенія, въ незначительныхъ узкихъ участкахъ, то непремѣнно разорятся и владѣльцы, и крестьяне. Вотъ почему для общей пользы Ольховаго Рога съ іюля прошедшаго

года трублю безпрестанно въ гусиный рожокъ, а 19-е февраля на дворѣ; но лучше замедлить введеніе нѣсколькихъ грамотъ, чѣмъ умышленно глупить во вредъ обоихъ сословій.

Письмо ваше къ шавронисту Иванову отправилъ въ день полученія вашего письма. Прилагаю формы объявленія и договора; то и другое должны быть подписаны владѣлицею, а подпись ея на объявленіи непремѣнно должна быть засвидѣтельствована мѣстною полиціей. Для означенія всѣхъ неизвѣстныхъ мнѣ данныхъ оставлены пробѣлы, для пополненія ихъ вами.

Недавно встрѣтилъ помѣщика Змѣевскаго уѣзда, который передалъ мнѣ, что вы въ Питерѣ по дѣлу огромнаго наслѣдства; желаю вамъ успѣха; но лучшее наслѣдство вы уже получили въ трехъ пальцахъ правой руки. Искренно васъ уважающій баронъ Андрей Розенъ.

Не забудьте мнѣ во-время доставить и планъ крестьянскаго надѣла, иначе дѣло остановится въ Харьковѣ.

2.

Письмо Л. Мордовцева.

28-го января 1863 г. Москва.

Любезный г. Данилевскій!

Благодарю васъ за письмо и посылку, послѣднюю переслалъ г. Мордовцеву.

«Бѣглые въ Новороссіи» прочиталъ, и не одинъ, а два раза. Что вамъ сказать относительно этой повѣсти — въ общемъ, она прекрасна, и я за послѣдній годъ мало читалъ такого, какъ ваша повѣсть. Отдѣльныя личности я критиковать не буду, не могу—да и не смѣю. Не могу не сказать вамъ о г. Панчуковскомъ; послѣдній по-моему лучше всѣхъ вами охарактеризованъ, лучше Левенчука и Милораденко. Думаю, что личность Панчуковскаго вами не вымышлена. Если можете, то удѣлите мнѣ часъ на объясненіе личностей вашей повѣсти. «Бѣглые въ Новороссіи» я отрекомендовалъ всѣмъ моимъ товарищамъ, и теперь «Время» №№ 1 и 2 въ 6 экземплярахъ гуляетъ по рукамъ спеціалистовъ Академіи, къ которымъ принадлежу и я. Повѣрьте, Григорій Петровичъ, что хорошіе отзывы молодого поколѣнія это по моему мнѣнію достаточная награда.

«Бѣглые воротились» во «Времени» не будетъ-ли продолженіемъ первой вашей повѣсти?.. Часто я съ удовольствіемъ вспоминаю нашу поѣздку и приключенія по Волгѣ и Дону.

Вы пишете подъ псевдонимомъ г. Скавронскаго, у насъ въ Москвѣ г. Ушаковъ тоже пишетъ подъ этимъ псевдонимомъ.

Кланяйтесь вашей любезной супругѣ и дочкѣ.

Если завернете въ Москву, не позабудьте, посѣтите и меня.

Кланяйтесь Колесникову. Жду отвѣта! Вашъ покорный слуга Лука Мордовцевъ.

3.

Письмо Александра Петровича Милюкова.

31-го октября 1872 г.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ.

Сердечно сожалѣю о нездоровьи вашей супруги, которое между прочимъ лишаетъ и меня удовольствія видѣть васъ и поблагодарить за присылку газеты. Что касается вашего предложенія написать въ газету отзывъ о «Соборянахъ», я, къ сожалѣнію, долженъ по нѣкоторымъ причинамъ отклонить его. Позвольте, до личнаго объясненія, сказать кое-что вкратцѣ. Я глубоко уважаю и уважалъ обширный, высокохудожественный и симпатичный талантъ Николая Семеновича (Лѣскова). По моему мнѣнію, не только въ нашу жалкую пору литературнаго безплодія, но и въ самую богатую дарованіями эпоху, онъ занялъ бы въ ней видное и почетное мѣсто. Еще въ первыхъ его повѣстяхъ чувствовалось присутствіе таланта самобытнаго и свѣжаго, которое много обѣщало въ будущемъ; и это оправдалось въ его «Некуда», гдѣ идея, и фабула, и рядъ типическихъ лицъ показывали, что наша литература пріобрѣтаетъ въ лицѣ Стебницкаго художника, способнаго поддержать лучшія ея традиціи. Это явленіе должно было порадовать всѣхъ, кто цѣнитъ родное искусство и желаетъ ему добра.

Затѣмъ появленіе эпизодовъ изъ «Чающихъ движенія воды», «Плодомасовской Хроники» и «Божедомовъ» еще болѣе возбудило надеждъ на молодого писателя съ такими задатками. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что романъ, съ которымъ мы познакомились изъ этихъ увлекательныхъ эпизодовъ, пролежавъ нѣсколько лѣтъ въ портфелѣ автора, наконецъ, выйдетъ вполнѣ, я, какъ, вѣроятно, и многіе, ждалъ не просто хорошаго романа, но чего-то очень и очень крупнаго. Глубоко-художественный «Дневникъ Туберозова», полные силы и свѣжести «Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ», несравненные плодомасовскіе карлики, все это давало право на такое ожиданіе. Искренно говорю вамъ, что я ждалъ появленія романа, какъ свѣтлаго праздника нашей литературы, когда мы «другъ друга обнимемъ» и поздравимъ съ великимъ произведеніемъ, когда и враги наши скажутъ внутренно: ты побѣдилъ насъ, Галилеянинъ! Но романъ напечатанъ, и мой свѣтлый праздникъ вышелъ какъ-то не свѣтелъ. «Божедомы» не оправдали моихъ ожиданій. И это не

потому, чтобъ въ нихъ талантъ Лѣскова умалился и ослабѣлъ: нѣтъ, тутъ и новыя сцены, какъ, напримѣръ, привалъ попа Савелья въ лѣсу, пріѣздъ Термосегова къ акцизничихѣ, смерть протопопа и хлопоты безподобнаго Ахиллы о его памятникѣ, по моему мнѣнію, такія страницы, подъ которыми не задумался бы подписать свое имя Диккенсъ. Но... кому много дано отъ Бога, съ того больше взыщется и людьми... Взыщется съ автора, по моему крайнему разумѣнію, за то, что въ романѣ нѣтъ стройной цѣлостности, присущей произведенію, возникшему и созрѣвшему органически изъ зерна единой мысли, а не внѣшней прилѣпкой эпизодовъ для поддержанія связи, и за то, что чудный образъ боярыни Плодомасовой, такъ типично и грандіозно поставленный въ «Старыхъ годахъ», обратился въ безцвѣтный силуэтъ, и безподобные карлики сдѣлались почти ненужными, и за то, что исчезла чудная, пластическая фигура раскольницы Платониды, и стерлись краски съ симпатичнаго Пизонскаго, и за то, что многообѣщавшій Тугановъ смѣнился ненужными Дарьяновымъ и Сербиновой, и за то, что возня Препотенскаго съ костями слишкомъ растянута и эксцентрична, и пр. Словомъ, романъ вышелъ не такимъ, какимъ долженъ былъ выдти. Конечно, Николай Семеновичъ скажетъ на это: хорошо вамъ толковать, не принимая въ разсчетъ ни исторіи моего романа при скитаніи его по мытарствамъ нашей журналистики, ни того, что я не владѣю состояніемъ Толстаго и Тургенева, а живу трудомъ и не могу цѣлые годы сидѣть надъ двадцатью листами. И онъ, конечно, въ этомъ отношеніи правъ... Знаете-ли что? Еслибъ я былъ какой-нибудь концессіонеръ Поляковъ и при такомъ достопочтенномъ положеніи не утратилъ любви къ литературѣ, я далъ бы Лѣскову двадцать тысячъ и сказалъ: «Отдохните; а потомъ потрудитесь надъ вашимъ романомъ года два-три и отдѣлайте его, ничѣмъ не стѣсняясь»!.. Или я сильно ошибаюсь, или наша литература пріобрѣла бы великое произведеніе. Все это, любезнѣйшій Григорій Петровичъ, я, можетъ быть, съумѣлъ бы высказать, нисколько не оскорбляя Николая Семеновича, въ журнальной статьѣ достаточнаго размѣра; но писать на такую тему газетный фельетонъ положительно не въ состояніи. Вы правду говорите, что я въ долгу передъ Стебницкимъ (такъ же, какъ передъ вами и Крестовскимъ), только полагаю, что расквитаться слѣдуетъ не грошами газетной статейки. Къ этому прибавляю, что въ газетѣ, о которой вы говорите, я не печаталъ ни строчки съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ ея редакціей. Да тамъ же есть и постоянный критикъ, съ которымъ Николай Семеновичъ находится въ наилучшихъ отношеніяхъ, и который, какъ вы же, кажется, замѣчали, умѣетъ и въ газетныхъ статьяхъ высказываться очень искусно. Ему и слѣдуетъ писать теперь о «Соборянахъ», тѣмъ болѣе, что при разборѣ книжекъ «Русскаго Вѣстника» онъ не сказалъ о ро-

манѣ ничего, кромѣ общихъ мѣстъ. Надѣюсь, что вы не примете моего отказа за недостатокъ расположенія къ Николаю Семеновичу или за нежеланіе угодить вамъ, что̀ было бы для меня очень прискорбно. Извините и за длинное письмо.

Жду, когда здоровье вашей супруги поправится, и я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ и дружески пожать вашу руку. Искренно преданный А. Милюковъ.

Сообщ. **К. Г. Данилевскій.**

Къ біографіи фельдмаршала князя Ф. В. Остенъ-Сакена.

(Изъ воспоминаній отставного генерала-отъ-инфантеріи И. М. Старицкаго).

Въ 1830-хъ годахъ у насъ были двѣ дѣйствующія арміи. Первою арміею командовалъ генералъ-фельдмаршалъ князь Фабіанъ Вильгельмовичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, участникъ войнъ съ Наполеономъ, бывшій въ 1814 году генералъ-губернаторомъ въ Парижѣ. Штабъ арміи находился въ Кіевѣ. Въ то же время кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернатором былъ графъ Левашовъ. Между этими двумя высшими властями были нелады, о коихъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ бывшій начальникъ штаба арміи Н. Н. Муравьевъ.

Нелады эти кончились наконецъ печальной катастрофой. По распоряженію фельдмаршала, наряжаемая въ городъ отъ полковъ музыка должна была становиться у гауптвахты при дворцовомъ садѣ. Графъ Левашовъ, проѣзжая однажды верхомъ, со знакомыми, приказалъ музыкантамъ перейти далѣе отъ гауптвахты, на указанное имъ мѣсто. Послѣ того проѣхалъ дежурный генералъ арміи Карповъ и, видя, что музыканты стоятъ не на указанномъ мѣстѣ, приказалъ перейти на прежнее мѣсто. Возвращавшійся съ прогулки графъ Левашовъ счелъ это противодѣйствіемъ своимъ распоряженіямъ и донесъ о томъ военному министру. Послѣдовало высочайшее повелѣніе арестовать генерала Карпова на два дня.

Тогда фельдмаршалъ отправилъ своего адъютанта, съ собственноручнымъ письмомъ къ императору Николаю Павловичу. Возвратившійся адъютантъ привезъ высочайшій приказъ, краткаго содержанія:—«Кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ назначается графъ Гурьевъ». Графъ Левашовъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Когда по преклоннымъ лѣтамъ генералъ-фельдмаршалъ былъ уволенъ отъ командованія арміей, которая распалась на корпуса, то онъ поже-

лалъ проститься съ войсками, собранными въ Кіевѣ, и непремѣнно—верхомъ на конѣ. Войска были построены на крѣпостной эспланадѣ. Фельдмаршалъ пріѣхалъ въ экипажѣ къ правому флангу, его посадили на лошадь, которую велъ подъ уздцы рейткнехтъ, а по бокамъ шли два адъютанта и поддерживали его. Здороваясь съ солдатами, онъ старался бодриться. При прохожденіи ихъ мимо него церемоніальнымъ маршемъ Сакенъ сидѣлъ въ креслахъ, и его похвалу передавалъ начальникъ штаба Муравьевъ. Люди отвѣчали: «рады стараться», и послѣ того кричали «ура!».

Изъ большаго числа адъютантовъ при немъ оставлены были только три, по его выбору, а въ помощь, для дежурства, повелѣно было командировать отъ саперной бригады трехъ офицеровъ. Въ числѣ ихъ и я былъ назначенъ въ чинѣ подпоручика.

Въ кабинетѣ фельдмаршала была огромная библіотека, и какъ онъ былъ очень слабъ ногами, то выходилъ изъ него только къ обѣденному столу, къ которому приглашались часто гости, наиболѣе дамы.

Несмотря на преклонныя лѣта и видимую слабость, фельдмаршалъ былъ въ здравомъ умѣ и, по словамъ близкихъ къ нему лицъ, не терялъ памяти. Пользовался хорошимъ аппетитомъ, за обѣдомъ былъ всегда въ хорошемъ расположеніи, шутливъ и любезенъ съ дамами, изъ коихъ онъ зналъ многихъ, когда онѣ еще были дѣвицами.

Когда фельдмаршалъ еще выѣзжалъ, его приглашали на экзамены въ пансіоны для дѣвицъ, кои содержали француженка Дюте и другія. Онъ слушалъ внимательно, и когда дѣвица отличалась игрой на роялѣ, или бойкими отвѣтами, то онъ подзывалъ къ себѣ, хвалилъ и какъ бы въ награду говорилъ: «поцѣлуй меня».

Адъютанты по очереди приходили утромъ и оставались до обѣда. По принятому обычаю адъютантъ всегда разливалъ супъ. Ординарцы оставались на дежурствѣ цѣлыя сутки. Изъ посѣщавшихъ фельдмаршала чаще всѣхъ пріѣзжалъ кіевскій митрополитъ Евгеній, и всегда очень рано, такъ что однажды засталъ ординарца спящимъ и долженъ былъ ждать, когда тотъ приведетъ себя въ порядокъ, чтобъ доложить фельдмаршалу.

Однажды за обѣдомъ сидящія за столомъ три маленькія его внучки пошаливали. Я былъ дежурнымъ; слышу голосъ князя: «ординарецъ».

— Что прикажете, ваше сіятельство?—спросилъ я.

— Ты являлся M-me Мемель?

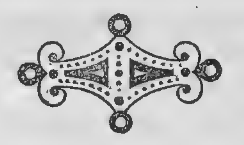
Это была француженка, наставница его внучекъ.

— Никакъ нѣтъ.

— Такъ явись, непремѣнно явись. Она отдастъ тебѣ подъ команду этихъ маленькихъ шалуней, а ты смотри за ними построже.

*

Приказаніе было выполнено тотчасъ послѣ обѣда, и тогда дежурства пошли пріятнѣе и веселѣе. Бывши дежурнымъ, я часто проводилъ вечера у M-me Мемель, а днемъ маленькія внучки и большая внучка приходили со своими гостями рѣзвиться въ залъ, и скучать намъ на дежурствѣ было некогда. Одна изъ этихъ маленькихъ внучекъ, много лѣтъ спустя, будучи уже вдовой, вышла замужъ за моего родственника.

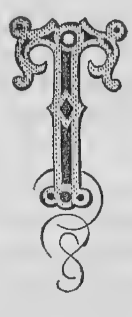

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

и

Россія шестнадцатаго вѣка [1]).

I.

Только-что вышедшій, въ высшей степени интересный трудъ г. Валишевскаго «Ivan le Terrible», посвященъ, какъ показываетъ заглавіе, такъ же, какъ и предъидущія изслѣдованія этого талантливаго писателя,—разработкѣ русской исторіи.

Матеріалъ, которымъ пользовался авторъ при составленіи своего труда—огромный; онъ обнимаетъ, вплоть до самыхъ новѣйшихъ изслѣдованій, всѣ вышедшіе на русскомъ и иностранныхъ языкахъ печатные источники о Россіи XVI вѣка и о Грозномъ въ частности, вслѣдствіе чего его изложеніе пріобрѣтаетъ замѣчательную полноту и доказательность, и его книга является не только исторіей Іоанна IV, но вмѣстѣ съ тѣмъ всесторонней характеристикой политической, общественной и умственной жизни Россіи временъ Іоанна Грознаго.

Любопытные выводы и сопоставленія, дѣлаемые авторомъ, проливаютъ новый свѣтъ на эту эпоху русской исторіи и на самую личность Грознаго, которая интересуетъ Валишевскаго преимущественно не съ внѣшней, анекдотической стороны, которой такъ легко было увлечься, рисуя его царствованіе, но главнымъ образомъ съ точки зрѣнія той

---

[1]) Les origines de la Russie moderne. Ivan le Terrible, par K. Waliszewski. Paris. 1904.

роли, которую Іоаннъ IV съигралъ въ русской исторіи, какъ непосредственный, по духу и замысламъ, предшественникъ великаго Преобразователя Россіи, положившій начало тѣмъ матеріальнымъ и нравственнымъ завоеваніямъ и тому государственному строю, которые легли въ основу современной Россіи.

Сквозь мрачную картину суровыхъ казней и безпощадной подъчасъ жестокости, которою отмѣчено царствованіе Грознаго, Валишевскій видитъ первые проблески восходившаго надъ Русью «краснаго солнышка», и хотя, по его образному выраженію, солнце это было еще багровое и озаряло зловѣщій пейзажъ, тѣмъ не менѣе оно предвѣщало Россіи зарю новаго, болѣе свѣтлаго будущаго.

Уродливыя стороны характера Іоанна, его жестокости и безумства, съ высоты птичьяго полета исторіи представляются автору несущественной деталью, тѣмъ болѣе, что Грозный, какъ на этомъ особенно настаиваетъ г. Валишевскій, былъ не лучше, но и не хуже людей своего времени. Признавая, что черты характера, свойственныя многимъ его современникамъ, проявились въ Іоаннѣ въ нѣсколько болѣе рѣзкой формѣ, авторъ говоритъ, что царствованіе Грознаго все-же не было въ этомъ отношеніи чѣмъ-то исключительнымъ; «нѣтъ той страны въ Европѣ, —говоритъ онъ,—исторія которой въ XVI вѣкѣ походила бы на идиллію», «жестокость была въ нравахъ того времени, даже на западѣ; стоитъ вспомнить кровавыя расправы Генриха VIII и Елисаветы, Филиппа II и Карла IX».

Многіе факты, приводимые Валишевскимъ, доказываютъ, что свирѣпость Іоанна была сильно преувеличена его недругами и современными ему лѣтописцами изъ духовныхъ, которые видѣли въ немъ врага и разрушителя стараго уклада жизни, и что царь даже въ самыхъ жестокихъ своихъ расправахъ руководствовался чаще всего не капризомъ тирана или безуміемъ (скажемъ кстати, что душевно больнымъ Валишевскій совершенно не признаетъ его), а тѣмъ, что онъ самъ и нѣкоторые его современники вмѣстѣ съ нимъ считали актомъ государственной необходимости; такимъ образомъ все царствованіе Грознаго было упорнымъ и послѣдовательнымъ проведеніемъ извѣстной политической системы.

Образъ же самого Іоанна Грознаго, какимъ его рисуетъ г. Валишевскій, является въ высокой степени интереснымъ. Человѣкъ даровитый, съ тонкимъ, изворотливымъ и пытливымъ умомъ, хотя до извѣстной степени больной и вспыльчивый полувосточный деспотъ, но который стремился къ лучшему, по-своему любилъ страну, мечталъ о ея величіи и славѣ и терзался сознаніемъ своихъ недостатковъ, а главное былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ возложенной на него свыше

цивилизаторской миссіи—таковъ Іоаннъ Грозный въ изображеніи г. Валишевскаго.

Разсматривая его царствованіе не какъ исключительную, кровавую страницу русской исторіи, а какъ одно изъ звеньевъ въ непрерывной цѣпи событій, составляющихъ исторію Русскаго государства, тѣсно связанное съ ея прошлымъ и будущимъ, Валишевскій предпосылаетъ жизнеописанію Іоанна пространный обзоръ политическаго, соціальнаго и умственнаго положенія Россіи въ XVI вѣкѣ, которому посвящена вся первая часть его выдающагося труда.

«Съ шестнадцатаго по восемнадцатый вѣкъ, обширная и варварская Московія жила обособленно, замкнуто, внѣ общенія съ Европою; но до этого, говоритъ г. Валишевскій, въ XVI вѣкѣ ею была сдѣлана попытка войти въ сношеніе съ западными державами и пріобщиться къ западной цивилизаціи; но тутъ она встрѣтила на своемъ пути преграду въ Польшѣ и Швеціи, и ей потребовалось болѣе вѣка для того, чтобы сломить эту преграду», но пріобрѣтеніе Россіей Балтійскаго побережья, которое дало ей выходъ къ морю, уничтоженіе послѣднихъ слѣдовъ татарскаго ига, завоеваніе Сибири, возникновеніе политическихъ и торговыхъ сношеній съ западными державами, введеніе зачатковъ иноземной культуры и преобразованіе внутренняго государственнаго строя—было дѣломъ Іоанна IV.

Для того чтобы понять и оцѣнить все то, что имъ было сдѣлано, необходимо составить себѣ ясное представленіе о томъ, чѣмъ была Россія въ то время, когда Іоаннъ вступилъ на престолъ.

«Составляла-ли она страну, въ историческомъ смыслѣ этого слова?»

«Вступивъ на престолъ въ 1533 г., Іоаннъ IV наслѣдовалъ довольно обширныя владѣнія, но въ нихъ не было единства, не было гармоніи. Вокругъ центральнаго ядра,—Москвы,—группировались завоеванныя и присоединенныя къ ней земли.

«Образованіе крупныхъ политическихъ единицъ, начавшееся на европейскомъ материкѣ въ исходѣ пятнадцатаго вѣка, сопровождалось всюду весьма тяжелыми явленіями, но тутъ, на далекомъ сѣверо-востокѣ Европы,—говоритъ Валишевскій,—задача собирателей Русской земли была особенно трудна».

Она состояла не въ томъ, чтобы сплотить между собою провинціи, связанныя уже общностью интересовъ, традицій и вѣрованій, какъ это было, напримѣръ, во Франціи, когда Людовикъ XI вступилъ въ борьбу съ своими вассалами, чтобы присоединить къ своей коронѣ Бургундію, Бретань и другія земли.

Въ XVI вѣкѣ великій князь московскій не владѣлъ ни одной пядью той земли, которая составляла въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкѣ вотчины Ярослава и Владимира Мономаха, и хотя онъ именовался ве-

ликимъ княземъ или царемъ «всея Россіи», но его право на этотъ титулъ не было ничѣмъ обусловлено. Кіевъ принадлежалъ въ то время Польшѣ, Могилевъ — Литвѣ; Червонная, Бѣлая и Малая Русь — принадлежали также сосѣду. Отъ наслѣдія Владиміра Мономаха не осталось ничего, и Москва, основанная Юріемъ Долгорукимъ, была не что иное, какъ русская колонія въ землѣ, населенной финнами.

«По странной случайности, самую главную и самую важную часть княжества составляли присоединенные въ самое послѣднее время Новгородъ и Псковъ, гдѣ сосредоточивалась вся промышленность и вся торговля страны.

«Впрочемъ, промышленность эта была весьма убогая, а торговля хотя и была оживленнѣе, но все-же велась въ очень скромныхъ размѣрахъ. Населеніе этой болотистой, пустынной мѣстности, существуя по преимуществу рыбной ловлею и отчасти земледѣліемъ, извлекало выгоду единственно изъ транзитной торговли, которая шла отъ Балтійскаго моря внутрь страны и обратно. Но на протяженіи 282.127 кв. верстъ въ этой мѣстности насчитывалось всего 14 городовъ, да и то наиболѣе значительные изъ нихъ были маленькія крѣпостцы или остроги, а въ Бѣжецкой и Олонецкой пятинахъ, на громадномъ пространствѣ въ 171.119 кв. верстъ, не было ни одного города, а одни только поселки съ рынками и маленькими базарами.

«До второй половины XVI вѣка, Новгородъ съ его 5.300 домами былъ, за исключеніемъ Москвы, самымъ населеннымъ городомъ княжества; въ Псковѣ, по современнымъ даннымъ, насчитывали въ чертѣ города, не считая предмѣстій, 1.300 лавокъ или конторъ.

«Но тѣ же документы указываютъ на одно любопытное явленіе, замѣчавшееся, въ XVI вѣкѣ, въ городахъ повсемѣстно; именно на быстрое исчезновеніе въ нихъ мѣщанскаго сословія и замѣну его военнымъ элементомъ. Причиною этого было завоеваніе Москвою, которая, конфискуя имущество мѣстныхъ жителей и раздавая его избраннымъ служилымъ людямъ, быстро измѣнила внѣшній видъ страны и составъ ея населенія. Эти же пришлые люди были исключительно военные, и сама Москва сохранила еще въ ту пору свой первоначальный характеръ военнаго поселенія въ завоеванной странѣ.

«Оно и не могло быть иначе, такъ какъ вновь возникшее княжество не вошло еще въ опредѣленныя границы. Изъ числа крѣпостей, защищавшихъ его на сѣверо-западѣ, Смоленскъ, завоеванный лишь въ 1514 г., оставался, номинально, главнымъ городомъ Литовско-Польскаго воеводства, а Великія Луки были вскорѣ отняты у Іоанна IV Баторіемъ. На сѣверо-востокѣ владѣнія Московскаго княжества простирались отъ Бѣлаго моря, Онѣги и Сѣверной Двины до Урала, но заселеніе этой мѣстности ограничивалось такъ называемымъ Поморьемъ, а съ

точки зрѣнія экономической главную роль играли въ немъ монастыри, которые были въ то же время стратегическими пунктами. Такъ напр. Соловецкій монастырь, на Бѣломъ морѣ, не только приносилъ большой доходъ своими солеварнями и рыбной ловлею, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ находился маленькій отрядъ войска».

Валишевскій отмѣчаетъ одну особенность тогдашней Москвы; среди цѣлаго ряда укрѣпленныхъ городовъ она одна оставалась открытымъ, незащищеннымъ городомъ, какъ бы временнымъ лагеремъ. Хотя Кремль и былъ обнесенъ зубчатою стѣною съ башнями, но за этой оградой находились терема, дома нѣсколькихъ бояръ, нѣсколько церквей и монастырей; а жизнь столицы не сосредоточивалась за стѣнами Кремля. Самый городъ съ его деревянными домами, лавками, рынками, съ гостинымъ дворомъ, выстроеннымъ изъ камня, на подобіе восточныхъ базаровъ, и со всей его торговой дѣятельностью былъ внѣ этихъ стѣнъ; вся городская жизнь сосредоточивалась въ обширныхъ, ничѣмъ не защищенныхъ, предмѣстьяхъ, гдѣ дома и лавки стояли среди полей и луговъ, а промышленность ютилась въ близъ лежащихъ огромныхъ слободахъ, раскинувшихся среди полей и лѣсовъ, среди которыхъ бѣлѣли ограды монастырей съ ихъ золочеными куполами.

Самою характерною чертою Московскаго государства, составлявшею его главное отличіе отъ современной ему западной Европы, было, говоритъ Валишевскій, отсутствіе въ немъ соціальныхъ классовъ, феодализма, рыцарства со всѣми его пережитками и отсутствіе у духовенства свѣтской власти.

«Очевидно,—говоритъ авторъ,—въ этой странѣ, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, были богатые и бѣдные, земледѣльцы и купцы, были городскіе и деревенскіе жители, т. е. существовали различные соціальные элементы, но они не имѣли тутъ того органическаго значенія и той строгой разграниченности, какъ на западѣ.

«Іоаннъ IV всю жизнь велъ борьбу съ боярами. Эти бояре составляли очевидно аристократію страны. Помимо нихъ, видное положеніе занимали потомки бывшихъ удѣльныхъ князей, которые вели свое происхожденіе, одни отъ Рюрика, перваго русскаго князя, другіе отъ Гедимина, перваго князя литовскаго. Нѣкоторые изъ нихъ, принадлежа къ старшей линіи великокняжескаго дома, возсѣдавшаго на московскомъ престолѣ, сидя въ своихъ удѣлахъ, пользовались извѣстными правами и привилегіями, какъ бывшіе независимые правители, кичились этимъ и ревностно отстаивали свои права.

«Но въ Судебникѣ, изданномъ дѣдомъ Іоанна Грознаго въ 1497 г., объ этихъ привилегіяхъ нѣтъ и помина. Исключая духовенство, все прочее населеніе страны раздѣлено въ немъ на двѣ категоріи: на людей «служилыхъ» и «неслужилыхъ». Что это значитъ? Это значитъ, что

законодатель, не придавая значенія тѣмъ сословнымъ различіямъ, кои вырабатываются исторически, распредѣлилъ всю массу населенія сообразно съ новой организаціей, какую представляло собою великое княжество Московское, напоминавшее собою армію въ походное время.

«Въ полку нѣтъ ни князей, ни простолюдиновъ, ни купцовъ, ни хлѣбопашцевъ, есть только солдаты, капралы, офицеры.

«Служилые люди—это солдаты, помогавшіе князю «собирать Русскую землю»; неслужилые люди—это рабочіе, мастеровые, поденщики, которые работаютъ на войско во время похода.

«Въ Судебникѣ нѣтъ ни малѣйшаго признака аристократической іерархіи. Къ первой категоріи, служилыхъ людей, вмѣстѣ съ боярами, князьями и высшими сановниками и должностными лицами, отнесены самыя скромныя военныя и гражданскія лица, артиллеристы, кузнецы, столяры и рядовые. Ко второй категоріи отнесены всѣ купцы и крестьяне, плательщики податей. Хотя служилые люди высшаго званія пользовались нѣкоторыми преимуществами, занимали высшія должности, владѣли землею и за причиненное имъ оскорбленіе имѣли право получить тройное, по сравненію съ простымъ дьякомъ, вознагражденіе, но всѣ эти отличія связывались только съ занимаемой человѣкомъ должностью и не создавали никакого соціальнаго различія».

«Конфискуя земли въ присоединенныхъ къ Москвѣ удѣльныхъ княжествахъ, московское правительство получило въ свое распоряженіе массу земель, которыя оно роздало своимъ служилымъ людямъ, но уже не въ видѣ «удѣловъ» или «вотчинъ», а въ видѣ простыхъ помѣстій, т. е., какъ показываетъ само названіе, эти земли раздавались служилымъ людямъ въ пожизненное или наслѣдственное пользованіе, смотря по мѣстамъ, ими занимаемымъ на службѣ государевой, которую они несли всю жизнь.

«Размѣры этихъ жалованныхъ помѣстій были не велики, нѣкоторыя изъ нихъ не превышали 30 десятинъ, да и тѣ жаловались нерѣдко только на бумагѣ.

«Такъ около 1570 г. изъ 168 «боярскихъ дѣтей», вознагражденныхъ по спискамъ за службу въ Путивлѣ и Рыльскѣ, 99 ничего не получили за неимѣніемъ свободныхъ земель. Въ то же время и по той же причинѣ случалось, что у помѣщика недоставало 74 десятинъ изъ числа пожалованныхъ ему 80.

«Поэтому по одеждѣ, образу жизни и пищѣ, огромное большинство служилыхъ людей едва отличалось отъ простыхъ крестьянъ. Случалось, что ихъ матеріальное положеніе было даже хуже. Только дома большихъ бояръ, занимавшихъ высокія должности и получавшихъ соотвѣтственное жалованье, представляли довольно величественный видъ, съ ихъ многочисленными службами и пристройками; у огром-

наго же большинства вмѣсто этихъ хоромъ было просто нѣсколько избъ, которыя, несмотря на хорошо вычищенный, натертый и подметаемый ежедневно полъ, съ охапкой сѣна, для обтиранія ногъ у порога и въ первой комнатѣ, и съ показной посудой, впрочемъ, большею частью не серебреной, а оловянной, отнюдь не имѣли представительнаго вида.

«Разница между бояриномъ и крестьяниномъ заключалась, главнымъ образомъ, въ количествѣ слугъ, которыхъ помѣщикъ считалъ необходимымъ имѣть: у него были повара, пекаря, садовники, портные, всякаго рода мастеровые; разные прихлебатели, не имѣя опредѣленнаго занятія, сопровождали помѣщика всюду, развлекали и увеселяли его.

«Самымъ необходимымъ лицомъ въ этомъ обиходѣ былъ прикащикъ, или ключникъ. Владѣя хотя бы всего нѣсколькими десятинами, помѣщикъ не могъ обходиться безъ ключника, точно такъ же, какъ онъ не могъ собственноручно обработывать землю, которая кормила его. Ему не хватило бы на это времени, даже если бы онъ хотѣлъ дѣлать это. Его время принадлежало его государю, который распоряжался имъ по своему произволу съ самаго дѣтства человѣка и до его глубокой старости.

«Возвращаясь изъ похода, онъ находилъ нерѣдко свое помѣстье разореннымъ, разграбленнымъ прикащикомъ и, по свидѣтельству Герберштейна, готовъ былъ подбирать апельсинныя или арбузныя корки, которыя проѣзжій иностранецъ выкидывалъ изъ окна кареты, но никогда не выходилъ изъ дома, хотя бы отправляясь къ сосѣду просить о помощи, иначе, какъ верхомъ и въ сопровожденіи слуги.

«Немудрено, что при этомъ у боярскихъ дѣтей нерѣдко являлось желаніе перейти въ разрядъ «неслужилыхъ» людей, которые не несли такихъ обязанностей, какъ они, но были зачастую гораздо болѣе обезпечены. Впрочемъ, нерѣдко случалось, что одинъ изъ боярскихъ дѣтей служилъ въ войскѣ, а его братъ былъ крестьяниномъ или портнымъ и не тяготился этимъ».

Такимъ образомъ между сословіями не было строго опредѣленныхъ границъ, и жизнь не способствовала ихъ обособленію.

Коснувшись затѣмъ вопроса о сельскомъ населеніи, Валишевскій отмѣчаетъ то въ высшей степени своеобразное явленіе, что въ Россіи крѣпостное право не было, какъ въ другихъ странахъ, тяжкимъ пережиткомъ варварскихъ временъ, но что оно возникло въ то время, когда въ прочихъ государствахъ Европы, не исключая сосѣдней Польши, личныя узы, связывавшія сельское населеніе съ землевладѣльцами, были порваны, либо ослаблены, подъ вліяніемъ измѣнившихся соціальныхъ и экономическихъ отношеній, и что возникновеніе

крѣпостной зависимости совпало со вступленіемъ Московскаго государства на путь европейской цивилизаціи.

Говоря о столь сложномъ соціальномъ явленіи, на которое, въ нашей исторической литературѣ, до сихъ поръ не установилось еще опредѣленнаго взгляда, несмотря на вызванную имъ обширную полемику, авторъ рѣшительно отрицаетъ возможность закрѣпощенія огромной массы населенія сразу однимъ правительственнымъ актомъ, который только оформилъ, въ видахъ государственныхъ и фискальныхъ интересовъ, сложившіяся уже фактически правовыя отношенія. Присоединяясь къ теоріи, которая считаетъ исходной точкой крестьянскаго закрѣпощенія фактъ повсемѣстной задолженности крестьянъ своимъ хозяевамъ, Валишевскій весьма подробно останавливается на тѣхъ условіяхъ общественнаго порядка, въ которыхъ возникли и воспитались крѣпостныя отношенія Московскаго государства.

«До конца XVI вѣка,—говоритъ Валишевскій,—большинство крестьянъ, жившихъ на землѣ, завоеванной русскими или заселенной ими на сѣверо-востокѣ, было свободно, по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Занимаясь обработкой земли и разными ремеслами, живя въ деревнѣ или въ городѣ, обработывая свою собственную или чужую, арендуемую имъ землю, крестьянинъ сохранялъ свободу личности и труда, могъ располагать своимъ имуществомъ, будучи обязанъ только платить установленныя подати, если онъ сидѣлъ на казенной землѣ, или извѣстную договорную плату, если онъ обработывалъ помѣщичью землю».

Получая участокъ земли, поселенецъ обязывался отбывать «барщину», пахать на хозяина пашню, дѣлать всевозможныя «издѣлья» на владѣльца, возить дрова, молоть муку, чинить постройки и т. п., словомъ, дѣлать «боярское дѣло», за что онъ получалъ отъ владѣльца помощь, въ видѣ ссуды, деньгами, орудіями или сѣменами.

Подрядившись въ крестьянство, поселянинъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, сохранялъ право уйти отъ своего хозяина, выполнивъ всѣ свои обязательства по отношенію къ нему, точно такъ же, какъ помѣщикъ, по истеченіи договорнаго срока, могъ передать участокъ другому лицу. Населеніе широко пользовалось этимъ правомъ и перекочевывало съ мѣста на мѣсто. Съ теченіемъ времени, случаи «ухода» крестьянъ съ земли такъ увеличились, что уже въ XV вѣкѣ эта относительная свобода перехода была стѣснена извѣстными узаконеніями. Сначала установился обычай, что владѣлецъ не могъ пользоваться своимъ правомъ передавать землю другому во время жатвы, т. е. въ то время, когда и крестьянинъ не могъ уйти съ земли. Такимъ образомъ Іоаннъ III назначилъ для перехода крестьянъ и ихъ разсчета съ помѣщикомъ двухнедѣльный срокъ отъ осенняго Юрьева дня (26-го ноября).

Уходя со своего участка, крестьянинъ долженъ былъ уплатить и за

пользованіе крестьянскимъ дворомъ такъ называемое «пожилое», что составляло отъ 56 к. до 1 р. 6 к. въ годъ съ участка, смотря по его стоимости.

Таковъ былъ законъ, но на практикѣ отъ него дѣлались всевозможныя отступленія. Такъ какъ рабочихъ рукъ было мало, то помѣщики переманивали крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое и даже нерѣдко уводили ихъ силою, «вывозомъ», какъ тогда называлось. Случалось также, что съ крестьянина, хотѣвшаго уйти съ земли, требовали въ уплату болѣе, чѣмъ слѣдовало, и такимъ образомъ, не имѣя возможности разсчитаться съ хозяиномъ, онъ не могъ уйти отъ него.

Хотя эти и тому подобныя мѣры стѣсняли свободу крестьянъ, но свобода все-таки существовала.

Между тѣмъ крестьяне были страшно обременены налогами и всякими платежами.

Г. Рожковъ, въ своемъ трудѣ «Русское земледѣліе въ шестнадцатомъ вѣкѣ» (изд. 1899, стр. 244), подсчитываетъ, что въ сѣверныхъ областяхъ крестьянинъ отдавалъ помѣщику половину урожая, а остальной половины ему едва хватало на прокормленіе семьи въ теченіе полугода, но скотоводство и кое-какіе мелкіе промыслы позволяли ему сводить концы съ концами. Онъ былъ бѣденъ, но съ точки зрѣнія юридической и административной онъ былъ, до извѣстной степени, равноправнымъ боярину, купцу и духовному лицу. Для него, какъ и для всѣхъ остальныхъ, существовалъ судъ, и его сельская община пользовалась извѣстнымъ самоуправленіемъ.

«Но неужели же въ странѣ, гдѣ до половины прошлаго столѣтія существовало крѣпостное право, не было въ шестнадцатомъ вѣкѣ вовсе крѣпостныхъ?»

«Они были,—отвѣчаетъ на поставленный имъ вопросъ Валишевскій,—но они составляли въ общей массѣ населенія едва замѣтный элементъ.

«Военноплѣнные съ давнихъ поръ обращались въ рабство, и это считалось вполнѣ естественнымъ. Невольнымъ считался также всякій человѣкъ, вступившій въ бракъ съ рабомъ и родившійся отъ рабовъ. Кромѣ того несостоятельный должникъ поступалъ въ неволю къ кредитору до уплаты долга; наконецъ, бывали случаи, когда люди добровольно вступали въ крѣпость на извѣстныхъ условіяхъ, и законъ не стѣснялъ право вольнаго человѣка опредѣлять эти условія. До пятнадцатаго вѣка вступленіе въ должность тіуна или ключника также влекло за собою неволю».

«Въ шестнадцатомъ вѣкѣ къ этому прибавился еще новый видъ рабства: кабала, или договоръ, въ силу котораго человѣкъ, занявшій

говоры сами по себѣ не обусловливали еще полной утраты свободы.

«Уплативъ долгъ, кабальный могъ получить свободу. Въ Германіи и Италіи, гдѣ заключались подобнаго же рода договоры, кабальные пользовались обыкновенно этимъ правомъ. Но въ Московскомъ государствѣ должники большею частью не могли этого выполнить, и этимъ объясняется вся исторія возникновенія крѣпостной зависимости, въ томъ видѣ, какъ она существовала въ Россіи.

«Въ Судебникѣ Іоанна IV перечислено четыре разряда рабовъ: рабы полные, т. е. закрѣпощенные съ ихъ потомствомъ безъ всякихъ условій; «старые» рабы, застарѣвшіе на своихъ участкахъ; кабальные и докладные, или закрѣпощенные «по докладу»—особый видъ добровольно заключавшагося договора. Признавъ такимъ образомъ положеніе вещей, освященное обычаемъ, законодатель пытался однако видоизмѣнить порядокъ, возникшій въ болѣе варварскія времена, ограничить причины, ведшія къ закрѣпощенію людей, и обставить его такими формальностями, которыя подъ часъ были равносильны запрещенію.

«Придя въ соприкосновеніе съ западнымъ міромъ, Россія видимо была готова послѣдовать за нимъ и въ отношеніи понятій о личной свободѣ, какъ и въ другихъ успѣхахъ цивилизаціи, хотя, за неимѣніемъ документовъ, нѣтъ возможности точно опредѣлить число закрѣпощенныхъ въ то время людей, но, судя по имѣющимся даннымъ, оно было незначительно, а между тѣмъ это была эпоха, предшествовавшая закрѣпощенію всего населенія. Какимъ же образомъ это могло случиться?

«Еще недавно, по общепринятому взгляду, тяжкая отвѣтственность за это падала на русское правительство конца шестнадцатаго вѣка. По весьма распространенному мнѣнію, оно одно, по своему собственному почину, своими собственными средствами совершило этотъ коренной и пагубный переворотъ въ юридическихъ и соціальныхъ условіяхъ крестьянскаго быта. Въ настоящее время этотъ взглядъ признается многими невѣрнымъ. Крѣпостная зависимость въ Россіи, какъ и повсюду, была продуктомъ времени и извѣстныхъ политическихъ и экономическихъ условій, пережитыхъ страною.

«Кавелинъ (Собр. соч. I, 130) считаетъ крѣпостное право естественнымъ, логическимъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всей организаціи страны, и говоритъ, что хотя оно примѣнялось иной разъ довольно жестоко, вслѣдствіе всеобщей грубости нравовъ, но въ принципѣ эта власть человѣка надъ другимъ человѣкомъ ограничивалась нѣкотораго рода опекой, обусловленной не силою опекавшаго, которому удалось подчинить другого человѣка своей волѣ, но слабостью опекаемаго, который, сознавая эту слабость, былъ готовъ добровольно деньги, обязывался отработать ихъ своимъ трудомъ. Но подобные до-

признать надъ собою власть, руководительство и покровительство, безъ котораго онъ не могъ обойтись.

«Принявъ этотъ взглядъ, нужно было бы объяснить, откуда появился внезапно этотъ нуждавшійся въ опекѣ классъ людей, существованіе котораго до тѣхъ поръ ничѣмъ не проявлялось, и самое совпаденіе этого явленія съ періодомъ роста государства, который долженъ былъ если не уничтожить, то по крайней мѣрѣ смягчить его.

«Между тѣмъ истинное положеніе дѣлъ, какъ оно вытекаетъ изъ историческихъ данныхъ, представляется совершенно инымъ. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ въ исторіи русскаго народа преобладающее значеніе имѣютъ два факта: одинъ изъ нихъ—быстрое исчезновеніе крестьянъ-собственниковъ, другой—столь же быстрое обѣднѣніе всего крестьянскаго сословія. Это имѣло послѣдствіемъ, съ одной стороны, то обстоятельство, что множество людей, крестьянъ-землепашцевъ и другихъ, не имѣя возможности пропитать себя, соглашалось идти въ кабалу, чтобы не умереть съ голода, а съ другой стороны, что множество людей, сидѣвшихъ на чужой землѣ, не имѣя возможности расплатиться съ владѣльцемъ, утрачивало самое существенное право, отъ котораго зависѣла ихъ свобода: право ухода съ обработываемой ими земли, по истеченіи договорнаго срока. Одни, лишившись клочка земли, которая ихъ кормила, были вынуждены побираться или идти въ услуженіе; другіе, получивъ отъ помѣщика какое-либо пособіе, не были въ состояніи вернуть его.

«Обыкновенно, крестьянинъ, сѣвъ на чужую землю и заключивъ съ хозяиномъ письменное условіе или «порядную», получалъ ссуду въ размѣрѣ 3 рублей. По прошествіи 10 лѣтъ ему приходилось уплатить 30 рублей и 56 коп. или 1 рубль 6 коп. за «пожилое», что составляло на наши деньги нѣсколько сотъ рублей (около 300). Въ большинствѣ случаевъ крестьянинъ не былъ въ состояніи выплатить такую сумму, и это являлось препятствіемъ къ его уходу; постоянно нароставшій долгъ, или серебро (деньги), какъ тогда говорили, превращался въ обязательство, прикрѣплявшее должника къ землѣ. И серебреники-должники превращались мало-по-малу въ докладныхъ и кабальныхъ холоповъ.

«Въ сущности, начиная со второй половины шестнадцатаго вѣка, крестьяне, въ принципѣ, оставались свободны, но на практикѣ свобода сдѣлалась привилегіей все болѣе и болѣе ограниченнаго числа незадолженныхъ собственниковъ или арендаторовъ.

«Причина этого всеобщаго оскудѣнія земледѣльческаго класса вполнѣ понятна. Война—вещь дорого стоющая. Ведя постоянныя войны и постоянно увеличивая кадры своего войска, Московское государство

должно было, сообразно съ этимъ, увеличивать и свои расходы на вознагражденіе «служилыхъ людей», которые вербовались все въ большемъ и большемъ количествѣ, и на покупку оружія; преобразовывая войско на европейскій ладъ, оно расходовало большія деньги на оружіе, привозимое изъ-за границы, на плату служащимъ, которые набирались во всѣхъ странахъ Европы. Откуда же ему было взять на это средства? Единственнымъ капиталомъ, единственнымъ богатствомъ страны была земля. Ей-то и пришлось нести всю тяжесть новыхъ налоговъ. Для того, чтобы раздать помѣстья служилымъ людямъ, землю отбирали у крестьянъ, а для того, чтобы вознаградить иноземныхъ рабочихъ, облагали налогами помѣщиковъ, которые, будучи обременены платежами, выжимали деньги изъ крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ землѣ.

«Земля отвѣчала за все, покрывала всѣ расходы, сдѣлалась какъ бы ходячей монетой, которая превращалась въ личный трудъ, въ военную и гражданскую службу, во всевозможныя подати и повинности.

«Помѣщики, завися во всемъ отъ государя и не имѣя внутренней организаціи и сплоченности, не могли въ этомъ случаѣ оказать никакого серьезнаго противодѣйствія и, по причинѣ своей слабости и покорности, они только еще болѣе способствовали развитію той системы, отъ которой они страдали. Самые упорные видѣли одно средство: бѣжать. Такова была всегда отличительная черта русскаго характера: будучи поставленъ въ невыносимыя условія жизни, русскій человѣкъ не старался бороться съ ними, а бѣжалъ отъ нихъ. Крестьяне подражали этому примѣру. Для нихъ бѣгство было еще легче. Болѣе избалованные вотчинники и помѣщики, за которыми былъ и бо̀льшій надзоръ, переселяясь въ сосѣднюю Польшу, подвергались всевозможнымъ случайностямъ и опасностямъ. Крестьянинъ же, перейдя плохо охраняемую сѣверо-восточную границу государства, находилъ гостепріимный пріютъ на необозримомъ пространствѣ дѣвственной почвы, за которую ему не приходилось платить никакихъ податей.

«Въ началѣ шестнадцатаго вѣка бѣгство крестьянъ, которые бросали распаханную ими землю, настолько увеличилось, что приняло характеръ національнаго бѣдствія. Тогда правительство, которому это угрожало уменьшеніемъ доходовъ, рѣшило принять мѣры и издало рядъ ограничительныхъ указовъ, коими помѣщикамъ предоставлялось право удерживать крестьянъ, жившихъ на ихъ землѣ, и возвращать бѣглецовъ.

«Въ половинѣ шестнадцатаго вѣка московское правительство сдѣлало еще болѣе рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи, даровавъ братьямъ Строгановымъ, владѣвшимъ огромными землями въ Пермскомъ краѣ, двѣ грамоты, коими имъ повелѣвалось задерживать и

возвращать на мѣсто жительства тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, кои искали убѣжище въ обширныхъ колонизуемыхъ ими земляхъ, такъ какъ потокъ бѣглаго люда, угрожавшій экономическому благосостоянію и военной организаціи страны, направлялся именно въ этотъ далекій край съ его необозримыми и необработанными степями.

«На западѣ развитіе торговли и промышленности вызвало соединеніе городскихъ жителей въ отдѣльныя корпораціи, которыя, отстаивая свои права, вступали въ борьбу съ феодализмомъ. Въ нѣдрахъ этихъ корпорацій, во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ членовъ выработался тотъ духъ свободы, который привелъ къ созданію самоуправляющихся общинъ, въ нихъ же развилась та матеріальная и умственная дѣятельность, изъ которой выработались всѣ высшія формы экономической и культурной жизни Европы.

«Россія не знала ничего подобнаго. Города, или, какъ показываетъ само ихъ названіе, огороженныя мѣста, имѣли тутъ совсѣмъ иное назначеніе; промышленная жизнь сосредоточивалась за городскими стѣнами, въ слободахъ и посадахъ, гдѣ жили ремесленники и сельскіе обыватели, и правительство только въ шестнадцатомъ вѣкѣ обложило, съ фискальной цѣлью, городскихъ жителей болѣе высокою податью по сравненію съ сельскимъ населеніемъ; и такъ какъ его понятія о политической экономіи были слабы и сбивчивы, то оно не только не старалось объ увеличеніи этой статьи дохода, но, напротивъ, парализовало ее, пріумножая всевозможныя пошлины, ставя таможенныхъ у каждаго поворота дороги и сборщиковъ податей на каждомъ углу и монополизируя всѣ отрасли промышленности и торговли: продажу ржи, овса, всѣхъ злаковъ, варку пива, кваса и всевозможныхъ напитковъ».

«Купечество, которое не представляло изъ себя отдѣльнаго сплоченнаго сословія, не оказало этому никакого противодѣйствія; потерявъ, съ паденіемъ Пскова и Новгорода, единственные пункты, гдѣ оно могло сгруппироваться, русское купечество не было въ состояніи съиграть той роли, которую западныя городскія общины выполнили такъ блестяще въ общемъ ходѣ цивилизаціи».

Не болѣе другихъ съумѣло отстоять свою независимость и духовенство, хотя, владѣя огромными богатствами и будучи единственнымъ въ то время средоточіемъ образованности, оно представляло собою—говоритъ Валишевскій—значительную силу и имѣло всѣ средства, чтобы поддержать и охранить свою самостоятельность. Вотъ нѣкоторыя данныя, приводимыя авторомъ, которыя свидѣтельствуютъ объ огромныхъ средствахъ, коими располагало духовенство.

«Митрополичьи земли, разсѣянныя въ пятнадцати уѣздахъ, приносили въ концѣ шестнадцатаго вѣка до 3.000 руб. годоваго дохода;

новгородскій епископъ былъ еще богаче, получая отъ 10 до 12.000 р. ежегодно».

«Приходское духовенство было сравнительно бѣдно и существовало только прихожанами, но за то черное духовенство не только владѣло обширными землями, которыя не были обложены никакими повинностями, но получало постоянно огромныя пожертвованія деньгами. Такъ, напр., Троицкая лавра, менѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ, получила отъ одного Іоанна IV 25.000 руб., что составляетъ около милліона на наши деньги. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь получилъ въ то же время 18.493 руб., не считая пожертвованій натурою: напр., въ 1570 г. ему было послано сто пудовъ меда, на слѣдующій годъ 10 лошадей; жертвовались также богатыя иконы, церковное облаченіе и т. п.

«Троицкая лавра, имѣя огромныя земельныя угодья, владѣла въ концѣ XVI вѣка 106.600 крестьянъ и имѣла до 100.000 р. дохода, т. е. около 2.400.000 р. на наши деньги. Согласно подсчету, сдѣланному г. Иконниковымъ (Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, 1869 г.), всѣ великорусскіе монастыри владѣли 3.858.396 десятинами пахотной земли, которую обработывали 660.185 крестьянъ и которыя приносили 824.593 р. дохода.

«Разумѣется,—говоритъ Валишевскій,—всѣ эти цифры вычислены приблизительно. Но изученіе документовъ той эпохи даетъ представленіе объ огромныхъ богатствахъ, которыя были сосредоточены въ рукахъ духовенства и совершенно не соотвѣтствовали общему матеріальному положенію страны.

«Было бы, конечно, несправедливо утверждать, какъ это часто дѣлалось, что черное и бѣлое духовенство пользовалось своей матеріальной и нравственной силою единственно для своихъ личныхъ выгодъ. Въ Московскомъ государствѣ, такъ же точно, какъ и въ другихъ странахъ, народъ долго не имѣлъ для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей инаго прибѣжища кромѣ православной церкви, которая была для него вмѣстѣ съ тѣмъ и единственнымъ источникомъ просвѣщенія, и духовная власть ея іерарховъ и митрополита въ особенности служила до половины XVI вѣка противовѣсомъ всемогуществу свѣтской власти.

«Духовенство было не только дѣятельнымъ пособникомъ, но до нѣкоторой степени и главнымъ двигателемъ въ великомъ дѣлѣ «собиранія Русской земли».

Первые московскіе князья видимо еще не уяснили себѣ великаго смысла объединенія государства, и хотя сынъ Калиты, Симеонъ Гордый (1341—1353), этотъ ярый представитель политики князей «собирателей Русской земли», завѣщалъ своему сыну идти по намѣченному имъ

пути, дабы память о немъ и его предкахъ не померкла и «возженный имъ свѣтильникъ не угасъ», но, въ сущности, имъ и его преемниками руководило не столько честолюбивая мечта о созданіи великой русской державы, сколько желаніе свергнуть ненавистное татарское иго. Покупая деревню за деревней, область за областью, накопляя въ своихъ сундукахъ золото, серебро, драгоцѣнные камни и жемчугъ, обсчитывая татаръ при уплатѣ подати, грабя другихъ удѣльныхъ князей, они никогда не высказывали иного желанія, иной мечты, какъ только чтобы «Господь избавилъ ихъ отъ орды» и чтобы имъ не приходилось болѣе гнуть шею подъ игомъ ненавистнаго завоевателя.

«Но въ то время какъ алчные московскіе князья не могли отрѣшиться отъ своихъ личныхъ интересовъ и возвыситься до общегосударственной идеи, бокъ о бокъ съ ними зародилась и назрѣла мысль о государственномъ единствѣ, и когда ни одинъ изъ московскихъ князей еще не думалъ сдѣлаться главою «всея Россіи», московскій митрополитъ сталъ уже духовнымъ представителемъ всего православнаго населенія Россіи.

«Славянскій востокъ составлялъ искони одну епархію, подчиненную константинопольскому патріарху. Но современникъ Іоанна Калиты, митрополитъ Петръ († 1326 г.) принялъ титулъ митрополита всея Россіи. Тогда между удѣльными князьями, которые боролись за первенство Москвы, Рязани, Суздаля, Твери, завязалось новое соперничество, всякій изъ нихъ старался, въ знакъ своего превосходства надъ остальными, переманить духовнаго главу православнаго народа въ свою столицу. Вначалѣ это удалось Михаилу Ярославичу Тверскому, который и принялъ тотчасъ титулъ великаго князя «всея Россіи». Но онъ былъ вскорѣ побѣжденъ Калитою, и тогда митрополитъ переселился въ Москву, «чѣмъ много способствовалъ возвышенію Московскаго княжества».

Полтораста лѣтъ спустя, съ возникновеніемъ въ сосѣднемъ польско-литовскомъ государствѣ новаго духовнаго центра, единство церковной власти было нарушено. Флорентійская унія (1439 г.) упрочила эту рознь, но въ то время Москва уже успѣла закончить процессъ объединенія русскихъ удѣловъ подъ свою власть.

«Монастыри, съ своей стороны, сыграли не малую роль въ колонизаціи страны, которой современная Россія обязана своимъ существованіемъ. Въ то время какъ поселенцы, движимые исключительно практическими соображеніями, потянулись на югъ, къ плодороднымъ черноземнымъ землямъ, монахи, побуждаемые высшими духовными интересами, ища уединенія, стремились на сѣверъ, въ недоступныя дебри и лѣса, куда обыкновенные поселенцы, вѣроятно, долго бы еще не проникли.

«Они вступали въ соприкосновеніе съ языческими финскими племе-

нами, населявшими эту мѣстность, и, распахивая почву и вырубая лѣса, насаждали въ то же время христіанство и настойчиво шли, все далѣе и далѣе, впередъ.

«На востокѣ, со стороны татарской границы, монахи также опередили завоевателей и, еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ, задолго до взятія Казани, основывали за р. Сурой свои монастыри, которые, будучи укрѣплены и располагая хорошими средствами, служили войску опорными пунктами во время походовъ.

«Извѣстный Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, напр., съ его сильной артиллеріей и крѣпкими стѣнами, украшенными 38 большими башнями, имѣлъ въ стратегическомъ отношеніи бо́льшее значеніе, нежели Новгородъ».

«Хотя англійскій путешественникъ Флетчеръ преувеличиваетъ, называя Россію шестнадцатаго вѣка «страною монастырей», но не подлежитъ сомнѣнію, что въ XV и XVI вѣкѣ число ихъ значительно увеличилось, но, къ сожалѣнію, съ увеличеніемъ числа монастырей и съ ростомъ ихъ льготъ увеличивалось и количество монаховъ, шедшихъ въ монастырь не по призванію, а искавшихъ въ немъ лишь болѣе спокойной и беззаботной жизни. Общежительное устройство монастырей было исключеніемъ; весьма многіе изъ братіи имѣли свой собственный роскошный столъ, который они дѣлили съ многочисленными родными, друзьями, прихлебателями и богатыми барами, которые жили иногда подолгу въ монастыряхъ для своего удовольствія.

«Существованіе рядомъ мужскихъ и женскихъ монастырей не могло не отразиться на ихъ нравахъ. Въ XVI вѣкѣ жалобы на упадокъ нравственности въ монастыряхъ, на бродяжничество монаховъ, пьянство и развратъ раздавались все сильнѣе и сильнѣе.

«Реформаторское теченіе шестнадцатаго вѣка должно было коснуться и этого міра, но такъ какъ въ немъ не нашлось достаточно жизненныхъ элементовъ, чтобы съ успѣхомъ провести реформу, то пришлось прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, и нравственный авторитетъ церкви былъ этимъ погубленъ безповоротно».

Была еще одна причина, повліявшая на упадокъ того значенія, которое имѣли монастыри въ древней Россіи.

«До нашествія татаръ раздѣленіе страны на удѣлы и подчиненіе православной церкви власти константинопольскаго патріарха обезпечивало ея іерархамъ независимое положеніе. Но со временемъ они сочли за лучшее прибѣгнуть къ покровительству новой власти. Митрополитъ Кириллъ перенесъ даже временно свое мѣстопребываніе ко двору хановъ, за что̀ и былъ милостиво награжденъ грамотою и ярлыками. Но полученныя такимъ путемъ милости влекли за собою полную утрату независимости, и это подчиненное положеніе настолько вошло въ при-

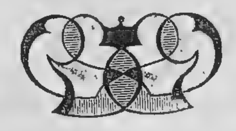
вычку, что когда по сверженіи татарскаго ига власть окончательно перешла къ Москвѣ, то измѣнить этотъ порядокъ вещей было уже невозможно. Указы смѣнили ярлыки; ими требовалось отъ духовенства такого же подчиненія».

«Въ то же время разрывъ съ Константинополемъ лишилъ церковь, подчиненную такимъ образомъ свѣтской власти, той внѣшней поддержки, которая (въ лицѣ папы) составляла силу католицизма и была для него самой надежной гарантіей противъ утѣсненія свѣтской власти.

«Съ конца XVI вѣка право раздавать духовенству мѣста и приходы фактически стало зависѣть отъ воли государя, а еще раньше, въ исходѣ XV вѣка, князь, какъ высшій покровитель православія, сталъ созывать соборы, на коихъ одновременно съ вопросами, касавшимися церкви, обсуждались государственныя дѣла. Съ другой стороны, высшіе духовные сановники часто приглашались къ участію въ совѣщаніяхъ «государевой думы»; такимъ образомъ интересы свѣтской и духовной власти мало-помалу смѣшивались; отсюда до полнаго подчиненія главѣ государства оставался только одинъ шагъ. Для возстановленія своего первенствующаго значенія духовенству не хватило умственной силы и нравственнаго достоинства. «Божественная искра, одушевлявшая первыхъ іерарховъ, померкла подъ пепломъ Византіи», говоритъ Валишевскій.

«При Іоаннѣ III духовенство еще пыталось отстаивать свою власть, и когда между великимъ княземъ и митрополитомъ возникали споры изъ-за вопросовъ вѣры или обряда, то митрополитъ покидалъ свой престолъ, не освящалъ вновь построенныхъ церквей и вынуждалъ этимъ князя «бить ему челомъ», но по мѣрѣ увеличенія великокняжеской власти, недостаточно было для поддержанія своего значенія одного сознанія оскорбленнаго достоинства и, послѣ того какъ митрополитъ Филиппъ запечатлѣлъ кровью свою приверженность къ прошлому и свое противодѣйствіе произволу Іоанна IV, его примѣръ не встрѣтилъ болѣе подражателей, и церковь, вмѣстѣ со всей страною, погрузилась въ мракъ и безмолвіе».

(Продолженіе слѣдуетъ).

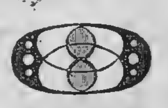

Письмо императрицы Екатерины II — графу И. П. Салтыкову.

8-го октября 1795.

Графъ Иванъ Петровичъ! Письмо ваше, которымъ вы отказываетесь принять на себя попеченіе о дѣлахъ графа Чернышева, я получила. Причины, по которымъ я на васъ сіе возложила, были сколько связи родства вашего съ нимъ, столько и обязанность каждаго помогать въ нуждѣ ближнему своему, паче же больному и, такъ сказать, при дверяхъ смерти находящемуся старику; почему и надѣюсь я, что вы, помысливъ, въ какомъ жалкомъ состояніи онъ находится, преодолѣете представляемыя вами затрудненія и потщитеся исполнить волю мою, принятіемъ въ попеченіе ваше дѣлъ графа Чернышева, такъ чтобы отъ рачительнаго присмотра воспріяли оныя наилучшій видъ, чѣмъ не токмо пріобрѣтете благодарность его къ вамъ и похвалу общую, но и мнѣ тѣмъ удовольствіе сдѣлаете. Впрочемъ, отъ васъ зависѣть будетъ для облегченія трудовъ вашихъ избрать по вашему благоразсмотрѣнію надежнаго человѣка, одного или нѣсколькихъ, которые и могутъ подъ руководствомъ вашимъ производить въ дѣйство тѣ способы, какіе вы къ поправленію состоянія графа Чернышева за благо принять признаете. Пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонная.

Сообщилъ **Александръ Успенскій.**

Противъ Пугачева.

(Изъ записокъ современника).

Во время пугачевщины, среди борцовъ противъ мятежниковъ между прочимъ, обратилъ на себя вниманіе защитникъ города Кунгура, отставной секундъ-маіоръ Александръ Васильевичъ Папавъ. Главнокомандующій А. И. Бибиковъ, донося императрицѣ объ его дѣйствіяхъ, писалъ:

«Сей маіоръ есть первый изъ всѣхъ, понынѣ мнѣ извѣстныхъ, гарнизонныхъ офицеровъ, который должность свою дѣлаетъ, какъ вѣрному вашему императорскому величеству подданному и расторопному офицеру надлежитъ».

Свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ Папава въ пугачевщину мы находимъ у Анучина, въ его монографіи «Дѣйствія Бибикова въ пугачевщину» («Русскій Вѣстникъ» 1872 г., т. XCIX), въ «Пермскомъ Сборникѣ» (1859 г., кн. II, 1860 г., кн. II), въ капитальномъ трудѣ академика Н. Дубровина: «Пугачевъ и его сообщники» и нѣкот. др. Но личность Папава является не вполнѣ выясненной.

Анучинъ говоритъ: «Во всѣхъ видѣнныхъ нами подлинныхъ бумагахъ, какъ, напримѣръ, донесеніяхъ генералъ-аншефа Бибикова и Кунгурскаго магистрата, штабъ-офицеръ этотъ называется не Поповъ, а Папавъ, при чемъ надо замѣтить, что въ тѣхъ же бумагахъ говорится о его подчиненномъ, горномъ капитанѣ Поповѣ, а слѣдовательно, нельзя допустить орѳографической ошибки. Къ сожалѣнію, въ архивѣ главнаго штаба военнаго министерства невозможно было найти о немъ никакихъ свѣдѣній... Въ документахъ, напечатанныхъ въ «Пермскомъ Сборникѣ», фамилія его вездѣ пишется тоже Папавъ; этого придерживаемся и мы. Желательно было бы, чтобъ это недоразумѣніе разъяснилось».

Намъ удалось найти въ Московскомъ дворцовомъ архивѣ интересныя записки Папава. Вездѣ въ нихъ онъ подписывается «Папавъ», а не Поповъ.

По словамъ Папава, начало службы его было въ полевыхъ полкахъ—съ 1753 года капраломъ; съ 1755 года сержантомъ и подпоручикомъ; въ 1759 году онъ былъ назначенъ къ генералъ-лейтенанту, князю Любомирскому младшимъ адъютантомъ; въ 1762 году полковымъ адъютантомъ; въ 1767 году произведенъ въ поручики; въ 1770 году въ капитаны; въ 1773 году въ секундъ-маіоры.

«Въ походахъ былъ,—пишетъ Папавъ,—во всю съ Пруссіей войну и на баталіяхъ подъ Гегерсдорфомъ, при осадѣ города Кистрина въ шанцахъ и подъ Цорндорфомъ, подъ Палцихомъ и Франкфортомъ, потомъ въ подкрѣпленіи генералъ-маіора графа Тотлебена, а въ 1761 году въ корпусѣ графа Захара Григорьевича Чернышева, обще съ австрійскимъ корпусомъ генералъ-фельдмаршала-лейтенанта барона Лаудона, при взятіи города Швейдница; въ 1762 году, по восшествіи на престолъ блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти императора и самодержца Петра Третьяго, при томъ же, графа Чернышева, корпусѣ, въ полку шефа генералъ-маіора Бенкендорфа будучи полковымъ адъютантомъ, подъ предводительствомъ его величества короля прусскаго противъ австрійской арміи; въ 1768 и 1769 годахъ въ Польшѣ противу конфедератовъ, гдѣ я посыланъ былъ изъ Вильны, во-первыхъ, во стѣ человѣкъ казаковъ, въ мѣстечко Россенъ, близъ прусской границы состоящее, на сеймикъ, къ предложенію пунктовъ, присланныхъ изъ Варшавы отъ полномочнаго посла князя Николая Васильевича Рѣпнина, а оттуда, по возвратѣ, на таковой же сеймикъ съ ротою и пушкою, въ мѣстечко Ошмяны; потомъ, подъ командою генералъ-маіора Ивана Михайловича Измайлова, въ преслѣдованіи скопившихся конфедератовъ, при маршалѣ князѣ Радзивиллѣ, въ мѣстечкѣ Несвижѣ, гдѣ они и разсѣяны. По возвращеніи въ Вильну, опредѣленъ я былъ къ содержанію польскаго бискупа, титулующагося кіевскимъ и каноникомъ краковскимъ, графа Залускаго, котораго содержавъ, отвезъ въ Смоленскъ къ генералъ-маіору Чарторыйскому. Въ 1769 г. въ турецкой войнѣ, при блокадѣ города Хотина, былъ у генералъ-маіора князя Петра Сергѣевича Долгорукова за дежуръ-маіора, который тутъ тяжело раненъ и отъ той раны въ восьмой день, почти на рукахъ у меня, скончался, съ завѣщаніемъ похоронить его въ Кіевѣ, куда, по повелѣнію покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Александра Михайловича Голицына, тѣло перваго мною отвезено и похоронено. А изъ Кіева генералъ-поручикомъ Сиверсомъ поручены мнѣ были два офицера съ экстраординарною суммою, въ полумилліонѣ золотомъ и серебромъ состоящею, при двусотной солдатъ командѣ,—которые и пре-

провождены до мѣстечка Полоннаго къ генералъ-маіору Баннеру, а команда отведена мною въ армію. Въ 1770 и 1771 годахъ, въ Молдавіи и Волохіи, гдѣ откомандированъ былъ по ордеру генералъ-маіора Александра Васильевича Римскаго-Корсакова съ деташаментомъ, въ трехстахъ нижнихъ чиновъ и ста человѣкъ казаковъ, къ сторонѣ Трансильванской границы, для кордона. Оттуда, по возвращеніи съ тѣмъ деташаментомъ къ арміи, былъ въ 1772 и 1773 годахъ, надъ Дунаемъ, противъ Силистріи и въ томъ же году, отъ жестокой лихорадки, по приключившейся въ животѣ великой опухоли, уволенъ въ казанскіе баталіоны секундъ-маіоромъ, съ намѣреніемъ по выздоровленіи по-прежнему явиться къ арміи. По прибытіи жъ въ Казань, командированъ былъ, чрезъ два мѣсяца, въ Пермскую провинцію для приводу въ Казань рекрутъ, которыхъ принявъ семьсотъ человѣкъ и отошедъ съ ними отъ города Кунгура девяносто верстъ, увѣдомился, по открывшемуся тогда возмущенію, что злодѣйскія толпы къ тому городу приближаются,—то, оправдая мою отставку и ревнуя по службѣ, что воеводы товарища и прокурора на то время въ городѣ не было, отправилъ въ Казань съ офицеромъ триста человѣкъ, а съ достальными, при двѣнадцати человѣкахъ старыхъ солдатъ, по-прежнему въ Кунгуръ возвратился и, собравъ купцовъ съ оружіемъ, какое у кого нашлось, злодѣйскую, подъ городъ подошедшую, толпу, разбивъ, отогналъ; а потомъ еще скопившіяся въ разныхъ мѣстахъ толпы разбивалъ».

Кунгуръ былъ главный городъ Пермской провинціи. Взятіе его пугачевцами несомнѣнно имѣло бы огромное значеніе для края: тогда былъ бы открытъ путь Пугачеву къ Екатеринбургу и далѣе въ Сибирь.

Власти Кунгура не отличались мужествомъ. Воевода Миллеръ бросилъ городъ на произволъ судьбы при первыхъ извѣстіяхъ о появленіи за Камой пугачевцевъ; присутствующіе и секретари Пермской провинціальной канцеляріи, «оставя всѣ свои порученныя должности и налично имѣвшуюся въ присутственныхъ мѣстахъ денежную многотысячную казну, а при томъ и содержащихся колодниковъ, не давъ о томъ никому, ниже и остающемуся тогда одному здѣшнему магистрату, знать невѣдомо куда изъ Кунгура, миновавъ учрежденные караулы, объѣздными дорогами выѣхали» («Пермск. Сборн.» 1860 г., кн. II, отд. I, стр. 10).

Въ это трудное для Кунгура время явился Папавъ. Не легко ему было справиться съ своей задачей. Приводимъ выдержки изъ его записокъ [1]).

---

[1]) Во многихъ мѣстахъ записки переполнены описаніемъ подробностей построенія войскъ, не имѣющихъ значенія и потому исключенныхъ, какъ затемняющихъ картину общихъ дѣйствій автора противъ Пугачева. Ред.

«Бывшимъ тогда въ командѣ моей рекрутамъ,—пишетъ Папавъ,—нужно было вперить о самозванцѣ, — гдѣ ласкою, а индѣ строгостію обуздать самовольство, пріобучить въ сраженіяхъ къ безстрашію никогда не бывалыхъ въ томъ людей... Старался я выучить рекрутъ по короткому времени первымъ правиламъ экзерциціи ружьями, присланными ко мнѣ до того отъ покойнаго генерала Бибикова».

На заводахъ были отысканы четыре чугунныя трехъ-фунтовыя пушки; къ нимъ «сдѣланы по чертежу съ оковкою желѣзною лафеты, къ нимъ ящики съ подлежащими въ картузахъ ядрами и картечами, фитили и свѣчи подѣланы, и лафеты и ящики выкрашены, и люди къ пушкамъ обучены»...

Кромѣ рекрутъ, къ отряду Папава присоединились нѣкоторые кунгурскіе купцы, мѣщане, заводскіе служители и сельскіе обыватели «съ оружіемъ, у кого какое было».

«Преслѣдуя бунтовщиковъ,—заявляетъ Папавъ—зимою, будучи самъ то на дровняхъ, то на лыжахъ, а лѣтомъ безъ палатокъ на открытомъ воздухѣ..., Бога милостію и щедротами предохраняемъ былъ отъ сонмищъ атамана и отъ предательства въ руки ихъ моими новобранцами, коимъ я холодомъ и голодомъ наскучилъ, и удерживалъ ихъ отъ насилія и грабительствъ, которыя мятежники дѣлали, гдѣ только врывались, не спуская и самимъ храмамъ. Не приписываю самоугодію о удачныхъ моихъ побѣдахъ надъ бунтовщиками съ малою горстью у меня людей неопытныхъ въ военной службѣ, а всѣ подвиги мои отношу въ славу и честь единому Богу, Котораго руководствомъ повсюду имѣлъ верхъ».

Въ запискахъ Папава мы находимъ подробное описаніе сраженія, бывшаго 11-іюля 1774 года.

«Извѣстился я,—пишетъ Папавъ, — чрезъ посланнаго мною изъ Кунгура въ разъѣздъ офицера къ сторонѣ Красноуфимской крѣпости, что съ толпою идетъ самъ Пугачевъ и неподалеку отъ Красноуфимска, а отъ Кунгура въ семидесяти пяти верстахъ, расположился въ полѣ.

«Дабы онъ больше не усиливался стеченіемъ къ нему отвсюду всякой сволочи, осмотря все, что въ походъ взять было нужно, я 9-го числа іюня изъ Кунгура съ деташаментомъ, въ восьмистахъ человѣкъ состоящимъ, съ четырьмя пушками, выступилъ, отрядя впередъ разъѣзды по дорогѣ и по сторонамъ, съ приказаніемъ, чтобъ они отъ деташамента далѣе десяти верстъ не отъѣзжали, а доѣхавъ до назначеннаго отъ меня мѣста, гдѣ быть лагерю, остановились бы. Такимъ образомъ дошедъ до мѣста, переночевалъ; на другой день, сдѣлавъ маршъ, сталъ отъ Пугачева разстояніемъ только уже въ восьми верстахъ.

«Хотя и вся предосторожность сдѣлана мною была отъ могущаго быть внезапнаго Пугачевымъ нападенія постановленіемъ деташамента

баталіономъ каре, но какъ междуусобная брань весьма опаснѣе внѣшней обыкновенной войны, а при томъ и одно извѣстное имя, принятое на себя Пугачевымъ, занимало больше мѣста въ сердцахъ черни, обольщенной выгодами,—принужденъ я былъ ежечасно всѣхъ нижнихъ чиновъ, особливо рекрутъ увѣщевать, чтобъ они, какъ присягали предъ Богомъ съ клятвою государынѣ вѣрно служить, сражаясь до сего двѣнадцать разъ съ бунтовщиками, у коихъ пушки были, но всѣ нами отбиты, постояли и нынѣ въ послѣдній разъ, а я обѣщаю, что его разбить намъ Богъ пособитъ, только лишь бы слушались меня и наблюдали порядокъ въ оборотахъ, а отъ толпы крику немало бъ не опасались, ибо у бунтовщиковъ одни только ружья и стрѣлы, а у насъ есть исправныя четыре пушки и на каждаго по сороку патроновъ на рукахъ, да по стольку жъ въ ящикахъ. Притомъ же я вѣрно слышалъ, что Пугачевъ всѣхъ, которые ему сдаются, а равно и тѣхъ, кои обманомъ его къ нему изъ команды бѣгутъ, отдаетъ, по любви своей къ яицкимъ казакамъ, въ холопи для поселенія по Яику, а оттуда казаки за малую вину продаютъ киргизцамъ.

— Гдѣ вамъ лучше служить: казакамъ, или государынѣ и быть добрыми людьми? Васъ же по сіе время за вѣрность и храбрость вездѣ хвалятъ, и государыня пожаловала вамъ по рублю сверхъ жалованья, которое вы зачали получать наравнѣ уже съ полевыми солдатами. А что вы ходите еще въ зипунахъ и носите въ сумкахъ сухари, потерпите только до зимы: пришлются и сукна на мундиры, и сумы патронныя и для ношенія провіанта; тожъ сапоги, чулки и рубахи. По первому жъ зимнему пути отпущу я васъ къ отцамъ и къ роднѣ погулять...

«Переночевавши тутъ, я на разсвѣтѣ выступилъ впередъ четырьмя колоннами, а отошедъ версты съ четыре, получилъ извѣстіе отъ посланныхъ впередъ разъѣздовъ, идущихъ предъ деташаментомъ въ двухъ верстахъ, что они видѣли въ полуверстѣ предъ собой стоящіе въ одну линію, въ пяти мѣстахъ, бунтовщичьи бекеты, человѣкъ по сту, а самой толпы сквозь ихъ не разглядѣли; почему и приказалъ я шагу прибавить. Подходя же къ тому мѣсту, бекеты тѣ вдругъ разсыпались и, отскакивая за мои фланги, какъ бы рекогнисировали о количествѣ и шествіи моихъ силъ; я жъ не останавливаясь шелъ все впередъ и, прошедъ нѣсколько разстоянія за мѣста тѣхъ бекетовъ, увидѣлъ толпу, стоящую линіею къ принятію меня уже въ готовности.

«Мѣстоположеніе было обширное и ровное, засѣянное хлѣбомъ; почему я, остановясь, построилъ фронтъ, и чтобъ дать оному больше дистанціи, то пѣхоту въ двѣ шеренги, а конницу раздѣлилъ по флангамъ,—но и тутъ едва-ль четвертую долю занялъ дистанціи противъ линіи ополченія сволочи, которой было слишкомъ четыре тысячи. Но дѣло

пришло неминуемое. Приказавъ, чтобъ наблюдали прямизну и порядокъ, не разрываясь, ударивъ въ барабанъ походъ, пошелъ прямо противъ средины и, дошедъ въ такую дистанцію, что пушки могли доставать, велѣлъ идучи стрѣлять, чтобъ тѣмъ толпу привесть нѣсколько въ конфузію, что и въ самомъ дѣлѣ примѣчена была въ ней съ мѣста на мѣсто перебѣжка и замѣшательство. Но средина не столько колебалась до тѣхъ поръ, какъ, приближась на ружейный выстрѣлъ, приказалъ я изъ пѣхоты передней шеренгѣ сдѣлать залпъ, отъ котораго, при безпрерывной пальбѣ изъ пушекъ, видъ повалившихся нѣсколькихъ всадниковъ и бѣгающихъ лошадей привелъ всю толпу въ разстройку; а какъ сдѣланъ еще таковой же залпъ второй шеренгою, то сволочь, не ожидая третичнаго, стремглавъ обратилась въ бѣгство. Я же, подаваясь впередъ, прошедъ уже и становище ихъ, думалъ, что тѣмъ все дѣло и кончится и толпа вдаль побѣжитъ; но вышло мнѣнію моему противное.

«Пугачевъ сдѣлалъ умышленно ретираду, дабы тѣмъ подать конницѣ моей къ смѣлости поводъ отдѣленіемъ ея отъ пѣхоты для преслѣдованія его, которая легко бъ могла быть разбита; но, видя, что оная нимало отъ пѣхоты не отдѣляется, Пугачевъ, отбѣжавъ съ версту, остановился; потомъ чрезъ четверть часа, раздѣлясь на двѣ части, поскакалъ мимо обоихъ моихъ фланговъ, а проскакавъ за оные съ полверсты, сомкнулся и сдѣлалъ фронтъ, подобный первому, чтобъ напасть на деташаментъ съ тылу.

«Противъ такого неожидаемаго мною отъ толпы плана, нужно мнѣ было показать ей лицо деташамента сдѣланіемъ фронта направо кругомъ; а учиня сіе, пошелъ я толпѣ навстрѣчу и, сблизясь на ружейный выстрѣлъ, сдѣлалъ два залпа; потомъ начатъ батальной огонь.

«Толпа, съ превеликимъ крикомъ наскакивая, то отбѣгая, наконецъ покусилась съ фланговъ напасть на конницу. Находясь въ опасности, если толпа сдѣлаетъ сильный ударъ во фланги конницы, которая никакъ не можетъ устоять», Папавъ отправилъ по 40 человѣкъ пѣхоты на фланги кавалеріи и ружейнымъ огнемъ ихъ отбилъ нападеніе пугачевцевъ. Они обскакали отрядъ Папава и появились въ тылу. Будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ, Папавъ построилъ каре.

«Толпа сближалась со всѣхъ сторонъ, стрѣляла изъ ружей и стрѣлъ. Пугачевъ же поощрялъ сволочь ворваться въ который-нибудь фасъ, но всегда отбиваемы были. Уральскіе и красноуфимскіе казаки съ башкирцами, многіе въ кольчугахъ, всѣхъ ближе подскакивали къ фронту и кричали моей командѣ:

— Выдайте намъ только подполковника съ офицерами, а васъ всѣхъ батюшка прощаетъ и пожалуетъ деньгами и отъ податей сдѣлаетъ свободными.

«Одна злая минута только на то потребна была схватить и выдать меня. Будучи между страхомъ и надеждою на Бога, избралъ я последнее тогда средство: въ случаѣ отъ подчиненныхъ мнѣ насилія, лишить себя жизни изъ пистолета... А межъ тѣмъ, поручая себя Богу, приказывалъ стрѣлять, не робѣя и не слушая измѣнниковъ обмана, и бить больше въ барабаны, чтобъ тѣмъ заглушить голоса казаковъ, доходимые до ушей рекрутовъ и прочихъ.

«Будучи въ таковой блокадѣ около трехъ часовъ и не видя ослабы и конца, и чтобы не пришли подчиненные въ усталость и робость, разсудилъ пробиваться по дорогѣ къ Кунгуру; почему и приказалъ сдѣлать отбой, и потомъ, ударивъ въ фасѣ (каре), къ сторонѣ Кунгура стоящемъ, походъ, пошелъ прямо на бунтовщиковъ, которые, раздавшись, дали дорогу. Но толпа, наскакивая на прочіе три фаса, покушалась всячески ворваться. Симъ порядкомъ идучи версты съ четыре и приблизившись по счастію къ рѣчкѣ, на которой была мельница съ довольно широкимъ прудомъ, разсудилъ тутъ, по тогдашнему жаркому дню, дать людямъ нѣсколько времени для отдохновенія.

«Пугачевъ, не имѣя удачи, потерявъ у себя отъ стрѣльбы картечной и изъ ружей по крайней мѣрѣ до двухсотъ человѣкъ, какъ видно было по лошадямъ, выбѣгающимъ изъ толпы въ поле безъ всадниковъ, кромѣ раненыхъ людей, коихъ должно быть еще и больше и которыхъ, равно и убитыхъ, увозили арканами,—не тревожа болѣе, потянулся впередъ къ сторонѣ Кунгура; и отошедъ отъ деташамента версты съ три, сталъ линіею поперекъ дороги, лежащей къ Кунгуру, загородя мнѣ путь и, можетъ быть, думая, что я останусь ночевать, велѣлъ онъ не только всѣмъ слѣзть съ лошадей, изъ коихъ много пущено на траву, но даже и каши стали варить и бить животину, нахватанную въ стадахъ.

«Таковое самозванца на себя надѣяніе по приверженности къ нему глупой черни, позволившаго ей всякія насильства и грабительства, дѣлало его о моемъ деташаментѣ пренебрегающимъ. Да и самъ я зналъ, что мнѣ не только не было способа ниоткуда себя усилить, но, находясь внутри полнаго возмущенія, и на существующихъ у меня въ деташаментѣ,—изъ коихъ у многихъ отцы и родственники въ жительствахъ ихъ заражены съ прочими бунтомъ, а изъ крестьянъ взятые мною въ Казани почасту дезертируютъ и переметываются въ толпы,—не совсѣмъ полагался. Воображая всѣ сіи обстоятельства, представляющіяся мнѣ въ ужасномъ видѣ, что по причинѣ дисциплины легко можетъ вкрасться заговоръ къ бунту и злой на меня умыселъ, принужденъ былъ многія до того не спать ночи для развѣдыванія. Притомъ озабочивалъ меня городъ Кунгуръ, ввѣренный моему храненію, въ коемъ до двухсотъ тысячъ рублей государственной лежало суммы, и что

воевода и весь городъ не можетъ быть несвѣдомъ уже, что я имѣлъ съ Пугачевымъ дѣло; и, будучи отрѣзанъ имъ отъ города и не получая отъ меня воевода извѣстія, въ какомъ я нахожусь положеніи, можетъ быть почтетъ и совсѣмъ деташаментъ мой погибшимъ, и какъ бы близъ лежащія къ городу селенія, а въ городѣ низкаго состоянія обыватели не взбунтовались и не истребили чиновниковъ для расхищенія государственной казны и достаточныхъ гражданъ имѣнія. Рѣшился, по отдохновеніи, того жъ дня еще въ толпу ударить, а чтобъ поспѣшнѣе и врасплохъ на нее наступить и тѣмъ привести больше ее въ конфузію, приказалъ подъ пушки и ящики заложить лошадей. А какъ все оное распоряжено было, то сдѣлалъ всѣмъ вкороткѣ увѣщаніе со обнадеживаніемъ о побѣдѣ.

— Побѣжимте, ребята, поскорѣе, увидите, какъ намъ Богъ поможетъ бунтовщиковъ разбить и отнять у нихъ котлы и весь харчъ.

«Затѣмъ пустился деташаментъ не шагами уже, а бѣгомъ съ наблюденіемъ при томъ порядка во фронтѣ, и меньше четверти часа прибѣжалъ на становище толпы лѣваго фланга, который, бросивъ котлы съ кашею, метался въ безпорядкѣ на лошадей, а иные, не поймавъ ихъ, къ правому флангу толпы пѣшкомъ бѣжали. Почему, заступя ихъ пѣхотою мѣсто и зашедъ поворотомъ во флангъ толпы, приказалъ изъ подъ пушекъ лошадей отложить и разъ по десяти вдоль фронта толпы выстрѣлить, что и отвѣчало моему чаянію, а справедливѣе сказать, Богъ мнѣ былъ поборникомъ... Толпа, по нечаянію скораго на нее нападенія, въ такое пришла замѣшательство, что, смѣшавшись въ кучу, покидала свои съ котлами каши, множество повозокъ съ хлѣбомъ и лошадей.

«Но чтобъ не дать ей исправиться, то приказано по-прежнему заложить подъ пушки лошадей и также бѣгомъ наступать на толпу, которая, пришедъ пуще въ недоумѣніе и разстройку и не нажидая еще на себя удара, стремглавъ съ своимъ Мазепою побѣжала и, будучи такою скоростію преслѣдуема безъ остановки верстъ съ шесть, скрылась напослѣдокъ изъ виду деташамента, который тутъ за позднимъ временемъ остановился ночевать.

«Возблагодаривъ о семъ Бога, послалъ я въ то жъ время десять человѣкъ мѣщанъ на перемѣнныхъ по жительствамъ лошадяхъ къ воеводѣ съ извѣстіемъ, что Пугачевъ разбитъ, и чтобъ какъ въ городѣ, такъ и въ окольныхъ жительствахъ немедленно публиковано было.

«А по слѣдамъ толпы посланныя изъ деташамента партіи, возвратясь по утру, объявили, что Пугачевъ, съ двадцать верстъ отбѣжавъ, разсыпался по жительствамъ. Однакожъ я, толкуя его скрытіе въ противную сторону, что онъ, удалясь изъ виду, хочетъ привести меня въ безпечность, дабы тѣмъ удобнѣе врасплохъ на меня напасть, въ раз-

сужденіи его толпы, изъ конницы состоящей, которая чрезъ одну ночь верстъ пятьдесятъ и болѣе перескакать можетъ,—за нужное счелъ употребить бдительность. Сколько во ожиданіи на себя, больше жъ на провинціальный городъ, отстоящій отъ моего стана еще въ шестидесяти верстахъ, какъ-бы самозванецъ, вѣдая предъ нимъ моихъ силъ не столь легкое движеніе, не предпринялъ, выпередя меня, броситься на Кунгуръ, принужденъ, не теряя нимало времени, форсированнымъ маршемъ слѣдовать къ городу, пославъ еще конныхъ о томъ для свѣдѣнія къ воеводѣ; и на другой день прибывъ какъ для обезпеченія онаго, такъ и ради снабденія деташамента сухарями и порохомъ, и потомъ паки идти къ поиску Пугачева, который и самъ не спалъ и помчался, разстояніемъ отъ Кунгура въ восьмидесяти верстахъ, къ сторонѣ Камы съ намѣреніемъ, какъ послѣ на самомъ дѣлѣ оказалось, переправиться черезъ ту рѣку.

«И хотя я не воображалъ себѣ, чтобъ могъ онъ наклониться къ пригородку Осѣ, въ коемъ стоялъ маіоръ Скрипицынъ съ сильнѣйшею противъ моей командою и семнадцатью пушками, однакожъ послалъ къ нему сообщеніе съ нарочными о семъ, чтобъ онъ имѣлъ взглядъ на дороги, идущія къ Осѣ между Кунгура и Красноуфимска, и взялъ бы должную предосторожность, и что и я въ помощь къ нему поспѣшать не премину. Буде жъ онъ, Скрипицынъ, противустать силамъ самозванца увидитъ себя не въ состояніи, а меня задержатъ прибытіемъ къ нему непредвидимыя обстоятельства опасностію Кунгура, то совѣтовалъ ему ретироваться къ соединенію со мною, и что я, по первому отъ него о семъ извѣстію, оставя третью часть изъ деташамента въ случаѣ надобности въ Кунгурѣ, съ достальными поспѣшу къ нему навстрѣчу, и по соединеніи можемъ ударить общими на самозванца силами, а тѣмъ самымъ, отрѣзавъ его отъ Камы, преградимъ совсѣмъ путь его за нее перебраться и вгонимъ его по-прежнему въ Башкирь, гдѣ могутъ встрѣтить его деташаменты, по слѣдамъ его идущіе.

«Но сей офицеръ, или по надеждѣ на себя, или не хотѣлъ моему послѣдовать совѣту и быть на нѣсколько времени въ моемъ распоряженіи, не будучи мнѣ подчиненъ, ничего не исполнилъ.

«Я жъ, взявъ сухарей и снабдясь картузами и патронами, выступилъ изъ Кунгура къ сторонѣ Осы; а не имѣвъ еще подлиннаго извѣстія о наклоненіи Пугачева, отошедъ, остановился въ тридцати верстахъ, дабы всегда взглядъ имѣть на Кунгуръ, чтобъ отдаленіемъ моимъ отъ него не подпалъ оной опасности. Наконецъ, получилъ я извѣстіе, что Пугачевъ станъ свой имѣетъ въ восьмидесяти верстахъ отъ Осы, которая отъ Кунгура во ста двадцати, а отъ моего мѣста въ девяносто верстахъ; слѣдовательно, маіору Скрипицыну о состояніи самозванца не можно быть уже несвѣдому. И хотя

промежутокъ въ разстояніи межъ Кунгура и Осы былъ немалый, однако жъ, держась моего къ Скрипицину посланнаго сообщенія, тронулся я съ мѣста къ нему для подانія помощи, выискивая ближнія дороги, по коимъ, прошедъ верстъ съ десять, не могъ далѣе, за узкостію и за заваленіемъ обывателями поперекъ дороги большими деревьями, идти, а принужденъ былъ искать другой дороги по полямъ.

«И, сдѣлавъ на пути два ночлега, на третій день, не доходя до Осы верстъ за двадцать за пять, прибѣжало ко мнѣ четыре человѣка съ ружьями солдатъ, объявляя, что Пугачевъ къ Осѣ приступилъ, а они, стоя на отводномъ бекетѣ въ лѣсу, толпою будучи невидимы и не могши, яко-бы, пройдти въ команду, пошли вчерашній день по окольной дорогѣ къ Кунгуру.

«Я, прошедъ еще нѣсколько впередъ, у рѣчки остановился для поправленія худаго моста и отдохновенія людямъ, чтобъ потомъ поспѣшнѣе слѣдовать, командировавъ напередъ офицера, въ тридцати человѣкахъ изъ мѣщанъ конныхъ, съ приказаніемъ, чтобъ онъ ѣхалъ поспѣшнѣе къ Осѣ и высмотрѣлъ: точно-ль пришелъ Пугачевъ и что у него съ Скрипицинымъ происходитъ.

«Офицеръ тотъ, часа чрезъ три возвращающійся, увиденъ былъ мною саженяхъ въ двухстахъ наскоро ѣдущій. Заключа изъ сего, что надобно тутъ быть чему необычайному, поскакалъ я одинъ къ нему навстрѣчу,—который объявилъ мнѣ, что онъ привезъ вѣсть не радостную: яко-бы маіоръ Скрипицинъ поддался Пугачеву со всею своею командою, о чемъ привезенные имъ, офицеромъ, три человѣка осинскіе обыватели обстоятельнѣе пересказать могутъ,—кои на спрашиваніе мое то самое подтвердили. Не довѣряя сему, сверхъ чаянія моего, слуху, спрашивалъ ихъ порознь съ угрозами, ежели они подосланы отъ Пугачева тѣмъ меня устрашить, то я ихъ, какъ измѣнниковъ, тутъ же повѣшу. Но они въ томъ же стояли съ приполненіемъ, что Скрипицинъ со всею командою учинилъ присягу и ходилъ съ офицерами при шпагахъ на свободѣ, равно и всѣ солдаты и заводскіе въ командѣ его служители безъ всякаго караула, смѣшавшись съ толпою; а они трое, сговорясь, прошли между строенія въ кусты и, ими пробравшись, увидѣли въ полѣ ходящихъ лошадей, коихъ изловя, на нихъ уѣхали, съ намѣреніемъ искать меня, какъ-де слышно было Скрипицину и въ толпѣ, что я иду къ Осѣ. Находясь между правдою и ложью, разсудилъ я ту посыланную команду обще съ тѣми выбѣгшими обывателями, исключая офицера, не соединять съ деташаментомъ до времени, дабы такими вѣстями не заразились и мои подчиненные.

«О поступкѣ жъ таковомъ Скрипицина казалось мнѣ все еще невѣроятно и съ здравымъ разсудкомъ несходно, потому что какъ могъ онъ сдѣлаться столь легковѣрнымъ, что волею поддалъ себя самозванцу;

посему должно думать, что и офицеровъ и всю команду къ тому онъ же, Скрипицынъ, своими увѣщаніями склонилъ и, признавъ послѣдователя Отрепьева за истиннаго, въ томъ присягою подтвердилъ къ вѣчному поношенію своего имени... Таковое сверхъ всякаго чаянія его Скрипицына, предательство остановило меня на мѣстѣ въ разсужденіи, что мнѣ отъ Пугачева, получившаго новыя силы съ толикимъ числомъ пушекъ, неминуемо должно быть атаковану, или, миновавъ меня, бросится онъ другою дорогою на Кунгуръ.

«Но межъ тѣмъ, чтобы узнать еще вѣрнѣе о вѣстяхъ тѣхъ и сколько можно о предпріятіяхъ самозванца, посланы того жъ часа двѣ партіи: одна при офицерѣ къ Осѣ, чтобъ онъ, подъѣхавъ въ темнотѣ, если можетъ миновать опасности, къ форштадту, схватилъ изъ первой избы обывателя и съ нимъ возвратился; другой же партіи приказано ѣхать отъ деташамента прямо въ лѣвую сторону поперекъ всѣхъ дорогъ, идущихъ къ Осѣ, держась къ рѣкѣ Тулевѣ, обселяющей ее башкирцами обще съ татарами, развѣдать, нѣтъ-ли межъ ними какого скопища.

«И какъ я чаялъ, что и Скрипицынъ съ офицерами своими при толпѣ будетъ и при присутствіи самозванца не оставитъ показать своего перваго опыта въ храбрости и усердіи, то въ большое приводило безпокойство увидѣніе его, съ солдатами, моими рекрутами и прочими: какъ бы не вышли они изъ моего повиновенія и не предались бы самозванцу.....

«По миновавіи съ часъ времени, толпа появилась и, остановясь на пушечномъ выстрѣлѣ, выслала трехъ человѣкъ башкирцевъ и одного русскаго въ кольчугахъ, съ растянутыми на копьяхъ бѣлыми платками.

«Подъѣхавъ, русскій кричалъ, чтобъ по нихъ не стрѣлять, что они послы, мирные люди, посланные отъ батюшки къ подполковнику, чтобъ онъ съ офицерами и со всею силою приклонился; за то ему батюшка пожалуетъ Кунгуръ съ казною, офицерамъ деревни, а рекрутъ распуститъ по домамъ; казаковъ же освободитъ ото всѣхъ податей вѣчно, и солдатчины съ крестьянъ никогда не будетъ; а маіору Скрипицыну пожаловалъ батюшка Осу и рыбныя на Камѣ ловли, офицерамъ всякому по мѣдному заводу.

«Выслушавъ сію нелѣпость съ терпѣніемъ, чтобъ послѣ и съ моей стороны имъ о злодѣѣ внушить,—приказалъ, вышедши, одному сержанту, кричать:

— Батюшка, вами называемый, васъ обманываетъ: онъ бунтовщикъ, бѣглый донской казакъ Емелька Пугачевъ. И подполковникъ вамъ приказываетъ, чтобъ вы къ государынѣ пришли съ повинною, а его, плута, Емельку Пугачева, связали и привели къ подполковнику. За то васъ государыня всѣхъ проститъ и пожалуетъ. А ежели вы не послушаетесь, его не приведете и будете заодно съ нимъ, воромъ,

еще бунтовать, то васъ велитъ государыня десятаго вѣшать, а прочихъ кнутьями сѣчь и ссылать на каторгу. Поѣзжайте же и скажите о томъ вашей братіи, сколько васъ всѣхъ у Емельки Пугачева.

«По окончаніи сего они тихимъ образомъ къ толпѣ поѣхали и, какъ бы разсуждая, стояли на мѣстѣ съ четверть часа; потомъ впередъ всѣ тронулись и, приближась на картечный выстрѣлъ, вытянулись вдоль рѣки съ намѣреніемъ сыскать удобное мѣсто къ переправѣ. Числомъ же сей сволочи примѣрно было сотъ до восьми, по большей части изъ иновѣрцевъ, позади коихъ подалѣ разъѣзжало на лошадяхъ человѣкъ двадцать въ полномъ солдатскомъ мундирѣ,—по коимъ я заключалъ что они посланы отъ Пугачева умышленно для доказательства моему деташаменту, что они команды Скрипицына; однакожъ близко не подъѣзжали.

«Сволочь во многіе голоса кричала, чтобъ подполковникъ со всею силой поддался заодно съ маіоромъ Скрипицынымъ, а ежели не хочетъ поддаться, то батюшка велѣлъ его, подполковника, съ офицерами связать и выдать намъ головою; а не выдадите, то батюшка самъ завтра придетъ на васъ съ арміей и съ пушками и побьетъ всѣхъ васъ на голову.

«Выговоривъ сіе, зачали стрѣлять нѣкоторые изъ винтовокъ, а большая часть изъ луковъ; почему приказалъ я сперва изъ двухъ пушекъ картечами и передней шеренгѣ рекрутамъ выстрѣлить, потомъ изъ другихъ двухъ и второй шеренгѣ, отчего столь затуманились и стремглавъ обратились въ бѣгъ, что и сотоварищей своихъ, оставшихся на мѣстѣ, побоялись забрать. Вслѣдъ ихъ заряженныя ту жъ минуту пушки ядрами одна за другой выстрѣлили, отчего вся та сволочь провалилась изъ виду и больше уже не показывалась. . . .

«Къ вечеру жъ прибѣжали изъ осинскихъ обывателей два человѣка со объявленіемъ, что Пугачевъ перебрался чрезъ Каму въ полдень съ маіоромъ Скрипицынымъ и его командою, а къ вечеру-де и достальные изъ толпы всѣ переѣдутъ.

«Сіе объявленіе казалось мнѣ на правду никакъ непохожимъ въ разсужденіи разъѣздовъ, отъ толпы видѣнныхъ офицеромъ и старшиною; почему тѣ выбѣгшіе и закованы въ желѣзо съ устращиваніемъ: ежели они пришли для высмотрѣнія моихъ силъ, то живые отъ меня не выйдутъ; однакожъ въ томъ безъ робости утвердились,—почему и приказалъ я изготовить капитану Буткевичу съ пушкою сто человѣкъ рекрутъ и двѣсти конныхъ и на самой утренней зарѣ, посадя рекрутъ на лошадей, велѣлъ ему идти прямо къ Осѣ, имѣя осторожность, наиболѣе съ лѣвой стороны; и если никакой опасности не будетъ, доѣхать до самой Осы и заглянуть въ нее.

«Капитанъ рапортовалъ, что онъ доходилъ до самой Осы, въ которой

ни одного человѣка изъ пугачевской толпы не осталось, а перебрались всѣ за Каму вмѣстѣ съ маіоромъ Скрипицынымъ, поддавшимся со всею своею командою и пушками. И какъ онъ, Буткевичъ, поворотя отъ Осы, взялъ путь другою дорогою въ правую руку и отошелъ верстъ съ семь, то вдругъ повстрѣчалась ему толпа, по большей части изъ иновѣрцевъ, человѣкъ около четырехсотъ. Видя, что пѣшихъ при немъ нѣтъ, сблизясь на ружейный выстрѣлъ, толпа начала стрѣлять изъ ружей и луковъ; и покуда рекруты спѣшивались, толпа стала охватывать фланги. Но какъ рекруты, по принятіи отъ нихъ лошадей, построясь, сдѣлали по толпѣ той два залпа съ пушками, то толпа, въ ту жъ минуту отскочивши, пустилась въ бѣгство. Онъ же, опасаясь вдаль преслѣдовать, чтобъ не быть заманену въ засаду, повернулъ вкрутѣ влѣво и вышелъ благополучно на прежнюю дорогу, посадя пѣхоту попрежнему на лошадей. Изъ толпы жъ той человѣкъ со сто, возвратясь, ѣхали за нимъ въ виду верстъ съ десять и послѣ отстали.

«Какъ по переходѣ Камы Пугачевымъ стремленіе его неотмѣнно должно быть обращено на заводы къ истребленію ихъ и склоненію заводскихъ служителей въ свою шайку, которую никто не преслѣдуетъ, я жъ переправиться за Каму самъ собою никакъ не смѣлъ, во-первыхъ, что опредѣленъ былъ единственно къ храненію только Пермской провинціи и ея города Кунгура, во-вторыхъ, что повсюднаго повиновенія въ провинціи сей еще не возстановлено. Слѣдовательно, переправою моею чрезъ Каму обнажу провинцію, и Кунгуръ можетъ подпасть гибели; тогда ничѣмъ я не могу быть извиненъ, что по одному своему предразсудку, перемѣня главной команды планъ, вышелъ собою изъ черты, мнѣ предписанной. А чтобъ по крайней мѣрѣ о стремленьи самозванца скорѣе повсюду было извѣстно къ принятію нужныхъ мѣръ, послалъ я того жъ дня къ воеводѣ съ нарочнымъ письменное извѣстіе, чтобъ онъ не мѣшкавши съ нарочными отнесся въ Казань къ генералъ-губернатору Бранту, тожъ и въ Екатеринбургъ къ полковнику Бибикову, у котораго находятся съ деташаментами подполковникъ Жолобовъ и маіоръ Гагринъ,— то не разсудитъ-ли Бибиковъ ихъ обоихъ отрядить за Каму чрезъ Оханное экономическое село къ преслѣдованію самозванца. А буде воевода свѣдомъ, что оные Жолобовъ и Гагринъ находятся отъ Екатеринбурга ближе къ Кунгуру, то бъ особенно и къ нимъ прямо о такомъ важномъ и не терпящемъ время дѣлѣ чрезъ нарочныхъ же сообщилъ.

«Самъ же я на другой день по утру пошелъ къ Осѣ, дабы сдѣлать преграду отъ стороны Уфы башкирцамъ и татарамъ, скопившимся съ намѣреніемъ перебраться за Каму. И, прошедъ подлѣ Осы, склонился внизъ по теченію Камы, чтобъ чрезъ то больше захватить мѣстъ, наполнившихся скопищами башкирцевъ и татаръ.

«Сдѣлавъ поворотъ влѣво къ сторонѣ Кунгура, дабы очистить дорогу

отъ бунтовщиковъ, которые, свѣдавъ, что имъ путь при Осѣ къ Камѣ препятъ, атаковали меня въ пятнадцати отъ Осы верстахъ, примѣрно человѣкахъ въ тысячѣ, по большей части изъ иновѣрцевъ; но, по узкости мѣстоположенія, не могли сдѣлать круговой атаки. А тѣмъ самымъ и подало мнѣ лучшій способъ наступить на нихъ всѣмъ фронтомъ и разбить къ сторонѣ Башкиріи. Преслѣдуя верстъ съ десять конницею съ посаженіемъ на лошадей полутораста человѣкъ пѣхоты и съ одною пушкою, при капитанѣ Буткевичѣ отряженною, гдѣ, наконецъ, разсыпались въ разныя стороны изъ виду вонъ; а дабы и совсѣмъ разрушить ихъ къ переходу за Каму предпріятіе, переночевавъ съ деташаментомъ въ полѣ, на другой день дошелъ до первыхъ пустыхъ иновѣрческихъ селеній, по рѣкѣ Тульвѣ лежащихъ,—изъ коихъ въ одномъ, которое было побольше, расположился, отряжая партіи далѣе при офицерахъ, съ которыми хотя по нѣскольку башкирцевъ, выбѣгая изъ лѣсовъ, и встрѣчалось, производя перестрѣлки, но большихъ сшибокъ не было, а напослѣдокъ и ничего не стало слышно.

«Пробывъ же здѣсь недѣли съ три, поворотилъ съ деташаментомъ къ Кунгуру; увѣщевая по дорогѣ собою и посыланными партіями по жительствамъ обывателей ласкою и угрозами къ должному начальству повиновенію, дошелъ до Кунгура, гдѣ нужно было на непредвидимый случай всѣмъ потребнымъ до деташамента запастись; особливо рекруты обносились безъ мундира и обуви, будучи въ сѣрыхъ зипунахъ, въ котахъ и лаптяхъ, находясь безъ палатокъ всегда на открытомъ воздухѣ.

«А чтобъ по стоянію въ Кунгурѣ не выпустить изъ виду сторону, отъ Уфы съ Камою соединяющуюся, дабы и еще и иновѣрцы, частію съ русскими, не вздумали, скопившись, перебраться чрезъ Каму вслѣдъ самозванца,— посылалъ туда частые разъѣзды, которые одинъ по другомъ подтверждали вновь появляющіяся скопища; почему пробывъ въ Кунгурѣ только съ небольшимъ недѣлю, за необходимое счелъ по-прежнему идти къ Осѣ. И, не доходя до нея, расположился съ деташаментомъ въ селѣ Крыловѣ, отряжая при офицерахъ партіи къ поселеніямъ иновѣрцевъ,—которые дотого остервенились, что, оставя домы и хлѣбъ въ полѣ, скрылись съ семьями ихъ въ лѣсахъ; выбѣгая изъ оныхъ человѣкъ по пятьдесятъ, имѣли съ партіями частыя сшибки. Почему и принужденъ я былъ пробыть въ тѣхъ мѣстахъ всю осень и уже возвратился въ Кунгуръ зимнимъ путемъ, когда настала повсюду тишина».

Энергическія дѣйствія Папава не были оцѣнены въ должной степени.

«Командующіе во время того замѣшательства деташаментами,—пишетъ онъ,—имѣя у себя регулярныхъ людей, полковникъ Юрья Бибиковъ, подполковникъ Михельсонъ и въ командѣ его Дуве и субалтернъ-офицеръ

пожалованы деревнями, а подполковнику Милковичу, и деташамента у себя не имѣвшему, а только-что подъ прикрытіемъ доставилъ онъ въ Оренбургъ провіантъ, пожалованы деревни и дипломъ. Я жъ, переходя съ своимъ деташаментомъ отъ одного генерала къ другому, въ докладъ съ тѣми получившими деревни, по несчастію моему, не внесенъ, а чрезъ то таковой высочайшей милости получить не удостоился, и хотя покойный генералъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, письмомъ своимъ похваляя усердіе мое къ службѣ и защищеніе отъ злодѣевъ города Кунгура съ двухсоттысячною въ немъ казною, увѣрялъ меня, что я, конечно, въ сравненіи съ тѣми получившими деревни, безъ награды оставленъ не буду, какъ скоро онъ, генералъ, предстанетъ предъ лицо монаршее и всеподданнѣйше донесетъ особенно о моихъ подвигахъ, но, видно, какія-нибудь обстоятельства представить обо мнѣ, къ несчастію моему, ему, генералу Панину, воспрепятствовали, и я чрезъ то не могъ получить чаемой мною высочайшей милости».

Папавъ не могъ примириться съ невниманіемъ къ нему властей. Въ 1777 году онъ обратился съ прошеніемъ къ императрицѣ Екатеринѣ II, при чемъ, описывая свои заслуги, заявлялъ, что ему пришлось перенести гораздо болѣе трудовъ, чѣмъ начальникамъ регулярныхъ войскъ: «у него, Папава, были рекруты, при коихъ солдатъ только до 40 человѣкъ, конницу составляли обыватели»... Кромѣ того онъ «оставленный свой въ Казани экипажъ, въ коемъ все его имѣніе состояло, во время нашествія на Казань утратилъ». Папавъ просилъ императрицу, «чтобъ его, въ сравненіе съ помянутыми получившими высочайшую милость, пожаловать полковникомъ».

Сенатъ, представляя ходатайство Папава на усмотрѣніе императрицы, съ своей стороны сообщалъ, что «подполковникъ Папавъ, какъ между прочимъ и казанскій губернаторъ генералъ-поручикъ свидѣтельствуетъ, не только достохвальными и ревностными своими поступками защитилъ отъ злодѣйскаго разоренія городъ Кунгуръ, гдѣ тогда до 200 тысячъ казенныхъ денегъ было, но и послѣ по разнымъ мѣстамъ Пермской провинціи слѣдуя съ своимъ деташаментомъ, составленнымъ большею частію изъ городскихъ и сельскихъ обывателей, также изъ рекрутъ, неоднократно преодолѣвалъ злодѣевъ на бывшихъ съ ними сраженіяхъ, и тѣмъ не только г. Кунгуръ спасенъ, но и принадлежащій къ нему уѣздъ очищенъ былъ».

По мнѣнію Сената «во уваженіе сихъ заслугъ» надлежало Папава «изъ высочайшей милости наградить чиномъ коллежскаго совѣтника, такъ какъ онъ нынѣ помѣщенъ уже въ статской службѣ».

Вслѣдствіе этого представленія Сената, Папавъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники; по открытіи Казанскаго намѣстничества помѣщенъ въ палату уголовнаго суда предсѣдателемъ; въ 1784 г. полу-

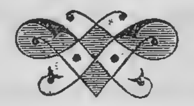
чилъ чинъ статскаго совѣтника, и наконецъ, въ октябрѣ 1785 года по прошенію, за болѣзнью, «отставленъ отъ всѣхъ дѣлъ».

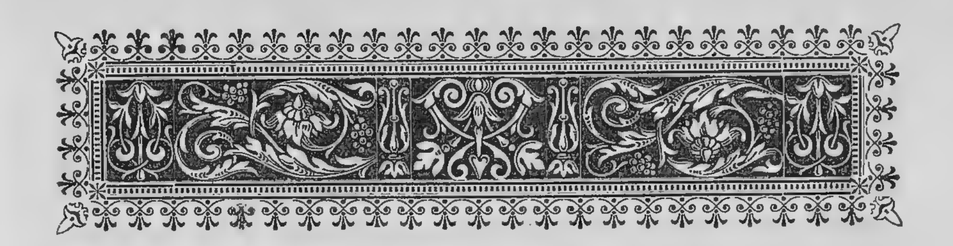
Въ 1797 г. Папавъ обращается съ просьбой къ императору Павлу Петровичу. Вспоминая свои заслуги предъ отечествомъ, онъ молитъ о царской милости ради своего затруднительнаго матеріальнаго положенія.

«Отъ роду мнѣ,—писалъ Папавъ,—62-й годъ; дѣтей имѣю: дочерей пять и одного сына, обученнаго моимъ коштомъ французскому и нѣмецкому языкамъ и кавалеріи, который теперь служитъ за меня въ артиллеріи подпоручикомъ на Кавказской линіи,—сошедшій уже съ рукъ моихъ и долженъ безъ помощи моей содержать себя получаемымъ жалованьемъ; но обременяютъ меня дочери. А нынѣ на невѣстъ женихи смотрятъ вмѣстѣ съ приданымъ, котораго по лѣтамъ моимъ уже поздно наживать да и не отъ чего, а при томъ и безъ ихъ матери, которой смерть, къ несчастью моему и ихъ преждевременно случившаяся, нанесла мнѣ въ лѣвую руку и ногу параличъ, хотя легкой, но чувствуемой всегда при малѣйшемъ холодѣ; слабое здоровье понудило меня сверхъ желанія моего оставить службу... Всемилостивѣйшій государь! Воздѣхъ къ тебѣ руцѣ мои..., вонми гласу моленія моего и не отврати лица твоего отъ меня; аще бо изъ твоихъ подданныхъ, подвигами подобныхъ Велисаріямъ, Евгеніямъ и Мальборухамъ, кого наградиши, ничто же веліе, и аще изъ первостатейныхъ министровъ, остроумныхъ и скорыхъ въ распоряженіяхъ о пользѣ твоей имперіи, осыпеши дарами и украсиши цѣпями и гривнами,— ничтоже дивно: достойни бо суть милости твоея. Но на мнѣ немощномъ удиви милость твою единственно по благости твоей и безприкладному милосердію и отпусти дерзновеніе мое, якоже и Отецъ Небесный отпущаетъ».

Императоромъ было пожаловано Папаву 100 душъ, о чемъ и данъ указъ Сенату 16-го марта 1797 г.

Сообщ. Д. **Успенскій.**

Польская конституція 3-го мая 1791 года
и
отношеніе къ ней Россіи.

V [1]).

Союзникъ Рѣчи Посполитой, король Фридрихъ-Вильгельмъ производилъ 25-го апрѣля (6-го мая) 1791 г. смотръ войску, которое онъ предполагалъ двинуть въ восточную Пруссію, когда прибывшій изъ Варшавы курьеръ привезъ ему письмо Станислава-Августа съ увѣдомленіемъ о переворотѣ 3-го мая. Совѣтъ министровъ, созванный въ тотъ же день, высказался единогласно противъ новой польской конституціи, противъ наслѣдственности престола и противъ утвержденія на немъ Саксонскаго дома; въ этомъ смыслѣ была составлена и вручена королю записка, подписанная всѣми членами совѣта, но Фридрихъ-Вильгельмъ не раздѣлялъ мнѣнія своихъ министровъ: Польша была ему нужна для войны съ Россіей, къ которой онъ дѣятельно готовился, а курфирстъ саксонскій былъ ему необходимъ въ отношеніи Австріи. Два дня спустя онъ сказалъ посланнику Рѣчи Посполитой князю Яблоновскому: «Я радуюсь благополучію Польши; ея успѣхи всегда будутъ мнѣ пріятны; она всегда будетъ имѣть во мнѣ искренняго союзника» и присовокупилъ: «Избраніе курфирста саксонскаго мнѣ чрезвычайно пріятно (infiniment agréable)».

Пріѣхавшій въ Берлинъ, нѣсколько дней спустя, Станиславъ Потоцкій нашелъ положеніе дѣлъ въ высшей степени благопріятнымъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1904 г.

для Рѣчи Посполитой: не только король, но и всѣ министры, не исключая министра иностранныхъ дѣлъ, старика Герцберга, хвалили конституцію и восторгались поляками. Никто не упоминалъ о Гданскѣ (Данцигѣ), присоединеніе котораго къ Пруссіи считали до тѣхъ поръ неизбѣжнымъ. Фридрихъ-Вильгельмъ высказалъ Потоцкому желаніе, чтобы курфирстъ саксонскій принялъ польскую корону, не ожидая одобренія Россіи, и обѣщалъ послать вмѣстѣ съ Потоцкимъ, который ѣхалъ въ Дрезденъ, своего адъютанта и любимца Бишофсвердера, съ порученіемъ склонить курфирста оправдать, какъ можно скорѣе, довѣріе польскаго народа. При этомъ король ставилъ единственнымъ условіемъ, чтобы курфирстъ не выдавалъ своей дочери за австрійскаго принца, обѣщая, со своей стороны, что онъ не будетъ просить ея руки для своихъ сыновей [1]).

Депеши, полученныя въ Варшавѣ изъ Берлина отъ Яблоновскаго, а также письма Станислава Потоцкаго и результатъ совѣщанія, происходившаго 5-го (16-го) мая, съ исполнявшимъ должность прусскаго посланника графомъ Гольцемъ, который высказалъ отъ имени своего монарха самый благопріятный отзывъ о конституціи 3-го мая—все предвѣщало ей хорошую будущность.

«Нами уже получено,—писалъ Станиславъ-Августъ 3-го (14-го) мая,—письмо отъ короля прусскаго, который не только одобряетъ переворотъ 3-го мая, но кромѣ того поздравляетъ меня и курфирста саксонскаго съ нашимъ избраніемъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Вѣнскій кабинетъ также поздравитъ насъ, а Москва одна не захочетъ ссориться съ нами изъ-за этого, ибо мнѣ извѣстно, что она очень желаетъ мира, который и будетъ вскорѣ заключенъ, такъ какъ Берлинъ и Англія склоняются къ этому» [2]).

Для того чтобы подбодрить колебавшихся и заткнуть ротъ недовольнымъ, въ засѣданіи сейма 6-го (17-го) мая была прочитана депеша князя Яблоновскаго о доброжелательномъ отношеніи Фридриха-Вильгельма и доложенъ результатъ совѣщанія съ Гольцемъ.

Австрійскій канцлеръ князь Кауницъ, получивъ извѣстіе о конституціи 3-го мая, высказался о ней въ донесеніи къ императору, находившемуся въ то время въ Италіи, въ самомъ благопріятномъ смыслѣ и поручилъ польскому посланнику въ Дрезденѣ графу Гартигу поздравить курфирста; австрійскому же посланнику въ Варшавѣ де Кашè писалъ 3-го (14-го) мая: «Хотя король польскій еще не сообщилъ намъ оффиціально о новой конституціи и хотя я не получалъ еще никакихъ приказаній, но я увѣренъ, и прошу васъ этого не скрывать, что императоръ съ удовольствіемъ узнаетъ о перемѣнѣ формы правленія

[1]) Калинка, Политика австр. двора, стр. 7.
[2]) Король—Кицкому.

Рѣчи Посполитой, какъ по причинѣ своей истинной пріязни и высокаго уваженія къ курфирсту саксонскому, такъ и по причинѣ его заботъ о поддержаніи и безопасности Польскаго государства»[1]).

Станиславъ-Августъ могъ похвастать. «Князь Кауницъ,—писалъ онъ 10-го (21-го) мая,—велѣлъ передать мнѣ частнымъ образомъ свое одобреніе по поводу нашего переворота, такъ какъ онъ не можетъ сдѣлать этого оффиціально, не получивъ отвѣта отъ своего монарха»[2]).

Узнавъ, наконецъ, взглядъ императора Леопольда на переворотъ 3-го мая, Кауницъ отправилъ, 12-го (23-го) мая, въ Петербургъ депешу въ которой отозвался о перемѣнѣ, происшедшей въ Польшѣ, въ самомъ благопріятномъ смыслѣ и доказывалъ, что, благодаря новому закону о наслѣдственности королевской власти, короли польскіе, опираясь на мѣщанъ и крестьянъ, будутъ въ состояніи ограничить власть магнатовъ и вмѣсто того, чтобы заботиться, какъ доселѣ, только о себѣ и о своей роднѣ, они будутъ болѣе заботиться объ общемъ благѣ. Въ дѣлахъ внѣшнихъ они также будутъ болѣе руководствоваться интересами государства, надъ которыми преобладали, до тѣхъ поръ, ихъ личные интересы; опасаться же съ ихъ стороны стремленія захватить неограниченную власть, по мнѣнію Кауница, не было никакого основанія, такъ какъ они встрѣтили бы отпоръ въ республиканскомъ духѣ народа.

Лѣтъ двадцать тому назадъ королевская власть не соотвѣтствовала бы интересамъ Россіи,—писалъ Кауницъ,—«нынѣ же, по покореніи императрицей татаръ и ослабленіи турокъ, и вообще по обезпеченіи русской границы со стороны Польши, она не можетъ не внушать опасеній». «При теперешнихъ обстоятельствахъ»,—продолжалъ австрійскій канцлеръ, развивая свою мысль,—«Россію столько же интересуетъ поддержаніе въ Польшѣ спокойствія, сколько въ былое время ей было важно ея ослабленіе и внутренніе въ ней раздоры. Впрочемъ, новая конституція предоставляетъ Петербургскому двору такую значительную долю вліянія, что его будетъ вполнѣ достаточно для устраненія какихъ-либо зловредныхъ намѣреній съ стороны Польши. Въ вознагражденіе за утрату нѣкоторой части своего вліянія, Россія пріобрѣтетъ довѣріе поляковъ, которые убѣдятся, наконецъ, въ томъ, что изо всѣхъ сосѣдей Рѣчи Посполитой только одна Пруссія заинтересована въ увеличеніи своихъ владѣній на ея счетъ, и что поэтому безопасность Польши зависитъ отъ ихъ пріязни съ императорскими дворами. Не скрывая трудности уладить польскія дѣла, Кауницъ высказывалъ однако предположеніе, что императорскіе дворы будутъ имѣть достаточно времени для

[1]) Калинка, Политика австр. двора, стр. 11.
[2]) Письмо къ Букатому.

изысканія средствъ и комбинацій, при помощи которыхъ эти дѣла могли бы быть окончены благопристойнымъ образомъ [1]).

Россія, имѣвшая относительно конституціи 3-го мая свои собственные планы, медлила отвѣтомъ на депешу Кауница и, вообще, хранила относительно польскихъ дѣлъ молчаніе, которое Станиславъ-Августъ истолковывалъ въ самомъ благопріятномъ для себя смыслѣ и даже, до полученія извѣстій объ отношеніи къ перевороту Австріи и Пруссіи, не предвидѣлъ никакой опасности со стороны Петербургскаго кабинета.

«Мы здѣсь еще не знаемъ,—писалъ онъ 30-го апрѣля (11-го мая) 1791 г.,—какъ отнесутся къ перевороту въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Петербургѣ; но по выраженію лица Булгакова и по тому, какъ онъ себя держитъ, можно думать, что Москва не объявитъ намъ войны за этотъ переворотъ, такъ же точно, какъ она не объявила ее девятнадцать лѣтъ тому назадъ королю шведскому» [2]). Еще болѣе утвердился онъ въ этой увѣренности, въ исходѣ мая, по полученіи извѣстій изъ Берлина и Вѣны, тѣмъ болѣе, что Петербургскій кабинетъ по-прежнему молчалъ.

«Изъ перваго извѣстія, полученнаго нами изъ Петербурга,—писалъ король 14-го (25-го) мая,—мы знаемъ только, что министры были удивлены, но молчали, не высказавъ никакого порицанія по поводу нашего переворота». Король хотѣлъ, тотчасъ послѣ 3-го мая, сдѣлать дружественный шагъ по отношенію императрицы Екатерины, но король прусскій не одобрилъ этого намѣренія [3]).

Между тѣмъ Станиславъ-Августъ старался расположить Екатерину въ свою пользу принятіемъ въ Стражу пользовавшихся ея расположеніемъ: Малаховскаго, Хрептовича, Браницкаго и избѣгая всего, что могло бы раздражить императрицу. Квартировавшему въ Минскѣ Юдицкому онъ поручилъ увѣдомить стоявшаго въ Бѣлоруссіи генерала Солтыкова «о всегдашнемъ уваженіи и расположеніи» короля и приказалъ ему соблюдать неослабно величайшую осторожность, чтобы со стороны поляковъ Москвѣ не было нанесено ни малѣйшаго оскорбленія [4]). Онъ простеръ свое вниманіе даже на людей подозрительныхъ, относительно которыхъ мѣстными властями принимались мѣры предосторожности.

«Одновременно съ этимъ письмомъ вы получите,—писалъ Станиславъ-Августъ, 4-го (15-го) іюля 1791 г. генералу, командовавшему войскомъ въ Подоліи,—отношеніе военной коммиссіи съ приложеніемъ приказа касательно одного русскаго офицера, по фамиліи Глазенапъ, ко-

---

[1]) Калинка, Полит. австр. двора, стр. 11.

[2]) Письмо къ Букатому.

[3]) Письмо къ Букатому (Калинка, Ostatnie lata pan. St. Augusta. 1868, II, стр. 191).

[4]) Приказъ короля генералу Юдицкому отъ 19-го (30-го) іюля 1791 г.

его пріѣздъ и пребываніе здѣсь, въ Польшѣ, можетъ подать поводъ къ подозрѣнію. Повелѣваю вамъ, по полученіи онаго, поступить такъ, чтобы означенному Глазенапу, по небрежному или легкомысленному отношенію къ дѣлу, не было учинено какой-либо несправедливости, которая могла бы послужить поводомъ къ неудовольствію и нарушить дружескія отношенія, существующія между нами и Россіей. Надлежитъ, дѣйствуя ловко и осторожно, раскрыть тайну, не нарушая правъ гостепріимства; названный же офицеръ, находясь подъ негласнымъ надзоромъ, тѣмъ скорѣе выдастъ себя, чѣмъ менѣе онъ будетъ ожидать, что за нимъ слѣдятъ».

Если молчаніе Петербургскаго кабинета и стараніе Станислава-Августа избѣжать всего, что могло бы раздражить Россію, поддерживало въ немъ надежду, что все обойдется съ этой стороны благополучно, то дружественныя увѣренія, полученныя имъ отъ Берлинскаго и Вѣнскаго дворовъ, и въ особенности переговоры, которые велись ими съ польскимъ правительствомъ въ іюлѣ и августѣ 1791 г., дали ему поводъ совершенно успокоиться на этотъ счетъ.

14-го (25-го) іюля княземъ Кауницемъ и Бишофсвердеромъ были подписаны въ Вѣнѣ предварительныя условія союзнаго договора, заключеннаго Австріей и Пруссіей, въ который была включена слѣдующая статья: «Такъ какъ интересы и спокойствіе сосѣднихъ съ Польшею государствъ настоятельно требуютъ, чтобы между ними состоялось соглашеніе, коимъ былъ бы устраненъ всякій поводъ къ зависти, опасеніямъ и усиленію власти, то дворы Вѣнскій и Берлинскій заключаютъ между собою договоръ, къ которому они предлагаютъ присоединиться Петербургскому кабинету, обязуясь не предпринимать ничего, что могло бы нарушить неприкосновенность Рѣчи Посполитой и соблюденіе ея конституціи; не стараться о возведеніи на польскій престолъ принца изъ своего дома, ни путемъ брака съ инфантою, ни путемъ новаго избранія; не употреблять, безъ взаимнаго соглашенія, своего вліянія къ тому, чтобы склонить Рѣчь Посполитую, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ къ избранію какого-либо короля». Мѣсяцъ спустя, во время свиданія австрійскаго императора съ королемъ прусскимъ въ Пильницѣ, эта статья договора была подтверждена, что давало конституціи 3-го мая полную возможность упрочиться. Таково было отношеніе Пруссіи къ перевороту 3-го мая вплоть до конца 1791 г., и хотя оно постепенно измѣнилось, но для посторонняго наблюдателя перемѣна эта ничѣмъ не обнаружилась [1]). Подъ впечатлѣніемъ предварительнаго соглашенія, заключеннаго въ Вѣнѣ, Станиславъ-Августъ писалъ польскому послу въ Лондонѣ наканунѣ пильницкаго свиданія:

[1]) Калинка, Полит. австр. двора, стр. 25.

«Извѣстія, получаемыя нами изъ Вѣны и Берлина, все болѣе и болѣе успокоиваютъ насъ на тотъ счетъ, что намъ дадутъ спокойно довершить дѣло и что намъ даже помогутъ въ этомъ, лишь бы намъ не помѣшали съ третьей стороны» [1]).

«Слава Богу,—писалъ онъ другому лицу,—всѣ обстоятельства, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, улаживаются такъ, что мы можемъ быть почти увѣрены въ томъ, что къ ниспроверженію конституціи 3-го мая не будетъ сдѣлано никакой попытки». Казалось, что, въ виду столь успокоительныхъ извѣстій, и курфирстъ саксонскій, долго не знавшій, на что рѣшиться, согласится исполнить желаніе польскаго народа.

Курьеръ, посланный къ нему изъ Варшавы съ извѣстіемъ о переворотѣ 3-го мая, прибылъ въ Дрезденъ 28-го апрѣля (9-го мая), и въ тотъ же день Малаховскій, посолъ Рѣчи Посполитой, получилъ у курфирста аудіенцію. Фридрихъ-Августъ принялъ извѣстіе объ избраніи его на польскій престолъ съ умиленіемъ и благодарностью, но, не зная, какъ отнесутся къ этому европейскіе дворы, онъ не спѣшилъ выразить своего согласія. Отъ короля прусскаго онъ вскорѣ получилъ поздравленіе и совѣтъ принять корону; а 16-го (27-го) мая онъ самъ писалъ австрійскому императору и, сообщая ему о своемъ избраніи на польскій престолъ, высказалъ, что онъ не приметъ окончательнаго рѣшенія до тѣхъ поръ, пока не выяснится отношеніе польскаго народа къ конституціи и пока сношенія Рѣчи Посполитой съ тремя сосѣдними державами не установятся въ такомъ видѣ, «который позволилъ бы ему выполнить свои обязательства относительно Польши, а главное озаботиться о судьбѣ и безопасности Саксоніи» [2]).

Императоръ Леопольдъ отвѣтилъ Фридриху-Августу 30-го іюня (11-го іюля). Высказавъ свое удовольствіе по поводу того, что выборъ палъ на него, «отличающагося такимъ умомъ, благоразуміемъ, умѣренностью и безпристрастіемъ», императоръ писалъ, что сосѣдямъ Саксоніи остается только радоваться его избранію, и выражалъ увѣренность, что курфирстъ внемлетъ просьбѣ поляковъ и упрочитъ ихъ благополучіе.

Успокоенный со стороны Пруссіи и Австріи, курфирстъ не зналъ, что скажетъ Россія, согласіе которой онъ считалъ необходимымъ; къ тому же онъ не вполнѣ одобрялъ нѣкоторые пункты конституціи: положеніе короля въ Стражѣ, присужденіе престола его дочери, помимо его брата и т. д. [3]).

---

[1]) Письмо къ Букатому, отъ 13-го (24-го) августа 1791.

[2]) Письмо къ старостѣ жмудскому А. Гельгуду, отъ 13-го (24-го) сентября 1791 г.

[3]) Король — Букатому 10-го (21-го) мая 1791 г.

Благопріятный отвѣтъ императора на письмо курфирста отъ 16-го (27-го) мая возбудилъ самыя розовыя надежды польскихъ дипломатовъ. Подъ впечатлѣніемъ этого письма вице-канцлеръ Хрептовичъ писалъ: «Мы надѣемся, что съ нашей стороны, въ скоромъ времени, можетъ быть сдѣланъ оффиціальный шагъ въ Дрезденѣ, а вслѣдъ затѣмъ посланы ноты къ прочимъ дворамъ» [1]).

И, дѣйствительно, 2-го (13-го) іюня варшавское министерство иностранныхъ дѣлъ препроводило послу Рѣчи Посполитой въ Дрезденѣ черновикъ ноты, для передачи его Саксонскому кабинету. Въ нотѣ заключалась просьба обсудить шаги, которые Рѣчи Посполитой надлежало сдѣлать въ вопросѣ о престолонаслѣдіи, по отношенію къ курфирсту и европейскимъ дворамъ. Въ отвѣтъ на это сообщеніе, 26-го іюля (6-го августа) была выражена Рѣчи Посполитой благодарность отъ имени курфирста и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщено, что, «принимая во вниманіе важность обстоятельствъ, связанныхъ съ короною польскою, и заботясь о благоденствіи и спокойствіи своихъ наслѣдственныхъ владѣній, курфирстъ намѣренъ воздержаться отъ какого-либо рѣшенія до полученія оффиціальнаго извѣщенія о введеніи новой конституціи».

Послѣ свиданія въ Пильницѣ, въ началѣ сентября, польскіе дипломаты особой нотой просили курфирста изъявить свое согласіе на назначеніе сеймомъ депутаціи для обсужденія вмѣстѣ съ нимъ pacta conventa [2]).

Во избѣжаніе недоразумѣній при избраніи депутаціи и вопреки постановленіямъ конституціи, курфирсту было предложено сообщить свое согласіе, если таковое послѣдуетъ, королю конфиденціально [3]).

Лѣтній перерывъ сейма окончился, засѣданія его должны были возобновиться, а разрѣшенія курфирста на избраніе депутаціи все еще не получалось.

Между тѣмъ пришло извѣстіе о кончинѣ Потемкина.

«Нѣкоторые сожалѣли о немъ, какъ о человѣкѣ, расположенномъ къ Польшѣ, которой онъ всегда готовъ былъ служить, имѣя въ виду удалиться туда, въ случаѣ ежели бы счастье измѣнило ему въ Москвѣ»; говорили, будто Потемкинъ, владѣя въ Польшѣ обширными помѣстьями, сдерживалъ властныя желанія своей монархини и что имъ руководилъ въ этомъ случаѣ личный интересъ, ибо онъ предполагалъ, что со

---

[1]) Письмо къ польскому посланнику въ Копенгагенѣ отъ 29-го мая (9-го іюня) 1791 г.

[2]) Такъ назывался договоръ, соблюденіе котораго подтверждали клятвою выборные польскіе короли; онъ содержалъ разныя ограниченія королевской власти и льготы, изстари предоставленныя польскому шляхетству.

[3]) Хрептовичъ—польскому послу въ Копенгагенѣ 27-го августа (7-го сентября) 1791 г.

смертью Екатерины его власти настанетъ конецъ, и тогда онъ найдетъ пріютъ и убѣжище въ Польшѣ» [1]).

Иного взгляда былъ король, Хрептовичъ и вообще всѣ люди, стоявшіе у кормила правленія. Станиславъ-Августъ видѣлъ въ Потемкинѣ главную опору недовольныхъ и поэтому надѣялся, что съ его смертью планы Щенснаго-Потоцкаго и Ржевусскаго «либо встрѣтятъ сильную помѣху, либо, по крайней мѣрѣ, будутъ на время отложены» [2]).

«Мнѣ кажется,—писалъ по поводу смерти Потемкина Хрептовичъ,—что это неожиданное событіе будетъ благопріятно для нашего переворота, ибо я имѣю полное основаніе думать, что князь, относившійся къ нашей конституціи крайне несочувственно, пользуясь полнымъ довѣріемъ императрицы, могъ внушить ей неблагопріятныя для насъ мысли. Есть также основаніе предполагать, что при его чрезмѣрномъ властолюбіи затруднительное положеніе, которое переживаетъ Польша, могло внушить ему разные замыслы относительно Курляндіи и даже относительно польской короны» [3]).

Такъ убаюкивали себя поляки, вопреки очевидности, всевозможными иллюзіями.

Между тѣмъ, согласно желанію курфирста, выраженному въ нотѣ отъ 12-го (23-го) октября, въ Дрезденъ былъ посланъ кн. Чарторыйскій для того, чтобы дать ему объясненія относительно конституціи. Онъ выѣхалъ изъ Варшавы 12-го (23-го) ноября вмѣстѣ съ Тадеушемъ Мостовскимъ и везъ курфирсту письмо Станислава-Августа.

Многіе ожидали отъ этой поѣздки большой пользы для общаго дѣла. «Извѣстность, которою пользуется князь, его родство съ королемъ снищутъ ему, безъ сомнѣнія, довѣріе курфирста, и ему удастся, вѣроятно, разсѣять неблагопріятное впечатлѣніе, которое наша конституція могла произвести на него», писалъ Хрептовичъ польскому посланнику въ Копенгагенѣ 29-го октября (9-го ноября) 1791 года.

Чарторыйскій, съ первыхъ же словъ, которыми онъ обмѣнялся съ саксонскими министрами, понялъ, что курфирстъ желалъ, чтобы Рѣчь Посполитая сдѣлала по отношенію Петербургскаго двора шагъ вѣжливости, извѣстивъ его оффиціально о провозглашеніи конституціи 3-го мая. И когда Хрептовичъ высказалъ это на засѣданіи 12-го (23-го) декабря то сеймъ одобрилъ это большинствомъ голосовъ. Противъ этого плана высказались только два волынскихъ посла, выразивъ опасеніе, что если

---

[1]) Dyaryusz różnych ciekawości czyli excerpt z listów rożnych, zaczęty d. 1 8bris 1791 anno.

[2]) Письмо короля къ Букатому отъ 15-го (26-го) октября 1791. (Калинка, Ostatnie lata pan. St. Augusta, II, 198).

[3]) Письмо къ польскому посланнику въ Копенгагенѣ отъ 18-го (29-го) октября 1791.

они присоединятся къ этому мнѣнію, то ихъ могутъ заподозрить въ томъ, что они согласны на наслѣдственность престола [1]).

13-го (24-го) декабря король написалъ Екатеринѣ собственноручное письмо, въ которомъ, извѣщая ее о конституціи, выражалъ надежду на сохраненіе дружественныхъ отношеній къ Россіи [2]); польскій посланникъ въ Петербургѣ Деболи долженъ былъ дать по этому письму словесныя объясненія.

Императрица ничего не отвѣчала на письмо короля, точно такъ же какъ и вице-канцлеръ Остерманъ, получивъ извѣщеніе отъ польскаго посланника, хранилъ молчаніе. Булгаковъ, не получивъ по этому поводу никакихъ инструкцій, сказалъ Хрептовичу частнымъ образомъ: «Государыня всегда желала добра Рѣчи Посполитой, но поляки не съумѣли отплатить благодарностью за ея благодѣянія; напротивъ, они старались поступать вопреки торжественнымъ взаимнымъ обязательствамъ и нарушили трактаты, самое позднее извѣщеніе о перемѣнѣ 3-го мая доказываетъ недостатокъ уваженія; давно уже сообщено было другимъ дворамъ, отъ которыхъ надѣялись союза и помощи, а только теперь, когда лишились этой надежды, сообщили и намъ. Можетъ быть, Польшѣ принесло бы больше пользы, если бы это было намъ сообщено ранѣе, въ свое время. Я никогда дѣла не затягивалъ; если бы ко мнѣ прежде оказывали болѣе довѣрія и сообщали основательныя свѣдѣнія о дѣлахъ, я могъ бы отдать справедливость вашимъ добрымъ намѣреніямъ» [3]).

Хрептовичъ объяснялъ позднее извѣщеніе разстройствомъ людей, стоявшихъ у кормила правленія, и трудностью согласовать разнородныя мнѣнія и, наконецъ, сказалъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ судьба дала это мѣсто, на которомъ я нахожусь теперь, я буду стараться исправить минувшее» [4]).

Въ Варшавѣ и въ Дрезденѣ ожидали съ нетерпѣніемъ отвѣта Петербургскаго двора, который между тѣмъ и не думалъ прервать свое молчаніе.

«Вчера получилъ я ваше письмо,—писалъ Безбородко Булгакову,—о принятомъ намѣреніи правительствомъ польскимъ сдѣлать нотификацію о перемѣнѣ 3-го мая, въ дѣйство произведенной. Видѣлъ я тутъ же и записку сеймовую, въ которой король безъ нужды и безъ пристойности коснулся выраженіями ига и опеки до насъ; неужели они думаютъ, что насъ застращаютъ тѣмъ множествомъ рукъ, которыя его величество упоминаетъ въ рѣчи своей, какъ довольныя для защищенія работы его и единомышленниковъ его? Инфлюенцію нашу ему бы

---

[1]) Король—Букатому 13-го (24-го) декабря 1791. (Калинка, ч. II, стр. 200).

[2]) Тамъ же, стр. 67.

[3]) Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, Спб. 1870, стр. 391.

[4]) Тамъ же.

всѣхъ менѣе повторять слѣдовало, когда извѣстно, что безъ нея и вѣкъ бы ему быть на престолѣ не удалося. Молчавъ восемь мѣсяцевъ о сей перемѣнѣ, что они думаютъ, что и Россія прежде восьми же мѣсяцевъ имъ отвѣчать станетъ?» [1]).

Тому же подобныя разсужденія онъ представилъ императрицѣ, присовокупивъ, что онъ никакъ не можетъ присоединиться къ мнѣнію тѣхъ людей, кои признаютъ новую форму правленія въ Польшѣ, и что, по заключени мира съ Турціей, можно будетъ принять окончательное рѣшеніе и болѣе смѣло высказать намѣренія Россіи сосѣднимъ дворамъ.

Молчаніе Россіи лишило польскую депутацію возможности вести переговоры съ Дрезденскимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что курфирстъ былъ весьма нерѣшителенъ. Человѣкъ честный, но не блестящихъ способностей, онъ не рѣшался высказать свое мнѣніе и колебался, не зная, какое принять рѣшеніе. Онъ былъ не прочь царствовать, но съ другой стороны боялся связанныхъ съ этимъ хлопотъ. По весьма характерному выраженію Мостовскаго, величайшимъ счастіемъ для него было бы, если бы ему всю жизнь предлагали корону, а онъ всю жизнь могъ бы колебаться принять ее. Если, подъ вліяніемъ убѣжденій, онъ давалъ иной разъ, условно, свое согласіе, то это начинало тотчасъ тревожить его, и онъ бралъ свое слово назадъ, разсыпаясь въ благодарности.

«Я такъ благодаренъ,—говорилъ онъ Чарторыйскому,—такъ тронутъ всѣмъ, что сдѣлали для меня король и народъ польскій, что я не могу ничѣмъ лучше выразить моей признательности, какъ дѣйствуя въ высшей степени осторожно и избѣгая всего, что могло бы послужить хотя бы самымъ отдаленнымъ поводомъ ко вреду для Рѣчи Посполитой».

Молчаніе Россіи курфирстъ принималъ за предостереженіе; впрочемъ, онъ получилъ отъ Петербургскаго кабинета, стороною, совѣтъ не вовлекать своихъ наслѣдственныхъ владѣній и Польши въ такія «авантюры», которыя могли кончиться очень плохо. Довѣреннымъ лицомъ и совѣтникомъ императрицы въ этомъ дѣлѣ былъ, повидимому, принцъ Нассаускій. Есть доказательства, что саксонскіе министры получали подарки отъ Петербургскаго двора [2]).

Въ помощь Чарторыйскому императоръ австрійскій послалъ въ Дрезденъ кавалера Ландріани, которому было поручено убѣдить курфирста не домогаться увеличеніи королевской власти и передачи престола его брату и посовѣтовать ему воспользоваться готовностью Ав-

---

[1]) Письмо къ Булгакову отъ 15-го (26-го) декабря 1791 г. (Сборн. Имп Рус. Ист. Общ., т. 26, 462).

[2]) Калинка, Политика австр. двора, стр. 27, 28.

стріи поддержать его и не создавать Польшѣ затрудненій. Переговоры съ саксонскими министрами продолжались три мѣсяца.

«Счастливъ многострадальный Іовъ,—писалъ Чарторыйскій королю,—что въ его время не существовало такихъ переговоровъ, какіе мы ведемъ здѣсь: иначе и это испытаніе навѣрно не миновало бы его».

Отвѣчая на всѣ вопросы саксонскихъ министровъ, знакомя ихъ съ вновь учрежденными коммиссіями и съ новыми законами, польская депутація съ своей стороны не могла добиться отъ нихъ никакого отвѣта, и когда она выражала нетерпѣніе, то курфирстъ успокоивалъ поляковъ, говоря, что затрудненія возникаютъ изъ самой сущности дѣла, увѣрялъ ихъ въ своемъ доброжелательствѣ и обнадеживалъ ихъ. Въ половинѣ января 1792 г. министръ Гутшмидъ заявилъ депутаціи, что всѣ затрудненія сводятся къ двумъ пунктамъ: дарованію королю права отмѣнять постановленія сейма и перенесенію правъ престолонаслѣдія на брата курфирста; а такъ какъ эти два пункта не могутъ быть рѣшены депутаціей, то необходимо послать кого-нибудь въ Варшаву для переговоровъ съ сеймомъ. Но Дрезденскому двору не легко было рѣшиться на этотъ шагъ, онъ оттягивалъ свой отвѣтъ, ссылаясь на то, что надобно подождать прусскаго посланника Бишофсвердера, пріѣзда котораго ожидали со дня на день. Самъ Ландріани, относившійся къ полякамъ доброжелательно, также совѣтовалъ обождать Бишофсвердера и предоставить ему честь склонить курфирста отправить посла для обсужденія съ сеймомъ pacta conventa. Наконецъ, 3-го (14-го) февраля 1792 г. курфирстъ заявилъ, что онъ долженъ выждать отзыва Россіи и измѣненія нѣкоторыхъ пунктовъ конституціи въ указанномъ имъ смыслѣ. Этотъ отвѣтъ, конечно, не могъ ускорить дѣла. Польскіе посланные не скрывали своего неудовольствія и, опасаясь, чтобы отвѣтъ курфирста не вызвалъ въ Варшавѣ волненія, они не сообщили его сейму, а препроводили его королю, съ эстафетой, при донесеніи отъ 16-го (27-го) февраля.

Медлительность курфирста создала Польшѣ весьма серьезныя затрудненія: политическія обстоятельства приняли мало-по-малу совершенно иной оборотъ, нежели въ іюлѣ и августѣ предъидущаго года. Особенно измѣнилось отношеніе къ Польшѣ Берлинскаго двора.

Когда, въ 1787 году, Россія, заключивъ союзъ съ Австріей, объявила войну Турціи, то Пруссія рѣшила извлечь пользу изъ осложненія, возникшаго на востокѣ. Совѣтуя туркамъ упорство въ войнѣ, она не хотѣла сама вмѣшиваться въ войну и только обѣщала Турціи свое посредничество при заключеніи мира. Согласно плану прусскаго министра Герцберга, Порта должна была уступить Австріи Молдавію и Валахію, Россіи Крымъ и Бессарабію и, при заключеніи мира, потребовать, чтобы императоръ возвратилъ Польшѣ Галицію, за что Польша отдала бы

Пруссіи Гданскъ (Данцигъ) и Торунь (Торнъ) съ пограничными округами. Такъ какъ каждое новое пріобрѣтеніе Пруссіи тревожило Австрію, то Кауницъ предложилъ Россіи заключить противъ Фридриха-Вильгельма тайное соглашеніе, къ которому присоединилась бы Польша, въ надеждѣ вернуть отъ Пруссіи свои западныя провинціи.

Екатерина предполагала заключить съ Польшей отдѣльный союзъ и вовсе не желала, чтобы къ нему присоединилась Австрія. Петербургскій кабинетъ былъ того мнѣнія, что Польшѣ не слѣдовало заключать договоровъ ни съ какой державою, кромѣ Россіи; императрица также не хотѣла, чтобы Рѣчь Посполитая увеличилась пріобрѣтеніемъ новыхъ земель; поэтому, вопреки предложенію Кауница, этотъ планъ не былъ сообщенъ Польшѣ, и Россія заключила, для защиты ея интересовъ, союзъ съ одной только Австріей; обѣ державы обязались, въ случаѣ если бы король прусскій вздумалъ захватить какія-либо польскія земли, сдѣлать немедленно Берлинскому кабинету самое энергическое представленіе, а если это не подѣйствуетъ—взяться за оружіе.

Король прусскій, провѣдавъ объ этихъ планахъ, рѣшилъ не допустить союза Россіи съ Польшей, въ случаѣ же если бы таковой состоялся, онъ вознамѣрился самъ предложить союзъ той части польскаго народа, которая составила бы съ нимъ конфедерацію, и поручилъ своему посланнику Бухгольцу разъяснить ей всю пользу этого союза.

«Что касается цѣлости Рѣчи Посполитой,—писалъ онъ Бухгольцу,—то вы можете увѣрить каждаго поляка словесно, что Пруссія скорѣе, чѣмъ какая-либо иная держава, сбережетъ ее. Постарайтесь уничтожить распространенное мнѣніе, будто я мечтаю о новыхъ пріобрѣтеніяхъ съ этой стороны».

Подобное подстрекательство сейма со стороны Пруссіи имѣло цѣлью, единственно, раздражить императорскіе дворы и побудить ихъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ по отношенію къ Рѣчи Посполитой, а это дало бы Фридриху-Вильгельму поводъ занять западныя провинціи Польши. Блестящія побѣды, одержанныя Россіей лѣтомъ 1789 г., при Рымникѣ и Фокшанахъ, побудили короля прусскаго къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Такъ какъ ни одна изъ воюющихъ державъ не согласилась на посредничество короля прусскаго, на которомъ Герцбергъ основывалъ свой планъ пріобрѣтенія Торуня и Гданска, съ пограничными округами, то Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшилъ воспользоваться случаемъ и выступить съ оружіемъ въ рукахъ.

Благодаря своему союзу съ Англіей и Голландіей, не говоря о Франціи, которая вслѣдствіе внутреннихъ волненій не была въ состояніи принять дѣятельнаго участія въ войнѣ, Фридрихъ-Вильгельмъ, разсчитывая вмѣстѣ съ тѣмъ на содѣйствіе Польши и Швеціи, могъ считать Пруссію первою державою въ Европѣ, отъ которой зависѣло

склонить побѣду на сторону одной изъ воюющихъ державъ. Оставивъ планъ Герцберга, король прусскій началъ дѣйствовать инымъ путемъ: онъ предложилъ Польшѣ заключить оборонительно-наступательный союзъ, подъ условіемъ, чтобы она отказалась отъ всякаго участія въ мирныхъ переговорахъ, вступилъ въ тайныя сношенія съ венгерскими революціонерами и рѣшилъ вовлечь Галицію въ движеніе противъ Австріи. Немедленно были начаты, чрезъ Луккезини, съ Польшей переговоры о заключеніи союза. Договоръ между Пруссіей и Турціей былъ заключенъ 20-го (31-го) января, а договоръ съ Польшей—18-го (29-го) марта 1790 г. Помимо нѣкоторыхъ земельныхъ уступокъ, договаривающіяся стороны обязались, въ случаѣ войны, оказать другъ другу взаимно помощь и поддержку.

Два дня спустя по окончаніи переговоровъ, Луккезини писалъ своему монарху:

«Теперь, когда эти люди уже въ нашихъ рукахъ и когда будущность Польши зависитъ единственно отъ нашихъ комбинацій, страна эта можетъ послужить вашему королевскому величеству театромъ военныхъ дѣйствій и защитой для Силезіи съ востока. Съ нашей стороны вся задача состоитъ въ томъ, чтобы эти люди ничего не заподозрили и чтобы они не могли предвидѣть, какія жертвы они должны будутъ принести, когда ваше королевское величество потребуете отъ нихъ благодарности за оказанныя имъ услуги».

Договоръ, заключенный между Австріей и Пруссіей въ Рейхенбахѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1790 г., создалъ новую политическую комбинацію. Возможность войны съ Австріей была устранена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и виды Польши на Галицію не имѣли болѣе основанія. Послѣ заключенія этого договора союзъ съ Польшей имѣлъ для короля прусскаго значеніе лишь съ точки зрѣнія его соперничества съ Россіей. Этимъ соперничествомъ и личными качествами Фридриха-Вильгельма объясняется его благопріятное отношеніе къ перевороту 3-го мая.

Человѣкъ неискренній, въ высшей степени впечатлительный и не отличавшійся особенно возвышенными нравственными взглядами, Фридрихъ-Вильгельмъ дѣйствовалъ всегда подъ вліяніемъ кого-нибудь изъ своихъ совѣтчиковъ; но дѣйствовалъ большею частью нерѣшительно и подчиняясь событіямъ, коими онъ не умѣлъ руководить. Онъ дѣйствовалъ такъ, какъ говорилъ,—отрывисто, нерѣдко безсвязно. Человѣкъ, не умѣвшій выразить свои мысли спокойно и съ осмотрительностью, онъ дѣйствовалъ большею частію подъ впечатлѣніемъ минуты, подъ вліяніемъ увлеченія, которое проходило однако очень быстро. На политическія событія онъ смотрѣлъ какъ на забаву, прерывающую однообразіе жизни, наполняя душевную пустоту. Доступный благороднымъ порывамъ, онъ не умѣлъ быть въ нихъ послѣдователь-

нымъ; поддавшись первому движенію сердца, онъ подчинялся затѣмъ разсчету и совѣтамъ людей недобросовѣстныхъ и корыстолюбивыхъ. Проникнутый сознаніемъ достоинства своей королевской власти, онъ начиналъ дѣло благородно и прекрасно, отвергая всѣ несогласовавшіеся съ его взглядомъ совѣты; но, наскучивъ вскорѣ этой ролью, онъ измѣнялъ данному слову и начиналъ уже дѣйствовать противъ тѣхъ, кому онъ протягивалъ вначалѣ дружески руку. На его слова можно было положиться менѣе, нежели на слова его министровъ, которые, ставя открыто интересы Пруссіи высшею цѣлью своей политики, ни въ комъ не возбуждали довѣрія. Между тѣмъ король, вызвавъ вначалѣ довѣріе, поступалъ нерѣдко впослѣдствіи съ такимъ цинизмомъ, который подрывалъ всякую вѣру въ него. Таковъ былъ союзникъ Польши, гарантировавшій неприкосновенность Рѣчи Посполитой, обѣщавъ ей, въ случаѣ войны, свою помощь.

Въ первый моментъ, въ порывѣ благородства, Фридрихъ-Вильгельмъ отнесся къ конституціи 3-го мая доброжелательно, но это не согласовалось съ мнѣніемъ его министровъ, такъ какъ всякое внутреннее усиленіе республики не соотвѣтствовало интересамъ Пруссіи. Однако низкопоклонные придворные тотчасъ присоединились къ мнѣнію своего монарха, стали восторгаться польской конституціей и ея творцами, вполнѣ увѣренные въ томъ, что горячія похвалы скоро охладятъ сочувствіе короля. И, дѣйствительно, когда Варшавскій кабинетъ въ началѣ августа 1791 г. потребовалъ, чтобы Берлинскій дворъ подтвердилъ свой первоначальный отзывъ о новой конституціи, то ему отвѣчали, что сдѣланнаго заявленія достаточно. Тогда варшавское правительство, желая довести благопріятный отзывъ Фридриха-Вильгельма до свѣдѣнія сейма и обезпечить себя окончательно относительно помощи со стороны Пруссіи, обратилось къ прусскому правительству съ этой просьбою вторично, но этотъ шагъ сочли въ Берлинѣ докучливымъ и отвѣчали, что простой любезности, оказанной королемъ прусскимъ курфирсту саксонскому, нельзя еще считать за гарантію конституціи; что между тѣмъ и другимъ существуетъ огромная разница. Послѣ заключенія мира въ Яссахъ, когда Пруссія не имѣла уже основанія опасаться войны съ Россіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Польша была для нея уже не столь необходима, Берлинскій кабинетъ еще болѣе рѣшительно пошелъ на попятное. Въ половинѣ декабря прусскій посланникъ доносилъ изъ Варшавы, что введеніе конституціи встрѣчаетъ затрудненіе и что она удержится, по всей вѣроятности, только до тѣхъ поръ, пока сосѣднія державы не вмѣшаются въ дѣла Рѣчи Посполитой.

На это сообщеніе берлинское министерство иностранныхъ дѣлъ отвѣчало ему 17-го (28-го) декабря:

«Взглядъ нашъ вамъ извѣстенъ; мы не выступимъ ни за, ни про-

тивъ конституціи; мы будемъ держаться пассивно, въ надеждѣ, что порядокъ, основанный на переворотѣ 3-го мая, рушится самъ собою».

Еще краснорѣчивѣе былъ королевскій указъ отъ 29-го декабря 1791 г. (9-го января 1792 г.):

«Союзъ не имѣетъ никакого отношенія къ конституціи, которая не существовала въ моментъ его заключенія. Она обнародована безъ моего вѣдома; я узналъ о ней впервые тогда, когда о ней было объявлено публично. Я не могу быть ни за, ни противъ конституціи, такъ какъ это есть внутреннее дѣло Рѣчи Посполитой, обсужденіе котораго меня не касалось и не будетъ касаться».

Когда стало извѣстно непріязненное отношеніе Россіи, министры совѣтовали королю держаться пассивнаго образа дѣйствій до тѣхъ поръ, пока намѣренія императрицы не обнаружатся окончательно, и говорили, что въ крайнемъ случаѣ можно было бы признать польскую конституцію, но съ условіемъ сдѣлать въ ней измѣненія, которыя удержали бы Рѣчь Посполитую въ ея «политическомъ ничтожествѣ».

Вскорѣ послѣ этого случилось одно обстоятельство, побудившее короля дѣйствовать открыто. 23-го января (3-го февраля) 1792 г. графъ Гольцъ перехватилъ въ Петербургѣ собственноручную записку Екатерины къ Зубову, слѣдующаго содержанія: «Какъ только дѣла съ Турціею приведутся къ окончанію, тотчасъ императрица прикажетъ двинуть 180.000-ую армію подъ начальствомъ Репнина въ польскую Украйну; если же Австрія и Пруссія станутъ противиться, то имъ предложится въ вознагражденіе раздѣлъ Польши» [1]).

Это было сообщено немедленно въ Берлинъ, съ просьбою хранить это извѣстіе въ величайшей тайнѣ.

«Вы первый,—писалъ Фридрихъ-Вильгельмъ Гольцу,—доносите мнѣ нѣчто фактическое. Въ сохраненіи тайны можете быть увѣрены».

Записочка императрицы окончательно изгладила изъ памяти короля прусскаго обязательства, принятыя имъ относительно Польши, и его благожелательное отношеніе къ конституціи. Въ то же время стеченіе обстоятельствъ устранило съ пути преграды, которыя Австрія ставила намѣреніямъ Пруссіи. Императоръ Леопольдъ искренно желалъ сохраненія неприкосновенности Польши и ея конституціи, и въ желаніи Россіи и Пруссіи увеличить свои владѣнія насчетъ Рѣчи Посполитой видѣлъ опасность для своей имперіи и для Европы.

Но всѣ представленія, сдѣланныя имъ по этому поводу Петербургскому двору, были тщетны; императорскій кабинетъ ничего не отвѣчалъ на его ноту отъ 11-го (23-го) мая 1791 г., такъ же точно, какъ и

---

[1]) Костомаровъ, 401.

на всѣ послѣдующія его представленія. Надежда императора на Пруссію также не оправдалась.

Когда, въ началѣ января 1792 г., князь Кауницъ представилъ прусскому посланнику планъ союза, въ которомъ Австрія выражала желаніе обезпечить конституцію 3-го мая въ духѣ предварительныхъ условій мирнаго договора, заключенныхъ 14-го (25-го) іюня, то Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ на это рѣшительнымъ отказомъ, заявивъ, что ему ничего неизвѣстно о конституціи и что онъ не предполагаетъ отстаивать ее, такъ какъ она обнародована безъ его вѣдома и не соотвѣтствуетъ его интересамъ. Въ виду столь рѣшительнаго заявленія со стороны Пруссіи и опасности, которая угрожала со стороны Франціи, императоръ былъ вынужденъ согласиться на заключеніе договора (подписаннаго 27-го января (7-го февраля) 1792 г.) коимъ цѣлость Польши хотя и была гарантирована, но который не связалъ Фридриха-Вильгельма никакими обязательствами по отношенію къ конституціи.

Въ Варшавѣ не имѣли еще въ то время точныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ короля прусскаго, хотя въ декабрѣ 1791 г. Война доносилъ изъ Вѣны, что по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ восторгъ, проявленный къ конституціи въ Берлинѣ, остылъ; несмотря на это, Станиславъ-Августъ и его политическіе друзья все еще льстили себя обманчивыми надеждами. Ихъ вводилъ въ заблужденіе Луккезини, который, вернувшись къ своему посту въ Варшаву, давалъ на всѣ вопросы уклончивые, либо лживые отвѣты. На вопросъ, не привезъ-ли онъ изъ-за границы veto иностранныхъ дворовъ противъ новой конституціи, онъ отвѣчалъ:

«Уѣзжая, я желалъ Польшѣ хорошей конституціи, а теперь я поздравляю ее съ нею. Въ то время мнѣ приходилось, обо всякихъ пустякахъ, говорить съ шестнадцатью человѣками, а нерѣдко съ двумястами, а теперь только съ однимъ, какъ вездѣ въ Европѣ. Это мнѣ очень нравится. Я вижу теперь короля польскаго въ такомъ положеніи и въ такой силѣ, какія подобаютъ его сану».

Станислава-Августа предостерегали изъ Англіи насчетъ Луккезини, но онъ не обратилъ на это вниманія, и радовался его лживымъ увѣреніямъ.

«Луккезини увѣряетъ,—писалъ онъ въ началѣ 1792 г.,—что король прусскій отказался отъ всякихъ помысловъ насчетъ Гданска и Торуня, не только ради поддержанія дружескихъ отношеній съ нами, но и потому, что онъ увѣренъ, что Москва никогда бы не согласилась на присоединеніе ихъ къ Пруссіи» [1]).

[1]) Письма короля къ Букатому 29-го ноября (10-го декабря) 1791 г. и 27-го декабря 1791 г. (7-го января 1792 г.) (Калинка. Послѣдніе годы, II, 199, 201).

Въ своихъ бесѣдахъ съ сторонниками Россіи Луккезини былъ откровеннѣе. Гетману Браницкому онъ говорилъ въ присутствіи каштеляна Оборскаго, что онъ ручается за сохраненіе всего, что сдѣлано въ Польшѣ до конца 1790 г., за остальное же не ручается. Такъ какъ маршалъ сейма долженъ былъ дать слово Гольцу, что новая форма правленія не будетъ введена безъ согласія короля прусскаго, то Гольцъ заявилъ ему, что его монархъ не будетъ стоять за конституцію. Браницкій передалъ эти слова Коллонтаю, а Коллонтай королю [1]).

VI.

Во время лѣтняго перерыва сейма происходили обыкновенно сеймики; но въ 1791 г. въ сеймъ было внесено предложеніе перенести ихъ съ 4-го (15-го) іюля на осень, и несмотря на заявленіе нѣкоторыхъ депутатовъ о томъ, что народу слѣдовало какъ можно скорѣе дать возможность высказать, законнымъ образомъ, свое мнѣніе о конституціи 3-го мая и дать дальнѣйшія инструкціи своимъ уполномоченнымъ на сеймѣ, вышеупомянутое предложеніе было утверждено большинствомъ голосовъ.

Сторонники конституціи 3-го мая, ратовавшіе за отмѣну іюльскихъ сеймиковъ, не высказывали открыто руководившихъ ими при этомъ побужденій. Только одинъ краковскій посолъ, Солтыкъ, обнаружилъ помыслы, заявивъ, что хотя онъ и не боится, чтобы польскій народъ высказалъ свое мнѣніе о новой формѣ правленія, но не считаетъ удобнымъ созывать для этого сеймики въ іюлѣ мѣсяцѣ. Завѣдуя иностранными дѣлами, онъ прекрасно знаетъ, что Россія употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы пріобрѣсти вліяніе въ Польшѣ, и пользуется всякимъ случаемъ, чтобы посягнуть на ея цѣлость. Русская партія не преминула бы воспользоваться малѣйшимъ неудовольствіемъ народа, «чтобы вернуть свое превосходство»; «поэтому,—говорилъ онъ,—слѣдуетъ отмѣнить іюльскіе сеймики, которые могли бы сдѣлаться для недовольныхъ удобнымъ предлогомъ, чтобы посѣять въ странѣ смуту».

Когда вопросъ былъ предложенъ на голосованіе, то большинствомъ голосовъ было рѣшено перенести сеймики на февраль мѣсяцъ, и такимъ образомъ конституціонной партіи удалось отмѣнить іюльскіе сеймики, которыхъ она опасалась, и у нея было достаточно времени, чтобы приготовиться къ февралю мѣсяцу.

---

[1]) Коллонтай—королю 1-го (12-го) февраля 1792 г.

«Депутатскіе сеймики,—писалъ король Букатому 17-го (28-го) мая 1791 г.,—перенесены на 14-е февраля; этимъ отдаляется возможность волненій, и мы успѣемъ упрочить нашу конституцію».

Эти сеймики имѣли огромное значеніе для обѣихъ партій. Народъ долженъ былъ на нихъ, впервые, высказать свое мнѣніе о новой формѣ правленія. Тамъ, гдѣ «недовольные» хотѣли посѣять смуту и вызвать громкое осужденіе конституціи, тамъ патріотическая партія хотѣла видѣть порядокъ и спокойствіе и слышать единодушное одобреніе своихъ трудовъ. Станиславъ-Августъ полагалъ, что одобреніе конституціи, выраженное на сеймикахъ, нанесло бы ударъ проискамъ эмигрантовъ, которые находились въ Яссахъ, и удержало бы императрицу отъ намѣренія уничтожить конституцію [1]). Поэтому неудивительно, что король и всѣ приверженцы новаго порядка выказали необычайную энергію, чтобы придать февральскимъ сеймикамъ желанный характеръ.

Согласно закону о сеймикахъ, только тѣ шляхтичи имѣли право подавать голосъ, имена которыхъ были внесены въ дворянскіе списки, особые для каждаго воеводства, либо повѣта.

Отпечатаніе этихъ списковъ лежало на обязанности военной коммиссіи, а составленіемъ ихъ завѣдывала гражданско-военная коммиссія. По составленіи списковъ и отпечатаніи ихъ, они должны были храниться въ двухъ экземплярахъ въ архивахъ коммиссіи до начала сеймиковъ. Но печатаніе шло медленно, и назначенный первоначально срокъ для представленія списковъ пришлось отложить до конца декабря. Въ этой проволочкѣ обвиняли типографіи, въ особенности типографію Dufour'а, который, получивъ 27-го августа (7-го сентября) 300 стопъ бумаги и имѣя въ своемъ распоряженіи, кромѣ своей собственной типографіи, два печатныхъ станка въ кадетскомъ корпусѣ, напечаталъ въ теченіе 20 дней самое ограниченное число экземпляровъ, не хотѣлъ пользоваться корпусными станками, и когда его торопили, то онъ держалъ себя нахально и говорилъ, что не будетъ печатать въ недѣлю болѣе шести стопъ, а самое бóльшее, въ видѣ особой любезности—десять стопъ. Депутаты приписывали это наущеніямъ Булгакова и жаловались Коллонтаю, прося его помочь бѣдѣ. Коллонтай, съ своей стороны, жаловался королю.

«Не слѣдуетъ забывать,—писалъ онъ,—о сеймикахъ; противники конституціи возлагаютъ всѣ свои надежды на то, что они будутъ плохо организованы. Надобно спѣшить разослать дворянскіе списки, надъ которыми воеводскимъ коммиссіямъ придется еще немало потрудиться [2]).

[1]) Король Букатому 21-го января (1-го февраля) 1792 г. (Калинка, Послѣдн. годы царств. Станислава-Августа, II, 205).

[2]) Закревскій, депутатъ познанскій, Коллонтаю, 13-го и 14-го (24-го и 25-го) сентября 1791 г.

Передъ началомъ сеймиковъ, королевская канцелярія составила, подъ редакціей Коллонтая и Игнатія Потоцкаго, нѣсколько сотъ писемъ, которыя были разосланы обывателямъ и въ коихъ ихъ просили, отъ имени короля, позаботиться о томъ, чтобы сеймики прошли спокойно; говорилось между прочимъ, что иностранныя державы не намѣрены вмѣшиваться въ дѣла Рѣчи Посполитой, и что если въ странѣ не произойдетъ безпорядковъ, то будущее Польши не будетъ внушать опасеній. Наиболѣе вліятельнымъ помѣщикамъ Станиславъ-Августъ написалъ собственноручно, другимъ писалъ Коллонтай, а нѣкоторымъ примасъ.

Наиболѣе опасеній внушали воеводства малопольскія [1]). Въ воеводствѣ Брацлавскомъ дѣйствовали приверженцы Щенснаго-Потоцкаго, въ особенности депутатъ Адамъ Мощенскій, который, подобравъ себѣ партію, агитировалъ въ томъ смыслѣ, чтобы на сеймикѣ въ Винницѣ вовсе не упоминать о конституціи. Онъ просилъ Потоцкаго дать инструкціи его брату, жившему въ Жмеринкѣ, какъ дѣйствовать относительно шляхты: «не дать-ли ей денегъ, чтобы привлечь ее на свою сторону».

Кромѣ рукописныхъ памфлетовъ, «недовольные» распространяли среди малопольской шляхты отпечатанныя въ Польшѣ и за границей брошюры, въ которыхъ осуждалась конституція. Письма гетмана Ржевусскаго и Щенснаго-Потоцкаго къ королю и военной коммиссіи были отпечатаны въ Варшавѣ во множествѣ экземпляровъ и распространены въ провинціи довѣреннымъ лицомъ генерала артиллеріи, Пясковскимъ [2]).

Коллонтай ожидалъ съ тревогой извѣстій объ исходѣ сеймиковъ. Всѣ свѣдѣнія, какія онъ получалъ отъ своихъ друзей изъ провинціи, сообщались имъ немедленно королю въ краткихъ, но весьма краснорѣчивыхъ записочкахъ, по большей части безъ даты.

«Пинскій хорошъ!» «Плоцкій хорошъ!»

«Изъ Владимира недобрыя вѣсти... Чацкіе показали себя, каковы они есть... Дай Богъ, чтобы мы получили болѣе добрыя вѣсти изъ Луцка и Кременца». Въ Латычовѣ, «слава Богу, присягнули конституціи» [3]).

«Народная газета» (Gazeta narodowa i obca), получавшая, вѣроятно, свѣдѣнія отъ вице-канцлера, сообщала уже 7-го (18-го) и 11-го (22-го)

---

[1]) Малая Польша—названіе южной части старой Польши. При Станиславѣ-Августѣ въ составъ Малой Польши входили, между прочимъ, воеводства Кіевское, Русское, Волынское, Подольское, Люблинское, Брацлавское и Черниговское.

[2]) Рожанъ Щенсному-Потоцкому, 16-го (27-го) января 1792 г.

[3]) Коллонтай королю.

февраля радостныя вѣсти о томъ, что сеймики прошли спокойно, при всеобщемъ одобреніи конституціи народомъ.

Станиславъ-Августъ, питая радостныя надежды, все-таки тревожился и былъ очень радъ, узнавъ о благополучномъ окончаніи сеймиковъ. «Булгаковъ увѣряетъ,—писалъ онъ Букатому,—что онъ не принималъ никакого участія въ агитаціи на сеймикахъ. Мы узнаемъ скоро всю правду и вознесемъ благодарность Богу, если большая часть сеймиковъ обойдется благополучно, какъ есть основаніе предполагать» [1]).

Король отъ души благодарилъ всѣхъ лицъ кои руководили сеймиками.

«Мнѣ было пріятно узнать,—писалъ онъ каштеляну Морскому,—что дунаевскимъ сеймикомъ послана депутація для принесенія благодарности за конституцію, которая осчастливитъ страну и которая одобряется всѣми иностранными державами» [2]).

И было чему радоваться, такъ какъ на сеймикахъ, къ всеобщему удивленію, всѣ высказались о конституціи одобрительно.

«Слава Богу,—писалъ король 18-го (29-го) февраля,—что у насъ, въ Польшѣ, духъ народа лучше, нежели во Франціи. Тридцать пять сеймиковъ добровольно присягнули конституціи 3-го мая, а тридцать другихъ велѣли благодарить за нее меня и сеймъ. Только три сеймика не высказались ни за, ни противъ нея. Новыя постановленія сейма были выслушаны повсюду внимательно, и нигдѣ не было обнародовано никакихъ воззваній.

«До сихъ поръ никто не былъ противъ конституціи; напротивъ, кромѣ трехъ сеймиковъ, совершенно умолчавшихъ о ней, всѣ благодарили меня, а большая половина присягнула конституціи». «Такое единомысліе—явленіе безпримѣрное въ Польшѣ» [3]).

Вообще, сеймики прошли въ образцовомъ порядкѣ.

«Всю эту голытьбу, всѣхъ этихъ болтуновъ и крикуновъ не пришлось кормить, такъ какъ согласно новому закону помѣщики сами подавали голоса... Этотъ разъ не было той невѣроятной сутолоки, какая происходила на прежнихъ сеймикахъ» [4]).

«На сеймикахъ не было ни иностранныхъ, ни мѣстныхъ солдатъ...; обывателей не подкупали подарками...; это первый примѣръ, что народъ единодушно принялъ конституцію»,—писалъ бывшій ея противникъ, познанскій посолъ Мелжинскій [5]).

---

[1]) Король-Букатому 4-го (15-го) февраля 1792 г. (Калинка, II, 205).
[2]) Kantecki. Z autografów biblioteki poturzyckiej. (Przewodnik nauk. i lit. 1878 г., стр. 93).
[3]) Король—Орачевскому 11-го (22-го) февраля 1792 г.
[4]) Pamiętniki J. D. Ochockiego. Wilno, 1857, II, 166, 168.
[5]) Сессія сейма, 10-го (21-го) марта 1792 г. (Gazeta narodowa i obca отъ 10-го (21-го) марта 1792, № 23).

«Любопытно,—писалъ съ своей стороны маршалъ Малаховскій своему племяннику въ Дрезденъ,—что скажутъ у васъ о единодушіи сеймиковъ. Человѣкъ религіозный увидитъ въ этомъ руку Промысла; политикъ увидитъ въ этомъ доказательство преданности народа закону [1]).

Даже «недовольные» не могли ни въ чемъ упрекнуть сеймики.

«Совершенно вѣрно,—писалъ Щенсному-Потоцкому одинъ довѣренный человѣкъ,—что обыватели созваны въ провинціи законнымъ образомъ; рѣшеніе повѣтовъ также законно; но отовсюду сообщаютъ, что число съѣхавшихся было невелико» [2]).

Тѣмъ не менѣе исходъ сеймиковъ не оставлялъ желать ничего лучшаго. Сторонники конституціи ликовали, Станиславъ-Августъ видѣлъ въ этомъ пораженіе «недовольныхъ»:

«Ни на одномъ изъ сеймовъ,—писалъ онъ Орачевскому,—ни одинъ изъ пріятелей бывшаго генерала артиллеріи не вспомнилъ его ни добрымъ, ни худымъ словомъ, а на нѣкоторыхъ сеймахъ шляхта говорила: «Хорошо Потоцкому и Ржевусскому, а если бы кто изъ насъ пошелъ противъ постановленій сейма [3])..., то намъ, навѣрное, пришлось бы хуже, нежели имъ». Король полагалъ, что Щенсный-Потоцкій, не найдя поддержки въ народѣ, откажется отъ своихъ замысловъ, возвратится въ Польшу и присягнетъ конституціи. Въ исходѣ февраля, пригласивъ къ себѣ довѣренное лицо Щенснаго-Потоцкаго, Рожана, онъ сказалъ ему: «Я получилъ извѣстіе, что 50 сеймиковъ уже присягнули конституціи, т. е. значительное большинство. Потоцкій, несмотря на свой протестъ, могъ бы, безъ позора для себя, вернуться въ Польшу подъ предлогомъ, что онъ не присягалъ конституціи, полагая, что она не будетъ одобрена народомъ; но, узнавъ истинное положеніе дѣла, онъ присоединяется къ волѣ народа» [4]).

Подъ впечатлѣніемъ добрыхъ вѣстей о сеймахъ въ Варшавѣ полагали, что министры и должностныя лица, не сочувствовавшіе конституціи, должны будутъ оставить свои мѣста [5]).

Полагали также, что принятіе народомъ конституціи измѣнитъ отношеніе Россіи къ Рѣчи Посполитой и повліяетъ на рѣшеніе курфирста.

«Разныя соображенія,—писалъ король,—даютъ намъ право предполагать, что Москва не объявитъ намъ войны изъ-за этого переворота». Онъ полагалъ, что настроеніе народа «произведетъ впечатлѣніе и въ

---

[1]) Костомаровъ, стр. 408.

[2]) Рожанъ Щенсному-Потоцкому 28-го февраля (10-го марта) 1792 г.

[3]) Король—Орачевскому 18-го (29-го) февраля 1792 г.

[4]) Рожанъ—Щенсному-Потоцкому 17-го (28-го) февраля 1792 г.

[5]) Дневникъ Булгакова, отъ 10-го (21-го) февраля 1792 г. (Калинка, II, 295).

Петербургѣ, хотя бывшій генералъ артиллеріи Потоцкій, бывшій гетманъ Ржевусскій, Сухоржевскій и Томашевскій уже, вѣроятно, отправились туда» [1]).

«По многимъ признакамъ можно было думать, — писалъ Хрептовичъ,—что одною изъ главныхъ причинъ, заставлявшихъ курфирста медлить рѣшеніемъ, была неувѣренность въ томъ, одобритъ-ли народъ новую конституцію. Благопріятный исходъ нынѣшнихъ сеймовъ можетъ совершенно успокоить его относительно этого пункта и ускорить его рѣшеніе» [2]).

Король приказалъ сообщить саксонскому посланнику въ Варшавѣ Эссену списокъ сеймиковъ, поименовавъ ихъ въ томъ порядкѣ, который соотвѣтствовалъ ихъ отношенію къ конституціи 3-го мая; носились также слухи, будто князю Адаму Чарторыйскому было приказано продлить свое пребываніе въ Дрезденѣ, чтобы сообщить курфирсту о впечатлѣніи, какое новая форма правленія произвела на шляхту. Эссенъ былъ увѣренъ, что если сеймики пройдутъ благополучно, то Варшавскій дворъ не преминетъ вновь обратиться къ курфирсту съ предложеніемъ принять корону. Луккезини чрезвычайно волновался по поводу сеймиковъ. Онъ не ожидалъ, что они пройдутъ такъ благополучно, и опасался, какъ бы подчиненіе народа волѣ сейма не вызвало такихъ послѣдствій, какихъ никто не ожидалъ [3]).

Въ то время, какъ король и близкіе къ нему люди, подъ впечатлѣніемъ благополучнаго исхода сеймиковъ, предавались радостнымъ иллюзіямъ, жизнь страны вступала въ свое обычное теченіе. Вновь избранные депутаты и должностныя лица приготовлялись къ исполненію своихъ обязанностей, честолюбивые члены сейма помышляли о сенаторскихъ креслахъ, болѣе скромные мечтали объ орденахъ, перстняхъ, либо о хорошемъ жалованьи, а Станиславъ-Августъ поджидалъ съ нетерпѣніемъ извѣстій изъ Петербурга и Дрездена.

VII.

По мнѣнію Безбородка, россійская армія, возвращавшаяся изъ Турціи, могла вступить въ Польшу въ маѣ мѣсяцѣ. Но, во избѣжаніе мо-

---

[1]) Король—Орачевскому 11-го (22-го) и 18-го (29-го) февраля 1792 г.

[2]) Хрептовичъ—польскому посланнику въ Копенгагенѣ, 7-го (18-го) февраля 1792 г.

[3]) Дневникъ Булгакова, 9-го (20-го) и 12-го (23-го) февраля 1792 г. (Калинка, II, 293, 295).

гущихъ произойти случайностей, Россіи слѣдовало снестись предварительно съ сосѣдними Прусскимъ и Австрійскимъ дворами, а по полученіи отъ нихъ удовлетворительнаго отвѣта, предупредить о вторженіи правительство Рѣчи Посполитой и дѣйствовать согласно съ планомъ, выработаннымъ совмѣстно съ Потоцкимъ и Ржевусскимъ [1]).

Этотъ проектъ, посланный въ Петербургъ изъ Яссъ, одновременно съ извѣстіемъ о результатѣ совѣщаній съ поляками-эмигрантами, былъ одобренъ политическими друзьями Безбородка, графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ, Николаемъ Ивановичемъ Салтыковымъ и вице-канцлеромъ Остерманомъ. На него изъявила согласіе и сама императрица [2]).

Въ Петербургѣ съ нетерпѣніемъ ожидали польскихъ магнатовъ, которые должны были принять участіе въ выработкѣ плана и въ его исполненіи. Ихъ ждали въ началѣ марта и безпокоились по поводу того, что они не ѣхали.

Безбородко смѣялся надъ этими страхами и писалъ: «Зачѣмъ у васъ о полякахъ тревожилися? Ихъ никто бы не унесъ; да они же люди такіе осторожные, что взяли путь направо къ обожаемой ими графинѣ Виттъ» [3]).

И дѣйствительно, страхъ оказался напраснымъ, ибо въ тотъ моментъ, когда Безбородко писалъ эти строки, т. е. въ началѣ марта, польскіе паны были уже на берегахъ Невы. Императрица жаловалась въ то время на бездну дѣлъ.

«Еще пріѣздъ Потоцкаго и Ржевусскаго занимаетъ время. Какъ же ихъ не принять,—говорила императрица,—одинъ 30-ть лѣтъ намъ вѣренъ и преданъ, а другой, изъ врага, сдѣлался, по обстоятельствамъ, намъ другъ, потому что республика не можетъ устоять безъ Россіи» [4]).

Вслѣдъ за Потоцкимъ и Ржевусскимъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ мартѣ мѣсяцѣ гетманъ Браницкій. Еще въ январѣ онъ просилъ короля чрезъ Коллонтая и маршала Потоцкаго о дозволеніи отправиться съ женою въ Петербургъ, для устройства дѣлъ о наслѣдствѣ Потемкина. «Я не боюсь присутствія его въ Петербургѣ,—писалъ Коллонтай,—видя, какъ дѣло устраивается въ Дрезденѣ; но такъ какъ я зналъ, что маршалъ долженъ былъ доложить объ этомъ вашему королевскому величеству, то я рѣшилъ сказать Браницкому, что ваше королевское

---

[1]) Безбородко—П. В. Завадовскому, 22-го ноября (3-го декабря) 1791 г. (Архивъ кн. Воронцова, кн. XIII, Москва, 1879, стр. 233).

[2]) Безбородко—русскому послу въ Лондонѣ, Воронцову, 16-го (27-го мая) 1792 г. (Григоровичъ. Канцлеръ кн. Безбородко, Спб. 1879, т. I, 428).

[3]) Безбородко—графу А. Моркову, 2-го (13-го) марта 1792 г. (Архивъ кн. Воронцова, кн. XIII, Москва, 1879, стр. 254).

[4]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, Спб., 1874, стр. 392.

величество дадите приказаніе Потоцкому лично, а онъ уже получитъ отъ него окончательный отвѣтъ».

Жена Браницкаго хлопотала за мужа, засыпала короля письмами и просьбами; къ нему приставалъ также Булгаковъ, предупреждая короля, что императрица приняла бы отказъ уволить Браницкаго за личное оскорбленіе. Въ письмѣ отъ 27-го февраля (10-го марта) гетманъ возобновилъ свою просьбу, ссылаясь на присягу, данную имъ при вступленіи въ Стражу.

«Во избѣжаніе всякихъ подозрѣній, даю честное слово, что моя поѣздка не имѣетъ иной цѣли, какъ только пользу моихъ дѣтей,—писалъ онъ королю,—и что я вернусь вѣрнымъ вашему королевскому величеству и конституціи».

1-го (12-го) марта король разрѣшилъ Браницкому трехмѣсячный отпускъ, взявъ съ него письменное удостовѣреніе, что онъ останется вѣрнымъ конституціи, и слово, что если интересы Рѣчи Посполитой потребуютъ, то онъ тотчасъ вернется въ Польшу.

«Я рѣшилъ,—писалъ король Букатому, какъ бы оправдываясь,—что не слѣдовало сердить въ такихъ пустякахъ императрицу, коль скоро мы рѣшили въ гораздо болѣе важныхъ дѣлахъ и съ бо́льшимъ рискомъ идти противъ ея воли, если бы она вздумала нарушить нашу конституцію... Если бы даже Браницкій сдѣлался вѣроломнымъ и захотѣлъ учинить что-либо противъ Польши совмѣстно съ бывшимъ генераломъ артиллеріи и бывшимъ гетманомъ Ржевусскимъ, то онъ также нашелъ бы мало добровольныхъ сторонниковъ въ Польшѣ, если ихъ не поддержитъ русское войско. А если бы это войско, чего Боже упаси, вступило къ намъ съ непріязненной цѣлью, то ихъ происки не причинили бы намъ особеннаго вреда по сравненію съ тѣмъ, какой причинитъ намъ русское войско» [1].

10-го (21-го) марта Безбородко пріѣхалъ въ Петербургъ. Изъ писемъ императрицы, которая торопила его вернуться какъ можно скорѣе, онъ заключалъ, что вѣдѣніе польскими дѣлами будетъ поручено ему, а никому другому; но, прибывъ въ столицу, онъ убѣдился, что его положеніе пошатнулось. Уѣзжая, по смерти Потемкина, въ Яссы, Безбородко поручилъ, по свойственной ему угодливости, завѣдываніе дѣлами внутренней политики фавориту императрицы, 26-ти-лѣтнему Платону Александровичу Зубову, а дѣла внѣшнія его другу, Аркадію Ивановичу Моркову, чрезъ котораго онъ разсчитывалъ войти въ болѣе близкія отношенія къ фавориту. Вскорѣ по возвращеніи его въ Петербургъ, «ему дали почувствовать, что дѣла уже не въ его рукахъ. Зубовъ упра-

[1]) Король—Букатому, 3-го (14-го) марта 1792 г. (Калинка. Послѣдн. годы царств. Станислава-Августа, II, 206).

влялъ всѣми внутренними и внѣшними дѣлами, имѣя Моркова подъ собою для письма иностраннаго. Ни одинъ изъ прежнихъ фаворитовъ, даже и самъ всемогущій князь Потемкинъ, не имѣлъ столь огромной власти, какъ Зубовъ: ибо тѣ распространяли свое вліяніе на одинъ департаментъ, а онъ захватилъ себѣ все» [1]).

Помимо Зубова, который, послѣ кончины Потемкина, пріобрѣлъ огромное вліяніе и значеніе, и Моркова, который, какъ человѣкъ опытный въ дипломатіи, имѣлъ вліяніе на фаворита, видную роль сталъ играть при дворѣ Василій Степановичъ Поповъ, довѣренный человѣкъ покойнаго князя, завѣдывавшій его личными дѣлами. Человѣкъ, «безъ просвѣщенія и безъ талантовъ», онъ снискалъ особливую довѣренность императрицы тѣмъ, что убѣдилъ ее, что онъ былъ душою всѣхъ дѣлъ и помысловъ Потемкина, «чего отнюдь не было: ибо покойный князь ни намѣреній постоянныхъ, ни плановъ опредѣленныхъ ни на что не имѣлъ» [2]).

Эти три лица взяли на себя, передъ возвращеніемъ Безбородка, въ свое завѣдываніе дѣла польскія. Поповъ представилъ какой-то проектъ Потемкина, Морковъ представилъ свои собственныя соображенія; Зубовъ присоединился къ нимъ.

По мнѣнію императрицы, для начала дѣйствій было достаточно опереться на существовавшую въ Польшѣ партію недовольныхъ.

«Морковъ говоритъ»,—писала она Безбородку 4-го (15-го) декабря 1791 г.,—«чтобъ заготовить партію въ Польшѣ и дѣлать внушеніе дворамъ, а я говорю, чтобъ дворамъ не сказать слова, а партія сыщется всегда, когда нужно будетъ. Нельзя, чтобъ не было людей, кои бы лучше желали старину; тутъ же дѣло идетъ о продажѣ староствъ и объ уничтоженіи гетмановъ. Папа отсовѣтываетъ вводить греческихъ епископовъ въ Польшѣ и подчинить ихъ цареградскому патріарху; ему надо унію. Вѣдь, кажется, тутъ, въ Волыніи и Подоліи, много разныхъ предлоговъ; стоитъ лишь выбрать. Я приказала сдѣлать выпись изъ поведенія Польши въ разсужденіи насъ отъ 1787 года» [3]).

Булгаковъ доносилъ, что Россія можетъ разсчитывать на 15-ть сенаторовъ и на 36-ть пословъ. Кромѣ того, 19-ть сенаторовъ и 20-ть пословъ, недовольныхъ ходомъ занятій сейма, только и ожидали позыва для того, чтобы выступить съ оппозиціей. Каждый изъ нихъ имѣлъ вліяніе и связи и могъ увлечь за собою толпу сторонниковъ. Этого императрица считала достаточнымъ, чтобы приступить къ дѣлу; опи-

---

[1]) Завадовскій — Воронцову, послу въ Лондонѣ, 16-го (27-го) января 1793 г. (Арх. кн. Воронцова, кн. XII, стр. 75). Дневникъ Храповицкаго, стр. 533.

[2]) Завадовскій—Воронцову, 14-го (25-го) мая 1792 г. (Арх. кн. Воронцова, кн. XII, стр. 79).

[3]) «Русскій Арх.», 1876, I, стр. 168.

раться же на какую-либо партію она считала излишнимъ, такъ какъ сила ея была въ войскѣ.

На частной аудіенціи, данной императрицей Потоцкому и Ржевускому, на которую былъ допущенъ одинъ только Зубовъ [1]), было рѣшено, что недовольные конституціей магнаты составятъ конфедерацію и обратятся за помощью къ Россіи. Въ скоромъ времени польскіе паны составили, при содѣйствіи генерала Попова, актъ генеральной коронной конфедераціи, а по составленіи ея, подали императрицѣ слѣдующее прошеніе:

«Великая государыня. Мы, свободные, независимые поляки, всегда считали рабство равносильнымъ смерти. Жертвуя всѣмъ свободѣ, мы думали только о томъ, чтобъ сохранить ее, и для того мы устроили правленіе, гдѣ каждый былъ у себя королемъ, и гдѣ всѣ вмѣстѣ признавали только одного, и только того, кого сами избрали. Вмѣстѣ властители и подданные, мы издавали законы и повиновались имъ. У насъ не было другого властелина, кромѣ нашей воли. Законъ былъ прежде всего, короли были избирательные, гражданинъ свободенъ, и Польша была республикой. Вотъ чѣмъ мы были, великая государыня, и чего нѣтъ болѣе. Намъ остается умереть, или снова сдѣлаться тѣми, чѣмъ мы были.

«Горсть людей овладѣла законодательной властью, поддержанная, варшавскою чернью и полками коронной гвардіи, забыла отечество и принесла республику въ жертву королю. Эпохой этой революціи былъ день 3-го мая прошлаго года. Отмѣнено было избраніе королей, установлено престолонаслѣдіе, королю дана армія, казна и право миловать преступниковъ, нарушены были pacta conventa, король разрѣшенъ отъ присяги, данной имъ націи, уволенъ отъ исполненія условій, при которыхъ онъ принялъ корону, и врагомъ отечества объявленъ всякій, кто осмѣлится быть противъ новой конституціи; однимъ словомъ, республика была уничтожена, совершено преступленіе, и водворенъ деспотизмъ. Самое возмутительное то, что согласіе на это постановленіе изъявила только пятая часть засѣдающихъ на сеймѣ, въ отсутствіи остальныхъ четырехъ пятыхъ, несмотря на протестъ большинства сенаторовъ и депутатовъ. Все это совершено противъ инструкцій, данныхъ воеводствами, и слѣдовательно противъ воли націи; словомъ, все это исполнено посредствомъ самаго неслыханнаго насилія и поруганія надъ священнымъ званіемъ депутата, въ лицѣ г. Сухоржевскаго, котораго съ величайшимъ трудомъ спасли отъ смерти и отъ тѣхъ, которые топтали его ногами.

«Преступленіе совершилось, надо было поддержать его силою. Обра-

---

[1]) Костомаровъ, 415.

тились къ арміи и принудили ее присягнуть конституціи, и теперь ею пользуются, какъ орудіемъ, чтобы упрочить установленное рабство. Оружіе республики обратилось противъ нея самой, защитникъ края сдѣлался противъ своей воли ея притѣснителемъ, и поляки, организовавъ съ большими пожертвованіями войско въ шестьдесятъ пять тысячъ человѣкъ, сами того не подозрѣвая, устроили все къ своей гибели. Съ другой стороны, такъ какъ мечъ правосудія грозилъ поразить тѣхъ, которые осмѣлятся противиться новой конституціи, протестовать противъ нея или выставлять ея недостатки, то пущены были въ ходъ доносы, кары и гоненіе, а это, въ свою очередь, лишило возможности выбиться изъ такого положенія собственными силами. Всѣ стонутъ, но никто не смѣетъ поднять голову, изъ опасенія ея лишиться. Сеймъ, созванный на шесть недѣль, насильственно захватилъ законодательную власть и пользовался ею три года съ половиною, вопреки положительному запрещенію закона; сдѣлавшись такимъ образомъ вполнѣ незаконнымъ, онъ не поколебался ни минуты овладѣть и другими полномочіями республики. Законодатель дѣлается судьей и исполнителемъ въ одно и то же время, а въ довершеніе еще и доносчикомъ.

«Начались ссылки, гетманъ Ржевусскій, такъ же какъ фельдцейхмейстеръ Потоцкій, обвиненные сеймомъ, судимые сеймомъ, лишенные сеймомъ своихъ должностей, не будучи ни призваны, ни выслушаны, сдѣлались первыми жертвами. Нарушенъ былъ главный законъ республики: Neminem captivabimus, nisi jure victum, въ лицѣ г. Томашевскаго, котораго арестовали безъ предварительнаго постановленія суда, и арестовали за то, что у него нашли книги, выставлявшія на видъ недостатки новой конститутуціи. Вооруженной силой принудили высшее литовское судилище дать присягу новой конституціи. Епископа Ливоніи Коссаковскаго, захвативъ въ его домѣ, повели въ церковь, чтобы заставить отслужить молебенъ по случаю совершеннаго насилія. Завели процессы съ гражданами, приверженными къ свободѣ, возбудили жителей противъ дворянства, наконецъ раздули возстаніе крестьянъ затѣмъ, чтобъ унизить дворянство чрезъ крестьянъ и потомъ наложить ярмо рабства на обоихъ. Это не все. Не допускаютъ нигдѣ двадцати особамъ изъ благородныхъ гражданъ собраться вмѣстѣ, и назвавъ это заговоромъ противъ правительства, вносятъ тѣмъ ужасъ и горе въ нѣдра семействъ. Покровительство, оказываемое тѣмъ, которые приписываются къ буржуазіи, дѣлаетъ то, что ни одинъ господинъ не увѣренъ болѣе въ своемъ слугѣ, и не знаетъ, кого онъ держитъ у себя, слугу или врага. Перехватываніе писемъ, отобраніе почтъ отнимаютъ всѣ средства сообщенія между гражданами и не допускаютъ ихъ сговориться о средствахъ облегчить свою участь. Ни одинъ процессъ не выигранъ, если не пущено въ ходъ низкопоклонство при дворѣ; ни-

кто не оставленъ въ покоѣ, если не объявляетъ себя громогласно защитникомъ рабства; однимъ словомъ, нѣтъ ни свободы, ни собственности, ни безопасности. Дошли до того, что заставили законодателя принять на себя роль клеветника и скрѣпить своимъ показаніемъ нелѣпыя обвиненія, которыя хотѣли взвести на ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ. Сдѣлано еще болѣе: дошли до того, что предложили королю передъ лицомъ всего сената... Но замолчимъ, пусть не вѣдаетъ потомство, что подобное преступленіе существовало въ Польшѣ, и существовало безнаказанно. Вотъ въ какомъ положеніи находится Польша въ настоящее время. Насколько хватитъ силъ и средствъ, гражданинъ не долженъ пренебрегать ничѣмъ, чтобъ возстановить республику. Но когда угнетающая партія завладѣла всѣми полномочіями республики, и для того, чтобъ водворить и поддержать деспотизмъ, воспользовалась арміей и государственной казной; когда, однимъ словомъ, имѣя въ рукахъ всѣ средства угнетать, она въ то же время отняла всѣ средства защищаться и гражданинъ не можетъ болѣе заявлять свои права и вольности, не слывя за преступника, ни осмѣлиться поднять голову, не подвергаясь опасности ея лишиться,—тогда обязанность каждаго честнаго гражданина искать извнѣ поддержки своему отечеству. Да, его обязанность искать извнѣ боговъ, благопріятныхъ свободѣ, когда онъ видитъ, что домашніе пенаты не за нее. Эти чуждые боги сдѣлаются его богами, если имъ удастся спасти государство и гражданина.

«Великая Екатерина! Уподобясь божеству еще болѣе желаніемъ творить добро, нежели безграничною властью, которою ты облечена, ты одна можешь быть этимъ божествомъ, благопріятнымъ для польской свободы.

«Владычица полуміра, великая по уму и дѣяніямъ, ты предписала законы всѣмъ твоимъ врагамъ. Удивленная Европа смолкла передъ тобою, и у тебя нѣтъ болѣе ни враговъ, ни соперниковъ. Польская нація, соединенная въ одну общую конфедерацію, обращается къ тебѣ какъ къ божеству, благопріятному для ея свободы, и призываетъ тебя къ себѣ на помощь. Ты предназначена къ этому величіемъ твоей души, и дружба, всегда оказываемая тобою польской республикѣ, скрѣпленная торжественными договорами, даетъ тебѣ право совершить великое дѣло. Всѣ надѣются на тебя и ожидаютъ всего только отъ тебя одной. Въ самомъ дѣлѣ, великая государыня, ты, наполнившая вселенную славою твоегоимени и твоихъ побѣдъ и величіемъ души еще болѣе, чѣмъ страхомъ завоеваній, сдѣлавшаяся прибѣжищемъ народовъ и царей, можешь-ли ты отказаться протянуть твою великодушную руку угнетенной націи, которой ты была всегдашней союзницей? Почему польскій король, по просьбѣ котораго ты столько разъ посылала войска твои въ Польшу, олженъ оказаться въ этомъ случаѣ счастливѣе насъ? Сколько тысячъ и

тысячъ гражданъ, надѣясь только на тебя и борясь противъ деспотизма, не могутъ сбросить наложенныя на нихъ оковы безъ твоей всесильной помощи! Нѣтъ, великая государыня, мы осмѣливаемся надѣяться на все, потому что мы тебя знаемъ. Всегда одинаково великая, ты можешь только еще возвыситься, склонившись на мольбы угнетенной націи.

«Великая государыня! Сколько народовъ, живущихъ подъ охраной твоего скипетра, обязаны тебѣ своимъ счастіемъ! Сдѣлай, чтобъ поляки, твои сосѣди и союзники, обязаны были тебѣ своей свободой. Сдѣлай такъ, чтобъ имя твое, прославленное въ самомъ отдаленномъ потомствѣ, навсегда пробуждало въ сердцахъ поляковъ чувство самой глубокой благодарности» [1]).

Въ то время когда Екатеринѣ было подано вышеприведенное прошеніе, русскіе сановники, вѣдавшіе польскими дѣлами, выработали планъ вторженія русскихъ войскъ въ Польшу и заготовили проектъ деклараціи, въ которой исчислялись всѣ оскорбленія, нанесенныя Россіи виновниками переворота и свидѣтельствовавшія о неблагодарности Польши; говорилось, что польская нація употребила во зло оказанныя императрицею благодѣянія, ея благія намѣренія относительно Рѣчи Посполитой были представлены въ ложномъ свѣтѣ, честолюбцы, недовольные настоящимъ своимъ положеніемъ, представили ея гарантіи твердости законовъ и правленія республики, какъ тяжкое и постыдное иго, а между тѣмъ позднѣйшія событія показали, какъ необходимо обезпеченіе существующаго порядка вещей; далѣе описывалось, съ какими насиліями былъ произведенъ переворотъ 3-го мая, лишившій Польшу избирательнаго престола, какъ овладѣвшая правленіемъ партія хотѣла поссорить Польшу съ Россіей, «державою издавна дружелюбною» Рѣчи Посполитой и польскому народу, какъ она настояла на томъ, чтобъ русскія войска были удалены изъ польскихъ владѣній; говорилось, что подданные императрицы, находившіеся въ Польшѣ, подвергались преслѣдованію; епископъ переяславскій, подданный императрицы, несмотря на его санъ и чистоту нравовъ, былъ схваченъ и отвезенъ въ Варшаву; что они нарушили самые священные договоры: отправили чрезвычайное посольство въ Турцію, съ цѣлью предложить ей союзъ противъ Россіи; въ сеймовыхъ рѣчахъ и въ печати не сохранено надлежащаго уваженія къ особѣ императрицы и т. д. Императрица, забывая неумѣстные поступки въ отношеніи себя, не могла не склониться къ настоятельной просьбѣ многихъ поляковъ, отличающихся рожденіемъ, саномъ и патріотической доблестью, желающихъ возстановить древнюю свободу и независимость своего отечества, которые составили законную конфедерацію противъ незаконной варшавской и прибѣгли къ ней съ просьбой о

[1]) Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ., т. 47, 310—319.

помощи и покровительствѣ; она сочла себя обязанной трактатами подать имъ эту помощь и приказала части войскъ своихъ войти во владѣнія республики. «Они являются друзьями, чтобъ содѣйствовать возстановленію старинныхъ правъ и вольностей польскихъ», говорилось въ декларацiи; всѣмъ, которые поспѣшатъ отдаться подъ покровительство императрицы, обѣщалось не только полное забвеніе прошлаго, но и личная безопасность и всякая помощь; тѣ же, кои бы сопротивлялись благодѣтельнымъ намѣреніямъ императрицы, пусть припишутъ самимъ себѣ ожидающее ихъ суровое съ ними обращеніе [1]).

Авторы этого проекта намѣревались сдѣлать все сами, не спрашивая мнѣнія Государственнаго Совѣта, но Безбородко испортилъ имъ все дѣло. Императрица ничего не рѣшала, не посовѣтовавшись съ нимъ и съ вице-канцлеромъ; перваго она просила высказать съ полной откровенностью свои мысли касательно политики. Безбородко доказывалъ ей необходимость овладѣть Украйной и иными землями Рѣчи Посполитой, коль скоро къ тому представится удобный случай; но онъ былъ того мнѣнія, что нельзя предпринимать никакихъ военныхъ дѣйствій, не обсудивъ положенія дѣлъ всесторонне, и предложилъ представить проектъ Попова, Моркова и Зубова на обсужденіе Государственнаго Совѣта [2]).

29-го марта (9-го апрѣля), по высочайшему повелѣнію графомъ Безбородко были доложены Государственному Совѣту проектъ декларацiи по дѣламъ польскимъ и два рескрипта на имя генераловъ Каховскаго и Кречетникова, при чемъ было объявлено, что эти бумаги сообщаются Совѣту въ величайшей тайнѣ. При чтеніи ихъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ даны были объясненія по дѣламъ польскимъ и представлена переписка съ русскими послами въ Вѣнѣ и Берлинѣ, княземъ Голицынымъ и Алопеусомъ, касательно плана вступленія русскихъ войскъ въ Польшу.

Государственный Совѣтъ постановилъ слѣдующее мнѣніе:

«Неоспоримо, что сверхъ многихъ озлобленій и знаковъ крайняго недоброхотства, оказанныхъ Россіи со стороны партіи, нынѣ въ Польшѣ господствующей, въ теченіе минувшей войны съ турками, произведенная тою же партіею перемѣна правленія для насъ предосудительна и вредна, и что потому необходимо нужно стараться испровергнуть оную, въ чемъ ея императорское величество и все возмездіе за таковое короля польскаго и его единомышленныхъ недоброжелательство полагаетъ», а потому Совѣтъ находилъ, что «проектъ декларацiи составленъ въ выраже-

---

[1]) Соловьевъ, Исторія паденія Польши, Спб. 1863, стр. 269.

[2]) Безбородко къ гр. С. Р. Воронцову 15-го (26-го) мая 1792 г. (Арх. кн. Воронцова, кн. XIII, стр. 255. Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. 26. 428, 429).

ніяхъ пристойныхъ и положенію дѣлъ сообразныхъ, число войскъ россійскихъ назначаемое весьма достаточно, а мѣры, въ проектахъ рескриптовъ начертанныя, представляются надежными къ одержанію полнаго въ томъ успѣха», если только Россіи противостанутъ одни польскія войска. «Но для обезпеченія себя въ таковомъ успѣхѣ нужно не меньше быть увѣренными въ согласіи на то и со стороны сосѣднихъ Польшѣ Вѣнскаго, особливо же Берлинскаго дворовъ». Что касалось перваго, то Совѣтъ, признавая, что взгляды Вѣнскаго двора на польскія дѣла во многомъ расходились со взглядами Россіи, полагалъ однако, что «при твердомъ настояніи» съ ея стороны въ принятомъ намѣреніи, онъ «ограничится одними представленіями и совѣтами», и считая для себя союзъ съ Россіей самымъ полезнымъ, «ни тайно, ни явно не поддастся ни на какія дѣятельныя вопреки Россіи средства». Совершенно инымъ представлялось положеніе короля прусскаго, заключившаго съ Польшею, на послѣднемъ сеймѣ, оборонительный союзъ. Вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу и начатіе дѣйствій безъ предварительнаго ему сообщенія могло быть принято имъ за поводъ къ войнѣ, и тогда онъ «не остановится на одномъ поданіи помощи въ первой степени, каковая обыкновенно назначается въ трактатахъ между союзными державами, но конечно рѣшится на пособіе большими силами». Тогда и Англія легко могла бы вмѣшаться въ дѣло, «ибо извѣстно, что король и министерство ту же ненависть къ Россіи питаютъ, что и прежде, и охотно станутъ искать воспользоваться случаемъ вредить намъ. Напротивъ того, нельзя ожидать отъ Вѣнскаго двора, чтобъ онъ при таковомъ дѣятельномъ короля прусскаго пособіи призналъ случай союза и вступилъ съ нами въ общее противу него дѣло». Въ виду этого и полагая, что «настоящая форма правленія, коварствомъ и насиліемъ въ Польшѣ введенная», могла оказаться въ будущемъ опасной для прусской монархіи и такъ какъ изъ предварительныхъ отвѣтовъ Берлинскаго кабинета было видно, что его образъ мыслей по этому предмету былъ сходенъ съ взглядомъ Русскаго кабинета, Совѣтъ считалъ нужнымъ сдѣлать новое съ Берлинскимъ дворомъ дружеское объясненіе, предлагая ему, что число недовольныхъ въ Польшѣ немало; что для достиженія нашихъ предположеній мы намѣрены ихъ подкрѣпить; что время, наступающее къ выводу изъ турецкихъ областей войскъ россійскихъ, подаетъ къ тому удобность, которою и положено у насъ воспользоваться; для успокоенія же Берлинскаго двора необходимо подать ему увѣреніе, что намѣренія ея императорскаго величества безкорыстны и ни къ чему иному не клонятся, кромѣ къ возвращенію вещей въ то состояніе, въ какомъ имъ быть свойственно для покоя сосѣднихъ державъ; что, ниопровергая незаконно и насильно на послѣднемъ сеймѣ учиненное, въ Россіи и въ мысли не имѣютъ касаться союза, королемъ прусскимъ съ республи-

кою заключеннаго... «Безъ таковыхъ же предварительныхъ сообщеній и обнадеживаній сомнительно, чтобъ онъ остался равнодушнымъ зрителемъ всего нами производимаго, тѣмъ болѣе, что, кромѣ другихъ поводовъ, одно любочестіе, что не сдѣлано ему никакого откровенія о предпринимаемыхъ въ сосѣдней землѣ и с толь близко границъ его простираемыхъ дѣйствіяхъ, возбудитъ въ немъ безпокойство. Вѣнскому двору въ качествѣ союзнаго, равное же сообщеніе въ израженіяхъ, нашему взаимному положенію сходственныхъ, учинено быть долженствуетъ».

Предпринимая дѣйствіе въ Польшѣ со столь значительными силами, что потребовало бы немалыхъ издержекъ, тѣмъ болѣе, что «по входѣ войскъ въ Польшу на содержаніе ихъ не иныя деньги, какъ золотыя или серебряныя, нужны будутъ», надлежало, по мнѣнію Совѣта, стараться, «чтобъ таковое знатныхъ силъ и способовъ употребленіе награждено было по крайней мѣрѣ доставленіемъ прочнаго на будущія времена со стороны польской спокойствія и безопасности», а для этого, самое простое было «возстановленіе правленія польскаго въ томъ состояніи, въ каковомъ оно было при двухъ короляхъ предпослѣднихъ, Августѣ II и Августѣ III», когда дѣятельность правительства и сеймовъ не причиняла сосѣдямъ ни малѣйшей тревоги и «сила и вліяніе Россіи простирались болѣе на общія дѣла и на выгоды и пособіе для войскъ нашихъ, нежели на частные виды чьи-либо». Въ заключеніе Совѣтъ высказалъ относительно Станислава-Августа мнѣніе, что онъ «при всякомъ случаѣ искалъ присвоить себѣ власти болѣе предмѣстниковъ своихъ, а правительству своему—вящщую дѣятельность; что всѣ его перевороты на нашу или на другую сторону ту единственно цѣль имѣли, что всѣ перемѣны, въ правительствѣ польскомъ произведенныя, къ тому пріуготовили, чтобъ доставить ему удобность произвесть все то, что въ послѣднее время случилося» [1]).

Мнѣніе Государственнаго Совѣта согласовалось съ духомъ проектовъ Безбородка; поэтому оно было одобрено императрицей и доставило ему торжество надъ Зубовымъ, Морковымъ и Поповымъ. Вмѣстѣ съ нимъ торжествовали и его политическіе друзья: гр. Александръ Воронцовъ и Петръ Завадовскій [2]). Обнародованіемъ деклараціи и приказовъ, касавшихся вступленія русскихъ войскъ въ Польшу, рѣшено было сначала повременить, такъ какъ, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, надлежало сперва условиться съ дворами Вѣнскимъ и Берлинскимъ. Однако, нѣсколько времени спустя, было рѣшено не ожидать отъ нихъ отвѣта. Каховскому и Кречетникову было повелѣно перейти польскую границу

[1]) Архивъ Гос. Сов., т. I. Совѣтъ въ царствованіе имп. Екатерины II, стр. 906—910.

[2]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 394.

въ половинѣ мая; 12-го (23-го) апрѣля Безбородко, по повелѣнію императрицы, запросилъ также Государственный Совѣтъ относительно того, когда именно и какимъ способомъ препроводить въ Варшаву декларацію, а равно, какъ долженъ держать себя впредь Булгаковъ. По рѣшенію Совѣта, Булгаковъ долженъ былъ вручить декларацію канцлеру и подканцлеру между 1-мъ (12-мъ) и 6-мъ (17-мъ) мая, т. е. передъ вступленіемъ русскихъ войскъ въ Польшу. Ему не велѣно было сообщать объ этомъ предварительно ни одному изъ находившихся въ Варшавѣ иностранныхъ пословъ, дабы они, узнавъ преждевременно о намѣреніяхъ Россіи, не предприняли какихъ-либо непріязненныхъ шаговъ. Вручивъ декларацію, Булгаковъ долженъ былъ выждать отвѣта Варшавскаго двора; въ крайнемъ случаѣ, т. е. ежели варшавское правительство приметъ шагъ Петербургскаго кабинета за объявленіе войны и потребуетъ его формальнаго отъѣзда, онъ долженъ исполнить это требованіе, препоручивъ посольскій архивъ датскому посланнику [1]).

Россія, которая была готова, въ крайнемъ случаѣ, сдѣлать Пруссіи уступку и допустить, чтобы она воспользовалась раздѣломъ Польши, держала себя по отношенію къ Австріи въ высшей степени пренебрежительно. На ноту Кауница отъ 12-го (23-го) мая Петербургскій кабинетъ отвѣчалъ лишь девять мѣсяцевъ спустя по ея полученіи, 19-го февраля (1-го марта) 1792 г., уже по ратификаціи мира съ Турціей. Видя, что Австрія была очень взволнована событіями, происходившими во Франціи, императрица побуждала ее вооружиться и обѣщала ей даже принять на себя половину расходовъ, если бы она отказалась отъ своего взгляда на Польшу.

«Впрочемъ,—говорилось Вѣнскому кабинету,—если вы будете настаивать на своемъ намѣреніи усилить Польшу, то вы останетесь при своемъ мнѣніи одни. Королю прусскому еще менѣе, нежели намъ, нравится Польша съ наслѣдственнымъ престоломъ и усиленной королевской властью». Однако, до поры до времени, Россія тщательно скрывала свое намѣреніе совершить раздѣлъ Польши, увѣряя Австрію въ неприкосновенности польскихъ границъ.

19-го февраля (1-го марта) скончался императоръ Леопольдъ. Извѣстіе это не смутило поляковъ. Станиславъ-Августъ, убѣжденный въ томъ, что «Вѣна и Берлинъ... до тѣхъ поръ не предпримутъ, согласно желанію императрицы, ничего противъ Франціи, пока она не дастъ слово, что не нарушитъ мира съ Польшей», предавался по поводу кончины императора такимъ надеждамъ, которыя поражали маршалка Потоцкаго своимъ оптимизмомъ.

«Вѣсть о кончинѣ императора,—писалъ онъ,—подала и мнѣ поводъ

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, т. I, стр. 910—912.

къ различнымъ предположеніямъ касательно дальнѣйшаго отношенія къ намъ Австрійскаго двора, коего насущные интересы остаются неизмѣнны. Было бы неблагоразумно утверждать, что смерть императора измѣнитъ образъ дѣйствій курфирста саксонскаго, и бояться неблагопріятныхъ для насъ обстоятельствъ» [1]).

Дѣйствительно, Францискъ II придерживался вначалѣ относительно Петербургскаго кабинета политики своего отца, отъ которой ему пришлось, впрочемъ, вскорѣ отказаться.

10-го (21-го) апрѣля французское народное собраніе объявило Австріи войну, и императоръ, нуждаясь въ помощи, лишился возможности помѣшать намѣреніямъ Россіи относительно Польши [2]). Это ускорило рѣшеніе Екатерины ввести свои войска въ Польшу и вызвало приказаніе Булгакову вручить польскимъ министрамъ декларацію императрицы.

Вышеупомянутыя событія, конечно, должны были оказать вліяніе на отношеніе къ Польшѣ курфистра саксонскаго.

На отвѣтъ Фридриха-Августа отъ 3-го (14-го) февраля польскіе делегаты заявили, что рѣшеніе, касающееся измѣненія нѣкоторыхъ пунктовъ конституціи, превышаетъ ихъ полномочія, и что было бы лучше, если бы Саксонскій кабинетъ назначилъ коммиссара, который обсудилъ бы этотъ вопросъ непосредственно съ сеймомъ. Саксонскіе министры изъявили на это согласіе; но полученное нѣсколько дней спустя извѣстіе о кончинѣ императора Леопольда задержало посылку коммиссара, котораго курфирстъ не спѣшилъ назначить, желая знать предварительно, какъ взглянетъ на польскія дѣла Францискъ II. Князь Чарторыйскій получилъ отъ него на прощальной аудіенціи 10-го (21-го) марта табакерку, но такъ и уѣхалъ, не дождавшись назначенія коммиссара, и Ландріани, на просьбу поддержать ходатайство поляковъ, выразилъ сомнѣніе, получитъ-ли коммиссаръ, хотя бы онъ и былъ назначенъ тотчасъ, дозволеніе вести переговоры съ Рѣчью Посполитой.

И, въ самомъ дѣлѣ, 28-го марта (9-го апрѣля) въ Варшавѣ было получено оффиціальное увѣдомленіе о назначеніи коммиссаромъ чрезвычайнаго посла гр. Лёбена, который и выѣхалъ въ Польшу въ половинѣ апрѣля. Но ему не было разрѣшено вести какіе бы то ни было переговоры съ варшавскимъ правительствомъ. Посылка чрезвычайнаго посла была со стороны курфирста простымъ актомъ вѣжливости.

Если Фридрихъ-Августъ не рѣшался принять корону въ то время,

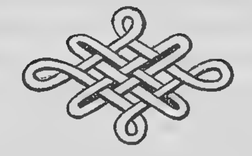
[1]) 5-го (16-го) марта 1792 г. королю.

[2]) Калинка, Политика австр. двора, стр. 41, 43.

когда императрица хранила молчаніе о дѣлахъ польскихъ, то, понятно, что онъ не принялъ бы ея и подавно въ то время, когда она двинула въ Польшу свои войска для ниспроверженія того порядка вещей, на которомъ Рѣчь Посполитая строила свое будущее.

В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Рескриптъ Александра I Лопухину и Нелединскому-Мелецкому.

14-го января 1802 г., № 53.

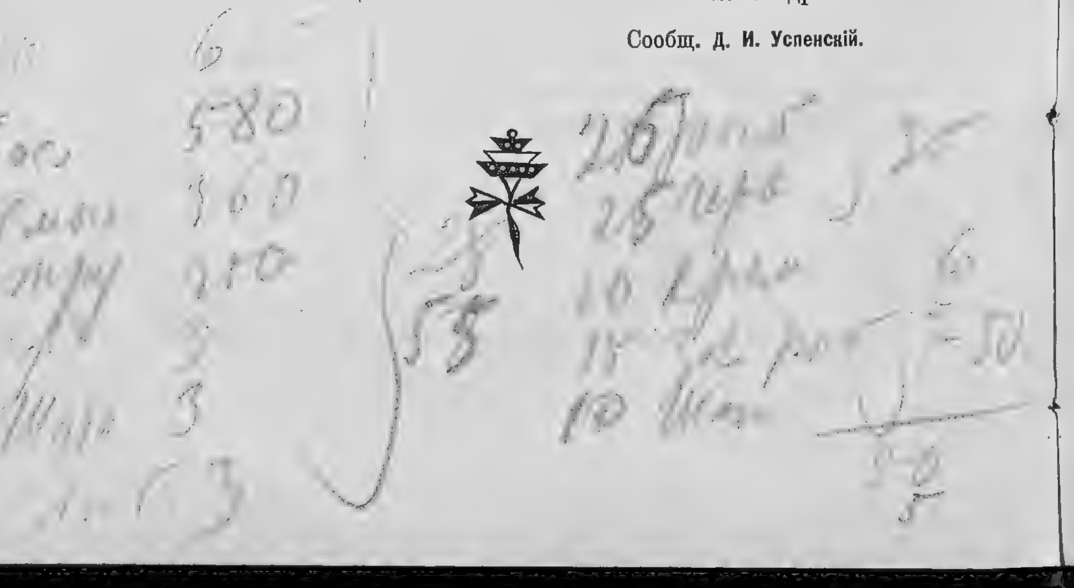
Господа тайные совѣтники и сенаторы Лопухинъ и Нелединскій Мелецкій.

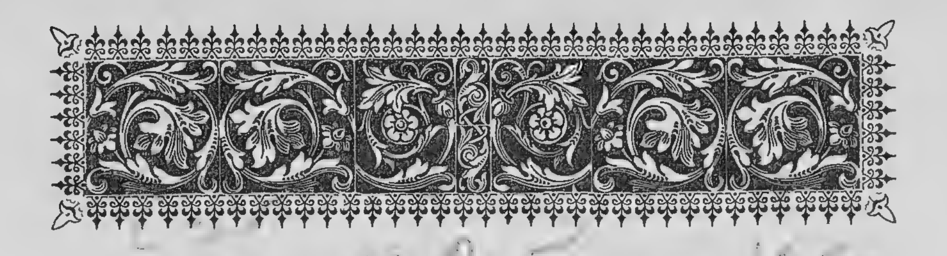
Съ совершеннымъ удовольствіемъ получилъ я послѣднее донесеніе ваше объ оконченномъ вами слѣдствіи по жалобамъ жителей Богучарскаго уѣзда. Производство сего дѣла, исполненіе и другихъ порученій, особенно вамъ отъ меня данныхъ, собственныя ваши примѣчанія на всѣ части Слободско-Украинской губерніи дѣлаютъ честь вашему просвѣщенію, правотѣ и видамъ справедливаго человѣколюбія. Изъявляя вамъ за сіе благодарность и пріемля за благо всѣ представленія ваши, я далъ надлежащія по тому предписанія, а въ уваженіе свидѣтельства вашего пожаловалъ харьковскаго вице-губернатора статскаго совѣтника Картвелина въ дѣйствительные статскіе совѣтники, директора училища коллежскаго ассесора Кудрипкаго въ надворные совѣтники и сверхъ того опредѣлилъ ему въ пенсіонъ, кромѣ жалованья, двѣсти пятьдесятъ рублей, въ подкрѣпленіе самому училищу приказалъ отпустить пять тысячъ рублей, предполагая и впредь дѣлать ему вспоможеніе; титулярнаго совѣтника Шишкина утвердилъ въ Харьковѣ городничимъ и находившихся при васъ чиновниковъ Щепина, Добачевскаго и Яковенкова произвелъ слѣдующими чинами.

Пребываю вамъ благосклонный

Александръ.

Сообщ. Д. И. Успенскій.

Записки Михаила Чайковскаго.

(Мехметъ-Садыкъ паши).

LXXVII [1]).

Непонятная выходка французскаго консула.—Распространеніе уніи въ Болгаріи.—Монахъ Панталеонъ и увлеченіе имъ женщинъ.—Драгунъ Богданъ, обвиненный въ убійствѣ.—Слѣдствіе.—Столкновеніе поручика Масальскаго съ арнаутомъ.—Дѣятельность агентовъ барона Окши въ Болгаріи.—Мои труды по обученію казаковъ.—Дѣло объ убійствѣ Масальскаго.—Утраты, понесенныя нашимъ полкомъ.

Въ 1863 г. французскимъ консуломъ въ Константинополѣ былъ de Courtois, только-что возвратившійся съ женою изъ Франціи, куда онъ ѣздилъ въ отпускъ. Во время праздника байрама, по свойственному французамъ легкомыслію и отчасти изъ религіознаго фанатизма, онъ не вывѣсилъ французскаго флага надъ зданіемъ консульства, чтобы не почтить этимъ праздника мусульманской вѣры, между тѣмъ какъ англійскій консулъ преисправно поднялъ свой флагъ на разсвѣтѣ. Вали-паша, зная мои дружественныя отношенія къ Франціи, прислалъ спросить меня, что могла быть за причина неуваженія, оказаннаго мусульманскому празднику. Полицейскій инспекторъ Теодоровичъ, отставной казачій офицеръ, явившійся ко мнѣ за разъясненіемъ этого вопроса, сообщилъ мнѣ, что вниманіе вали-паши было обращено на этотъ фактъ англійскимъ консуломъ, который посѣтилъ пашу рано утромъ, до цере-

[1]) См. „Русскую Старину“, декабрь 1900 г.

моніи въ мечети. Мнѣ не хотѣлось вмѣшиваться въ это дѣло, и я посовѣтовалъ Теодоровичу обратиться за разъясненіемъ къ самому французскому консулу, что̀ онъ и сдѣлалъ. De Courtois далъ ему нелѣпое объясненіе, будто бы у флага порвалась веревка и поэтому его нельзя было поднять, а слуги не оказалось дома и послать за новой веревкой было некого. При этомъ de Courtois присовокупилъ, что англійскій консулъ увѣрялъ его, будто въ дни мусульманскихъ религіозныхъ праздниковъ консулы не обязаны вывѣшивать флага и что католическое духовенство вполнѣ одобряетъ это.

Въ это время католицизму, съ помощью польскихъ ксендзовъ и при поддержкѣ Кибризли-Мехмедъ-паши, удалось упрочить въ Болгаріи уніатскую церковь. Карлъ Кочановскій, одинъ изъ дѣльнѣйшихъ офицеровъ польской артиллеріи 1831 г., поступивъ въ монахи, былъ посланъ, въ качествѣ уніатскаго священника, въ Турцію; я далъ ему рекомендательное письмо къ Кибризли-пашѣ. Кочановскій, въ которомъ монашеская ряса не убила духа стараго вояки, понравился пашѣ, который, взявъ его съ собою, объѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ вилайетъ, склоняя болгаръ къ принятію католической вѣры. Подъ вліяніемъ ихъ убѣжденій нѣсколько десятковъ селъ перешли въ унію, и въ вилайетѣ было основано нѣсколько уніатскихъ монастырей; въ одномъ изъ нихъ монахъ Панталеонъ завелъ настоящую фаланстеру (общежитіе). Этотъ монахъ не былъ ни особенно хорошъ собою, ни особенно статенъ, но его рѣчь отличалась такой выразительностью и такимъ обаяніемъ, что онъ производилъ на женщинъ неотразимое впечатлѣніе, и онѣ были готовы идти за нимъ всюду. Супруга англійскаго консула, дама высокообразованная, умная и развитая, которой мужъ былъ въ значительной степени обязанъ своимъ вліяніемъ, говорила мнѣ, что она не могла дать себѣ отчета, почему именно проповѣди Панталеона производили на нее такое сильное впечатлѣніе, что она бывала послѣ нихъ нѣсколько дней сама не своя; она просила мужа не пускать ее болѣе на его проповѣди, не ручаясь, что и она не уйдетъ въ фаланстеру. То же самое я слышалъ и отъ многихъ другихъ дамъ, принадлежавшихъ къ лучшему адріанопольскому обществу. Въ селѣ Вакуфѣ, близъ котораго находился монастырь Панталеона, и во всей округѣ молодыя, красивыя собою и богатыя болгарки бросали мужей и родныхъ, принимали унію и шли въ фаланстеру; въ ней насчитывали до двухъ тысячъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ мужчины составляли ничтожную часть; въ монастырѣ соблюдались строгіе нравы, постъ и молитва. Когда же монахъ Панталеонъ скончался въ Адріанополѣ, то на его похороны стеклось не менѣе 30.000 женщинъ; одѣяніе, принадлежавшее этому монаху, было разорвано на мелкіе клочки, которые женщины вырывали другъ у друга, какъ какую-нибудь святыню. Я видѣлъ куски сукна и полотна, которые были

оправлены въ медальоны, осыпанные брилліантами и другими драгоцѣнными камнями; не только болгарки, но и гречанки носили ихъ на шеѣ, на золотыхъ цѣпочкахъ. Панталеона называли Златоустомъ; одна почтенныхъ лѣтъ особа изъ Карагача говорила мнѣ, что его голосъ былъ такъ мелодиченъ, что, слушая его, казалось, будто находишься не на землѣ, а въ раю или на небесахъ. Однако на мужчинъ онъ не производилъ подобнаго впечатлѣнія.

При содѣйствіи ксендза Кочановскаго и Златоуста Панталеона и нѣкоторой поддержкѣ со стороны французскаго посольства можно было бы привлечь къ уніи многихъ болгаръ, ибо турецкія власти относились къ католицизму скорѣе сочувственно, нежели непріязненно. Россія смотрѣла на обращеніе ихъ въ унію равнодушно, Австрія же не покровительствовала уніи, имѣя своего собственнаго епископа въ Филиппополѣ, своихъ капуциновъ и павликіанъ.

Въ вопросѣ о введеніи въ Болгарію уніи французскіе дипломаты съиграли довольно смѣшную роль, ибо англичане, желая уронить французовъ въ глазахъ болгаръ и турецкихъ властей, старались натолкнуть ихъ на всевозможные безразсудные поступки и выходки и этимъ заставляли болгаръ обращаться въ протестантство.

Вслѣдствіе моей давнишней пріязни съ Кочановскимъ и въ виду того, что во главѣ уніи стояли ксендзы-поляки, я оказывалъ ей, по мѣрѣ силъ, свое содѣйствіе; но въ душѣ былъ увѣренъ, что для болгарскаго народа унія скорѣе вредна, нежели полезна, такъ какъ она отрывала его отъ востока и отъ славянства.

Для турецкаго правительства желательнѣе всего было сохранить прежній порядокъ, когда болгарская церковь признавала своимъ главою греческаго патріарха, ибо болгарскій народъ, исповѣдуя православную вѣру, тѣмъ самымъ подпадалъ, весьма естественно, подъ власть Россіи, тогда какъ католицизмъ или унія должны были сблизить его съ католическою Австріей.

Нѣсколько дней спустя послѣ праздника байрама ко мнѣ пришелъ de Courtois, чтобы прочесть мнѣ письмо, написанное имъ вали, въ которомъ онъ объяснялъ, что въ день байрама имъ не могъ быть поднятъ флагъ по причинѣ порваннаго шнурка. Онъ былъ очень доволенъ своей находчивостью и говорилъ, что англійскій консулъ одобрилъ эту редакцію. Я разсмѣялся и сказалъ, что, вѣроятно, англійскій консулъ либо пошутилъ, либо хотѣлъ, по своему обыкновенію, подвести его подъ непріятность.

Это было наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Издавна существовалъ обычай посылать въ этотъ день въ католическій костелъ и въ православную церковь полковую музыку и нарядъ солдатъ съ офицерами для участія въ парадѣ. Въ страстную субботу я получилъ отъ

вали-паши оффиціальный приказъ, въ которомъ говорилось, что «въ виду того, что французскій консулъ не оказалъ уваженія великому мусульманскому празднику, достоинство и честь Порты требуютъ чтобы на завтрашнемъ торжествѣ католической церкви не было ни музыки, ни турецкаго войска и чтобы никто изъ военныхъ не присутствовалъ въ церкви».

Требованіе вали-паши было вполнѣ справедливое; принимая во вниманіе озлобленіе, вызванное въ мусульманахъ поступкомъ французскаго консула, онъ и не могъ отдать иного приказа. Тѣмъ не менѣе я отправился къ нему и заявилъ, что почти всѣ мои офицеры и многіе солдаты католики и поэтому должны быть въ церкви въ такой торжественный день; слѣдовательно, я долженъ послать для нихъ и музыкантовъ. Было рѣшено послать музыкантовъ въ будничныхъ синихъ мундирахъ, а не въ красныхъ, которые они одѣвали обыкновенно на парады; также рѣшено было не дѣлать передъ костеломъ парада.

Такъ оно и было, но англійскій консулъ, поссоривъ французскаго консула съ вали-пашою, этимъ не удовольствовался и уговорилъ пашу помѣстить въ стамбульскихъ вѣдомостяхъ статью по поводу скверной одежды казацкихъ офицеровъ и отсутствія парадной музыки. Во французской газетѣ «Courrier d'Orient», издававшейся въ Константинополѣ, въ которой сотрудничали многіе поляки, начали поносить поляковъ, писать о нихъ всякія небылицы. Мой старшій сынъ, совершенно некстати, вмѣшался въ это дѣло и съ своей стороны помѣстилъ въ газетѣ статью въ защиту казаковъ, на что поляки отвѣчали такою ругательною статьею, что Высокая Порта, безъ всякой просьбы съ моей стороны, приказала прекратить эту полемику. Англійскій консулъ достигъ своей цѣли, поссоривъ французскаго консула со мною и съ казаками, а поляки вновь доказали этимъ свое недоброжелательство къ намъ.

Въ это время на меня начались всевозможныя нападки со стороны поляковъ; англійскія газеты, въ особенности «Times», получая корреспонденціи отъ Окши, Владислава Іордана и Карскаго, начали помѣщать статьи враждебныя нашей казацкой организаціи.

Въ нѣкоторыхъ газетахъ насъ называли губителями славянской свободы и народности, врагами христіанской вѣры, шпіонами мусульманъ; особенно невѣроятныя вещи писали о насъ въ нѣмецкихъ газетахъ; изъ французскихъ же на насъ нападалъ только одинъ демократическій «Courrier d'Orient»; ни одна русская, славянская или греческая газета не говорила о насъ дурного слова.

Это былъ моментъ пробужденія болгарскаго народнаго самосознанія. Турецкое правительство не довѣряло и не могло довѣрять болгарамъ. Поэтому агентамъ барона Окши было поручено шпіонить за ними, что, само собою разумѣется, чрезвычайно раздражало болгаръ, по донесенію;

его агентовъ ихъ арестовывали, заточали въ тюрьмы и ссылали въ Анатолію. Изъ Байреутъ, гдѣ въ мѣстномъ эскадронѣ было много болгаръ, мнѣ доносили, что туда привозили арестованныхъ болгаръ, которые слѣдовали въ дальнѣйшую ссылку, и что всѣ они, въ одинъ голосъ, жаловались на то, что они сосланы по доносу поляковъ - агентовъ барона Окши. Этихъ жертвъ доноса были не десятки, а сотни; дѣло дошло до того, что если въ какомъ-нибудь селеніи появлялся полякъ не въ казацкомъ мундирѣ, то населеніе укрывалось отъ него, какъ отъ шпіона, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ люди были посмѣлѣе, они прогоняли ихъ съ бранью и угрозами. Такой пріемъ былъ оказанъ въ Разградѣ и въ Габровѣ инженеру Владиславу Мощинскому, который былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ барона Окши и первымъ его доносчикомъ. Но полякъ въ казацкомъ или въ драгунскомъ мундирѣ считался другомъ болгаръ, они таковымъ вполнѣ довѣряли и совѣтовались съ ними.

Когда среди болгаръ началось броженіе, то генералъ Быстроновскій, который, по моей просьбѣ, былъ назначенъ, по окончаніи войны, состоять при турецкомъ посольствѣ въ Парижѣ, въ качествѣ военно-уполномоченнаго, составилъ записку, въ которой доказывалъ необходимость дать Болгаріи автономное управленіе и поставить во главѣ его. меня, какъ человѣка, пользующагося среди болгаръ извѣстнымъ вліяніемъ. Онъ передалъ эту записку турецкому посланнику, а копіи съ нея прислалъ въ Константинополь Али-пашѣ и прочимъ турецкимъ сановникамъ, изъ коихъ двое: Галиль Шерифъ-паша (впослѣдствіи посланникъ въ Вѣнѣ) и Фашилъ Мустафа-паша говорили мнѣ объ этомъ; послѣдній показалъ мнѣ экземпляръ, писанный рукою Быстроновскаго, и высказалъ мнѣніе, что это было сдѣлано съ цѣлью подорвать ко мнѣ довѣріе турецкаго правительства. Таково было и мое мнѣніе, которое я высказалъ откровенно генералу Быстроновскому, съ коимъ находился въ перепискѣ. Но онъ объяснилъ это самыми лучшими намѣреніями.

Полученное вскорѣ Чернецкимъ письмо отъ Лизикевича пролило свѣтъ на дѣйствія моихъ бывшихъ политическихъ друзей; сношенія генерала Быстроновскаго съ Окшею, дѣятельность его пріятеля, Воронича, въ Добруджѣ, гдѣ онъ убѣждалъ казаковъ отказаться отъ ихъ старинныхъ привилегій и принять турецкое подданство, наконецъ стараніе Быстроновскаго помѣшать моимъ дружескимъ отношеніямъ къ молочной сестрѣ Наполеона III, Гортензіи Корну,—все это показывало ясно, что поляки какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Парижѣ и во всѣхъ прочихъ мѣстахъ дѣйствовали дружно противъ казацкой организаціи и противъ меня, стоявшаго во главѣ казаковъ. Причины этихъ враждебныхъ выходокъ я, какъ тогда, такъ и теперь, совершенно не могъ себѣ объяснить.

Недоброжелательство и антипатія ко мнѣ поляковъ высказались особенно ярко въ сочиненіяхъ Душинскаго и Владислава Мицкевича. Первый, въ своемъ сочиненіи о дѣятельности поляковъ на востокѣ во время войны 1854 и 1855 г.г., не упомянулъ ни слова о казакахъ, бывшихъ подъ моею командою, въ числѣ коихъ находились поляки, и обо мнѣ лично, хотя я также былъ полякъ; а Владиславъ Мицкевичъ, издавая письма своего отца съ востока, выпустилъ изъ нихъ все то, что относилось къ моимъ казакамъ и ко мнѣ. Это показываетъ лучше всего, какое предубѣжденіе и недоброжелательство существовали въ польскомъ обществѣ противъ насъ. Насъ не рѣшались поносить и уничижать открыто, но объ насъ не упоминали вовсе, какъ будто насъ не было на свѣтѣ, и въ то же время намъ старались вредить всякими окольными тайными путями.

Когда всѣ мои попытки сойтись съ поляками окончились неудачею я рѣшилъ окончательно отдалиться отъ нихъ и работать для польскаго дѣла своими собственными силами.

Благодаря моимъ стараніямъ наша полковая школа была увеличена; я назначилъ ея директоромъ моего сына, а въ помощники ему далъ Адама Морозовича, офицера весьма способнаго и свѣдущаго; преподаватели были выбраны изъ числа лучшихъ учениковъ прежней полковой школы, и она начала процвѣтать. Болгары учились говорить и писать по-польски, занимались охотно науками, составляли топографическія карты, однимъ словомъ, нами было подготовлено изъ унтеръ-офицеровъ до сорока человѣкъ прекрасныхъ офицеровъ. Нѣсколькимъ офицерамъ и унтеръ-офицерамъ школы было поручено вали-пашою проводить дороги въ вилайетѣ; они какъ нельзя лучше справились съ дѣломъ и не уступали въ теоріи и практикѣ инженерамъ по профессіи. Другимъ было поручено составленіе подробной карты вилайета; выполненная весьма успѣшно, она была издана въ Адріанополѣ и представляетъ до сихъ поръ единственную въ своемъ родѣ карту въ Турціи.

Чтобы выработать изъ казаковъ лихихъ кавалеристовъ, я устраивалъ карусели и джигитовки; нѣсколько разъ въ недѣлю устраивались за городомъ примѣрныя сраженія. Кавалерія была постоянно въ движеніи; большая часть офицеровъ относилась къ своимъ служебнымъ обязанностямъ ревностно и усердно. Я до сихъ поръ вспоминаю съ удовольствіемъ, съ какой точностью и энергіей они исполняли данныя имъ приказанія.

Однажды, на лѣвомъ берегу Тунджи, были назначены маневры. На правомъ берегу, въ придворномъ звѣринцѣ, собрались зрители: вали, консулы, сановники и мѣстные зрители. Тунджа—очень глубокая рѣка и въ томъ мѣстѣ не вполнѣ безопасная, ибо на днѣ ея лежатъ колоды

сгнившихъ деревьевъ; дно илистое, а берега отвѣсные; въ ней ежегодно тонетъ немало людей и лошадей. Палатка вали была разбита на берегу, въ самомъ неудобномъ, крутомъ мѣстѣ.

Нашъ казацкій офицеръ Буржинскій стоялъ около вали верхомъ, когда тотъ обернулся къ нему и произнесъ: «Прикажите начинать».

Буржинскій тотчасъ повернулся, пришпорилъ коня и бросился въ рѣку; его денщикъ, чаушъ Мусса, послѣдовалъ примѣру офицера; лошади и ѣздоки были прекрасные. Сопровождаемые возгласами страха и одобренія, они переплыли на другую сторону и понеслись по полю. Съ кавалеріей, состоящей изъ такихъ лихихъ наѣздниковъ, можно дѣлать чудеса. Таковы были казаки, состоявшіе на турецкой службѣ. Они не останавливались ни передъ чѣмъ; скакали по горамъ, какъ дикія козы; переплывали рѣки, какъ утки; на землѣ для нихъ не существовало препятствій; подъ дождемъ и въ вьюгу они гарцовали на своихъ коняхъ такъ же молодецки, какъ въ самый ясный солнечный день. Глядя на эту молодежь, не разъ приходило на умъ, что между ними есть, быть можетъ, Дверницкіе, Ружицкіе, Келлерманы, а быть можетъ и Платовы, Чернецкіе и Выговскіе. И, конечно, между ними были люди отважные, способные показать міру, что можетъ сдѣлать казакъ, если его не настигнетъ преждевременно смерть, или если онъ не облачится въ халатъ и туфли, какъ это случалось, къ сожалѣнію, со всѣми женатыми казаками.

«Выѣзжать на ученье рано утромъ слишкомъ холодно, днемъ на ученьи жарко, вечеромъ легко простудиться, зимой можно отморозить себѣ что-нибудь, весною схватить лихорадку, лѣтомъ легко заболѣть поносомъ—осенью можно получить тифъ»—такъ говорили жены казаковъ, приставая къ полковому доктору съ просьбою дать ихъ мужьямъ свидѣтельство о болѣзни, чтобы они не несли службы и могли не являться на ученье.

Но эти нескончаемыя болѣзни женатыхъ офицеровъ не вредили полку; онъ былъ молодецкій, смѣлый, отважный.

Въ описываемое время на него свалилась слѣдующая бѣда.

Какой-то ага, турокъ, черноусый Донъ-Жуанъ, бывая часто въ селеніи, въ которомъ находилось имѣніе драгунскаго подполковника Хаджи-Юзуфъ-бея, соблазнилъ турчанку.

Нѣсколько времени спустя аги не стало; его вороная лошадь вернулась домой одна, безъ сѣдла, а нѣсколько дней спустя цыганка нашла трупъ аги въ кустахъ подлѣ дороги; подозрѣніе пало на драгуна Богдана, денщика подполковника, хорошаго солдата. Нашлись люди, которые видѣли Богдана въ корчмѣ вмѣстѣ съ агой, а нѣсколько женщинъ утверждало, что онѣ видѣли, какъ онъ гнался по полю за агой и

рубилъ его саблей, пока тотъ не свалился. Улики были важныя, но Богданъ отрицалъ свою вину; его арестовали.

Надобно замѣтить, что подполковникъ Хаджи-Юсуфъ-паша купилъ имѣніе, которое хотѣлъ пріобрѣсти одинъ изъ вліятельнѣйшихъ беевъ вилайета, Иззетъ-бей; а перекупить что-либо у турокъ считается страшнымъ оскорбленіемъ; Иззетъ-бей былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ англійскимъ консуломъ и доставлялъ ему изъ своего имѣнія всякіе съѣстные припасы и дрова; поэтому консулъ былъ его покорнѣйшимъ слугою. Съ другой стороны, многіе офицеры относились къ подполковнику недоброжелательно за то, что онъ съумѣлъ лучше ихъ понять духъ и надобности казацкой организаціи, и хотя былъ турокъ, но во сто разъ лучше служилъ дѣлу польской организаціи, нежели они, поляки. Поэтому, за рюмкой вина или за стаканомъ пунша, они распускали самые невѣроятные слухи про него и про его гаремъ, а такъ какъ англійскій консулъ принималъ участіе во всѣхъ пирушкахъ, то онъ зналъ всѣ эти разсказы и вздумалъ вмѣшаться въ дѣло подполковника.

Адріанопольскимъ вали былъ то время Ассимъ-паша, человѣкъ благовоспитанный, получившій образованіе во Франціи; онъ говорилъ превосходно по-французски, обладалъ основательными познаніями въ наукахъ и искусствахъ, но находился всецѣло подъ вліяніемъ англійскаго консула. Послѣдній, безъ его вѣдома, при содѣйствіи кади и улема, сталъ возбуждать мусульманъ къ подачѣ мазбата (просьбы) противъ казаковъ и драгунъ и обвинялъ ихъ въ соучастіи съ Богданомъ въ убійствѣ аги.

Когда я оставилъ командованіе войскомъ, Богданъ все еще сидѣлъ въ заключеніи, но я не увѣренъ, что убійство совершено было именно имъ.

Другое непріятное событіе, приключившееся въ то же время въ нашемъ полку, показываетъ, что такое мусульманская справедливость и въ особенности, какъ необходимы въ Турціи реформы.

Два казацкихъ офицера, Масальскій и Ломанъ, съ двумя унтеръ-офицерами охотились на куропатокъ въ окрестностяхъ Адріанополя. Куруджій (сторожъ полевыхъ работъ), арнаутъ, запретилъ имъ проходъ чрезъ виноградники, хотя виноградъ былъ уже снятъ, и, будучи выпивши, началъ поносить гяура и казаковъ; два его товарища стояли тутъ же и цѣлились въ нихъ изъ ружей. Масальскій, человѣкъ смѣлый, но серьезный и осторожный, не любившій доводить дѣло до ссоры, поставивъ ружье въ сторону, подошелъ къ арнауту и велѣлъ ему прекратить брань, такъ какъ предъ нимъ были солдаты султана; тогда арнаутъ выстрѣлилъ въ безоружнаго Масальскаго, и тотъ, раненый въ голень, упалъ на землю. Товарищи поспѣшили ему на выручку, а ар-

науты скрылись въ виноградникъ. Мнѣ тотчасъ дали знать о случившемся, и я потребовалъ, чтобы заптіи явились ко мнѣ въ конакъ, но они отвѣчали отказомъ. Тогда капитанъ Морозовичъ, командовавшій казацкою жандармеріей, сѣвъ на лошадь, поѣхалъ къ винограднику со своими казаками и арестовалъ убійцу въ тотъ самый моментъ, когда мусульмане собирались бѣжать въ горы. Я передалъ его въ руки мѣстныхъ властей; слѣдствіе началось съ обвиненія казаковъ въ томъ, что они побили арнаута палками; было очевидно, что казаковъ намѣревались судить для того, чтобы выторговать потомъ уступку съ нашей стороны.

Масальскій былъ тяжело раненъ, но надежда на его спасеніе еще не была потеряна; онъ лежалъ въ госпиталѣ, а слѣдствіе велось между тѣмъ такъ неправильно, что мнѣ приходилось неоднократно вступаться и требовать, чтобы виновнаго держали строже и не позволяли ему сговариваться съ арнаутами, которые приходили его навѣщать. Убійцѣ арнауту покровительствовали беи, такъ какъ онъ оказывалъ разнаго рода услуги на «джумбушахъ», т. е. на бесѣдахъ, которыя они устраивали въ виноградныхъ садахъ и на которыя арнаутъ приглашалъ гяурокъ. Беи и самъ муфтій очень любили посѣщать эти бесѣды.

Когда я настаивалъ на болѣе строгомъ содержаніи арнаута, то вали объяснилъ мнѣ причину благоволенія къ нему беевъ и муфтія и просилъ изложить мою просьбу письменно, чтобы онъ могъ сослаться на этотъ документъ. Я узналъ отъ него, что, по мнѣнію муфтія, слѣдствіе должно было прекратиться, такъ какъ у меня не было ни одного свидѣтеля-мусульманина; свидѣтельство же христіанъ не можетъ, по правиламъ корана, быть принято шерифатомъ; я отвѣчалъ, что я вскорѣ дамъ на это отвѣтъ, что онъ у меня уже готовъ.

Когда Морозовичъ прислалъ убійцу, тотчасъ по арестованіи его, ко мнѣ на квартиру, то я пригласилъ полкового эмина (штабъ-офицера) Азисъ-эфенди, полкового писаря Решидъ-эфенди и приказалъ въ присутствіи ихъ и нѣсколькихъ мусульманъ произвести допросъ и изложить его письменно. Убійца и его товарищи признались тогда во всемъ и, омочивъ пальцы въ чернила, приложили ихъ къ бумагѣ въ знакъ своей подписи, а прочіе мусульмане приложили къ ней свои печати.

Эту бумагу я представилъ теперь въ судъ. Такая предусмотрительность съ моей стороны удивила муфтія, но онъ заявилъ, что допросъ не можетъ считаться правильнымъ, такъ какъ онъ велся безъ представителей гражданской власти; я велѣлъ отвѣтить ему на это, что за несоблюденіе формы я отвѣчу передъ подлежащей властью, но я представляю подлинный документъ, свидѣтельствующій о совершенномъ преступленіи, и, какъ паша и мусульманинъ, требую, чтобы на основаніи этого документа было произведено слѣдствіе гражданскою вла-

стью. Не ограничившись этимъ, я донесъ объ этомъ случаѣ сераскиру, который одобрилъ мои дѣйствія.

Слѣдствіе велось вяло, и хотя судъ призналъ арнаута, на основаніи представленнаго мною документа, виновнымъ въ убійствѣ, но, желая доказать, что зачинщикомъ дѣла былъ Масальскій, онъ вызвалъ рядъ новыхъ свидѣтелей, и больного офицера тревожили допросами такъ часто, что его положеніе ухудшилось, и онъ дошелъ до того, что уже не понималъ, что ему говорятъ, и не могъ ничего отвѣчать.

Выслушивая разныя выдумки муфтія, я приходилъ иногда въ бѣшенство; такъ, напр., однажды, онъ старался доказать, что ружье Масальскаго, упавъ на землю, выстрѣлило само и ранило его.

Когда ему доказывали, что ружье не могло выстрѣлить, такъ какъ оно стояло въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, подъ деревомъ, что оно было заряжено мелкой дробью, а рана причинена крупной дробью, то онъ отвѣчалъ: «Все это прекрасно, но все это подтверждается свидѣтельствомъ христіанъ, которое не имѣетъ значенія для насъ». Тогда ему затыкали ротъ представленнымъ мною документомъ, который былъ засвидѣтельствованъ сераскиромъ и великимъ визиремъ.

Въ Турціи не будетъ справедливаго суда до тѣхъ поръ, пока свидѣтельство христіанъ не будетъ имѣть такой же силы и значенія, какъ свидѣтельство мусульманъ. Шеріатъ есть высшая судебная инстанція Турціи, а между тѣмъ онъ не принимаетъ свидѣтельства христіанскихъ подданныхъ султана; какой же можно ожидать справедливости отъ суда при такой постановкѣ дѣла?

Дѣло объ убійствѣ Масальскаго было окончено еще при мнѣ; убійца приговоренъ къ 20 годамъ каторжныхъ работъ, но онъ подалъ аппеляцію въ Стамбулъ, и приговоръ, какъ я узналъ уже въ то время, какъ я сдалъ командованіе полкомъ, не былъ приведенъ въ исполненіе.

Это злополучное дѣло возстановило солдатъ противъ мѣстнаго населенія и властей, такъ какъ Масальскій былъ однимъ изъ наилучшихъ офицеровъ среди казаковъ и драгунъ и пользовался любовью и уваженіемъ солдатъ; съ другой стороны, беи и муфтій, не будучи въ состояніи поставить на своемъ, возстановляли мусульманъ противъ казаковъ; впрочемъ, это было имъ довольно трудно, такъ какъ въ Адріанополѣ меня любили какъ мусульмане, такъ и христіане, и болѣе довѣряли моимъ казакамъ, нежели заптіямъ. Несмотря на это, можно было опасаться, что обоюдное озлобленіе будетъ имѣть печальныя послѣдствія. Консулы ожидали катастрофы и уже готовились къ дипломатическому вмѣшательству.

Въ это время казаки лишились трехъ офицеровъ. Первымъ скончался капитанъ Станиславъ Бродовскій, который служилъ прежде въ дивизіи Замойскаго и при сформированіи драгунскаго полка былъ зачи-

сленъ въ него; онъ командовалъ четвертымъ драгунскимъ эскадрономъ, но въ моментъ своей смерти былъ уже въ отставкѣ и получалъ пенсію.

Приказъ объ его погребеніи, которое должно было состояться на третій день байрама, былъ подписанъ подполковникомъ Гаджи-Юсуфъ-беемъ.

На второй день байрама вали-паша осматривалъ казармы; я встрѣтилъ его во главѣ офицеровъ; со мною былъ также Гаджи-Юзуфъ-бей; на обратномъ пути изъ казармъ бей, всегда спокойный и серьезный, подпрыгивалъ на лошади и былъ очень веселъ. Вечеромъ къ нему былъ приглашенъ на обѣдъ Азисъ-эфенди, только-что возвратившійся изъ отпуска. Подполковникъ никогда не пилъ ни вина, ни водки, но любилъ плотно покушать, въ особенности мучного и пилава. Ночью мой слуга Ахмедъ-ага разбудилъ меня, крича: «Гаджи-Юсуфъ-бей скончался». Я вскочилъ съ постели и побѣжалъ къ нему, но уже не засталъ его въ живыхъ. Я очень горевалъ о немъ, такъ какъ я высоко цѣнилъ его, какъ полякъ, въ особенности потому, что ни одинъ турокъ не понималъ такъ хорошо духа нашей организаціи и ея значенія для Турціи, какъ онъ; человѣкъ добросовѣстный, почтенный, онъ уважалъ христіанъ и славянъ, берегъ солдатъ, умѣлъ покрывать ихъ ошибки и защитить ихъ предъ иностранцами, былъ настоящимъ посредникомъ между мусульманами и христіанами, и если бы нужно было создать мусульманина для христіанскаго войска, то лучшаго нельзя было бы выдумать. Его смерть была большимъ несчастіемъ для нашего войска, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для польскаго дѣла, ибо при его жизни не случилось бы того, что̀ произошло вскорѣ, и польско-славянскіе полки сослужили бы блистательно службу султану и польскому дѣлу.

Нѣсколько дней спустя умеръ въ страшныхъ мученіяхъ раненый поручикъ Масальскій.

LXXVIII.

Похороны офицеровъ.—Демонстрація, устроенная консулами.—Совѣщаніе у великаго визиря.—Гончія польской породы.—Бабій бунтъ въ Филиппополѣ.—Безпорядки въ драгунскихъ эскадронахъ, стоявшихъ въ Спріп.—Доносъ.

На похоронахъ Гаджи-Юсуфъ-бея присутствовали всѣ офицеры нашего полка, многія высшія должностныя лица вилайета, всѣ беи, мусульманское духовенство, чорбаджи-христіане и самые знатные евреи, такъ какъ у магометанъ покойный пользовался большимъ уваженіемъ,

какъ дервишъ и какъ строгій послѣдователь корана, а у лицъ другихъ исповѣданій, какъ человѣкъ въ высокой степени честный и справедливый. Но невольно бросилось въ глаза, что на похоронахъ не было никого изъ консуловъ, хотя существовалъ обычай, чтобы на похоронахъ такихъ выдающихся лицъ присутствовали консулы или ихъ представители.

Капитана Бродовскаго похоронили съ обычными воинскими почестями, но, кромѣ военныхъ, не было никого изъ постороннихъ, и хотя онъ былъ хорошо знакомъ съ консулами, но они также не пришли проводить его.

За то на похоронахъ поручика Масальскаго консулы устроили настоящую демонстрацію. Мнѣ дали знать, что надъ зданіями консульствъ приспущены флаги,—честь, отдаваемая только маршаламъ и адмираламъ,—что консулы, въ полной парадной формѣ, со свитою, намѣрены присутствовать при его погребеніи и что французскій и англійскій консулы уже прибыли въ госпиталь казацкаго полка, откуда должна была двинуться печальная процессія. Поручикъ Масальскій не былъ лично извѣстенъ консуламъ, слѣдовательно, ихъ присутствіе на похоронахъ христіанина, убитаго мусульманиномъ, было не что иное, какъ демонстрація противъ турокъ.

Со словъ жандармскаго полковника мнѣ было какъ нельзя лучше извѣстно, что казаки были чрезвычайно озлоблены по поводу смерти офицера, который пользовался ихъ любовью, и что нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ поддерживали это раздраженіе и обвиняли поручика Ломана въ томъ, что онъ не застрѣлилъ арнаута на мѣстѣ; меня также обвиняли въ томъ, что я отправилъ его въ конакъ, а не расправился съ нимъ самъ, и говорили, что мусульманинъ никогда не пострадаетъ за убійство гяура.

Но нашлись и такіе люди, которые возбуждали противъ меня мусульманъ, говоря, что я настаиваю на наказаніи арнаута, убившаго Масальскаго, и въ то же время защищаю Богдана, который убилъ мусульманина и агу.

Все это мнѣ было извѣстно какъ нельзя лучше, и потому надобно было дѣйствовать какъ можно осмотрительнѣе. Я сообщилъ вали-пашѣ о намѣреніи консуловъ и просилъ его послать полицейскаго, который сопровождалъ бы консуловъ на похоронахъ, и отрядъ жандармовъ для поддержанія порядка въ городѣ.

Вали-паша отказалъ мнѣ въ этомъ, велѣлъ запереть всѣхъ жандармовъ во дворѣ конака, приказалъ запереть ворота, чтобы никто изъ нихъ не могъ выѣхать, и отвѣтилъ мнѣ, что онъ ни во что не желаетъ вмѣшиваться и, что бы ни случилось, онъ возлагаетъ заранѣе всю отвѣтственность на меня.

На всѣхъ улицахъ толпились мусульмане. Я тотчасъ приказалъ тремъ эскадронамъ сѣсть на коней и стать шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицы, шедшей изъ госпиталя къ мосту черезъ Тунджу, и ни подъ какимъ видомъ не пропускать на улицу толпу, а самъ отправился въ госпиталь, гдѣ я засталъ дѣйствительно французскаго и англійскаго консуловъ, окруженныхъ цѣлою свитою офицеровъ, которые были чрезвычайно взволнованы и, не стѣсняясь, громко осуждали турецкіе законы. Поблагодаривъ консуловъ за ихъ сочувствіе къ нашему горю, я сказалъ имъ, что они оказываютъ намъ своей манифестаціею плохую услугу, такъ какъ мы служимъ турецкому монарху, который принялъ насъ, эмигрантовъ, въ свое подданство и въ свое войско, и поэтому мы обязаны соблюдать его законы и обычаи и не выказывать открыто своего неодобренія. Намъ повелѣваетъ это долгъ чести и признательности. Я говорилъ, какъ полякъ, которому было дорого польское имя, и какъ подданный султана, готовый скорѣе пожертвовать жизнью, нежели допустить повтореніе такихъ волненій, какія происходили въ Дамаскѣ, и особенно настаивалъ на нашемъ ненормальномъ положеніи, которое повелѣваетъ намъ болѣе, чѣмъ кому-либо другому, дѣйствовать осторожно.

Англійскій консулъ страшно обидѣлся и, по примѣру лорда Редклифа, началъ кричать, что я выгоняю консуловъ, защитниковъ христіанъ, друзей поляковъ.

Я отвѣчалъ, что ихъ не выгоняю, но что я буду радъ, если они уйдутъ, и буду имъ очень благодаренъ, если они прекратятъ эту манифестацію, которая можетъ причинить намъ много зла. Оба консула вышли со всею своей свитой, сказавъ мнѣ на прощанье, что они принимаютъ это за личное оскорбленіе.

Похороны прошли спокойно. Вернувшись домой, я тотчасъ написалъ обоимъ консуламъ и, объяснивъ имъ руководившія мною побужденія, присовокупилъ, что, такъ какъ они приняли мою просьбу за оскорбленіе съ моей стороны, то я готовъ дать имъ удовлетвореніе, какого они потребуютъ. Я послалъ письма съ моимъ адъютантомъ, поручикомъ Буржинскимъ. Вернувшись, онъ сказалъ мнѣ, что оба консула, посовѣтовавшись между собою, заявили ему, что они не могутъ имѣть дѣло со мною, какъ съ генераломъ Чайковскимъ или съ Садыкъ-пашою, командующимъ войскомъ въ Адріанополѣ, но что они считаютъ себя оскорбленными, какъ оффиціальные представители двухъ союзныхъ Высокой Портѣ державъ.

Они немедленно отправились къ вали, которому заявили, что я вызываю ихъ на дуэль, и просили его обезопасить ихъ, какъ оффиціальныхъ лицъ, отъ нападенія частнаго лица. Въ тотъ же вечеръ они подали вали ноту, въ которой изложили свою жалобу на меня, а въ ночь

отправили съ курьерами такого же содержанія ноты своимъ посламъ. Вали препроводилъ ноту великому визирю, безъ всякихъ объясненій, какъ простое сообщеніе. Я узналъ отъ полицейскаго инспектора Теодоровича, котораго вали задержалъ въ конакѣ, что онъ былъ до такой степени взволнованъ, что не только приказалъ раздать жандармамъ ружья, но велѣлъ запасти на нѣсколько дней съѣстныхъ припасовъ, какъ будто боясь, что его конакъ будетъ осажденъ и взятъ приступомъ.

Изъ разговоровъ тѣхъ лицъ, кои болѣе всего были виновны въ подстрекательствѣ консуловъ къ подачѣ жалобы на меня, я узналъ о посланныхъ ими нотахъ, при чемъ они дали мнѣ понять, что еще есть возможность вести переговоры и избѣжать непріятности и что для этого необходимо прибѣгнуть къ ихъ посредничеству. Я отвѣчалъ, что коль скоро ноты посланы, пусть это дѣло идетъ своимъ порядкомъ и разсматривается въ Стамбулѣ. Съ своей стороны я написалъ рапортъ сераскиру и послалъ его въ Стамбулъ, а копію съ него послалъ вали-пашѣ; онъ поступилъ съ нею точно такъ же, какъ съ консульскою нотой, и отослалъ ее безъ всякихъ объясненій великому визирю.

Нѣсколько дней спустя англійскій и французскій посланники пріѣхали на совѣщаніе къ великому визирю, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. На этомъ совѣщаніи присутствовалъ Мистезаръ, впослѣдствіи Галиль-Шерифъ-паша, человѣкъ высоко-образованный, говорившій прекрасно на иностранныхъ языкахъ и чрезвычайно радѣвшій о славѣ Турецкой имперіи.

Галиль-Шерифъ-паша былъ на моей сторонѣ. Такъ какъ въ дѣлѣ не были замѣшаны ни русскій, ни австрійскій консулъ, то Али-паша не былъ особенно встревоженъ и обвинилъ консуловъ въ несправедливости; а послы, узнавъ, какъ было дѣло, выразили имъ свое неодобреніе. Бѣдному вали-пашѣ также было поставлено въ вину, что онъ отнесся равнодушно къ дѣлу, которое могло имѣть такія непредвидѣнныя послѣдствія. Мнѣ же высказали одобреніе не только сераскиръ, но и самъ великій визирь, а Галиль-Шерифъ-паша прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ просилъ меня, при первой возможности, примириться съ консулами, говоря, что этотъ случай будетъ для нихъ хорошимъ урокомъ и они будутъ впредь осторожнѣе.

Нѣсколько дней спустя вали-паша пригласилъ къ обѣду меня и консуловъ; всѣ явились, кромѣ французскаго консула, который извинился, сославшись на болѣзнь. Англійскій консулъ предложилъ тостъ за мое здоровье, и миръ былъ заключенъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней они прислали мнѣ въ подарокъ пять борзыхъ; въ то же время изъ Филиппополя, куда дошла вѣсть объ одержанной мною побѣдѣ, я получилъ двухъ гончихъ. Богатый

помѣщикъ Гіорданъ, бывшій въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ англійскимъ консуломъ, услыхавъ о случившемся и зная, что я былъ страстный охотникъ, также прислалъ мнѣ двѣ гончихъ, польской породы.

Существуетъ преданіе, что поляки, выписанные изъ Подоліи для обработки риса на болотахъ въ окрестностяхъ Филиппополя, привезли съ собой польскихъ гончихъ, и эта порода сохранилась тамъ до настоящаго времени и составляетъ доходъ павликіанъ и помаковъ, которые разводятъ этихъ собакъ и продаютъ ихъ цѣлыми сворами въ Вѣну и Буда-Пештъ, въ псарню императора австрійскаго и венгерскихъ магнатовъ. Эти собаки пользуются въ Австро-Венгріи большою славой, ибо, будучи перевезены въ другое мѣсто, онѣ вырождаются во второмъ поколѣніи, оставаясь же на мѣстѣ, сохраняютъ красоту и прелесть своей породы. Отцы-капуцины также занимаются разведеніемъ этихъ собакъ и отсылаютъ ихъ въ Италію; въ прошломъ году они послали двѣнадцать своръ королю Виктору-Эммануилу.

Однажды ночью меня разбудили и потребовали на совѣтъ къ вали-пашѣ. Я засталъ у него дефтердаря, кади, муфтія, беевъ, улемовъ, греческаго архіепископа, еврейскаго шакамъ-баши и англійскаго консула. Вали-паша сообщилъ мнѣ, что въ Филиппополѣ бунтъ, о которомъ онъ узналъ изъ телеграммы и изъ письма, присланнаго съ однимъ татариномъ. Жандармы были побиты и разогнаны бабами, жандармскій маіоръ раненъ, мутезарифъ бѣжалъ изъ города такъ же точно, какъ и мѣстные беи; вали потребовалъ, чтобы для усмиренія этого бунта я послалъ немедленно отрядъ войска.

Но курьеръ, привезшій письмо вали-пашѣ, привезъ и мнѣ рапортъ отъ капитана Заборскаго, находившагося въ Филиппополѣ, куда онъ ѣздилъ за получкой для полка денегъ. Онъ донесъ мнѣ, что мутезарифъ самовольно продалъ сельскій выгонъ двумъ мѣстнымъ богачамъ, которые посѣяли на немъ хлѣбъ, такъ что крестьянамъ негдѣ было пасти скотъ, вслѣдствіе чего среди нихъ возникло неудовольствіе, и они придумали слѣдующую удивительную штуку: всѣ мужчины заперлись въ своихъ домахъ, а бабы и дѣвушки, вооружившись саблями, выгнали скотъ на пашню. Командовавшій жандармеріей маіоръ Веба-эфенди, взявъ съ собою сто конныхъ и двѣсти пѣшихъ заптіевъ, или жандармовъ, отправился съ ними водворять порядокъ. Увидавъ собравшихся бабъ, онъ двинулъ на нихъ кавалерію; но былъ сброшенъ бабами съ лошади и такъ избитъ, что ему сломали два ребра; двое заптіевъ было убито, болѣе двадцати тяжело ранено; остальные, бывшіе верхами, ускакали. Пѣхота открыла огонь; двѣ бабы были ранены; тогда онѣ бросились на солдатъ съ палками, разсѣяли весь отрядъ и заставили его обратиться въ постыдное бѣгство.

Прочитавъ донесеніе, я сказалъ шутя англійскому консулу, что для

усмиренія бунта лучше всего было бы послать полковыхъ дамъ казацкаго и драгунскаго полка, съ пани Залѣсской во главѣ, какъ дочерью полковника, павшаго подъ Ватерлоо, которая съумѣетъ постоять за себя.

Вали-пашѣ я заявилъ, что войско готово и что я самъ готовъ вести его, но не будетъ-ли это слишкомъ много; по моему мнѣнію, не слѣдовало торопиться, а, двинувъ войско къ Филиппополю, лучше всего было бы послать Али-бея съ отрядомъ жандармовъ, чтобы онъ собралъ разбѣжавшихся солдатъ и далъ знать, что̀ тамъ дѣлается, ибо мнѣ казалось, что бунтъ долженъ быть оконченъ, и всѣ стали бы смѣяться, если бы муширъ и ферикъ двинулись съ войсками противъ бабъ, а тѣмъ болѣе, если бы мы нашли ихъ не съ палками и оружіемъ въ рукахъ, а сидящими спокойно за прялками. Остальные присоединились къ моему мнѣнію. Али-бей отправился въ Филиппополь, но не нашелъ ни одной женщины въ полѣ. За раненымъ маіоромъ Веба-эфендіемъ и за ранеными заптіями ухаживали тѣ самыя бабы, которыя ихъ побили; убитые были уже похоронены по мусульманскому обряду, заптіи и мутезарифъ вернулись въ городъ.

Али-бей могъ сказать, какъ Цезарь: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Такъ окончился филиппопольскій бунтъ.

На допросѣ мужья и отцы этихъ воинственныхъ женщинъ показали, что они ни въ чемъ не виноваты, что они не давали женщинамъ никакихъ совѣтовъ, не учили ихъ владѣть оружіемъ, такъ какъ они сами не любятъ войны, а предпочитаютъ жить спокойно, и что воинствующій духъ укоренился въ ихъ женщинахъ съ 1855 г., когда Кара Фатьма, доблестная воительница Курдистана, по отступленіи русскихъ изъ Силистріи, зимовала со своими башибузуками въ Филиппополѣ, научила женщинъ бороться съ врагами и даже съ ихъ мужьями, и съ тѣхъ поръ онѣ превзошли заптіевъ храбростью и воинственностью даже готовы поступить въ ряды войска.

Въ драгунскихъ эскадронахъ, стоявшихъ въ Сиріи и коими командовалъ полковникъ Туфанъ-бей (Госциминскій), царствовалъ такой безпорядокъ, что у нихъ пала треть лошадей, и они не могли пополнить эту убыль. Небрежность доходила до того, что на укомплектованіе двухъ эскадроновъ, численность которыхъ не могла превышать 320 человѣкъ, потребовали 180 человѣкъ изъ казацкаго и драгунскаго полковъ, стоявшихъ въ Адріанополѣ.

Я долженъ былъ послать ихъ, но я не могъ не порицать подобнаго отношенія къ дѣлу и того, что командиръ полка, причинивъ казнѣ такой большой убытокъ, даже не постарался пополнить его мѣстными средствами; но, разумѣется, возмущаться было напрасно, ибо эти господа не сознавали, что казацкая и драгунская организація составляли сокровище поляковъ и что ее надобно было беречь, какъ зѣницу ока.

Было ясно, что эти господа служили только для того, чтобы получать жалованье и жить со дня на день, безъ труда.

Маіоръ Мурадъ (Ланцкоронскій) самъ предложилъ отвезти въ Константинополь этихъ 180 человѣкъ и сдать ихъ въ военное министерство. Нѣсколько дней спустя адъютантъ маіоръ Канелли, взявъ отпускъ, также уѣхалъ въ Константинополь. Здѣсь они встрѣтились съ подполковникомъ Фарнези, Лизикевичемъ и Ковалевскимъ и, какъ я понялъ впослѣдствіи, они обсуждали тамъ, вѣроятно, планъ дѣйствій, который долженъ былъ доставить имъ чины, деньги и положеніе, ибо въ скоромъ времени я получилъ отъ сераскира-паши письмо слѣдующаго содержанія:

«Изъ полка вашего превосходительства получены нами свѣдѣнія, что, вопреки желанію состоящихъ подъ вашею командою офицеровъ, вы запрещаете имъ обучать команду турецкому языку, но основали полковую школу, коею завѣдываетъ вашъ сынъ и въ которой обучаютъ польскому языку не только болгаръ и прочихъ славянъ, но даже самихъ турокъ, однимъ словомъ, что вы стараетесь ополячить турецкое войско. Если все это вѣрно, то я прошу ваше превосходительство прекратить это, ибо подобный образъ дѣйствій можетъ имѣть самыя прискорбныя послѣдствія какъ для васъ, такъ и для турецкаго правительства».

Было совершенно ясно, что на меня былъ сдѣланъ доносъ, притомъ самими офицерами.

Приказавъ перевести письмо сераскира на польскій языкъ, я велѣлъ напечатать его въ дневномъ приказѣ по полку и вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ моему младшему сыну, который былъ адъютантомъ при султанѣ, чтобы онъ разузналъ, откуда шелъ доносъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ тотчасъ, что сераскиръ узналъ объ этомъ отъ моихъ офицеровъ; тогда я пригласилъ къ себѣ моего адъютанта маіора Канелли и показалъ ему отвѣтъ, полученный мною отъ сына. Онъ смутился, но клялся и божился, что ему ничего неизвѣстно. Я сказалъ на это:

— Я также не подозрѣваю васъ, ибо въ противномъ случаѣ я бы не дозволилъ вамъ переступить порога моего дома; я только хотѣлъ показать вамъ это письмо; вы полякъ, и васъ это должно волновать такъ же точно, какъ меня.

Нѣсколько дней спустя Канелли принесъ мнѣ письмо отъ своего тестя, въ которомъ тотъ старался снять съ него всякое подозрѣніе, но впослѣдствіи я узналъ достовѣрно, что на меня донесли Георгіевичи по просьбѣ офицеровъ, собравшихся въ Константинополѣ.

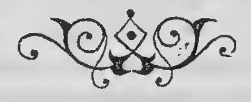
(Продолженіе слѣдуетъ).

Передача въ придворную библіотеку книги: «Императоръ Всероссійскій и Бонапарте».

Письмо князя А. Н. Голицына графу Ник. Александр. Толстому.

11-го сентября 1814 г.

Его величество высочайше повелѣлъ препроводить къ вашему сіятельству для внесенія въ придворную библіотеку прилагаемые у сего два экземпляра сочиненія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Уварова, одинъ на французскомъ, а другой на русскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Императоръ Всероссійскій и Бонапарте». Изданіе текущаго 1814 года.

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1904 г.

ТОМЪ СТО ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія. СТРАН.

Портреты.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

Библіографическій листокъ.

1. Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Изданъ подъ редакціею В. А. Бильбасова. Т. IX и X. Спб. 1903 г. (на оберткѣ апрѣльской книги).

2. Исторія Петра Великаго С. А. Чистякова. Изданіе товарищества М. О. Вольфа (тамъ же).

3. С. Н. Кологривовъ. Государева большая шкатула. Спб. 1903 г.—Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ майской книжки).

4. П. Шиловскій. Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. Спб. 1903 г.—Его же (тамъ же).

5. „Восемнадцатый вѣкъ". Историческій сборникъ, издаваемый по бумагамъ фамильнаго архива почетнымъ членомъ Археологическаго института, княземъ Θедоромъ Алексѣевичемъ Куракинымъ, подъ редакціею В. Н. Смольянинова. Томъ первый 1904 г.—Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ іюньской книги).

6. Харьковскій университетскій сборникъ въ память В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя.—Его же (тамъ же).

